

ОДЕССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

*Дом
князя Гагарина*

Сборник научных статей и публикаций

Выпуск 7

Одесса • 2016

ББК 83.3(4Ук-4Оде-2Оде)Л6
Д 66
УДК 069.02:82(477.74—21)

Д 66 **Дім князя Гагаріна:** Збірник наукових статей і публікацій /
Одеський літературний музей. — Вип. 7. — Одеса, 2016. — 440 с.:
ілюстр.

ISBN

Українською та російською мовами

У збірнику представлені роботи з історії літературного життя Одеси: перші публікації рукописів українських та російських письменників XIX–XX ст., матеріали до біографій діячів культури, опис раритетних експонатів з фондів Одеського літературного музею.

Сборник содержит работы по истории литературной жизни Одессы: первые публикации рукописей украинских и русских писателей XIX–XX вв., материалы к биографиям деятелей культуры, описание раритетных экспонатов из фондов Одесского литературного музея.

Книга издана при содействии

С. Р. Гриневецкого

Редакционная коллегия:

Липтуга Татьяна Ивановна, директор ОЛМ

*Семькина Галина Георгиевна, заведующая отделом
научно-исследовательской и экспозиционной работы ОЛМ*

*Яворская Алена Леонидовна, заместитель директора ОЛМ
по научной работе*

Иллюстрации, кроме особо оговоренных, из фондов ОЛМ

ISBN

© Одеський літературний музей, 2016

Памяти Сергея Зеноновича Луцка

*А дом князя Гагарина!
Тот дом, в котором открыл
свою деятельность одесский
Литературно-художественный
клуб!*

А. М. Дерибас

Содержание

С.Р. Гриневецкий. Приветственное слово	7
Е.М. Голубовский. Предисловие	9

Статьи

Т.І. Ліптуга. «А в Одесі добре жити...». Народні пісні про Одесу	15
Г.Г. Семькина. «Письмо к господину N. N. об Одессе» Одесские очерки П. П. Свиньина	23
А.И. Божко. «Совсем как птица был я всю жизнь» Рукописи И.А. Бунина в фондах ОЛМ	60
О.Д. Кашуба-Вольвач. Час пробудження	78
О.Д. Кашуба-Вольвач, О.Л. Яворська. Українська Академія мистецтва у спогадах Михайла Жука	89
Е.М. Голубовский. Первый! Но, увы, последний.	120
Н.Н. Панасенко. «...разведена, вступает во 2-й брак»	158
Р.Д. Тименчик. Opus magnum Петра Сторицына	162
О.И. Киянская, Д.М. Фельдман. Судьба и эпоха Якова Бельского	192
С.Н. Герасимова. К биографии Я.М. Бельского: новые данные из фонда личных дел Управления службы безопасности Украины в Одесской области	412
Г.В. Закипная. Рукопись об Ахматовой	418
Е.И. Ергеева. Марсель на берегу Черного моря	427

Публикации

<П.П. Свиньин>. «Письмо к господину N. N. об Одессе»	30
Рукописи И.А. Бунина (из фондов ОЛМ)	72
М. Жук. Українська Академія Мистецтва і Вища Художня Школа при ній	84
Михайло Жук. Київ. Академія мистецтва	91
Первый альманах Литературно-художественного кружка. Стихи	126
Петр Сторицын. Мои американские горы. Главы из книги	173
Яков Бельский. Избранные произведения	377
КОРОТКО ОБ АВТОРАХ	433
ИЗДАНИЯ ОДЕССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ и при участии музея	434

*Н*икто не станет спорить с тем, что стабильность – признак мастерства. Выпуски научного сборника Одесского литературного музея «Дом князя Гагарина» выходят в свет, если не с завидной регулярностью, то с завидным постоянством. Регулярность зависит от внешних событий, постоянство же характеризует увлечение делом, которому служат научные сотрудники музея. Непрестанный поиск новых имен и биографических подробностей, оценка литературы в контексте истории, публикации забытых, затерянных и вновь обретенных текстов, – всё это создало заслуженную репутацию изданию, которое читают, на которое ссылаются сегодня в самых разных уголках цивилизованного мира.

Кропотливая и неустанная работа ученых музея представляется мне совершенно необходимой, поскольку история, в том

числе история литературы и искусства, не терпит забвения и жестоко мстит тем, кто старается ее исказить или позабыть. Именно поэтому я многие годы поддерживаю такую работу.

Седьмой выпуск «Дома князя Гагарина» посвящен памяти выдающегося краеведа, исследователя, хрониста Сергея Зеноновича Лущика, чей вклад в краеведение бесценен, как бесценен и архив М. Жука, спасенный краеведом Лущиком и приобретенный нами у него для фондов музея.

Содержание сборника демонстрирует нам широту научных интересов его исследователей среди которых – прямые ученики Сергея Зеноновича, авторы сборника – А. Яворская и Н. Панасенко, а также Т. Липтуга, О. Киянская, Д. Фельдман, С. Герасимова, Е. Кашуба-Вольвач и многие другие.

Желаю Одесскому литературному музею новых свершений в исследованиях и открытиях, маленьких и больших побед над забвением. Блеск мысли пронизывает тьму времен, освещая не только прошлое, но и современность. В этом видится залог будущего.

С.Р. Гриневецкий

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одесский литературный музей – явление уникальное. Существовали и существуют мемориальные музеи писателей: музеи-квартиры, музеи-дома, музеи-поместья. Музеи, посвященные литературе той или другой страны. Но литература одного города? Город в литературе?

Помню, как непросто было убедить советских чиновников в необходимости такого музея. Как важно было доказать, что город, где была создана литературная школа, где развивалась, взаимодействуя, русская и украинская, еврейская и болгарская, греческая и итальянская культурные традиции, уникален. И заслужил право иметь свой Литературный музей.

Уникальность музея стала залогом многогранности научных сборников «Дом князя Гагарина». В них литературоведение соприкасается с краеведением, создавая новый жанр литературного краеведения, интересного и специалистам-филологам, и музейщикам, и широкому читателю, любящему свою «малую родину».

На моей полке стоят предыдущие шесть выпусков «Дома князя Гагарина». И, естественно, как честь воспринял предложение прочитать первым выходящий седьмой выпуск и написать к нему предисловие.

По сути, можно было бы написать статью почти о каждой публикации этого тома, но это было бы несправедливо по отношению ко всем другим авторам-исследователям. И поэтому, вслед за профессорами Марком Соколянским и Валентиной Силантьевой, авторами предисловий к предыдущим выпускам сборника, использую форму обзора, дающую возможность размышлять о каждой публикации.

Открывает сборник статья директора музея Татьяны Липтуги «А в Одессе добре жити» (Народні пісні про Одесу). Уверен, не потому, что Татьяна Ивановна Липтуга – директор Одесского литературного музея, а из-за того, что фольклор, фольклорное восприятие города предшествовало его литературе.

Когда-то, в 90-годы прошлого века, готовя к переизданию книгу Доротей Атлас «Старая Одесса», я впервые прочитал в ней главу, посвященную чумацким песням об Одессе, бытовавшим в Украине. У Татьяны Липтуги оказались более широкие возможности. Весь первый зал музея вводит зрителя, а значит и читателя, в фольклор причерноморских степей. Но особое место в изучении народных песен про Одессу принадлежит профессору Новороссийского университета Алексею Ивановичу Маркевичу (1847-1903), написавшему вначале статью «Одесса в народной поэзии», а затем дважды, дополняя и перерабатывая ее, издавшему отдельной книжкой в 1888-м и 1894 году.

Опираясь на труды А.Маркевича, изучив все приложенные к его статьям стихотворные тексты, переопубликовав наиболее выразительные из них в музейном сборнике, Т.И. Липтуга показывает, как воспринимали чумаки, а затем первые жители, новый город. С Одессой были связаны и надежда, и определенный страх. И всё же строка, вынесенная автором в заголовок, была определяющей в мироощущении: «А в Одесі добре жити».

Кстати, мне когда-то попался обзор одесских песен, сложенных еврейской беднотой. Та же дилемма: город привлекает хорошей жизнью и пугает потерей нравственности. Народное восприятие, оказывается, было сходным.

Исследовательская статья Галины Семькиной «Письмо к господину NN об Одессе» (одесские очерки П.П. Свиньина) переносят нас уже в Одессу первых тридцати лет ее существования.

Подчеркиваю, статья – исследование. Автору в журнале «Сын Отечества» за 1817 год попался на глаза очерк, датированный 1816 годом, опубликованный без подписи. И тут начинается литературоведческий детектив. Кто из столичных литераторов был в Одессе в 1816 году? Удастся выяснить – поэт А.Ф. Воейков. Поднимает Галина Семькина все, что опубликовал поэт, находит его замечательные, не попадающие в современные хрестоматии, стихи об Одессе. Вроде бы он мог быть автором очерка. Но маршрут путешествия Воейкова не совпадает с маршрутом поездки неизвестного автора. Значит, поиск следует продолжить.

Помогла профессиональная память. Г. Семькина вспомнила, что в журнале «Отечественные записки» за 1825 год читала очерк П.П. Свиньина «Взгляд на Одессу», где анекдот о чуме, еще несколько деталей совпадают с тем, что опубликовано было и в 1817 году.

Изучается биография П.П. Свиньина. Дипломат, работавший в Америке и Германии, вернувшись в Россию, был послан описать Бессарабию. В Одессу прибывает в 1816 году. Его очаровывает молодой город. Следующий приезд в 1825 году уже как частного лица, как редактора «Отечественных записок». И тут возникает второй очерк об Одессе, действительно написанный той же рукой, уже подписанный автором, и сомнения уже не возникают.

П.П. Свиньин написал и третий очерк «Одесса» для книги, изданной в Петербурге в 1839 году. Но третий раз он сам в Одессе не был, хоть следил за тем, что пишут о молодом городе другие. В частности, высоко ценил одесскую главу «Евгения Онегина» А.С.Пушкина и привел из нее несколько строф.

Сегодня у любителей истории нашего города появиться возможность и самим по публикации Галины Семькиной прочесть первые два очерка П.П. Свиньина, самим стать читателями «детектива», возвратившему анонимному тексту имя автора.

А теперь перенесемся и в Одессу конца 19-го века. И сделаем это с помощью Анны Божко, выступившей в «Доме князя Гагарина» с очерком «Совсем как птица был я всю жизнь» (рукописи И.А. Бунина в фондах ОЛМ).

Всю свою жизнь Иван Бунин, один из великих русских писателей, первый русский лауреат Нобелевской премии по литературе, провел в скитаниях, в странствиях. В Одессу он приезжал более 30(!) раз. Впервые 9 июля 1896 года, тогда он жил на даче у писателя А. Федорова, в последний раз – в 1918 году, когда вместе с художником П. Нилусом прожил в доме художника Е. Буковецкого на Княжеской, 27, два года. Оттуда и бежал в эмиграцию.

Одесса для И.А. Бунина – это и влюбленность, женитьба на Анне Цакни, это трогательная дружба с южнорусскими художниками, это замечательные рассказы, такие, как «Галя Ганская», и трагический дневник «Окаянные дни».

Анна Божко не только публикует ряд записок, писем, открыток Бунина – к П. Нилусу, А. Федорову, но и вводит в атмосферу жизни бунинских друзей – художников, писателей, создает литературный портрет И.А. Бунина на фоне сложной, порой трагической эпохи.

Важно и то, что Анна Божко с благодарностью называет дарителей этих документов – В. Оплачко, А. Бабореко, Советский фонд культуры.

Две последующие публикации в этом обзоре я решил объединить. Они связаны и тематически, и общим героем, и авторами. Речь идет о публикации Елены Кашуба-Вольвач «Час пробуждения» и совместной публикации Елены Кашуба-Вольвач и Алены Яворской «Українська Академія мистецтва у спогадах Михайла Жука».

Вроде бы возникновение в 1917 году Украинской Академии искусств – не факт региональной истории, но, если вдуматься, какую роль сыграл в ее создании Михаил Жук – выдающийся украинский художник, поэт и прозаик, то станет понятным появление этих двух публикаций в одесском сборнике. Творчество Михаила Жука уже давно интересует одесских исследователей, художников, коллекционеров. Публикации С. Луцкича и С. Шевелева, выставка из коллекций Т. Максимюка и В. Лесничего, приобретение Одесским литературным музеем литературного архива М.Жука – всё это замечательные предпосылки для глубокого исследования его наследия, публикации его архива.

И в этом процессе протянули друг другу руки искусствовед Елена Кашуба-Вольвач из Киева и заместитель директора ОЛМ по научной части Алена Яворская. В киевской газете «Нова Рада» за 22 июля 1917 года Е. Кашуба-Вольвач обнаружила статью М. Жука, ставшую еще одним доводом в пользу создания Академии. А в рукописном архиве М.Жука Алена Яворская нашла воспоминания о работе Академии, помогающие уточнить ряд эпизодов ее существования, так как, увы, многие документы не сохранились.

Обе публикации замечательно иллюстрированы и тщательно прокомментированы. Кстати, большое внимание к комментариям отличает все материалы сборника.

Не буду оценивать свою собственную публикацию «Первого альманаха литературно-художественного кружка». Рад, что читатели познакомятся со стихами В. Катаева, Ю. Олеси, З. Шишовой. И мне кажется важным, что к мемуарным источникам об одесской «Зеленой лампе» удалось добавить воспоминания Петра Ершова, опубликованные им в эмиграции, в США.

Деталям биографии Серафимы Суок, жены Ю. Олеси, затем В. Нарбута, потом В. Шкловского посвятила свое документальное исследование «Разведена и вступает во второй брак...» Наталья Панасенко.

Сестры Суок – Лидия, Серафима, Ольга – музы одесских литераторов Багрицкого, Олеси, Нарбута. О них написано немало, но чаще в художественной литературе, в мемуарах, и сведения, изложенные там, требуют уточнений, проверки.

И вот в архиве Наталья Панасенко решает проверить одну из легенд. И подтвердила блестящую память Валентина Петровича Катаева, который писал, что в 1921 году Дружочек ушла от Ключика и вышла замуж за состоятельного Мака, от которого и привел ее Катаев к Ключику (Олеше). Шутка? Теперь это документально подтверждено: 26 февраля 1921 года Серафима Суок, 20 лет, вышла во второй раз замуж за Михаила Афанасьевича Кищенко (вот вам и МАК), жившего на Херсонской, 52. Более того, исследователь обнаружила в архиве еще одно брачное свидетельство – 1 августа 1922 года Серафима Суок вновь почему-то во второй раз регистрирует брак с Владимиром Нарбутом, жившим на Гоголя, 13.

Небольшое документальное исследование, дающее возможность написать то ли комедию нравов, то ли шекспировскую трагедию.

Представлять филолога, литературоведа Романа Тименчика нет нужды. Один из крупнейших исследователей, знатоков культуры Серебряного века, профессор Иерусалимского университета, он нередко в своей работе обращается к одесским сюжетам. В этот раз внимание Р. Тименчика привлек один из интереснейших персонажей литературной Одессы предреволюционного периода Петр Сторицын. Вроде бы и писали о нем и Александр Розенбойм, и Сергей Лущик, и Алена Яворская, и я писал. Но только Роман Тименчик не только нашел еще неопубликованные воспоминания о П. Сторицыне, важнее другое – он публикует в сборнике главы из его книги «Мои американские горки», и среди них – «Как Эдя умирал» – описание последних дней жизни Эдуарда Багрицкого.

Когда-то этот текст Петр Сторицын показал поэту Михаилу Кузмину, тот рекомендовал его в сборник памяти Багрицкого. Но тогда в книгу очерк Сторицына не взяли. Лидия Густавовна Суок, готовя в 60-е годы сборник воспоминаний о Багрицком, нашла этот текст, но, к сожалению, сильно «отредактировала» его. И вот впервые мы сможем прочитать без правок воспоминания Петра Сторицына, человека, который дружил с Багрицким с 1914 по 1917 год. Дружба была крепкой настолько, что злые языки говорили, мол, все стихи Сторицына написаны Багрицким. Так это или не так, мы не знаем и сегодня. Но прочли тексты, безусловно принадлежащие Петру Сторицыну, ощутили талант его как рассказчика.

Так что теперь, благодаря поискам Романа Тименчика, почти мифическая фигура Петра Сторицына обретает плоть и кровь.

В «Доме князя Гагарина» материалы представлены в разных жанрах – литературоведческий детектив, творческий портрет, статьи. И вот встреча еще с одним жанром или, точнее, формой – монографией. Именно монографическим исследованием представляется мне работа Оксаны Киянской и Давида Фельдмана «Судьба и эпоха Якова Бельского».

В 60-х годах, в «Комсомольской искре» я готовил страницу, посвященную Эдуарду Багрицкому. Среди редких фотографий мне попался снимок, где сидели Багрицкий, Катаев и некто Бельский. «Это фото нельзя публиковать, – чуть ли не шепотом сказал мне Саша Розенбойм. – Бельский расстрелян и почему-то еще не реабилитирован». Еще через год или два я публиковал стихи Багрицкого из николаевской газеты, остававшиеся неизвестными широкому читателю. И тогда узнал, что возглавлял газету тот же Бельский. Это он пригласил Багрицкого в Николаев, где поэт провел чуть ли не полгода, успев там даже жениться. Но главное – я узнал, что, хотя Бельский не реабилитирован, но его имя можно упоминать. И только упоминали до тех пор, пока личность Якова Бельского не заинтересовала Оксану Киянскую и Давида Фельдмана.

Биография Якова Бельского – художника и литератора – могла бы стать основой детективного романа. Но исследователям было важно показать не только судьбу человека, но и эпоху, калечившую судьбы людей, вернуть не только доброе имя литератора, спасшего, вытащившего из ЧК Валентина Катаева, но и познакомить читателя с его творчеством, напрочь забытым сегодня.

Мне представляется, что с этой задачей они справились блестяще.

Седьмой выпуск «Дома князя Гагарина» подходит к концу. Я уже прочитал более 400 страниц, а с книгой не хочется расставаться.

Заведующая отделом музея Галина Закипная предлагает этюд об одном экспонате ОЛМ – рукописи воспоминаний Корнея Чуковского об Анне Ахматовой.

Корней Иванович написал эти заметки 27 июня 1966 года. Это было через четыре дня после дня рождения Анны Андреевны. Первый день рождения без нее. В тот же день его литсекретарь К.Я. Лозовская набрала текст на машинке. Чуковский сверил текст и... выбросил исписанные листы в корзину. Так бы эта рукопись и исчезла, если бы в гостях, в Переделкино, не сидел биограф К.И. Чуковского Мирон Петровский. Он не поленился, полез в корзину, вытащил смятые листки и попросил Корнея Ивановича ему их подарить.

Прошли годы, и одессит по рождению, детству, Мирон Петровский подарит эту рукопись Корнея Чуковского Одесскому литературному музею.

Есть ли в ней отличия, дополнения к тому, что опубликовано в книге воспоминаний писателя? Да, есть. Не буду пересказывать статью Г. Закипной, она не просто интересна, она любовно и хорошо написана. С любовью к Ахматовой, к Чуковскому, к своему музею, где хранится, выставляется эта рукопись.

Просто подумал, что так может, должна возникнуть серия музейных книг под общей рубрикой – история музейного экспоната.

Завершает сборник статья Екатерины Ергеевой «Марсель на берегу Черного моря». Это уже сегодняшний день, это рассказ о связях городов-побратимов Одессы и Марселя, о выставке, подготовленной Одессой для Марселя, куда вошли и экспонаты Одесского литературного музея.

Так, в одной книге, в одном сборнике перед нами прошли 222 года одесской истории. Последовательность статей в сборнике – это отражение хронологии – от фольклорной до сегодняшнего дня, и это тоже уважение к читателю, своеобразная лоция для него

Каждый музей должен хранить артефакты. Это очень важно, но только этого мало. Каждый музей должен изучать, исследовать те богатства, что сохраняет. Но и этого мало. Хороший музей должен умело и интересно популяризировать то, что хранит, то, что изучает.

Сборник «Дом князя Гагарина свидетельствует, что и с этой задачей музей справляется достойно. Уверен, и этот, седьмой, выпуск найдет своего читателя. Более того, побудит к поиску рукописей, документов, фотографий. Как справедливо заметила Галина Закипная, «рукописи не горят, если они хранятся в музеях».

Думаю, этот призыв музейщиков к пополнению фондов будет услышан.

Евгений Голубовский

«А в Одесі добре жити...»

Народні пісні про Одесу

Одеса – місто, яке відоме на весь світ, про яке писали українською, російською, французькою, німецькою, англійською, італійською, німецькою та багатьма іншими мовами.

У XIX сторіччі про місто писали мандрівники та приїжджі, у XX – народилася своя, славнозвісна одеська літературна школа.

Але перш, ще до романів, оповідань, віршів, були народні пісні.

Саме чумаки, везучи з Одеси сіль та до Одеси пшеницю, співали про дивне місто, де легко розбагатіти – та легко й зубожіти. Народна творчість кінця XVIII–початку XIX сторіччя стала основою, предтечею того бурхливого літературного процесу, що почався в Одесі та зробив її літературним містом світового значення.

Перша зала експозиції Одеського літературного музею має неофіційну назву «фольклорна». У вітринах представлені збірки українських пісень: Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем. Ч. 1. – М., 1834.

Народные южнорусские песни. – К., 1854.

Чумацкие народные песни И.Я. Рудченка. – К., 1874.

Исторические песни малорусского народа с объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. – К., 1874.

Експонуються ноти та текст пісні «Ой! Чумаче, Чумаче...», записаної під Брусиловом:

Ой! Чумаче, Чумаче,
Чом не сієш, не ореш?
Чом не рано з Криму йдеш,
Всіх Чумаків не ведеш?

– Ой! я сію і ору, –
Ой! я сію і ору, –
Ой! я рано с Криму йду,
Всіх Чумаків веду;

Тільки нема ідного –
Брата мого рідного:
Він зостався у Криму
Брати солі на вагу.

Зробила ся причина,
Сіль головку прибила.
Шукав його, не знайшов
Запруг воли та й пішов!

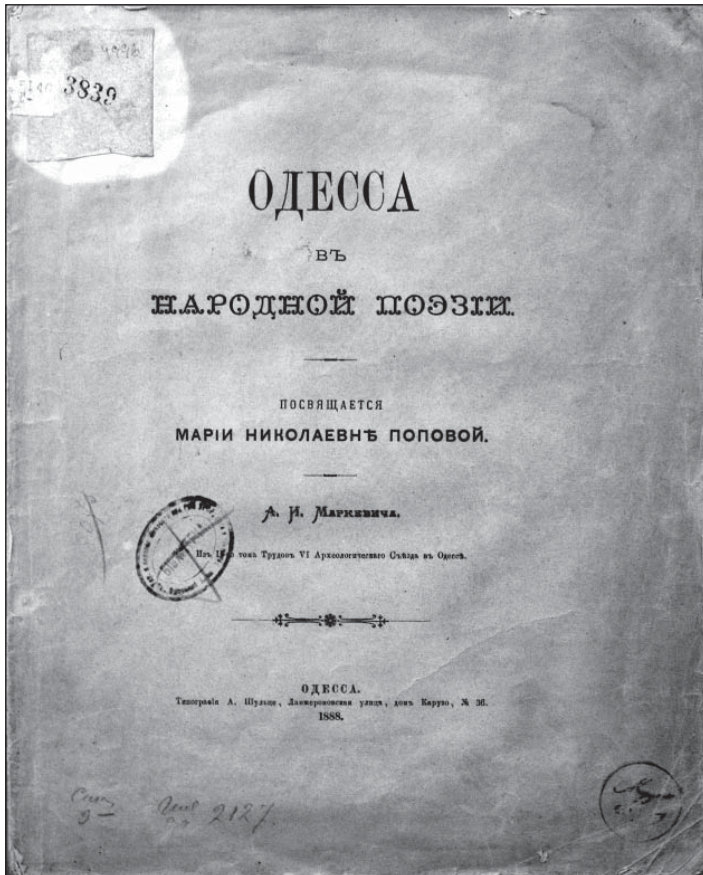
– Отамане, батьку наш! –
Порадь же ти добре нас:
Що ми маєм робити? –
Нічим конів кормити! –

– Косіть, хлопці, лободу,
Привикайте на біду;
Косіть, хлопці, отаву,
Пасіть коні на славу!

Косіть, хлопці, митлицю,
Накривайте пшеницю;
Косіть, хлопці, осоку,
Пасіть коні до смаку!

Косіть, хлопці, та овес,
Та поїдемо у Адес;
А в Адесах рідна мать
Не дасть же нам загинать

У окремій вітрині експонується книга «Одеса в народній поезії».

У 1884 р. в Одесі відбувся VI Археологічний з'їзд, що тривав з 15 серпня по 1 вересня. У одинадцятому томі праць з'їзду була надрукована стаття професора Новоросійського університету О.І. Маркевича «Одеса в народній поезії», яка згодом була видана окремою книгою.

Олексій Іванович Маркевич (1847-1903) був першим, хто зробив дослідження образу Одеси у народних піснях. Книга видана в Одесі 1888 р., з присвятою Марії Миколаївні Поповій. У 1894 році книга вийшла другим виданням, вже без присвяти.

З його розвідки постає цікавий, суперечливий образ міста, яке у народі називали по-різному: Одеса, Одес, Одест, Адес, Гадест, Адест, Адеста, навіть у множині – Адести¹.

Пісні про неї співали і на Правобережній і на Лівобережній Україні (Маркевич згадує запис пісні про Одесу у Галичині).

Місто приваблює можливість іншого, легшого життя:

В кого жінка, в кого діти	А в Гадесі добре жити:
Тому в Польщі добре жити,	Є що їсти, пити.
А я жіночки не маю, –	Чорнявую дівчиноньку
Я в Одесі прогуляю! ²	За ручку водити. ⁴
А в Одесі добре жити —	Насіяли, наорали.
Мішком хліба не носити,	Нікому зібрати, –
На панщину не ходити,	Пішли наші чумаченьки
Подушного не платити:	У Гадес гуляти.. ⁵
Ні за плугом, ні з ралом —	
Називають мене паном! ³	

Наводить Маркевич і рядки з вже згадуваної пісні «Ой, чумаче, чумаче...»:

Косить, хлопці, та овес,
Та поїдем у Адес;
А в Адесах рідна мать
Не дасть же нам загинуть!⁶

У жартівливій пісні навіть поросся, яке мали приготувати на Великдень і вже зв'язали ланцюгом, всунули до зубів хрін і повели смалити, тікає рятуватись до Одеси:

Як сказав піп: Христос Воскрес!
Порвало поросся ланцюг увесь,
Втікло ж воно під Гадес,
Понесло в зубах хрін увесь.⁷

Але легке життя має зворотній бік:

І любила і кохала,
Покіль Одеса сприяла.
Тепер любить багатого,
Мене мина нещасного.

Ой, Одеса моя мила,
Що ж ти мені нарабила,
С хоз'яїна – п'яницею,
Гулякою, бурлакою...⁸

Або піду утоплюся,
Або де до хур наймуся:
Буду чужі воли гнати,
Бо хочу чумаковати!

І біс біду перебуде,
Одна згине, десять буде!
Бодай пани тії живи,
Що горальні построїли:

Як би не тая сивуха,
Давно згинув би, як муха!
Потиль буду її пити,
Як на світі буду жити!⁹

Зажурився козаченько,
Що й копійчки нема;
Сидить, лупає очима,
Як голодная сова.

Що в Одесі і в Черкесі
За сім років заробив;
А в Полтаві зробив славу –
За дві ярмарки пропив.

Ой, пив мед і горілку,
Ще й музики водив,
А нарешті дістлося,
Що в поліції сидів.

А в поліції відплатився
Та не кійми – кашуком,
А на решті довелося –
Пішов пішки, босяком.

– Проклятая горілонька,
До чого ти довела!
Збірив гроші, як пчола мед,
А шинкарка забрала!

Небезпека чатує на чумаків у дорозі: у піснях згадується смерть від чуми.

Гей, помер чумак, помер молоденький
У Гадесі на ринку;
Гей, везуть його, хлопця молодого,
Як ту зв'ялену рибку.¹⁰

Чумацькі пісні про Одесу на засланні згадає Т.Г. Шевченко. У його вірші «Ой не п'ються пива-меди...» є рядки:

Із Одеси преславної
Завезли чуму...

Шляхом до Одеси на чумаків чигає ще одна загроза. Маркевич наводить текст пісні:

У неділю рано, як сонечко сходить,
Ой щось наш отаман невеселий ходить.
Ой він ходить білі руки ломить
І словечка не промовить.
Гей, запрягайте ви сиві воли
Та поїдем до Одеси. –
Нові вози риплять, дорогою йдучі,
Сірі воли рогами махають. –
Гей, як проїдем к зеленому гаю,
То тут будем ночувати.
Із-за гаю, гаю, зеленого гаю,
Розбійничок виїзжає.
Ой, виїзжає, сивим конем грає,
До табору повертає.
Ов ви, хлопці, ви, добрі молодці,
Де ваш отаман?
Ой наш отаман сидить між новими,
На віз нахилився,
Слізеньками вмився:
Ой, через свою дурну волю
Пропадаю в чистому поліу.¹¹

Одеса має ще й репутацію міста розпусного, так, козак каже зведений ним дівчині, відмовляючись одружитися:

Тепер же ти ні дівка ні жінка,
Тепер тобі Адеська мандрівка.¹²

Але все ж переважає образ міста, де кожен може змінити долю на краще. Як казали на Україні про тих, хто збагатів чумацтвом: «Еге! Вони, мабуть, були в Одесі».

Згодом складають інші пісні, що описують життя міста.

Маркевич наводить три тексти. Цікаво, що після першої публікації, де було процитовано два куплеті з «Одес-город стоїть браво коло моря на горі...», він отримав листа від домовласника Тимофія Івановича Василенка, який на ствердження свого авторства прислав рукопис написаної ним у молодості пісні.¹³

Згодом знайшовся і автор слів пісні «Ой ходив я по Одесі...». Це був, за словами Маркевича, малоосвічений одеський міщанин Антон Лазаренко¹⁴.

Так склалися перші сторінки легенди про Одесу, місто, яке існує у двох вимірах – реальному та літературному.

Чумацьким та народним пісням про Одесу присвячена окрема стаття у книзі Доротії Атлас «Стара Одеса», їх записувала Дніпрова Чайка.

Дослідженням цієї теми присвячені статті сучасних істориків і краєзнавців Т. Гончарука, О. Губаря, В. Кушніра.

У статтях з тексту пісень переважно цитувались декілька рядків. Надаємо можливість ознайомитись з повним текстом пісень про Одесу з книги О. Маркевича.

Тексти пісень публікуються з максимальним збереженням особливостей оригіналу.

Пісні про Одесу

Ой ходив я по Одесі
Дівчат розглядати,
А тепер сюди прийшов,
Щоб вам розказати.
Будто що той дуже важне
В Одесі дівчата;
На котору сбоку взглянеш,
Як будто богата!
Всю неділю шие, миє,
Кістки собірає,
А в неділю дуже рано
Моди виставляє.
Як надіне свій турнюр,
Юбку з обручами,
Щоб їй було пристойніше
Гулять з паничами;
Намаже свої брови,
Як крильця ворони,

Намалює свою морду
Нехай Бог боронить!
Чимсь червоним
Намалює губи,
Которая щербатая
Ставить воск у зуби.
На голові рідних кіс
Тай давно чорт має,
То причепить конський хвіст,
Шпильками втикає;
А на ногах черевики
Вона позичає;
А як піде танцювать,
Ножку виставляє!
А як піде танцювать,
Тай подніме платъє,
Вмісто білої спідниці
Только висять шматъє.¹⁵

Пісня записана О. Маркевичем на Ближніх Млинах на початку 1890-х рр.

Ой у городі та Одесі
Новая луна:
Ой там же то дівчинонька
Дитя родила,
Та не пустила на віт Божий –
В морі втопила.
Ой рибалоньки тягли невід
З півночі до дня,
Та не піймали щуки риби –
Піймали линя;
Роздивились, розсмотрилися –
Малеє дитя!
Узяли дитя, узяли мале
На білі руки,
Понесли дитя, понесли мале
На казенний двір.

Ой, ударили, та ударили
В большой колокол;
Позови, позови, наш атамане,
Весь дівчачий кол.
Ой которая дівчинонька дитя родила,
Та не пустила на світ Божий –
В морі втопила?
В неділеньку та ранесеньку
Всі дзвони ревуть;
Ой тую ж дівчиноньку
Під наказ ведуть.
А за нею мати, а за нею стара
Плаче-ридає.
Ой не плач, мати, ой не плач, стара,
Бо в тебе ще п'ять,
Та не пускай їх на досвітки
По довгу гулять.¹⁶

Пісня записана О.Маркевичем у селі Дальник.

Одес-город стоїть браво
Коло моря на горі.
І наліво і направо
По вулицях ліхтарі.
Видко в ночі чумаку
Де сіна купити
І де модна на шляху
Волів напоїти.
Булку купити, рижків
Ночною порою.
Під Одесом чумаків
Валка йде з вагою.
За валкою фактора
Аж на вози лізуть,
Обступила жидова,
Щупом мішки ріжуть.
Йден – другому: гир-гир-гир!
Пробу паші взяли,
Тай в Кисельова трактир
Горілку пить стали.

Хлопці воли підпасли,
Осі підмастили,
Помаленьку запрягли,
Шляхом заскрипіли.
Одеса валку зустрічала
В щастливую пору,
А машина засвистала,
Дим піднявся в гору.
Женется машина паром,
Тягнуться вагони...
Видумали тай не даром
Кляті англичани.
Як такі машини будуть
По світу ходити,
Тоді чумаки не будуть
Пшениці возити.
І не будуть бідовати
В дощі під возами,
Будуть пашню продавати
На току мішками.

Гроші все одно возьмуть
Подушне платити.
Отак сидячі на возі
Хлопці міркували
А тим часом на привозі
На базарі стали.
Купці, фактора-жидки
Пашню закупили,
Добрі хлопці-чумаки
Гроші получили.
Взяли сала по куску,
Сухарів по троху,

На базарі на тичку
Пішли всі до льоху.
І под реньським чумаки
До ночі гуляли,
А як смеркло, хлопчаки
Воликів украли.
Ах лишенько! Ах біда!
А воли пропали,
Чумаки сюда, тудя –
Поминай, як звали!¹⁷

Примітки

- ¹ Маркевич А. Одесса в народной поэзии. – Одесса, 1894. – С. 7.
- ² Там же. – С. 8.
- ³ Там же. – С. 8.
- ⁴ Там же. – С. 11.
- ⁵ Там же. – С. 7.
- ⁶ Там же. – С. Маркевич цитує два останні рядки пісні.
- ⁷ Там же. – С. 11.
- ⁸ Там же. – С. 13.
- ⁹ Варіант пісні (без першого куплету) записала Дніпрова Чайка у с. Маячка, Дніпровського повіту.
- ¹⁰ Там же. – С. 13.
- ¹¹ Там же. – С. 8.
- ¹² Там же. – С. 9.
- ¹³ Там же. – С. 17–18; ДАОО. – Ф. 150. – Оп. 1. – Спр. 11. – Арк. 15.
- ¹⁴ Там же. – С. 18.
- ¹⁵ Там же. – С. 10.
- ¹⁶ Там же. – С. 10.
- ¹⁷ Там же. – С. 17–18.

«Письмо к господину N. N. об Одессе»

Одесские очерки П. П. Свинына

Одесса, основанная в 1794 году, уже в первые десятилетия своего существования стала предметом описания отечественных и зарубежных литераторов, в стихах и прозе выражавших удивление и восхищение быстротой ее роста и процветания. Казалось бы, все, написанное об Одессе, учтено и известно. Но случайный текст, найденный в одном из старинных журналов, показался мне ускользнувшим от внимания как ранних, так и более поздних исследователей истории нашего города.

Очерк «Письмо к господину N. N. об Одессе», неизвестного автора, датированный 30 октября 1816 года, был опубликован в журнале «Сын отечества» (1817. – Ч. 38. – №20–21). Журнал, основанный в 1812 году, выходил под редакцией Н. И. Греча. В первые годы издания в нем помещались материалы, посвященные войне 1812 года. Начиная с 1816 года, в журнале появляются литературные публикации талантливых авторов, в числе которых были и будущие декабристы.

Очерк о юной Одессе (городу исполнилось всего 22 года) был довольно объемным и едва ли не первым сочинением на одесскую тему, напечатанным в данном издании. Эта тема станет привычной для читателей отечественных журналов лишь в конце 1820-х годов, после появления в печати знаменитого пушкинского отрывка из «Путешествия Онегина»: «Я жил тогда в Одессе пыльной...»

Воспользовавшись популярной в литературе начала XIX века эпистолярной формой, безымянный автор очерка сообщает своему корреспонденту, что летом 1816 года совершил путешествие из Москвы в Крым, через Одессу, где, по его словам, остановился и жил достаточно долгое время, чтобы составить представление о мало кому еще известном городе («...об Одессе, в нынешнем положении сего города, мало знаем, или, по крайней мере, мне не удавалось ничего читать на нашем языке»).

«Письмо» начинается с информации об истории торговли на Черном море, почерпнутой из малоизвестных источников, затем следует рассказ об основании Одессы, ее нынешнем состоянии и о роли порта в развитии Одессы.

Город описан довольно живо: в очерке немало любопытных зарисовок с натуры, например, сцена в католической церкви со сбором пожертвований для бедных, подробное описание одесского карантина и строгих правил содержания в нем, эпизод с воспитанниками Благородного института на обеде у Военного губернатора и т. д.

Вперемежку с историческими и статистическими сведениями перед нами проходят живописные картины Старой Одессы, увиденные глазами современника. Вот описание нынешней Греческой улицы:

«...Тут видишь греческие лавки с турецкими материями, табаком, сахаром; русские лавки, где продаются сало, свечи, железо, гвозди и проч.; модные лавки с женскими уборами и галантерейными вещами, подле сбитень, квас, калачи и русские харчевни, в которых бородатые соотечественники наши распевают свои песни; напротив греческий кофейный дом, где важные физиономии сидят, поджавши ноги, и в молчании курят табак».

Или, к примеру, следующий отрывок, относящийся к Городскому саду:

«Публичный сад содержится в большой чистоте. Он невелик, но есть несколько густых аллей; есть уединенные беседки и палатки, где можно найти фрукты, мороженое и проч. На воротах сада прибито строгое предписание коменданта, чтобы не рвать плодов».

Завершается «Письмо» своеобразным интервью, взятом у одесского «почтенного чиновника», о трудностях, испытываемых молодым городом, и способах их преодоления.

Кто был автором «Письма»? Судя по содержанию и стилистике, это был человек дворянского происхождения, образованный, причастный к литературе.

Из известных литераторов, посетивших Одессу в 1816 году, можно назвать поэта А. Ф. Воейкова, знаменитого сочинителя сатиры «Дом сумасшедших». В стихотворении «Послание к моему другу-воспитаннику о пользе путешествия по Отечеству» (Вестник Европы. – 1818. – Ч. ХСІХ. – № 12, июнь. – С. 274–275) есть живое описание южного города¹:

Я с любопытством осмотрел
Новорожденную Одессу.
Народ по улицам, волнуясь, кипел,
И мачты в гавани уподоблялись лесу;
Корабль влетал, корабль влетел,
И по равнине синей влаги
Белелись паруса и трепетали флаги.
С зарею шум меня с постели поднимал,
И стук секир не умолкал.
Росли дома, анбары возвышались,
И лестницы вились, и своды округлялись.
На стогнах я встречал гостей, купцов
Из четырех земли концов:
Французов и американцев,
Евреев, англичан,
И греков, и датчан,
И черных африканцев;
Торговля цепью золотой
Связала все моря и земли меж собой.

Воейков, вероятно, приезжал в Одессу не один раз. Об этом свидетельствует, например, стихотворение «Зимний вечер» (Новости Литературы. – 1823. – № 39. – С. 202), посвященное В. Д. Казначеевой² – хозяйке одесского литературного салона, где бывал и А. С. Пушкин во время своего пребывания в Одессе.

Но был ли Воейков автором «Письма», напечатанного в «Сыне отечества» в 1817 году? Весьма сомнительно, т. к. маршрут его южного путешествия (Псков – Н.-Новгород – Киев – Екатеринослав – Одесса – Крым), воссозданный исследователем жизни и творчества поэта – литературоведом А. Ю. Балакиным³, не совпадает с маршрутом, заявленным в «Письме».

Пришлось вновь обратиться к тексту «Письма», в надежде, что разгадка (как и сама загадка) кроется именно там. И я не ошиблась.

После очередного внимательного прочтения, несколько фраз, и особенно анекдот о причинах чумы в Одессе в 1812 году, показались знакомыми. Затем вспомнился и источник этих отрывков. В 1830 году в журнале «Отечественные записки» (Ч. 41. – № 117) был опубликован очерк П. Свинына «Взгляд на Одессу. (Из живописного путешествия по России изд[ателя])

«От[ечественных]. Зап[исок]». 1825 г.)». Он был иного содержания, так как описывал Одессу 1825 года, но некоторые сюжеты и фразы полностью совпадали, да и стилистика двух очерков не спорила друг с другом.

Вот, к примеру, схожие по содержанию места:

*

«...с 1802 года, после Амиенского мира, когда турки дали право свободного плавания по Черному морю французам, потом англичанам, пруссакам, гишпанцам, неаполитанцам, рагузинцам, голландцам и Республике Семи Островов, коммерция на Черном море час от часу усиливалась, и Одесса соделалась главным портом и средоточием торговых дел».

**Письмо к господину N. N. об Одессе //
Сын отечества. – 1817. – Ч. 38. – №20. – С. 7.**

**

«Европейские Державы, увидя вскоре выгоды, которые должна была доставить сия торговля, употребили свои усилия, чтоб получить право свободного плавания по Черному морю. И когда Порта даровала оное в 1802 году после Амьенского мира, сперва французам, потом англичанам, там пруссакам, голландцам, рагузинцам и Республике Семи Островов, то Одесса сделалась главным портом и средоточием торговых дел на Черном море».

**[П. Свињин]. Взгляд на Одессу //
Отечественные записки. – 1830. – Ч. 41. – №117. – С. 18.**

Или:

*

«Гошпиталь существует с 1808 года и содержится в том же совершенном порядке, как и все богоугодные и человеколюбивые заведения в России, коими она может славиться».

**Письмо к господину N. N. об Одессе //
Сын отечества. – 1817. – Ч. 38. – №20. – С. 11.**

**

«После сего заходил я в городскую гошпиталь, которая существует с 1808 года и содержится в таком же порядке и чистоте, коими славятся все человеколюбивые заведения в России».

**[П. Свињин]. Взгляд на Одессу //
Отечественные записки. – 1830. – Ч. 41. – №117. – С. 25**

И т. д.

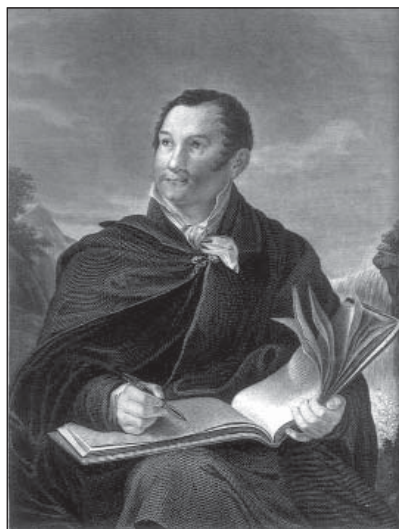
И таких отрывков в двух очерках, опубликованных в 1817 и 1830 годах, достаточно много. Невольную мысль о возможном плагиате (недруги Свинына не раз на это намекали – по другим поводам) я отбрасываю. У Свинына было легкое перо, явный журналистский дар и бесконечное желание, путешествуя, описывать все увиденные им новые края (Америку, Англию, Россию). С его способностями не было необходимости прибегать к плагиату.

Похоже, что идентичные места текста были редакторскими вставками, выполненными одним и тем же писателем.

Итак, с большой вероятностью можно утверждать, что «Письмо к господину N. N. об Одессе» принадлежало перу П. П. Свинына.

Павел Петрович Свинын (1787–1839) – писатель, журналист, художник, редактор и издатель журнала «Отечественные записки» (1818–1839), был человеком одаренным и любознательным. Будучи дипломатом, служил в Америке, Германии; на родину вернулся в 1814 году. Неутомимый исследователь, он почти ежегодно совершал несколько путешествий по России. Итогом заграничных и отечественных путешествий явились десятки статей, опубликованных в журналах (самые ранние публикации появились в журнале «Сын отечества» в 1814 г.), несколько книг путевых очерков и исторические романы.

В 1815 году коллежский ассессор Свинын получил весьма ответственное задание: сделать описание Бессарабской области, недавно присоединенной к России. Полгода жил в Бессарабии, заодно осуществлял ревизию деятельности местных чиновников. (Существует легенда, что сюжет «Ревизора», подаренный Пушкиным Гоголю, был связан с пребыванием Свинына в этих местах. Но это, несомненно, только анекдот. Ироническое и часто несправедливое отношение к писателю исследователи связывают с полемическим задором сторонников «Арзамаса» к члену славянофильской «Беседы»⁴⁾.

П. П. Свинын

Результатом командировки Свинына в Бессарабию явилась статья-отчет «Описание Бессарабской области в 1816 году»⁵, а также очерки: «Естественное описание Бессарабской области»⁶, «Воспоминания в степях Бессарабских»⁷

Путь в Бессарабию не мог не лежать через Одессу. Командировка была длительной, так что в ходе ее П. Свинын не раз мог по служебным делам бывать в Одессе.

А затем позже, уже после выполнения правительственного задания, Свинын приехал в Одессу частным порядком, во время своего путешествия по югу России. Кстати, маршрут, указанный в «Письме», начинался из Москвы, где у Павла Петровича был свой дом.

Итак, впервые П. П. Свинын посетил южный город в 1816 году, в период его начального и очень бурного развития, и под впечатлением увиденного написал «Письмо к господину N. N. об Одессе». Публикация в журнале «Сын отечества» оказалась первым подходом П. П. Свинына к одесской теме. (Впоследствии текст, помещенный в «Сыне отечества», не был учтен в дореволюционных библиографиях, полузабыто и первое путешествие писателя по югу России).

Результатом второго посещения нашего города (1825 год) явился известный очерк «Взгляд на Одессу», опубликованный в издаваемом Свиныным журнале «Отечественные записки» в 1830 году, где одесская тема получила продолжение и развитие. Это была уже совсем другая Одесса, уверенно расцветающая под южным небом: в новой очерке появляются новые названия, имена и сюжеты. Значительное место здесь занимает описание музея И. П. Бларамберга (Свинын к этому времени увлекся собиранием предметов искусства и древностей, которые впоследствии легли в основу его «Русского музеума» – первого музея частных коллекций в России).

Этот текст более известен. Впервые он был найден замечательным одесским историком С. Я. Боровым и упоминался в статье «Путешествие Онегина» и одесская тема в русской литературе первой трети XIX века»⁸, позже на него стали ссылаться пушкинисты при описании Одессы пушкинской поры.

Был еще и третий подход писателя к одесской теме. Очередной очерк «Одесса» вошел в книгу П. П. Свинына «Картины России и быт разноплеменных ее народов» (Ч. 1. СПб., 1839), изданную уже после смерти

писателя. В основу текста легло описание Одессы, опубликованное в 1830 году. Тем не менее, наряду с редакторскими правками, в тексте вновь появляются дополнительные сведения об истории Одессы и переменах в ее жизни уже в четвертом десятилетии существования города. Книга была иллюстрирована собственными рисунками писателя – талантливого художника. Последний очерк завершается упоминанием о пребывании в Одессе А. С. Пушкина, который «сделал верный и прелестный очерк ее в «Онегине», и приводятся начальные строфы пушкинского описания Одессы.

(Еще один малоизвестный факт: в Русском биографическом словаре под ред. Половцева в статье, посвященной писателю и издателю И. И. Делакроа, указывается, что книга «Картины России» П. Свиньина в следующем году была повторно издана на русском, немецком и французском языках /Дерпт, 1840 г./)⁹.

Экземпляр первого издания книги П. Свиньина «Картины России и быт разноплеменных ее народов» (Ч. 1. СПб., 1839) хранится в коллекции Одесского литературного музея, а очерк «Одесса» был опубликован уже в наше время в сборнике «Южная столица» (Москва-Одесса, 2009), составленном и подготовленном к печати сотрудниками музея.

Но вернемся к первому «одесскому» очерку П. П. Свиньина «Письмо к господину N. N. об Одессе» (он приводится ниже). Его ценность – в новизне и свежести взгляда на юный город. Описание Одессы 1816 года, увиденной глазами современника, в данном случае играет роль документального репортажа, т.е. первоисточника, и пополняет библиотеку ранних текстов об Одессе.

П. П. Свиньин. Картины России и быт разноплеменных ее народов. СПб., 1839

Для сравнения предлагаем читателям также ознакомиться с более поздним очерком П. П. Свинына «Взгляд на Одессу», где дано описание города 1825 года.

Примечания

- ¹ О путешествии А. Ф. Воейкова и стихотворении «Послание к моему другу-воспитаннику...» см.: Балакин Алексей. Стихотворение «Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года» и его автор. (История одной мистификации) // Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт. Ч. 2. – Тарту, 2011. – С. 293.
- ² Казначеева Варвара Дмитриевна (1793–1859) – жена правителя канцелярии Новороссийского генерал-губернатора А. И. Казначеева.
- ³ Балакин Алексей. Стихотворение «Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года» и его автор. (История одной мистификации) // Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт. Ч. 2. – Тарту, 2011. – С. 296.
- ⁴ Сапожников А. И. [Предисловие: Письма П. П. Свинына к А. И. Михайловскому-Данилевскому (1830—1837)] // Пушкин: Исследования и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука, 2004. — Т. XVI/XVII. — С. 430.
- ⁵ Описание Бессарабской области. Составлено ведомства государственной коллегии иностранных дел надворным советником Павлом Свиныным, 1816 года, 1-го июня // Записки Одесского Общества истории и древностей. – Одесса, 1867. – Т. 6. – С. 175.
- ⁶ Естественное описание Бессарабской области // Отечественные записки Павла Свинына. – СПб, 1818. – С. 134.
- ⁷ Воспоминания в степях Бессарабских // Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиныным. – СПб, 1821-1824.
- ⁸ Боровой С. Я. «Путешествие Онегина» и одесская тема в русской литературе первой трети XIX века // Пушкин на юге: Труды Пушкинской конференции Одессы и Кишинева. – Кишинев. – Т.2. – С. 269–270; см. также замечания «От редакции» О. И. Губаря к ст.: Семькина Г. Г. Одесские очерки П. П. Свинына // Дерибасовская – Ришельевская. Одесский альманах. Одесса, 2013. – Т.52. – С. 84–85. В замечаниях приводятся воспоминания О. И. Губаря о работе С. Я. Борового над текстами П. Свинына об Одессе.
- ⁹ Русский биографический словарь. Под ред. А. А. Половцева. – СПб., 1905. – Т.6 (Дабелов – Дядьковский). – С. 181.

Текст приближен к современным нормам орфографии и пунктуации, за исключением случаев, подчеркивающих характерные особенности правописания начала XIX в.

<П.П. Свиньин>

Письмо к Господину N. N. об Одессе

30 октября 1816 года

Вы всегда были со мною согласны, что русскому дворянину должно прежде познать и обозреть свое отечество (которому обязан он посвятить всю жизнь свою), и потом уже ездить по чужим краям. Давно хотелось мне предпринять путешествие по России; служба и другие обстоятельства препятствовали к тому; наконец, нынешним летом предстала возможность удовлетворить моему желанию.

Странствие мое началось из Москвы через Смоленск, Чернигов, Киев, Новомиргород, Елисаветград и Николаев в Одессу. Прожив довольно долго в сем последнем городе, который через обширную и выгодную торговлю увеличился и возвысился в самое короткое время на такую степень, что может стоять наряду с первыми европейскими торговыми городами, проехал я через Очаков, Николаев, Херсон в Крым и, по обозрении сей очаровательной страны, где почти на всяком шагу встречаешь или чудеса природы, или остатки древности отдаленнейших времен, возвратился в Москву через Мелитополь (или Орехов), Мариуполь, Таганрог, Новочеркасск, Воронеж и Тулу.

У меня было довольно много свободного времени; я делал мои замечания; и теперь, ежели служба или случай заставит меня жить в сих местах, то имею уже некоторое понятие об оных. Не нахожу нужным сообщать вам всех моих замечаний. У нас есть хорошие и подробные описания о тех странах, которые я проехал, но об Одессе, в нынешнем положении сего города, мало знаем, или, по крайней мере, мне не удавалось ничего читать на нашем языке*. Вы то же подтвердили, требуя от меня описания Одессы. Исполняю желание ваше. Я сделаю сперва краткое начертание истории торговли нашей на Черном море и основания Одессы, потом опишу настоящее положение сего порта.

* В 1802 году издано на французском языке сочинение поляка Малековского под названием «О выгодах торговли по Черному морю для Франции и России». В 1804 году напечатан на сем же языке «Опыт о плавании по Черному морю». В 1809 году в Британской библиотеке помещено письмо одного француза об Одессе. Я заимствовал из сих сочинений некоторые сведения в описании истории торговли нашей на Черном море.

Весьма вероятно, что описание мое не полно и может быть не удовлетворительно; но прошу вспомнить: я ездил как частный человек и, следовательно, не имел возможности вникнуть во все подробности.

Краткое начертание истории торговли нашей на Черном море

По завоевании турками Греческой империи, соделались они единственными властелинами над Черным морем. Султан Магомет II одним только венецианам дал дозволение производить торговлю в портах сего моря, но возложил на них обязанность привозить на каждом судне положенное количество пороха и огнестрельного оружия. Когда же сей хитрый Султан приобрел чрез то достаточное число оружия и военных снарядов, то запретил и венецианам вход в Босфор. Потомки его сохранили сию систему, и более трехсот лет одни только турки владычествовали на водах Черного моря.

Торговля совершенно уничтожилась, продолжительные войны, самовластное и сумасбродное правление турков, притеснения их, хищничество правителей, присылаемых из Константинополя, час от часу уменьшали народонаселение на северных берегах сего моря; наконец, земледелие и промышленность исчезли; порты, бывшие прежде в самом цветущем положении, упали, и страны сии соделались убежищем кочующих орд разбойников.

Петр I, сей великий преобразователь России, желая сблизить нас с другими просвещенными народами, призвал торговлю на помощь. Он завоевал и устроил несколько портов на севере; но тщетны были его усилия завести торговлю на Черном и Азовском море. Ему удалось взять у турков Азов, построить при впадении реки Миуса крепость Св. Павла и учредить Таганрогский порт*, но неудачная война и известные происшествия под Прутом положили преграду великим его предприятиям. Екатерине II предоставлено было непрерывными победами привести в исполнение начинания Петра, Александру I – довершить их.

Сколько домогательств, сколько усилий употребляла Россия, чтобы приобрести право свободной торговли по Черному морю! Наконец, победы в 1773 и 74 годах и мир при Кайнарджи приближили Россию к ее цели; трактатом 1779 года позволено нашим судам свободно плавать по сему морю, производить беспрепятственно торговлю и проходить через Дарданеллы. Екатерина II, не имея ни одного порта, чтобы поль-

* Таганрогский порт устроен вскоре после взятия в 1696 году Азова [...]

зваться выгодами сей торговли, избрала место при лимане, или заливе, составляющем устье Днепра, для устройства гавани и сооружения флота, который предположено было держать на Черном море. И в 1780 году Херсон восприял свое начало.

Императрица пожаловала сему новому городу большие преимущества, которые вскоре привлекли туда множество иностранцев; открылись торговые сношения прежде с Константинополем и Архипелажскими островами, потом с Марселью, Триестом и другими городами на морях Адриатическом и Средиземном. Привоз к нам и вывоз наших товаров был тот же, что теперь составляет одесскую торговлю. Наши продукты доставлялись в Херсон наиболее водою по Днепру.

Но к успешному производству сей торговли встретились многие неудобства. Днепровские пороги чрезвычайно затрудняли привоз наших товаров; должно было выгружать их из барок, везти сухим путем и потом вновь нагружать на другие суда. Иностранные корабли, за мелководием Днепра у Херсона, не все могли приходить в порт; но те, которые шли в воде более шести футов, должны были останавливаться в 30 верстах у пристани Глубокой и там нагружаться. Сверх того, Днепр иногда в октябре замерзал, следовательно, торговля продолжалась не более семи месяцев в год. Но границы наши простирались только до Буга, и другого лучшего места для учреждения порта не было.

Однако ж, невзирая на сии столь важные неудобства, коммерция наша на Черном море год от году усиливалась; торговый трактат, заключенный с турками в 1783 году, еще более содействовал к тому. В сем же году крымский хан Шагин-Гирей уступил России Таврический полуостров, и у нас открылись на Черном море еще порты: Кефа, или Феодосия, Евпатория и Керчь. Новая война в 1787-м году остановила успехи торговли, но мир 1792 года восстановил, усилил и споспешествовал к приведению оной в то цветущее положение, в котором она теперь находится. Сим миром границы наши распространились от Буга до Днестра. Вскоре за сим и при разделении Польши отошли к нам места, приближенные к Черному морю.

Столь счастливая перемена обстоятельств доставляла возможность устроить новый порт, который бы имел более удобностей, чем Херсон; при том же должно было открыть плодоносным местам Польши, доставшимся России, средства к выгоднейшей продаже хлеба ближе Херсона.

Основание Одессы

Залив Черного моря при бывшей небольшой крепости Гаджибей признан к тому удобным. В 1783-м (1789 – Г. С.) году крепость сия была взята адмиралом Рибасом, и при заключении мира Гаджибей вместе с прочими землями, лежащими между Буга и Днестра, присоединен к России. Близкое расстояние сего места от Польской Украины, загнутые с одной стороны от моря полукружием берега, составляющие тихую заводь, удобность к производству торговли со многими державами – все сие обратило внимание правительства, и на месте бывшей крепости Гаджибей предположено основать город и учредить торговый порт, которому дано имя Одесса.

Но к скорому устроению Одессы встретились некоторые затруднения. Многие представляли Императрице, что должно учреждать торговые порты, по примеру иностранных европейских держав, при впадении больших рек в море; что кораблям безопаснее стоять в гавани и способнее нагружаться; что продукты наши изнутри государства могут удобнее и дешевле приходить реками, и что, наконец, в случае нападения неприятелей, флот их в реку войти не может. Все сие справедливо, только должно бы было сообразить, что наши Днепр, Буг и Ингул не то, что Темза, Гаронна и проч.; что наши реки несколько месяцев в году покрыты льдом и во многих местах по мелководию к судоходству не способны.

Открытие торгового порта в Одессе

Описанная выше удобность местного положения Одесской гавани, которая никогда почти не замерзает и способствует чрез то к производству непрерывной торговли, побудила Императрицу решительно приказать приступить к устроению порта. Назначены были полки для работы, учреждена строительная комиссия, и 1796 года одесский порт был открыт.

В городе построено было уже довольно казенных и частных домов; многие иностранные купцы установили там свои конторы, и в конце того года до 60 кораблей австрийских, италианских, турецких и греческих пришли в Одессу.

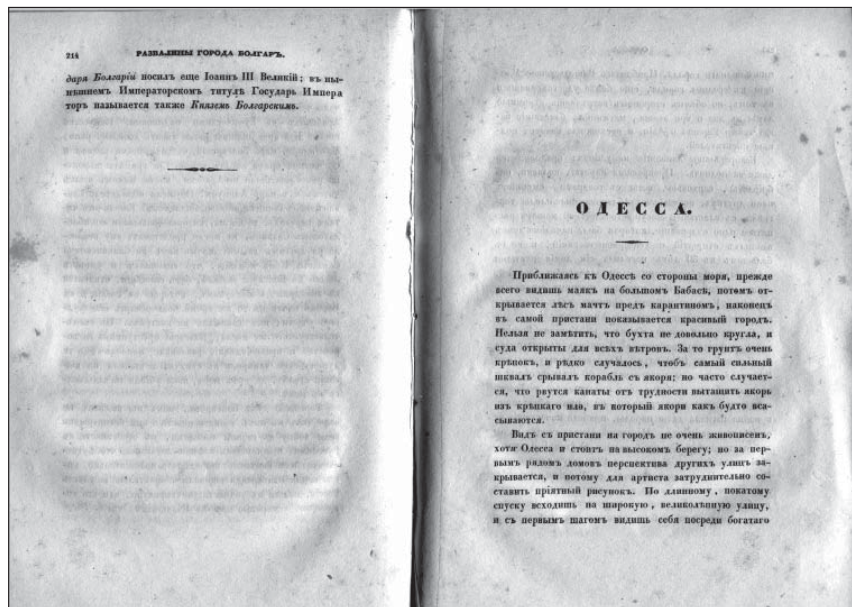
С 1796 года до вступления на престол ныне царствующего Императора торговля в Одессе производилась не с большим успехом; но с 1802 года, после Амьенского мира, когда турки дали право свободного плаванья по Черному морю французам, потом англичанам, пруссакам,

гишпанцам, неаполитанцам, рагузинцам, голландцам и Республике Семи Островов, коммерция на Черном море час от часу усиливалась, и Одесса соделалась главным портом и средоточием торговых дел.

Распоряжения правительства к распространению и усилению торговли в Одессе

Правительство наше не упустило воспользоваться теми выгодами, которые обещала торговля в Одессе. Употреблены все средства к распространению и усилению сей важнейшей отрасли государственного благосостояния. Уменьшен таможенный сбор, учреждены Коммерческий суд и Карантин, установлены иностранные консульства, предоставлены городу доходы винного откупа и пятая часть таможенного сбора, которые назначено употреблять «на устройство и расширение порта и набережной, на исправление мола, на заведение и содержание гошпиталей, фонтанов, водопроводов, колодезей и тому подобных общественных устройств. Сверх того, для усиления населения Одессы Высочайше по-

Очерк П. П. Свиньиного «Одесса». В кн.: *Картины России и быт разноплеменных ее народов*. СПб., 1839

велено градоначальнику всякими выгодами и поощрениями привлечь туда иностранцев»^{*}.

Мудрые меры сии увенчаны совершенным успехом; коммерция в Одессе в короткое время усилилась и пришла в самое цветущее положение. Не стану следовать год за годом за чудесным приращением сей торговли и окончу описание мое одним убедительным доказательством. Когда Дюк де Ришелье вступил в управление Одессою в 1803 году, таможенный сбор был не более 28.000 рублей в год; теперь сбор сей простирается более миллиона; откупная винная сумма была 14.000 рублей, теперь 375.000; почтовый доход не более 3.000, теперь с лишком 40.000. (Сведения сии сообщены мне одним почтенным одесским чиновником).

Нынешнее положение Одессы

Вид города на высокой каменной горе прекрасен. Надобно проехать несколько сот верст по степям, на которых изредка кой-где найдешь небольшие селения и людей, чтобы почувствовать всю приятность быть в многолюдном торговом городе. Необозримое море, множество кораблей в гавани с разноцветными флагами, толпа народу разных наций; все сие после скучного единообразия степей делало мне большое удовольствие.

Осмотр города

Я остановился в италианском трактире, называемом Новый клуб; мне отвели за довольно дешевую цену, за два рубля в сутки, две комнаты. Отдохнувши, поехал я осматривать город; за дрожки парою взяли с меня 20 р. в день: это дороже, чем в Москве или даже в Петербурге. Было воскресенье, благовестили к обедне, и я велел везти себя в русскую церковь.

Русский собор и Католическая церковь

Здесь собор обширен и имеет прекраснейшую архитектуру; внутри иконостас еще не совсем окончен. Католическая церковь невелика, но довольно великолепна; я нашел в ней множество народа. После проповеди прекрасная женщина, одна польская знатная графиня, приблизилась к алтарю и, помолившись Богу, пошла по церкви собирать милостыню для бедных; ее вел за руку молодой мужчина; они прошли мимо меня, и я увидел на блюде у них много ассигнаций, червонных и серебряных

^{*} Высочайшие Указы на имя бывшего градоначальника Дюка де Ришелье в «С.-Петербургском журнале» 1804 года, месяц март, стр. 12; мес. июль, стр. 3; мес. октябрь, стр. 15.

денег. Нельзя не похвалить сего обряда: кто решится отказать прелестной женщине, испрашивающей пособия бедным?

Гавани: Военная и Купеческая

В Военной гавани стояло несколько транспортных судов и один фрегат на рейде; в Купеческой же нашел я множество кораблей. В обеих сих гаванях сделаны насыпи, вдавшиеся в море сажень на 200. Сии насыпи обложены камнем и сделаны столь широко, что повозки без затруднения подъезжают по ним для нагрузки на суда. Здесь следовало бы описать, каких наций корабли приходят в Одессу, как и чем они нагружаются, но, чтоб не прервать материи, которая началась осмотром города, я помещу о сем после при описании нынешней одесской торговли.

Карантин

Подле Купеческой гавани обгорожено довольно большое пространство земли со всех сторон каменною стеною; здесь находится Карантинная контора и магазейны для складки привозимых в Одессу иностранных товаров, где они проветриваются и обкуриваются положенное время. Тут же у самого берега построено несколько небольших так называемых *переговорных* домиков с деревянными решетками. Никто из капитанов кораблей и пассажиров не может выйти на берег, не выдержав карантина; ежели же кто из них хочет видеться со здешними жителями, то, с позволения начальника Карантина, разговаривают с ними в сих домиках через решетки. Подле них обгорожено место, на котором положены съестные припасы, бочки с водою, дрова и тростник; с кораблей приезжают, берут что нужно, оставляют положенные по таксе деньги и возвращаются назад; далее сего места не пускают никого поставленные часовые.

Карантин, где содержатся люди, находится в строениях уничтоженной крепости на горе. Вход туда чрезвычайно затруднителен: надобно просить карантинного начальника, особенно же в то время, когда я был, там содержалось несколько турков, зараженных чумою.

Как никто с кораблей не имеет права сойти на берег, так равно и с берега никто не смеет ехать на корабли. Нагрузка производится посредством карантинных транспортных судов; их наполняют подле описанной выше насыпи, и несколько человек ведут к кораблю, привязывают судно и тотчас съезжают назад на шлюпках. Тогда с корабля идут матросы на судно, выгружают его, дают знак, и те же люди едут, приводят судно опять к насыпи, вновь нагружают и так далее.

Сверх того, стоящая в нескольких верстах в море брандвахта предварительно осматривает суда и, ежели найдет между людьми признаки чумы, то, не допуская до гавани, тотчас берет их и отправляет в Карантин.

Одним словом, приняты все возможные меры, чтобы не допустить чумы до Одессы; но, несмотря на сии предосторожности, которые весьма строго наблюдаются, моровая язва возникла в 1812-м году от ужаснейшего злоумышления. Я слышал (однако ж за верность сего ручаться не могу), будто по исследованию о причинах, отчего распространилась чума, открылось, что на улице нашли большой сундук с платьем и другими пожитками, которые простой народ в самое короткое время, прежде, нежели дошло сие до сведения полиции, успел растаскать по домам своим, и затем вскоре началась чума. Мне сказывали, что в то же время поймали несколько подозрительных людей, которые признались, что они сделали сие по наущению французов. Ежели слышанное мною справедливо (чему, однако ж, легко поверить можно, ибо Бонапарте, как известно по многим прежним опытам, способен был на всякое злодейство), такой умысел достоин быть помещенным в биографии его и сохранен для потомства. Он желал в одно время обременить Россию всеми бедствиями: внутренность государства жег и разорял, на другом конце хотел распространить ужасы моровой язвы; но правительство приняло деятельные меры, чума в Одессе в самое короткое время прекращена и не допущена до соседственных мест.

Улицы одесские

Одесса построена по плану: везде широкие прямые улицы, во многих местах сделаны для прохожих широкие тротуары, обсаженные тополевыми деревьями; дома каменные или из здешней плиты, построены по новейшей архитектуре, и есть несколько огромных зданий.

Одна улица, идущая прямо от Собора к морю, понравилась мне чрезвычайно необыкновенною смесью всего: тут видишь греческие лавки с турецкими материями, табаком, сахаром; русские лавки, где продаются сало, свечи, железо, гвозди и проч.; модные лавки с женскими уборами и галантерейными вещами, подле сбитень, квас, калачи и русские харчевни, в которых бородатые соотечественники наши распевают свои песни; напротив греческий кофейный дом, где важные физиономии сидят, поджавши ноги, и в молчании курят табак; тут же жида меняют деньги; мальчики и женщины кричат, продавая иной фрукты, другой рыбу.

Улица наполнена разными нациями. Русские, поляки, греки, англичане, голландцы, итальянцы, жида толпятся там; шум престрашный! Сверх того, беспрестанно ездят дрожки и возы на волах или лошадях. Я часто бывал на этой улице. Ничего не может быть приятнее, как видеть деятельность и живость в народе, которую можно найти только в торговом городе.

**Публичные здания: Институт, Гошпиталь,
Гостинный двор, Театр и Клуб.**

По предложению бывшего военного губернатора Дюка де Ришелье, учрежден здесь *Институт*. Дом большой, хорошей архитектуры, с садом. Дюк де Ришелье сам наблюдал за порядком, учением, хорошим содержанием воспитанников и привел все в самое лучшее положение. Нынешний военный губернатор поддерживает в том же устройстве учреждения предшественника его; как и мне кажется, Институт сей есть одно из лучших мест для воспитания у нас в России, тем более что по ходатайству Дюка де Ришелье Государь Император повелел сравнить его с гимназиями, и выходящим с хорошими аттестатами отличникам предоставлено то же право, как студентам, то есть: по вступлении в службу производство в офицеры через 6 месяцев.

Дюк, отъезжая отсюда, показал еще новый опыт расположения своего к истинному добру: он испросил у Его Величества, чтобы жалованье его, пансион и столовые деньги обращены были для воспитания шести бедных дворян и в особенности сирот, оставшихся после отцов, которые убиты в сражениях прошлой кампании. Вообще, я должен заметить, что имя Дюка де Ришелье до сего времени упоминается между здешними жителями с признательностию и уважением.

Еще несколько слов об Институте: я был приглашен в воскресенье обедать к военному губернатору и нашел у него между многими генералами, польскими графами, иностранными консулами и прочими почетными здешними чиновниками четырех воспитанников Института, опрятно одетых, с серебряными медалями.

Дюк де Ришелье установил, чтобы воспитанники, отличившиеся в продолжение недели хорошим поведением и успехами в науках, были приглашены к обеду его по воскресеньям. Нынешний военный губернатор сохраняет сие установление. Свежесть лиц, ловкость воспитанников в обращении доказывает, в каком хорошем положении находится Институт. Во время обеда

военный губернатор несколько раз разговаривал с ними по-французски; они отвечали ему без робости и остановки на том же языке.

Госпиталь существует с 1808 года и содержится в том же совершенном порядке, как и все богоугодные и человеколюбивые заведения в России, коими она может славиться.

Гостинный двор – высокое пространное здание хорошей архитектуры, только большая часть лавок заперта: оне, как мне сказывали, служат вместо магазейнов для складки товаров.

Здесьний *Театр* имеет большое сходство и, кажется, построен по рисунку древнего храма Минервы или Парфенона, помещенному в Путешествии младшего Анахарсиса по Греции*. Прекраснейшее строение! Зала хорошо расписана и не меньше петербургского немецкого театра; ложи в три яруса и вверху парадис; только странно, что здесь первые и лучшие кресла в таком месте, где обыкновенно бывает партер; лавки сделаны ярусами одна одной выше, и самая верхняя называется *запертые кресла*; места по номерам и цена дороже. Партер внизу подле оркестра.

В первый раз, когда я был в театре, представляли русские актеры; ложи, кресла, партер и парадис – все было наполнено; давали две небольшие комедии Коцебу и в заключение балет турецкий. Русские актеры, и в особенности актрисы, весьма плохие; многие из них пожалованы зауряд из поляков в русские и выговаривают очень смешно; балет также посредственный. Через два дня потом давали италийскую оперу. Я поехал с предубеждением, что все будет столь же прелестно, как в русском спектакле; но очень ошибся: оркестр играл согласно, пели как нельзя лучше; один актер (кажется, фамилия его Замбони) имеет превосходный голос и походит чрезвычайно на петербургского актера Самойлова.

Здесь содержит Театр, Клуб и трактир, в котором я стоял, один италийец, балы в *Клубе* даются только по воскресеньям и праздникам. Зала довольно пространная, с хорами. В Одессу приезжает много богатых поляков и полячек, иные по делам коммерческим, другие для лечения себя морским купаньем, а прочие затем, чтобы веселиться; говорят, будто не проходит почти ни одного дня, чтобы не было где-нибудь бала.

Публичный сад и морское купанье

Публичный сад содержится в большой чистоте. Он невелик, но есть несколько густых аллей; есть уединенные беседки и палатки, где можно

* Voyage du jeune Anacharsis, Tome 2, chapitre XII. Tab.10.

найти фрукты, мороженое и проч. На воротах сада прибито строгое предписание коменданта, чтобы не рвать плодов.

Для купанья в морской воде ездят за несколько верст за город на залив: там видел я разбитые нарочно для сего палатки; но многие купаются между Военною и Купеческою гаваньми. Тут также хорошо отмель идет на большое пространство; песок и вода чисты.

О нынешней одесской торговле

Торговлю сию составляет пшеница, пшеница и пшеница. Повсюду ее видишь: под многими домами в Одессе сделаны магазейны, которые наполнены пшеницею; там ссыпают ее в магазейны; в другом месте перечищают или *грохотят*; здесь накладывают в мешки и отправляют в гавань. Сверх того, большая площадь вся заставлена фурами, и беспрестанно видишь новые обозы, приходящие в город.

Пшеница идет в Одессу наиболее из губерний: Подольской, Волынской, Киевской, частию Екатеринославской и Херсонской. Из первых привозят ее сухим путем, а из последней более водою на транспортных судах Днепром и лиманом, до самой Одессы. Во время пребывания моего цена ей была: так называемой арнаутки – 38 рублей, простой – 32 руб. четверть. Говорят, бывает иногда гораздо дороже; но купцы, отправляющие пшеницу в чужие края, получают чрезвычайно большие барыши. Один богатый греческий купец, торгующий с Константинополем, сказывал мне, что продает иногда, переводя тамошние деньги на наш курс, с лишком по сту рублей четверть; провоз же стоит очень дешево: при попутном ветре корабль доходит из Одессы до Константинополя менее двух суток. Уверяют, что те, кто отправляет отсюда нынешний год пшеницу в Италию, должны обогатиться: там неурожай и хлеб чрезвычайно дорог.

В Одессу приходят корабли: греческие, турецкие, итальянские, французские, гишпанские, английские, австрийские, голландские. Их груз состоит большею частию из балласта и чистых серебряных или золотых денег, которые оставляют они у нас в Одессе. Не могу утверждать наверное, но мне сказывали, что нынешнего года, начиная с генваря по август (время, которое я был в Одессе), вошло до 30 миллионов серебром и золотом, которые отправлены во внутренность России.

Здесь было уже нынешний год и, нагрузившись пшеницею, ушло с лишком 600 кораблей; при мне стояло в гавани около 300, а еще оставалось более трех месяцев свободной навигации. На каждом судне может

поместиться, как мне сказывали, 1200 четвертей: следовательно, ежели положить, что в Одессу приходит ежегодно только по тысяче кораблей, то вывозят они 1.200.000 четвертей пшеницы и оставляют у нас за них серебро свое и золото. Доходы жителей окружных здешних мест с тех пор, как открылась столь важная торговля в Одессе, чрезвычайно увеличились. Едва ли во всей России можно найти места, выгоднее здешних; земля же до сего времени не так дорога в сравнении с ценою, до которой она возвысилась теперь во внутренних наших губерниях. Один знакомый мне помещик, имеющий не в дальнем расстоянии от Одессы 200 душ и с небольшим 2000 десятин земли, сказывал, что прошлого года получил на одном хлебе до 18.000 руб. дохода.

Сверх пшеницы отправляют из Одессы: сало, воск, икру, лен, пеньку, парусину, кожу и прочие наши продукты, но не в большом количестве. К нам привозят: виноградные вина, сахар, кофей, турецкий табак и проч., но также немного.

Здешние извозчики, которые нанимаются возить пшеницу из магазинов в гавань, берут с купцов невероятную цену. Я расспрашивал у них нарочно об этом и узнал, что иногда во время грязи, осенью или весною, платят по рублю серебром с четверти. Накладывают они по четыре четверти на лошадь и успевают иные обернуть 5 раз в день, следовательно, вырабатывают по 20 руб. серебром или по 80 руб. ассигнациями на лошадь ежедневно. Я не поверил бы, ежели б не слышал об этом после от самих извозчиков. Я был в удобное и лучшее для них время; погода была сухая, но и тогда получали они по 35 копеек с четверти и вырабатывали рублей около 10 в день на каждую лошадь. Правда, им содержать себя здесь дорого: четверть овса – 10 и 11 руб.; куль ржаной муки – 17 руб.; но в Петербурге почти всегда такая же цена, а там извозчики вряд ли ежедневно могут вырабатывать по десяти рублей на каждую лошадь. Должно бы постановить и здесь таксу, как в Таганроге, сколько в какое время платить извозчикам; но купцы сами получают иногда с лишком двойные барыши, так беда невелика, ежели от них наживаются извозчики.

Вообще работники здесь очень дороги, каждый человек без лошади может выработать рублей пять или шесть в день.

О неудобностях Одесского порта

Я объяснил выше, что об Одессе в нынешнем положении знаем мы весьма мало. Желая иметь истинное и настоящее понятие о сем порте,

старался я перед отъездом моим собрать нужные сведения в разговорах с людьми, которые там были. Многие рассказывали мне о больших неудобностях, часть которых я действительно видел, но видел также, что к отвращению их приняты все нужные меры.

Сообщаю вам от слова до слова разговор мой о сем предмете с одним почтенным чиновником, который почти с самого основания Одессы занимает одну из главных должностей в управлении сего порта. Почитаю нужным тем более сообщить вам мой разговор, что вы сами и многие общи наши знакомые заключали по слухам весьма невыгодно о торговле одесской; предполагали, что по многим важным неудобствам никогда не может она возвыситься на ту ступень, на которую местное положение и близкое расстояние от плодоносных и изобильных мест должны бы возвести ее. К опровержению сего представляю разговор наш:

– Мне сказывали, что здешний порт ненадежен: корабли с двух сторон защищены горами от бурь и ветров, но с одной стороны и сзади – открытое море. Я думаю, когда оттуда ветер, то суда подвержены большой опасности.

– Правда, эта неудобность точно есть; иногда осенью, во время сильных восточных ветров разбивает корабли, однако это случается очень редко и против сего предприняты нужные меры: предположено устроить прочную и обширную гавань, для чего ассигнована из казны сумма; сверх того, и городские доходы будут употреблены на то же. Вспомните, как недавно существует Одесса, можно ли было все вдруг сделать?

– Говорят: здесь чрезвычайная дороговизна на съестные припасы, на лес и дрова, потому что город окружен со всех сторон необитаемыми степями.

– Съестные припасы, конечно, довольно дороги от большого стечения народа; но вы можете найти все, что угодно. Что ж принадлежит до степей, то попечением Дюка де Ришелье они почти все заселены колонистами. Вы с которой стороны приехали сюда?

– Из Николаева.

– По этой дороге мало селений, но поезжайте к Тирасполю и Овидиополью, вы найдете большие колонии дворов по 400 и более; колонисты живут очень зажиточно и доставляют сюда съестные припасы не только для нашего продовольствия, но и для продажи в чужие края. Лес, точно, дорог, его должно привозить из отдаленных мест; но в дровах большой нужды не имеем: зимы здесь почти не бывает; на кухнях жжем мы кизяк и торф, для строения же у нас есть множество прекрасной плиты,

которая по мягкости своей очень удобна; ее обтесывают и обрубливают, как дерево; вы это, верно, сами видели?

– Точно видел, но мне сказывали, что эта плита не прочна.

– Совсем нет: есть строения, которые около 20 лет существуют, и ничего, не обвалились; напротив, чем более плита сия сохнет на воздухе, тем становится тверже и прочнее.

– Я слышал, у вас так мало пресной воды, что будто множество волов, на которых привозят сюда пшеницу, погибает от недостатка в пойле. Вы согласитесь, что это весьма важная неудобность.

– Точно, прежде у нас недоставало воды, но теперь сделано много колодезей. Сверх того, вы, конечно, заметили, бывши в гавани, сколько ключей бьет из горы. Эти ключи предположено также разрыть и обделать.

– У вас осенью и весною бывает столь большая грязь, что не только затруднительно, но иногда даже совсем невозможно возить пшеницу из магазинов в гавань.

– Правда, земля здесь во время дождей очень распускается и бывает большая грязь, но многие улицы, ведущие в гавань, уже намощены, и скоро весь город будет иметь мостовую.

Сведения, сообщенные в сем разговоре, убедительно доказывают, что великий Государь наш не оставляет без внимания ничего, что может споспешествовать к распространению и приведению торговли в цветущее положение. Выгоды, которые получит от сего государство, всего же более богатство и благосостояние подданных Его, вознаградят за те пожертвования, которые должно для сего сделать.

Но письмо мое сделалось уже слишком пространно. В другое время, ежели вы позволите, я сообщу вам историческое изыскание о торговле древних народов по Черному морю. Известная Колхида; реки: Фаз (нынешний Риом), Кирус (Кур), посредством коих греки, и потом римляне, производили коммерцию с Индию и Китаем, находятся теперь в нашем владении. Может быть, когда-нибудь откроется возможность установить торговые сношения с сими государствами тем же путем, который указан древними. Нам позволительно желать сего.

Имею честь быть и проч.

Ваш покорнейший слуга

.....

Сын отечества. – СПб., 1817. – Ч. 38. – №20– 21.

<П.П. Свиньин>

Взгляд на Одессу

(Из живописного путешествия по России изд. «Отеч. зап.» 1825 г.)

14-го августа, возвратясь в Севастополь из любопытного путешествия по южному берегу Крыма, я узнал, к крайнему своему удовольствию, что на другой день отправлялся к эскадре, крейсировавшей в 30 милях от порта, бриг «Гонец» и, горя желанием обозреть на самом действии Черноморский флот, славящийся своею красотою, я без труда исхода-тайствовал себе местечко на бриге.

В 10 часов поутру «Гонец» мастерски, при сильном ветре, подошел под корму адмиральского корабля, и командир оного, капитан-лейтенант Щербаков, отпраповтавав в рупон о благополучном состоянии своего судна, донес о моем прибытии. Тотчас спущен был катер с «Императора Франца», и как я удивился, найдя на корабле графа Михаила Семеновича Воронцова с супругою и большою свитою, прибывших за несколько часов до меня из Одессы проездом в прелестный Юрзуф свой! День сделался прекрасный, ветерок ровный, свежий; адмирал воспользовался оным для угощения нас самым приятным, а для многих совершенно новым зрелищем – морских эволюций и примерного сражения. Сделаны были сигналы: построиться эскадре в две колонны, потом поворотиться двумя же колоннами на другой галс через фордвинд, там построиться в линию баталии одному за другим. С сим последним – в минуту сии громады скрылись за «Пименом», следовавшим за адмиралтейским кораблем. Скорость и правильность таковых движений доказали, до какой степени совершенства доведен Черноморский флот попечением адмирала Грейга, а нам представили удивительное, ни с чем несравненное зрелище, так что оно припомнило мне слова Петра Великого, который, командуя тремя соединенными флотами, сказал: «Если б я не был императором, то старался бы быть адмиралом». Наконец, легким судам: бригу «Орфею», бригантине «Елисавете», яхте «Утехе» и шлюпу «Диане» – дано было повеление вступить между собою в сражение, и мы увидели, как слабейшие суда, дав полный залп по сильному неприятелю, старались уходить, обманывать его смелыми, внезапными оборотами своими или старались зайти ему под корму; как и тот, угадывая намерения своего поборника, громил его, следуя за всеми его движениями, прибавляя и

* Имя адмиральского корабля.

убавляя беспрестанно паруса свои, обращая все внимание к отбитию у него такелажа, ибо потом легко было бы овладеть самим судном.

Прекратилась война, утихли громы, съехались командиры со всех судов, и мы при звуке прелестной музыки пошли за мирный обед, который сколько был изобилен, столько и весел. Сему последнему легко поверить, когда узнаешь, что за столом сидело более 40 особ, что в числе оных были пришельцы с отдаленнейших краев света, люди различных званий и службы, кои столкнулись странным случаем в один тесный круг! Можно вообразить, сколь разнообразна, жива и занимательна была сия беседа – за вкусными, избранными блюдами, приправленными нектаром Крыма и Франции. В свите графа Михаила Семеновича я встретил двух известных писателей: гг. Л. и Н. Хвала русскому боярину, покровительствующему русские таланты и русскую словесность.

Слава о Черноморском флоте нисколько не увеличена: корабли один другого величественнее, стройнее! Алексей Самойлович избирает для судов, строящихся в здешних портах, чертежи с известных английских ходоков и боевых судов. Таким образом, стопушечный корабль «Император Франц» построен по размеру знаменитого «Victory», на коем Нельсон одержал Трафальгерскую победу. Увеличив его несколько в длину и ширину, он усугубил еще достоинство и выгоды сего корабля, почитавшегося лучшим во всем британском флоте.

Так как «Гонец» назначался в крейсерство, то адмирал без затруднения дал ему приказание отвезти меня в Одессу; а сие избавило меня от скучного переезда через степи перекопские и доставило случай покататься по Черному морю – четвертому, находящемуся в пределах России

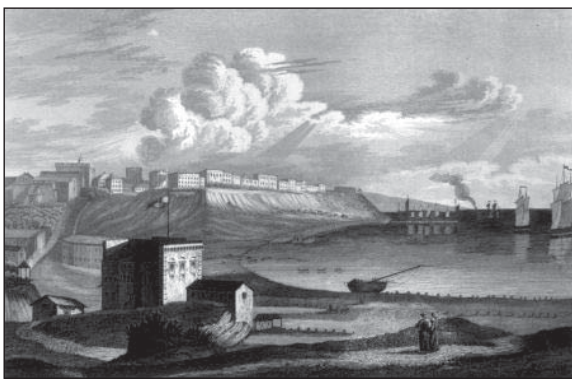
23-го мы вышли из Севастополя при благополучном ветре, останавливались на несколько часов при эскадре и 25-го после обеда кинули якорь на Одесской рейде подле брандвахты. Плавание наше кончилось весьма благополучно, не смотря, что мы испытали почти всё, что можно встретить на море: штиль, ужасную качку, шквалы, грозу, дождик и, наконец, со вчерашнего вечера прекрасную погоду, ровный ветерок, который скоро успокоил волнение моря и нес бригантину нашу на всех парусах, между тем как мы не чувствовали ни малейшего движения. Сегодня с рассветом показался маяк на большом Бабасе, потом лес мачт в карантине; но город открылся не прежде того, как мы стали уже на якорь. Стоянка здесь весьма невыгодна, ибо бухта не кругла и суда открыты для всех ветров. Зато грунт очень крепок, и редко случалось, чтоб самый

сильный шквал подрейфовал корабль; напротив, суда часто теряют якоря свои, ибо рвутся канаты при поднятии оных. Грунт состоит из крепкого ила, составляющего сверху род коры, под коею он жидок, так что якоря как будто в него всасываются.

Вид с рейда на город не весьма живописен, хотя оный стоит на высоком берегу, и тем более что не видно внутренности его за первым рядом домов, а потому очень затруднительно для артиста составить из оного приятный рисунок. Получив, вследствие клятвенного объявления нашего за подписанием всех офицеров, что во время плавания мы не встречались ни с одним кораблем и т. п., позволение съехать на берег, мы вышли на пристань военной гавани. По длинному покатоному спуску всходишь на широкую, великолепную улицу и с первым шагом видишь себя посреди богатого многолюдного города. Удостоверение сие увеличивается по мере приближения Ришельевской улицею к центру города: по обеим сторонам оной встречаешь огромные дома в 2 и 3 этажа, магазинны, блестящие сокровищами Европы и Азии, и роскошные казино, полные посетителей.

Заняв в клобе № 14-й, имеющий балкон на Ришельевскую и де Рибасовскую улицы, я на первый раз удовольствовался наблюдением оттуда непрерывного движения, продолжавшегося на улицах далее полуночи. Прекрасные кареты, коляски, кабриолеты, верховые, возы с товарами, разнощики, разноцветные, разнородные группы гуляющих по тротуарам сменяли попеременно сцены, являли благотворные следы торговли, с властью и могуществом коей может равняться одно очарование; которая одному велит сходить в недра земли или спускаться на дно морское, другому подниматься выше облаков, которая назначает круг действия гренландскому рыбаку и готтентотскому зверолову; которая была

Одесса. Рис. П. П. Свиньина

* Лучшая гостиница в Одессе. За две комнаты платил я по десять рублей в день.

началом всех важных открытий и усовершенствований; которая, наконец, не с большим в 30 лет сии дикие пустыни населила многолюдными деревнями и сотворила город богатый, великолепный, не уступающий многим древним столицам Европы. Этому едва ли найдем подобный пример даже в Северной Америке.

Когда я предавался сим размышлениям, посетил меня И. А. С. (когого я тотчас уведомил о своем приезде), один из ближайших свидетелей счастливого возвышения Одессы. Достаточно заметить слова его, чтоб представить верный взгляд на историю сего города.

Страна, где лежит Одесса, приобретена Россиею в силу мирного трактата с Турциею, подписанного в Яссах 1792 года. Находясь между устьями Буга и Днестра на пространстве 50 миль ширины и немного более в длину, она представляла необозримую степь, где не встречалось ни одного обиталища, и война изгнала даже народы, кочевавшие на оной с давних времен с своими стадами. На месте самого города находился старинный замок турецкий – *Гаджи-бей* называемый, который взят был у турок в 1789 году адмиралом Рибасом, и по заключении мира с Портоу приступлено было к устройению здесь порта, столь важного по близости от Украины, не имевшей до того возможности сбывать избытки своих богатств. Сколько в уважение сих удобств, столько и потому, что гавань одесская не всегда замерзает, мудрая Екатерина предпочла сие место всем прочим, несмотря на предстательства многих сильных того времени людей, утверждавших, что торговые порты должно учреждать при впадении больших рек в море, где кораблям безопаснее стоять и способнее нагружаться; что продукты Государства могут удобнее и дешевле проходить извнутри водяным сообщением и, наконец, в случае войны, неприятельский флот встретил бы более затруднения войти в реку, чем сделать нападение на место приморское. Несмотря на сии в некотором отношении полусправедливые истины, Императрица не поколебалась в своем выборе – махнула творческим жезлом своим, и в 1796 году открылся Одесский порт, к коему в конце того же года пришло до 60 австрийских, итальянских, турецких и греческих кораблей, вокруг пустынного замка образовались улицы, возникли хорошие казенные дома, и многие иностранные купцы установили свои конторы.

Европейские державы, увидя вскоре выгоды, которые должна была доставить сия торговля, употребили свои усилия, чтоб получить право свободного плавания по Черному морю. И когда Порта даровала оное в

1802 году после Амьенского мира, сперва французам, потом англичанам, там пруссакам, голландцам, рагузинцам и Республике Семи Островов, то Одесса сделалась главным портом и средоточием торговых дел на Черном море.

К счастью сего города, управление оных поручено было в следующем 1805 (1803 – Г. С.) году Дюку де Ришелье, с полною властью, необходимую в краю столь отдаленном от столицы; и сей почтенный, благонамеренный муж вполне оправдал доверенность к нему Монарха, доведя мерами кроткими и благоразумными торговлю Одессы до самого цветущего положения. Он не упустил воспользоваться всеми средствами к усилению и распространению сей важнейшей отрасли государственного благосостояния. По его предстательству уменьшен таможенный сбор, учреждены Коммерческий суд, банки промена и учетов, Купеческий суд; преобразован Карантин, определены иностранные консулы, предоставлены городу доходы винного откупа и пятая часть таможенного сбора. Сии незначашие при вступлении Дюка капиталы, ибо первый простирался не свыше 14 тысяч руб. в год, а последний – 28 тысяч руб., возведены им были вскорости – винный откуп до 375.000 т., а таможенный более миллиона! В сей прогрессии двинулись вперед и прочие части благосостояния Одессы. Город нуждался в пресной воде для напоения скота, стекающегося в великом множестве с возами разного хлеба – Дюк устроил огромное водохранилище, удалившее совершенно сие неудобство. Не только воздвигнуты им великолепные храмы для разных вероисповеданий, но дома странноприимные и гостиницы для вспоможения страждущему человечеству. Ришелье основал и довел до цветущего состояния Гимназию и училища для наставления и воспитания юношества. Его попечением устроена большая плотина для охранения кораблей от бурь, рынки, казармы для гарнизона. Самыя удовольствия и увеселения публики обращали особенное внимание Дюка: им выстроен прекрасный театр, разведен публичный сад, воздвигнута великолепная зала для балов и каменные тротуары, осененные деревьями; наконец, недоставало ремесленников в рождающейся колонии, и Ришелье поселил в ней многие семейства трудолюбивых немцев, выбранных из числа пришедших тогда обитать в краю новой России. Скоро население Одессы возвысилось до 35.000 обитателей, и имя Дюка де Ришелье будет навек благословляемо в здешней стране.

По любви моей к археологии, я поставил себе первую обязанностью на другой день посетить г. Бларамберга, знаменитого здешнего анти-

квария. Его собрание древностей особенно достойно примечания по множеству достойных предметов, извлеченных из развалин древней Ольвии. Г. Бларамберг в короткое время умел собрать самый любопытный в своем роде кабинет, в коем заключаются следующие предметы:

1). Собрание мраморов с надписями греческими, статуй и барельефов, к несчастью, вообще поврежденных. Между ними особенно замечательна одна небольшая статуя женщины, высокой работы. В числе надписей, некоторые в честь Аполлона, другие посвящены Ахиллесу Понтарху, т. е. покровителю мореплавателей в Понте Евксинском. Сии последние найдены на острове Березине, находящемся против устья Днепра, на коем Ольвийские греки имели храм, посвященный Ахиллесу: плователи приносили тут жертвы для испрошения себе счастливого пути.

2). Великое число предметов из глины (*terre cuite*), как то: амфор и других родов ваз, ламп, статуй и проч. Некоторые из сих вещей в совершенной целости, но большая часть состоит из обломков. В числе сих последних примечательно многочисленное собрание ручек, оставшихся от глиняных кувшинов, в коих, вероятно, хранилось вино. На всех ручках видны различные изображения и имена их мастера или чиновника, мастерами заведовавшего (астинама). Между обломками ваз замечательны многие куски с лепными и живописными изображениями изящной работы, принадлежащей к лучшим временам искусств в Греции.

3). Множество различных металлических и других вещей, бывших в употреблении у древних обитателей Ольвии.

4). Богатое и единственное собрание монет города Ольвии. В Каталоге, изданном г. Бларамбергом в 1822 году в Париже, описано 200 разных монет ольвийских; но собрание сие с тех пор еще увеличилось. Мало есть греческих городов, которые бы в монетах своих представляли подобное разнообразие. Полагая, что каждой описанной монеты г. Бларамберг имеет по 2 или 3 экземпляра, собрание его должно состоять из 500 и до 600 одних ольвийских монет, в числе коих есть многие, до появления его Каталога никем не описанные, как например: золотые и серебряные с изображением Аполлона и лиры, Геркулеса и палицы и проч. В числе медных трудно бы было исчислить все по его Каталогу, сделавшиеся известными ученому свету. Ольвийские монеты с изображением императоров римских, в кабинете г. Бларамберга находящиеся, представляют Септимия Севера, Юлию Домну, Каракаллу, Гету, Александра Севера и мать его Юлию Мамею. Сим кончится последование императорских мо-

нет: что и заставляет г. Бларамберга думать, что Ольвия была разрушена варварами вскоре после Александра Севера.

5). Прекрасное собрание древних монет, в различных местах по берегам Черного моря и собственно в Ольвии найденных и принадлежащих разным царям, городам и народам, вокруг Черного моря обитавшим. Собрание сие г. Бларамберг называл *Нумисматическим Периплом Понта Евксинского*. Тут замечательны многие драгоценные монеты, удивительной сохранности, найденные в 1824 году на острове Тендре, древнем *Ахиллесовом ристалище*; далее монеты, доселе еще бывшие неизвестными: *Скилура*, царя скифо-тавров, современника Митридатова и царя *Инфимея*, совершенно в истории неизвестного, но который, вероятно, предводительствовал скифами в окрестностях Ольвии, где и монета сия найдена. В числе монет царей боспорских особенное внимание заслуживает прекрасная и редкая монета царя Левкона, жившего во времена Филиппа, отца Александра Великого, найденная в одной древней гробнице в Керчи.

6). Небольшое собрание мраморных и глиняных обломков, с надписями и изображениями, найденных на острове Тендре. На одном мраморе видно изображение Ахиллеса в шишаке и со щитом в руке; на других начертано имя сего героя.

7). Мраморное изображение во весь рост Потамона Александрийского, учредителя школы эклектической, избиравшей из прочих сект все лучшее и полезнейшее. Драгоценный сей памятник, превосходной греческой работы, найден в развалинах Халкидона, против Константинополя, где, вероятно, Потамон кончил дни свои и был погребен.

8). Большое собрание бронзовых кумиров, ламп и других вещей древних, найденных в развалинах Геркулана и Помпеи и приобретенных г. Бл. в Одессе от одного путешественника.

Г. Бларамберг, не довольствуясь тем, что богатое собрание его открыто для всех любителей наук, и особенно истории и древностей, сделал еще от избытков своих значительное пожертвование для положения основания учрежденному в Одессе по распоряжению Правительства публичному Музеуму, который и был открыт 9-го сего августа. Пожертвование его состоит: 1) Из собрания разных древностей египетских; 2) собрания разных кумиров и вещей из бронзы, найденных в Геркулануме и Помпее; 3) собрания золотых, серебряных и медных монет разных императоров римских, начиная от Августа; 4) собрания монет разных греческих ца-

рей и городов, особенно стран понтийских; 5) собрания отборных книг, касающихся до истории и археологии.

Надобно надеяться, что и другие хранители древних вещей последуют г. Б. и вскоре обогатят сие рождающееся заведение подобными пожертвованиями. Музеум сей помещен, на первый раз, в небольшой беседке его сада, отделанной в приличном для сего виде.

Другое подобное собрание, не менее любопытное и характеристическое, принадлежит Ивану Алексеевичу Стемповскому. Оно состоит из монет числом более 1000, собранных большею частью по берегам Черного моря. В нынешнем году оно получило приращение несколькими любопытными медалями, найденными на острове Тендре. Собрание сие заключает в себе значительное количество монет: ольвийских, херсонских (*херсонесских* – Г. С.), пантикапейских, фанагорийских и тирасских. Императорские монеты сего последнего города, в соседстве Ольвии на берегу Днестра (где ныне Аккерман) стоявшего, простираются от времен Домициана до Александра Севера. Выше замечено, что и ольвийские оканчиваются также на Александре Севере, почему ясно видно, что Ольвия и Тира почти в одно время существовать перестали. Полковник Стемповский особенное старание прилагает о собрании монет древних царей боспорских, для объяснения истории оных, и успел уже соединить изрядное количество таковых монет. Между ними особенное внимание заслуживает одна очень редкая, царя Митридата III, с изображением царицы, его супруги*, и три монеты царя Радамеадиса, о коих полковник Стемповский напечатал в 1822 году особенное известие, и которые до того времени совершенно были неизвестны. Радамеадис царствовал во времена Константина Великого**.

Полковник Стемповский имеет также у себя прекрасную вазу***, в роде этрусских, с изображениями, найденную в 1823 году в Одессе. Она

* Описание сей исторической монеты было помещено в «Одесском вестнике» 1827 года, февраль.

** Богатейшие собрания монет царей боспорских, кроме эрмитажного, находятся в Вене, куда поступил славный кабинет Тевполо из Венеции, в Париже и в Минхине. Сей последний составил из драгоценного кабинета Казинери, бывшего французского консула в Смирне и Салонике. Между частными собраниями Боспорских монет известно в Париже собрание г. Алье д'Отерот, находившегося несколько лет консулом в Ираклии Понтийской (ныне Пендераки).

*** Ваза сия находится ныне в Одесском музее; вместе с ней хранится другая, еще любопытнейшая, найденная также в Одессе в 1826 году и описанная в «Отч. Зап.», июнь 1827.

особенно любопытна как единственный памятник пребывания древних греков на том месте, где ныне стоит Одесса. Полк. Стемп. сделал сей вазе особое описание, с присовокуплением изысканий о древних греческих поселениях по берегу Черного моря, между Днепром и Днестром существовавших'. Из изысканий сих видно, что на том месте, где построена Одесса, находился в древности так называемый Истрианский порт (Istrianorum portus), упоминаемый в Аррияновом Перипле Понта Евксинского.

Остальное время дня посвящено было мною обозрению любопытных храмов Богослужения.

Собор здешний может почтяться одним из прекраснейших в Русском царстве. Пол из белых мраморных досок, а алтарь устлан марсельскими кафелями, наподобие мозаики. Местные образа хорошей академической работы и покрыты серебряными ризами, ярко вызолоченными; утвари и ризы церковные поддерживают гармонию прочего богатства. У северных дверей замечателен образ Божией Матери, высокой итальянской кисти; он пожертвован покойным И. К. Фродингом. На бронзовой доске описана история сего отличного произведения Palmo vecchio, а в недавние времена одна незнакомка, пришедшая под вуалем, принесла на образ сей и серебряную ризу. Плащаница, унизанная крупным жемчугом, а венец – драгоценными камнями, – есть также пожертвование частного человека. С особенным удовольствием можно послушать и соборных певчих, кои голосами своими уступают разве одним черноморским и делают особенную честь своему попечителю отцу протоиерею Петру Семеновичу Куницкому, знаменитому сподвижнику и другу преосвященного экзарха Гавриила.

В *Греческой* церкви с благоговением поклонялся бранным останкам патриарха Григория, замученного турками в Константинополе в день Св. Пасхи 1821 года и брошенного с камнем в море, но чудесным образом спасенного на греческом корабле, шедшем в Одессу, который и привез его невредима от тления.

Внутренность храма распещрена разными сказаниями из Апокалипсиса, а в паперти замечательно изображение ада, написанное в Иерусалиме каким-то русским художником Димитраки, который превзошел, кажется, воображение самого Данте, напустив, в том числе на употребляющих румяна, змей, кои сосут щеки у грешниц!

* Исследования сии помещены в майской книжке 1826 года «Отч. Зап.».

Католическая церковь невелика, но убрана с немалым великолепием. В ней замечателен прекрасный образ Богоматери кисти Карла Дольче, присланный в церковь сию от М. А. Нарышкиной.

Старообрядческая сделана по плану собора в меньшем размере и, кроме старинных книг и некоторых икон, не заключает ничего достойного замечания.

Лютеранскую, к крайнему удивлению, я нашел устроенную в ветхом магазине. (Это было временно: ныне построена прекрасная Лютеранская церковь и открыта для богослужения в 1827 году).

Напротив того, *Синагога* – в самом цветущем положении, как по числу, так и по богатству прихожан.

Успенский Монастырь, находящийся на Бабасе, в 10 верстах от Одессы, если не заключает никаких достопамятностей, то делает честь своему основателю г. Теутулу, который пожертвовал сие прекрасное место, со всеми садами, для архиерейского подворья, между тем как католики предлагали ему за оное 50 тысяч рублей. Исполнилось и желание сего почтенного мужа: заложенный им маяк, на который он также пожертвовал 14 тысяч рублей, ныне кончен и освещается лампами. Любопытна история сего маяка: в одну бурную, осеннюю ночь Теутул слышит стук у дверей своего хутора, бывшего на сем месте, и пред ним является беловласый старец. «Ты видишь, – сказал он, – одного из мореходцев, пострадавших у берегов сих от тебя: огонь в хуторе твоём принят мною за городской, и я направил корабль мой на камень, о который он разбился. Грех и проклятия падут на тебя от многих, подобных мне, если ты не воздвигнешь здесь маяка для отвращения бедных мореходцев от верной гибели».

Следующий день я начал посещением Ришельевского лицея, принесшего в весьма короткое время столь много пользы просвещению. Питомцы первых годов его основания особенно отличались своею образованностию, и не могло быть иначе: Дюк де Р. был привязан душою к своему творению, посещал почти ежедневно сие заведение, поощрял детей к соревнованию, так что отличных из них приглашал к себе в праздники на обед и удостоивал их разговорами. Воспитанники, при таком поощрении, делали чудесные успехи, родители получали неограниченное доверие, и вскоре комплект Лицея, на 120 человек, наполнился; но вскоре и сие прекрасное заведение по удалении герцога имело, как и прочие подобные учреждения, свой упадок. Я нашел в нем не более 63

воспитанников, из коих каждый платил за учение и содержание свое 1200 рублей. Строение лицея хотя довольно огромно, но заметно, что было временное. Ришелье намерен был воздвигнуть для сего великолепное здание за крепостию у моря, которое бы стоило несколько миллионов. Уже и план оного сделан Монфераном за 15 тыс. рублей.

Разделение детей по возрастам мне весьма нравится; не только учение, но и самые забавы приурочены к летам, а потому у каждого возраста свой класс и свой двор для забав. Несколько воспитанников обучаются на пожертвованные Дюком де Ришелье деньги, составляющие до 16 тыс. годового дохода с аренды, за службу ему от щедрот Государя пожалованной, и которые он предоставил на воспитание бедных дворян, и в особенности сирот, оставшихся после отцов, которые убиты в прошедшую кампанию против французов. Сии воспитанники называются педагогами и должны по окончании курса прослужить 6 лет надзирателями и адъюнктами при лицее. По ходатайству основателя, он сравнен с университетами, и выходящим с хорошими аттестатами отличным воспитанникам предоставлены права студентов.

О *военной гавани* несколько сказано мною выше. Присовокуплю к тому, что как она, так и *купеческая*, ограждены высокими насыпями или мулами, вдавшимися в море сажень на 200. Они обложены камнем и так широки, что по ним повозки без затруднения подъезжают к кораблям для загрузки или разгрузки оных. Глубина купеческой гавани от 23 до 8 футов, и как она год от году приметным образом мелеет, то собираются ныне ее чистить*. Мула ограждена высокою каменною стеною, за коюю на самом берегу морском выстроена прекрасная ресторация для пассажиров и капитанов, живущих на кораблях и остающихся в карантинном положении. Тут стоит и бот для спасения от кораблекрушения, с полным экипажем при офицере, готовом подать руку помощи при малейшей надобности кораблю, идущему с моря.

Карантин занимает все пространство уничтоженной крепости. Магазины для прокурки и проветривания иностранных товаров довольно пространны, а пассажирские домики, числом 23, где выдерживают положенный срок, хорошо расположены на горе и обсажены деревьями, отчего в них, при самом большом жаре, бывает приятная прохлада. Для переговоров находится несколько домиков, где за решетками, отделенными довольно большою пустотою, имеют свидание городские жители с

* Работа сия производится уже, и очень успешно. (Пр.[имечание] 1829 г.).

пассажирами, не выдержавшими срок карантина; ныне строится для сего же весьма красивая галерея, от коей недалеко и харчевня, снабжающая карантин всякими кушаньями и вином за весьма умеренную цену: по 30 коп. порция и рубль за бутылку хорошего вина. Чумное отделение выстроено совершенно вновь и с большими удобствами и предосторожностями, найденными необходимыми после ужасного опыта прошедшего 1812 г., когда в четыре месяца от сего ужасного бича рода человеческого Одесса лишилась десятой части своих жителей и торговля восстановилась не ранее 1814 года. Доселе еще неузвано совершенно, отчего возникла эта язва в городе. Рассказывают различным образом, в том числе я слышал, будто она распространилась от сундука, брошенного на улице, с платьем и разными пожитками, кои растасканы были народом прежде, чем дошло сие до сведения полиции; и сие ужаснейшее злоумышление приписывали Наполеону, силившемуся в то время ослабить, уничтожить Россию*. Одесские жители вспоминают с благоговением о попечениях, оказанных при сем несчастном случае добрым Ришелье страждущему человечеству. Тогда как Одесса представлялась обширною гробницею, тогда как всякий помышлял о самом себе, один Дюк де Ришелье презирал опасности и, подвергая жизнь свою непрерывно оной, пекся о спасении других: одне неисповедимые Судьбы могли сохранить его для счастья тысяч его сограждан**.

Брандвахта, стоящая в версте от берега, делает предварительный осмотр всем судам, и при малейшем сомнении на счет чумы, не допуская до гавани, отправляет таковое судно в карантин.

После сего заходил я в городскую гошпиталь, которая существует с 1808 года и содержится в таком же порядке и чистоте, коими славятся все человеколюбивые заведения в России.

Вечер провел приятно в театре, давали Россиниеву оперу *Italiana in Algieri* – и весьма порядочно для нестоличного города, которому стоит сия забава, как я слышал, до 30.000 рублей в год! Театр снаружи гораз-

* Никак нельзя верить, чтобы сие было следствием умысла. Чума в то время свирепствовала ужасно в Константинополе; в четыре месяца умерло там до 200 тыс. человек. Корабли приходят оттуда в Одессу иногда в 2 и 3 дни. Мудрено ли было завезти чуму, которая, вероятно, прокралась посредством какого-нибудь контрабанда.

** Дюк де Ришелье несколько раз входил в больницы, наполненные зачумленными людьми. В 1813 году он не оставил ни одного зачумленного места в Херсонской губернии, не посетив оного. Провидение невидимо охраняло его.

до лучше, чем внутри. Он, кажется, построен по рисунку знаменитого Парфенона, хотя с большими изменениями и упущениями. Ложи в три яруса, и еще раек; партер начинается у оркестра, а кресла за ним идут амфитеатром. Места в сих последних по 3 р., а ложи в первом ярусе 20 р.

Бульвар здешний по местоположению своему может назваться одним из прекраснейших в Европе! Он расположен по возвышенному берегу моря, которое представляется отсюда во всей красоте своей с обеими гаванями и карантинном, усеянными кораблями. С другой стороны обращен к нему ряд прелестнейших домов, кои сделали бы украшение и самой столице Севера, каковы: генерала Орлова, гр. Болеслава Потоцкого, кн. Лопухина и пр.; но он несказанно выиграет еще, когда кончится постройка великолепного дворца графа М. С. Воронцова, воздвигаемого у самого конца бульвара, и когда вниз по крутой горе – от полукружной колоннады до военной гавани – разобьется прелестный сад в английском вкусе*. Наконец на будущее лето ожидают из Петербурга и великолепный бронзовый памятник Дюку Ришелье, который воздвигает ему благодарная Одесса и который поставится на площади, оставленной нарочно пред бульваром**.

Одесса не может похвалиться своими окрестностями, кои доселе представляют гладкие, безводные степи; только покатоги или, лучше сказать, крутизны морского берега изменяют несколько картину монотонности и скудости природы и доставляют возможность развести приятные загородные мызы и хуторы. Лучшим из оных может почесться дача г. Рено***.

Прекрасное, живописное положение сие весьма легко можно обратиться в романтическое обиталище фей – и с небольшими издержками. Материалы готовы для подземных глубоких гротов, шумящих каскадов, великолепных фонтанов, для уединенных морских купален – между

* Как тот, так и другой, с утончением роскоши и вкуса, уже кончены и составляют лучшее украшение города, а пребыванием в сем замке Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Федоровны останется оный незабвенным в летописи истории. (Пр.[имечание] 1829 г.).

** И монумент также поставлен на своем месте и открыт прошедшего 22 апреля при подобаемом торжестве. Памятник сей есть одно из примечательных произведений знаменитого скульптора нашего Мартоса и изображает на гранитном подножии покойного Дюка де Ришелье во весь рост, держащего в одной руке сверток, а другою указывающего на порт, им созданный

*** Государыня Императрица Александра Федоровна изволила занимать ее во время пребывания своего в Одессе.

дикими скалами, для разного рода храмов, беседок, капризов; нужны больше всего: добрая воля и вкус. Здесь замечательна мраморная колонна, взятая, вероятно, из турецкой мечети, посвященная памяти доброго Ришелье. Высокий берег, как стеною, окружает сие владение, так что только приближась к самому краю оно, вы можете усмотреть сады и домы под ногами вашими. Не в дальнем расстоянии от него, ближе к городу, хорошенькая дача генерала Кобле', в коей всего замечательнее длинная крытая лестница, ведущая с горной дороги к самому дому, стоящему неподалеку от моря.

Возвращаясь пред заходом солнца в город, за версту встречены мы были пыльною атмосферою, плавующею в виде тумана над Одессою. Несмотря на сие, утверждают, что как пыль, так и грязь несравненно уменьшились в городе со времени вымощения главных улиц по Мак-Адамовой системе. К сожалению, работа сия не может идти успешно за неимением крепкого камня в окрестностях Одессы. Для поощрения корабельщиков привозить оный вместо балласта сделаны некоторые облегчения: в том числе свозится с их судов таковой балласт казенными судами, между тем как для песчаного отведено отдаленное место.

Попечением незабвенного Дюка де Ришелье разведен и публичный сад. Он невелик, но заключает много тени и служит, подобно петербургскому Летнему саду, единственною отрадою и укрытием от летнего зноя людям, не имеющим возможности отлучаться на дачи. В нем есть беседки и палатки, где можно во всякое время найти прохладительные напитки, фрукты и мороженое.

Близ самого города устроены купальни в море, что доставляет немалое удовольствие и выгоды здешним жителям и приезжающим пользоваться полезным морским купаньем.

В клубе, имеющем прекрасную, довольно просторную залу, построенную во время Дюка де Ришелье наподобие московской залы Благородного собрания, дают по воскресеньям и праздникам балы, кои бывают блестящи, особливо во время стечения многих фамилий из польских губерний для коммерческих оборотов и лечения морскими ваннами. Вообще же можно легко заметить, что одесские жители ведут жизнь более на манер иностранный, нежели русский, то есть – живут более на улице, чем в домах, более участвуют в публичных собраниях, чем угощают у себя.

* Ныне принадлежащая генералу Курису, сподвижнику Суворова.

Наконец, чтоб довершить картину Одессы, должно сказать с некоторою подробностью о здешней торговле. Она состоит почти из одного торгу пшеницею, коею снабжается отсюда Южная Европа и которая от самой низкой цены: 6 и 7 рублей за четверть возрастает иногда до 40 и 50 руб., судя по требованию! Вот отчего в 1816, 17 и 18 годах помещики вокруг лежащих имений и купцы сделали неимоверные фортуны на одной пшенице, а теперь она имеет мало сбыту. Хлеб же привозится в Одессу наиболее из губерний: Подольской, Волынской, Киевской, Екатеринославской и Херсонской.

Ежедневно приходят в город несметные обозы, коими заставлена большая часть улиц и площадей; магазейны, находящиеся почти при каждом доме, наполнены пшеницею: здесь ее ссыпают, там перечищают или *гροхотят**, так что на каждом шагу вы видите сей продукт, бывший единственным источником богатства сего порта, превращающийся на самом месте в чистое серебро и золото. В 1817 году Одесса получила за оный до 50 миллионов звонкою монетою, и более 1.100 кораблей приходило сюда за пшеницею, которой вывезено было до 1.200.000 четвертей. С некоторого времени начинают вывозить из одесского порта в довольно большом количестве сало говяжье, воловьи кожи и некоторые другие товары российского произведения. Надобно надеяться, что выпуск сих различных продуктов будет год от году увеличивается, и чрез то упрочится торговля одесская, коей благосостояние зависело доселе от весьма непостоянного и частым изменениям подверженного торга пшеницею.

Отечественные записки. – СПб., 1830. – Ч. 41. – Кн. 117.

* Они составляют главнейший доход здешних домов.

** Главное правило к сохранению пшеницы есть как можно чаще ее пересыпать, что делается каждые десять дней – с одной стороны магазейна на другую, для чего оставляется по двум сторонам пространства аршина два. В кучу кладется не более 700 четвертей, более было бы тяжело для самого зерна. Два человека легко пересыпают сие количество в один день, а просеять в грохоте не могут более 500 четв.

«Совсем как птица был я всю жизнь»

Рукописи И.А. Бунина в фондах ОЛМ

*И*ван Алексеевич Бунин – крупнейший русский прозаик и поэт, создатель замечательных образцов пейзажной, интимной и философской лирики, ярких реалистических произведений о русском крестьянстве. Его творчество является как бы мостом между классической литературой XIX века и русской литературой XX века.

А. Твардовский писал, что «перо Бунина... – пример... благородной сжатости русского литературного письма, ясности и высокой простоты (чуждой мелкотравчатым ухищрениям формы ради самой формы)»¹. Его литературный дар М. Горький оценивал так: «Талант красивый, как матовое серебро»².

Всю свою жизнь И.А. Бунин провел в странствиях, не имея собственного пристанища. «Я чувствовал, что я чужой всем званиям и состояниям... Я жил, на всех и на все смотря со стороны, до конца ни с кем не соединяясь... И по-прежнему дома не сиделось»³.

Внутреннее одиночество порождало желание куда-то уехать, прочь от всех, а может и от себя. Наверное, именно этому свойству И.А. Бунина мы и обязаны тем, что он часто приезжал в наш город.

В фондах Одесского литературного музея хранятся рукописи И.А. Бунина: договор, заключенный с Торговым домом С. Курнина об издании книг Бунина и пять записок на отдельных листках, подаренные нашему музею московским литературоведом А.К. Бабореко, а также пять оригинальных писем, которые адресованы его друзьям-одесситам. Три из них написаны П.А. Нилусу, и два – А.М. Федорову. Одно из адресованных Нилусу (к сожалению, в ОЛМ есть только окончание этого письма), содержит рукопись стихотворения «Полюс». Второе – открытка, посланная П.А. Нилусу из порта Джибути, датирована 4 марта (19 февраля), без указания года. Третье датировано 3 апреля (22 марта) 1913 г. и написано на острове Капри.

Три письма, адресованные П. Нилусу, подарены нашему музею одесским меценатом, директором фирмы «Интерброкер», Виталием Александровичем Оплачко. По словам В.А. Оплачко, он приобрел эти письма для

ОЛМ у одесского скульптора Владимира Дмитриевича Земского, который в свою очередь купил их в одном из одесских антикварных магазинов.

Два письма, адресованные А.М. Федорову, одесскому литератору и художнику, подарены нашему музею СФК (Советским фондом культуры) в 1990 г. Первое датировано 30 мая 1932 г. Написано на обороте фотооткрытки, изображающей И.А. Бунина в г. Грасе (Франция). Второе датировано 17 апреля 1933 г. и написано на обороте открытки с изображением горной местности. В верхнем правом углу открытки – надпись «Это возле нас» (имеется в виду пейзаж г. Граса). Письмо содержит поздравление А.М. Федорова с Пасхой. Впервые обзор рукописей Бунина в фондах ОЛМ был представлен автором статьи в альманахе «Южное сияние» № 1 за 1911 г.

В первый раз И.А. Бунин приехал в Одессу 9 июня 1896 г. Жил три дня на даче у своего приятеля – Александра Митрофановича Федорова. Затем каждый год, а то и два раза в год, он приезжал в наш город. Всего в Одессе он побывал более 30 раз.

В следующий приезд в мае 1897 г. Иван Алексеевич жил у Федорова в Люстдорфе, где состоялось его знакомство с А.И. Куприным, который жил в то время у соседей Федорова по даче – Карышевых. Писателей связывает с тех пор многолетняя дружба. Известно, что именно И. Бунин помог Куприну опубликовать несколько его ранних рассказов в одесских газетах.

Летом 1898 г. Бунин вновь приезжает в Одессу. Этот третий приезд в наш город является одним из самых значительных для писателя. В этом году Бунин знакомится в Одессе с Николаем Петровичем Цакни, редактором газеты «Южное обозрение». Он часто бывает на даче у Н.П. Цакни, где знакомится с его дочерью – Анной. Иван Алексеевич влюбляется и вскоре делает Анне Николаевне предложение, которое та принимает. 23 сентября 1898 г. состоялась свадьба, и молодожены поселились в доме семьи Цакни на ул. Херсонской, 44.

Счастье молодых было недолгим, через полтора года, в 1900 г. брак распался. Через несколько месяцев после разрыва Анна Николаевна родила сына Колю, который в возрасте четырех лет умер от воспаления сердца (эндокардита). Это был единственный ребенок И.А. Бунина.

К 16 июня 1901 г. относится договор, заключенный И.А. Буниным с Торговым домом С. Курнина об издании его книг. В то время С. Курнин издал книги И.А. Бунина: сборник для юношества «Родные цветы» и «Волга», куда вошли как рассказы, так и стихи.

Е.О. Буковецкий. Одесса, 1903

Этот документ был подарен нашему музею Бабореко А.К. 20 февраля 1981 г.

Были у Бунина, помимо брака с А. Цакни, и другие связи с Одессой – намного более прочные и счастливые, продлившиеся много лет. Это были дружеские связи с одесскими художниками, членами Товарищества южнорусских художников: Петром Александровичем Нилусом, Евгением Иосифовичем Буковецким, Владимиром Павловичем Куровским, писателем и художником Александром Митрофановичем Федоровым и др.

У художников существовал обычай собираться по четвергам у Буковецкого.

«Четвергом» называлось еженедельное собрание южнорусских художников, писателей, артистов... вообще людей, любящих искусство, веселое времяпрепровождение, товарищеские пирушки. После обеда художники вынимали свои альбомы, писатели, поэты читали свои произведения, певцы пели, кто умел, играл на рояле...»⁴.

Особенно сблизился Бунин с П.А. Нилусом, дружба с которым длилась долгие годы и перешла почти в братские отношения. Он, кроме душевных качеств, ценил в Нилусе талант художника, тонкое понимание природы, людей, особенно женщин, – и все уговаривал его начать писать художественную прозу.

Петр Александрович Нилус родился в 1869 г. в Одессе, где и жил до эмиграции в 1919 г. Эмигрировал вместе с А.М. Федоровым сначала в Румынию, а затем в Болгарию. После добрался до Франции, жил одно время в Париже в одном доме с И.А. Буниным, который впоследствии писал о нем: «Наследие он оставил большое... Картины его находятся во многих и многих русских и европейских музеях и частных собраниях... Был он и талантливым беллетристом»⁵.

Первый рассказ Нилуса «Утро» был посвящен И.А. Бунину. В 1901 г. Нилус посвятил Ивану Алексеевичу свою картину «Одиночество», где на фоне осеннего пейзажа изображена молодая женщина, сидящая на берегу моря. По своему настроению эта картина очень созвучна лирике

Бунина того времени. В 1918 г. Нилус написал портрет И.А. Бунина (ныне хранится в музее Бунина в Орле).

Дружба с Нилусом продолжалась всю жизнь. В эмиграции, общаясь с П.А. Нилусом, Бунин часто вспоминал Одессу и всех одесских друзей своей молодости.

Рассказ «Галя Ганская» – один из многих, вошедших в книгу под названием «Темные аллеи», – история любви, которая никогда не соединяет влюбленных. Действие происходит в Одессе. Герои встречаются на углу улиц Дерибасовской и Преображенской, на Соборной площади, в Отраде. Рассказ напоен весной, морем, одесским солнцем, и тем острее его трагический финал – смерть Гали Ганской, полюбившей художника. В образе молодого художника писатель использовал некоторые черты Петра Александровича Нилуса.

Нилус также являлся прототипом художника в рассказе Бунина «Сны Чанга». Чердак, на котором жил художник, «списан с чердака», на котором жил Нилус в 1918 г., на улице Княжеской, 27. Это был особняк художника Буковецкого, в котором в 1918 г. жил и Иван Алексеевич с женой В.Н. Муромцевой.

Известно, что Бунин посвятил Нилусу стихи «Счастье» и «Одиночество».

А П. Нилус писал о своем друге так: «Знакомство с художниками развивает в нем чувство к цвету, к форме... Из писателя, употреблявшего две, три краски, почти без оттенков, образовывается замечательный колорист... Принципы живописи решительно прививаются им литературе... Без Одессы он был бы писателем другого оттенка, характера»⁶.

«Бунин, – писал также П.А. Нилус, – отдавал друзьям весь свой смех, всю свою молодую радость...»⁷.

На даче А.М. Федорова. В центре – В. Заузе, справа – П. Нилус и Е. Буковецкий. Одесса, 1900-е гг.

С художником Евгением Осиповичем Буковецким Бунин сблизился уже в 1898 г. Буковецкий, по словам В.Н. Муромцевой-Буниной, был «изысканный человек, умный, с большим вкусом, старался быть во всем изящным»⁸. Он писал портреты. Одна его вещь была приобретена Третьяковской галереей. В Орловском государственном музее И.С. Тургенева хранится портрет И.А. Бунина работы Е.О. Буковецкого.

Бывал Бунин и на «четвергах» художников, которые чаще всего проходили в доме Е.О. Буковецкого, и где он читал свои и чужие произведения. Вообще, время проходило там оживленно и весело. Дамы, как правило, не приглашались, исключение делалось лишь для приезжих дам.

Бунин выступал и в «Литературно-артистический клубе», где тоже читал свои произведения и доклады.

Еще до разрыва с Анной Цакни писатель сотрудничал с одесской газетой «Южное обозрение», где редактором был его тесть – Н.П. Цакни. Он печатал здесь свои стихи, рассказы, литературно-критические заметки (например, о стихах А.М. Федорова: «Южное обозрение». – 1899. – № 728. – 15 февраля и др.).

Революцию 1905 г. Бунин категорически не принял. Получив известие о всеобщей политической стачке, Иван Алексеевич вернулся в Одессу из Ялты, где гостил в то время в доме у А.П. Чехова. Позже Бунин напишет, что видел в Одессе «дьявольские вещи»⁹.

После 1905 г. Бунин бывает в Одессе почти каждый год. Особенно следует отметить его приезды в 1910, 1911 и 1913 гг.

К январю 1906 г. относится первое (из фондов ОЛМ) письмо И.А. Бу-

Е.О. Буковецкий. Одесса, 1916

нина к Нилусу. Как уже было сказано выше, в ОЛМ хранится только вторая его часть, которая содержит рукопись стихотворения «Полюс». В письме содержится просьба только прочитать стихотворение, но нигде его не печатать.

Зимой 1910 г. писатель работал в Одессе над повестью «Деревня», одним из лучших своих произведе-

ний (начал и закончил работу над повестью в Москве). П.А. Нилус, прочитав «Деревню», поместил о ней заметку в газете «Одесские новости»¹⁰.

Он писал, что вскоре в журнале «Современный мир» появится начало новой повести И.А. Бунина, и дал ей краткую характеристику.

Известно, что в конце 1910 г. Бунин с женой отправились в дальнее плавание: в Египет, на Цейлон, в Сингапур, надеялись побывать в Японии. Проездом были в Одессе.

Корреспондент газеты «Одесские новости» спрашивал Бунина о Толстом, о «последних новостях и течениях в области литературы» и о предстоящей поездке¹¹. 15 декабря Иван Алексеевич получил билеты на пароход «Владимир» и вместе с Верой Николаевной отплыл в этот день в Константинополь.

Очевидно, именно к этому периоду и относится то из писем Бунина, которое не датировано годом, а только числом «19 февраля/4 марта», и адресатом которого является П.А. Нилус. Московский буниновед Антон Бакунцев утверждает, что письмо можно смело датировать 1911 г. В нем писатель буквально в нескольких словах описывает свое путешествие в Джибути.

В 1911 г. в августе Бунин жил в Одессе на Большом Фонтане, на даче у Е. Буковецкого, где в то время жил и П. Нилус. Здесь Иван Алексеевич писал рассказ из крестьянской жизни «Сила» (датирован 16 августа). По соседству жил писатель Семен Юшкевич, приезжал иногда художник Пастернак¹².

29 февраля 1912 г., возвращаясь из заграничного путешествия, Бунин с женой прибыли в Одессу, остановились в «Лондонской» гостинице.

На одном из «четвергов» писатель читал рассказ «Захар Воробьев» и имел, как писали газеты, шумный успех.

27 октября отмечалось 25-летие литературной деятельности И.А. Бунина. Он получил поздравление и из Одессы от членов художественных «четвергов».

И.А. Бунин. Одесса, 1904

Пикник южнорусских художников на даче А.М. Федорова. Б. Фонтан, 1911

В начале 1913 г. писатель снова предпринимает заграничное путешествие, он едет с женой на остров Капри, после едет в Италию (Неаполь). Именно к этому времени относится письмо к Нилусу, датированное 3 апр./22 марта 1913 г., в котором кратко описывается путешествие в Неаполь, и в котором есть приписка: «Писанные стихи сохрани – еще не напечатаны». Поскольку в фондах ОЛМ хранится только первая часть письма И.А. Бунина, без стихов, есть основания предполагать, что вторая часть утрачена, либо хранится в другом месте.

Вот выдержка из интервью Бунина газете «Южная мысль»: «Вернувшийся только недавно с острова Капри известный поэт и писатель Ив. Бунин в восторге от дивной природы, от яркого солнца, напоминающего ему итальянское, от молодой зелени расцветающих деревьев, от чистоты и опрятности нашего вполне европейского города»¹³.

На весну и лето, а также на сентябрь 1913 г. Бунин поселился в Одессе. Остановился в «Лондонской» гостинице. С 12-го мая Бунин и Вера Николаевна жили под Одессой на Большом Фонтане (дача Ковалевского).

14 мая 1913 г. Бунин писал брату Юлию: «Мы третий день на даче – у нас поразительно хорошо. Наняли повара с женой-горничной. Приезжай поскорей»¹⁴.

В этот период Иван Алексеевич начал работать над рассказом «Чаша жизни». 26 мая 1913 г. в газете «Русское слово» был напечатан отрывок из этого рассказа, озаглавленный «Отец Кир». Завершен рассказ 2 сен-

тября 1913 г. Трудился он и над составлением книги новых рассказов к отдельному изданию в «Книгоиздательстве писателей» в Москве. Писал в письме Клестову, что в нее войдут рассказы, написанные главным образом на Капри за прошлую зиму.

25 мая приехал к Бунину в Одессу Юлий Алексеевич. Братья отправились на две недели в плавание по Черному морю и Дунаю. По возвращении Бунин очень много работал. В сентябре он написал рассказ «Я все молчу». Об этом В.Н. Муромцева-Бунина сообщала В.А. Телешовой 19 сентября 1913 г.: «Ян работает, написал два мрачных рассказа»¹⁵.

Писатель прожил под Одессой почти весь сентябрь. В последних числах сентября он уехал с женой в Москву.

В мае 1914 г. Бунин поселился под Одессой на Большом Фонтане. Он много работал в то время над полным собранием сочинений. Знакомится с юным Валентином Катаевым, который принес ему тетрадь со своими стихами, становится первым учителем Катаева в литературе. Знакомство с И.А. Буниным, общение с ним В. Катаев впоследствии описал в своей прекрасной книге «Трава забвения».

В июне Иван Алексеевич отправился с братом в поездку по городам Волги. Третьего июля Бунин уже был снова под Одессой, на Большом Фонтане.

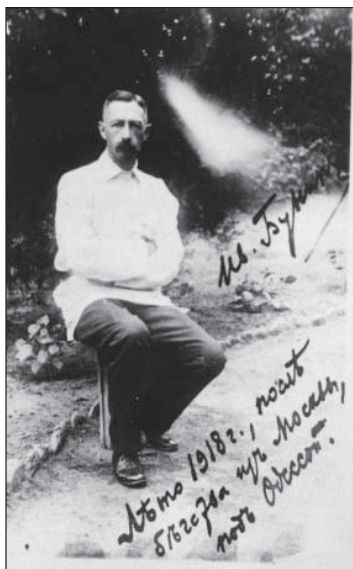
На Большом Фонтане писатель провел полтора месяца. В июле он написал «Святочный рассказ» (позже озаглавленный «Архивное дело»). В середине августа уехал с женой в Москву.

Зиму 1917/1918 гг. Бунин прожил в Москве, не понимая и не принимая того, что творилось вокруг него. Об этом свидетельствует его дневник «Окаянные дни», который он вел в это время.

В письме к А. Бабореко В.Н. Муромцева-Бунина писала (письмо от 13 марта 1958 г.): «Сообщаю наши даты. Мы покинули Одессу в 1920 г. 26 января по старому стилю. А из Москвы мы выехали 21 мая 1918 г.

...Мы ехали в санитарном вагоне до Минска. От Минска в поезде до Гомеля. Там сели на пароход до Киева. В переполненном Киеве едва нашли пристанище. Одолевали Ивана Алексеевича поэты и писатели, так что из-за них пришлось бежать в Одессу... Сняли на лето дачу Шишкина за Большим Фонтаном, жили там до октября. Затем переселились в город, где нам сдал две очень хорошие комнаты в своем чудесном особняке Евгений Иосифович Буковецкий, художник.

Прожили мы там год и почти четыре месяца. Там же проживал и художник Петр Александрович Нилус, большой друг Ивана Алексеевича.

И.А. Бунин. Одесса, 1918

Он тоже и писатель, очень оригинальный, таким может быть только художник, что особенно ценил Иван Алексеевич»¹⁶.

В Одессе Бунин заведовал литературным отделом газеты «Южное слово». Часто встречался с Валентином Катаевым, активно участвовал в становлении его как писателя.

Иван Алексеевич настолько скомпрометировал себя своими контрреволюционными взглядами, что если бы не его друг Петр Нилус, который телеграфировал в Москву Луначарскому, чуть ли не на коленях умоляя председателя Одесского ревкома, то его бы расстреляли. Нилус выхлопотал «охранную грамоту», которую прикрепили к двери квартиры Буковецкого, и которая делала личность, жизнь и имущество академика Бунина неприкосновенными.

26 января на французском пароходе «Спарта» Бунины отплыли в Константинополь, что очень живо и зримо описано Иваном Алексеевичем в его рассказе «Конец». Из Константинополя прибыли в Болгарию, затем в Сербию, а в конце марта – в Париж.

В дальнейшем Бунин публиковал свои сочинения преимущественно за границей. Выступал со статьями, направленными против советской власти. В своем творчестве эмигрантского периода он обратился в основном к лирическим, интимным воспоминаниям молодости. Все настойчивей звучала в его произведениях тема смерти, выступающей разрешительницей всех противоречий в рассказах о роковой любви: «Митина любовь» (1925), «Дело корнета Елагина» (1927), цикл новелл «Темные аллеи» (1943). Самым значительным произведением, которое Бунин написал в эмиграции, был автобиографический роман «Жизнь Арсеньева» (1927–1933).

Среди литературных жанров Бунина заметное место занимают его воспоминания о Чехове и Толстом, которых он считал своими учителями. Над литературным портретом Чехова Бунин работал почти всю свою творческую жизнь. Первые заметки «Памяти Чехова» были опубликованы в 1904 г. в одной из книг горьковского товарищества «Зна-

ние». Толстому Бунин посвятил литературно-философское исследование «Освобождение Толстого» (1937).

Летом 1931 г. Иван Алексеевич очень много работал, написал целую серию коротких рассказов – они вошли в книгу «Божье древо».

К этому времени и относится четвертое письмо И.А. Бунина (из фондов ОЛМ). Датировано оно 30. 05. 1932 г. и адресовано давнишнему одесскому другу Бунина – писателю, поэту и художнику Александру Митрофановичу Федорову. Написано оно на обороте фотооткрытки, изображающей И.А. Бунина во французском городе Грасе, где он в то время жил. В письме Бунин сетует, что не может выслать книгу «Божье древо» другу в Болгарию, ссылаясь на бедность. Там есть также слова: «Ужасно жаль тебя и Л.К.», (Л.К. – это Лидия Карловна, жена писателя). Иван Алексеевич имел в виду эмиграцию А.М. Федорова в Болгарию и разрыв его с женой, которая осталась на родине.

В свое время А.М. Федоров был известным в России поэтом, прозаиком, драматургом, переводчиком. Его имя часто встречалось на страницах петербургских и московских периодических изданий, а пьесы Федорова шли на сценах столичных театров. Федоровым было издано более двух десятков книг. Среди них романы, сборники стихов, переводы, пьесы, путевые записки.

Произведения его публиковались на страницах одесских газет и журналов, включались в различные сборники. А.М. Федоров – член Литературно-Артистического общества. Увлекаясь живописью, Федоров выставлял свои работы на выставках Товарищества южнорусских художников. Круг его интересов широк и разнообразен.

Родился А.М. Федоров 6(18) июля 1868 г. в г. Саратове, обучался в реальном училище. Какое-то время выступал на сцене, много ездил, скитался по российской провинции.

В Одессу на постоянное место жительства Федоров переезжает в 1896 г. Трудно переоценить роль Александра Митрофановича во влиянии на одесскую культурную жизнь того времени. Точно отражают отношение к нему в Одессе слова К.И. Чуковского: «В Одессе его очень любили, там была у него приморская дача, в которой каждый столичный гость, принадлежавший к литературному или театральному цеху, находил радушный прием и пристанище»¹⁷.

Начиная с первого приезда Бунина в Одессу 1896 г., тот часто гостит у Федорова, сближается благодаря Федорову с Товариществом южнорусских художников.

Известно также, что Александр Митрофанович был шафером на свадьбе И.А. Бунина. По воспоминаниям В.Н. Муромцевой, знакомство Бунина с Анной Цакни произошло благодаря Федорову, так как однажды греческая чета Цакни приехала в гости к Федорову, на его дачу. А вскоре Николай Цакни пригласил молодых писателей – Бунина и Федорова к себе на дачу, на 7 ст. Б. Фонтана, где и увидел Иван Алексеевич красавицу-гречанку, дочь Цакни от первого брака, Аню.

Круг знакомых и друзей Федорова обширен, это буквально «вся Одесса»: писатели, художники, актеры и политические деятели. Его дом, без сомнения, был одним из самых заметных «культурных гнезд» города.

Но нужно сказать, что «дом Федорова» – это образ собирательный, по словам краеведа С.З. Лущика, «соединивший в себе много дач и квартир», «разбросанных вдоль одесского побережья от порта до Люстдорфа». Известно также, что в зимние месяцы Федоровы снимали квартиры в городе.

Первый собственный дом появился у Федоровых только в 1912 г. Жила семья в этом доме до 1919 г., до года эмиграции Александра Митрофановича в Румынию, а затем в Болгарию. В доме осталась жена Федорова – Лидия Карловна и жила в нем до 1937 г., вплоть до своего ареста. Дело в том, что еще до его отъезда у него произошел разрыв с женой, и естественно, что жена, а также и сын Федорова – Виктор, ехать с ним не захотели, семья тогда распадалась, часто навсегда.

Портрет А.М. Федорова

29 лет жизни писателя связано с Болгарией. В далеком прошлом оставались его дружба и переписка с А.П. Чеховым, товарищеские отношения с Куприным, Буниным, Катаевым. В Софию Александр Митрофанович приехал вместе со своим старым другом – П.А. Нилусом в канун нового 1920 г. Один из ближайших друзей Федорова, болгарский писатель Чилингинов, вспоминая свои первые впечатления о русских эмигрантах, писал: «Эти люди жили одним желанием – выговориться. Они думали, что в разговорах заглушат тоску по покинутой Родине, а в песнях утопят вздохи отчаяния. Море муки, горы скорби несли они в своих душах!»¹⁸.

В Софии писатель поселился на ул. Чепина, 19, в квартире Невены Желязовой. Одно из стихотворений А.М. Федорова из его архива, переданного в ОЛМ дочерью Желязовой – Лилианой Георгиевной Шульц, отражает горькие мысли поэта-эмигранта:

«Не дай мне, Боже, догореть
Углем в золе.
Не дай мне, Боже, умереть
В чужой земле».¹⁹

Но жизнь распорядилась иначе, и А.М. Федорову было суждено умереть именно в чужой земле, хотя и в близкой России по духу – в Болгарии, в 1949 г.

Что же касается того, что Бунин сетует на то, что ему не на что выписать экземпляр своей книги для пересылки ее Федорову, то этому имеется объяснение: живя в г. Грасе с мая 1925 г., Бунин с женой перебивались случайными заработками, случайными гонорарами. Впоследствии в число домочадцев вошли поэтесса Галина Кузнецова, прозаики Николай Рощин и Леонид Зуров, заработки которых были также случайны и непостоянны. Чаще они просто жили за счет хозяев.

В мае 1932 г. у Ивана Алексеевича были большие проблемы со здоровьем, открылись сильные кровотечения. Первого июля Вера Николаевна записала в дневник: «Мы стали очень мало есть». 15 июля в дневнике появилась следующая запись: «Две недели не записывала. Чувствовала себя дурно. Был вызван к Яну Маан (доктор) и заодно меня осмотрел. Оказывается, я очень истощена. Нельзя даже по саду вверх ходить. Ян уже больше трех недель теряет кровь. Похудел, побледнел. Все чаще приходит мысль, что без второй операции дело не обойдется. Жаль его ужасно и страшно за него... Мне “детей” жаль. Им очень хочется куда-нибудь проехаться. Но они кротко проводят все дни за работой...»²⁰.

Бунин в то время, несмотря на болезнь, очень много работает, дописывает пятую книгу автобиографической повести «Жизнь Арсеньева». Штудирует всю доступную литературу о Льве Николаевиче Толстом, делает выписки и наброски воспоминаний. Готовит свое Собрание сочинений на 10–11 томов.

25 октября 1932 г. был получен чек за издание «Чаши жизни» и других рассказов на шведском языке. В ту осень Бунин работал как никогда много.

Через год, 10 ноября 1933 г., И.А. Бунин первым из русских писателей получит Нобелевскую премию в области литературы.

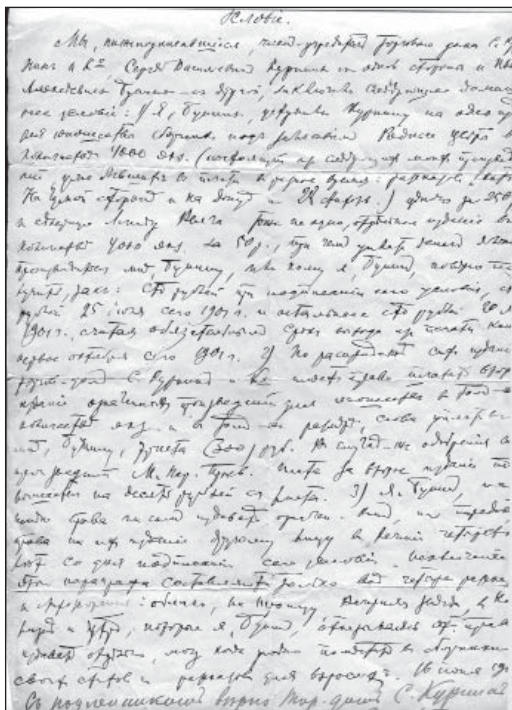
Ниже приводим полные тексты всех рукописей И.А. Бунина, хранящихся в фондах ОЛМ. Тексты публикуются с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

1. УСЛОВИЕ

Мы, нижеподписавшийся, член-учредитель Торгового дома С. Курнин и К°, Сергей Васильевич Курнин с одной стороны и Иван Алексеич Бунин – с другой, заключили следующее домашнее условие: 1). Я, Бунин, уступил Курнину на одно издание для юношества сборник под заглавием «Родные цветы» в количестве 4000 экз. (состоящий из следующих моих произведений, уже бывших в печати в разное время: рассказов «Сват», «На чужой стороне», «На Дону» и 28 стихов) ценою за 250 руб. и следующую книгу «Волга» тоже на одно отдельное издание в количестве 4000 экз. за 50 р., при чем уплату денег можно произвести мне, Бунину, или кому

я, Бунин, поверяю получить зак.: сто рублей при подписании сего условия, сто рублей 25 июля сего 1901 г. и остальные сто рублей 20 августа 1901 г., считая обязательным срок выхода из печати книги первое октября сего 1901 г.

2). По распродаже сих изданий Торг. дом С. Курнина и К° имеет право печатать второе издание означенных произведений для юношества в том же количестве экз. и в том же размере снова уплатить мне, Бунину, триста (300) руб. В случае же одобрения сих произведений М. Пед. Просв. плата за второе издание повышается на 10 рублей с листа.

3). Я, Бунин, не имею права издавать означенные книги, ни передавать права на их издание другому лицу в течение 4-х лет со дня подписания сего условия. Исключение из этого параграфа составляют только все четыре (так у И.Б. – А. Б.) рассказа и стихотворения: «Облако», «На плоту», «Вечерняя звезда», «В Колизее» и «Утро», которые я, Бунин, отказываясь от права издавать отдельно, могу кое равно поместить в сборнике своих стихов и рассказов для взрослых.

16 июня 1901 г.

С подлинником верно. Тор. Дом С. Курнин и К°

Сер. Курнин

В верхнем левом углу – штамп фирмы.

ОЛМ. Р – 564, КП – 7613

2.

Письмо к П.А. Нилусу (январь 1906 г.)

ПОЛЮС

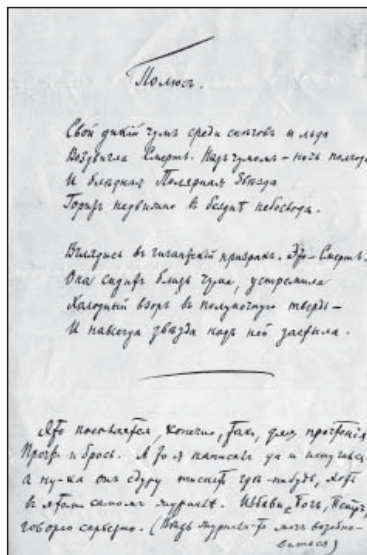
Свой дикий чум среди снегов и льда
Воздвигла смерть. Над чумом – ночь полгода.
И бледная Полярная Звезда
Горит недвижно в бездне небосвода.

Вглядишься в гигантский призрак. Это –
Смерть.
Она сидит близ чума, устремила
Холодный взор в полуночную твердь –
И навсегда звезда над ней застыла.

И в конце приписка: «Это посылается, конечно, так, для прочтения. Прочти и брось. А то я написал да и испугался: а ну-ка он сдуру тиснет где-нибудь, хоть в этом самом журнале. Избави Бог, Петр, – говорю серьезно. (Ведь журнал-то мог возобновиться)»²¹.

ОЛМ. Р – 2384, КП – 26458

Впервые опубликовано: Бунин И.А. Письма 1905–1919 гг. – М: ИМЛИ РАН, 2007.

3.

Письмо к П.А. Нилусу от 4 марта (19 февраля) 1911 г.

«Благополучно дошли до Джибути. Влажно и жарко было в меру. Пока весьма доволен. Послезавтра снимаемся – на Цейлон. Целую. И.Б. Вид голых людей производит довольно сильное впечатление».

ОЛМ. Р – 2385, КП – 26459

Впервые опубликовано: Божко А.И. Я снова вспоминаю осень Юга // Южное сияние. – Одесса, 2011. – № 1.

4.

Письмо к П.А. Нилусу от 3 апреля (22 марта) 1913 г.

«Дорогой, прости, не поверил твоей поездке в Транду. Шлю тебе всякую кляповинку и крепко целую, равно как и Евгения. Послезавтра, надеюсь, уедем с острова в Неаполь. Там посмотрю – м.б., куда-нибудь проедем на недельку, другую, а м.б. – прямо в Одессу. Твой И. Бунин. 3 апр./ 22 марта 1913 г.».

С левого края письма приписка: «Писанные стихи сохрани – еще не напечатаны»²².

ОЛМ. Р – 2384, КП – 26458

Впервые опубликовано: Бунин И.А. Письма 1905–1919 гг. – М: ИМЛИ РАН, 2007.

5.

Письмо к А.М. Федорову от 30 мая 1932 г.

«Дорогой Митрофаньч, спасибо тебе за милое и нежное письмо. Ужасно жаль тебя и Л.К. С радостью выслал бы тебе «Б. дерево», да почти ни одного экземпляра, а выписать не могу – не на что. Не дивись этому – 20 фр. для меня теперь порядочн. деньги. Целую тебя сердечно. Твой Ив. Б.».

ОЛМ. Р – 2071, КП – 22186

Впервые опубликовано: Божко А.И. Я снова вспоминаю осень Юга // Южное сияние., – Одесса, 2011. – №1.

Написано на обороте открытки с портретом И.А. Бунина

6.

Письмо к А.М. Федорову от 17 апреля 1933 г.

«Христос Воскресе! Крепко целую, радуюсь доброй вести, слава Богу! Любящий тебя Ив. Бунин. 17. IV. 33. Вера оч. кланяется.»

Написано на обороте открытки с изображением горной местности. В верхнем правом углу открытки – надпись «Это возле нас» (имеется в виду пейзаж г. Граса).

ОЛМ. Р – 2047, КП – 22185

Записки И. А. Бунина. 30–40 гг. XX в.

Все пять записок И.А. Бунина из фондов ОЛМ, подаренные Бабореко А.К., относятся к 30–40 гг. XX столетия (получены Бабореко А.К. из Франции).

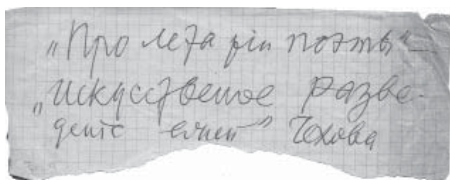
1. «Итальянские стихи» Блока:
Хорошо: Равенна (декламация, но хорошо!)
Все остальное – плохо
(прочел ночью с 1 на 2 октября)

На оборотной стороне записки написано по-французски: “Le Monde” («Мир»)
(Эта записка опубликована Бабореко А.К. в «Альманахе библиофила» за 1982 г.)
ОЛМ. Р – 1463, КП – 13 813

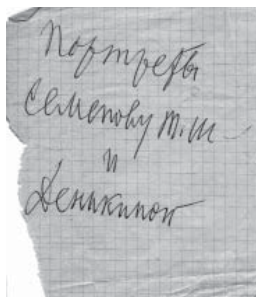
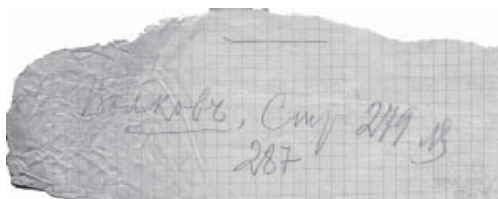
2. «Пролетарии поэты» –
«искусственное разведение
ежей» Чехова.

ОЛМ. Р – 1458, КП – 13 808.

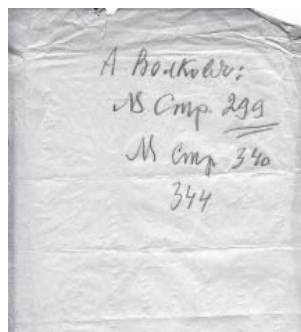
3. Портреты Семенову Т.М.(?)
и Деникиной

ОЛМ. Р – 1461, КП – 13 811.

Волков, Стр. 279
№ 287

ОЛМ. Р – 1459, КП – 13 809

5. А. Волков:
№ Стр. 299
№ Стр. 340
344

ОЛМ. Р – 1460, КП – 13 810

(Последние две записки написаны в связи с тем, что Бунин читал «Очерки русской литературы кон. XIX – нач. XIX вв.» Анатолия Андреевича Волкова).

Примечания

- ¹ Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. / Вступ. статья Твардовского А.Т. – М, 1965. – Т. 1. – С. 48.
- ² М. Горький. Письмо к В. Брюсову // Печать и революция. – М, 1928. – № 5. – С. 56.
- ³ Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. – М, 1965. – Т. 9. – С. 352.
- ⁴ Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1960. – Кн. 60. – С. 172.
- ⁵ Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. – М, 1965 – Т. 9. – С. 476.
- ⁶ Нилус П.А. Ив. Бунин и его творчество // Литературное наследство. – М.: Наука, 1973. – Т. 84. – Кн. 2. – С. 432, 435.
- ⁷ Там же. – С. 432
- ⁸ Бабореко А.К. И.А. Бунин. Материалы для биографии. – М: Худ. лит-ра, 1967. – С. 68.
- ⁹ Бунин И.А. Собр. соч.: В 9-ти тт. – М, 1965 – Т. 9. – С. 315.
- ¹⁰ Нилус П.А. Новая повесть И.А. Бунина // Одесские новости. – 1910. – № 8064. – 13 марта.
- ¹¹ Одесские новости. – 1910. – № 8294. – 15 декабря.
- ¹² Московская весть. – 1912. – № 3. – 12 сентября.
- ¹³ Южная мысль. – 1913. – № 84/1. – 17 апреля.
- ¹⁴ Бабореко А.К. И.А. Бунин. Материалы для биографии. – М., 1983 – С. 208.
- ¹⁵ Литературное наследство. – М, 1973. – Т.84. – Кн. 1. – С. 614
- ¹⁶ Бабореко А.Б. И.А. Бунин. Материалы для биографии. – М: Худ. лит., 1967. – С. 212–213.
- ¹⁷ Чуковский К.И. Две королевы. Собр. соч.: В 15 тт. – М, 2001. – Т.4 – С. 520.
- ¹⁸ Божко А.И. Я снова вспоминаю осень Юга // Южное сияние. – Одеса, 2011. – № 1. – С. 173.
- ¹⁹ Журнальный зал. Каназирска М. Вдали от берегов. А.М. Федоров в Болгарии // Новый журнал. – 2011. – №265.
- ²⁰ Лавров В.В. Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920–1953). – М: Молодая гвардия, 1989. – С. 215.
- ²¹ Бунин И.А. Письма 1905–1919 гг. – М: ИМЛИ РАН, 2007 – С. 21.
- ²² Бунин И.А. Письма 1905–1919 гг. – М: ИМЛИ РАН, 2007 – С. 268.

ЧАС ПРОБУДЖЕННЯ

Тодих весни завітав до Києва разом із новинами з Петрограду, яким, наприкінці лютого 1917 року, пройшла хвиля бунтів, демонстрацій та вуличних сутичок і завершилася революційним вибухом. Уже через кілька днів, 3 березня¹, київські газети повідомили про падіння монархії² та перехід влади в державі до Тимчасового уряду. В Україні радісно вітали Лютневу революцію, пов'язуючи з нею найсміливіші надії на майбутнє. Громадські та політичні діячі Києва відгукнулися на нову політичну ситуацію утворенням Ради об'єднаних громадських організацій³ та її Виконавчого комітету, покликаного взяти владу та підтримувати порядок у місті. Одночасно з Радою об'єднаних громадських організацій у ті березневі дні українські національні лідери⁴ заснували Українську Центральну Раду (УЦР), яку очолив Михайло Грушевський. Натхненні слова першого документу Центральної Ради – «Народе Український! Впали вікові пута. Прийшла воля всьому пригніченому народові, всім поневоленим націям Росії. Настав час і твоєї волі й пробудження до нового, вільного творчого життя після більш як двохсотлітнього сну. Уперше, український тридцятимільйонний народ, ти будеш мати змогу сам за себе сказати, хто ти і як хочеш жити, як окрема нація»⁵ – дали надію на майбутні суспільні перетворення. Тисячі людей у ті дні виходили на вулиці й вдихали п'янке повітря, насичене киснем волі, братнього єднання, свята та весни.

Демонстрація. Київ, березень 1917 р. Поштаівка

Українська революція набирала сили, пробудження національного почуття охопило Україну. Проведення велелюдних маніфестацій під українськими гаслами разом із по-

новленням виходу української періодичної преси⁶ не тільки у Києві, а й в інших українських містах активізували формування ідеї «український народ – українська держава» серед широких верств громадянства.

Перший номер «Вістей з Української Центральної Ради», де головними завданнями УЦР зазначалися територіальна автономія України, державний статус української мови та забезпечення прав національних меншин, вийшов 19 березня, в день проведення української маніфестації⁷. План цього широкомасштабного виступу⁸, який мав засвідчити масовий характер революційного руху в Україні, запропонував Дмитро Антонович, один з засновників УЦР, він представляв молоду генерацію українських національних політиків. Подія була вражаючою і запам'яталась багатьом учасникам: «Самі сміливі сподіванки не могли передбачити такого величавого і грандіозного свята, яким стала ця маніфестація. Більше ста тисяч людей з понад 320 прапорами взяло участь у маніфестації»⁹.

Згадуючи успіх вияву потужності української ідеї у Києві, Людмила Старицька-Черняхівська, активна учасниця українського руху, одна з засновниць київського українського клубу «Родина», писала у своїх спогадах: «Сталось щось надзвичайне. Україна залила київські вулиці й площі. Ті українці, про яких писав недоброї слави «Київлянин», що їх зовсім немає, висипали на вулиці і рушили стрункими лавами з своїми прапорами. Київ не стямився. Більшість людности зустрічала радісно цей надзвичайний похід. Слава Україні! Слава Україні!! – лунало навколо»¹⁰.

«Оптимістичне враження» від маніфестації¹¹ ще досить довго жило

у поглядах та думках українців. Художник Микола Бурачек, який був очевидцем тих днів і брав участь у вуличних маніфестаціях, багато років по тому в своєму листі писав, зберігаючи емоційне хвилювання перших хвилин пробудження нації: «Пам'ятаеш, брате мій, весну 1917 року, коли ми, українці, як

*Демонстрація на вул. Хрещатик, біля Бессарабки.
Київ, березень 1917 р. Фото*

після довгої зими весняні води, розлилися по майданах, вулицях міст, слобод, вийшли демонструвати під жовто-блакитними прапорами, з портретом нашого пророка і учителя Тараса Шевченка?»¹².

Після перших гучних маніфестацій пробуджене революцією київське життя позначається надзвичайно інтенсивним ритмом проведення екстрених засідань і численних зборів, на яких обговорювалося, чи визнавати Тимчасовий уряд та яким шляхом повинна іти Україна до майбутньої демократичної республіки – ці питання хвилювали всіх. Водночас приходить усвідомлення щодо необхідності впровадження широкої демократизації урядування. Ці настрої були підтримані закликком УЦР «<...> Організуйтеся! Тільки згуртувавшись, можна добре пізнати всі свої потреби, рішуче про них заявити і створити»¹³. Люди заходилися самочинно організовуватися в численні громадські організації: різні професійні комітети і товариства, об'єднання студентства, учнів, що головною метою ставили собі розбудову української освіти, культури та мистецтва.

Мистецька громада так само не залишилася осторонь цих процесів. Київські художні товариства та організації «в нових умовах суспільства»¹⁴ прагнули активної участі у роботі Ради громадських організацій Києва. Для цього їм було потрібно створити свій професійний орган, який би на демократичних засадах скеровував мистецьке життя й наповнював його сучасним національним змістом.

Першим масштабним заходом, що об'єднав усіх митців Києва, стали влаштовані Тимчасовим організаційним комітетом художників збори

Григорій Павлуцький.
1910-1920-ті роки. Фото

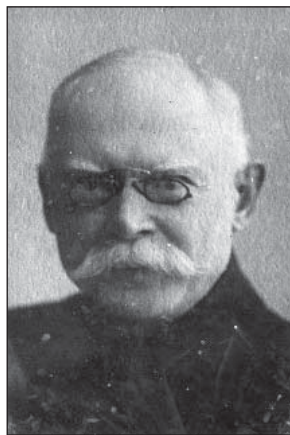
всіх мистецьких товариств та об'єднань київських художників, що відбулися 24 березня у приміщенні Літературно-артистичного клубу на Миколаївській вулиці¹⁵. Напередодні цих зборів ініціативна група художників, куди увійшли Іван Селезньов та Конрад Монастирський, влаштувала невелике зібрання, на якому було обрано Тимчасовий організаційний комітет на чолі з Іваном Селезньовим. Головою зборів був обраний Григорій Павлуцький, секретарем – Григорій Дядченко. Павлуцький відкрив збори промовою, в якій закликав усіх об'єднатися для спільної роботи у галузі мистецтва.

Задля розв'язання нагальних для київської мистецької громади питань, які постали внаслідок розбудови національних державницьких інституцій, присутні на зборах одностайно прийняли рішення обрати комісію від представників всіх мистецьких товариств Києва, яка б обрала зі свого складу двох представників до Ради об'єднаних громадських організацій Києва. До комісії запропонували обирати по два представники від кожної мистецької організації. По завершенні голосування до неї ввійшли 18 художників: «Товариство Київських художників»¹⁶ представляв Ладислав (Владислав) Галімський та Михайло Холодовський; від «Виставки Художників-Киян»¹⁷ виступали Лев Нестельбергер та Сергій Лихотинський; від «Київської Спілки художників»¹⁸ – Григорій Павлуцький і Леонід Обозненко; від «Виставки Української групи»¹⁹ – Фотій Красицький і Михайло Козик; «Періодичні виставки»²⁰ представляли Іван Макушенко та Григорій Дядченко; «Товариство Весняних виставок»²¹ уповноважило Конрада Монастирського та Йосипа Ельмана; від Художнього училища було обрано його директора Федора Кричевського та Валерія Рикова; Училище друкарських справ (художнього друку) представляли Григорій Золотов і Фотій Красицький²², а «Єврейське Товариство заохочення мистецтва»²³ – Олександр Монко та Нісон Шифрин. Головою комісії, так само, як і зборів, обрали Павлуцького, а секретарем Дядченка. Одразу ж члени комісії обрали двох уповноважених представляти їхні інтереси в Раді об'єднаних громадських організацій Києва. Більшістю голосів представником у Раді об'єднаних громадських організацій Києва обрали Григорія Павлуцького, а його заступником призначили Федора Кричевського²⁴.

Після виборів уповноважених та створення комісії на зборах виступив директор Міського музею Микола Біляшівський і повідомив товариство, що його призначено комісаром²⁵ з охорони пам'яток старовини та мистецтва і закликав мистецьку громаду підтримати розбудову цієї справи.

Невдовзі після виступу Біляшівського робота зборів завершилася і підхопивши запропановану художником Михайлом Холодовським здравницю «Хай живе вільне мистецтво у вільній країні!»²⁶ присутні митці всі як один підтримало

Микола Біляшівський.
1920-ті роки. Фото

цей заклик довготривалим «Ура!». Такі емоційні сплески на офіційних заходах були вельми характерні для тієї доби.

Крім справи збереження національних культурних надбань тієї весни у київському художньому житті нагальною потребою постало ще одне питання – створення нової мистецької школи.

Ідея створення незалежної Академії мистецтва в Києві дістає підтримку з боку української громадськості та української преси²⁷. Хоча, зазначимо, що російськомовні видання²⁸ в Києві практично не приділили уваги цьому процесу, зосередившись на загальноросійській політичній дискусії щодо здобуття Україною національної автономії. Протести з приводу діяльності УЦР публікувалися у статтях на кшталт «Против насильственной украинизации Южной Руси» Василя Шульгина, що вийшла у липні в газеті «Киевлянин»²⁹. Демонстраційні прояви російського шовінізму зі сторінок київських газет переходили в реальне громадське життя. Одним із таких сплесків проросійських настроїв був виступ ради професорів Київського університету та вченої ради Політехнічного інституту, які звернулися з листами до Тимчасового уряду на знак протесту проти політики Центральної Ради³⁰.

На тлі поширення настроїв великодержавного шовінізму свою позицію чітко висловив Микола Біляшівський, який публічно підтримав ідею розбудови незалежної мистецької Академії³¹. У доповіді з промовистою назвою «Творчість народного духу», виголошеній 17 липня на спільному засіданні Природничо-технічної секції Наукового товариства і Технічної секції Товариства «Праця», присвяченому нагальним питанням розвитку керамічної школи в Україні³², він запропонував організувати такий відділ «... що відав би справами мистецтва, простір обмежений, правда, більше допомогою, ніж керуванням, бо керування, оскільки можна про нього говорити відносно до вільного мистецтва, повинно належати вищій художній інституції – українській академії мистецтв, що була б заснована, як і академія наук, на підставах незалежності»³³. Цікаво, що одним із пунктів прийнятої на зборах резолюції, було оголошено пропозицію звернутися до УЦР з проханням утворити при Генеральному секретаріаті освіти відділ мистецтва. Окрім того Біляшівський, висунувши побажання щодо окремої виконавчої структури з питань мистецького розвитку української держави, водночас обстоював створення незалежної Академії, яка б мала очолити мистецьке життя.

Ідею про необхідність створення самостійної мистецької академії підхопив Михайло Жук у статті «Українська Академія Мистецтва та Вища Художня школа при ній», яка була надрукована на першій шпальті газети

Фундатори Української академії мистецтва на виставці у залі В. Кричевського.
Перший ряд: А. Маневич, О. Мурашко, Ф. Кричевський, М. Грушевський,
І. Стешенко, М. Бурачек. Другий ряд: Г. Нарбут, В. Кричевський М. Бойчук.
Київ, 22 листопада 1917

«Нова Рада» 22 липня. Згадуючи свою виплекану мрію про українську мистецьку академію, Михайло Жук³⁴ писав: «Давно вже я підносив це питання на сторінках «Ради» – про потребу Національної Академії Мистецтва і давно мій заклик, може, забувся, як забулося і все те, що тепер не пахтить порохом і не загрожує руїною. Але я знову беру перо і маю надію, що, може, мене послухають; може, з моєї мрії повстане і справжнє діло на культурну потребу мого народу»³⁵.

Невелике літературне есе художника, мистецько-громадські принципи якого формувалися й викристалізовувалися під впливом Михайла Коцюбинського, пронизано роздумами про долю українського мистецтва й багатство духовного скарбу українського народу, який тривалий час був недооціненим: «Я б сказав, що для цього є єдиний шлях – звичайно, поруч з широкою освітою – розвиток науки, штуки, мистецтва у найширшому значінню цього слова. Мистецтво повинно стати на сторожі людського духа <...>»³⁶. Його думки дуже близькі до слів, з яких розпочав

згадану доповідь Біляшівський, закликавши відроджувати «культуру духа», оскільки був переконаний: «<...> творчість духа, утворення національних цінностей – це та основа, на котрій будується свобода народу»³⁷. Так само, як і Біляшівський, Михайло Жук пов'язував майбутні надії на кардинальне оновлення мистецтва з вивченням, насамперед, великих національних і народних традицій: «І коли зараз, в такий важкий час, під звуки стогнів і конання, ми сплячі просинаємось, коли ми справді хочемо і маємо право на життя, то ми повинні відродити наші погляди на ті зв'язки з минулим народом, що теж досі лежали нерухомо, очікуючи моменту воскресення. Культ лінії і барви у нас великий, багатий і різноманітний. Перенесемо його обережно у нашу Академію мистецтв і він розцвіте тим пишним цвітом на втіху живому народові»³⁸.

І виступ Миколи Біляшівського, пізніше опублікований у газеті «Нова Рада»³⁹, і стаття Михайла Жука промовисто засвідчили культурно-мистецькі орієнтири, згідно з якими українські діячі прагнули організувати українську академію мистецтва.

Михайло Жук

Українська Академія Мистецтва і Вища Художня Школа при ній

Серед гromу гармат, у вихорі політичної хвилі замовкло все, що було потрібним і що стане потрібним у нормальному стані людини. Чудним

М. Жук. Чернігів, 1910-ті рр.

тепер видається блакитне небо, чудними видаються пахучі квіти і місячні ночі з своїми чарами, що закликають до життя, а не до смерті. І може стане чудним і те, що я маю поставити перед очі нашого суспільства. Давно вже я підносив це питання на сторінках «Ради» – про потребу Національної Академії Мистецтва і давно мій заклик може забувся, як забулося і все те, що тепер не пахтить порохом і не загрожує руїною. Але я знову беру перо і маю надію, що мене послухають; може з моєї мрії повстане і справжнє діло на культурну потребу мого народу. Важко бути сліпим і не бачити світу, що навколо. Носити в собі якісь уривки образів і

не уміти створити гарного для культу душі. Та ще гірше дивитися і не бачити нічого, не могли використати з усього багатства, що навколо. Ми живемо у вік машини і хитрий капіталізм використав її для себе на те, щоб і нас обернути у такі ж глухі і бездушні машини і щоб наші культурні потреби задовольняти тим машинним способом. Капіталізові це вдалося зробити, бо він засмітив усі наші хати непотрібними речами, покидьками того багна і болота великих городів, які він утворив вколо себе. Справжній народний розум і смак заховався по бабусиних скринях, пішов на ганчірки, щоб брати ними горщики з печі і розтопився у сляві нахабного полиску шумливої та яскравої фольги, що міліонами випливає з рук підприємців. Те, що жило ще так недавно, уже поховалося по музеях, як історичний пам'ятник. І це нагадує мені той момент коли настає хвилина важкої недуги у людини і, почувавши якийсь кінець, всі найближчі користуються моментом і переховують все найкоштовніше, щоб зберегти від грабіжницьких рук, і прийняти на всякий випадок від завидющих очей. Та не завсігди це вдається зробити. І все гарне поволі зникає – частинами воно від нашого нерозуму винищується, щоб потому і слід прохолов од нашого минулого, а частинами скуповують його чужинці, та всілякі спритні підприємці. А народ наш був колись багатий і здоровий своїм власним життям. Він несвідомо складав у свою скарбницю дорогі речі свого духовного добробуту і не думав, що знайдуться якісь грабіжники і на ці речі. Та вони знайшлися і тут. Надаремне думають, що красти можна тільки дорогі речі у вигляді самоцвітів чи дорогих металів – це мрія дрібного злодія, що не знає суті річей. Великі ж злодії, коли хотіли красти, то вони починали з окрадання культури того народу, на шию якого хотіли накласти ярмо. І через те у нас навіть там, де є освіта – бракує культури. Мало бути освіченим: це не зовсім допоможе, а треба бути культурним. І у нас, на жаль, немає саме культури. Що ж нас допровадить до цього. Я б сказав, що для цього є єдиний шлях – звичайно поруч з широкою освітою – розвиток науки, штуки, мистецтва у найширшому значінню цього слова. Мистецтво повинно стати на сторожі людського духа і утворити з людини благородну істоту. Досі мистецтво було і стояло осторонь демократичних мас, особливо малярство: вони служило здебільшого «панам» і через те навіть чувся такий гострий осуд, що малярство, наприклад, потрібне тільки багатим, а не бідним. Звичайно, що це величезна помилка думати так про малярство. Для штуки немає пана і мужика, а є людина. Малярство не має обмежень з боку мови, бо воно охоплює всю людину

і життя тої людини в цілості. А вже на якій мові хто і що переживає, то це не має ніякого значіння для малярства. Найцінніше для цього все-таки багата індивідуальність, як окремої особи, так і цілого народу.

«Я» могу бути генієм свого народу. Все те багате, що я доглянув серед свого життя дає мені той, чи інший народ, в тій, чи іншій місцевості. І «я» починаю слухати глибину його пісні, глибину його мови, починаю дивитися його очима на світ Божий, починаю розуміти мову ліній, що віками переломлювалися в довгих поколіннях моїх попередників. І з тих ліній творяться картини уже чисто індивідуальної вдачі, що збагачують мене, як людину, і починають творити культуру, посилену загальнолюдською освітою. Я вже не приймаю що небудь за гарне, а починаю шукати таке, що буде промовляти до мене ясною мовою. Візьму для прикладу таку річ: грають дуже гарний музичний уривок з Гріга і коли я не музика і зовсім не розуміюсь на музиці, то я слухаю його, як цілий збір дуже доладних звуків, але вони не торкаються моєї душі. І раптом старий мотив моєї народної пісні – «Ой, у полі»... Одразу щось починає наче промовляти у середині: тут усе ясне – кожна фраза так виразно каже до мого розуміння. Звичайно, що є шлях перейти з того і дальше, щоб і наша складна музика стала ясною і зрозумілою, як і та народна пісня, той примітив. Бо видно, що він знаходиться на відповідному місці у душі багатьох людей, коли його так добре розуміють. Він замикає в собі якусь народню суть – те, що і відповідна мова, яку я тоді добре розумію, коли вона близько стоїть до мене. Спільні всім народам почуття краси і міри різно одбиваються у кожного з них. Той самий мотив орнаменту дає несподівані комбінації у нас українців, у росіян, у поляків і т.и. Але серед всього народу, як щось спільне, – є одна душа, одна думка, одна, я б сказав, суто-народня лінія, яка і переломлює всі форми у відповідний свій зміст, хоч по темі загальнолюдській. І утворіння свого національного мистецтва, а властиво храму для мистецтва, і є потребою того моменту, коли відроджується народ. Бо почому я пізнаю культурний рівень того чи іншого народу. По тим дрібним шматочкам повсякденних річей, що так непомітно оточують нас. Шматочок тканини, горщика, божка, натяк виделки, ножа, окраси, – дають мені змогу розуміти на якому культурному рівні стояла колись людина. Все померло: зникла мова, пісня, погинули болі і радощі якогось народу, якоїсь епохи і тільки уламки мистецтва, що не зв'язані з звуком, лишилися у землі. Цього часто буває доволі, щоб безпомилково багато відкрити з того, що було.

І коли зараз, в такий важкий час, під звуки стогнів і конання, ми сплячі просинаємось, коли ми справді хочемо і маємо право на життя, то ми повинні відродити наші погляди на ті зв'язки з минулим народу, що теж досі лежали нерухомо, очікуючи моменту воскресення. Культ лінії і барви у нас великий, багатий і ріжноманітний. Перенесемо його обережно у нашу Академію Мистецтв і він розцвіте там пишним цвітом на втіху живому народові.

Примітки

- ¹ Усі дати в статті подано за юліанським календарем (старим стилем), яким користувалися до 16 лютого 1918 року.
- ² Рубльов О., Реєнт О. Українські визвольні змагання 1917-1921 рр. – К.: Альтернативи, 1999. – (Серія «Україна крізь віки». – Т. 10). – С. 29.
- ³ На заклик Тимчасового уряду про перехід влади до створених місцевих громадських об'єднань та рад вже в перші дні березня в Києві було організовано Раду об'єднаних громадських організацій м. Києва, яка проіснувала до 4 вересня 1917 року і самоліквідувалася.
- ⁴ У перший місяць свого існування УЦР створювалася як громадсько-політична організація, щоб представляти у Тимчасовому уряді інтереси українського народу. До неї увійшло керівництво Товариства українських поступовців (ТУП), представники українських соціал-демократів, православного духівництва, професійних груп, громадських організацій, наукових і культурно-освітніх товариств.
- ⁵ Відозва Української Центральної Ради до українського народу (9 березня 1917 р.) // Історія України: Документи. Матеріали. Посібник / Укладання, коментарі В. Короля. – К.: ВЦ «Академія», 2002. – С. 248.
- ⁶ У Києві розпочинається видання «Вістей з Української Центральної Ради», «Робітничої газети», а також газети «Нова Рада», що відродилася з попередньої «Ради».
- ⁷ Верстюк В. Українська Центральна Рада: період становлення // УІЖ. – 2007. – № 2. – С. 40.
- ⁸ Там само.
- ⁹ Кириєнко О. Перші хвилини української революції у спогадах Людмили Старицької-Черняхівської // Наукові праці Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського. – 2004. – Вип. 12. – С. 522.
- ¹⁰ Старицька-Черняхівська Л. Перші хвилини. Вступ / Публікація і вступ. стаття Ольги Кириєнко // Український археографічний щорічник. – 2007. – Вип. 12. – С. 529.
- ¹¹ Верстюк В. Українська Центральна Рада: період становлення // УІЖ. – 2007. – № 2. – С. 40.
- ¹² Цит. за: Абліцов, Віталій. Ностальгія. – Львів: Світ, 2003. – С. 49-50.
- ¹³ Відозва Української Центральної Ради до українського народу (9 березня 1917 р.) // Історія України: Документи. Матеріали. Посібник / Укладання, коментарі В. Короля. – К.: ВЦ «Академія», 2002. – С. 248.
- ¹⁴ ДАК. – Ф. 93. – Оп. 2. – Спр. 150. – Арк. 7.
- ¹⁵ ДАК. – Ф. 93. – Оп. 2. – Спр. 150. – Арк. 7. Київський літературно-артистичний клуб розташовувався на вул. Миколаївській, 11.
- ¹⁶ Київське товариство художників (1916-1918).
- ¹⁷ Товариство художників-киян (1914-1919).
- ¹⁸ Київська спілка художників (1915-1918).

- ¹⁹ Група художників, що об'єдналися навколо «Першої української артистичної виставки» (1911-1912 рр.) та другої виставки, яка проходила під патронатом українського клубу «Родина» у 1913 р.
- ²⁰ У документі назва товариства зазначена як «Періодичні виставки». Див.: ДАК – Ф. 93. – Оп. 2. – Спр. 150. – Арк. 7.
- ²¹ Група художників, що об'єдналися навколо щорічних весняних виставок, які відбувалися у 1915-1916 роках.
- ²² У протоколі зборів Ф.Красицький згадується, як представник від двох товариств. Див.: ДАК – Ф. 93. – Оп. 2. – Спр. 150. – Арк. 7.– 7зв.
- ²³ Імовірно, йдеться про Київське відділення Єврейського товариства заохочення мистецтва.
- ²⁴ ДАК – Ф. 93. – Оп. 2. – Спр. 150. – Арк. 7.об.
- ²⁵ Після повалення царського режиму Виконавча влада була представлена комісарами Тимчасового уряду. На місцях організовувалися комітети у різних галузях державотворення, які очолювали призначені комісари.
- ²⁶ ДАК. – Ф. 93. – Оп. 2. – Спр. 150. – Арк. 14.
- ²⁷ Активну інформаційну підтримку щодо заснування УАМ надавали газети «Нова Рада» та «Робітнича газета».
- ²⁸ Слід зазначити, що «Киевская мысль» усе ж відгукнулася на громадсько-мистецьку дискусію навколо справи заснування УАМ полемічною статтею Я. Тугенхольда. Див.: Т-д Я. [Тугенхольд Я.]. Нужды искусства и украинские перспективы // Киевская мысль. – 1917. – № 111, вечерний выпуск. – 4 октября – С. 4.
- ²⁹ Верстюк В. Центральна Рада і Тимчасовий уряд: боротьба за автономію України // Нариси історії української революції 1917-1921 років: У 2 кн. / Нац. акад. наук України, Ін-тут історії України. – К.: Наукова думка, 2011. – Кн. 1. – С. 156..
- ³⁰ Там само.
- ³¹ У першій монографії присвяченій М.Біляшівському зазначалося, що вплив Михайла Біляшівського виходив далеко за межі музею. Див.: Винницький А. Микола Теодотович Біляшівський: його життя та музейна робота / Всеукр. іст. музей ім. Т. Шевченка. – К., 1926. – С. 11.
- ³² [Б.п.]. Керамічна промисловість на Україні // Нова Рада. – 1917. – № 98. – 27 липня. – С. 3.
- ³³ Біляшівський М. Творчість духа // Нова Рада. – 1917. – № 103. – 2 серпня. – С. 2.
- ³⁴ М. Жук на цей час став активним учасником української культурної революції, працюючи в Комісії із заснування українського національного театру, а згодом у складі Комітету із заснування у Києві Української академії мистецтв Див.: Школьна О. Михайло Жук — професор Української академії мистецтва (До 120-ліття від дня народження) // Українська академія мистецтва: дослідницькі та науково-методичні праці. – К., 2003. – Вип. 10. – С. 275.
- ³⁵ Жук М. Українська Академія Мистецтва і Вища художня школа при ній // Нова Рада. – 1917. – № 94. – 22 липня. – С. 1.
- ³⁶ Жук М. Українська Академія Мистецтва і Вища художня школа при ній // Нова Рада. – 1917. – № 94. – 22 липня. – С. 1.
- ³⁷ Біляшівський М. Творчість духа // Нова Рада. – 1917. – № 103. – 2 серпня. – С. 2.
- ³⁸ Жук М. Українська Академія Мистецтва і Вища художня школа при ній // Нова Рада. – 1917. – № 94. – 22 липня. – С. 1.
- ³⁹ Промову М. Біляшівського, виголошену на засіданні Природничо-технічної секції Наукового товариства та Технічної секції Товариства «Праця», було надруковано лише у серпні 1917 р. Див.: Біляшівський М. Творчість духа // Нова Рада. – 1917. – № 103. – 2 серпня. – С. 2-3.

О.Д. Кашуба-Вольвач

О.Л. Яворська

УКРАЇНЬСЬКА АКАДЕМІЯ МИСТЕЦТВА У СПОГАДАХ МИХАЙЛА ЖУКА

В історії українського мистецтва є сторінки, що докорінно змінювали усталений плин подій і визначали дальший розвиток нашої культури. Дослідники часто звертаються до них, створюючи власні версії минулого. Коли йдеться про вітчизняне образотворче мистецтво ХХ століття, неодмінно виникає потреба згадати заснування Української академії мистецтва 1917 року.

Перші бурхливі дні української революції викликали могутній поступ національного піднесення в суспільстві, й у тому нестримному натискові нової епохи українці побачили обриси власної держави, омріяної багатьма поколіннями. Започаткування української державності відбувалося на тлі дедалі глибшого усвідомлення українськими політичними та громадськими діячами ролі культури свого народу, а також утвердженні особистісного національного світогляду. За короткий час в Україні відбулася справжня культурна революція, внаслідок якої постали Українська академія наук, українські державні університети в Києві та Кам'янці-Подільському, Національна бібліотека Української держави, Український національний театр і Український національний хор, Київський археологічний інститут, Вища українська архітектурна школа та Українська академія мистецтва.

Українська академія мистецтва постала в «перші золоті місяці революції», як назвав їх, згадуючи ті дні, художник Юхим Михайлів¹. Організаційний процес отримав всебічну підтримку від керівництва українського уряду, адже його більшість складалася з творчої інтелігенції. «Ми всі тоді вірили, що буде незалежна Україна; з усіх кінців бувшої Росії, в якій ішла революція, почали на Україну з'їздитись ті, що почували себе українцями і що хотіли працювати для України. І ось у Києві зібралось між іншим багато мистців»², – писала безпосередня учасниця тих подій Катерина Антонович.

У ті дні, сповнені романтичних надій і гарячкового запалу, за ініціативою Василя і Федора Кричевських, Григорія Павлуцького, Миколи Біляшівського, Миколи Бурачека та Дмитра Антоновича розпочалися активні заходи з організації комісії, яка б могла офіційно вести справу заснування майбутньої академії. Невдовзі, після створення у червні українського уряду – Генерального секретаріату Української Центральної Ради, – ця група на чолі з професором Григорієм Павлуцьким отримала статус «комісії по заснуванню Української Академії Мистецтв» при Секретаріаті освіти. Активну участь на початковому етапі у роботі комісії приймав і Михайло Жук, який був секретарем організаційної комісії і, як згадують його колеги нотував, а потім зберігав протоколи зібрань комісії.

На жаль, документи, в яких висвітлюється організаційний процес заснування УАМ збереглися фрагментарно, значна частина документів, що стосувалися безпосередніх засновників УАМ, загинула у 1918-1920-х роках, як документи родини Василя Кричевського, Михайла Грушевського та Григорія Павлуцького. Розпорошені документи, пов'язані з постатями Олександра Мурашка, Георгія Нарбута та Михайла Жука, тому спогади Михайла Жука про заснування Української академії мистецтва та його творче життя у роки революції та громадянської війни є неоціненними.

Дякуємо за допомогу у роботі над коментарями С. З. Луцика, Т.І. Максим'юка, та співробітників Чернігівського літературно-меморіального музею М. М. Коцюбинського.

Текст надається за рукописом, зі збереженням особливостей авторської орфографії. Текст, поданий у квадратних дужках [] було викреслено автором спогадів. У фігурних дужках в тексті спогадів подаються уточнення та коментарі їх укладача {– О. Я. }, круглі дужки та інші позначки подано згідно з оригіналом тексту. У примітках уточнення та пояснення укладачів коментарів подано у квадратних дужках [].

*Підготовка тексту до публікації – О. Яворська,
укладання коментарів – О. Кашуба-Вольвач, О. Яворська*

Примітки

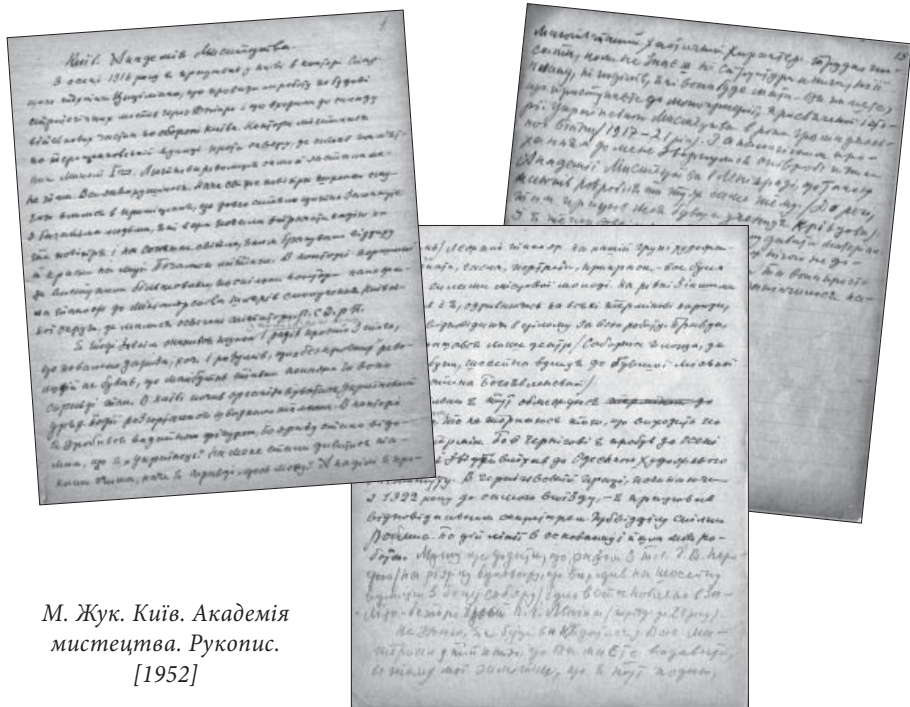
- ¹ Михайлів Ю. Фрагменти спогадів про Г. І. Нарбута // Бібліологічні вісті. – 1926. – № 3. – С. 47.
- ² Антонович К. З моїх споминів. Ч 5. – Вінніпер: УВАН, 1973. – С. 188.

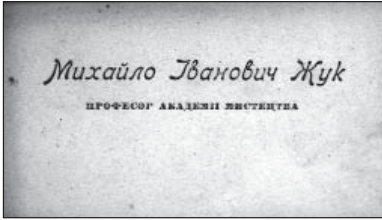
Михайло Жук

Київ. Академія мистецтва

З осені 1916 року я працював у Києві в конторі старшого техника Ціціліано, що проводила роботу по будові стратегічних мостів через Дніпро і що входила до складу військових частин по обороні Києва. Контора містилась по Терещенковській вулиці проти скверу, де стояв пам'ятник Миколі I-му. Лютнева революція¹ саме й застала мене там. Все заворушилось. Наче свіже повітря широкою смугою влилось в приміщення, що довго стояло щільно замкнуте з багатьма людьми, які вже почали втрачати надію на те повітря і на соняшне світло, яким бракувало віддиху і краси на лиці. Почалися мітинги. В конторі першими ж виступили більшовики, поскільки контора належала також до Міністерства шляхів сполучення Київської округи, де мались досвідчені агітатори Р.С.Д.Р.П.²

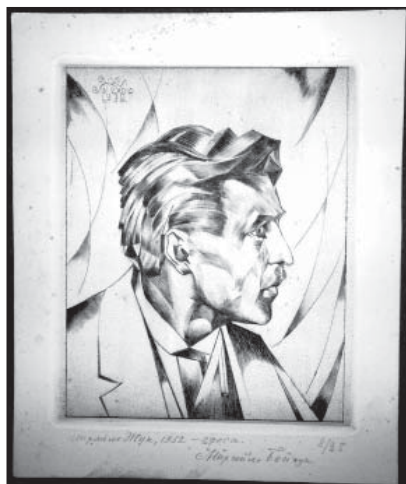
М. Жук. Київ. Академія мистецтва. Руконіс. [1952]

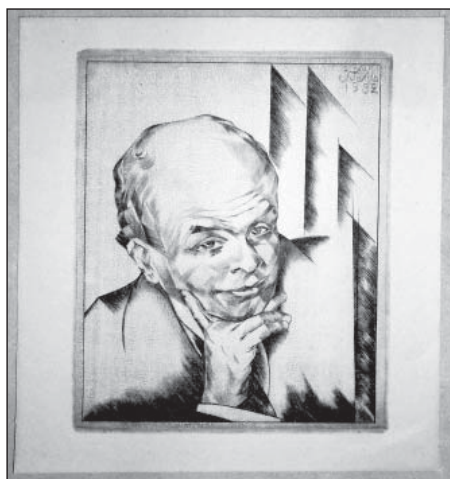
Михайло Іванович Жук

ПРОФЕСОР АКАДЕМІЇ МИСТЕЦТВА

Я тоді зовсім опинився неуком з політичного боку і радів просто з того, що повалено царизм, хоч і розумів, що «безкровних» революцій не буває, що майбутнє тільки покаже чи воно справді так. В Києві почав організуватися український уряд³. Події розгорталися швидкими темпами. В конторі я зробився відчайдушною фігурою, бо зразу стало відомо, що я «українець». На мене стали дивитися такими очима, наче я справді «щось можу». А на ділі я продовжував свою маленьку роботу, та часто, а далі все частіше, почав підписувати папери то за того то за іншого товариша, що потихенько тікали з посади, а нарешті й за самого старшого техника. Мимоволі я почав висміювати своє становище і казав, що незабаром помістять у газети повідомлення, що за такого то (ім'я рек) тихо помер такий то. Не пам'ятаю вже точно, в якому місяці, але я отримав прохання від генерального секретаріату освіти (за підписом Стешенка⁴) прийняти участь в комісії по створенню статуту української державної Академії Мистецтва у м. Києві⁵. Головою цієї комісії було призначено професора Г. Г. Павлуцького⁶, а членами її: О. О. Мурашка⁷, Ф. Г. Кричевського⁸, В. Г. Кричевського⁹, М. Л. Бойчука¹⁰, М. Г. Бурачека¹¹ і мене¹² (всього 7 чоловіка)¹³. Всі збори відбувалися в квартирі Г. Г. Павлуцького (в його власному будинкові). Павлуцького я ще знав зі своїх учнівських часів по худ. школі, де я слухав його лекції з історії мистецтва. Знав також М. Л. Бойчука, який був учнем Краківської Академії [мистецтва], де я з ним і зустрічався. Також знав і Василя Кричевського, у якого бував у майстерні його на Паньківській вул. в будинку проф. Грушевського¹⁴. Кричевського Федора, Ол. Мурашка, Бурачека М. Г. я пізнав ближче, хоч з роботами Ол. Ол. Мурашка я вже був знайомий ще з того часу, коли їх бачив у його дядька, Миколи Івановича Мурашка¹⁵, в школі якого я навчався. Роботи його зробили на мене тоді сильне вражіння своєю високою якістю, як по манері широкого письма, так по відчуттю і розумінню кольору, а також рисунку і композиції. Це був справді першорозрядний художник. В основу статуту академії було покладено її незалежність і її виборні початки¹⁶. Незалежність мислилася так, щоб державні органи освіти не мали широкого права втручатися в призначення або звільнен-

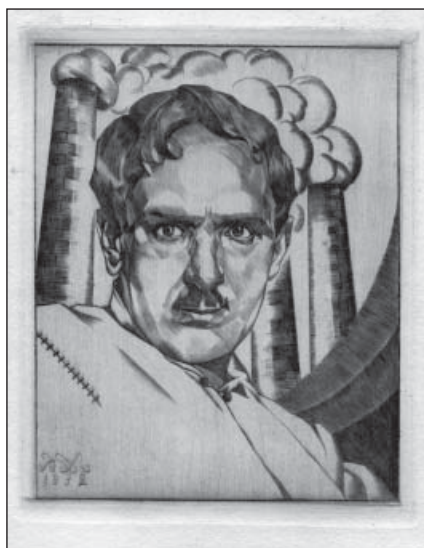
М. Жук. М. Бойчук. 1932.
Офорт

М. Жук. М. Бурачек. 1932.
Офорт

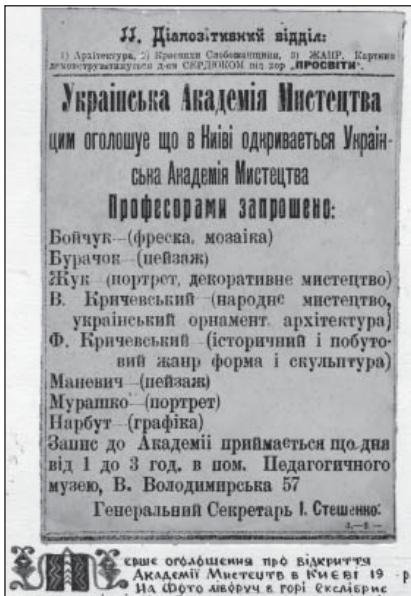
М. Жук. В. Кричевський. [1932]
Офорт

М. Жук. Ф. Кричевський. 1932.
Офорт

ня професорів, що професори могли лише обиратися загальними зборами Академії, що уряд Академії – ректор, секретар і скарбник обиралися Професурою. Що професори в своїх майстернях були повними господарями як в прийманню студента [до своєї майстерні], так і вилученню його зі складу своєї майстерні¹⁷. Що Академія відкривається виставкою робіт професорів, де студенти могли б вибрати того професора, до майстерні якого вони хочуть вступити¹⁸. Що такі виставки повинні відбуватися щорічно, як і виставки студентських робіт з тією різницею, що виставки професорів одбуваються раз на рік в осени, виставки студ. робіт – весною і в осени. Нарешті, що коли на протязі двох років майстерня Професора не буде мати студентів, то така майстерня мусить бути закритою, як така, що не виправдала свого призначення¹⁹. Статут академії передбачав своє видавництво в справах образотворчого мистецтва та свою друкарню в справах видання зразкових увражив²⁰. В першу чергу вирішено було видавати що місячно твори українського народного мистецтва – сницарство²¹, килимарство, фаянс і фарфор, шкляне виробництво, циновий посуд, чеканне срібло та інше. Коли було вироблено статут, то комісія приступила до вибору перших професорів²². На професорів було обрано: по майстерні графіки – Г. І. Нарбута²³. По майстерні портрету – О. О. Мурашко та М. І. Жука, по майстерні жанру – Ф. Г. Кричевського, по майстерні пейзажу – М. Г. Бурачека, по майстерні фрески – М. Л. Бойчука²⁴. Приміщенням для Академії було призначено будинок, що містився на В.Володимирський вул.²⁵ між Фундуклеївською вул. та Бибіківським бульваром, де й відбулося відкриття самої Академії та перша виставка професури. Т.в.о. ректора було обрано Ф. Г. Кричевського до прибуття Г. І. Нарбута, його було обрано [постановлено обрати] на ректора²⁶. Секретарем академії було обрано

Оголошення про відкриття УАМ. 1917 р.

ступила до вибору перших професорів²². На професорів було обрано: по майстерні графіки – Г. І. Нарбута²³. По майстерні портрету – О. О. Мурашко та М. І. Жука, по майстерні жанру – Ф. Г. Кричевського, по майстерні пейзажу – М. Г. Бурачека, по майстерні фрески – М. Л. Бойчука²⁴. Приміщенням для Академії було призначено будинок, що містився на В.Володимирський вул.²⁵ між Фундуклеївською вул. та Бибіківським бульваром, де й відбулося відкриття самої Академії та перша виставка професури. Т.в.о. ректора було обрано Ф. Г. Кричевського до прибуття Г. І. Нарбута, його було обрано [постановлено обрати] на ректора²⁶. Секретарем академії було обрано

Фундатори Української академії мистецтва на виставці у залі В. Кричевського.
Перший ряд: М. Бурачек, Ф. Кричевський, М. Бойчук, М. Жук.
Другий ряд: О. Мурашко, Г. Нарбут, В. Кричевський. Київ, 22 листопада 1917

Загальний вигляд експозиції
робіт М. Жука на виставці
Української академії мистецтва.
Київ, 22 листопада 1917

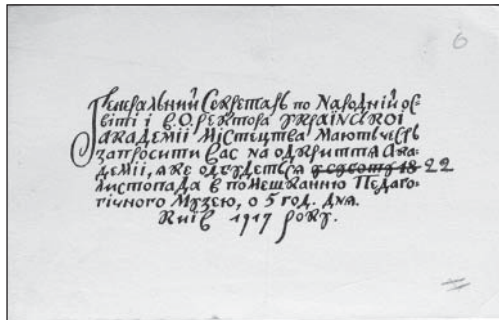
Будинок Педагогічного музею в якому 1917 року містилася УЦР та Генеральний Секретаріат, Українська Академія Мистецтв. Київ. 1912 р. Фото

Бурачека і скарбником академії М. І. Жука. Коли мали розпочатися вже Заняття, то запропонували [було запропоновано] інше приміщення на В. Підвальній (біля Сінної площі)²⁷. Будинок на В. Володимирській було призначено на засідання центральної ради. Не обійшлося без тертя з директором тієї школи, що там містилася, але врешті якось все влаштувалося і

праця розпочалася. Перед початком роботи прибув до Києва і Г. І. Нарбут. Зараз же прийняв на себе обов'язки ректора і з великим ентузіазмом взявся до роботи²⁸. Нарбут зразу ж зробився душею справи. Не тільки у стінах учбового закладу, але й його квартира стала чимось подібним до художнього клубу, де що вечера збирались більшіна художників, що не заважало господареві тут же працювати й примати участь у всіх розмовах²⁹. А працював Нарбут багато. Всі видавництва [зараз же] завантажили його замовленнями³⁰.

Георгій Нарбут. Київ. 1918 р. Фото

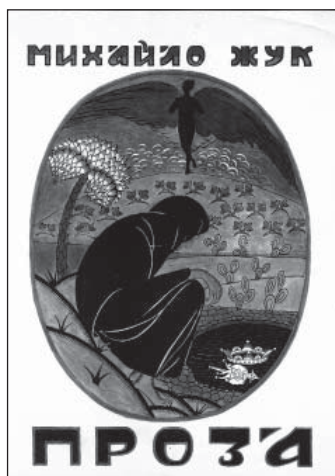

Запрошення на відкриття Української академії мистецтва. Друк за оригіналом Георгія Нарбута. 1917 р.

Зараз же по відкриттю Академії* {примітка М. Жука внизу сторінки рукопису – Академію було відкрито 5 грудня 1917 року – О.Я.} всю професуру запросила до себе на обід Ханенчиха³¹. Музей Ханенків я знав ще з своїх учнівських часів, коли з М. І. Мурашко ми, учні його школи, ходили до музею. Мурашко нас усіх старанно оглядав і вилучав тих, що не мали калош. Калош я завжди не мав, але мене рятували товариші, що десь завше здобували для мене калоші. Чистота, порядок, прекрасні вітрини, чудові полотна. Чудесна збірка старовинних ікон мене просто захопила. Довго ми оглядали музей, який справді був гідний найбільшої уваги.

Революція розгорталася. Художнє життя Києва – я розумію образотворче мистецтво – концентрувалося біля Академії. З Петербургу і Москви почали прибувати видатні люди. Хто тікав од революції, а більшіна тікала од голодухи. Актори, режисери, письменники, архітекти, наукові діячі. Я познайомився з Іллею Еренбургом³², архітектором Реріхом³³, з цілим рядом акторів і режисерів. Як гриби росли різні художні організації: літературні студії, малярські студії, театри мініатюр. Організувалася спілка художників³⁴, де діяльну участь брав Прахов³⁵. До правління спілки, крім Прахова, увійшли: О.О. Мурашко, я, Бурачек та Ф. Кричевський. Секретаріат освіти запросив нас (мене, Бурачека, Мурашко) до комітету по організації Національного театру³⁶. Крім того я увіходив до комітетів: по Молодому театрові³⁷ та по театрові Муз комедії³⁸, де на чолі стояв Бутовський³⁹. Коли взяти українські часописи того часу, то можна побачити в повідомленнях про мистецьке життя Києва, де я приймав участь в різного роду художніх організаціях. Крім участі в житті художників – я приймав участь і в житті літературному: друкував прозу й вірши⁴⁰, друкував в питаннях мистецтва. В тому ж часі мною був підписаний договір з видавництвом «Сіач» на видання моїх творів (п'ять томів – прози, поезії, драматичних творів, казок і статтів по питанням українського мистецтва)⁴¹. Книжки так і не встигли вийти з чисто технічних умов та з умов дуже бурхливих політичних подій

М. Жук. Ескіз обкладинки.
1918-1919 рр.

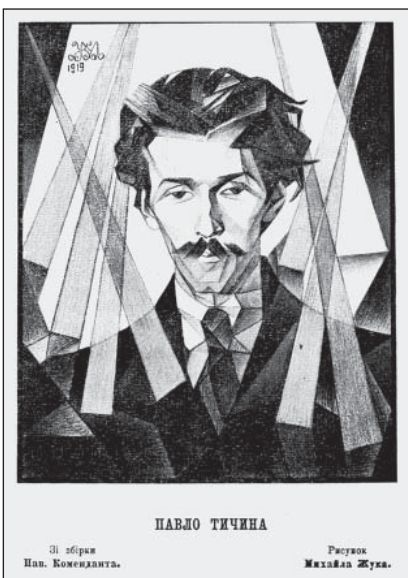

Олександр Мурашко.
1910-ті р. Фото

що тоді відбувалися на Україні. Ще кілька слів про Академію. Найбільше були заповнені дві майстерні: Ф. Кричевського та О. Мурашко. І це цілком зрозуміло. Склад студентства укомплектовувався по більшості з киян. Ф. Кричевський, як бувший директор художньої школи⁴², мав популярність серед своїх учнів. Так само О. Мурашко мав свою приватну студію⁴³ і його майстерня поповнилася переважно його ж бувшими учнями. Ріжниця в контингентах цих двох майстерень була значна. Майстерня Ф. Кричевського мала більш демократичний склад, що творили переважно діти дрібних ремісників, робітників та дрібного міщанства. В то же час контингенти майстерні О. Мурашко склалися з людей

Заможних (платня в приватній його майстерні була значно вища, як в художній школі), а тому тут були діти значних службовців, комерсантів та заможної інтелігенції. Бойчук вів свою принципову лінію і приймав до своєї майстерні молодь, що нігде не вчилась. Він хотів мати цілину, яку можна було би культивати так, як це йому було потрібно: в душі старих примітивів. Переважний склад його учнів були діти селян. Решта майстерень була мішана. Тут стрічалися й бувші аматори мистецтва і молодь з різних художніх шкіл – Харькова, Київ, Одеси, Пензи та інших. Склад мужчин часто мінявся – їх прикликали різні мобілізації до військових частин; постійним складом являлось більше жіноцтво. Кошти Академія отримувала від Генерального секретаріату освіти⁴⁴.

Дозволю собі звернутися до друкованого матеріалу того часу. «Музагет» (місяшник літератури і мистецтва)⁴⁵. Січень, лютий, березень, Київ, 1919 року. Відділ поезії починав П. Г. Тичина. «Міжпланетні інтервали!», «Плут», «І Белий і Блок і Єсенін і Ключев...» Там же й мої дві річи – «Крила», «Ніч осіння»⁴⁶. У відділі прози також дві мої річи – «Смукот», «Етюд»⁴⁷. Репродукції моїх портретів: П. Тичини, Д. Загула, Ю. Меженка⁴⁸. Кінцівка до казки Галини Журби – «Казка про Змарагд». На кінці книжки декоративний рисунок. Крім того – обгортка і вихідний аркуш⁴⁹. З відділу хроніки: «Льох Мистецтва»⁵⁰. На вечорах поетів і мистців молодшої генерації, (які відбуваються кожного понеділка й суботи що тижня) виступали з оригінальними творами поети:

Загул⁵¹, Ярошенко⁵², Жук, Меженко⁵³, Тичина⁵⁴, Журба⁵⁵.... і т.д.⁵⁶. Далі: Засновано всеукраїнське професійне Т-во «Мистецький цех»⁵⁷, головою якого обрано Проф. М. Жука⁵⁸. Далі – Українська студія Мистецького слова⁵⁹. Участь в студії приймають – Загул, Меженко, Жук, Зеров⁶⁰, Микола Терещенко⁶¹ та інші. В період 1917 до весни 1919 року я працював у Києві як в обсягу малярства так і в обсягу літератури⁶². Року 1918 надрукував у Л.Н.В⁶³., кн. VII-VIII, перший в українській літературі «Вінок сонетів»⁶⁴. Там же надрукував листи М. М. Коцюбинського до дружини⁶⁵. Друкував у журналі «Шлях»⁶⁶ та й взагалі у всіх українських журналах і газетах, як статті по питаннях мистецтва так і літературні твори (поезія й проза). Робив багато обкладинок та ілюстрацій до книжок українських авторів⁶⁷. Викладав для початкуючих молодих поетів «основи версифікації». Належав до відділу «охорони старовини і мистецтва», де приймав діяльну участь у охороні пам'яток старого Києва; значну участь у цій справі брав Василь Кричевський і Георгій Нарбут. Переді мною лежить збірничок «Веснянок»⁶⁸, що було видано до святкування 1-го травня, де я також приймав участь серед інших укр. поетів⁶⁹. Підкреслюю, що в ті часи я політично був просто безграмотною людиною і йшов за інстинктом свого походження з робітничої родини. Я зростав, так би мовити, зі зростом самої революції. 11 днів боротьби за Київ (я тоді жив на Назаровській вул., побіч ботанічного саду) дали мені змогу багато передумати. Так, що коли до Києва мали вступити німці⁷⁰, – я влаштувався на автомобіль, що йшов на Чернігів і вирушив до своєї родини. До Києва вирішив не повертатися. Почався для мене новий період – Чернігівський⁷¹. Появилися «синежупанники». Але ненадовго. Організувався «губревком», викликали мене туди і запропонували взяти під своє керівництво підвідділ Мистецтва при Губнаросвіті⁷². Зав. Губнаросвітою був тоді тов. Дорофеев⁷³. До п/в мистецтва належали кіно, театри, музичні школи та художні студії. Треба все було організувати: взяти на облік музичне майно, що полишилося в залишених квартирах втікачів од революції, організувати театр, кіно, приміщення яких зберіглося. Залишилися також і робітники, що добре знали справу. Треба тільки було працю. І праця почалась по справжньому. Збирались на наради майже щодня і повертались до дому о 2-3-й годині ночі. По дорозі казали пароль, бо часи були бурхливі і військові патрулі оберігали місто.

Осінь принесла нові події. На Чернігів наступали білі і населення міста було покликане на копання шанців. Незабаром білі заняли місто, а

я з родиною пішли до брата дружини на село Юрковку, де він учителював у народній школі. Там я намалював декорації для сільського театру, а коли білі були одбиті й полишили Чернігів – знову повернувся до дому, а далі й на роботу до Губнаросвіти. Одкрилась семирічна трудова школа ім. М. Коцюбинського в бувшому інтернаті чоловічої гімназії⁷⁴. На колегії Губнаросвіти було постановлено, щоби я прийняв на себе обов'язки директора цієї школи⁷⁵. Разом з тим треба було допомагати в роботі величезних карт, що були встановлені на Соборній площі й де позначалися лінії фронту й наступ Червоної армії. В цій роботі найбільш активну участь прикладали – Арон Ржезніков⁷⁶, Георгій Нерода⁷⁷, Пилипенко {? – О.Я}⁷⁸, Міткевич⁷⁹ – та багато інших, прізвища яких я не можу зараз пригадати. Трупа грала під проводом Юркевича⁸⁰ в Дворянському зібранні. Працювало кіно те, що на Шосейній вул., де адміністратором був Рейзін. Влітку 20-го року (в театрові, що проти гор. думи) грав колектив російської драми. Ставилися п'єси Луначарського, а по більшості старий, класичний репертуар. З 1919 року організувалася спілка «Робмис»⁸¹, до губ. правління якої я також був обраний. Їздив делегатом на з'їзд до Харькова, вів шефську роботу по обслуговуванню Червоної армії (концерти, короткі виставки, художнє оформлення казарм то що). Чернігів у ті часи позбавлений був будь якої можливості репродукційної техніки. Прийшлося звернутися до обрізної гравюри та лінориту. Портрети до місцевої газети, заголовки РОСТи⁸² та вікна Роста, плакати. Я засів до гравюри. За той час мною зроблено цілий ряд портретів, як партійних керівників так і культурних діячів – між ними – Лесі Українки, Стефаніка, Шевченка⁸³; до вікон РОСТА зроблено цілий ряд гравюр на тему «Продподаток». Цій темі було присвячено і кілька великих плакатів у лінориті⁸⁴. Разом з тим мною були гравірована власна книжка для дітей (з текстом) «Дрімайлики»⁸⁵. Цілий ряд (починаючи від обкладинки) ілюстрацій, кінцівок, і заставок до своєї книжки «Казки», що видано її було в 1920 році⁸⁶. Нарешті п'єсу (під псевдонімом О. Мігуелес) «Мефісто»⁸⁷, що також мала в оздобі мої ж гравюри. Приймав участь у збірнику «Голод»⁸⁸, як гравюрама, так і літературними творами. Тоді Губвидавком завідував тов. Плисецький⁸⁹, а я входив до видавничої колегії. Юркевич поставив мою п'єсу «Легенда»⁹⁰, яку в своїй рецензії вітав російський поет З. Давидов⁹¹. П'єса була написана ще до революції і друкувалася в журналі «Шлях». Другу п'єсу – «Мадонна з Ефесу»⁹² ставив уже театр ім. Заньковецької, що грав у літньому театрі на Валу. П'єса йшла у бенефіс режисера і актора Романицького⁹³. Тепер

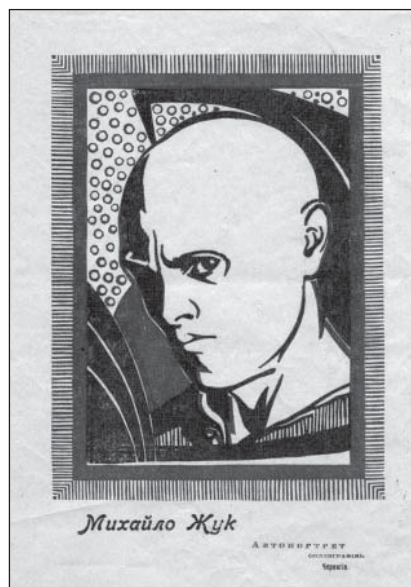

повернуся до заснування Художньої студії⁹⁴. По моїй доповіді на колегії Губнаросвіти було затверджено кошторис і саме існування студії. Завідування студією було доручено Міткевичу. Студія містилася в будинковій Мачерета на Шосейній вулиці. Викладати в студії були запрошені – Нерода – скульптуру, Арон Ржезніков – малювання й рисунок, я – графіку. Склад учнів становив: студенти С. Г. інституту, що містився в чоловічій духовній школі та вищої школи, що містилася в бувш. реальній школі, а також старші учні трудових шкіл. Студистів було не багато – 50-60 чоловіка. Студія працювала в післяобідні години, се б то тоді, коли закінчувалася робота в основних школах, де навчалася молодь.

Оформлення революційних свят (травень і Жовтень) лежало також на нашій групі художників. Плакати, гасла, портрети, прикраси – все було роблено силами місцевої молоді. На рівні з іншими працював і я, одриваючись на всякі термінові наради, а також відповідаючи в цілому за всю роботу. Правда, що прикрашався лише центр (Соборна площа, де були трибуни, Шосейна вулиця до бувшої міської думи і частина Богоявленської).

Поскілки я тут обмежуюсь [терміном до] 1921 роком, то не торкаюся того, що виходить за цей термін⁹⁵. Бо в Чернігові я пробув до осені 1925 року і звідти виїхав до Одеського Художнього інституту⁹⁶. В чернігівській праці, починаючи з 1922 року до самого виїзду, – я працював відповідальним секретарем Губвідділу спілки Робмис. По цій лінії в основному і йшла моя робота.

{Далі олівцем – О.Я} Мушу ще додати, що разом з тов. Г. В. Неродою (на ріжку бульвару, що виходив на Шосейну вулицю з боку собору) було встановлено в залізо-бетоні бюст В.І. Леніна (період до 21 року)⁹⁷. Не знаю, як буде викладатися у Вас матеріал у тій книзі, що Ви маєте видавати, а тому мої замітки, що я тут подаю, мають такий хаотичний характер. Трудно писати, коли не знаєш ні структури книги, ні її плану, ні поділів, які вона буде мати. Ви ж пишете, що приступаєте до монографії, присвяченої історії українського мистецтва в роки громадянської війни (1917-1921 рік)⁹⁸. З аналогічним проханням до мене звернулися співробітники Академії Мистецтва в Ленінграді, що також мають розробляти ту ж саму тему. (До речі, там працює моя бувша учениця Кривцова⁹⁹). І я тепер зовсім розгубився – кому давати матеріал. В розмові з тов. Кривцовою я також нічого не довідався про чіткий план книжки. Та вона просто щось собі занотувала і на тому скінчилося наше побачення.

Примітки

- ¹ 23 лютого у Петрограді розпочалася Лютнева революція. Протягом кількох днів відбулося повалення самодержавства в Росії. Влада перейшла до Тимчасового уряду, що мав довести країну до Установчих зборів, які мали вирішити питання про державний лад Росії. 3 березня київські газети повідомили про падіння монархії. Ця подія призвела до революційних зрушень і сплеску потужного руху щодо визначення власних національно-політичних прав в Україні.
- ² Російська соціал-демократична робітничка партія – політична партія, заснована у березні 1898 р., з 1917 – РСДРП (більшовиків) – РСДРП(б). У програмі метою партії проголошувалась перемога буржуазно-демократичної, а потім соціалістичної революції й установлення диктатури пролетаріату.
- ³ Українська Центральна Рада (УЦР) заснована 4 березня 1917 р., як представницький орган українських політичних, громадських організацій Києва, згодом УЦР перетворилась на революційний парламент України, який керував українським національним рухом у період: 4 (17) березня 1917 – 28 квітня 1918. 7 березня було обрано провід УЦР: голова – М. Грушевський, заступники голови Д. Антонович, Д. Дорошенко, Ф. Крижанівський. У червні 1917 Центральна Рада сформувала виконавчий орган, уряд – Генеральний секретаріат УЦР.
- ⁴ Стешенко, Іван Матвійович (1873-1918) – громадський і політичний діяч, педагог, літературознавець і письменник, перекладач. У 1917 виступив одним із організаторів УЦР, керував роботою шкільної і редакційної комісії УЦР, входив до складу Малої Ради. У 1917-18 очолював Генеральний секретаріат освіти УЦР.
- ⁵ Наприкінці липня 1917 р. В. Кричевський, М. Бурачек, О. Мурашко, М. Жук ініціюють формування комісії по заснуванню УАМ під проводом Генерального секретаріату освіти. Очолити організаційну роботу взявся професор Г. Павлуцький. Перший варіант проекту статуту УАМ було розроблено на початку вересня 1917 року.
- ⁶ Павлуцький, Григорій Григорович (1861-1924) – історик мистецтва, доктор теорії та історії мистецтв, заслужений ординарний професор Імператорського університету св. Володимира. З липня 1917 голова відділу пластичних мистецтв при Генеральному секретаріаті освіти УЦР, голова комісії УЦР по заснуванню УАМ. Один з найактивніших засновників УАМ.
- ⁷ Мурашко, Олександр Олександрович (1875-1919) – живописець і педагог. Був одним з засновників Київського товариства художників (1916). Викладав у КХУ (1909-1912) та власній художній студії (з 1913). Один із засновників УАМ, був обраний професором академії, очолив майстерню портретного живопису. Племінник М. І. Мурашка.
- ⁸ Кричевський, Федір Григорович (1879-1947) – живописець і педагог. Викладав у КХУ (1913-1917), у 1917 був директором КХУ. 1917 приймав участь у заснуванні УАМ, був обраний професором і першим ректором УАМ, очолив майстерню історичного та побутового жанру, офорта та різьбярства. Брат Василя Кричевського.
- ⁹ Кричевський, Василь Григорович (1872 (за нов. ст. 1873) – 1952) – живописець, архітектор, графік. У 1917 приймав участь у заснуванні УАМ, був обраний професором академії, очолив майстерню народного мистецтва, українського орнаменту та архітектури, був головою відділу художньої промисловості Відділу пластичних мистецтв Генерального секретаріату освіти УЦР (вересень-жовтень).
- ¹⁰ Бойчук, Михайло Львович (1882-1937) – монументаліст, реставратор іконопису, педагог. 1909 заснував у Парижі експериментальну школу «Rénovation Byzantine», член НТШ (1912) та УНТ (1917). 1911 повернувся в Україну, працював у Львові, 1912-14 виконував реставраційні роботи на Чернігівщині. Під час Першої світової

- війни перебував у засланні в Арзамасі (Росія), як підданий Австрійської імперії. В Україну повернувся 1917 року, тоді ж приймав участь у заснуванні УАМ, був обраний професором академії, очолив майстерню фрескової та монументального мистецтва.
- ¹¹ Бурачек, Микола Григорович (1871-1942) – живописець, мистецтвознавець, письменник. У липні 1917 році був представником Генерального секретаря народної освіти УЦР в комісії по заснуванню УАМ, один із засновників УАМ, був обраний професором академії, очолив майстерню «інтимного пейзажу». Викладав на українських акторських курсах у Музично-драматичній школі М. Лисенка. Згодом М.Жук писав про М.Бурачка: «Коли року 1917 утворювалась українська Академія Мистецтва, то на професора пейзажевої майстерні обрано Миколу Григоровича. Це ще один величезний плюс, що такий тонкий майстер є вихователь молоді», – Жук М. Професор Микола Бурачек // Шквал. – Одеса, 1929. – №27. – С. 9. У свою чергу М. Бурачек, того ж року писав, згадуючи М. Жука: «Багато років назад, коли знайомили мене з Михайлом Івановичем, він з усмішкою, повною добродушного гумору, висловив таку сентенцію: ви, товаришу, художник? Ой, тяжко бути українським письменником, але бути українським художником можна хіба лише за якусь кару», – Бурачек М. Михайло Іванович Жук // Червоний шлях. – 1929. – № 5-6. – 246.
- ¹² Про участь М. Жука у створенні УАМ згадувалося в одеських публікаціях: «невтомний художник і учитель молоді, він бере участь у створенні першої художньої академії в Києві і входить до складу її професури», – Комар Г. Михайло Жук // Шквал. – Одеса, 1929. – № 8. – С. 8. Ще про участь в організації УАМ: «Щоб закінчити формулярний список Михайла Івановича Жука додаю, що підчас революції він був членом Комітету для утворення Академії Мистецтва в Києві і був її першим секретарем, скарбником та професором», – [Б.п.]. Михайло Іванович Жук: 25 років художньої діяльності // Шквал – Одеса, 1929.– № 28. – С. 10. Цікавим на наш погляд є і низка статей опублікованих того ж року у журналі «Шквал» туди увійдуть нариси про художників, входили до першого складу викладачів УАМ: [Б.п.] [М. Жук - ? – О.Я.] Георгій Нарбут // Шквал. – Одеса, 1929. – № 6. – С. 3; Жук М. Василь Кричевський // Шквал. – Одеса, 1929. – № 7. – С. 4; Жук М. Професор Микола Бурачек // Шквал. – Одеса, 1929. – №27. – С. 9-10.
- ¹³ Архівні джерела, що збереглися до нашого часу дозволяють уточнити спогади М. Жука, стосовно членів комісії по заснуванню УАМ. Документи свідчать, що комісія мала кілька варіантів її складу. До першого складу входили: Г. Павлуцький (голова комісії) М. Бурачек (секретар комісії), М. Жук, М. Грушевська, П. Холодний, М. Біляшівський, Д. Антонович, В. Кричевський, О. Мурашко [ЦДАВО України. – Ф.2457. – Оп. 1. – Спр. 8, арк. 52]. Потім до складу комісії увійшли Ф. Кричевський та Ол. Грушевський [ЦДАВО України. – Ф.2457. – Оп. 1. – Спр. 8, арк. 56].
- ¹⁴ Грушевський, Михайло Сергійович (1866-1934) – історик, літературознавець, письменник, публіцист, громадський і державний діяч, лідер українського руху. У березні 1917 очолив УЦР. Був одним із засновників УАМ.
- ¹⁵ Мурашко, Микола Іванович (1844-1909) – художник і педагог, засновник Київської малювальної школи (1875), що згодом перетворилася у Київське художнє училище (1901).
- ¹⁶ Комісія по заснуванню УАМ з самого початку своєї роботи одним з головних принципів майбутньої академії вбачала створення автономного навчального закладу із самостійністю та незалежністю у правах як в організації урядування так і у виборі навчальних програм. Давнє бажання мати в Україні національну мистецьку школу співпало із реорганізацією російської ІАМ (СПб), яка відбувалася

протягом весни – літа 1917 року і внаслідок якої на з'їзді, що проходив 20-25 липня у Петрограді, було проголошено повну автономію всіх художніх шкіл від ІАМ як організаційно так і фінансово.

¹⁷ В статуті УАМ були визначені такі засади:

[«]§ 7. Навчання одбувається по майстернях Професорів-керовників.

[§] 8. Студенти одразу ж вступають в окремі майстерні, виключно для художніх робіт під орудою вибраного студентами професора-керовника, але за згодою самого професора.

[§] 9. Кожна майстерня доручається одному професорові-керовникові. Студенти мають право переходити з однієї майстерні до другої, коли там є вільні місця і за згодою самого професора.

[§] 10. Професори мають право приймати до своїх майстерень, з власного вибору, студентів які не задовольняють постановленому науковому цензові. такі студенти іменуються вільними слухачами. <...>

[§] 14. Час перебування студентів у майстерні не обмежений, але в кінці кожного півріччя професор зобов'язаний повідомити студента кого з них він згоден полишити у майстерні для дальшого навчання. Особа, якій одмовлено в цьому, має право вступити до другої майстерні при умовах зазначених в §9.

[§] 15. Художнє навчання студентів по майстернях провадиться виключно по способу і особистому погляду самого професора-керовника, який на початку семестру повідомляє Раду про ті години, коли його майстерня має бути одчинена для занять.

[§] 16. Під час свого побуту в майстерні, студент підлягає тому розпорядкові, який встановлений професором. В разі невиконання постанов професора, студент має бути виключений з майстерні, по заяві професора, Радою академії – Див.: «Статут Української Академії Мистецтва» – ЦДАВО України. – Ф. 2581. – Оп.1. – Спр.191, арк. 29-32.

¹⁸ УАМ мала відкритися виставкою робіт перших професорів Академії, яка б презентувала творчі декларації художників. У невеликому дописі «Робітничої газети» повідомлялося з цього при воду : «Одкривається Академія виставою професорів. Вистава буде тривати дуже недовго, не більше тижня, а може днів п'ять <...> кожен професор Академії матиме свій окремий салон, який декоруватиме відповідно свого смаку і виставить свої речі в оточенню, яке найкраще пасуватиме для його творів». Крім того, в публікації зазначалося, що на виставці майбутні студенти академії можуть познайомитися із професорами і вибрати собі майстерню. – Наука і мистецтво: Українська Академія Мистецтва // Робітничка газета. – 1917. – № 177. – 5 листопада. – С. 4.

¹⁹ «§ 24. В разі відсутності студентів у майстерні професора на протязі одного року майстерня замикається» [64, арк. 29-32]. Додамо, що за саме з цих причин у 1919 році і була закрита майстерня М. Жука в УАМ. Про це докладніше див.: Павловський В. Українська державна Академія мистецтв // Нотатки з мистецтва. – Філадельфія, 1968. – №. 7. – С. 50.

²⁰ Увраж – великоформатне, коштовне ілюстративне видання. Часто з гравюрами, із зображеннями архітектурних декоративних елементів або пам'яток архітектури.

²¹ Сницарство – художня обробка дерева, в тому числі наскрізне (ажурне), рельєфне та плоске різьблення, найчастіше із застосуванням позолоти і розфарбуванням

²² Цікава інформація про перші роки існування УАМ у щоденникових записах В. Поліщука: «23 червня [1918]. ... а Михайло Жук який славний. Поважний, лисий, щось таке в ньому в обличчі, наче у Вільсона, британця. Він мені посовітував поступати в Архітект. інститут, що має відкритися при Академії Мистецтва... Між іншим казав, що може персонально запросити професорів до Академії Мистецтв з Відня, Берліну, Парижу» – Поліщук В. Із неопублікованих щоденників // Дзвін. – Львів. – 1991. – № 3. – С. 145-146.

- ²³ Нарбут, Георгій (Юрій) Іванович (1886-1920) – художник (графік). Навесні приймав участь у роботі Особливої наради у справах мистецтва під головуванням М. Горького, від якої у квітні був делегований в Київ для історико-культурних пам'яток. Один з засновників УАМ. Восени 1917 був обраний професором УАМ.
- ²⁴ Професорський склад УАМ було обрано 2 вересня на засіданні комісії із заснування УАМ. Крім того там обговорювалися параграфи статуту будівничому відділу, платня за навчання та визначення оплати викладацького складу УАМ. Того ж дня у «Робітничій Газеті» № 125 надруковано інформацію про заснування Української академії мистецтва з переліком її майбутніх професорів – [Б.п.]. Українська Академія Мистецтва // Робітнича газета. – 1917. – № 125. – 2 вересня. – С. 1.
- ²⁵ Перші кроки УАМ зробила в приміщенні Педагогічного Музею на Володимирській вулиці, 57, де працювала у 1917-1918 роках Українська Центральна Рада. УАМ перебувала у приміщеннях УЦР до середини січня 1918 року. «Заняття зі студентами професори вели напочатку в тому самому розгородженому щитами приміщенні, де була влаштована виставка. Але місяцем пізніше, в середині січня 1918 р., Академія мусила звільнити приміщення Педагогічного Музею з огляду на те, що Центральна Рада скликала Всеукраїнські Установчі Збори, призначені на 22 січня» – Павловський В. Українська державна Академія мистецтв // Нотатки з мистецтва. – Філадельфія, 1968. – №. 7. – С. 45-56.
- ²⁶ 24 жовтня на першому засіданні Ради професорів академії відбулися вибори ректора УАМ. Першим ректором УАМ було обрано Ф. Кричевського – ЦДАВО України. – Ф. 2581. – Оп. 2. – Спр. 2, арк. 1.
- ²⁷ Генеральний секретаріат освіти УЦР надав УАМ кілька приміщень в школі Терещенка на Великій Підвальної вулиці, 38, де одночасно ще й розташувався військовий шпиталь.
- ²⁸ Відомо, що під час відсутності Ф. Кричевського у Києві, його обов'язки тимчасово виконували О. Мурашко, Г. Нарбут. На посаду ректора УАМ Г. Нарбута було обрано у січні 1919, на якій він перебував до своєї смерті у 23 травня 1920 р. М. Жук писав про Г. Нарбута: «В Києві він упрягається в справу заснування української Академії Мистецтв. Він кладе всі свої сили на організацію, і його не вистачає на творчість. Творити він хоче саме українське мистецтво – відживити його» – [Б.п.] [М. Жук - ? – О.Я.] Георгій Нарбут // Шквал. – Одеса, 1929. – № 6. – С. 3.
- ²⁹ Спогади про Г.Нарбута за часів УАМ див.: Бурачек М. Спогади про Г. І. Нарбута // Бібліологічні вісті. – 1927. – № 1 (14). – С. 91-101.; Ернст Ф. Георгій Нарбут. Життя й творчість / Георгій Нарбут: Посмертна виставка творів. [Каталог. К.:] ДВУ, 1926. – С. 11. 86.; Кивелюк В. Спогади й рефлексії про Київську Академію Мистецтв // Київ (Філадельфія). – 1955. – № 1. – Січень. – С. 12-18; Кричевський В. Нарбут в Українській Академії Мистецтв. / Вст. слово С. Білокінь // Образотворче мистецтво. – 1997. – №. 1. – С. 54-57; №. 2. С. 17-19; Михайлів Ю. Фрагменти спогадів про Г. І. Нарбута // Бібліологічні вісті. – 1926. – № 3. – С. 46-51; Баліцький П. Фрагменти спогадів про Нарбута // Бібліологічні вісті. – 1926. – № 3. – С. 46-57.
- ³⁰ Г. Нарбут у київський період оформлював журнали «Мистецтво», «Зорі», «Сонце труда», книги: «Антологію» М. Зерова, збірку поезій В. Нарбута «Алілуя», розробляв дизайн перших грошових знаків та герба української держави, створив печатки Державного секретарства, поштові марки, розробив зображення для перших грошових знаків. співпрацював із видавництвами «Друкарь» та Кооперативним видавництвом «Сіяч».
- ³¹ Ханенко, Варвара Николівна (1852-1922) – колекціонерка, меценатка. В. Ханенко було обрано головою комісії Київського художньо-промислового й наукового музею

- з організації першої Південноросійської виставки кустарних виробів, що відбулася у 1906 році. У 1907 році вона стала одним із ініціаторів утворення й діяльним членом Київського кустарного товариства. Дружина Богдана Івановича Ханенка (1849-1917) – промисловця, колекціонера української старовини і творів мистецтва, археолога і мецената. Разом із чоловіком, Богданом Ханенко, заснувала приватний музей.
- ³² Еренбург, Ілля Григорович (1891-1967) – письменник, поет, публіцист. Наприкінці 1918 року приїхав до Києва, де перебував до кінця 1919 року. 1919 року у Києві Еренбург опублікував віршований роман «В звездах» (іл. Д. Рівери) та книгу віршів «В смертний час». У бібліотеці М. Жука зберігалася книга І. Еренбурга «В звездах».
- ³³ Реріх, Борис Костянтинович (1885-1945) – архітектор-художник, педагог. Молодший брат М. К. Реріха. Перебував у Києві 1919-1922 р., приймав активну участь у реставраційних роботах Софійського собору, викладав у Архітектурному, Археологічному інститутах та в УАМ, працював у Київському Революційному комітеті та в Народному комісаріаті освіти, займав посаду архітектора Ревкому, працював у галузі книжкового оформлення.
- ³⁴ Скоріш за все мова йде про засновану у вересні 1918 р. у Києві, професійну спілку художників м. Києва «Мистецтво» («Професійна спілка художників»), куди увійшли О. К. Богомазов (1880-1930), М. Г. Генке (Генке-Шифрина, 1889-1954), І. І. Мозалевський (1890-1975), О. Є. Романов (1885-1919), Б. В. Силкін (?). Головою спілки був обраний М. А. Прахов, секретарем О. К. Богомазов [56, С. 238].
- ³⁵ Прахов, Микола Адріанович (1873-1957) – живописець, працював у галузі станкового, монументального, декоративно-ужиткового мистецтва та художньої промисловості.
- ³⁶ У березні-квітні було засновано комітет Українського національного театру, перше засідання якого відбулося 9 квітня 1917 р. діяльністю якого безпосередньо опікувалося керівництво УЦР. В результаті було створено Товариство «Український Національний Театр», на яке покладалося формування нових театральних колективів у Києві й на периферії, їх фінансування і допомога у керуванні. На тому ж засіданні обрали членів організаційного комітету та комісію для складання статуту. Влітку комітет УНТ підпорядкували Генеральному секретаріату народної освіти УЦР – Раєвська Ю. Державне регулювання театральної справи за часів перших національних урядів / Сучасне мистецтво: наук. зб. / Акад. мистец. України, Ін-т пробл. сучас. мистец. – К. : Акта. 2005, вип. 2. – С. 137. Зауважимо, що М. Жук влітку – восени 1917 року продовжив свою роботу у літературно-репертуарній комісії Комітету УНТ.
- ³⁷ На нашу думку, в цих рядках мова йдеться про період 1918-1919 років, коли за часів Української Держави (Гетьманат), очолюваній генералом Павлом Скоропадським, Головне управління у справах мистецтв та національної культури України при Міністерстві народної освіти і мистецтва активно підтримало існування комітету УНТ, до якого входив М. Жук. Головне управління мистецтв функціонувало як самостійна інституція зі своїм власним бюджетом, завдяки чому дістало змогу реально впливати на розвиток української культури. Комітет УНТ намагався допомогти в фінансовій організації українських театрів та сприяв поширенню національної ідеї серед глядачів. 1918 року у Києві було відкрито три театри – Державний драматичний, Державний народний і Молодий. «Молодий театр» очолював великий майстер театрального мистецтва, видатний режисер пореволюційної доби, основоположник нового напрямку в історії українського театрального мистецтва Лесь Курбас.
- ³⁸ Ймовіріше за все, мова йдеться про організацію навесні 1919 р. у Києві театру «Музичної драми (нині Національна опера України), на що вказує прізвище [С.Ю.]

- Бутовського, який 1919 року входив до складу художньої комісії новоствореного театру «Музична драма», де до вересня 1919 року виступав як соліст.
- ³⁹ Бутовський, Семен Охимович (1886-1967) – актор, співак, режисер.
- ⁴⁰ Основні твори М. Жука тих часів друкувалися у журналах «Шлях» (зокрема цикл поезій «Без неї») – Жук М. «Без неї» (Шлях. – Київ, 1917. – № 4. – С. 8; №5-6. – С. 5); переклад «З Леопольда Стафа» (1917. – № 4. – С. 37); вірші «Привіт» (1918. – № 8. – С. 14), «З минулого» (1918. – № 8. – С. 15); п'єса «Легенда: Драматична студія у 3 картинах» (1918. – № 9. – С. 13-28); вірші «На самоті» (1918. – № 10-11. – С. 42), «Таємниці» (1918. – № 12. – С. 19), «Стріча» (1919. – № 1. – С. 5).
- «Літературно-науковий вісник» – «Вінок сонетів» (Літературно-науковий вісник. – Львів, 1918. – Т. 71. – Серпень- вересень. – С. 3-10); «Секстина» (Літературно-науковий вісник. – Львів, 1918. – Т. 72. – № 10-11. – Жовтень-листопад. – С. 7).
- Журнал «Музагет» містить вірші «Крила» (Музагет. – Київ, 1919. – № 1-3. – С. 16-17) та «Ніч осіння» (С. 18-21); оповідання «Смуток» (С. 49-50), рецензію «Володимир Ярошенко» (С. 151-153).
- ⁴¹ «Сіач» – видавничє товариство в м. Черкасах на Київщині. У 1917-1918 роках видало низку творів письменства (П. Гулака-Артемовського, Є. Гребінки, Б. Грінченка, А. Кащенко, Г. Коваленка, І. Нечуя-Левицького, І. Манжури, С. Черкасенка, І. Франка та ін.) і підручників для початкових шкіл. Зокрема про видання творів М. Жука повідомляється: «Підготовляються до друку три томи творів Михайла Жука (перший том – поезії й два томи оповідань)» – Літературне життя // Книгарь. – 1918. – № 11. – Липень. – Ст. 676. В архіві М. Жука збереглися обкладинки «Проза» та «Поезія», вочевидь підготовані до цього видання.
- ⁴² Ф. Кричевський у 1914-1917 роках обіймав посаду директора Київського художнього училища, яке часто у спогадах називалося «художня школа» або «київська художня школа».
- ⁴³ Студія О. Мурашка відкрилася в Києві у 1913 році й проіснувала до 1917 року. Детальніше про студію О. Мурашка [Членова Л. Олександр Мурашко. Сторінки життя і творчості. – Хмельницький: Галерея; К.: Артанія Нова, 2005. – 256 с.].
- ⁴⁴ УАМ підпорядковувалась безпосередньо Генеральному секретаріату УЦР. Проте фінансування велося нерегулярно та було недостатнім. Про тяжкий стан УАМ у 1917- 1919 роках згадується у численних спогадах, див.: Кивелюк В. Спогади й рефлексії про Київську Академію Мистецтв // Київ (Філадельфія). – 1955. – № 1. – Січень. – С. 12-18; Павловський В. Українська державна Академія мистецтв // Нотатки з мистецтва. – Філадельфія, 1968. – №. 7. – С. 45-56; Ернст Ф. Георгій Нарбут. Життя й творчість / Георгій Нарбут: Посмертна виставка творів. [Каталог. К.: ДВУ, 1926. – С. 11-86. та інш.
- ⁴⁵ «Музагет» – місячник літератури і мистецтва Товариства українських письменників і митців був офіційним виданням однойменної літературно-художньої групи, що об'єднувала поетів та художників різних напрямів, переважно естетико-символістських напрямів. У журналі друкувалися вірші О. Слісаренка, В. Поліщука, Д. Загула, написані в абстрактно-символістській манері. Разом з цим, «Музагет» вперше опублікував вірш П. Тичини «Плуг» та дослідження Ю. Меженка про збірку П. Тичини «Сонячній кларнети». 1919 року вийшов лише один номер журналу, який був позначений як № 1 – 3.
- Наведемо спогади Г. Журби: «Ми стали збиратися, переважно у Михайла Жука, для конкретного обговорення тієї справи. Невисокий щуплий Михайло Жук мешкав тоді на Маріїно-Благовіщенській [тепер вул. Саксаганського – О. К. – В.] вулиці.

Маляр краківської школи, добрий портретист, писав також вірші. Невеликий на зріст, з обличчям сірої людини, завше в круглій кімнатній шапочці та капцях, він узявся зразу робити портрети всіх письменників наших для «Музагету», дав цілу їх низку, починаючи від сонцекларнетного Тичини – Г.Журба. Від Української хати до Музагету // Київ. – 2013. – № 7-8. – С. 170. До слова, після виходу журналу по руках ходила п'еса-шарж «Засідання дитячого гуртка «Музо, геть!», приписувана В. Чумаку. Серед дійових осіб «Михайло 2-й – Низенька товста дитина. Любить малювати. Завжди ходить обляпаний фарбою» – Чумак В. Червоний заспів / Упорядник, авт. передмови та приміток І.О. Ільенко. – К.: Дніпро, 1991. – С. 192. Вперше була надрукована у збірнику «Літературні пародії» (К., 1927) за підписом Л. де Маріні.

⁴⁶ Несхвальна рецензія на вірші М. Жука, надруковані у «Музагеті», була наслідком критичної відозви М.Жука на книгу віршів К. Поліщука. Поліщук (заховавшись за псевдонімом К. Лаврінович) писав: «Цілковитим непорозумінням являється «рецензія» М. Жука на книгу поезій К. Поліщука. <...> М Жукові було б більш корисним дбати про свої власні «поетичні копенята» з Музагету» – Лаврінович К. [Поліщук К.]. На хвилях життя // Мистецтво. – 1919. – VII (№ 56). – С. 49-50.

⁴⁷ Оповідання М.Жука «Смуток» недатоване, оповідання «Дійсність і мрія» датовано 6. IV. 1915 і надруковано під назвою «Етюд». У 1920-ті рр. М. Жук переробив та розширив тексти обох оповідань.

⁴⁸ Зауважимо, портрети молодих літераторів у виконанні М.Жука викликали суперечливе відношення: «Як роботи Жука, я дуже привітав би ці портрети, але <...> невже наші молоді поети такий значний слід поклали в життя і мистецтві, щоб уже пропонувати вдячним сучасникам і погомству свої портрети» – Ніковський А. Музагет: місяшник літератури і мистецтва: січень-лютий-березень. 1919 // Книгарь. – 1919. – № 23-24. – Липень-серпень. – Ст. 1592. Іншої думки дотримувався Ю. Михайлів: «... період 1918-1919 рр. дає низку цікавих оригінально задуманих портретів українських письменників, що входили до літературно-мистецького об'єднання недовговічного «Музагету», що встигло надрукувати лише одну книжку свого місячника тієї ж назви.

Художнє оформлення цієї книги доручено виконати М. Жукові. Крім обкладинки та заставок у книзі вміщено три портрети: П. Тичини, Д. Загула і Юр. Меженка. Два перші трактовано в символістичному плані.

Портрет Тичини не зовсім удався художникові. Це якась переломова праця, вона на межі ще не знайденого і віджитого. Так, наприклад, кубістичне трактування голови поета ніяк не відповідає його характерові і зовсім неприродно для маніри й творчості самого М. Жука. Щоправда, цікаво задумане тло з промінням сонця – «соняшними кларнетами», – що перетинаються навкруги голови поета, який заслухався їх.

Портрет Д. Загула – технічно суцільний, досліджений майже до дрібниць. Слухняний олівець не обминув характеристичних рис письменника і виконав малюнок у манірі дереворита. Напруженість очей якась моторошна і ще більш підкреслюється контрастовими символічними компонентами, що з умінням розташовані на тлі портрета. Важко сказати нині, про що говорить сидяча гола жіноча постать у правому куті портрета, та в лівому – розчинений циркуль, що вістрям униз увіткнувся в кола кучерявих хмар, під якими два дерева, виконані в плані стародруків, а чи перських мініатюр, розхилилося одно від одного, ніби я в якійсь незгоді. Певно, символи ці зв'язані з тодішньою символікою Д. Загула, як поета.

Поколінний портрет Юр. Меженка, узятий трохи офіційно, але являє викінчений зразок композиції. Строго, у візитці, біля книжної шафи (а чи можна уявити Ме-

женка без неї?), стоїть його постать, із трохи піднесеною і схиленою набік головою, ніби пригадує, полицю, шифр книги за каталогом. Склепіння, що накреслене над шафою, нагадує часи книжної палати.

Портрети для «Музагет'у» виконані італійським олівцем, що наближає їх до так званої с т а н к о в о ї г р а ф і к и – Михайлів Ю. Михайло Жук. – Харків. – 1930. – С 18.

⁴⁹ Як не дивно, М. Жук не згадає розміщену у «Музагеті» статтю М. Бурачека «Мистецтво у Києві: Думки і факти», де йому приділено багато уваги як учню С. Виспянського та цікавому портретисту, див.: Бурачек М.: «Мистецтво у Києві: Думки і факти» // Музагет. – 1919. – № 1-3. – С. 112. Оминає він також і свою рецензію, вміщену у розділі «Бібліографія» – Жук М. «Володимир Ярошенко» // Музагет. – 1919. – № 1-3. – С. 151-153, яка викликала такий відгук у згаданій вище статті А. Ніковського: «Наші аполоніянці зовсім між собою не друзі <...> Михайло Жук чубить Володимира Ярошенка, аж вуха червоні» – Ніковський А. Музагет: місяшник літератури і мистецтва. Січень – лютий – березень. 1919 // Книгарь. – 1919. – № 23-24. – Липень-серпень. – С.1595. Там же йдеться й про оповідання М. Жука: «Инши белетристи – <...> Михайло Жук – надзвичайно стереотипні в своїм новаторстві» – Ніковський А. Музагет: місяшник літератури і мистецтва: січень – лютий – березень. 1919 // Книгарь. – 1919. – № 23-24. – Липень-серпень. – С. 1595-1596.

⁵⁰ «Льох мистецтв» («Мистецький льох»), артистичне кабаре було відкрито 3 травня 1919 року на вул. Миколаївській (нині – архітектора Городецького), буд. 9, у дворі знаменитого будинку Гінзбурга. В кабаре Лесь Курбас з акторами Молодого театру інсценізовано декламували вірші київських поетів. Інтер'єр кабаре прикрашали оригінальні панно художника А.Петрицького.

⁵¹ Загул, Дмитро Юрович (псевдоніми: І. Майдан, Б. Тиверець, С. Юрась) (1890-1944) – поет, перекладач, критик. З 1918 р. оселився в Києві. Працював канцеляристом, редактором в українській секції Всеукраїнського видавництва (1919). Член літературного угруповання «Льох мистецтв», «Музагет».

⁵² Ярошенко, Володимир Мусійович (1898-1937) – поет, прозаїк. Належав до літературно-мистецького угруповання «Льох мистецтв», «Музагет». У 1919-1920 – член УКП(б). Працював в українській секції Всеукраїнського видавництва (1919).

⁵³ Меженко, (Іванів-Меженко) Юрій Олексійович (1892-1969) – бібліограф, бібліотекознавець, книгознавець, літературознавець. 1918 р. працював у Бібліотечно-архівному управлінні Міністерства освіти і фактично став одним з фундаторів та керівників бібліотечно-бібліографічної справи; одночасно керував секцією охорони бібліотек при Міністерстві. 24 січня 1919 р. Меженка призначили директором Головної книжної палати України. У 1920-1923 рр. – голова Ради бібліотекарів при Всенародній бібліотеці України. Меженко разом із Д. Загулом організував літературно-мистецьку групу «Музагет», де він грав провідну роль як теоретик літератури.

⁵⁴ Тичина, Павло Григорович (1891-1967) – поет, працював редактором відділу оголошень газети «Рада» і технічним секретарем редакції журналу «Світло» (1913-1914), помічником хормейстера у театрі Миколи Садовського (1916-1917), завідувачем відділу хроніки газети «Нова Рада» (1917) і відділу поезії журналу «Літературно-науковий вісник» (1918-1919), головою української секції Всеукраїнського видавництва (1919), завідувачем літературної частини Першого державного драматичного театру УСРР (1920). Додамо, що М. Жук був викладачем П. Тичини під час його навчання у Чернігівській семінарії, Тичину зображено на панно М. Жука «Біле і чорне» (1912-1914). У подальшому П. Тичина допомагав своєму вчителю.

- ⁵⁵ Журба, Галина (справжнє прізвище – Домбровська Галина Маврикіївна (по чоловікові Нивинська) (1888-1979) – письменниця. Член літературного угруповання «Льох мистецтв», «Музагет».
- ⁵⁶ У цих рядках М.Жук переказує повідомлення з «Хроніки» «Музагета»: «3 травня цього року відчинився український «Льох мистецтва». На вечірках поетів і мистців нової генерації (які відбуваються кожного понеділка і суботи що тижня) виступали з оригінальними творами поети Д. Загул, В. Ярошенко, В. Кобилянський, М. Жук, Ю.Меженко, К. Поліщук, О. Хомик, П.Тичина, О. Слісаренко, Г. Журба, М.Терещенко». – Хроніка // Музагет. – 1919. – Січень-березень. – № 1-3. – С. 163.
- ⁵⁷ «Мистецький цех», літературна група, що заснувалась у травні 1919 р., складалась з театральної та художньої секції і позиціонувала себе як «головну організацію українських літераторів, поетів та акторів, див.: Ільницький О. Український футуризм (1914-1930). – Львів: Літопис, 2003. – С. 66.
- ⁵⁸ Україна: Хроніка ХХ ст.: Рік 1919: Довід. вид. / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін.; Упоряд. О. Бойко. – К.: Ін-т історії України НАН України, 2005. – С.163.
- ⁵⁹ Згадуючи Українську студію мистецького слова М. Жук переказує повідомлення з журналу «Музагет»: «Українська студія Мистецького слова почала свою роботу викладом Д. Загула про початок і розвиток української поезії. Слухачів записалося досі 23. Участь в студії приймають Д. Загул, Ю. Меженко, В. Кобилянський, М. Івченко, М. Жук, М. Зеров, О. Хомик, В. Ярошенко, Микола Терещенко і инш. Студія міститься в клубі «Боротьба» –[Хроніка // Музагет. – 1919. – № 1-3. – Січень-березень. – С.163. Зауважимо, що у травні розпочала свою роботу Професійна спілка мистців слова міста Києва, до якої увійшли члени «Музагету» – Д. Загул, М. Івченко, Ю. Іванов-Меженко, О. Мікульський, К. Поліщук, П. Тичина, А. Хомик, В. Ярошенко, які й уклали український відділ «Майстерні мистецького слова», див.: Ільницький О. Український футуризм (1914-1930). – Львів: Літопис, 2003. – С. 67. «Очолили український відділ М. Жук, Д.Загул» – Хроніка: Майстерня мистецького слова // Мистецтво. – 1919. – № 1. – Травень. – С. 35.
- ⁶⁰ Зеров, Микола Костянтинович (1890-1937) – поет, літературознавець, аналітичний критик, полеміст, лідер «неокласиків», майстер сонетної форми і перекладач античної поезії. 1917 року він працює викладачем латини у Другій українській державній гімназії ім. Кирило-Мефодіївського братства в Києві. У 1918-1920 роках викладає українознавство в Архітектурному інституті, працює редактором бібліографічного журналу «Книгарь» (до початку 1920 року). В цей час Микола Зеров увійшов до елітарного гуртку діячів української культури, що сформувався довкола Георгія Нарбута.
- ⁶¹ Терещенко, Микола Іванович (1898-1966) – поет. Навчався у Київському політехнічному інституті (із перервами до 1922), 1919 працював у Київському губернському відділі народної освіти й мистецтва Наркомосу УСРР. Друкувався з 1918. Член літературно-мистецького угруповання «Льох мистецтв» (1919), футуристичного об'єднання «Комкосмос» (1921).
- ⁶² Про літературну діяльність М. Жука в цей час повідомлялося на сторінках часописів. Окрім згаданої вище інформації у «Книгарі» про видання його творів, були повідомлення на зразок: «Видавництво «Сяйво» придбало і має намір видати в ближчому часі друком такі книжки <...> Михайло Жук. Поезії» – Видавнича хроніка // Книгарь. – 1919. – № 23-24. – Липень-серпень. – Ст. 1648; «Т-во «Сяйво» прийняло до друку <...> прозу М. Жука» – Хроніка // Музагет. – 1919. – № 1-3. – Січень-березень. – С.164; «Михайло Жук, відомий поет і белетрист з групи

- «Музагет» редагує антологію української поезії» – Хроніка: Праця мистців слова // Мистецтво. – 1919. – № 1. – Травень. – С. 36; «В кінці липня 1919 випускає перше число ілюстрований журнал-двотижневик для дітей <...> «Барвінок» <...> приймають участь... М. Жук» – Хроніка: Барвінок і Весняні хвили // Мистецтво. – 1919. – № 5-6. – Липень. – С. 52-53.
- ⁶³ «Літературно-Науковий Вісник» – всеукраїнський літературний і науковий часопис, заснований М. Грушевським, І. Франком, О. Борковським, О. Маковеєм. Видавався часопис Науковим товариством імені Тараса Шевченка. Виходив у Львові (1898-1906), у Києві (1907-1914, 1917-1919) та у Львові (1922-1932). Другий київський період журналу відновлений у 1917-1919 після заборони за часи Першої світової війни, друкувалося як видання Товариства підмоги українській літературі, науці й штучі під редакцією О. Олеса. Дописувачами журналу були найкращі українські письменники та вчені. Публіковані у «ЛНВ» матеріали відіграли винятково важливу роль у формуванні ідеології українського національного руху та розвитку модерної української культури.
- ⁶⁴ М. Жук – автор першого українського сонетного вінка: Жук М. Вінок сонетів // Літературно-науковий вісник. – Львів, 1918. – Т. 71. – Серпень-вересень. – С. 3-10. Зокрема, про це зазначалося сучасниками М. Жука: «В українській поезії вперше дав цю сонетну форму М. Жук, видрукувавши року 1918 в Літературно-науковому віснику кн. VII-VIII». – Чапля В. Сонет в українській поезії. – Харків-Одеса: ДВУ. – 1930. – С. 30.
- ⁶⁵ У архіві М. Жука зберігся рукопис упорядкованої ним книги «М.М. Коцюбинський. Листи до дружини». Книга не була видана. Текст опубліковано у «Літературно-науковому віснику» за 1919 р. у зшитках № 3, №4-6 та №7-9: Коцюбинський М.М. Листи до дружини / уклад до друку М. Жук // Літературно-науковий вісник [ЛНВ]. – Львів, 1919. – Т. 73. – Березень. – С. 286-297; Т. 74. – Квітень-червень. – С. 26-43; Т. 75. – С. 26-69. З передмови рукопису: «Ще в 1914 р. виготовлено цей матеріал, який мені ласкаво дала дружина покійного і який я мав друкувати на сторінках Літературно-наукового вісника, та почалася війна». Обкладинка М. Жука до книги репродукована: Жук Михайло: Альбом / упорядники І.І. Козирод, С.С. Шелвельов. – Київ, 1987. – С. 13.
- ⁶⁶ «Шлях», літературно-науковий місячник, символістського спрямування, виходив у 1917-1919 рр. за редакцією М. Шаповала й О. Мицюка. На початку, у 1916 р., журнал виходив у Москві (чотири числа) за редакцією Хв. Коломійченка, продовжуючи напрям журналу «Українська Хата». З 1917 року видавався в Києві. Друкувалися твори М. Вороного, О. Олеса, Г. Чупринки, Х. Алчевської, О. Кобилянської, М. Шаповала, П. Тичини, М. Рильського. Статті на теми мистецтва та літератури: М. Біляшівський, М. Шаповала (псевд. М. Сріблянський), О. Агієнко, Б. Підгорецький, О. Ковалевський, А. Товкачевський.
- ⁶⁷ На сьогодні відомі дві книги з обкладинками роботи М. Жука київського періоду, що вийшли друком: І. Франко. Королик і ведмідь. – Київ, Вернігора, 1917 та К. Поліщук. Тіні минулого: Волинські легенди. Кн. 1. – Київ, Сяйво, 1919. Разом з іншими художниками (М. Бурачеком, Ф. Красицьким, В. Старицькою, П. Холодним та Т. Шевченком) М. Жук прийняв участь у виданні читанки «Рідні колоски» для української школи, підготованої Генеральним секретаріатом народної освіти УЦР – Рідні колоски: Читанка для молодших класів гімназії / Зложила [та авт. передм.] О. Стешенко/ – К.: Вид.: «Т-ва Шк. Освіти», Друк. Укр. Центр. Ради, 1917. – 160 с. Він також був автором обкладинок журналів «Шлях» (№ 1, 1919 р.)

- та єдиного номера «Музагет» (№ 1-3, 1919). Книга О.Олеся «На зелених горах», до якої М. Жук робив обкладинку, вийшла у 1917 з обкладинкою іншого художника. Докладніше про книжкові обкладинки див.: Книжкові обкладинки Михайла Жука: Каталог виставки. Одеський державний літературний музей / Укладачі О. Лагутенко, С. Луцик. – Одеса, 1994. – С. 26-29.
- ⁶⁸ Українська секція Бюро пропаганди Всеукрліткому до дня 1 Травня (1919) видала збірник поезій «Веснянки: Збірка. Свято пролетаріату, травень року 1919». – Веснянки: Збірка [поезій]. – [К.]: [Вид.] Всеукр. Літ. Ком. Друк. «І. І. Чоколов», [1919]. – 15 с., до якого увійшли два вірша М. Жука «Чи зачитаєш, весно, ти...» (с. 4-5) та «Ще раз весно, і сонце й квіти...» (с. 5-6), під загальною назвою «Весна».
- ⁶⁹ Автори збірника «Веснянки»: В.Д. Коряк, М.І. Жук, В.М. Ярошенко, К.Л. Поліщук, М.В. Семенко, В. Єланський [В.М. Блакитний], Д.Ю. Загул, М. Бесараб, Г.М. Петников. Про учасників збірника повідомлялося у журналі «Музагет»: «В збірничку взяли участь М. Жук, В. Еллан, В. Коряк, М. Семенко, К.Л. Поліщук, Бесараб (робітник), Петніков і В. Ярошенко». – Хроніка // Музагет. – 1919. – Січень-березень. – № 1-3. – С. 164. Разом з тим цей збірник поезій отримав рецензію Б. Якубського: «<...> в віршах «робітника» М. Бесараба не більше і не менш «пролетарського» чогось, ніж у віршах М. Жука, К.Л. Поліщука, М. Семенка, чи Д. Загула, які тут уміщено». – Якубський Б. Веснянки // Книгарь. – 1919. – № 23-24. – Липень-серпень. – Ст. 1640.
- ⁷⁰ Після укладення Берестейського миру 27 лютого 1918 Армія УНР при підтримці німецьких частин розпочала наступ на Київ. 2 березня 1918 року німецько-австрійські війська увійшли до Києва. В боях брали участь і сформовані у німецьких та австрійських таборах з полонених українців дивізія Синьожупанників і Козацько-Стрілецька дивізія (дивізія Сірожупанників) і 7 березня 1918 до столиці повернувся уряд УНР. Порівнюючи цю інформацію із автобіографією М. Жука, можемо припустити, що в тексті йде мова про весну 1919 року, коли М. Жук переїхав з Києва до Чернігова, залишаючи Київ, який перейшов під управління радянської більшовицької армії. Нагадаємо, що у червні 1919 року неподалік від власного будинку на Лук'янівці пострілом в потилицю співробітниками більшовицького ЧК було вбито О.О. Мурашка. Про події весни 1919 та більшовицький терор див.: Україна: Хроніка ХХ ст.: Рік 1919: Довід. вид. / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін.; Упоряд. О. Бойко. – К.: Ін-т історії України НАН України, 2005. – 236 с.
- ⁷¹ Перший відомий чернігівський рукопис – казка «Пухирики» – датований 19 червня 1919 р.
- ⁷² «Удостоверение № 6664. Жук М.И. Место службы – Губнаробраз. Должность – заведующий секцией при Губнаробразе. 13 сент. 1920» – Чернігівський літературно-меморіальний музей М.М. Коцюбинського, А 5438.
- ⁷³ Біографічних даних немає.
- ⁷⁴ Створена 7 жовтня 1917 р. як Чернігівська українська гімназія. У ході численних реорганізацій 1917-1920-х років, у жовтні 1920 року її перейменували у Чернігівську українську семирічну школу ім. М. Коцюбинського.
- ⁷⁵ «3 осени 1919 до осени 1923 працював завідувачем у школі ім. Коцюбинського» – Бурачек М. Михайло Іванович Жук // Червоний шлях, 1929. – № 5-6. – С. 246.
- ⁷⁶ Ржезніков (Резников), Арон (Аркадій) Йосипович (1898-1943) – художник. Народився у Чернігові. Автор картини «Карл Маркс на Гаагському конгресі», пейзажів: «Високі дерева», «Вітряний день», «Ранок на Десні» та інші. Загинув у бою з фашистами 1943 р.

- ⁷⁷ Нерода, Георгій Васильович (1895-1983) – російський скульптор, н.х. РФСР, ч.-к. АМ СРСР. 1917 року закінчив МУЖСА, 1921 – у Чернігові зробив пам'ятник В. Леніну (пам'ятник не зберігся)
- ⁷⁸ Біографічних даних немає.
- ⁷⁹ Міткевич (Митькевич), Леонід Іванович (1896- ?) живописець, Навчався у Чернігівському інституті народної освіти (1919-1923 рр.), у 1920-1922 рр. одночасно з тим працював завідувачем Чернігівської народної студії мистецтва, викладав малюнок і живопис.
- ⁸⁰ Ймовірно мова йде про П. Юркевича, виконавця невеликих комедійних ролей.
- ⁸¹ Професійна спілка робітників мистецтва або скорочено «Робмис». У Чернігові М. Жук працював у Губвідділі (1919), був членом правління чернігівського «Робмис». В особистому документі М. Жука зазначено: «Всерабис. Членский билет № 43504. Жук. М.И. Псевдоним Онде. Профессия художник-литератор. Специальность художник <...> Выдан XII 1924». – Чернігівський літературно-меморіальний музей М.М. Коцюбинського, А 5426. На VII Всесоюзному з'їзді робітників образотворчого мистецтва М. Жук був обраний від України до ЦБ при ЦК спілки Робмис (Москва, 1929).
- ⁸² «Вікна РОСТА», повна назва – «Вікна сатири РОСТА» (РОСТА – Російська телеграфна агенція) – плакати, що виходили 1919-1921, якими широкі верства населення оперативно інформували про головні події та головні проблеми в країні. Видавалися на територіях, де утверджувалася влада більшовиків.
- ⁸³ 1920-1922 роках М. Жук створив графічну серію (ксилографія) портретів літераторів та політично-громадських діячів: Т. Шевченко, В. Стефаник, Леся Українка, В. Чумак, Максим Горький, К. Маркс, С. Лозовський, М. Томський, Бер Борохов.
- ⁸⁴ Плакати «Тільки серп і молот знищать смерть і голод» (1921) і «Ледачий робітник», (1923) репродуковано: Жук Михайло: Альбом / упорядники І.І. Козирод, С.С. Шевельов. – Київ, 1987. – С. 15, 17; плакат «Хто здав продподаток – обмінює лишки у кооперативі на крам. Хабарника-ж спекулянта жене з двору» (1921). – Всевладність краси: графіка та живопис Михайла Жука. Каталог/Автор вступ. ст.О. Лагутенко. – Київ, [2011]. – С. 71.
- ⁸⁵ Див.: Жук М. Дрімайлики малайцям / Написав Михайло Жук. Книжка гравірована автором. – Чернігів: Пайова друкарня, 1923. – 16 с. Репринтно витворене. – Дом князя Гагарина, вип. 6, т. 1.
- ⁸⁶ Див.: Жук М. Казки. – Чернігів: Видання Губнар освіти Чернігівщини. Секція видавнича, 1920. – 84 с. Тираж першого видання склав 3 000 примірників. Повторне видання того ж року – тираж 2 000. З автопортретом М. Жука (ксилографія), віньетки, заставки, кінцівки (ліногравюри та ксилографії).
- ⁸⁷ Драматична п'єса М. Жука «Мефісто» підписано псевдонімом Мігуелес, її текст було видрукувано 1920 року у Чернігові. У дослідженні Г. Веселовської зауважується, що псевдонім Мігуелес можна вважати своєрідним відкликом на драму В. Винниченка «Чорна Пантера і Білий Ведмідь», в якій один з персонажів має таке ім'я, див.: Веселовська Г.І. Український театральний авангард / Ін-т проблем сучасного мист-ва Нац. акад. мист-в України. – К.: Фенікс, 2010. – С. 108.
- ⁸⁸ «Голод» – збірка віршів та прози чернігівських авторів, українською та російською мовами. Обкладинка – ліногравюра М. Жука, надруковано його оповідання «Очі» (21.VIII. 1915) та вірші «Голод», «Біда», «Силуети», «Гнилий світ», «Осінь» – Голод: Літературна збірка на допомогу голодним Поволжжя. – Чернігів: Держ. Вид-во.

[2-я Сов. Тип.], 1921. – 64 с. Зберігся відбиток варіанта обкладинки «Ужасы голода» (приватна збірка).

⁸⁹ Біографічних даних немає.

⁹⁰ Невелика драматична п'єса «Легенда», за визначенням автора – «драматична студія у 3 діях», опублікована у журналі «Шлях» 1918 року. П'єса створена під впливом відомої п'єси «Легенда» С. Виспянського. П'єса М. Жука «Легенда» поставлена на сцені Чернігівського театру 1929 року, див.: Веселовська Г. І. Український театральний авангард / Ін-т проблем сучасного мист-ва Нац. акад. мист-в України. – К.: Фенікс, 2010. – С. 108. Збереглася афіша до цієї вистави «Програма. Дім Мистецтв. В четвер 1 січня 1920 Вистава Михайло Жук Легенда Драматична студія на 3 дії. Постановка Андрія Щипанського Декорації Резнікова» – Одеса, приватна колекція.

⁹¹ Давидов, Зіновій Самойлович (1892, Чернігів – 1967) – поет, письменник. У 1912-1917 рр. навчався у Київському університеті на юридичному та історико-філологічному факультетах. Продовжив освіту в інституті мистецтв. Літературним дебютом Давидова був збірник віршів «Ветер» (1919 р.). У бібліотеці М. Жука зберігався примірник з дарчим написом «Михайлу Івановичу Жуку с приветом. Автор. Чернигов. 1920/Ш».

⁹² Комедія М. Жука «Мадонна з Ефесу» було поставлена на сцені театру ім. М. Заньковецької, під час перебування трупи у Чернігові. Прем'єра відбулася 25 серпня 1923 року (реж. Б.В. Романицький, худ. П. Погребний). Збереглася афіша, зроблена М. Жуком «Театр ім. М. Заньковецької. Театр на валу. Чернігів. Субота 25 серпня 1923. Бенефіс Бор. Романицького. Прем'єра «Мадонна з Ефесу. Комедія на 3 дії М. Жука. Роль Хабіноса виконує бенефіціант». – Одеса, приватна колекція. У дослідженні Г. Веселовської «Український театральний авангард» наводяться спогади Б. Романицького про цю постановку: «Інтерес до синтетичного використання всіх видів мистецтв на театрі вже позначився у заньківчан у виставі “Мадонна з Ефесу” (літо 1923 року), – писав Б. Романицький. – Це була цікава для нас спроба побудувати виставу за принципом синтетичного пов'язання речового оформлення, музики, світла, руху, гри, аксесуару й слова. План сатири підсилювався дещо гротесковим обарвленням. Строго зумовлені й зафіксовані сценічні положення персонажів, на межі дійсності і фантазії, швидкий темп, що протягом дії весь час несподівано уривався “мертвими” паузами, які здавалися навмисне недоречними й які в той же час, а по-части саме тому, легко й гостро підкреслював сатиричну думку. В двох останніх діях (всього три) – трьохмірність декоративної побудови, що вже сама примушувала актора інакше почувати на кону всю свою фактуру; іронією перейняті строї персонажів, барвисті і такої легкої форми, аби допомогти акторові підкреслити всю сатиричну гротескність штучно збільшеної емоційності їхнього руху; швидкий ігровий легкий рух масовок, рух, пройнятий одним певним завданням, що визначився цілеспрямованням вистави жорстко висміяти святенництво буржуазії і взагалі панської моралі». – Веселовська Г. І. Український театральний авангард / Ін-т проблем сучасного мист-ва Нац. акад. мист-в України. – К.: Фенікс, 2010. – С. 109-110.

⁹³ Романицький, Борис Васильович (1891-1944) – актор, режисер, театральний діяч.

⁹⁴ «Велику роль у художньому житті Чернігова періоду громадянської війни відіграла народна студія мистецтв (1919-1922) <...> В музеї в експозиції твори викладачів та учнів студії, зокрема Ф. Чирка, М. Жука, Л. Митькевича, Т.Тарасевича, З. Го-

- робця, І. Кричевського, А. Ржезнікова». – Чернігівський художній музей / автор-упорядник В.М. Величко. – К., 1988.
- ⁹⁵ Серед того, що лишилися за межами спогадів, наприклад, робота з молодими письменниками: «Група молодих письменників (Лада Могилянська, Дм. Тась, М. Ятченко, М. Вороний) збираються що-середі у Мих. Жука. Цей гурток робить виступи в ІНО з живими літературними журналами, на яких буває до 500 душ читачів». – В. Е. Літературно-мистецьке життя : Чернігів // Червоний шлях. – 1929. – № 3. – С. 275.
- ⁹⁶ Одеське художнє училище, реорганізовувалося 1924 р. у Політехнікум образотворчих мистецтв, з 1930 р. – Художній інститут. М. Жук почав працювати восени 1925, тобто у Політехнікумі. Зі спогадів Ю. Михайліва: «Восени 1925 р. М. Жук переїздить до Одеси працювати в Художньому Політехнікумі на посаді професора-керівника графічної майстерні» – Михайлів Ю. Михайло Жук. – Харків. – 1930. – С. 21. У членській книжці «Всерабису» (див. прим. 81) зазначено, що М. Жука прийнято на роботу до Політехнікуму 9.Х. 1925. – Чернігівський літературно-меморіальний музей М.М. Коцюбинського, А 5426.
- ⁹⁷ Пам'ятник В. Леніну у Чернігові, створений Г.В. Неродою у 1921 р., не зберігся.
- ⁹⁸ Адресат не встановлено.
- ⁹⁹ Біографічні дані невідомі.

Бібліографія

- [Б.п.] [М. Жук – ? – О.Я.] Георгій Нарбут // Шквал. – Одеса, 1929. – № 6. – С. 3.
- [Б.п.]. Михайло Іванович Жук: 25 років художньої діяльності // Шквал. – Одеса, 1929. – № 28. – С. 10.
- [Б.п.]. Українська Академія Мистецтва // Робітничка газета. – 1917. – № 125. – 2 вересня. – С. 1.
- Баліцький П. Фрагменти спогадів про Нарбута // Бібліологічні вісті. – 1926. – № 3. – С. 46-57.
- Бурачек М. Михайло Іванович Жук // Червоний шлях. – 1929. – № 5-6. – С. 246-248.
- Бурачек М. Спогади про Г. І. Нарбута // Бібліологічні вісті. – 1927. – № 1 (14). – С. 91-101.
- Бурачек М. Художник М.І. Жук: 3 нагоди 25-річного ювілею // Всесвіт. – 1929. – № 25. – С. 10.
- Бурачек М.: «Мистецтво у Києві: Думки і факти» // Музагет. – 1919. – № 1-3. – С. 99-114.
- В. Е. Літературно-мистецьке життя : Чернігів // Червоний шлях. – 1929. – № 3. – С. 275.
- Веселовська Г. І. Український театральний авангард / Ін-т проблем сучасного мист-ва Нац. акад. мист-в України. – К.: Фенікс, 2010. – 368 с.
- Веснянки: Збірка [поезій]. – [К.]; [Вид.] Всеукр. Літ. Ком. Друк. «І. І. Чоколов», [1919]. – 15 с.
- Видавнична хроніка // Книгарь. – 1919. – № 23-24. – Липень-серпень. – Ст. 1648.
- Всеволодність краси: графіка та живопис Михайла Жука. Каталог/Автор вступ. ст. О. Лагутенко. – Київ, [2011]. – 144 с.
- Голод: Літературна збірка на допомогу голодним Поволжжя. – Чернігів: Держ. Вид-во. [2-я Сов. Тип.], 1921. – 64 с.

15. Всеволодність краси (до 130-річчя з дня народження художника і письменника М.І. Жука): Каталог виставки. 3 грудня 2013-15 січня 2014. Одеський літературний музей/ упорядники О. Яворська, К. Ергієва. – Одеса, 2013. – 24 с., іл.
16. Ернст Ф. Георгій Нарбут. Життя й творчість / Георгій Нарбут: Посмертна виставка творів. [Каталог. К.:] ДВУ, 1926. – С. 11-86.
17. Жук М. Без неї // Шлях. – Київ, 1917. – № 4. – С. 8.
18. Жук М. З Леопольда Стафа // Шлях. – Київ, 1917. – № 4. – С. 37.
19. Жук М. Без неї // Шлях. – Київ, 1917. – №5-6. – С. 5.
20. Жук М. Привіт // Шлях. – Київ, 1918. – № 8. – С. 14.
21. Жук М. З минулого // Шлях. – Київ, 1918. – № 8. – С. 15.
22. Жук М. Легенда: Драматична студія у 3 картинах // Шлях. – Київ, 1918. – № 9. – С. 13-28;
23. Жук М. На самоті // Шлях. – Київ, 1918. – № 10-11. – С. 42.
24. Жук М. Таємниці // Шлях. – Київ, 1918. – № 12. – С. 19.
25. Жук М. Стріча // Шлях. – Київ, 1919. – № 1. – С. 5.
26. Жук М. Вінок сонетів // Літературно-науковий вісник. – Львів, 1918. – Т. 71. – Серпень- вересень. – С. 3-10;
27. Жук М. Секстина // Літературно-науковий вісник. – Львів, 1918. – Т. 72. – № 10-11. – Жовтень-листопад. – С. 7.
28. Жук М. Крила // Музагет. – Київ, 1919. – № 1-3. – С. 16-17.
29. Жук М. Етюд // Музагет. – Київ, 1919. – № 1-3. – С. 47-48.
30. Жук М. Ніч осіння // Музагет. – Київ, 1919. – № 1-3. – С. 18-21.
31. Жук М. Смукот // Музагет. – Київ, 1919. – № 1-3. – С. 49-50.
32. Жук М. Володимир Ярошенко // Музагет. – 1919. – № 1-3. – С. 151-153.
33. Жук М. Казки. – Чернігів: Видання Губнаросвіти Чернігівщини. Секція видавничча, 1920. – 84 с.
34. Жук М. Дрімайлики малайцям / Написав Михайло Жук. Книжка гравірована автором. – Чернігів: Пайова друкарня, 1923. – 16 с.
35. Жук М. Василь Кричевський // Шквал. – Одеса, – 1929. – № 7. – С. 4
36. Жук М. Професор Микола Бурачек // Шквал. – Одеса, – 1929. – №27. – С. 9-10.
37. Жук Михайло: Альбом / упорядники І.І. Козирод, С.С. Шевельов. – Київ, 1987. – 199 с.
38. Михайло Жук: Каталог виставки/ Одеська державна наукова бібліотека ім. М. Горького, Одеський будинок вчених: Секція книги/упорядники Л.В. Арюпіна, О.М. Барковська, С.З. Лущик. – Одеса, 1998. – 54 стор.
39. Журба Г. Від Української хати до Музагету // Київ. – 2013. – № 7-8. – С. 148-175.
40. Льницький О. Український футуризм (1914-1930). – Львів: Літопис, 2003. – 456 с.
41. Кивелюк В. Спогади й рефлексії про Київську Академію Мистецтв // Київ (Філадельфія). – 1955. – № 1. – Січень. – С. 12-18.
42. Книжкові обкладинки Михайла Жука: Каталог виставки. Одеський державний літературний музей / Укладачі О. Лагутенко, С. Лущик. – Одеса, 1994. – 35 с.
43. Комар Г. Михайко Жук // Шквал. – Одеса, 1929. – № 8. – С. 8.
44. Коцюбинський М.М. Листи до дружини / уклав до друку М.Жук // Літературно-науковий вісник [ЛНВ]. – Львів, 1919. – Т. 73. – Березень. – С. 286-297.
45. Коцюбинський М.М. Листи до дружини / уклав до друку М.Жук // Літературно-науковий вісник [ЛНВ]. – Львів, 1919. – Т. 74. – Квітень-червень. – С. 26-43.
46. Коцюбинський М.М. Листи до дружини / уклав до друку М.Жук // Літературно-науковий вісник [ЛНВ]. – Львів, 1919. – Т. 75. – С. 26-69.

47. Кричевський В. Нарбут в Українській Академії Мистецтв. / Вст. слово С. Білокінь // Образотворче мистецтво. – 1997. – № 1. – С. 54-57; № 2. – С. 17-19
48. Лаврінович К. [Поліщук К.]. На хвилях життя // Мистецтво. – 1919. – VII (№ 56). – С. 47-50.
49. Літературне життя // Книгарь. – 1918. – № 11. – Липень. – Ст. 676.
50. Михайлів Ю. Михайло Жук: до ювілею 25 річної мистецької діяльності // Життя й революція. – 1929. – Книжка 5, травень. – С. 120.
51. Михайлів Ю. Михайло Жук. – Харків, 1930. – 31 с.
52. Михайлів Ю. Фрагменти спогадів про Г. І. Нарбута // Бібліологічні вісті. – 1926. – № 3. – С. 46-51.
53. Наука і мистецтво: Українська Академія Мистецтва // Робітнича газета. – 1917. – № 177. – 5 листопада. – С. 4.
54. Ніковський А. Музагет: місяшник літератури і мистецтва. Січень-лютий-березень. 1919 // Книгарь. – 1919. – № 23-24. – Липень- серпень. – С. 1587-1595.
55. Павловський В. Українська державна Академія мистецтв // Нотатки з мистецтва. – Філадельфія, 1968. – № 7. – С. 45-56.
56. Поліщук В. Із неопублікованих щоденників // Дзвін. – Львів, 1991. – № 3. – С. 140- 152.
57. Поліщук К. Тіні минулого: волинські легенди. Кн. 1. – Київ: Сляво, 1919. – 135 с.
58. Раєвська Ю. Державне регулювання театральної справи за часів перших національних урядів / Сучасне мистецтво: наук. зб. / Акад. мистец. України, Ін-т пробл. сучас. мистец. – К.: Акта, 2005. – Вип. 2. – С. 136-150.
59. Рідні колоски: Читанка для молодших класів гімназії / Зложила [та авт. передм.] О. Стешенко/ – К.: Вид.: «Т-ва Шк. Освіти», Друк. Укр. Центр. Ради, 1917. – 160 с.
60. Северюхин Д., Лейкінд О. Золотий век художественных объединений в России и СССР. – Спб.: Издательство Чернышева, 1992. – 400 с.
61. Скалки життя: Український Декламатор: Зразки творчості українських письменників в поезії й прозі для читання й декламації / Впорядкував Сергій Паночіні. – К.: Видавн. Т-во «Орхід». Друк. «Союзбанк», 1918. – 160 с.
62. Україна: Хроніка ХХ ст.: Рік 1919: Довід. вид. / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін.; Упоряд. О. Бойко. – К.: Ін-т історії України НАН України, 2005. – 236 с.
63. Франко І.Я. Королік і ведмідь: Казка з 13 малюнками / [Худож. П. Лапін, М.І. Жук]. – К.: Видавн. Т-во «Вернигора», 1917. – 16 с.
64. Хроніка // Музагет. – 1919. – Січень-березень. – № 1-3. – С.163-166.
65. Хроніка: Майстерня мистецького слова // Мистецтво. – 1919. – № 1. – Травень. – С. 35.
66. Хроніка: Праця мистців слова // Мистецтво. – 1919. – № 1. – Травень. – С. 35-36.
67. Хроніка: Барвінок і Весняні хвилі // Мистецтво. – 1919. – № 5-6. – Липень. – С. 52-53.
68. ЦДАВО України. – Ф.2581. – Оп.1. – Спр.191.
69. ЦДАВО України. – Ф. 2581. – Оп. 2. – Спр. 2.
70. ЦДАВО України. – Ф.2457. – Оп. 1. – Спр. 8.
71. Чапля В. Сонет в українській поезії. – Харків – Одеса: ДВУ. – 1930. – 80 с.
72. Чернігівський художній музей / автор-упорядник В.М. Величко. – К., 1988. – 112 с.
73. Членова Л. Олександр Мурашко. Сторінки життя і творчості. – Хмельницький: Галерея; К.: Артанія Нова, 2005. – 256 с.
74. Чумак В. Червоний заспів / Упорядник, авт. передмови та приміток І.О. Ільєнко. – К.: Дніпро, 1991. – 364 с.
75. Якубський Б. Веснянки // Книгарь. – 1919. – № 23-24. – Липень-серпень. – Ст. 1640 – 1641.

Первый! Но, увы, последний

В январе 1918 года в Одессе вышел на плохой бумаге тоненький альманах (34 страницы), очевидно, крошечным тиражом, так как он не учтен даже в каталоге альманахов, изданном Книжной палатой.

Авторы, а среди них были уже известные широкой публике и совсем неизвестные, громко назвали его

**Первый
Альманах
литературно-художественного кружка.
Стихи**

Если быть буквалистски точным, нужно было бы добавить и слово – студенческого, но, как видно, такое длинное сочетание слов: «студенческого литературно-художественного кружка» мешало бы верстке.

У меня этот «Альманах» хранится как подарок одного из его участников, поэта в юности, в зрелости врача-хирурга, кандидата медицинских наук Вадима Ильича Долинова. Он же подарил и единственную свою книгу стихов – крымскую легенду о золотом слоне, вышедшую в Одессе в 1924 году.

В конце жизни, а умер Вадим Ильич в 1977 году, он написал несколько страниц воспоминаний о своей литературной юности, о брате Георгии Долинове, также участнике кружка и «Альманаха», и много лет назад мы опубликовали их в «Комсомольской искре».

Но, пожалуй, наиболее точные сведения о литературной жизни Одессы в 1917–1918 годах, мне представляется, оставил член кружка и участник «Альманаха» Петр Евгеньевич Ершов (1893–1965), поэт, литературовед, мемуарист. Дело в том, что впервые он прикоснулся к этой теме еще в 1918 году, опубликовав в журнале «Южный огонек» №6 статью «Одесса как литературный центр в 1917–1918 годах», а впоследствии, в эмиграции, дважды возвращался к этой теме. В 1957 году в Нью-Йорке в журнале «Опыты» №8 вышла его статья «Одесская литературная колыбель». Ее вернул современному читателю литературовед А. Устинов, перепечатав в Москве в 2004 году. Но оказалось, что у П. Ершова была еще одна статья – «Одесская «Зеленая лампа», опубликованная в нью-

йоркской газете «Новое русское слово» еще в 1951 году. Этот текст обнаружил поэт и журналист, живущий в Париже, Виталий Амурский, опубликовав его в 2004 году в альманахе «Дерибасовская-Ришельевская» №16. Вот эти три статьи Петра Ершова и дают наиболее полное представление о кружке, о его участниках, о том, как из кружка, по настоянию В. Катаева, родилась студия «Зеленая лампа».

Нужно не забывать, что Одесса полюбила альманахи как форму издания с 1831 года. До сих пор литературная Одесса гордится тем, что в «Одесском альманахе» за 1840 год опубликовал свои новые стихи М.Ю. Лермонтов.

Великолепные альманахи выходили в Одессе и в XX веке. В 1909 году в альманахе «Маяк» опубликовал свои стихи Александр Блок. К сожалению, в главных книгохранилищах нашего города этот альманах не сохранился. Но вот замечательно изданные альманахи «Шелковые фонари» (1914 год), «Авто в облаках» (1915 год), «Серебряные трубы» (1915 год), «Седьмое покрывало» (1916 год) «Чудо в пустыне» (1917 год), предшествовавшие альманаху «СЛХК», украшают лучшие библиотеки. Они издавались до революции, в них вкладывал деньги поэт и коммерсант Петр Сторицын.

А к концу 1917 года денег на издание взять было негде. Творческая молодежь собиралась в Новороссийском университете (поэтому – Студенческий), проводила вечера с разрешения секретаря факультета профессора Е.П. Трифильева. Конечно, ходило на эти встречи и немало графоманов. Но, когда решили издать альманах, когда решили, что будет конкурс стихов и победитель получит денежное вознаграждение, оргкомитет стал строг.

Мы и сегодня не знаем, кто входил в этот оргкомитет, но можно предположить, что возглавил его, а может быть, и провел единолично всё тот же Е.П. Трифильев.

Предоставим слово Петру Ершову:

«Конечно, большинство читанного, спетого, сыгранного (раздобыли и пианино) – было очень зелено, неоригинально, было перепевами уже найденного в искусстве, но все было согрето искренним юношеским горением, все возбуждало горячие споры. Довольно быстро произошел естественный отбор: более одаренные и сильные объединились для устройства полужакрытых вечеринок кружка и примерно через год выпустили маленький Альманах

стихов, который, вероятно, стал теперь библиографической редкостью.

Больше того: устроили конкурс на лучшие стихи и поднесли несколько десятков рублей пленявшей тогда всех нас поэтессе Зинаиде Шишовой, напечатав ее милолепетавшие стихи на первом месте. И не угадали — не ей жизнь сулила пальму первенства. В тот период в составе кружка были: Георгий и Вадим Долиновы, Эмилия Немировская (рано и мучительно скончавшаяся), Бор. Бобович, занявшийся впоследствии мелкой журналистикой в Москве, ярко выраженный и страстный поэт-сионист Файнберг (след его простыл), Еф. Бриль, говоривший о своих ультраинтимных стихах, что он их читает даже самому себе шепотом, а позже превратившийся в довольно громкого провинциального режиссера, хорошенькая Анта Дуничевская, жеманно писавшая о себе:

“Мой зыбкий профиль прерафаэлитки

Чертите вы в сиреневый альбом...”

скромная, но глубокая Свирчевская и студент-юрист первокурсник Юрий Олеша, только что вернувшийся с германского фронта юный Валентин Катаев и поэтесса Адалис, поражавшая всех своим ориентализмом, вплоть до острых коричневых ногтей – <примкнули к тесному сотовариществу>.

Узкие собрания устраивались у радушного Вани Мунца, сына голландского консула. Появлялся там как желанный гость, без нескольких передних зубов, пришептывавший Эдуард Багрицкий, напоминавший по внешности матроса. Багрицкий был старше годами, уже стал печататься, но не задира нос, а охотно и блестяще читал свои поэмы (у него и лирические стихи превращались в поэмы), широко размахивая рукой, подчеркивая музыку стиха, особо скандируя. Впрочем, мелодика, напевность, игра неожиданных, изысканных рифм – это было заботой всех участников, тонко разбирававшихся в стихотворных тайнах. Единства направлений в кружке не было: одни отдавали дань символизму, другие уже почувствовали прелесть акмеизма, третьи – считали себя неоклассиками».

В альманахе опубликованы стихи тринадцати поэтов. Как видим, чертова дюжина не испугала составителей. Валентина Катаева, Юрия Олешу, Зинаиду Шишову читатели уже хорошо знали по одесским журналам. Чуть позже станут известными братья Георгий и Вадим Долиновы, Борис Бобович (автор многочисленных литературных журна-

лов), а его брат Исидор Бобович даже печатался в предреволюционных альманахах.

Валентин Катаев решил, что можно организовать кружок «Зеленая лампа», проводить вечера в консерватории и, главное, брать деньги за вход, тем самым поддерживая нищих поэтов. И именно там, в консерватории, братья Долиновы прославились как мелодекламаторы.

Не обо всех авторах этого альманаха мы знаем сегодня. Запомнилась мемуаристам необычной красотой Анта Дуничевская и тем, что у ее родителей была дача на Большом Фонтане, где иногда собиралась молодежь.

Петр Ершов больше со стихами не выступал, но сопровождал лекциями выступления товарищей. Позже, в советское время он защитил кандидатскую диссертацию, преподавал в университете во время оккупации, в 1944 году уехал из Одессы, обосновался после войны в США.

Фамилия Синявер любителям истории Одессы хорошо известна. Моисей Синявер, архитектор, оставил зарисовки старой Одессы, более того, в тридцатых годах издал альбом; Осип Синявер, окончив Одесское художественное училище, уехал в Бельгию и там стал выдающимся бельгийским художником, основателем жанра индустриального пейзажа. А их родственник, отказавшийся учиться в художественном училище, пробовавший писать стихи, тоже не затерялся.

Леонид Синявер стал впоследствии известным музыковедом в Ленинграде, а в 1917–1918 годах он, юноша из Измаила, учился в одесской консерватории.

Те, кто проходит по переулку Чайковского и видит мемориальную доску циркачам братьям Ширманам, могут не знать, что из пяти братьев только двое связаны были с цирком, с клоунадой. Эмиль Ширман, один из пяти братьев, учился на юрфаке, опубликовал в этом альманахе стихи. Впоследствии он взял себе псевдоним Владимиров и под этим псевдонимом писал популяризаторские книжки, работая в НКВД. И как многие его сослуживцы, был расстрелян в 1937 году.

Мемуаристы сообщают, что рано от тяжелой болезни умерла красавица Эмилия Немировская, первая жена Георгия Долинова. Прошло время, Георгий женился на ее сестре, такой же красавице. У них родился сын Александр, поэт, художник, живущий сейчас в Израиле. Его разыскала жена Аркадия Креймера Нина Бондаренко. Так что вскоре представится возможность дать публикацию из его семейного архива.

Забавно, что поэт и художник из Одессы, живущая сейчас в США Рита Бальмина, которая создает цикл графических портретов, опубликовала в Фейсбуке портрет Александра Долинова. Еще ничего не зная о разысканиях Н. Бондаренко, я спросил у Бальминой, не внук ли это кого-то из одесских Долиновых.. Александр мгновенно откликнулся: «Да, я сын Георгия Долинова от второго брака. Как приятно, что в Одессе еще помнят нашу семью».

Готова к изданию статью о Зинаиде Шишовой, заместитель директора Одесского литературного музея Алена Яворская просмотрела одесскую периодику в поисках откликов на этот альманах.

«Первый отзыв: «Удостоенные премии кружка стихи Зинаиды Шишовой и впрямь талантливы. Влияние Анны Ахматовой, неизбежное для всех начинающих поэтесс, переработано и поэтому стало «своим». Особенно хорош «Пустячок»¹, приобщающий автора его к подлинной лирической поэзии»².

Критик и поэт Марк Бертенсон отмечает стихи В. Катаева, Ю. Олеши и З. Шишовой, «ибо они поэты, пусть еще незрелые и свое незрелое настроение претворяющие в незрелые формы, но поэты Божьей Милостью. <...> Читая стихи Зинаиды Шишовой, в первое мгновение улыбаешься и думаешь: «Ну, конечно, не избежать начинающей поэтессе влияния одной из самых талантливых наших поэтесс – Анны Ахматовой». Отдельные слова – такие типичные для Петербургской Ахматовой, настроение стиха, даже общность темы и настроения: «Бледненький мертвый мальчик, я как черная злая кошка, была на Вашем пути... Хрупкий такой и нежный подождите меня немножко – я тоже должна уйти». Но затем чувствуешь: это у нее не наносное, конечно, литературное, а не биографическое, от мысли больше, чем от непосредственного воздействия жизни, но свое, переработанное. И не всё ли равно читателю, жизненно правда ли, что Зинаида Шишова в субботу сказала: «приходите, милый» ему, влюбленному в родимую Украину, «а уже во вторник о нем забыла». Творчески это правда. А это – единственно важное. И невольно берет искушение процитировать эти строки:

«Ты любил мои поцелуи, мои губы, глаза и руки...
Если б знал, так смеялся бы долго
над моей беззащитной любовью...
Я тебе не сказала ни слова о своей беззащитной муке,
Разве можно лучшее в мире превращать в меновую торговлю?»

Какой прелестный прозаизм!

Могущие позволить себе роскошь поэтических прозаизмов могут быть уверены, что сопричастны истинному вдохновению».

Позднее появляется еще одна, но уже критическая, рецензия из Севастополя³.

Вот где, оказывается, был центр «литературоведческой» мысли...

Отзывов современников, как видим, немного, но сборник этот вот уже почти сто лет упоминается в мемуаристике, как только речь заходит о ранних стихах В. Катаева, Ю. Олеси, З. Шишовой.

А теперь перечтем стихи в альманахе, подумаем, как они видятся сегодня, спустя годы.

Альманах действительно профессионален. Символизм его авторами уже преодолен, а вот акмеизм в расцвете, ощутим и подход неоклассицизма.

Возможно, я дал бы премию трем сонетам Валентина Катаева. Но не ставлю под сомнение правильность выбора анонимного оргкомитета – Зинаида Шишова покорила многие сердца. Признаемся, что в оргкомитет входили джентельмены, а это не менее важно, чем поэты...

Грустно, что альманах так и остался первым. Второго уже не было. Но виноваты в этом не поэты, а время, разбросавшее их по городам и весям.

Примечания

¹ Шишова З. Пустячок // Первый альманах литературно-художественного кружка. – Одесса, 1918. – С. 31.

² М.Б. [Марк Бертенсон] Первый альманах литературно-художественного кружка. – Одесса, 1918 // Одесский листок. – 1918. – 15 января.

³ Подоводский Конст. Первый альманах (Стихи) литературно-художественного кружка // Южный огонек. – 1918. – № 11. – Июль. – С. 15.

ПЕРВЫЙ
АЛЬМАНАХЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО КРУЖКА.

СТИХИ

*Борисъ Бобовичъ. Сергій Гольденфельдъ. Георгій Долиновъ.
Анта Дуничевская. Петръ Ершовъ. Валентинъ Катаевъ. Эми-
лїя Немировская. Юрій Олеша. Марїя Свирчевская. Леонидъ Си-
няверъ. Ольга Слонимская. Эмиль Ширманъ. Зинаида Шишова.*

VII отдѣлъ

6200

О Д Е С С А.

Январь. 1918 годъ.

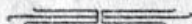

ПЕРВЫЙ
АЛЬМАНАХЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО КРУЖКА.

СТИХИ

*Борисъ Бобовичъ. Сергей Гольдманфельдъ. Георгій Демченко.
Анта Дуничевская. Петръ Ершовъ. Валентинъ Катаевъ. Эми-
лія Немирская. Юрій Олша. Марія Свирчевская. Леонидъ Си-
нцевъ. Ольга Слонимская. Эмиль Ширманъ. Зинаида Шишова.*

О Д Е С С А.

Январь. 1918 годъ.

Борисъ Бобовичъ.

К а в к а з ь.

«Казбекъ, какъ грань алмаза» М. Ю Лермонтовъ.

«Возьми мою душу» сказала,
И хрустнули пальцы, когда
Она молчаливо сжимала
Узорную ручку хлыста...

А сзади, какъ въ киверѣ снѣжномъ,
Эльбруса алмазный шатеръ,
Ведьмаясь надъ далью мятежно,
Смотрѣлъ въ розоватый просторъ...

Надъ тихой и дремлющей саклей
Косматя тучиплыли...
«Ты видишь, погасли, изсякли
Проклятыя очи мои!...»

Безсильно на стань разметала
Удавы черньюшихь кость
И жалко, по-женски, рыдала
Потоками воплей и слезь...

И ночь пролетала, как Демонь,
Неслышно крылами шурша,
И поднилась дивной поэмой
Зулейки больная душа...

Зурна, словно в нѣжной разлукѣ,
Простой заплетала мотивъ,
И тонкія, смуглыя руки
Дрожали, меня обхвативъ...

Забуду ль сѣдя вершины,
Долины, стремнины, снѣга
И черный, и страшный, и длинный
Проваль на груди Машука?

Кавказъ! Прихотливую сказку
Ты сладко соткалъ средь снѣговъ,
И вотъ я волшебнo облаканъ
Зарею и пѣньемъ роговъ...

И гибкой, серебряной змѣйкой
Изъ горъ выбѣгаетъ струя...
Навѣки я твой, о Зулейка,
Зулейка, отрада моя!

Пятигорскъ,
Октябрь. 17 г.

Бор. Бобовичъ.

Сергѣй Гольденфельдъ.

Эжехике.

Утромъ прозрачнаго мая
Тають туманы серебряной дымкою.
Другъ мой! О, милый мой!—Таю,
Къ звѣздочкамъ дальнимъ иду невидимкою.

Каждое утро все тише
Голось мой. Шире, свѣтлѣй все глаза мои...
Кожа прозрачнѣй... И слышишь,
Кто-то зоветъ, какъ старуха унрямая.

Милый мой! Чась мой у Бога.
Скоро придетъ. Но не плачь надъ могилою.
Всѣ разойдутся... Останься немного,
Грустную пѣсенку спой ты надъ милою.

Звѣзды распустятся ночью.
Наша засвѣтится тоже. Найдешь ее...
Вспомнишь любимыя очи.
Вспомнишь хорошее... только хорошее...

Эжеххике.

Дрожать худяя плечики...
Ты занята думой:
Родился Сынъ Человѣческой...
Жиль... Умерь...

И только бѣлые ангелы
Шептались, что было чудо,
Что будетъ Евангеліе
Всегда и всюду.

Съ китайскаго.

Уборъ вѣничальный я шила,
Уколола палець иглой.
Сердце забилося: мой милый
Вражеской ранень стрѣлой.

Я кинула ткань недошитой,
Бросилась выглянуть въ садъ:
По дорогѣ все ближе копыта
Слышнѣ и ближе стучать.
.....

Я плачу за тканью вѣничальной,
Сердце мнѣ шепчетъ: «Не жди»...
И не всадникъ съ вѣстью печальной,—
То сердце стучало въ груди.

Сергей Гольденфельдъ.

Георгій Долиновъ.

Молитва.

Я сегодня помолюсь Вамъ тихимъ вечеромъ,
Помолюсь Вамъ, моя свѣтлая любовь.
Вы молитвой моей радостной отмѣчены,
Өниміамная струится славословъ.

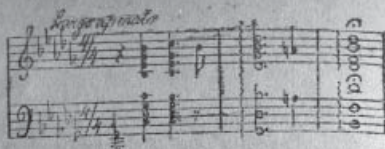
Поклонюсь своимъ стихомъ, своей балладою,
Неизбывной своей мукой поклонюсь...
На колѣняхъ предъ багровою лампадою
Я стихами изступленными молось.

Мнѣ такъ радостно молиться Вамъ, любимая,
Тихо, тихо... Въ моей кельѣ полумгла,
Радость чистая и грусть неудовимая
Въ мою душу блѣдной тѣнью залегла.

Млечный путь глядитъ въ проталину оконную
На меня и на лампадную багровъ...
На колѣняхъ передъ тихою иконою
Я молось Вамъ, моя свѣтлая любовь...

Вчера.

Вчера я Васъ любилъ... Въ задумчивости странной
Я просидѣлъ всю ночь за письменнымъ столомъ,
Мечтая лишь о Васъ, такой родной, желанной...
И было тихо такъ... Снѣгъ падалъ за окномъ.

И было слышно, какъ плетется паутина
И какъ безмолвный червь въ шкафу сверлитъ доску,
Смотрѣла со стѣны нѣмымъ пятномъ картина,
И мѣрный бой часовъ рождалъ въ душѣ тоску...

Казалось сторожилъ любовь незримый зодчій,
Невидимый никѣмъ, за ширмами въ углу,
Онъ слушалъ скрипъ пера, шепчасъ со смуглой ночью,
И медленно ронялъ сгущавшуюся мглу.

Но вотъ скользнулъ разсвѣтъ, сквозь шель при-
крытой ставни
Расплывчатымъ пятномъ легъ на узоръ ковра,
И отъ моей любви, такой большой, недавней
Осталось лишь глухое, гулкое «вчера»...

Вчера я Васъ любилъ, но съ матовымъ разсвѣтомъ
Я погасилъ въ углу метавшійся ночникъ,
И на моемъ столѣ аккордомъ недопѣтымъ
Лежитъ безмолвный мой развернутый дневникъ.

Вчера я Васъ любилъ... Сегодня... Я не знаю...
Мнѣ кажется, что я ушелъ въ другіе дни...
Но нѣтъ! я не хочу!—Далекая, родная,
Верни меня къ себѣ, любимая, верни!...

Въ сумерки

Дѣвушка, довѣрься мнѣ, я поэтъ, я чуткій...
Отчего ты бродишь одиноко каждый день?
Грустные глаза твои, точно незабудки
Загнутыхъ рѣсницъ твоихъ густыхъ прикрыла тѣнь.

Блѣдное лицо твое, лиліи безгрѣшнѣй
Затаило нѣжную тоскующую тишь...
Такъ грустятъ фіалочки, видя ландышъ вешній.
Разкажи мнѣ, дѣвушка, о чемъ ты такъ грустишь?

Дѣвушка, тоскливая, близкая—чужая,
Я тебя встрѣчаю каждый вечеръ у пруда.
Долго, долго вслѣдъ гляжу, взглядомъ провожая
Хрупкую фигурку одинокую всегда.

Сумерки сгущаются... Звѣзды нижуть четки...
Таеть въ мглѣ вечерней твой печальный силуэтъ...
Я хочу догнать тебя и промолвить кротко:
—«Дѣвушка, довѣрься мнѣ... я чуткій... я поэтъ»...

О с е н ь .

Я брожу въ обезлюденныхъ улицахъ
Возлѣ парковъ у старыхъ оградъ.
Осень сизая жалобно хмурится...
Я сейчасъ одиночеству радъ.

Я впиваю его жуть угрюмую,
Слыша шелестовъ тягостный звукъ,
Я брожу одиноко и думаю
О фатальности встрѣчъ и разлукъ...

Въ пальцахъ нитка съ янтарными четками,
Съ каждой четкой рождается стихъ,
Съ перезвонными риемами четки
Въ стройныхъ строфахъ аккордовъ глухихъ.
И слизаются риемы пѣвучія
Въ отдаленныхъ мелодій парчу,
Я сплетаю въ гирлянды созвучія
И стихи, какъ молитвы шепчу...

Осень жетые флаги развѣсила
На поникшихъ деревьяхъ въ саду,
И въ душѣ какъ-то хмуро, невесело...
Я одинъ по аллеѣ бреду...

Вѣтеръ пѣсню журчать монотонную,
Шелестя пожелтѣлой листвою...
Мысли всѣ уплыли въ тишь затонную...
Я сегодня осенній... я твой...

Я одинъ здѣсь... кругомъ жуть безлюдная...
Ты сейчасъ не со мной... я екорблю...
Такъ взгрустни жъ обо мнѣ, моя чудная...
Я тебя беззавѣтно люблю...

.....

Я пришелъ въ свою келью уютную
И тускнѣеть мелодій парча,
Дождь струитъ по стеклу капли мутныя,
Заунывно по крышѣ стуча...

Мѣрно движется стрѣлка минутная...
Догораеть мерцающая свѣча...

Георгій Владиміръ

Анта Дуничевская.

Мой зыбкій профиль прерафаэлитки
Чертите вы въ сиреневый альбомъ.
Кругомъ парча, узорныхъ тканей сѣтки,
На торсахъ Фидія и западъ за окномъ.

Мы въ вашемъ ателье на челнокъ искусства
Плывемъ опять къ невидимой мечтѣ...
Я тихимъ голосомъ читаю наизусть вамъ
Осколки строфъ изъ Гейне и Мюссэ.

И жизнь отъвѣчена единствомъ скрытой цѣли:
Вы видите черезъ потокъ время
Въ моихъ устахъ улыбку Ботичелли
И ликъ его изнѣженныхъ Мадоннъ.

Сегодня хорошо мнѣ быть любимой вами,
Читая вамъ капризно—гибкій стихъ,
И знать, что никогда горячими руками
Вы не коснетесь тонкихъ рукъ моихъ.

Вѣдь въ этотъ часъ, когда мерцаютъ листья
На синевѣ заоблачныхъ тѣней,
Я только слѣдъ отъ чей-то нѣжной кисти,
Я только шелестъ творческихъ ночей...

Густѣютъ сумерки... На мраморныя плитки
Узорныхъ стѣнъ ночь сходитъ въ голубомъ...
Мой зыбкій профиль прерафаэлитки
Чертите вы въ сиреневый альбомъ...

Анта Дуничевская.

Лѣто 1917.

Петръ Ершовъ.

Naïveté.

Я увидѣлъ... Въ лѣтній, жаркій день то было...
Я увидѣлъ, какъ среди цвѣточныхъ пятенъ—
Мотылька истомно бабочка манила...
Ахъ, ея восторгъ былъ для меня понятенъ...

Было много красокъ, было все такъ ярко,
И глубоко небо, и прозрачны дали...
Какъ въ припадкѣ страсти,—солнце жгло такъ жарко,
Что левкой грустно, тихо увядали...

Я увидѣлъ... Средь густой листвы то было...
Я увидѣлъ кресло, а на креслѣ... книгъ...
Все такъ было просто, все такъ было мило,
Жизнь мнѣ не повторить сладостнаго мига...

Я увидѣлъ... Въ свѣтлый, ясный день то было...
Роза такъ албла—точно кто обидѣлъ...
Сердце трепетало, сердце томно ныло...
Я тогда увидѣлъ... Я тебя увидѣлъ!..

Петръ Ершовъ.

Валентинъ Катаевъ.

Три совета о любви.

1.

Душа полна, какъ звучный водоемъ,
Какъ парусъ, вздутый ласковымъ порывомъ,
Какъ облако надъ солнечнымъ заливомъ,
Какъ майскій садъ, цвѣтущій подъ дождемъ.

Нѣтъ ничего. Темно и мы вдвоемъ,
Рука къ рукѣ, въ забвеніи счастливомъ,
Взволнованные, медленно идемъ
Глухой тропой, скользящей надъ обрывомъ.

Что день—то явь, похожая на сонъ,
Что ночь—то сонъ, волнующій и странный.
И по утру, мечтами утомленъ,

Твой образъ вижу я прозрачный и туманный.
Душа полна. Текуть за днями дни.
Родная, свѣтлая, Господь тебя храни!

II.

Родная, свѣтлая, Господь тебя храни
Отъ страшныхъ словъ, отъ лжи и отъ сомнѣній.
Будь до конца проста, какъ мѣръ весенній,
И, какъ струна, на каждый вздохъ звени.

Пусть ночь темна. Есть звѣзды. Есть огни.
Нога скользить по мрамору ступеней.
Но ты иди. Пусть безысходны дни,
Но будетъ день великихъ откровеній.

Я жду тебя. И ты придешь ко мнѣ.
Алѣютъ тучи въ заревомъ огнѣ.
Я жду тебя. Съ востока вѣтеръ вѣетъ,

Рѣсницы жжетъ тяжелая слеза.
Твое лицо отъ страсти поблѣднѣетъ,
И потемнѣютъ сѣрые глаза.

III.

И потемнѣють сѣрые глаза;
Нальются теплыми, тяжелыми слезами,
Когда, впивая влажными губами
Мой поцѣлуй,—ты вздрогнешь, какъ лоза.

Но высохнетъ послѣдняя слеза.
Степь загорится дѣтными цвѣтами.
И стороною насъ обойдетъ гроза,
И будетъ синь безгрѣшная надъ нами.

Смотри: какъ мѣръ для насъ значителенъ и новъ,
Какъ полонъ образовъ мечтательныхъ и чистыхъ
Живой потокъ моихъ простыхъ стиховъ.

Да будетъ свѣтлый миръ неувимыхъ сновъ
На темномъ золотѣ волосъ твоихъ душистыхъ,
Моя родная, свѣтлая любовь!

Валентинъ Катаевъ.

23—24

Октября 1917 г.
Одесса.

Эмилия Немировская.

Вы туманите мысли мнѣ тонкою лестью...
Мы флиртуя идемъ на бульваръ.
Догорающій день... Намъ такъ радостно вмѣстѣ,
Насъ обнялъ золотистый угаръ.

Вы эстетъ. Вы флиртуете странно—красиво,
Я кокетство привычно струю,
Мы въ гармонию слили забавно игриво
Двухъ сердець голубую струю.

Я вчера до разсвѣта мечтала о даляхъ,
О любви беззавѣтно—большой.
Чей-то образъ чертила въ душевныхъ скрижальяхъ:
...Принцъ изъ сказки... женихъ неземной...

А сегодня... смѣшно мнѣ. Приколовъ вуалетку,
Комплименты вливаю, шутя,
Я играю бездушную, злую кокетку,
Чародѣйныхъ моментовъ дитя.

Знаю, ночью приснятся мнѣ свѣтлая дали,
Засверкаютъ кругомъ чудеса,
Мое сердце сожмется въ шемящей печали,
Буду душу манить въ небеса...

.....

Вы у дома дѣлаете пальцы мнѣ нѣжно...
Вамъ роняя «до завтра» небрежно,
Я спѣшу въ полумрачный подъездъ...

Въ театрѣ.

Вы сегодня въ театрѣ съ солнце-кудрой, не юной,
Какъ всегда торопясь закурили въ фойэ...
Вѣдь она въ нашемъ вкусѣ? вѣдь съ душой тонкострунной?..
Что-то вамъ говорить, поправляя колье...

Мнѣ такъ больно васъ видѣть; на нее вы глядите...
Въ синемъ шелковомъ платьѣ, гибка, какъ лоза
Мой бинокль васъ приблизилъ, вы въ партерѣ сидите,
Грусти флеръ вы накинули ей на глаза...

«Какъ жестоко забыли вы аллею съ сиренью»,
Шепчетъ рядомъ влюбленный въ меня мой сосѣдъ...
...Золотистое солнце... дача съ ласковой лѣнью...
Я любила его.. бѣдный мальчикъ—поэтъ...

А теперь мое сердце струится за вами...
Ваше.. ваше за той, что сосѣдитъ вблизи...
А за нимъ за поэтомъ, съ мотыльками—глазами
Сердце, знаю навѣрно, шалуни Зизи.

И сердцецъ—вереница, такъ печально сплетенныхъ...
О, какой повседневный и злой трафаретъ!
А мнѣ грезится двое, вдохновенно влюбленныхъ—
— Только мы:—только я, только вы, мой эстетъ.

* * *

У храма алый огонекъ...
На площадь спускается вечеръ...
Первно бьется трамвайный звонокъ...
Нервно бьется въ рѣсницахъ порокъ...
Мѣхами обласканы плечи.
Ротъ ярко зажженный карминомъ,
Лобъ нѣжно подчеркнуть въ бровихъ,
Взоръ грѣшный, порывистый, длинный,
Взоръ грѣшный, тоскою невинный,
Онъ жагаетъ отвѣта въ сердцахъ...
Мнѣ жаль васъ... Я вамъ улыбаюсь,
Родная... кто, кто виноватъ?
Въ грѣхахъ вашихъ съ вами я какую,
Грѣхи ваши кѣмъ создавались?
Кто сплелъ вамъ блестящій развратъ?
И тотъ, кто съ изысканной лаской
Ко мнѣ обращаетъ любовь,
Съ кѣмъ счастье мнѣ чудится сказкой,
Онъ съ дикой и чувственной пляской
Срываетъ съ васъ платья покровъ...
Мнѣ хочется плакать предъ вами,
Прилечь къ вашимъ узкимъ ногамъ...
Своими разбитыми снами,
Кристалльно-святыми слезами,
Быть можетъ, усладу вамъ дамъ...

...У храма алый огонекъ...
На площадь спускается вечеръ...
Первно бьется трамвайный звонокъ...
Нервно бьется въ рѣсницахъ порокъ...
Мѣхами обласканы плечи.

Эмилія Нѣмировича.

Юрій Олеша.

Тебѣ въ альбомъ.

Это ты изъ давнихъ сказокъ
Въ тихомъ дѣтствѣ появлялась
И глядѣла въ зимній вечеръ
Изъ морознаго окна.

И въ ночи, склоняся, стояла
Надъ младенческой постелью,
Навѣвая сновидѣнья,
У мерцающихъ иконъ.

Это ты съ собой въ Сочельникъ
Приносила мнѣ подарки:
Елку, лошадь изъ картона
И смѣшного паяца.

А потомъ ушла, чтобъ снова
Появиться на мгновенье
И, забравъ съ собою сердце,
Засмѣяться и уйти.

Из цикла „Милые призраки“.

Каменный гость.

Въ голубизнѣ вечернихъ оконъ
Тревожны взлеты позднихъ птицъ,
Печаленъ взоръ, и темный доконъ
Дрожить у траурныхъ рѣсницъ.

О, Донна Анна! вздрогнуть плечи,
И мягко изогнется станъ,
И легкимъ вздохомъ будетъ встрѣченъ
Въ ботфортахъ пыльныхъ Донъ - Жуанъ.

И, можетъ быть—но такъ не скоро—
Забудется для нѣжныхъ губъ
Печаль надъ тѣломъ Командора
И звуки похоронныхъ трубъ.

Но будетъ слышно, какъ по заламъ
Пройдетъ межъ слугъ, упавшихъ ницъ,
Онъ—и протянетъ надъ бокаломъ
Ужаснѣйшую изъ десницъ.

О, Донъ—Жуанъ! А на погостѣ,
Гдѣ ивы, ирисы и тишь—
Надъ ликомъ Каменнаго Гостя
Летучая метнетсямышь.

Жемужко момекта.

Ахъ, такое Рождество у насъ,
Что дѣтей, ей Богу, очень жалко...
Что осталось? — Кубики и палка
Съ лошадиной мордою безъ глазъ.

Кто-то брель неслышно, а въ окнѣ
Дѣти въ кружевахъ и мягкомъ шелкѣ
Видѣли, какъ на асфальтѣ елки
Осыпалъ, какъ пудрой, тихій снѣгъ.

Боже мой, теперь уже смѣшно
Говорить про давнія утѣхи—
Золоченые, блестящіе орѣхи,
Мандаринки, сладкое вино!

Мы большіе, ну а имъ за всѣ
Кто отвѣтитъ маленькія скорби?—
Дѣдъ Рождественскій, быть можетъ, въ торбѣ
Принесетъ немножко монпасье...

Неужели этихъ дѣтскихъ слезъ,
Робкихъ и застывшихъ— неужели,
Гдѣ-то тамъ въ извѣчной колыбели
Не увидитъ маленькій Христосъ?

Юрій Олеша.

Марія Свирчевская.

* * *

Я—ваша маленькая черная рабыня.
Я—ваша маленькая, тихая Агай.
Когда вы съ бѣлой госпожей въ столовой пьете чай,
Я приношу цвѣты въ бамбуковой корзинѣ.

Я такъ боюсь блестящихъ комнатъ съ зеркалами
И райскихъ пѣтуховъ на голубомъ коврѣ...
Мнѣ стыдно черныхъ рукъ, когда я трогаю сирень,
Такъ близко съ вашими пахучими руками...

Я такъ дрожу, когда берете вы корзину,
Касаясь моего плеча, какъ будто невзначай...
Вѣдь я — я только маленькая, тихая Агай...
Я только маленькая черная рабыня.

Безсиліе.

Блекнуть гіацинты въ призрачномъ углу.
Пасіансь неконченній. Книга на полу.
У качалки дремлетъ старый фокстерьеръ,
Образы мелькають въ зелени портьеръ.
Отъ окна до двери медлитъ чья-то тѣнь...
Медлитъ угасая сонно-сѣрый день.
Хочется припомнить профиль дорогой...
Хочется коснуться бережно рукой
Вашихъ темно-русыхъ, ласковыхъ волосъ...
Хочется до боли, хочется до слезъ
Цѣловать гримасу Вашихъ тонкихъ губъ.
Хочется въ бездонно—голубую глубь
Вашихъ грѣшныхъ, Вашихъ дѣтски-ясныхъ глазъ...
Хочется ударить больно-больно Васъ
По красивому, такому дерзкому лицу,
А потомъ... потомъ Всевышнему Творцу.
Я о Васъ, единственный, любимый, помолюсь.
Я у ногъ Вамъ сказку тихую спою...
Я Васъ жду, мой ласковый, такъ долго жду...
Боже мой, какъ сѣро! Въ призрачномъ углу
Блекнуть гіацинты. Книга на полу.
У качалки дремлетъ старый фокстерьеръ.
Чей-то тонкій профиль въ зелени портьеръ.

М. Свирчевская.

Леонидъ Синяверъ.

Fantasia.

...Мнѣ бы хотѣлось любить васъ негибкой бездушной
любовью—
Незабвенно, безстрастно, безъ яркихъ весеннихъ цвѣ-
товъ,—
Прибѣжать къ вамъ въ горячее утро, припасть къ
изголовью,
Не мечтая объ ласкахъ, о тайнѣ погибшихъ боговъ.

Цѣлый день я хожу безъ аккордовъ, безъ дикихъ
мелодій,
Цѣлый день я мечтаю о завтрашнемъ солнечномъ днѣ;
Тихій вечеръ мнѣ шепчетъ, что въ быстро-чернѣю-
щемъ сводѣ
Безнадежная звѣзды погибнуть въ тоскѣ по лунѣ...

Мнѣ бы хотѣлось любить васъ негибкой бездушной
любовью—
Незабаенно, безстрастно, безъ яркихъ весеннихъ цвѣ-
товъ,—
Прибѣжать къ вамъ въ горячее утро, припасть къ
изголовью,
Не мечтая объ ласкахъ, о тайнѣ погибшихъ боговъ...

Леонидъ Синяверъ.

Ноябрь, 1917 г.

Ольга Слонимская,

Шкатулка писемъ.

Гдѣ отдыхаетъ писемъ груда
И гдѣ царите только Вы,
Гдѣ сердца Вашего причуды
И рѣчи старья любви.
Въ шкатулкѣ, гдѣ реликвій много,
Гдѣ юности моей расцвѣтъ,
Гдѣ скрыты тайныя тревоги,
Гдѣ ароматы ушедшихъ лѣтъ—
Еще одинъ листокъ признаній
Кладу на бархатное дно,
И письма старья въ молчаньи
Встрѣчаютъ новое звено.

Вы мнѣ писали въ вечеръ зимній,—
Когда въ душѣ острѣй тоска,
И прозвучали такъ интимно
Слова любви издалека.
И я въ такой же тихій вечеръ
Изамогаю отъ тоски.
Но что Вамъ дальнему отвѣчу—
Въ душѣ обрывки и клочки.
Я отъ печали неизбежной
Иду къ печали новыхъ дней
Безъ искорки надежды прежней,
Безъ вѣры въ радость лучшихъ дней.

Въ ресторакъ.

Играють вальсъ sentimentalный,
Искрится жгучее вино.
Слегка дрожить бокаль хрустальный,
Тревожно ночь глядить въ окно.

Я все молчу, молчу упорно.
Въ петлицѣ смять пучекъ цвѣтовъ.
Ахъ, этотъ вальсъ такой минорный,
Пойми меня, пойми безъ словъ!

Ты отраженъ въ стеклѣ огромномъ,
Какъ блѣдно нервное лицо,
А на рукѣ эмблемой скромной
Сверкаетъ гладкое кольцо.

Ты связанъ съ женщиной другою,
Но все равно мнѣ, кто она,
Съ моими грезами, тоскою
Тебѣ я ближе, чѣмъ жена.

Играють арію изъ „Тоски“,
Мелькають тонкіе смычки.
Здѣсь, въ пьяномъ, рестораннымъ лоскѣ
Печали кажутся легки.

На улицѣ темно и сыро,
А у меня въ душѣ весна,
Я знаю, въ грустномъ этомъ мірѣ
Со мною ты, я—не одна.

Ольга Слонимская.

Эмиль Ширманъ.

У гроба.

Я гладилъ волосы рукою
И цѣловалъ холодный лобъ,
Я не видалъ тебя такою,
Какой легла ты въ черный гробъ.

Мнѣ было грустно и безвольно,
Погасло солнце и весна,
Въ душѣ звенѣло больно-больно,
Какъ будто порвалась струна.

Прозрачно—сини стали тѣни,
И поблѣднѣлъ лица овалъ.
Я опустился на колѣни
И тихо пальцы цѣловалъ.

Въ душѣ молитвенно, какъ въ храмѣ...
Въ твоихъ глазахъ застылъ вопросъ...
Я завитокъ беру на память
Твоихъ каштановыхъ волосъ.

Я хорою свою любовь...

Я заражень больнымъ весельемъ.
Я пьянъ отъ грусти и вина.
Ты пахнешь ландышемъ весеннимъ
И терпкихъ дымомъ. Ты пьяна.

Кусаю нервно, больно губы,
Вино искрится, раздробясь
Въ бокаль. Я цѣлую грубо.
Хочу, чтобъ былъ порокъ и грязь.

И хочется солгать—склониться
И не замѣтить сквозь вуаль
Въ подведенныхъ твоихъ ресницахъ
Такъ плохо скрытую печаль.

Эмилъ Ширманъ.

Зинаида Шишова.

Сумерки.

На столъ заблудились слоны,
И неясно свѣтлѣть окно...
Я не вѣрю въ зловѣщіе сны—
Я тебя поллюбила давно...

А, когда тебя жизнь побѣдитъ,
И ты будешь усталый и злой
Отъ большихъ и отъ малыхъ обидъ,—
Я уйду, посмѣюсь надъ тобой.

Я несчастныхъ любить не могу,
Ихъ нельзя ни любить, ни прощать...
Только, если... я все это лгу,—
Значить ты научилъ меня лгать.

Смерть.

Коротенькій звонкій выстрѣлъ, какъ будто хлопнула
пробка...

Мелькнули тѣни драпри...

На кругломъ столикѣ рядомъ зеленя съ бѣлымъ ко-
робка,

Кажется, отъ papeterie.

Въ темномъ пролетѣ парадной мелькнули испуганно
лица,—

Значить, дѣло съ концомъ,—

Сейчасъ невѣста и сестры будутъ плакать и биться
Надъ Вашимъ скорбнымъ лицомъ.

Бѣдненькій блѣдный мальчикъ, умершій слишкомъ
рано—

Въ двадцать съ немногимъ лѣтъ,

Только я имѣю, какъ это имъ не странно,

Вашъ послѣдній портретъ.

Бѣдненькій мертвый мальчикъ, я, какъ черная злая
кошка,

Была на Вашемъ пути...

Хрупкій такой и нѣжный подождите меня немножко

—Я тоже должна уйти.

Пустячекъ.

Я съ нимъ познакомилась случайно,
Онъ—какой-то нерѣшительный, неловкій,
И влюбленъ въ родимую Украину,
И обѣдаетъ въ студенческой столовкѣ, —

Все, какъ надо.. Я прошла бы мимо,
Если бъ онъ случайно не поднялъ рѣсницы...
Матерь Божья, это жъ мой любимый!
Развѣ не бываютъ такъ похожи лица?

Это было въ прошлую субботу,
Я ему сказала: „приходите, милый“,
Онъ забросилъ срочную работу,
А уже во вторникъ я о немъ забыла.

Онъ опять сидитъ въ своей столовкѣ,
И опять надѣнетъ синюю рубаху,
Ахъ, какой онъ глупый и неловкій,
Сколько въ немъ смѣшного, маленькаго страху.

Жеробныя строки.

Каждый день я съ тобой встрѣчалась, а потомъ—мы
катались вмѣстѣ,
И любовь моя вспыхнула ярко и сгорѣла за давнѣ
дѣли.
Ты считалъ меня сильной и мудрой, говорилъ о сво-
ей невѣстѣ,
А вѣдь я не такая, милый, не такая на самомъ дѣлѣ,
Ты меня цѣловалъ и, цѣлуя, иногда говорилъ, улы-
баясь:
„Вы—сильнѣе, чѣмъ можно подумать, вы—сильнѣе
любви и смерти,
Я люблю васъ сейчасъ немного, вотъ когда я къ
вамъ прикасаюсь,
Но любовь придумали люди, ни любви, ни людямъ не
вѣрьте“.

Ты любилъ мои поцѣлуй, мои губы, глаза и руки,
Еслибъ зналъ, такъ смѣялся бы долго надъ моей без-
защитной любовью...
Я тебѣ не сказала ни слова о своей безконечной
муки,
Развѣ можно лучшее въ мирѣ обращать въ мѣновую
торговлю?
Надо брать безконечно мало, отдавая безмѣрно много,
Или брать безконечно много, отдавая безмѣрно мало,
Если-бъ я умѣла молиться, за тебя помолилась бы
Богу.
Только такъ, чтобы ты не слышалъ, только такъ,
чтобъ сама не знала.

Зинаида Шишова.

Стихи Зинаиды Шишовой удостоены преміи „Литературно-Художественнаго Кружка“.

Редакціонная Коллегія.

162185

— 32 —

~~103118~~

«...разведена, вступает во 2-й брак»

Первый раз Катаев написал о Серафиме Суок еще в 1920 г. в рассказе «Бездельник Эдуард». Но там она, хоть и под своим именем, присутствует лишь на втором плане: очаровательная шатенка, с которой сошелся друг главного героя¹. Большинство узнало о ней и о несчастной любви к ней Юрия Олеси из «Алмазного моего венца», где она названа дружочком, а он – ключиком.

«Ах, как они любили друг друга <...>. Они были неразлучны <...>. <...> мы не без зависти наблюдали за этой четой, окруженной облаком счастья. <...> Но в один прекрасный день дружочек с веселым смехом объявила ключику, что она вышла замуж за Мака и уже переехала к нему <...>. Объяснила, что, служа в продовольственном комитете, Мак имеет возможность получать продукты, и что ей надоело влачить полуголодное существование»².

Мак – это прозвище, полученное из сложения первых букв имени, отчества и фамилии. «Он был постоянным посетителем наших поэтических вечеров, где и влюбился в дружочка. Когда они успели договориться, неизвестно»³.

Относительно недавно появилась другая версия той же истории. В книге М. Спивак «Мозг отправьте по адресу...» опубликованы рабочие материалы сотрудника Института мозга Г.И. Полякова. Там (в главе о Багрицком) брак Симочки и Мака представлен как далеко зашедший розыгрыш, в котором участвовал и Олеша, розыгрыш, затеянный, чтобы «подкормиться»⁴.

В ГАОО сохранилась актовая запись о бракосочетании 26 февраля 1921 года Михаила Киященко, 35 л[ет] (1885 г. р.), служащего и Серафимы Суок, 19 л[ет] (1900 г. р.), домохозяйки. Указано постоянное местожительство: Херсонская, 52⁵.

Из этого документа, кроме подтверждения факта брака, мы узнали имя и фамилию Мака. А еще адрес, откуда Катаев забирал дружочка, чтобы вернуть ее ключику. «Ключик остался на улице, шагая взад-вперед перед подъездом, хмурый, небритый, нервный, как ревнивый гном, а я поднялся по лестнице и громко постучал в дверь кулаком»⁶.

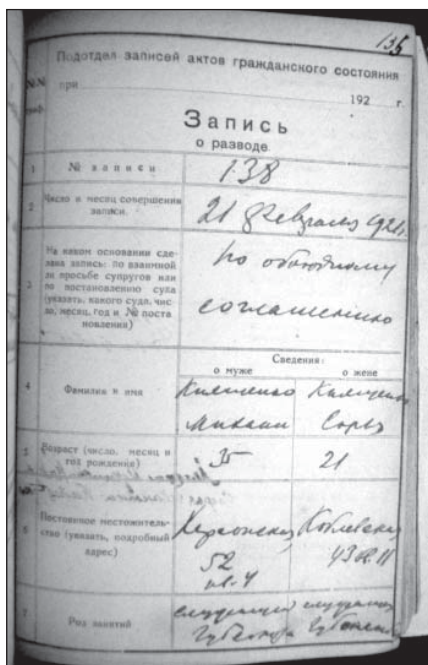
№ записи	Число и место заключения брака	Фамилия и имя жениха и невесты	Возраст (число, месяц и год рождения)	Постоянное место-жительство (указать подробный адрес)	Род занятий	Семейное положение	В который по счету брак вступает	Фамилия, которой ждал именоваться брачующимся	Особ.
601	26 февр. 1921г.	Томшаров Владимир Викторович	26-1894г.	Ташкент. Суурд. дом. жез.	Секретарь	1 ^й	Томшаров		
602	26 февр. 1921г.	Киященко Сима Серафимовна	25-1886г.	Сервис. Суурд. дом. жез.	Секретарь	2 ^й	Киященко		

Запись о бракосочетании С. Суок с М. Киященко. 1921

В то же время возникли два вопроса. Серафима родилась 1(14) июня 1902 г.⁷ И если возраст в книге горзагса указан почти правильно (19 – без трех месяцев с небольшим), то год рождения неверен. Эта ошибка заронила сомнение в точности всей актовой записи, и в частности, интригующего пункта: «Разведена, вступает во 2-й брак». Позже поиск подтвердил указанные факты другими документами, но следов первого брака пока не обнаружено.

Что же до описания женитьбы Мака и Сима в книге М. Спивак, то свидетельства опрошенных там противоречивы, хоть и сведены воедино. Сначала говорится, что Мак, которого они называют бухгалтером, объявил на работе о своей предстоящей женитьбе и пригласил своих сослуживцев, но со свадьбы приглашенные разошлись очень скоро из-за того, что невеста заболела. А чуть дальше – «так как он (Мак – Н.П.) уже оповестил всех своих знакомых и сослуживцев о своей женитьбе, то чтобы как-нибудь выйти из положения, он женился на первой попавшейся девушке, с которой спустя очень короткое время развелся»⁸.

Когда собиралась информация, ни Сима, ни очевидцы ее бракосочетания с Маком не называли дат. Но из их рассказов вытекает, что мнимое супружество продлилось дня два. Катаев же описывает, в чем он пришел за дружочком: «Офицерский френч времен Керенского, холщевые штаны, деревянные сандалии на босу ногу»⁹. В феврале это невозможно.

Записи о разводе Мака с Симой найти не удалось. (Уехав к Олеше в Харьков, она могла оформить развод там). Как нет и записи о браке Мака с «первой попавшейся девушкой». Но зато обнаружено, что за пять дней до женитьбы на Симе, 21 февраля, Михаил Афанасьевич Кляшченко (вот и весь Мак расшифрован) развелся с Софьей Ивановной Кляшченко, 21 года. В этой записи уточнено, что он служащий Губсоюза, детализирован адрес: Херсонская, 52, кв. 4¹⁰. (В документах Губсоюза – губернского союза потребительских обществ – Мак не бухгалтер, а замуправделами¹¹).

Запись о разводе М. Кляшченко (Мака). 1921

Число и месяц совершения брака	Фамилия, имя и отчество	Возраст (число, месяц и год рождения)	Постоянное местожительство (указать подробный адрес)	Род занятий	Семейное положение (замужем, холост, вдов, разведен)	В истории по счету брак	Фамилия, которая вступает в брак	Особые
11/11 1920	Авакян Сигар	24-1888	Коджа-Кали	Работ	Разведен	I	Савина	Савина
11/11 1920	Таршинина Екатерина	24-1895	М-24	Вдова	Вдова	II	Савина	Савина
11/11 1920	Карпов Владимир	34-1888	Толкач	Служ	Разведен	I	Савина	Савина
11/11 1920	Суок Сергей	20-1902	М-13	Служ	Разведен	II	Савина	Савина
11/11 1920	Иванов Иван	26-1888	Крыуковская ул. 52	Служ	Разведен	I	Савина	Савина
11/11 1920	Тадеева Мария	17-1905	Трехлинейная ул.	Служ	Разведен	I	Савина	Савина

Запись о бракосочетании С. Суок с В. Нарбутом. 1922

Сам же эпизод развода перед новой женитьбой скорее объясняет слова Катаева: «Я вам покажу, как быть в наше время синей бородой»¹².

1 августа 1922 г. в горзагсе зарегистрировали брак Владимир Нарбут, 34 лет, служащий, живущий на Гоголя, 19 и Серафима Суок, 20 лет, домохозяйка. Интересно, что она опять «разведена, вступает во 2-й брак»¹³.

Примечания

¹ Катаев В. Бездельник Эдуард // Катаев В. Собр. соч. в 9 т. – Т. 1. – М., 1969. – С. 187.

Главный герой – Багрицкий, его друг – Олеша. Они жили у старшей сестры Симочки, Лидии Суок, в кв.9, д. 33 по Новосельской улице. (Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). – Ф. Р-1263. – Оп. 2. – Д. 4811. – Л. 6–6 об.

² Катаев В. Алмазный мой венец. – М., 1981. – С. 105, 106.

³ Там же.

⁴ Спивак М. Мозг отправьте по адресу... – М., 2010. – С.573–574.

Характерологические материалы, в большинстве своем состоящие из рассказов друзей и родственников об исследуемом, заставляют обратить особое внимание на «Бездельника Эдуарда». Раньше рассказ казался злым памфлетом, если не павлием. После знакомства же с сухим перечнем черт характера Багрицкого в книге М. Спивак, оказалось, что Катаев не просто ничего не придумал, но написал о Багрицком любя. Так рассказывают о шалостях внуков. А подробности катаевской прозы настолько совпадают с нехудожественными свидетельствами жены и друзей, что к ней можно относиться как к серьезному источнику информации.

⁵ ГАОО. – Ф. Р-8085. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 50 об.

⁶ Катаев В. Алмазный мой венец. – М., 1981. – С.107.

⁷ ГАОО. – Ф. 37. – Оп. 13. – Д. 582. – Л. 36 об.-37.

⁸ Спивак М. Мозг отправьте по адресу... – М., 2010. – С.574–576.

⁹ Катаев В. Алмазный мой венец. – М., 1981. – С. 107.

¹⁰ ГАОО. – Ф. Р-8085. – Оп. 1. – Д. 101. – Л. 135–135 об.

Интересное совпадение. В записи о разводе указан адрес Софьи Ивановны Киященко: Коблевская, д. 43, кв.11

В этом доме, в кв.21 на момент переписи населения 1897 г. жила семья Суок: Суок Густав Алоизович, 26 лет, австр.-под., родившийся в Вене, римско-католического исп., родной язык – немецкий, обучался в Венской консерватории, учитель музыки; его жена Софья Николаевна, 22 лет, австр.-под., родившаяся в Кишиневе, православная, родной язык – русский, обучалась в кишиневской гимназии; дочь Лидия, 11 месяцев, родившаяся в Одессе. (ГАОО. – Ф. 2. – Оп. 8. – Д. 762. – Л. 42–43.)

¹¹ ГАОО. – Ф. Р-1423. – Оп. 1. – Д. 55. – Л. 36.

¹² Катаев В. Алмазный мой венец. – М., 1981. – С. 107.

¹³ ГАОО. – Ф. Р-8085. – Оп. 1. – Д. 127. – Л. 51.

Р.Д. Тименчик

(Иерусалим)

Opus magnum Петра Сторицына

Посвящается Сергею Зеноновичу Лущику

Когда-то Петр Сторицын, как кажется, не без творческой зависти, а может быть, и как представляется из следующего столетия, не без мысли о собственной тленности, заметил о книге «Архаисты и новаторы»: «...“живая вода”, секрет которой безусловно известен Тынянову, прекрасно оживляет покойников»¹. Среди покойников прекрасной эпохи этот «странный человечек, петербургский чудак»², при жизни живой до неприличия, – один из первоочередных кандидатов на историко-архивное оживление. Первые шаги сделаны работами Сергея Лущика и Алены Яворской³, дело за публикацией главного его литературного детища – книги «Мои американские горы».

В Одессе выходец из еврейской семьи⁴, взявший псевдонимом имя незадачливого рыцаря нетленной красоты, Петр Ильич Коган-Сторицын (1879-1941?), легендарный друг Бабеля (подаривший ему сюжет рассказа «Мой первый гонорар») появился в 1914 году. В последующие три года он стал в городе замечен и врезался в память мемуаристов, например, Перикла Ставрова:

Веселил нас «душа общества», Петр Сторицын. Лысый, толстый, потный считался он среди нас отпетым стариком, хотя ему было всего лет сорок пять. Тем не менее, несмотря на пожилой возраст, у него оставался в Петербурге живой, богатый папа. Папа, очевидно, на сына рукой махнул, но все же деньги время от времени посылал, а мы этими деньгами пользовались. Сборник стихов «Шелковые фонари» на эти деньги вышел. Поэтому Петр Сторицын шел у нас за мецената. Чудак был невероятный, графоман с сумасшедшинкой. Стихи писал плохие, но читал их, задыхаясь от восторга, брызгая вокруг себя слюной, так что надо было держаться на солидном расстоянии. Будучи сам не от мира сего, любил сидеть в главном одесском кафе – «Фанкони», где по поводу смутного времени собирались спекулянты, торговали всеми, главным

образом, несуществующими товарами – «воздухом» – торговали. Лето жаркое. Сторицын неизвестно для чего там сидит, обливается потом. Подойдешь к нему, спросишь: «чего вы тут, собственно, торчите», – а он во весь рост встанет, руки растопырит, слюной побрызгает и на все кафе рявкнет: «Ау-аач! Торгую потом!» Так он в спекулятивную среду своего рода поэзию вносил⁵.

«Петр Сторицын» примкнул к компании молодых поэтов, выпускавших альманахи, занесенные в официальную историю футуризма:

Для большинства авторов футуризм был, очевидно, *le dernier cri*, с которым они не знали толком что делать, а то и вовсе не принимали всерьез. В стихах Бобовича, например, появляются пещерные люди и монгольские завоеватели, давящие вшей; упоминается в них и запах мочи в зоопарке. Сторицын воспевает автомобиль, называя его «бензиновым Пегасом», а Багрицкий придумал себе футуристическое *alter ego* и большую часть своей «авангардистской» поэзии (очень похожей на Маяковского и Шершеневича) подписывал именем Нины Воскресенской⁶.

Названное стихотворение, собственно говоря, никаких специально футуристических примет не имело (поэтическую легитимацию запаха бензина произвели уже в 1913 году в своих стихах Мандельштам и Ахматова, а копоты и дыма – отец русского урбанизма Валерий Брюсов⁷), разве что составленный на манер Игорь-Северянина окказионализм «поэметта», слово, встречающееся, впрочем, в европейских языках:

Бензиновый Пегас

Драконы туч несутся мимо,
И четкий пар встает вдали,
И запах копоты и дыма
Плывет от сохнувшей земли.

Слагая далям поэметты,
Надев брезентные пальто,
Садятся смуглые поэты
В свой разукрашенный авто.

Расправив радужные крылья,
Взметнув в туман седую пыль,
Как рыжий коршун, без усилья
Взмывает в высь автомобиль

И над серебряным простором,
За кузовом взметая газ,
Размеренно стуча мотором,
Летит бензиновый Пегас.

И более «футуризованную» обработку той же темы произвел в 1914 году Михайль Семенко:

чорний ди
м
пускають
бензин
чаду жить
чаду благать
кохать кахикать
життедать
житгерух
життебе-
нзин
авто
грам.

Но возможно, что автор «Бронзового Пегаса» слышал о стихотворении вождя международного футуризма Филиппо Томмазо Маринетти «Моему Пегасу» (1908)⁸, где автомобиль поэта взмывает в выси:

Шарж С. Кесельмана на участников альманаха «Серебряные трубы» 1915

Ура! Больше нет контакта с нечистой землей.
Наконец, я отрываюсь и свободно лечу
Над опьяненной полнотой
Звезд, стекающих в огромное русло небес⁹.

Стихотворение это Маринетти, будучи в Лондоне, ревел иерихонской трубой Йейтсу у того на квартире, пока Йейтс не попросил его прекратить, ибо соседи стучали в пол, потолок и в общие стенки¹⁰.

Другим числящимся за П. Сторицыным стихотворением была еще одна композиция на модную «технологическую» тему:

Авиатору

Шум от винта, как рокот грома, Прорезал солнечный туман, И от песка аэродрома Поднялся ввысь аэроплан.	Когда ж терялась все безвестней Во мгле туманная земля, Какие сладостные песни Ты пел у мощного руля!
И туч рубиновые цепи Тянулись медленной грядой, Когда на лоб клетчатый кэпи Он сдвинул смуглою рукой.	Ты ждал разгадки тайны звездной, И вот, как бремя, тяжело Нависло над тобою грозно Безумья черное крыло!
Дыханьем сладостным и новым Вздыхался розовый туман, И на заре крестом багровым Вырезывался моноплан.	Твоя душа с крылами птицы Рвала железное кольцо, Но смерти тусклые глазницы Смотрели в бледное лицо.

Теперь конец! Замолкло Слово,
Нависнул сумрачный туман,
И руки мощные сурово
Не бросят ввысь аэроплан!

Вскоре после выхода альманаха «Авто в облаках» автор «Бензинового Пегаса», из которого позаимствована концепция заглавия альманаха, писал в Москву Борису Садовскому:

Милый поэт,
рад был получить Ваши добрые строки. Я наперед знал, что «Авто в облаках» Вам в целом не может понравиться. Поэт, которому дороги заветы Пушкина, Фета, не может, конечно, принять с одобрением стихи Северянина. Признаться, и мне более близки традиции «старой» лирики, и участие мое в «Авто в облаках» почти случайно¹¹.

Борис Садовской, известный как автор рецензий, по слову Сергея Боброва, «резких, злых, грубоватых», ощерившийся страж «архаичных» литературных ценностей¹², получил это письмо по ошибке. Свои инициалы он разделял с приват-доцентом Борисом Павловичем Савиничем, который и был автором рецензии на одесский сборник, весьма снисходительной, каковое снисхождение вряд ли допустил бы непреклонный Садовской:

Нам казалось, что футуризм устарел, – так, как устарел, например, тот еще недавно модный ярко-оранжевый цвет «танго», – за который один из поэтов сборника готов отдать «все свои стихи, статьи и переводы»... Но футуристические сборники не перестают выходить; правда, их теперь больше выходит в Одессе, чем в Москве, но и со взглядами провинции необходимо считаться. Тем более, что в сборнике много не только отдельных очень удачных строчек, но и хороших стихотворений. Жаль поэтому, что так неталантливы (и с футуристической, и с нефутуристической точки зрения) обложка и рисунки работы С. Фазини. Указав, что в общем сборник слаб и провинциален, мы не можем не выделить некоторых авторов. Стихи Г. Цагарели хороши, в особенности «Ночь».

У С. Третьякова есть удачные места. Интересны, как всегда, искусные стихи В. Шершеневича.

Пожелаем только молодым поэтам побольше самостоятельности. Долой этих «академиков» Игоря Северянина и Маяковского!¹³

Я дважды употребил титул «автор «Бензинового Пегаса»» потому, что за Сторицыным ходила молва: «злословили, что все его тексты “редактировал” Багрицкий, был его негласным “соавтором”»¹⁴; «Сын богатого петербургского банкира, он использовал имя героя пьесы Леонида Андреева профессора Сторицына <...>. В характере Петра Сторицына опытные психиатры нашли бы какое-то нару-

Петръ Сторицынъ. (Рис. Фазини).
Изъ книги «Смутная алчба».

П. Сторицын.
Рисунок С. Фазини. 1916

шение нормальных функций мозга. Он не был сумасшедшим, но в его действиях и поступках было много странного и даже маниакального <...>. Сторицын приносил в редакцию стихи, иногда очень недурные, поражавшие строгостью формы, четкостью рифм, музыкальностью содержания <...>. В один печальный для него день тайна творчества Сторицына разъяснилась. Стихи за его подписью писал за него Эдуард Багрицкий». (свидетельство Льва Камышникова)¹⁵.

Борис Бобович рассказывал литературоведу Леониду Резникову в феврале 1948-го: «...печатались также и его стихи, подписанные его именем, но вряд ли написанные им»¹⁶.

Помимо Багрицкого, возможно, подразумевался Георгий Цагарели – в заметке, вызванной сообщением о том, что последний оказался агентом охранки, Бобович говорил, что тот был «ближе всех с местным поэтом П.С-ным»¹⁷.

Действительно, в иных стихотворениях, подписанных нашим героем, «стих был мускулист и отчетлив» (что ценилось в Багрицком молодой литературной Одессой¹⁸), а это разительно отличалось от обычной его продукции. Вот альманашное стихотворение «О Польше»:

Широкая аллея, обсаженная кленами,
Резкий крик жестяного петушка на крыше, –
Через два десятилетия, быстрые и неугомонные,
О, милые и близкие, я вас вижу и слышу.
На старом кладбище, где белели могилы,
Где зеленые листья дрожали при ветре,
Меж крестов я бродил, молчаливый и хилый, –
Белокурый мальчик с именем Петрик.
В досчатом шарабане, потрескивавшем под нами,
В воскресенье в костел мы ездили целовать Распятые.
Матушка надевала чепец, обшитый варшавскими кружевами
И расшитое блестками тяжелое бархатное платье.
Сыро в костеле. Потрескивают свечи.
Дымится ладан. Мальчики поют за решеткой.
Я чувствую, как вздрагивали матушкины плечи,
Как тонкие пальцы перебирали четки.
Вечером мы сидели в выбеленной столовой.
Пили чай... Закусывали пончиками и ватрушками.
Играли в карты. Ссорились из-за семерки трефовой.
Ласкали ручную лисицу. Возились с игрушками.

Приходил отец. Прислонял ружье к стенке.
Сбрасывал ягдташ, набитый перепелами.
Из кармана кожаных брюк вынимал трубку из пенки,
Закуривал медленно и важно загорелыми руками.
Когда же земля одевалась в белые плахты,
На крестьянских санях с гиканьем приезжали гости –
Вся окрестная старосветская шляхта,
Закутанная в медвежьи шубы, опирающаяся на трости.
О, милая Польша! У сутуловатого поэта
В сердце вгрызается скорбь о сожженных просторах.
Тяжкие пушки гремят. Как близких несчастий примета,
В небо взлетела ядром золотая комета.
Жмудь и Литва содрогнулись с тоской в утомившихся взорах!

Говоря об обычной его продукции, я имею в виду те стихи, о которых вспоминал Борис Бобович:

Пышущий здоровьем толстяк в очках, он внешне напоминал Пьера Безухова, но был примитивным графоманом, человеком, неизлечимо больным «чахоткой славы». Он чувствовал себя скверно, если периодически его имя не появлялось в какой-либо из одесских газет или журналов. Сам он писал очень скверные акростихи (и посвящал он их обычно наиболее знаменитым актрисам той поры)¹⁹.

Акростихи, действительно, были из рук вон плохи, например, цикл из двух стихотворений «Акростихи актрисам. 1. Я.В. Лярская» (1. ВАМ, ЗВЕЗДОЧИТАЯ ЯДВИГА ЛЯРСКАЯ; 2. ЯДВИГА. ТИХИЙ СВЕТ ИГРАЕТ В ТВОИХ ГЛАЗАХ)²⁰.

Образцы его подносных сочинений попали на зубок столичным беспощадникам:

Сотрудник одесского (ага!) журнала «Театра и кино» Петр Сторицин <так!> решил, что при рождении Петра Сторицына <так!> муза коснулась этого талантливого младенца своим божественным перстом...

Однако, мы думаем, что коснулась она его довольно основательно, и не перстом, а чем-нибудь посущественнее, потому что нижеследующие стихи мог сочинить только человек, жестоко изувеченный музой:

Его поздравление
Судьбой веселого каприза
Сошлись в «Театр и Кино»
Юшкевич, Юнг и Кремер Иза –
В своих портретах – заодно.

Какая дивная плеяда!
Как ими красен Ваш журнал!
Хоть правда, мне сказать Вам надо,
Что мой портрет недоставал!

Когда человек пишет такие стихи, то кажется, что он держит перо не тем концом, каким полагается.

Заканчивает он не менее игриво:

Но все же я вас поздравляю –
Давая искренний совет:
Не позабыть, что все желают
Зреть офутуренный портрет...
Петр Сторицын <так!>

Если такой талант закопать в землю – воздух будет отравлен на десять миль в окружности²¹.

По-видимому, альманашные стихи «Сторицына» нуждаются в стилистической экспертизе. И особенно, думается, любопытно авторство (хотя на поверхностный взгляд сочинителем представляется сам Коган-Сторицын) такого акростиха:

Эллады верный ученик,
Давно познавший тишь элегий,
Узнай: в просторах страстной неги,
Алмазный день, дрожа, возник.
Рыдай и жди! Уже вдали
Дрожащий лик встает в тумане
Бодлер ты и Рембо! С земли
Алмазами немых желаний
Горя в наплыве обаяний,
Рядясь в серебряный наряд,
Идя в небесные просторы
Цветные радуги горят.
Кади, слепец! Гляди смиренней,
Июльским сумраком объят,
Ищи простор иных забвений²².

В 1920-х в Ленинграде Сторицын задумал издать книгу мемуаров «Мои американские горы». В нее должны были войти главы об убитшем австрийского премьер-министра социал-демократе Фридрихе Адлере (1879-1960), с которым Сторицын встречался в Цюрихе в 1901 году (эта глава повторяет

беседу, в которой он надиктовал этот мемуар одесскому журналисту²³); о враче-толстовце, словаке Альберте Шкарване (1869-1926), с которым он встречался в Асконе; об отце погибшей балерины Лидочки Ивановой²⁴. Книгу поддержали Виктор Шкловский и Борис Эйхенбаум, но К.А. Федин отверг рукопись как неготовую к печати²⁵. Со слов Сторицына говорили, что «эти рассказы прочитал Горький, – он похвалил в них живость и своеобразие интонаций, но печатать не советовал»²⁶.

Славившийся как рассказчик, Сторицын исполнял свою прозу устно (и, видимо, слушателям его новелл казалось, что он склонен преувеличивать свою близость к очень важным персонам своего повествования²⁷), и отголоски ее попали в вагиновские «Труды и дни Свистонова», где Сторицын был частичным прототипом Психачева²⁸, который пересказывал содержание главы о Фрице Адлере – об отношениях мемуариста с Катей Германишеской и Енафой Воскресенской:

Это был довольно грузный, пожилой человек, желтолицый, с слегка вьющимися седыми волосами, одетый в высшей степени неряшливо. Брюки у него кончались фестонами, жилет был покрыт жирными пятнами.

Психачев, положив ногу на перекладину забора, беседовал со Свистоновым. – Понимаете, я для вас интересный тип. Возьмите меня в герои. Я дал по морде австрийскому принцу, и за мной бегают женщины. Это все тля там собралась. Охота вам с ними возиться, – посмотрел он на гостей. – Я – другое дело. Что? слушаете? Хотите, я про них всех расскажу вонючие случаи? Ладно? А вы меня не забудьте! Обязательно вставьте. Выньте записную книжку и записывайте.

Свистонов, улыбаясь, вынул аккуратную книжечку.

– Я доктор философии. Не верите? Вы можете описать меня со всей моей слюной и со всеми моими вонючими случаями. Да, я честолюбив. Скажите, вы талантливы? вы гениальны? Вы хорошо меня опишите. Я хочу, чтобы все на меня показывали пальцем. Фамилию оставьте ту же – Психачев. Это звучит гордо.

– А женщины действительно за вами бегают? – спросил Свистонов, улыбаясь.

– Я вам расскажу. Знаете – озера, Швейцария и тому подобная ерунда. Я был студентом, я ее мучил на фоне гор, мучил и не взял.

– Не смогли? – спросил Свистонов.

– Мне нравится мучить женщин.

– Знаете, это старо, это не годится для романа».

Глава об отце тоже широко рассказывалась – художник Борис Семёнов запомнил эпизод «Рыдай в отдалень!».

Говоря о близости Багрицкого и Сторицына, которой посвящен заключительный очерк мемуарной книги по плану 1939 года, надо заметить, что до известной степени, видимо, их сближали истории их взаимоотношений со своими отцами. Рассказы о конфликтах Багрицкого с Годелем Дзюбиным содержались в беседах современников, записанных исследователями гениальности после смерти поэта²⁹. Кузина Багрицкого К. Фукс рассказывала Л. Резникову: «Отец же Эдуарда ничего не читал, кроме ежедневных и субботних молитв. Вообще, мой дядя был человеком простоватым и ничем не приметным. <...> Дома он угрюмо молчал <...> Багрицкий шел за гробом отца без шапки, всех “стариков” возмутил такой факт»³⁰.

Очерк «Как Эдя умирает» был предложен Михаилом Кузминым составителю мемориального альманаха Владимиром Нарбуту:

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

П.И. Сторицын показал мне несколько страниц, написанных им об Э. Багрицком, и спрашивал моего мнения о них: стоит ли их Вам послать и т.п. Я ему посоветовал послать, так как нахожу, что при всей сумбурности, барочности стиля (почти «противолитературного») в этих страницах настоящее чувство жизни, живописность и живая передача некоторых черт и характерных особенностей Багрицкого.

И я совершенно искренне нахожу в статье Сторицына талантливое своеобразие, как и во многих поступках этого человека, которое, м<ожет> б<ыть>, кое-что и потеряло бы от «литературной» обработки.

С искренним уважением М. Кузмин 21 января 1935³¹

В альманахе этот очерк не появился. Спустя тридцать семь лет он увидел свет под неловким названием³² и с сокращением ряда весьма важных мест: сон о Сталине, характеристика Сторицына в устах Багрицкого, фраза поэта в бреду: «Я хочу, чтобы страна моя выглядела, как страна!», и других.

Сон о Сталине был кульминацией очерка, ампутация этого эпизода разрушила далеко не бесхитростную композицию. Предшествовавшая сну встреча с генеральным секретарем ВКП(б) была для Багрицкого важна, как и для всех его сограждан, но, может быть, даже и больше. Он рассказывал о мимолетном рукопожатии своим слушателям, и один из них пересказал это стихами:

«Да здравствует же, – говорит он, – тот,
Кто выдернул столетние занозы,
Кому признательность, кому почет,
Кто души строить мне велит людские,
Кто мне, как другу, руку подает!...»

<...>

И вот наш друг нам повествует метко,
Чем был тот раут для него богат,
Когда оживший в зал вошел плакат,
Раз в сорок выросшая статуэтка.

И, чуть смутясь, когда уже встаем,
Он говорит: «могу ль не уважать я
Вот эту кисть за то рукопожатье,
Которым обменялись мы с вождем?»

О птичья кисть, что детски-крючкато
Скребла элегию про соловья,
Прошла с ружьем вдоль жухлого жнивья
И в добрый час была вождем пожата!³³

Об этом же эпизоде современники вспоминали и в прозе:

Однажды он, по моей просьбе, прочел мне, – в третий или четвертый раз, – «Смерть пионерки» <...> И потом, как будто непосредственно продолжая начатый разговор, перешел к воспоминаниям о собрании писателей, на котором присутствовал Сталин. Он поднял свою желтоватую от астматолога кисть руки, поглядел на нее и сказал:

– Я с уважением смотрю теперь на свою руку, потому что ее пожимала рука Сталина³⁴.

В предлагаемой ниже публикации фрагментов мемуарной книги³⁵ сокращенные автоцензурой вдовы поэта места отмечены нами курсивом.

Петр Сторицын

Мои американские горы

Главы из книги

Предисловие

Мне могут задать вопрос, почему, собственно, мне пришло в голову описывать эпизоды из своей жизни и свои встречи? Какое право на внимание имеет жизнь и личность театрального критика Петра Сторицына? Если бы вы были Блок³⁶, Людендорф³⁷, Станиславский³⁸, Вырубова³⁹, Гарри Домела⁴⁰, кайзер Вильгельм⁴¹ – тогда другое дело. Неужели у Вас такая мания величия, что Вы каждую мелочь, касающуюся Вашей драгоценной особы, считаете исторической ценностью.

Минуту терпения. Конечно, Блок, Гарри Домела и Вильгельм – личности, ну а Вигель⁴² и разные дамы, за которыми раз или два приволокннулся Пушкин или Лермонтов, а то даже Чернышевский⁴³? А тот лавочник из Острова или Порхова, который описывает свою встречу с Пушкиным так, как никакой поэт, никакая *личность* не могла бы описать⁴⁴. Они только свидетели, только хранители документов, их индивидуальность, личная окраска, если она не придает повествованию своеобразного колорита, может только мешать. Чем личность менее значительна, тем ценнее документальная точность. Так что тут не при чем ни Петр Сторицын, ни театральный критик⁴⁵. Правдивость, точность, хорошая память и достаточный запас материала – вот багаж, с которым я пускаюсь в дорогу. Судьба оказала мне благодеяние, наградив меня очень неровной, переменчивой и превратной жизнью. Знакомство у меня, как у лесковской «Воительницы» – «необъятное»⁴⁶, от лиц, поставленных на гребне культуры, до самых неизвестных обывателей. Но буду говорить я и о последних, так как среди них еще чаще встречаются смешные, трагические и безумные чудачки, мимо которых не может пройти ни человек, ни артист.

Друзья уверяли меня, что мои устные рассказы доставляли им художественное удовольствие. Друзья, конечно, – всегда друзья: или они пристрастны, или коварны. В обоих случаях могут подвести. Но я надеюсь, что полнейшая искренность и неприкрашенность моих записей помогут им сослужить службу как документы, или как развлекательное перелистывание книги.

Я никак не строю книги, не соблюдаю рангов и последовательности (построение скорей по принципу контрастов), и если <дефект рукописи> получится что-то вроде фабулистически связанного произведения, это не

моя вина. Правдивость и неприкрашенность – главные мои задачи. В потоке мемуарной литературы, может быть, и мои записи помогут осветить некоторые области жизни и быта, которые не были затронуты другими.

В канадских кабачках над музыкантской эстрадой висит надпись: «в тапера просят не стрелять, он очень старается»⁴⁷.

К этой просьбе от души присоединяется и автор данной книги.

Отец

Семья у нас была большая – восемь человек детей. Отец чудак, самодур, трусливый деспот, мать – взбалмошная, азартная и расточительная, один брат – параноик, другой – психостеник <так!>, дяди и тетки – лунатики и эпилептики. Столкновение всех этих свойств обращало совместное житье в калейдоскоп карикатурных положений, несуразных поступков и объяснений, трагических гротесков.

У отца была своя система миропонимания, о которой можно было догадаться по отрывочным его суждениям относительно того или другого явления или вопроса. Он искренне был уверен, что состоятельные люди – люди приличные, хорошие, стоящие внимания, а бедные – лентяи, негодяи и вообще дрянь, что евреи – порядочные люди, а русские – дураки и воры.

Он говорил, что умирают только русские и бедняки, так как они дураки. Для умного человека, т.е. зажиточного еврея, смерть – не занятие, зачем ему умирать, когда всегда найдется какое-нибудь дело: пойти в магазин и купить какую-нибудь вещь и т.п.

Богатый человек вообще – нечто определенное, разумное и одухотворенное, а бедняк это, по словам баснописца Крылова:

– Пригорки, ручейки и мурава шелкова⁴⁸ –

т.е. часть мертвой природы, так как он беден. И смерть для него – простое оформление состояния, в котором он уже находится.

Как же, – возразил я ему однажды, – а вот Лившиц и еврей, и богатый человек, а на прошлой неделе умер.

– Так Лившиц в своей жизни ел свинину – потому и умер, – не задумываясь, ответил отец.

Система была спасена.

Выучившись русскому языку уже взрослым человеком, отец в некоторых суждениях о литературе сходился с нашими «формалистами». Для него документ был важнее любой поэмы, так как в документе (скажем, векселе) ничего нельзя ни прибавить, ни убавить, а в поэтическом произведении – сколько угодно.

Как пример он читал нам Кольцова, прибавляя от себя в стихотворении сколько ему вздумается слов, вроде:

Что дремучий лес призадумался?⁴⁹
Что это значит? Что означает? и т.д.

Притом читалось все это с интонациями, с какими читаются Талмуд и толкования к библии.

О Пушкине он знал понаслышке и, услышав однажды, как нянька из Румынии рассказывала сказку про Ивасика Телесика, вообразил, что она принадлежит тоже Пушкину, и потом говорил за картами:

– Из всех произведений Пушкина самое благоприятное, это сказка про Ивасика Телесика, которую рассказала ему его честная нянюшка Анна <так!> Родионовна.

Когда он прочитывал раз в несколько лет какую-нибудь книгу, он изводил всех людей, так или иначе зависящих от него, упреками, почему они не читали этой книги.

Прочитав «Преступление и наказание», он все время угнетал единственного своего подчиненного бухгалтера Вайсберга. «Вы, конечно, не читали Достоевского? Да если бы и прочли, так что с того? Разве вы, бедный бухгалтер, можете понять Достоевского?»

Иностранных авторов он не читал, как не носил и заграничных костюмов, считая, что он недостаточно богат для такого занятия.

Всякие любовные истории, лирические стихотворения, пьесы, где изображались сердечные переживания, он считал крайне безтактными и бесстыдными, потому что, по его мнению, весь комплекс подобных ощущений надлежит тщательно скрывать, как величайший позор.

Единственную страсть, которой незачем было стыдиться, он считал любовь к деньгам. «Полюби копейку – она тебя полюбит», – была одна из излюбленных его поговорок.

Материальное состояние отца часто и резко менялось, но, при всех положениях, его больше всего возмущала дороговизна продуктов, и он ждал от матери, чтобы она поддерживала в нем грезу о дешевизне.

Довольствовался в этом отношении малым и, чем откровеннее были приемы матери, тем сильнее они на него действовали,

– Видишь, Илья, эту рыбу, – говорила мать, возвращаясь с базара, – все еврейки платили за нее по 30 копеек за фунт, а мне уступили по четыре. «По четыре?» – «По четыре». – «По четыре, ты так говоришь, будто в ней костей нет», – радостно бурчал отец.

Понятия о героизме у отца тоже были своеобразны. Например, он искренне считал актом героизма, что при встречах на улицах Одессы с градоначальником Зеленым⁵⁰, он неукоснительно спасался бегством в ближайшую подворотню.

Пережив в юности не один погром, он не мог питать особенно нежных чувств к царскому правительству, но личность Александра II уважал и никак не мог понять, «как могли эти негодные мальчишки убить такого приличного и гуманного человека».

Доказательством же приличности и гуманности Александра II служил следующий эпизод.

Будучи в Одессе, Александр II посетил синагогу во время богослужения. Старейшие и святейшие в синагоге в талесах, с торами в руках пошли к нему навстречу. Во главе шел старик Цедербаум. А государь стоит без фуражки. Тогда дрожащим от волнения голосом старец произносит: «По закону Моисея в храме нам полагается находиться с покрытой головой» – «Ах, извините», – грациозно и элегантно ответил Александр II и быстрым движением надел фуражку. Церемония продолжалась.

Этот курьезный эпизод почему-то радовал и умилял отца.

Когда наступил Октябрь, отец был уже петербургским купцом 1-ой гильдии и членом совета фондовой биржи⁵¹.

Он недоумевал и ничего не понимал в событиях.

Второго сына Нафанаила, не желавшего учиться, отец устроил в чайную фирму Высоцких и ежедневно приставал к нему с вопросом: «Ну, что тебе снилось?» – «Да я и не помню, что мне снилось». – «Чай, чай, чтоб тебе снился чай», – кричал отец.

Ему, наверное, и во сне снились те же дела, что занимали его наяву и делали его определенным и приличным человеком.

Я решил себя посвятить исключительно науке, и так как в то время лицам еврейского происхождения доступ в университет был затруднен, семья моя, несмотря на то, что материальное положение ее очень пошатнулось, согласилась послать меня в Цюрих.

Я пробыл за границей семь лет, главным образом в Швейцарии и Германии, но цель моего пребывания достигнута не была. Поехал я туда с твердою верою в науку, знания и культуру, но, познакомившись с приемами исследования и с целеустремлением европейской буржуазной науки, я потерял элементарное уважение к ней. Вполне разочаровавшись в достоинстве и спасительности науки, преисполненный новых исканий, я решил вернуться в Россию, так как за границей больше делать мне было нечего.

Слухи о перемене моего направления достигли в каком-то преувеличенном виде до моей семьи, и меня ждали с некоторым страхом, не то как сумасшедшего, не то как дикого нигилиста. Отец еще в Цюрих писал мне:

«Когда мне было двадцать два года, я имел уже капризную жену и четырех детей. В течение дня и полудня («полудня» вставлено, чтобы щегольнуть

точным знанием русской грамоты) я бегал по городу, ища заработка, а по вечерам сидел у изголовья четырех больных детей и читал Маймонида или Спинозу («Маймонид» отец в противоположность «Спинозе» не склонял из гордости, считая, что он достаточно богат, чтобы склонять только то, что ему заблагорассудится). Ты здоровый, молодой, талантливый, самобытный человек — оставайся в благодатной Швейцарии. Если же ты осмелишься приехать, я сумею отстоять свое гнездо от вторжения, или же нашествия».

Тем не менее, я тронулся в путь. Встречать меня на вокзал был послан муж моей сестры, приват-доцент Лозинский⁵², на физиономии которого были написаны страх и неуверенность.

Очевидно, от меня ждали каких-то эксцессов.

С ним я приехал и на отцовскую квартиру.

Мать вышла ко мне навстречу, чтобы предупредить, как мне следует ввиду неудовольствия отца вести себя:

– Петя, сейчас придет отец. Когда он спросит тебя, зачем ты приехал, отвечай: «Папаша, я приехал рыдать на вашей груди». – «Вот тебе за это триста рублей».

Я спрятал деньги и стал ждать. Вскоре послышался шум, шаги, крик. Появился отец. Вид у него был свиреп, как будто его заставляли делать бесцельную и глупую, с его точки зрения, вещь. Вроде, как тигр, которому пришлось бы отстоять богослужение в синагоге.

– Зачем ты приехал? — спросил он с язвительным негодованием.

– Папаша, я приехал рыдать на вашей груди, – сказал я слова, подсказанные матерью.

– Рыдай в отдалении! – был на это убийственный ответ.

2. «Мудрость» отца

Отец, к тому времени, был человеком очень богатым, он построил на Песках синагогу⁵³ и считал себя человеком уже не просто умным, а мудрым.

Он считал своим не только правом, но долгом, на всякие случаи жизни иметь категорические изречения, начиная от социальных вопросов, вплоть до медицинских советов.

– Лучше недокушать, чем перекушать, особенно если ты беден.

– Заслуженные артисты императорских театров – ниже казенного раввина.

– Рвота – признак наступающей беременности.

– Бедному надлежит молиться больше, чем богатому, потому что Б-г на него еще и внимания не обратил.

На последнее изречение мать говорила: «для тебя, Илья, Б-г – вроде бесплатного приказчика».

3. Отец и «генерал Буланже»

Мой брат Михаил был медик и кончал Парижский университет. Для семьи моего отца, небогатого коммерсанта в Одессе, для полуграмотной матери, для всех окружающих – пребывание Михаила в Париже казалось явлением неслыханной смелости, а сам медик – будущей знаменитостью, звездой, гением. Упрямая гордость отца и беззаветное обожание матери заставили всю семью относиться к Михаилу как к феномену и предмету культа.

В один прелестный день кумир наш внезапно появляется в Одессе. Приехал он без багажа, без документов, в одном цилиндре и с дешевым воспроизведением портрета Буланже⁵⁴ в руках. Но обычаи гениев часто бывают непонятны простым смертным. Михаил ходит экзальтированно, лицо бледно, улыбается снисходительно, жесты его многозначительны, он вспыльчив, презрителен и нетерпим. Целым днями он лежит неподвижно, по ночам пропадает. Хохочет, рыдает. Все признаки сумасшествия.

Но эту мысль гонят прочь, так как Михаил первенец, так как учебы в Париже стоило массу денег, так как он семейная гордость, – следовательно, он не может быть сумасшедшим.

Но вот однажды гений вбегает в контору и хватает у бухгалтера тысячу рублей. На протесты бухгалтера отвечает, что деньги ему не нужны, а он хочет наказать отца за то, что тот – жид. Взяв деньги, он запирается у себя в комнате. Вызывают отца из клуба «Беседа». Он вместе с дворником направляется к запершемуся Михаилу. По требованию городского Михаил отпирает дверь и торжественно заявляет: «Я завладел деньгами только для того, чтобы наказать отца за то, что он жид, но они мне не нужны. Извольте получить», – и возвращает тысячу рублей городскому, тот же передает их моему отцу, который долго рылся в кошельке и, наконец, вручает городскому двугривенный.

Подозрение, что Михаил – сумасшедший, опять возникает, но тонет в житейских мелочах.

Наконец, настает время возвращаться в Париж. Но при получении паспорта у Михаила происходит столкновение с одесским градоначальником контр-адмиралом П.А. Зеленым. Пренебрежительный тон Михаила выводит из себя самодура: «Где вы находитесь и как себя ведете?» – кричит он на сумасшедшего.

«Во всяком случае я нахожусь не там, где хотел бы брать уроки вежливости. Я – Буланже. Я специально приехал из Парижа, чтобы спасти вашу несчастную страну». Ярость градоначальника не знает пределов, и он отдает приказание взять брата под арест.

Известие, что сын арестован, дошло до родителей. Мать поехала к контр-адмиралу. На все громы и молнии градоначальника – «Ваш сын анархист

и вольнодумец, я проучу этого мальчишку!» – она повторяла только как мать: «Простите его, ваше превосходительство, он больной человек!». Но все-таки отдано было распоряжение арест сделать «домашним», т.е., брат жил дома, но в подворотне стоял городской, который должен был сопровождать Михаила, когда тот выходил из дому.

Презрительность, раздражительность и уверенность в собственном величии у брата все усиливались, так что стали серьезно подумывать, что он «больной человек» – не только для градоначальника. Мать советовалась с врачами, но боялась возможной и непоправимой ошибки. Ей посоветовали поместить его в частную лечебницу, но нужно было изобрести предлог, чтобы он согласился туда ехать. В числе других странностей у брата, по слухам, появилась навязчивая идея достать откуда-нибудь миллион.

Доктор предложил явиться к нам и пригласить при свидетелях брата поехать с ним вместе за получением миллиона. Если он согласится на это – безумие его очевидно. Так и сделали, но брат ответил на предложение: Я согласен с вами ехать за миллионом, но если вы думаете таким способом заманить меня в сумасшедший дом, то вам этого не удастся сделать. Во-первых, у меня есть револьвер, во-вторых я поеду не иначе, как взяв с собой дворника Еремея».

Мать несколько часов с нетерпением ожидала возвращения Еремея. Отец был в клубе, дома никого, только мать. Да я в соседней комнате. Наконец возвращается Еремей.

– Еремей, – обратилась к нему плачущая мать, – Еремей, скажите, только говорите правду, одну правду, как перед богом – что сделали с моим сыном?

– Кака така правда? Мы ж так завсегда по правде живем, а супротив бога известно, не попрешь. Ну, поехали мы, значит: барин с доктором впереди на санях, а я за ними следом на других. Едем, едем, а только барин ваш нет-нет да и оглянется, еду ли я, не отстал ли. Ну, подъехали, значит, к сумасшедшему дому. Повыбежало оттуда людей – доктору на помощь, чтобы сына вашего тащить. Как закричит Михаил Ильич не своим голосом: «Еремей, выручай, барина твоего хотят свободы лишить, пожалей меня». А я ему земно поклонился и говорю: «Воля твоя, барин, рад тебе служить, желаю долго жить». Тут его окружили, раба божьего, и повели. От них уж известно не отвертись. А как повели его, сердечного, я еще раз поклонился ему и говорю: «Прощай, барин, не осуди, если в чем тебе не угодил».

В ответ на рассказ Еремея раздался густой, протестующий, монотонный вой матери. Еремей так был расстроен, что не мог найти шапки и долго не уходил.

У брата определена была паранойя (систематизированный бред), он провел в лечебнице года два и там же умер. Он совершил оттуда побег ис-

ключительной технической трудности, но был достигнут верстах в двадцати от города и водворен на прежнее место.

Страдания матери, принимавшие внешние формы классического еврейского безысходного горя, не могли не отразиться на нас, детей и обволакивали наше житье тоской и печалью.

Вся эта домашняя трагедия проходила как-то мимо моего отца, всецело занятого своими коммерческими делами. Однажды как-то за завтраком, когда еще Михаил был жив, но уже года два находился в лечебнице, отец добродушно сказал: «Я уже давно и позабыл, что он меня обозвал жидом; когда поеду на линию покупать пшеницу, возьму его с собой». Вот, кажется, и все, что сказал отец, о Михаиле за все это время, пока мать я мы, дети жили под гнетом общего горя.

4. Немножечко о Христе

Отец не мог допустить мысли, чтобы бедный человек занимался поисками истины. Бедный человек – всегда глуп, и если глупость эта не сквозит в самом тембре голоса, в интонации, так это простая бестактность. Относительно случая со мною, он говорил: «Стоило ездить в такую даль, жить за границей, учиться в лучших университетах, чтобы узнать, что есть бог. Да у нас это безо всякого ученья каждый дворник и городской знает».

Теперь его задачей, как мудрого человека, было выбить у меня из головы христианские бредни. Мысли его в данном случае проделывали следующий ход: христианство = крестьянство, крестьянство = хулиганство, хулиганство = погромы. И притом это сопряжено с невылазной беднотою и, следовательно, глупостью.

Выбивал зловредные идеи он самым простым способом. Он становился против меня и выкрикивал: «не было Христа, не было Христа».

Иногда мать с чудной улыбкой вступалась: «Илья, почему ты кричишь? Был Христос, или не был Христос – какая разница? Ведь Христос был мамзэр (незаконнорожденный), и я не хочу, чтобы в моем доме говорили о “незаконнорожденных”».

Дело примирения с отцом на лад не шло. Пришлось притворяться, что я выкинул из головы все глупости и хочу начать новую жизнь. Я пришел к отцу.

– Ты хочешь начать новую жизнь? – спросил он нараспев.

– Да, папаша, я хочу начать новую жизнь, – отвечал я как можно более глупым тоном, соответствующим человеку бедному.

– Ну, так давай счет.

Когда я принялся за составление счета на «новую жизнь», мать мне объяснила, что отец имеет обыкновение проверять только сходятся ли цифровые данные, а расходных пунктов не рассматривает.

Принимая это во внимание, я и подал следующий счет.

Чоботы	20	руб.
Нечоботы	40	--- « ---
Чоботы, чоботы	20	--- « ---
За унижение	300	--- « ---
Веревка	75	--- « ---
Сало	15	--- « ---
Свечки	75	--- « ---50 коп.
Итого... 546 руб. 50 коп. ⁵⁵		

Когда я с этим отчетом отправился к отцу, предусмотрительная мать в соседней комнате посадила дежурить кухарку на случай, если мы с отцом подеремся. Но все обошлось мирно. Отец взял счет, проверил цифры и сказал: «Счет правилен, вижу, что ты хочешь на самом деле стать честным евреем. Предлагаю тебе 10%. Кончим дело, и начинай с богом новую жизнь».

Я согласился на 10%. Но когда отец узнал, что я, «получив по счету», нисколько не изменился, то он проклял меня и запретил ходить в дом. «Ссылаясь на Дорошевича, Лессинга, Спинозу и Кугеля – говорю тебе – вон...».

Мать была, конечно, этим потрясена, назначала мне тайные свидания на кухне, где, угощая меня, приговаривала: «кушай, Петя, другие не имеют».

Часто она звонила мне по телефону в гостиницу, куда я переселился: «Ты у телефона? Ты меня слышишь? Не ходи пешком! Кушай птицу! Женись, женись!» И через четверть часа: «Ты у телефона? Женись, так ты утром будешь сидеть за самоваром с женой. Хочешь, чтоб я выбрала тебе невесту? Не хочешь – выбирай сам, я на все согласна. Лучше выбрать богатую, а если выберешь бедную, я ей дам приданое, так она будет богата. Женись на еврейке. Но, если хочешь на русской, женись на русской. Только смотри, – чтобы она тебе не сказала “жид”. Но хочешь на русской, так женись на русской. Я на все согласна».

5. Смерть отца

В 1917 году меня известили о тяжелой болезни матери. Находясь уже при смерти, она с материнской заботливостью обращала внимание на то, что я покашливаю, делала распоряжения, убеждала отца «не клеветать на сына», интересовалась домашними делами – и, наконец, будто для последнего самоутверждения произнесла:

– Я умру, но и после моей смерти хозяйкой в моем доме останусь я.

Не поспел я вернуться в Одессу, как получил телеграмму о смерти матери. У меня было чувство, что умер единственный человек, который меня любил и перед которым я в чем-то виноват.

Отец вскоре последовал за матерью.

При его смерти я присутствовал. Несмотря на редкие свидания, мы все-таки считались в ссоре, да и действительно совершенно разошлись.

Примирение было организовано адвокатом Слиозбергом⁵⁶, которому в качестве адвоката, надлежало ликвидировать и это домашнее недоразумение.

Условие, поставленное мне, заключалось в том, чтобы, войдя по данному знаку в отцовскую спальню, я произнес: «Папаша, простите меня, я перед Вами виноват».

Но когда я вошел в полутемную комнату, где лежал отец, он, предвосхищая сакраментальную фразу, произнес:

– Ты ни в чем передо мной невиноват. Ты жил, как умел, как понимал. Мне жить осталось несколько минут. Живи, как понимаешь: будь поэтом, писателем, будь математиком... вдруг он не выдержал и с явной злобой прибавил: – будь трубочистом.

Передо мною в неизвестность уходил совершенно для меня чужой человек.

Я быстро вышел из комнаты.

Я был не маленьким, но при всей своей самостоятельности меня поддерживала мысль, что какие бы ни были отношения, но где-то есть у меня «дом»... что тыл у меня обеспечен.

Теперь же я лишился и того и другого.

Жизнь открыто предстала передо мною и, не скрою, я почувствовал некоторую неуверенность и беспокойство за свою участь.

Но с другой стороны я не мог не радоваться, видя воочию, что тот страшный мир, с которым меня связывало детство, ушел навсегда, без возврата сгинул.

И как ни был я не уверен за свою участь, я чувствовал, что освободился от какого-то нароста, что разорвалась какая-то пуповина, и я рождаюсь для нового неведомого мне еще существования, радостного хотя бы уже тем, что там не будет этих темных недр реакции и домостроя.

Как Эдя умирает

5 XII 1932 – 26 XII 1932

В 1914 году я познакомился с Эдуардом Багрицким в Одессе. Моя дружба с ним продолжалась до октября 1917 года. Ровно 3 года. Эти три года я прожил безвыездно в Одессе. В октябре 1917 года я переехал в Петроград, в котором жил безвыездно до 1932 года.

8-го декабря 1932-го года меня взял Эдуард с собой в Москву, и у него я прожил 17 дней. Эдуард должен был 5 XII 1935 концерттировать в Ленинграде

и концертировал в «Академической Капелле», что на Мойке, но посреди чтения плохо себя почувствовал, оборвал выступление, пролежал 3-4 дня в Европейской гостинице и уехал со мной в Москву.

Передо мной две эпохи, как тема об Эде:

1) Одесса, 1914-1917

2) Ленинград – Москва, 5 XII 1932–26 XII 1932

Начну со второй.

Люди различно любят женщин и, конечно уже, по-разному умирают. Почему бывают так поражены окружающие, когда кто-либо из знакомых умер? Потому что, думается, поражаются не тем, что человек умер, а тем, как он умирал, т.е. как относился к своему уходу.

Эдя умер 16 XII 1934, но характер и манера его умирания была мне им продемонстрирована в период 5 XII 1932 – 26 XII 1932. Вот об этом и только об этом я сегодня расскажу. Большого не требуйте. Нет никаких сил – ни нравственных, ни художественных, ни физических...

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная...⁵⁷

– Ну, а об Одессе?

– Об Одессе в другой раз. Ведь мы к Эдде еще вернемся. Это как судебный следователь Порфирий Петрович говорит в «Преступлении и наказании» про Раскольникова: «Он от меня психологически не уйдет». И мы не уйдем от Эди. Некуда.

Итак, как же он умирал?

Дело было так. Я пошел за кулисы Академической Капеллы 5 XII 193[2]. Там сидел в ожидании выхода на эстраду Эдя. Шел я, сильно волнуюсь. Ждал чего-то страшного. Я вошел. Эдя сидит спиной ко мне. С ним почтительно разговаривают, сначала поэт Александр Прокофьев (о замене Эди назавтра на подмостках), а затем Николай Семенович Тихонов. Тоже по делу.

Стало больно: Эдя свинцовый, угловатый, болезненно-неповоротливый, тяжелый, точно плохо координирует движения. Я сзади положил ему руку на плечо. Он обернулся и сделал нарочно глуповатое лицо. Я понял, зачем... Чтобы замаскировать ужимкой, выходкой поток *чисто материнской* доброты, охвативший его, когда он меня увидел. Он стыдился доброты.

Его доброта это – косо хлещущий дождь, это – призадумавшаяся метель, это – солнышко нараспашку, это – извиняющаяся луна... Словом, природная доброта, та доброта, о которой писал Артур Шопенгауэр, что она (Herzengute) выше всех талантов человеческих⁵⁸.

– Петр Ильич, едем со мной в Москву, будете жить у меня. Не надо идти в зрительный зал, когда я буду читать, оставайтесь здесь, там нечего смотреть; я искал вас целый день, не уходите, сейчас же после выступления едем в «Европейскую» гостиницу, а через три-четыре дня отлежусь и – в Москву. Знаю, что это безумие, но мне страшно одному. Я скоро умру.

Мне стало страшно, тоскливо-*радостно*.

В нескольких шагах от нас стоял писатель *Д.К. Остров*. Я машинально их познакомил. Затем отвел *Острова* в сторону и сказал *униженно*, трусливо:

– Ну как? Как он выглядит? Больным или здоровым?

– О чем говорить, – отвечал *Остров*, – он тяжело болен, он умирает, верьте ему.

Бурные аплодисменты в зале. Это Вера Инбер окончила чтение. Выход Багрицкого. Я все же поспешил в зал. Он прочел три стихотворения и оборвал выступление.

Я пошел в артистическую. Но Эди уже не было – его отвезли в «Европейскую» гостиницу. Там я нашел его, перепуганного и встревоженного. Он стал меня расспрашивать, пытливо смотря в глаза. С кем встречались? – Я ответил: «С Зощенко, но Зощенко сильно меня обидел – так-то и так-то. Трудно перенести»⁵⁹.

Эдя сказал: «Мой ответ один: со мной немедленно в Москву».

– А что в Москве?

– В Москве будете жить в одной комнате с моим десятилетним Севой, он хулиган, но бить вас не будет, я приму меры.

– Ну, а жена ваша, Лида?

– Лида любит тех, кого я люблю. Сейчас же оставайтесь у меня ночевать.

Мне плохо.

Ночью начался бред. В бреду он кричал: «Сторицына надо убить и продать очки!», «Я хочу, чтобы страна моя выглядела, как страна!», «Лида, дай чаю! Чаю!», «Зачем дала холодный? Дай горячий», «Надо любить женщин! Не забывайте, что им трудно».

Внезапно бред прошел. Я сказал:

– Эдя, я вас давно не видел и не знал, что вы такой. Лиде страшно с вами?

Он ответил:

– Она *привыкла*, ей не страшно.

Мы заснули. На другой день он уже не покидал постели. Лежа говорил: «Я скоро умру»,

Днем пришел поэт Кузмин Михаил Алексеевич.

Вечером его навестили три лица: Рувим Абрамович Шапиро, тогда директор Михайловского театра (сейчас директор Мариинского), заместитель Гиссен и дирижер Самосуд. Они пришли слушать «Думу про Опанаса».

Больной читал около 1½ часов. Стали спорить. Шапиро находил, что «Дума» сценична, Самосуд – что не сценична. Споры, как всегда. Ушли. Через 10 минут стук в дверь. Пришел знакомиться композитор Шостакович, *присланный Шапиро, который натолкнулся на него тут же в Европейской. Условились, что через неделю Шостакович навестит Эдю в Москве.*

Поехали с Эдей на вокзал. Он судорожно держался за меня. В «Европейской» прислуга понимала то, чего не понимали поэты, писатели и администраторы. Прислуга понимала, что Багрицкий умирает, и выражала ему на свой лад сочувствие.

Там в Москве комната Эди. Аквариумы. Много аквариумов. Ими наполнена комната. Постукивает мотор, вгоняя воздух в воду. Аквариумы согреваются системой горелок. Рыб много.

В одном из аквариумов за самцом неустанно ходит самка. Самец уходит. Это длится часами. «В чем дело, Эдя?». Эдя объясняет: «Самка хочет любви. Самец молодой и не понимает этого. Вот она и ходит за ним неустанно. Петр Ильич! Не пугайте рыб. Жизнь одна!»

Вечером ушла жена. Мы втроем: Эдя, я и друг их дома художник Роберт Грабе⁶⁰. Эдя посреди разговора внезапно сказал:

– Прощайте, Петр Ильич! Спасибо Вам за любовь. Прощай, Роберт, спасибо тебе! Прощайте – я умираю.

Все это спокойно и твердо. Роберт ушел. Я говорю:

– Эдя, почему Вы умираете? Что с Вами?

– У меня бронхиальная астма.

– С ней живут до восьмидесяти лет.

– Я умираю, потому что я поэт. Нет в мире творчества, которое бы так разрушало. Поэт должен умереть.

Приходил Толчанов⁶¹ (режиссер театра Вахтангова), Олеша, Иван Катаев, Корнелий Зелинский. Вообще все приходили. Все, кто хотел. Со всеми Эдя благожелателен, ласков, учтив и в каждого всматривается. Дескать, как это у вас на свете забавно, а я уже не жилец.

Вечером говорит мне Эдя:

– Сидите, не убегайте. Что-нибудь читайте. Что-нибудь пишите. Никогда никуда не уходите. Ни в редакции, ни в театры, ни в пожарную команду. Сидите возле меня. Страшно мне, мне страшно!

Утром говорит мне Эдя возбужденно:

– *Знаете, какой сон? Сталин ко мне на квартиру приезжает и молча посидел у меня. Я был уже однажды в его обществе. Наяву. Горький устроил завтрак, я был среди приглашенных и наблюдал Сталина. Литераторов*

было человек 30, а Сталин выше всех их. Умный, простой, море такта. Я так переволновался, что не хватило сил читать стихи⁶². А сегодня ночью снилось, что он пришел ко мне. Какой достойный человек!

Я уехал 26/ХІІ 1932 в Ленинград. На прощанье Эдя сказал:

– Обрубайте канаты, переезжайте в Москву. Я умираю, мне нужно иметь Вас при себе. Мне мало рыб, мне нужно, чтобы у меня на квартире копошился чужак, клеветник, сплетник, гений, благородный человек и хам. В Вас все это в одном лице. Мне страшно умирать и не показывать вида людям, что умираю.

Я уехал в Ленинград и больше Эди не увидел.

Теперь, когда его нет, я спрашиваю себя, что узнал я от Эди о нашей земной жизни?

Я узнал, что высшая доблесть человека – это дружба, благородство и бескорыстная любовь к товарищу. «Страстное бескорыстие», – как сказал о нем Исаак Эммануилович Бабель.

О земле рассказал мне Эдя, что она населена мерзавцами и пошляками, с которыми не следует примиряться, что большевики хотят новой благородной жизни. Он верил, что они ее создадут.

Примечания

- ¹ Сторицын П. Секрет оживления // Литературная газета. 1929. 10 июня.
- ² Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С. 224.
- ³ Лущик С.З. Чудо в пустыне: Одесские альманахи 1914-1917 годов // Дом князя Гагарина: Сб. науч. ст. и публ. Одесса, 2004. Вып. 3. С. 223-226; Яворская А. «Чем вы занимались до семнадцатого года?» // Мигдаль Times. № 59. 2005. Май-июнь (www.migdal.org.ua/times/59/5407/); Яворская А. Забытые и знаменитые. Одесса, 2006. С. 85-97. Сведениями о дате рождения и университетских годах П. Когана я обязан справкам, наведенным Габриэлем Суперфином (Бремен).
- ⁴ Ср.: «По-видимому, как утверждал Сторицын, – говорил Саня [А.И. Гитович], – все люди евреи, только одни в этом признались, а другие еще нет!» (Тименчик Р. Из «Именного указателя» к «Записным книжкам» Ахматовой // Mementovivere: Сб. памяти Л.Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 537).
- ⁵ Ставров П. Эдя Багрицкий и другие (Одесса 1917-1918) / Публ. В. Амурско-го// Дерibasовская – Ришельевская: Литературно-художественный, историко-краеведческий иллюстрированный альманах. № 14. Одесса, 2003. С. 256.
- ⁶ Марков В. История русского футуризма / Пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останина. М.-СПб., 2000. С. 320-321.
- ⁷ Местному обозревателю при чтении «Серебряных труб» вспомнилось: «Петр Сторицын не стесняется подражать Брюсову. Он помнит день Бросавший в небо копать, чад и дым.

Но только он забыл, что это был не “день”, а брюсовский город. Все остальное у Сторицына, как полагается у “настоящих” поэтов.

Духи “изысканны”.

Тело гибкое, как трость.

Поцелуй “томящий”.

Башня “старинная”.

Образы все оригинальные, им впервые придуманные и обнародованные» (*Крайний С. Мои кино // Южная мысль. 1915. 6 апреля*).

⁸ См. например: *Folejewski, Zbigniew. Futurism and its place in the development of modern poetry: a comparative study and anthology. Ottawa, 1980. P.154-155; Ohana, David. The Futurist Syndrome: Volume III of The Nihilist Order. Great Britain, Sussex Academic Press, 2010. P. 41-42.*

⁹ Стихотворение было написано по-французски, затем переведено автором на итальянский как «Ода гоночному автомобилю».

¹⁰ *Aldington R. Life for Life's Sake. New York, 1941. P.108.*

¹¹ РГАЛИ. Ф.464. Оп. 1. Ед.хр. 127; в этом письме он оповестил, что посылает рецензенту альманах «Серебряные трубы» – «мои юношеские опыты»; «Кстати, мой коллега Георгий Цагарели писал о “Пятидесяти лебедях” в “Южной мысли” в Одессе».

¹² См. подробнее: *Шумихин С.В. Садовской Борис Александрович // Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 445-450.*

¹³ *Б.С. [Савинич Б.П.] Рец. на кн.: Авто в облаках. Одесса. 1915 // Утро России. 1915. 10 октября. Стихи Сторицына в этом альманахе особенного воодушевления у читателей не вызвали – см., например: «безличен и пуст, как провинциальный день» (*Петроний [Краснов П.Б.] Чудо в пустыне // Иппокрена (Харьков). 1917. № 1. С. 32*).*

¹⁴ *Луцик С.З. Чудо в пустыне. С. 224.*

¹⁵ *Пяст Вл. Встречи / Комм. Р. Тименчика. М., 1997. С. 351.*

¹⁶ *Резников Л.Я. Эдуард Багрицкий. Очерк жизни и творчества. Л., 1948 (диссертация на соискание степени кандидата филологических наук).*

¹⁷ *Бобович Б. Георгий Цагарели // Одесские новости. 1917. 15/28 июня.*

¹⁸ *Инбер В. Поэзия была для него всем // Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников. М., 1973. С. 346. Заметим, что двойная мистификация сработала спустя почти столетие: на основании стихотворения «О Польше» польский русист восстанавливал несуществующую шляхетную генеалогию «Сторицына» (*Jan Orłowski. Забытые стихотворения русских поэтов о Польше // Slavia Orientalis. 2009. ТОМ LIX. NR 1. С. 27*).*

¹⁹ *Резников Л.Я. Эдуард Багрицкий. Очерк жизни и творчества.*

²⁰ *Одесское обозрение театров. 1917. 31 января. Посвящены актрисе в амплуа coquette Ядвиге Владиславовне Лярской (впоследствии – в эмиграции). См. о ней: «К Одессе относится свысока и считает, что оказала ей честь своим присутствием. Каждую фразу начинает словами:*

– У нас в Петрограде. <...>

Одессит о ней непременно скажет так:

– Все – да, и ничего – нет» (*Тайфун. Портреты на лету // Одесское обозрение театров. 1916. 19 октября*).

²¹ *[Б.н.] Перья из хвоста // Новый Сатирикон. 1916. № 50. С. 8.*

- ²² *Сторицын П.* Эдуарду Багрицкому // Театр и кино (Одесса). 1917. № 7. С. 6-7.
- ²³ *Златогорова И.* Фридрих Адлер (Из беседы) // Южная мысль. 1916. 15 октября.
- ²⁴ См. письмо П.И. Сторицына Кузмину 1925 года: *Дмитриев П.В.* «Две стихии»: Из наблюдений над текстом статьи М. Кузмина о Лидии Ивановой // Записки Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеки. Вып. 6/7. СПб., 2006. С. 112.
- ²⁵ *Морев Г.А.* Советские отношения М. Кузмина: (К построению литературной биографии) // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 84.
- ²⁶ *Дымищ А.* Звенья памяти. М., 1968. С. 207.
- ²⁷ Ср.: «У людей общительных и разговорчивых мотив “я его знал” – один из самых употребительных. <...> Журналист С. говорил мне о <...> Котовском: – Я его знал. В 1916 году его судили в Одессе за сорок убийств с целью грабежа и осудили на каторгу. Считалось, что он совершал политические экспроприации. Котовский был неотразимо страшен. Когда он входил в банк или иное учреждение, которое собирался очистить, ему стоило только сказать “я – Котовский”, и у вооруженной охраны опускались руки. – Вы его лично знали? – Ну да, я был на суде, когда слушалось его дело. <...> Мелкое человеческое тщеславие выдвигает мотив “я знал его” как посильный способ выделиться, обратить на себя внимание. “Я – не кто-нибудь, я не рядовое ничтожество, я знал такого-то”... Хлестаков кажется наивным, потому что ссылался на знакомство с Пушкиным, который вряд ли мог импонировать городничему и его свите. Не так наивны наши современники, выдвигающие момент “личного знакомства” умело и остро. Они почти без промаха зарабатывают на этом “я его знал...” Это сразу внушает доверие тем простофилям, которые слушают, развесив уши, патетические тирады современных Хлестаковых» (*Голлербах Э.* Встречи и впечатления / Сост., подгот. текста и прим. Е. Голлербаха. СПб., 1998. С. 342).
- ²⁸ *Гильдебрандт-Арбенина О.Н.* Гумилев / Примечания Т.Л. Никольской // Николай Гумилев: Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 470; о сочетании в образе Психачева черт П. Сторицына и Б. Зубакина см. в примечаниях Т.Л. Никольской и В.И. Эрля: *Вагинов К.* Полное собрание сочинений в прозе. СПб., 1999. С. 538; в новейшем исследовании о «сторицынской» составляющей Психачева забыто: *Вельмезова Е.В.* Романы с ключом К. Вагинова: от поиска прототипов к поиску идей // Ключи нарратива. М., 2012. С. 112.
- ²⁹ См.: *Спивак М.* Посмертная диагностика гениальности. М., 2001. С. 178-187.
- ³⁰ *Резников Л.Я.* Эдуард Багрицкий. Очерк жизни и творчества.
- ³¹ *Морев Г.А.* Советские отношения М. Кузмина. С. 80.
- ³² *Сторицын П.* Встретились в Ленинграде // Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников. С. 335-338. Но статья М. Кузмина о Багрицком, намеченная Л.Г. Багрицкой для этого издания, не была после ее смерти включена в сборник по настоянию Л. Славиной из-за репутации Кузмина, несмотря на возражения З. Паперного и при молчании В. Шкловского. Об этом нам рассказала свидетельница заседаний комиссии по наследству, исследовательница творчества Багрицкого Серафима Блох.
- ³³ *Тарловский М.* Молчаливый полет / Сост., послесл., комм. Е. Витковского, В. Резвого. М., 2009. С. 480, 529.

- ³⁴ Селивановский А. Сила жизни // Эдуард Багрицкий: Альманах / Под ред. В. Нарбута. М., 1936. С. 157-158.
- ³⁵ Рукопись (1939) хранится в фонде Виктора Шкловского (РГАЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед.хр. 89).
- ³⁶ «Дневник» Блока был издан в 1928 году. О встрече осенью 1920-го в Доме Литераторов см.: Сторицын П. Моя встреча с Блоком // Жизнь искусства. 1921.10 августа; Нева. 1980. № 11. С. 195.
- ³⁷ Книга немецкого генерала Эриха Людендорфа «Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг.» вышла в русском переводе в 1923-1924 годах.
- ³⁸ «Моя жизнь в искусстве» К.С. Станиславского впервые издана в 1926 году.
- ³⁹ Поддельный дневник фрейлины Анны Вырубовой вышел в Ленинграде в 1927 году.
- ⁴⁰ Гарри Домела (1905 – после 1978) выдавал себя за кронпринца Гогенцоллерна. Его книгу «Лжепринц» выпустило издательство «Прибой» в 1928 году (два другие перевода вышли одновременно в Харькове и Москве).
- ⁴¹ Мемуары императора Вильгельма Гогенцоллерна под названием «События и люди. 1878-1918» были изданы в 1923 году с предисловием А.В. Луначарского.
- ⁴² «Записки» Ф.Ф. Вигеля под редакцией С.Я. Штрайха вышли в Москве в 1928 году.
- ⁴³ Видимо, речь о воспоминаниях Авдотьи Панаевой, выпущенных в издательстве «Academia» в 1927 году под редакцией Корнея Чуковского.
- ⁴⁴ Возможно, имеется в виду опочечкий мещанин Иван Игнатьевич Лапин: «1825 год. 29 мая в Св. Горах был о девятой пятницы... и здесь имел счастье видеть Александру Сергеевича Г-на Пушкина, который некоторым образом удивил странною своею одеждою, а на прим. у него была надета на голове соломенная шляпа, в ситцевой красной рубашке, опоясавши голубую ленточкою, с железною в руке тростию, с предлинными чор. бакинбардами, которые более походят на бороду так же с предлинными ногтями, с которыми он очищал шкорлупу в апельсинах и ел их с большим аппетитом я думаю около ½ дюжин».
- ⁴⁵ См. «Рассказ по памяти» Исяя Рахтанова: «Он полулежал на диване в Астории, которая тогда вовсе не была тем, чем стала теперь. Это был первый дом Ленинградского совета.
- ^B комнате, накуренной и светлой от солнца, было много народу. Я запомнил Селивановского, Николая Богданова, совсем молодого Шведова и нелепого человека – Петра Ильича Сторицына, представлявшегося так:
- Сторицын. Повторите; Сторицын Петр Ильич. Повторите: русский театральный критик. Повторите быстро.
- Багрицкий ему помогал. Он хотел сделать из него мемуариста, Но писать Сторицын не умел. Ум его помещался на кончике языка – ум козёра, рассказчика.
- Надо нанять стенографистку, – говорил Багрицкий, – пусть она запишет. Это будет литература лучше, чем у “могучей кучки”.
- Так Багрицкий называл Крептюкова, Феоктиста Березовского, Бахметьева, – всех, кто пишет “могучим”, выдуманым за письменным столом, языком.
- Молодая батрачка, краснощекая Фекла, – говорил он, на ходу пародируя “кучку”, – в замшелом омшанике сидела, гадала, перегадывала. “Ить, ядрена”, – сказал Никифор, засовывая кнутовище за образа...
- Все смеялись. Смеялся и сам Багрицкий. Пародия не кончалась. Багрицкий кашлял и смеялся» (Эдуард Багрицкий: Альманах. С. 307).

- ⁴⁶ Ср.: «А знакомство у Домны Платоновны было самое обширное, по собственному ее выражению даже “необъятное”, и притом самое разнокалиберное».
- ⁴⁷ «Please don't shoot the piano player. He is doing his best» – частая надпись в салунах и церквях Дальнего Запада, начиная с 1870-х. Популярной сделал ее Оскар Уайльд в своих «Американских впечатлениях» (1906) – он видел ее в штате Колорадо.
- ⁴⁸ Из басни «Пустынный и Медведь».
- ⁴⁹ Стихотворение «Лес (Посвящено памяти А.С. Пушкина)».
- ⁵⁰ Павел Алексеевич Зеленой был градоначальником в 1885-1898 годах.
- ⁵¹ В справочнике «Весь Петербург» за 1910-е он числится: «Коган Илья Моисеевич, 1 г. куп. Ковенский переул. 25. Предс. хоз. правл. евр. молел. Песковск. района; Пгр. Евр. Синагог».
- ⁵² Возможно, Самуил Горадиевич Лозинский (1874-1945) – историк, соредатор Еврейской энциклопедии (1907-1913).
- ⁵³ Видимо, речь идет о проектах реконструкции Молельни на Песках, заказанных в 1912 году (см.: *Котляр Е.А.* Яков Гевирц и его роль в еврейской архитектуре России начала XX в. // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. 2008. № 9 (Сходознавчі студії. Випуск 1). С. 112-130).
- ⁵⁴ Как сообщал о патриоте-шовинисте Малый энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрона в 1907 году: «Буланже, Жорж-Эрнест-Жан-Мари (1837-91), франц. генерал и политический деятель. В 1884 командовал войсками в Тунисе, 1886-87 военный министр, реформами в армии приобрел громадную популярность в слоях населения, не забывших мысли о реванше Пруссии. После выхода в отставку командовал корпусом в Клермон-Ферране, но отставлен за нарушение дисциплины 1888. Избранный депутатом, сплотил вокруг себя партию (буланжистов) из разнородных элементов – от монархистов до социалистов включительно, стремившуюся к государственному перевороту; отдан под суд (1889), бежал в Бельгию и затем в Англию. В 1889 партия его потерпела поражение на выборах и постепенно распалась – по отсутствию ясной программы. Б. покончил самоубийством на могиле своей быв. возлюбленной (госпожи Боннмэн), из бывших приверженцев образовались позднейшие группы националистов и антисемитов».
- ⁵⁵ Как заметит проницательный читатель – таки не сходится.
- ⁵⁶ Весьма вероятно, Генрих Борисович Слиозберг (1863-1937), юрист, еврейский общественный деятель, мемуарист.
- ⁵⁷ «Орина, мать солдатская» Н.А. Некрасова.
- ⁵⁸ Цитата из книги «Мир как воля и представление» Артура Шопенгауэра: «Подобно тому, как факелы и фейерверки бледнеют и делаются невидимыми при свете солнца, так и ум, даже гений, а равно и красота блекнут и затмеваются пред сердечной добротой» («Wie Fackeln und Feuerwerk vor der Sonne blaß und dunscheinbar werden, sowird sowohl Schönheits als Geist, ja Genie, überstrahlt von der Güte des Herzens»).
- ⁵⁹ Ср.: «Говорят, что жизнь украшают чудачки. Одним из таких околотитературных чудачков был Петр Ильич Сторицын. Он был старый холостяк, образованный, умный, злой. В прошлом он был очень богат. До революции отец его владел половиной мельниц Одессы. Петр Ильич промотал отцовское наследство, помогая писателям. Говорят, он много помогал Бабелю, Олеше, Багрицкому. Ежедневно Сторицына можно было встретить в ресторане “Европейской” гостиницы. Он садился с газетой и заказывал самое дешевое – макароны с сыром и боржом. Он сидел, читая газету, и прихлебывал боржом, терпеливо дожидаясь,

пока не появится кто-нибудь из писательской братии и не перетащит его за свой стол. Он тяготел к писателям, не мог дышать вне атмосферы литературных разговоров и острот.

Сам он был рассказчик замечательный – острый, меткий, злой, и когда бывал в ударе – был неповторим.

Михаил Михайлович очень любил Сторицына. Без конца давал ему деньги, поил, кормил, но это нисколько не мешало Петру Ильичу, ради красного словца, платить Зоценко черной неблагодарностью. “Послушайте, послушайте, – говорил он, по своему обыкновению захлебываясь и брызгая слюной, – знаете, чего не хватает Зоценко для полного счастья? Для полного счастья ему не хватает мании величия. Он обманул партию, он обманул правительство, он обманул читателей, он обманул писателей, но сам-то он знает, что он не Вольтер”.

Михаилу Михайловичу, бывшему тогда в зените славы, было хорошо известно все то, что говорил о нем Петр Ильич, и, тем не менее, он все ему прощал и без конца возился со злым и неблагодарным старым чудаком». (Гитович С. Из воспоминаний // Минувшее: Исторический альманах. 5. Paris, 1988. С. 105-106). Ср. записанный 13 апреля 1925 года рассказ Бабеля: «Рассказывает о Петре Сторицыне: Сторицын клеветает на Бабеля, рассказывает о нем ужасные сплетни. Бабель узнал, что Сторицын нуждается, и решил дать ему червонец, но при этом сказать: – Деньги даром не даются. Клеветайте, пожалуйста, но до известного уровня. Давайте установим уровень» (Чуковский К. Собр. соч. Т. 12. М., 2006. С. 228).

⁶⁰ Художник Роберт Андреевич Граббе (1904-1991) иллюстрировал книги Багрицкого «Дума про Опанаса» и «Юго-запад».

⁶¹ Иосиф Моисеевич Толчанов (наст. фам. – Толчан; 1891-1981) – актер театра им. Вахтангова и режиссер. См. его воспоминания в: Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников. М., 1973. С. 302-307.

⁶² Ср.: «Настроение идет вкось, ищут, чем бы себя занять. Сталин молчит. Просят читать Багрицкого. Багрицкий быстро при этом стремится ударить в соседнюю комнату. Его ловят и водворяют обратно. Он стоит в синей блузе, в сапогах, сутулый, бледный, задыхаясь от астмы. Волосы падают ему на лоб с опущенной головы. Вот Багрицкий берет первые хриплые ноты. Он читает “Человек из предместья”. И с каждой строфой крепнет его голос, напоминающий клекот старого тетерева. Ему аплодируют, аплодирует и Сталин. Багрицкого просят почитать еще, но он сумрачно отругивается с такой силой, так задыхается на стуле, что его оставляют в покое. <...> Уже дома, на лестнице, я догоняю Багрицкого, с которым мы жили на одной лестнице: я на восьмом, он на шестом этаже. Он висит на перилах, медленно поднимаясь на шестой этаж: одышка. – Вы знаете что... – начинает Эдуард, но не продолжает. Мы только молча обнялись с ним у двери и расстались» (Зелинский К. Вечер у Горького (26 октября 1932 года) / Публ. Е. Прицкера // Минувшее: Исторический альманах. 10. Paris, 1990. С. 105-106, 113).

О.И. Киянская, Д.М. Фельдман

Памяти Александра Юрьевича Галушкина

СУДЬБА И ЭПОХА ЯКОВА БЕЛЬСКОГО

*Он не знал, кто его спутник, даже не видел его лица.
Он только чувствовал, что тот ему кровно близок:
может быть, покойный отец, а может быть,
собственный сын, а может быть,
это он сам, только в каком-то ином воплощении.*

В.П. Катаев. «Уже написан Вертер»

ПРОЛОГ

«В нем была какая-то тайна...»

В январе 1928 года самый авторитетный тогда советский литературный ежемесячник – «Красная новь» – опубликовал повесть Валентина Катаева «Отец». Эта повесть не без основания считается одной из этапных в его литературной биографии.

Время действия – конец гражданской войны. Герой несколько месяцев сидит в тюрьме губернской Чрезвычайной комиссии, ждет допроса. Аполитичен, о причинах ареста можно лишь догадываться: кто-нибудь из давних знакомых к антисоветскому заговору причастен, либо просто изолировали «по подозрению» – гимназист, с началом мировой войны ставший офицером. Помнит и заботится о нем лишь отец. Мать давно умерла. Перспектива – расстрел в гараже тюрьмы. Каждый день арестанты слышат шум мотора, заглушающий выстрелы. После вызова к следователю узника наконец освобождают. Чем конкретно обосновано такое решение следователя – не объяснено. Избежавший смерти возвращается к прежнему полубогемному быту, слишком занят собой, встречается с отцом редко, и тот неожиданно умирает. А сын живет с чувством неискупимой вины.

В катаевском описании чекисты безлики, внеэмоциональны. Исполняют свой долг, и все же не выглядят силой абсолютного зла: беспощадны лишь к врагам, а врагов много. Однако не только по этой причине повесть не воспринималась как политически маркированная. Тогда и позже в ней видели исповедь, покаяние.

Связь художественной реальности и реальных событий была наиболее заметна катаевским землякам – одесситам. Да он и сам об этом рассказал в автобиографии, опубликованной еще до издания повести: «Гражданская война 1918–1920 гг. на Украине замотала меня в доску, швыряя от белых к красным, из контрразведки в чрезвычайку. В общей сложности за это время в тюрьме я просидел не менее 8 месяцев»¹.

Точно ли было так, нет ли, прагматика суждения понятна. Автор в гражданской войне участвовать не желал, почему и всем был подозрителен. Ну а ЧК бывшего офицера проверяла и – поверила.

Спустя почти 40 лет, в марте 1967 года самый авторитетный тогда советский литературный ежемесячник – «Новый мир» – опубликовал катаевские мемуары «Трава забвенья». Маститый писатель вспоминал друзей молодости, ставших классиками отечественной литературы, Одессу эпохи гражданской войны, Москву 1920-х годов и т. д.

Одна из сюжетных линий почти цитатно воспроизводит повесть «Отец». Время действия – 1920 год, смерть отца, чувство неискупимой вины. Тут, впрочем, сходство и заканчивается. Герой, молодой журналист, не аполитичен, «принял советскую власть», не под арестом сидит, а по командировкам ездит, почему отец и не дожидается его. В тюрьме – спекулянты, бандиты и заговорщики. Их в гараже расстреливают чекисты – под стук автомобильного мотора. Из-под ареста чудом удается бежать лишь одному – бывшему офицеру.

Чекисты в «Траве забвенья» не безлики и отнюдь не бездушны. Повествователю они вовсе не враги.

Отметим, что, при всех различиях, в повести и мемуарах есть общий мотив. Это чудесное избавление от расстрела в чекистском гараже.

В июне 1980 года «Новый мир» опубликовал повесть Катаева «Уже написан Вертер». Она стала литературной сенсацией: даже сейчас непонятно, каким образом автору и редактору журнала удалось преодолеть цензурные препятствия. Вновь описана деятельность Одесской ЧК, только без обычных в советской литературе экивоков. Или почти без.

Герой – молодой художник, из гимназистов, на исходе мировой войны стал юнкером, в офицеры выйти не успел. В 1920 году арестован: был с участниками заговора связан, причем следила за ним жена – осведомительница ЧК. Бывший юнкер ждет смерти: в гараже под стук мотора продолжают расстрелы. Спасет арестанта известный писатель, в прошлом эсер-боевик, товарищ чекистского начальника, вовремя ставшего больше-

виком. Некогда оба бежали с каторги, и чекист обязан писателю жизнью, почему и выполняет просьбу. Избежавший смерти числится – официально – расстрелянным, и мать, получив известие о гибели сына, умирает. Он бежит из города, но перед этим успевает о чудесном избавлении рассказать жене, которая сразу и доносит на своего начальника. Жертвами «красного террора» окажутся и чекист, и писатель, и осведомительница.

Сотрудники ЧК в повести тоже отнюдь не безлики и не все бездушны. Но все – своего рода детали механизма уничтожения.

Отметим, что и здесь есть мотив чудесного избавления от неминуемого расстрела в чекистском гараже. Различия лишь на уровне конкретики.

Катаев неоднократно объяснял, почему вновь и вновь возвращался к чекистской теме. Друг был чекистом, благодаря его заступничеству из тюрьмы вышел.

Информация, кстати, была отнюдь не конфиденциальной. Так, С.З. Лущик, комментировавший повесть «Уже написан Вертер», отметил: «В одной из многих устных легенд, бытовавших в Одессе после гражданской войны вплоть до 80-х годов, рассказывалось, что В. Катаев, который был арестован как белый офицер, ожидал расстрела, но его спас кто-то из чекистов, причастный к литературным кругам»².

Было известно даже имя. Его не раз называл писатель в частных беседах и публичных выступлениях – Яков Бельский.

Сын писателя – П.В. Катаев – отцовские рассказы воспроизвел в мемуарах. Причем достаточно подробно: «Итак, двадцатые годы, тюрьма, и отец, ждущий своей участи.

Собственно говоря, спасти заключенного может только чудо.

И чудо происходит.

На очередном допросе его узнает один из чекистов (фамилия известна), завсегдатай поэтических вечеров, в которых в числе прочих одесских знаменитостей (их имена также хорошо известны) всегда участвовал молодой и революционно настроенный поэт Валентин Катаев.

Это не враг, его можно не расстреливать.

И отец оказывается на свободе.

Чекист, спасший жизнь молодому одесскому поэту, – Яков Бельский.

Он сам – талантливый художник. Так же, как и отец, и многие другие художники и литераторы, он перебирается в Москву, работает (не отвечаю за точность этих данных) в газете «Вечерняя Москва».

Дружба с отцом и другими одесситами в Москве продолжается...»

По семейным преданиям, Бельский и Катаев были давними и близкими друзьями. Так, сын писателя отметил: «Мама вспоминает, что Бельский намеревался написать ее портрет. Может быть, это и произошло бы, но чекист Бельский был в конце тридцатых годов арестован своей организацией».

Ссылаясь на воспоминания родителей, Катаев-младший утверждал, что хорошо представляет себе, о ком шла речь. Да, это «реальный образ реального человека». А с другой стороны, «в нем была какая-то тайна».

Бесспорно, тайна была. Другие упоминания о Якове Бельском истории литературы и краеведы искали в течение почти что полувека. Однако – не обнаружили. Как писал Катаев-младший, «словно бы он вообще не существовал».

Такой вывод явно противоречил семейным преданиям. И мемуарист резюмировал: «Но он же существовал!»³.

Да, существовал. Есть тому и документальные подтверждения. Так, Валентин Катаев подарил Одесскому литературному музею фотографию с надписью на обороте: «Слева направо Багрицкий, Катаев, Яша Бельский. Какой год – не помню. Это может быть и 25, и 26, а может, даже 31 (хотя вряд ли)»⁴.

Э. Багрицкий, В. Катаев, Я. Бельский. 1925 (?)

Тут был и вполне прозрачный намек. Упоминание об Эдуарде Багрицком отсылало к вышедшему в 1936 году сборнику воспоминаний о нем. Один из мемуарных очерков, озаглавленный «Эдуард в Николаеве», написан Яковом Бельским. Автор говорил о себе как о друге Багрицкого. И сообщал, что они с Багрицким вместе работали в газете «Красный Николаев»⁵.

Таким образом, Катаев ставил знак равенства между одесским чекистом и николаевским журналистом, автором очерка. Писатель объяснял: вызволивший его в 1920 году из тюрьмы был другом и Багрицкого.

Имя журналиста и художника Якова Бельского с начала 1970-х годов изредка упоминалось в мемуарах – параллельно с рассказами Катаева. Некоторые из этих мемуаров достигли печати.

В 1970 году киевский журнал «Радуга» опубликовал подборку николаевских стихов Багрицкого. Ей была предпослана статья М.И. Божаткина. Автор, ссылаясь на воспоминания «николаевских старожиллов», писал о Якове Бельском, художнике, поэте и редакторе «Красного Николаева»⁶. В 1973 году вышел из печати сборник «Эдуард Багрицкий. Воспоминания современников». Очерк «Эдуард в Николаеве» есть и в этом издании⁷.

Семь лет спустя опубликованы воспоминания Исаака Абрамского, в 1930-е годы заведующего редакцией журнала «Крокодил». Мемуарист рассказал о Якове Бельском, который «активно сотрудничал в украинской печати», а затем перешел в «Крокодил» – «заместителем редактора которого он являлся». Абрамский включил в мемуары один из журналистских текстов Бельского⁸.

В 1996 году вышли из печати мемуары театрального критика и историка театра Александра Мацкина, работавшего в середине 1920-х годов в харьковской периодике. В мемуарах был еще раз поставлен знак равенства между журналистом и одесским чекистом, спасителем Катаева. Каких-либо ссылок на свидетельства Катаева у Мацкина нет.

«У нас в газете “Пролетарий”, – вспоминал Мацкин, – заместителем редактора был Яков Бельский... Я с ним дружил, вместе впервые в жизни ездил на курорт, бывал у него дома. Но не знал и никогда бы не догадался, как начиналась его государственная служба. У него в комнате на стене было много фотографий; одна из них привлекла мое внимание – на ней я увидел Валентина Катаева и странную размашистую надпись. Точного

текста не помню, только смысл: такой-то вернул мне жизнь. Бельский, заметив мое удивление, объяснил, что в годы гражданской войны, еще юношей, он стал большим начальником в Одесской ЧК. Катаев же по призыву попал в белую армию, в какой-то роковой момент его посадили, но Бельский пришел к нему на выручку и действительно его спас»⁹.

В 2010 году в Киеве были опубликованы мемуары украинского писателя Юрия Смолича «Мозаїка. 3 тих років (курйози)» («Мозаика. Из тех лет (курьезы)»). Смолич, живший в 1920-е годы в Харькове и тоже знавший Бельского, утверждал: «художник-сатирик, карикатурист», впоследствии – член редколлегии «Крокодила» был хорошо известен в кругу украинских литераторов. Смолич писал о манере Бельского одеваться, о «странностях» в его поведении. Рассказы Мацкина и Смолича дополняют друг друга¹⁰.

Последний «след» Бельского – в «Расстрельных списках», опубликованных в сети Интернет обществом «Мемориал». Там сказано: «Родился в 1897 г. в Одессе; еврей; образование среднее; член ВКП(б); фельетонист в газете “Вечерняя Москва”. Проживал: Москва, ул. Петровка, д. 26, кв. 110. Арестован 26 июля 1937 г. Приговорен: В[оенной] К[оллегией] В[ерховного] С[уда] СССР 5 ноября 1937 г., обв[инен в] участии в троцкистско-зиновьевской террористической организации, совершившей в 1934 г. убийство Кирова. Расстрелян 5 ноября 1937 г. Место захоронения – Москва, Донское кладбище. Реабилитирован 20 июня 1990 г. Пленумом Верховного Суда СССР»¹¹.

Таким образом, разгадка «тайны» Якова Бельского проста. Советскими установками были запрещены упоминания в печати о «нереабилитированных». Бдительность цензоров перехитрить редко кому удавалось. Вот и в данном случае единичны исключения. Лишь после официального признания невинности Бельского он перешел в категорию «упоминаемых». Однако мало осталось тех, кто помнил о нем.

Катаев-старший не имел формально права добиваться оправдания Бельского – родственником не был. Однако напоминал о друге, поиски инициировал. До реабилитации не дожил четырех лет.

Сын писателя, пересказав версию, предложенную отцом, отметил, что ему «недавно», т.е. незадолго до завершения книги, звонил журналист, «который занимается историей Одессы первых лет советской власти. Он интересовался Бельским»¹².

Звонившему Катаев-младший сообщил, что знал. Но журналисту даже в архивах «так и не удалось напасть на след Бельского».

Между тем почти все учреждения, где работал Бельский, названы задолго до выхода мемуаров сына писателя. Благодаря этой книге к соответствующему списку добавлен лишь один пункт – газета «Вечерняя Москва».

Другое дело, что свидетельства не были вовремя собраны и осмыслены. Причем в первую очередь теми, кто мог бы это сделать. Так, в 1989 году фотографию, подаренную Одесскому литературному музею, опубликовал Б.Е. Галанов. Но в опубликованной версии нет Бельского: его изображение попросту отрезано¹³.

Сам ли Галанов принял решение, цензор ли посоветовал – теперь не выяснить. Но в итоге все свидетельства дружбы известных писателей с Бельским либо оставались незамеченными, либо игнорировались. Получилось, как писал Катаев-младший, «словно бы он вообще не существовал».

Далее уже действовала своего рода инерция. Некоторые азартные интерпретаторы объявили Бельского «мифической фигурой» и начали выявлять прототипы, «скрытые» под этим именем. Тут и председатель ВЧК Феликс Дзержинский, и его наиболее известный в литературных кругах сотрудник – Яков Блюмкин. Хотя бы потому, что могли бы кого угодно выволочь из одесской тюрьмы.

Впрочем, наиболее вероятным прототипом сочтен бывший акмеист, ставший партийным функционером, Владимир Нарбут. Он в 1920–1921 годах одесской советской печатью занимался, вот и писателя освободил. Неясно, правда, как это удалось, полномочий ведь не было. Однако аргумент опять найден: «Кто сказал, что Нарбут занимался в Одессе только журналистикой и не выполнял других заданий?»¹⁴.

Специалисты, разумеется, не принимали всерьез подобные аргументы. Так, еще в 1963 году Бельский был упомянут в справочнике «Советская сатирическая печать» С.И. Стыкалина и И.К. Кременской. Сообщалось, что он был «ведущим сатириком» и художником журнала «Бурав», приложения к газете «Красный Николаев», а также иллюстратором харьковского сатирического журнала «Червоний перець». Стыкалин и Кременская даже привели один из псевдонимов, которым часто пользовался Бельский, – Я.Б.

М.А. Котова и О.А. Лекманов в 2004 году в комментарии к роману «Алмазный мой венец» указали: «Близким приятелем Багрицкого и К[атаева] был одесский чекист Яков Бельский».

Комментируя в 2010 году текст Юрия Смолича, киевская исследовательница Я.В. Цымбал сетовала, что установить, кто такой Бельский, не удалось – как не удалось и обнаружить его следов в журнале «Крокодил». Тем не менее исследовательница правильно соотнесла имя фигуранта мемуарного текста с именем спасителя Катаева. Цымбал утверждала: «Імовірно, йдеться про чекіста Якова Бельського, талановитого художника. Завідний гість поетичних вечорів в Одесі 1919 року, Яків Бельський врятував від розстрілу арештованого за участь в антибільшовицькій змові молодого письменника Валентина Катаєва. Згодом Катаєв і Бельський перебралися до Харкова, потім до Москви. За спогадами сина письменника Павла Катаєва, Бельський нібито працював у газеті “Вечерняя Москва”, у кінці 1930-х репресований і розстріляний».

Друг одесских литераторов упомянут и историком Одесской ЧК О.И. Капчинским. В 2013 году он опубликовал статью, посвященную одному из чекистов, в которой речь шла и о Бельском. Сказано, что он, демобилизовавшись, «станет сотрудником ряда московских изданий, в том числе журнала “Крокодил”, и будет расстрелян в 1930-е годы»¹⁵.

Наследие Бельского состоит из большого количества журналистских работ, художественных произведений, карикатур и рисунков. Решение проблемы собирания и осмысление этого наследия – дело будущего. Для начала мы попытались восстановить – на основе и архивных документов, и материалов периодики – основные этапы его биографии.

Мы благодарим коллег – историков, филологов, краеведов, архивистов из разных стран: России, Украины, Молдовы, Америки, Германии. Тех, чьи советы и бескорыстная помощь в научном поиске и обработке материала помогли в работе: Л.Г. Белоусову, Е.Г. Гейтан, Н.Ю. Казакову, О.И. Капчинского, М.А. Мельник, Ю.В. Латыша, С.З. Лущика, И.И. Ниточко, М.П. Одесского, И.Б. Озёрную, В.Г. Перельмутера, К.С. Петропавловского, А.Ю. Розенбойма, М.Л. Спивак, С.Е. Эрлиха.

Особая благодарность – Е.Л. Яворской и А.Г. Готовцевой, стоявших у истоков исследования. Без их консультаций и каждодневной поддержки работа в принципе не могла бы состояться.

ЧАСТЬ I. Одесса

*...Кто-то взял его некогда за плечо и повел,
но не в гараж, а в другую сторону...
и он понял, что жизнь его спасена.*

В.П. Катаев. «Уже написан Вертер»

«Бурсак из архитектурного отделения»

Катаев-младший, рассказывая об отцовском друге, сетует: «Ну вот, скажем, фамилия – Бельский. Известно, что это псевдоним, а вот какая же настоящая?.. настоящая фамилия Бельского была мне не известна».

Мемуарист прав. Бельский – это действительно псевдоним. Согласно данным регистрации и перерегистрации коммунистов начала 1920-х годов, настоящая фамилия – Биленкин. Из метрических книг одесского раввината следует, что Яков Биленкин родился в Одессе 8 августа 1897 года. Родители – бердичевский мещанин Мошко Мордков Биленкин и его жена Ципойра.

Правда, в позднейших анкетах он указывал другую дату своего рождения – 15 августа. Согласно метрической записи, в этот день он был обрезан. С чем связано расхождение в датах, установить не удалось.

О своем детстве и юности Биленкин рассказывал несколько раз. Прежде всего – в автобиографии 1921 года, составленной перед так называемой партийной чисткой. Там сказано: «Родился я в 1897 г. в мещанской семье гор[ода] Одессы. Отец был агентом страхового общества. Умер отец в 1908 г., с какового периода я в возрасте 10-ти лет очутился на содержании брата, дававшего частные уроки»¹⁶.

Сведения автобиографического характера есть и в его прозе. Так, в рассказе «Американское наследство» сообщается: «После смерти отца мы поселились в четырехэтажном кирпичном доме на Базарной улице».

Финансовое положение семьи резко ухудшилось. Повествователь и его семья «были самыми бедными в этом бедном доме на Базарной улице. У нас не было отца. Старший брат, студент, был репетитором и целый день бегал по урокам. Он должен был содержать семью и потому никогда не мог ходить на Ланжерон, к морю. Я его очень жалел. Иногда по утрам мать советовалась шепотом со старшей сестрой. По их озабоченным лицам я определял, что денег в доме нет. В таких случаях сестра долго бегала по квартирам соседей и приносила одолженный рубль в носовом платке».

Сведения о ближайших родственниках Якова Биленкина крайне скудны и противоречивы. Имени сестры автор «Американского наследства» не сообщил, зато поведал, что брата звали «Моней». В очерке «Эдуард в Николаеве» он снова упоминал о брате, которого на этот раз называл «Арчибальдом»; «Арчибальд», согласно очерку, хорошо знал Багрицкого.

Еще одно упоминание о родственниках чекиста присутствует в мемуарах П.В. Катаева. Сын писателя, ссылаясь на свидетельство поэта, переводчика и мемуариста, уроженца Одессы С.И. Липкина, утверждал: «Еще до войны (и, разумеется, до так называемого распада Советского Союза) в одной из среднеазиатских столиц судьба столкнула Липкина с ответственным работником отдела пропаганды республиканского комитета коммунистической партии. Фамилия этого товарища была Беккер, и он представился Липкину как родной брат Якова Бельского.

Он рассказал, что в двадцатом году его брат, чекист Яков Бельский, вытащил их одесской тюрьмы и тем самым спас от неминуемого расстрела земляка Липкина, ныне знаменитого писателя Валентина Катаева»¹⁷.

Свидетельство это странное: не указана ни «столица», в которой происходила встреча, ни имя «Беккера», ни время разговора. Кроме того,стораживают и некоторые детали в изложении: так, Липкин явно не понимал, что спаситель Катаева – одессит. Более того, не в курсе происхождения чекиста оказался и «Беккер», сообщивший, что его брат спас «земляка Липкина». Естественно, существование «Беккера» документального подтверждения не получило.

Точные данные содержит «Анкета арестованного», которую Биленкин заполнил после ареста в 1937 году. Согласно анкете у него было два брата и сестра – Марк Михайлович, Арон Михайлович, Ида (Ита) Михайловна. Марк и Ида русифицировали фамилию, стали Белянкиными, Арон же фамилию сохранил¹⁸.

О Марке известно, что с начала 1920-х годов он жил в Москве, служил заместителем секретаря, а затем секретарем и инспектором постоянного представительства УССР при правительстве СССР. Из Москвы к 1937 году он не уехал и жил на Арбате¹⁹. Скорее всего, в «Американском наследстве» под «Моней» имелся в виду именно он.

Арон, по-видимому, был журналистом и в середине 1920-х годов работал вместе с Яковом в газете «Красный Николаев», где заведовал отделом рабочей жизни. Не исключено, что именно ему принадлежал газетный псевдоним *Арче* (*Арчи*), которым подписано множество статей

Николаевской газеты – и в этом случае понятно появление «Арчибалда», приятеля Багрицкого, в очерке «Эдуард в Николаеве». Вполне возможно также, что этот брат стал прототипом одного из героев фильма «Поэт» (1956). Фильм посвящен гражданской войне на юге России и снят по сценарию Катаева. Арон Гуральник, поэт и хозяин конспиративной квартиры, в которой собирались большевики-подпольщики, занимался литературным творчеством под псевдонимом *Арчибалд*²⁰.

Оба брата в конце 1930-х годов были беспартийными. В 1937 году, в момент ареста Якова, Арон жил в Харькове, а Ида – в Одессе, где работала «модисткой».

Точных сведений о том, как и где Яков Биленкин познакомился с будущими знаменитыми одесскими литераторами, и прежде всего с Катаевым, отыскать не удалось.

Вряд ли с Катаевым они могли дружить с детства: детство у русского сына надворного советника и выходца из бедной еврейской семьи было, конечно, разным. Однако их детское знакомство исключить невозможно: несмотря на разность происхождения, общие интересы у них все же были.

В мемуарной книге «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона» Катаев подробно останавливался на повальном увлечении одесских мальчишек начала XX в. – французской борьбе. Он описывал, в частности, знаменитого «дядю Ваню», Ивана Лебедева, борца и арбитра, организатора турниров: «И вот наконец среди тишины ожидания, достигшего высшей точки, из прохода вальжной походкой охотнорядца вышел знаменитый Дядя Ваня в синей поддевке со сборками сзади, в сапогах, мещанском картузе, с закрученными усами... обернулся к занавесу и крикнул властно и вместе с тем бархатно:

– Парад аллэ!

В тот же миг занавес волшебным образом приоткрылся и оттуда на арену под звуки грянувшего марша стали один за другим выходить борцы, раскачивая голыми локтями, согнув могучие спины, и, обойдя арену, останавливались, образуя круг.

– На всемирный чемпионат французской борьбы прибыли и записались следующие борцы, – объявил Дядя Ваня, оглядел сверху донизу переполненный цирк и, как продавец, показывающий лицом свой лучший товар, стал не торопясь называть имена борцов...

– Чемпион мира волжский богатырь Иван Заикин, бросивший на лопатки в Саратове до тех пор никем не победимого красавца из царства Польского, привислинского богатыря Пытлясинского, который с тех пор, потрясенный горем, перестал участвовать в чемпионатах и удалился в частную жизнь, открыв в Одессе гимнастическую школу для недоразвитых подростков!..

Он был большой остряк, этот Дядя Ваня по фамилии Лебедев, и охотно отвечал на вопросы публики.

Например:

– Дядя Ваня, почему в чемпионате не участвует Сальватор Бамбула?

– Чемпион Экваториальной Африки борец среднего веса Сальватор Бамбула в данный момент болеет корью и находится на станции Жмеринка под наблюдением опытных детских врачей».

Детские впечатления Биленкина были сродни катаевским: он тоже увлекался французской борьбой и успел – в начале 1930-х годов – написать об этом воспоминания. «Ваня Лебедев», «с которым когда-то вся Россия была на “ты”», волновал и его детское воображение:

«В русской поддевке и картузе он появлялся по вечерам на цирковой арене. Его мощный бас катился от трибуны до галерки, описывая кривую где-то высоко, под куполом цирка, и замирал таинственным эхом у портьеры кулис, где стояли закутанные в халаты борцы.

– Пятнадцатый день международного чемпионата французской, вольно-американской и других борьб, – важно говорил дядя Ваня. – В чемпионате участвуют чемпион мира Георг Лурих – Ревель, чемпион мира, волжский богатырь Иван Заикин, еврейский чемпион Грингауз – Одесса... Парад алле!

И по свистку арбитра, под звуки «Марша гладиаторов», переваливаясь с ноги на ногу, шли борцы. При каждом имени раздавался одобрительный гул, вспыхивали пламенем яркие букеты и слышались вздохи дам.

Кто-то кричал с галерки:

– Дядя Ваня, а почему нет Кашеева?

– Простудился, получил коклюш и лежит в детской больнице, – гудел дядя Ваня.

Удачный ответ избавлял его от необходимости раскрывать перед требовательной толпой тайны чемпионата».

Вполне возможно и раннее знакомство Биленкина с Багрицким: в детстве оба они жили «на Базарной улице». Ида Белянкина, не уехавшая

из родного города, и в 1936 году продолжала жить по адресу Базарная улица, д. 49, кв. 25. Вполне возможно, что это была та самая квартира, в которой вырос будущий художник и чекист.

Багрицкий, старший Биленкина на два года, любил собирать вокруг себя «компанию из еврейских мальчиков», которая «все свое время проводила вне дома, на море или пляже»; ее участники «сильно хулиганили»²¹.

В 1911 году, в 14 лет, Яков Биленкин, младший ребенок в семье, начал самостоятельную жизнь. Он стал учиться в Одесском художественном училище, знаменитом своими преподавателями и выпускниками.

В момент поступления Биленкина в это учебное заведение его полное название звучало следующим образом: «Имени Великого князя Владимира Александровича Художественное училище Общества изящных искусств в Одессе» и располагалось по адресу Преображенская улица, д. 14.

Училище состояло «в ведомстве Министерства императорского двора и уделов и в ближайшем ведении Императорской Академии художеств». Оно было основано в 1865 году – как Одесская рисовальная школа, 30 декабря 1899 года Николай II утвердил устав училища. Покровительствовал училищу дядя императора, великий князь Владимир Александрович, известный меценат и президент Академии Художеств. Когда в 1909 году Владимир умер, училище стало носить его имя.

«Художественное училище Общества изящных искусств в Одессе, будучи средним художественным учебным заведением, имеет целью сообщать своим ученикам полную научную и художественную подготовку для прохождения ими курса Высшего Художественного училища при Императорской Академии Художеств», – гласил устав. Директором училища, назначенным на эту должность Академией Художеств, был Александр Попов – известный живописец, один из основателей Товарищества южнорусских художников. Среди педагогов было много незаурядных художников, скульпторов и архитекторов; все они были «избраны и утверждены» в своих должностях той же Академией Художеств.

При поступлении в училище не было ни социальной или религиозной, ни гендерной дискриминации: принимались «лица обоего пола», «всех званий и вероисповеданий». Требования к поступающим заключались в наличии творческих способностей, достижении 12-летнего возраста и возможности оплачивать обучение. Воспитанники платили 70 рублей в год; плата эта не менялась с 1899 года.

Те, кто смог успешно сдать вступительные экзамены, становились студентами одного из четырех отделений: живописи, скульптуры, гравирования и архитектуры.

Учили в Одесском художественном училище – согласно программам – серьезно. «Классы», в которых велось обучение, подразделялись на «художественные» и «научные».

Программа «научных» классов в целом соответствовала программе реального училища. Согласно ей воспитанникам преподавали Закон Божий – «с обращением особого внимания на историю Христианской Церкви», русский язык, русскую и зарубежную литературы, арифметику, геометрию, иностранные языки, всеобщую и отечественную историю и географию. Причем историю преподавали «с обращением особенного внимания на бытовую сторону исторических народов», а в преподавании географии упор делался на изучение быта «современных народов». Преподавали будущим художникам, скульпторам, граверам и архитекторам «историю изящных и прикладных искусств», анатомию, перспективу и проекционное черчение.

В художественных классах преподавали «элементарное и орнаментное рисование», «рисование гипсовых голов», «рисование гипсовых фигур», «рисование, живопись и лепку человеческих фигур с натуры», а также специальные предметы, различавшиеся в зависимости от отделения.

Архитектурное отделение, на котором, собственно, и учился Биленкин, считалось в училище самым «фундаментальным»: полный курс обучения в нем составлял 7 лет, в то время как на других отделениях учили на год меньше. И общеобразовательная, и «художественная» программы были у архитекторов более сложными, чем у остальных студентов. Их учили «началам начертательной геометрии, перспективного черчения и теории теней», «съемке планов с натуры и нивелированию», особенностям «строительных материалов» и «составлению смет». Согласно уставу воспитанники училища могли свободно переводиться с отделения на отделение – однако для перевода на архитектурное отделение следовало сдать дополнительный экзамен.

Все выпускники, успешно сдавшие экзамены, получали аттестат «на звание учителя рисования и черчения в средних учебных заведениях» и «право поступления в Высшее художественное училище при Академии Художеств». Те же, кто оканчивал архитектурное отделение, получали и «звание техника по своей специальности»²².

О том, как учился Яков Биленкин, какие получал оценки, сведений обнаружить не удалось. Но, став студентом архитектурного отделения, он провел в стенах училища вместо положенных семи всего 6 лет. Соответственно, он поступил не в первый, а сразу во второй класс – такую возможность устав предусматривал. При этом ему пришлось сдать достаточно серьезный для 14-летнего подростка вступительный экзамен. А следовательно, он умел и любил учиться – и цену образованию, скорее всего, понимал.

Судя по его анкетам и позднейшим литературным и журналистским произведениям, Биленкин был хорошо образован, знал несколько иностранных языков, любил поэзию и разбирался в ней. И сам писал стихи и прозу. Перечисляя в одной из позднейших анкет свои дореволюционные занятия, он указал, что «организовывал библиотеки, кружки», а также «работал в прессе»²³.

Много десятилетий спустя об училище, «одесской бурсе», вспоминал его выпускник, журналист Лазарь Митницкий – друг и коллега Якова Биленкина. Митницкий, в частности, писал об антагонизме студентов-живописцев с «бурсаками из архитектурного отделения»: «специальность живописца представлялась им (студентам-архитекторам – О. К., Д. Ф.) эфемерной, хлебом из воздуха, рагу из рыбьей чешуи, “пшиком”, обрекающим легкомысленных приверженцев кисти на вечный голод и скитания в поисках меценатов»²⁴.

Биленкин, по-видимому, разделял скепсис «архитекторов» по адресу «живописцев». Вряд ли он собирался после окончания «бурсы» ехать в Петербург и получать высшее образование в Академии Художеств. Зарабатывать на обучение и на жизнь ему пришлось самостоятельно: согласно анкетам в годы учения он «сам себя содержал частными работами»²⁵. Денег на продолжение обучения в столице взять ему было неоткуда, а еврейское происхождение делало возможность получения академического образования и вовсе эфемерной.

Яков Бельский.
Автошарж (1927)

Не случись войны и революции, его судьбой, скорее всего, была бы судьба одесского архитектора, проектирующего частные дома и дачи богатым горожанам. Вполне возможно, что эту работу он совмещал бы с писательской и журналистской деятельностью. Как писатель он вполне мог бы добиться успеха и признания.

Конечно, ему пришлось бы испытать на себе всю несправедливость социального положения российских евреев. Но, с другой стороны, профессии и архитектора, и литератора были хлебными, они сулили в будущем немалые финансовые возможности.

Однако карьерные планы, которые наверняка строил юный «бурсак», оказались разрушены ходом истории.

В 1917 году, получив аттестат об окончании училища, девятнадцатилетний «техник-архитектор» был призван в армию – «что совпало с февральской революцией». Согласно анкете 1936 года, он был рядовым «194-го стрелкового полка». Здесь память явно подвела Биленкина: стрелкового полка с таким номером в русской армии в Первую мировую войну не было. Очевидно, имелся в виду 194-й пехотный Троицко-Сергиевский полк, входивший в состав 49-й пехотной дивизии и воевавший на Румынском фронте.

Долго воевать Биленкину не пришлось: он попал под влияние известного одесского революционера Моисея Кангуна, который «вел... работу по разложению инженерных частей». «Вскоре после этого был приказ об аресте Кангуна, и он скрылся, через некоторое время, в июне (1917 года. – О. К., Д. Ф.), должны были взять и меня, но я бежал в Одессу», – сообщал он в автобиографии 1921 года²⁶.

«Красный Октябрь пришел»

Дезертировав с фронта, Биленкин появился в родном городе. Шесть лет спустя он вспомнит предреволюционную Одессу: «Начало октября 17-го года. Власти в городе нет. Бродят по улицам стайки бежавшего с фронта офицерства. Где-то заседает никому не нужная демократическая дума. За вокзалом шатаются пьяные гайдамаки (вооруженные сторонники Украинской народной республики, возглавлявшейся Центральной радой. – О. К., Д. Ф.). На Пересыпи идут митинги. Бúхают одиночные выстрелы. Испуганный обыватель носа не кажет. Двигутся одиночные красногвардейцы – на Торговую № 4 – там штаб. Искоса поглядывают друг на друга прохожие, друг друга боятся, никому не верят... В двери Одессы стучится Красный Октябрь»²⁷.

Согласно автобиографии в Одессе Биленкин «вступил в Красную гвардию, в полусотню молодежи». В рядах Красной гвардии участвовал в «уличных боях с гайдамаками» января года. Об этих боях он впоследствии тоже будет вспоминать в мемуарном тексте:

«– Завтра нам начинать. Петербург, Москва уже наши – нужно взять и Одессу. Может, кто сомневается, пусть скажет сегодня, а не завтра...

Вышел один молодой рабочий – Златопольский.

– Я сомневаюсь – вот ружье. Не могу идти...

Но завтра, когда наши цепи потянулись на рассвете из подвала, он не сомневался.

Его высокая фигура виднелась впереди, в руке была тяжелая берданка.

Под непрерывный треск пулеметов мы подходили к гимназии Ковальчука (в этом здании располагался штаб гайдамаков. – О. К., Д. Ф.). Через час там взвился красный флаг, через два – наступали на вокзал.

Шли осторожно, цепляясь за каждый выступ стены, но и это не помогало.

Падали. Шли.

Первым упал Златопольский, но ведь сегодня он не сомневался.

Тяжелые двери были сорваны – Красный Октябрь пришел»²⁸.

Но радость от прихода «Красного Октября» вскоре исчезла. Началась гражданская война: «Очень уж быстро все это вышло. Был царь, урядник, писарь и вдруг всего этого не стало... Раз нет царя, хлопцы старосте повыбивали зубы, напились пьяными и вместе с “дизентирами” попадаю за титьки к реке поволокли и там надругались над ней хлюстом. Поп повесился».

Когда на Украине появился гетман Павел Скоропадский с «немчурой», «революционер» Микешка Хитрук, герой повести «Перекаты», «лазил ночами по хатам и говорил дядькам, чтоб ховали зерно, если что... После масленой его схапали и повесили, а на грудь прицепили досточку с надписью “бальсовик”. Батька ночью хотел его со столба снять, чтоб по-христиански похоронить, а австрийский часовой его самого из винта хлопнул. Один висел с вылупившимися глазами, а другой снизу лежал с пробитой головой, и собаки кусок носа и оба уха отъели»²⁹.

В биографии Якова Биленкина 1918–1919 годов, когда и в Одессе, и по всей Украине много раз менялась власть, много неясного. В партийной анкете 1936 года он указал, что с марта 1918 по апрель 1919 года не покидал родной город, поскольку продолжал образование. В 1918 году

Одесское художественное училище получило статус высшего учебного заведения, Академии. Соответственно, доучившись, он мог получить высшее образование.

Однако в автобиографии 1921 года Биленкин изложил другую версию событий: незадолго до занятия Одессы немцами и австро-венграми, сторонниками Скоропадского, он «заболел» и потому «застрял» в городе. Затем, «по выздоровлении», «бежал в Подольскую губернию, так как преследовался австро-германцами», «скитался по разным местечкам, перепробовав все профессии». «В этот период активной работы от партии я не проводил, но был с ней связан», – констатирует Биленкин³⁰.

Между тем, в 1923–1924 годах на страницах газеты «Красный Николаев» опубликован его роман «В пламени борьбы», посвященный установлению советской власти на Украине. Многие события романа происходят в Киеве в правление гетмана Скоропадского.

Автор обнаруживает немалую осведомленность в жизни гетманского двора и дипломатических миссий при этом дворе, в частности в деятельности советской миссии. Миссию эту возглавляли три высокопоставленных чиновника-дипломата: Дмитрий Мануильский, Христиан Раковский и Иосиф Сталин. Целью советской дипломатии в Киеве было заключение мирного договора между Советской Россией и гетманской Украиной; переговоры окончились безрезультатно.

Согласно роману деятельность советской делегации интриговала киевлян, «стекавшихся толпами» к гостинице «Марсель», «на высоком шпиле» которой «реял красный флаг, привлекая своим цветом сотни любопытных и зевак». Киевляне приходили «поглазеть на делегатов далекой и страшной, по описаниям желтых газет, Совдепии».

Но из гостиницы «выходили обыкновенные “человеческие” люди в европейских фраках, и только непроницаемые лица гигантов-латышей, вооруженных по последнему слову, вызывали в толпе возгласы изумления. Уж очень не вязались шелковые галстуки с увешанными оружием фигурами северных богатырей. Доктор Шагов и Дмитриев, говорившие на нескольких языках, типичные европейцы, рядом с этим олицетворением силы оглушали киевлян непривычным еще лицом загадочной Совдепии.

Не раз смельчаки из лагеря белых совершали лихие набеги на “Марсель”, но всегда спокойные латыши обращали их в паническое бегство. Шли долгие, нескончаемые споры о границах, которые очень просто разрешались потом колесом истории».

Автор на удивление точен в деталях: камнем преткновения на переговорах действительно оказался вопрос о границах, советская делегация действительно жила в гостинице «Марсель» на Бибикивском бульваре, делегацию действительно охраняли коммунисты-латыши, на гостиницу действительно нападали местные противники большевизма – а латыши эти нападения отбивали и т.п.³¹

По-видимому, эта осведомленность отражала реальный опыт Биленкина: можно предположить, что в правление Скоропадского он не только «скитался» по Подольской губернии, но и достаточно долго жил в Киеве. При этом пребывание в Киеве не было связано с работой в большевистском подполье: скрывать эту работу в позднейших анкетах ему не было никакого смысла. Скорее всего, он имел прямое отношение к деятельности советской делегации.

Согласно автобиографии «незадолго до падения гетмана», то есть осенью 1918 года, когда неудача переговоров была уже очевидна, Биленкин «вернулся в Одессу» – и только после этого попытался продолжить учебу.

Но высшего образования он так и не получил: «продолжая учиться в Академии художеств», он «активно работал». Учиться было уже некогда: «работа» его сводилась, судя по той же автобиографии, к организации студенческих забастовок и формированию «отряда из 25 студентов» для борьбы с занявшими Одессу интервентами. Интервенты ушли из города в начале апреля 1919 года. В «перевороте», сопровождавшем их уход, Биленкин со своим отрядом принял «активное участие». Студенты «с оружием в руках» отстояли «от эвакуации склады оружия и снаряжения на Пересыпи».

Но несмотря на столь насыщенную событиями жизнь, юный ревлюционер в это время, по его собственному признанию, серьезно «занимался живописью»³².

В апреле–мае 1919 года, после ухода интервентов и установления советской власти, Биленкин служил в одесском губисполкоме – в должности художника. Заведая при этом и художественной секцией исполкомовского агитпропа. Кроме того, бывший «бурсак» сотрудничал и с одесским окружным военным комиссариатом³³. Естественно, что главной задачей Биленкина была задача пропагандистская: в освобожденной от интервентов Одессе создавать наглядную агитацию пришлось с нуля.

Именно в этот момент источники начинают фиксировать псевдоним Биленкина, которым он потом будет пользоваться постоянно, – Я. Бель-

ский. Так подписаны два плаката, сведения о которых имеются в специальной литературе. Один из них, растиражированный как одесское агитпроповское издание, назывался «Вооруженный пролетарий завоеует весь мир для коммунизма», второй же – «Долой капитализм!» – вышел в издательстве военкомата.

На первом плакате изображена «фигура рабочего в голубом на фоне красного зарева. Правой рукой держит ружье, на штыке красный флаг; левой указывает вниз, на рядыдвигающегося войска». Под рисунком – стихи, переделанная цитата из «Рабочей Марсельезы» Демьяна Бедного:

Для последнего страшного боя
Все трудовые смыкайте ряды.

Второй же плакат изображал «рабочего в синем», который «замахивается молотом (в правой руке)». При этом «с шатающегося, расколотого пьедестала с надписью “Капитализм” валится трон, с трона падает вычурно одетая фигура во фраке и цилиндре». Рисунок тоже сопровождался стихами:

Спекулянт и всякий прочий
Жили чем? Чужим трудом!
А теперь восстал рабочий
И не хочет жить рабом!
Воеет прежний наш мучитель,
Стоном стонет капитал:
Пролетарий – победитель
Господином мира стал!

Всего с апреля по август 1919 года в Одессе было выпущено больше тридцати революционных плакатов; большинство из них были анонимными. Специалисты уверены: «Эти плакаты за весьма короткие сроки прошли большой и сложный путь развития». Поначалу они «повествовательны и статичны даже тогда, когда в них изображено какое-либо действие». Причины этой статичности усматривались в «манере лубочного письма» и «недостаточной технике плакати́ста».

Однако «статичность» оказалась лишь «началом поиска плакатной формы». «Плакатист» быстро набрался опыта: манера письма не изменилась, но для работ стало характерно «острое ощущение быстрого, все нарастающего движения», «простота и выразительность».

В мае 1919 года Биленкин ушел из губисполкома и агитпропа. Он вступил в партию и начал службу в политотделе 1-й Бессарабской стрелковой дивизии, где «заведовал художественной секцией политотдела». Дивизия эта просуществовала недолго. Созданная специально для революционного похода в Румынию, она была распущена в связи с наступлением Деникина – и невозможностью осуществить этот поход.

Но художественная секция дивизионного политотдела успела заявить о себе. В соответствующей литературе известен выпущенный ею плакат с подписью: «Ты – бессарабец, нужен 1-й Советской Бессарабской дивизии для освобождения твоих братьев, пострадавших под властью румын». На плакате изображена фигура «красноармейца в защитном костюме. Указательный палец правой руки и глаза его устремлены в зрителя. Большие красные буквы «ТЫ» наплывают на правую сторону фигуры». Плакат подписан псевдонимом *Яркий*.

В целом же работы, созданные и лично Биленкиным, и теми, кто рисовал вместе с ним и под его руководством, – действительно яркие образцы украинского революционного плаката, сохранившие «крепкую связь с местными художественными традициями». В соответствующие каталоги плакаты Биленкина вошли еще при его жизни³⁴.

Жизненная дорога художника-плакатиста – в месяцы работы в исполкоме и политотделе – неминуемо должна была пересечься с дорогами Катаева и Багрицкого. Катаев и Багрицкий в это время, как известно, – сотрудники Бюро украинской печати (БУП): «их частушки ходили по всей Украине. Их „петрушки“ собирали толпы на улицах и заставляли забывать о тифе и голоде». Катаев и Багрицкий – по крайней мере, на словах – ярые защитники большевизма, публично «кричавшие», что «они готовы умереть за советскую платформу»³⁵.

Общая деятельность на ниве ранней советской пропаганды вполне могла сблизить Биленкина с начинающими литераторами. Кроме того, П.В. Катаев утверждал со слов родителей, что будущий отцовский спаситель был завсегда одесских «поэтических вечеров»³⁶. Скорее всего, так оно и было.

Но карьера плакатиста не устраивала красногвардейца: шла гражданская война, и само существование советской власти вызывало большие вопросы. Должность в политотделе была только прикрытием для основной службы Биленкина, службы «секретного сотрудника» губернского Особого отдела. Отдел подчинялся военным властям Одессы и выполнял контрразведывательные функции³⁷.

Как известно, наступлению частей Деникина на Одессу сопутствовали мятежи и в самом городе, и в окрестных селах. Одним из руководителей антибольшевистского подполья, организовавшего эти мятежи, был полковник Александр Саблин, в прошлом – выпускник Пажеского корпуса, офицер гвардейской Конной артиллерии и участник мировой войны. Полковник возглавлял одну из одесских офицерских организаций, подчинявшихся Деникину. Впоследствии Саблин записал свои воспоминания: «План восстания возник и был разработан уже давно... Казалось, все шло прекрасно. Но тут вдруг и совершенно неожиданно стряслось несчастье. За день до предполагаемого выступления я и поручик Марков (командир отряда, составленного из недовольных большевиками местных крестьян. – О. К., Д. Ф.) были арестованы по оплошности одного из наших сотрудников, который попался на удочку чекиста, выдавшего себя за агента Колчака»³⁸. Саблина и Маркова арестовали 22 августа 1919 года, за день до прихода добровольцев.

Саблин ошибался: внедренный в организацию разведчик не был чекистом. «За агента Колчака» себя выдавал особист Яков Биленкин, скрывшийся под псевдонимом *Виктор Михайлович Бельский*. В автобиографии он с гордостью рассказывал об этом эпизоде своей службы: «Я раскрыл крупную контрреволюционную организацию полковника Саблина. Это было незадолго до переворота и даже ускорило его».

Однако занятие Деникиным Одессы предотвратить было невозможно. Кроме того, большевистские власти не успели расстрелять арестованных офицеров. Обстоятельства же освобождения офицеров представляли смертельную опасность для Биленкина: работавший «до последнего дня», он «попал в ту часть города, где были грузины, и не мог уехать»³⁹.

«Грузинская летучая пешая сотня особого назначения», состоявшая из представителей одесской грузинской диаспоры, подчинялась весной 1919 года коменданту Одессы Виталию (Витольду) Домбровскому. По преимуществу она состояла из «бывших спиртовщиков и громил, чьей

целью было скорее разбогатеть и с награбленным вернуться на родину»; бойцы сотни производили на современников впечатление «разнузданных и своевольных людей». В мае, после ареста Домбровского, обвиненного в связях с уголовными элементами, а впоследствии – и в шпионаже, грузинские вооруженные формирования частично слились с милицией, а частично – стали охранять Особый отдел.

23 августа в Одессе, на Большом Фонтане, высадился деникинский десант, одновременно началось и наступление добровольцев с суши. Грузинские формирования «раньше всех перекрасились в отряд белой контрразведки», в тот же день освободив, в частности, Саблина и Маркова. После этого грузины принялись арестовывать известных им коммунистов, чекистов и особистов. «За каждого пойманного большевика» они требовали от новых властей «приличное вознаграждение»⁴⁰.

Биленкин остался в городе и был вынужден «в продолжение 5 мес[яцев]» скрываться, «имея связь с партией». «Связь» эта, по-видимому, была слабой: деникинская контрразведка, с которой стали сотрудничать не только грузины, но и некоторые бывшие чекисты, быстро разгромила «партийное подполье». При деникинцах подпольщики занимались в основном сбором денег для выкупа из тюрьмы своих товарищей⁴¹.

Вопрос о том, каким образом особисту все же удалось спастись, не попасть в руки грузин и деникинцев, достаточно сложен. Очевидно, что *Виктора Бельского* искали, и искали серьезно. При этом контрразведке, разгромившей подполье, вряд ли стоило большого труда выяснить его настоящие имя и фамилию, место службы, домашний адрес и те адреса, где в принципе он мог скрываться. Вряд ли в случае ареста Биленкин мог рассчитывать на освобождение за выкуп: у гвардейского полковника были с ним личные счеты. За арестом последовал бы неминуемый расстрел.

Можно осторожно предположить: к спасению Биленкина имел отношение Валентин Катаев, надевший офицерский мундир и пошедший служить в Добровольческую армию. Для Катаева – офицера Первой мировой войны служба в добровольцах была вполне органичной. Однако для Катаева-литератора вполне органичной была и помощь попавшему в беду художнику.

Дом русского офицера, сына надворного советника, как раз и был тем местом, в котором вряд ли кто-то стал бы искать еврея-особиста. Если это предположение верно, то становится понятным, почему год спустя Биленкин, снова рискуя жизнью, будет добиваться освобождения друга

из тюрьмы. Спасая Катаева в 1920 году, он, скорее всего, отдавал долг 1919 года. Косвенным подтверждением этой гипотезы можно считать сюжетную канву повести «Уже написан Вертер»: чекист отпускает заключенного, отдавая «долг крови» спасшему его на каторге писателю.

Чекист

8 февраля 1920 года, когда добровольцы ушли из Одессы, Биленкин начал службу в Одесской ЧК, снова на рядовой должности разведчика. При этом ему пришлось восстанавливать партбилет, доказывать партийным органам Одессы, что *Виктор Бельский* и Яков Биленкин – одно и то же лицо. В итоге псевдоним стал частью фамилии. Согласно документам, с 1920 года его звали Яков Моисеевич Биленкин-Бельский (Бельский-Биленкин). В переписке и официальных бумагах можно встретить и другой вариант отчества – Михайлович.

С приходом красных Одесская ЧК занималась поначалу тем, что «отлавливала не успевших эвакуироваться белогвардейцев, в первую очередь, контрразведчиков и чинов государственной стражи, а также провокаторов, действовавших против подпольщиков». Однако в марте ситуация изменилась: из Москвы был прислан новый начальник Станислав Реденс, бывший секретарь Дзержинского, уже руководивший Одесской ЧК в 1919 году. Кроме него и его заместителей в Одессу «прибыли еще 76 сотрудников из Москвы, Саратова, Иваново-Вознесенска, Харькова и некоторых других городов».

Причина этого «чекистского нашествия» объяснялась просто: помимо прямых обязанностей – связанных с борьбой с «контрреволюцией» – чекистам пришлось воевать и с бандитизмом. О.И. Капчинский отмечает: «Специфика Одессы, в которой политика и уголовщина зачастую переплетались, накладывала определенный отпечаток» на работу чекистов⁴².

«Отпечаток» этот выражался еще и в том, что многие чекисты сами оказались связанными с криминальным миром. Одесская ЧК в 1919 году действовала, во многом опираясь именно на криминальные элементы, помогавшие ей в борьбе с «буржуазией». Кроме того, коммунисты, работавшие в подполье при Деникине и пришедшие в ЧК после этой работы, тоже оказались заложниками криминала. Реденс же, прибыв в Одессу, повел с бандитами борьбу. В августе 1920 года председателем Одесской ЧК стал Макс Дейч, приехавший из Москвы вместе с Реденсом и эту борьбу продолживший.

Дейч – и в истории ЧК, и в истории Одессы – фигура легендарная. Сын ломового извозчика из Двинска (Даугавпилса), он, согласно анкетам, «ни в каких учебных заведениях не учился» и образования не имел. Революционер, приговоренный к смертной казни, замененной вечной каторгой, эмигрировавший после побега с каторги в Америку, успевший побывать и рабочим, и «буржум» – владельцем американских столовой и прачечной, боевик Бунда и член Американской социалистической партии, Дейч вернулся в Россию в 1917 году и в этом же году вступил в ВКП(б). До назначения в Одессу он работал и в Саратове, где был начальником местной милиции и членом коллегии ЧК, и в Москве, в железнодорожной милиции и аппарате ВЧК. В марте 1920 года Дейча направили в Одессу, заместителем Реденса; вскоре он возглавил одесских чекистов⁴³.

Авантюрная молодость, экстравагантное поведение, явная харизматичность, бескомпромиссность в борьбе с «врагами революции», неуживчивый характер приковали к Дейчу внимание и современников, и историков, и публицистов. Характеристики главного одесского чекиста полярны: от «палача Одессы» до человека «отчаянной храбрости».

Негативные оценки преобладают: в вину Дейчу ставят расстрел – только по официальным данным – почти полутора тысяч человек в 1920 году и 664 – в 1921 году⁴⁴. Кроме того, Дейча обвиняют в должностных преступлениях и коррупции: «У арестованных вымогали ценности, а, отобрав все, чаще всего убивали. Практиковался захват заложников: задерживали кого-то одного из членов семьи, а остальные должны были заплатить выкуп. Причем уплата выкупа вовсе не гарантировала жизнь ни арестованному, ни его семье. Награбленные деньги Дейч распределял между своими приближенными, а частично – переправлял руководству ВЧК, в Москву»⁴⁵.

Эти выводы, конечно, голословны: документальных данных о захвате – по приказу Дейча – заложников с целью выкупа, а тем более о пересылке денег руководству ВЧК нет. Однако репутация Дейча как человека, который, объявляя войну бандитизму, сам вовсе не был идеалом чекиста и коммуниста, сложилась еще при его жизни. Так, явно ему симпатизирующий исследователь Одесской ЧК Ф.З. Зинько отмечает: «3 июня 1921 г. в контрольный отдел губкома (Одесского губкома партии. – О. К., Д. Ф.) поступило заявление от некоего Яковенко, который утверждал, что своими глазами видел, как на квартиру Дейча приносили шампанское и бочку с вином, причем совершенно открыто. И когда, мол, санитарка

из госпиталя, которая тоже все это видела, пыталась протестовать, то ее хотели арестовать сотрудники ЧК»⁴⁶.

В середине 1920-х годов, когда Дейч уже ушел из ЧК, на него жаловались Дзержинскому. Суть претензий сводилась к следующему: «будучи в эмиграции в Америке», он «имел столовую и прачечную, причем во время забастовки рабочих в прачечной вызывал полицию». «Возвращаясь из эмиграции в Россию в 1917 г.», Дейч, по словам жалобщиков, «в г. Христианин собирал деньги в еврейской синагоге», руководя Саратовской ЧК, «участвовал в хищении бриллиантов во время лево-эссеровского восстания», а в Одессе «совершил ряд неэтичных поступков». В частности, вынудил «дать о нем хорошую рекомендацию во время чистки партии в 1921 г.». После же ухода из ЧК он продолжал совершать «некоммунистические поступки»: «за бесценок присвоил себе мебель», позволял себе «нетактичность с подчиненными», был «мягок» к «антипартийным элементам»⁴⁷.

Шлейф этих обвинений тянулся за Дейчем и в 1930-е годы, и даже после его расстрела в 1937 году.

С обвинителями Дейча спорил многознающий Валентин Катаев – в повести «Уже написан Вертер». Катаев воплотил черты Дейча в образе «предгубчека» Макса Маркина и утверждал, что его герой, фанатично преданный революции, был совершенным альтруистом: «Вчера по приказу Маркина не в гараже, а прямо во дворе, среди бела дня, расстреляли двух оперативников, укравших во время обыска золотые часы и бриллиантовую брошку»; «на подоконнике продолжали сохнуть корки пайкового хлеба. По закопченному солдатскому бачку с остатками засохшей ячной каши ползали синие мухи. На куске газетной бумаги продолжали блестеть вещественные доказательства – золотые часы и бриллиантовая брошь».

В оценке личности главы Одесской ЧК Катаев был, скорее всего, прав. История с расстрелом оперативников, укравших драгоценности, подтвердилась документально, а подтвердить заявление Яковенко желающих не нашлось⁴⁸.

Дзержинский признал выдвинутые против Дейча обвинения голословными, а ЦКК (Центральная контрольная комиссия) РКП(б) в 1924 году постановила: «Предъявленные обвинения т. Дейчу считать совершенно необоснованными»⁴⁹.

По-видимому, не обоснованы и выводы о его особой жестокости. Предшественники Дейча на посту председателя Одесской ЧК – и прежде

всего Реденс, впоследствии один из организаторов «Большого террора» – добротой и гуманностью явно не отличались. Вряд ли в 1918–1919 годах расстрелов в Одессе было намного меньше; просто в этот период должным образом не велась статистика.

Слухи и сплетни вокруг имени Дейча распространяли его враги, те, кто был им обижен. «Если в период руководства Реденсом ОГЧК (Одесской губернской чрезвычайной комиссии. – О. К., Д. Ф.) ряд чекистов-одесситов призыва 1919 г... еще продолжали работать на ответственных должностях, то уже при Дейче они в подавляющем большинстве были под разными предлогами из ОГЧК убраны», – утверждает Капчинский⁵⁰.

Итог деятельности Дейча в Одессе впечатлил современников. Даже Василий Шульгин, один из руководителей одесского антибольшевистского подполья, гордившийся своей принадлежностью к «русским» и к «белым», вынужден был признать: «Надо отдать им (чекистам – О.К., Д.Ф.) справедливость, в уголовном отношении Одесса скоро стала совершенно безопасным городом»⁵¹.

Однако борьба с бандитизмом и коррупцией не прибавляла Дейчу популярности в чекистской среде; желающих расквитаться с ним явно было немало.

П.В. Катаев в книге «Доктор велел мадеру пить...» рассказывал о том, что спасший его отца «молодой человек, чекист» приехал в Одессу «из Харькова или из Москвы» с заданием инспектировать «работу молодых советских тюрем»⁵². Утверждение это, сильно затруднившее исследовательский поиск, неверно. Однако оно, по-видимому, базируется на реальном слухе, возникшем еще в 1920 году.

Бельский, не связанный ни со старыми чекистскими кадрами, ни с большевистским подпольем, был в ЧК чужаком. Он стал одним из тех немногих уроженцев Одессы, на которых опирался Дейч в повседневной работе. Начальник ОГЧК ценил своего сотрудника: несмотря на молодой возраст, Бельский уже был коммунистом и имел опыт внедрения в «контрреволюционные организации».

Незаяурядной чекистской карьерой разведчик был всецело обязан Дейчу: Реденс не повышал его по службе. К октябрю 1921 года, времени общей партийной чистки, Бельский успел послужить помощником уполномоченного по борьбе с контрреволюцией, начальником губернской разведки, уполномоченным по борьбе с контрреволюцией.

«Характеристику этого периода своей деятельности сам давать считаю неудобным», – отмечает он в автобиографии.

Партийную чистку 1921 года – в которой из 3771 члена Одесской городской парторганизации билетов лишились 1513 человек – Бельский прошел удачно. В том же году он получил награду: золотые часы с надписью «За самоотверженную борьбу с контрреволюцией»⁵³.

К 1920–1921 годам относятся эпизоды с арестом и последующим освобождением из тюрьмы Катаева.

Не ставя себе целью проанализировать в рамках данной работы деятельность Катаева в годы гражданской войны, отметим общеизвестный факт: он служил на добровольческом бронепоезде⁵⁴. Трудно сказать, насколько Бельский был посвящен в частности такого рода службы друга. Но о самом факте этой службы чекист знал: несколько лет спустя он рассказал об этом Мацкину.

В одесскую ЧК Катаев, по-видимому, попадал дважды. В первый раз он был арестован в марте 1920 года, вскоре после занятия Одессы большевиками; вместе с ним в тюрьму попал его младший брат Евгений. Катаеву инкриминировалось участие в контрреволюционном заговоре. Согласно П.В. Катаеву, «чудо» произошло в тот момент, когда чекист увидел своего друга на допросе.

Однако в это время Бельский еще не был «большим начальником», как о том повествует Мацкин. Формально разведчик не имел права вмешиваться в следствие и отпускать кого бы то ни было. Реденс в марте 1920 года издал приказ, исключавший любые формы заступничества: «Напоминаю, что такое явление недопустимо, и сотрудники, ходатайствующие за каких-либо арестованных, будут мною привлекаться к ответственности»⁵⁵. Дейч, подобно Реденсу, к филантропии тоже был не склонен.

Кроме того, в июне 1920 года в Одессу приехал Дзержинский; в городе он пробыл – с перерывами – почти два месяца⁵⁶. Заниматься освобождением деникинца в присутствии председателя ВЧК было занятием самоубийственным.

В том, что «чудо» все-таки произошло, немалая роль принадлежала еще одному человеку, Петру Туманову. Его фамилию впервые назвал тот же Катаев, беседуя в 1982 году с А.Ю. Розенбоймом: «Однажды в тюрьме появилась какая-то комиссия, и один из ее членов, Туманов, частый посетитель литературных вечеров, узнал Катаева как поэта. В тот же день его освободили»⁵⁷.

Как свидетельствуют материалы архивов, одессит Туманов по происхождению, скорее всего, был дворянином – на вопрос о социальном происхождении отвечал уклончиво: «из учащихся». Учился Туманов на медика, но не окончил курса. К 1920 году он успел поучаствовать в установлении советской власти в Киеве, вступить в партию, поработать в подполье и отсидеть несколько месяцев в деникинской тюрьме. Ровесник и Бельского, и Катаева, Туманов, по-видимому, был близким приятелем чекиста: в 1918 году они оба воевали в одесской Красной гвардии. Кроме того, сразу после прихода большевиков в Одессу Туманов вернулся в родной город и сам стал следователем ЧК.

Однако на этой должности он не задержался: не прослужив и месяца, он ушел из ЧК. Сменив еще несколько мест службы, поработав секретарем заведующего военным отделом Одесского губкома Сергея Ингулова, повоевав на польском фронте, 19 июня 1920 года он «вступил в должность» начальника следственно-судной части губвоенкомата. При этом Туманов занял еще несколько должностей: председателя Военно-следственной коллегии губвоенкомата и члена комиссии по отправке бывших офицеров и военных чиновников в тыл⁵⁸.

На этих должностях он занимался, в частности, тем, что сегодня можно было бы назвать правозащитной деятельностью. Вступая в конфликт с руководством ЧК, Туманов добивался передачи следственных дел военнослужащих из «чрезвычайки» в следственную часть военкомата. В этой деятельности начальнику судебно-следственной части помогали его подчиненные, беспартийные военные следователи; некоторые из них были юристами с дореволюционным стажем.

Военно-следственная коллегия губвоенкомата имела право самостоятельно рассматривать дела военнослужащих и принимать по ним постановления. Коллегия в 1920 году вынесла десятки оправдательных приговоров. Для такого рода деятельности у Туманова был карт-бланш: «военные специалисты» подлежали учету для возможного использования в Красной армии⁵⁹.

И вполне логичной представляется версия о том, что Бельский, действительно узнавший друга во время его допроса в ЧК, обратился за помощью к Туманову. При этом Туманов вряд ли знал правду о деникинском прошлом Катаева: укрывательством врагов советской власти военно-следственная коллегия военкомата не занималась.

Катаев был освобожден в середине сентября 1920 года⁶⁰.

Во второй раз его арестовали, по сведениям Розенбойма и многочисленным косвенным свидетельствам, весной следующего, 1921 года⁶¹. Конкретные причины ареста неясны. Кроме того, Туманов уже не имел возможности вмешаться в дело. В январе 1921 года следственно-судная часть военкомата была расформирована. Ее начальника отозвали в Киев, «в распоряжение председателя отдела реввоен трибунала Киевского военного округа», а вскоре и вовсе призвали в армию.

Однако с февраля Бельский – начальник губернской разведки. Должность эта действительно была немалая, и он мог обойтись в спасении друга своими силами⁶².

Рассказывая Ивану Бунину о собственной службе на деникинском бронепоезде, Катаев утверждал: «Я исполняю свой долг честно и довольно хладнокровно и счастлив, что Ваши слова о том, что я не гождусь для войны – не оправдались»⁶³. Но, как показало время, Бунин был прав: для гражданской войны Катаев действительно «не годился». Возмозности до конца «исполнять свой долг» он предпочел другую возмозжность: принять советскую власть и адаптироваться к новой жизни.

Впрочем, «для войны» оказался непригодным и Бельский, большевик и чекист, изменивший долгу и спасший друга, деникинского офицера, от расстрела.

Выйдя из тюрьмы, Катаев, очевидно, не поддерживал отношения с Тумановым: военный следователь не был ни литератором, ни художником; его участие в «литературных вечерах» документального подтверждения не получило. Вне стен ОГЧК Катаев и Туманов, скорее всего, были незнакомы.

Бельский же, работая в ЧК, связей с литераторами не потерял. Вполне естественно, что Валентин Катаев стал ближайшим другом чекиста; дружба эта продолжится до самого ареста Бельского в 1937 году. Катаева и его спасителя свяжет и журналистское сотрудничество, и литературное соавторство.

Очевидно знакомство Бельского с Владимиром Нарбутом. Катаев, освобожденный из тюрьмы, был одним из тех, кого Нарбут – организатор советской печати в Одессе – привлек в 1920 году к работе. Наверняка главе Одукроста были известны обстоятельства катаевского освобождения. Хорошо знал Бельский и Василия Регинина, опытного журналиста с дореволюционным стажем, помогавшего Нарбуту организовывать одесскую печать. Свидетельство их близкого знакомства – случайно

уцелевшая часть позднейшей переписки и написанный в 1930-е годы в соавторстве сценарий для Одесской кинофабрики⁶⁴.

Вполне возможно, что чекист в 1920–1921 годах продолжил «работу в прессе», публиковался – анонимно или под псевдонимами – в изданиях Одукроста.

Дейч – в отчете 4 губернскому съезду Советов 1921-го года – рассказывал о себе и своих сотрудниках, «чернорабочих гражданской войны». Дейч сообщал, в частности, что одним из самых опасных бандитских формирований, с которым ЧК ведет упорную борьбу, остается формирование атамана Семена Заболотного. «Банда Заболотного», по словам Дейча, занимается террором, его люди «разбрасывают воззвания, совершают налеты на села, уничтожают списки по продналогу, забирают и сжигают хлеб на складах, убивают коммунистов и совработников, а также грабят проезжающих крестьян и граждан»⁶⁵. Местом дислокации банды Дейч называет Балтский уезд Одесской губернии.

Как следует из партийных документов Биленкина, в 1921–1922 годах он не только участвовал в боях с бандитами, но и руководил разгромом формирований Заболотного⁶⁶.

Впоследствии Бельский написал несколько мемуарных и художественных текстов, посвященных Заболотному: «Груды развалин на

Иллюстрация к рассказу
«Случай с Гречухой» (1925)

улицах Балты, с обгорелыми остатками оклеенных обоями стен, пустые и черные, как глазницы черепа, окна – все это следы лихих казацких набегов, память, оставшаяся жителям о Семене Заболотном. В 15-ти верстах отсюда, в селе Обжила, он родился. Вырос высоким и крепким, как скала, с большой головой и глубоко сидящими смолисто-черными глазами. Толстые чувственные губы, тяжелая челюсть и большой кремнистый кулак. Семен был весь от земли, от липкого и густого чернозема балтщины». Заболотный пользовался поддержкой местных крестьян, которых он спасал «от продразверстки и “жидовской коммуни”».

Атамана удалось обезвредить, внедрив в его ближайшее окружение оперативного сотрудника ЧК. Подробности ночного ареста Заболотного «в хате кулака» были Бельскому хорошо известны: «Кто-то спросил Семена:

– А что, Заболотный, вы слышали про меня?

– За вас я чув, – сказал он, – но навіть ви й за мене трохи чули...»

«На Рыбной улице, в нагорной части Балты, есть старый лавочник Зельман. Летом он продает мороженое и нюхательный табак. Если вы спросите, слышал ли он про Заболотного, Зельман покажет правую руку без трех пальцев, карточку убитого сына, комсомольца, и дочери, сошедшей с ума от позора. Зельмана больше не уважают старики, – в те дни он потерял веру в бога» – таковы были последствия деятельности атамана в изложении Бельского⁶⁷

Заболотный был обезврежен в феврале 1922 года, тогда же ушел в долговременный отпуск заболевший нервным расстройством Дейч. А три месяца спустя уполномоченный по борьбе с контрреволюцией бросил чекистскую карьеру: воспользовавшись сокращением штатов, он демобилизовался из ЧК⁶⁸.

Согласно Мацкину, Бельский утверждал впоследствии⁶⁹, что «не был создан для чекистской работы, его раздражали постоянные тайны, не по нутру была охота на людей, даже когда они этого заслуживали». При этом «с карательными органами» он расстался «мирно, без взаимных претензий», а «с некоторыми чекистами» сохранил «товарищеские отношения»⁷⁰.

Уйдя из ОГЧК, Бельский состоял на «особом» воинском учете «бывших чекистов». П.В. Катаев утверждал: отцовского друга «время от времени» вызывали «туда» «на сборы». Мемуарист прав: «туда» Бельского действительно вызывали. Источники фиксируют по крайней мере один такой «вызов»: в 1931–1932 годах, уже работая в «Крокодиле», он был вынужден надолго оставить журналистику и уехать из Москвы в «военную командировку».

И до, и после этой командировки статьи и карикатуры Бельского периодически пропадали из изданий, в которых он сотрудничал, а затем появлялись снова. Нельзя исключить, что причиной периодического отсутствия имени журналиста на газетных страницах были именно вызовы «туда».

Какой была сфера его деятельности в ГПУ после ухода с действительной службы – неизвестно. Можно предположить сотрудничество Бельского с внешней разведкой – с которой, по-видимому, он был связан, еще работая в ОГЧК. По крайней мере, в 1924 году он сообщил читателям, что с необходимостью писать роман «В пламени борьбы» «примирился» так же, как и «с известием о своей смерти в Мадриде»⁷¹.

ЧАСТЬ II. Николаев

Председатель сельсовета Иванов во время допроса сказал:

– Это все «машинка»!

– А что это значит на вашем дымовском языке?

– Это значит – ложь... Неправда значит.

Тогда все поняли, и было все ясно.

Ал. Светлов. Дымовская машинка⁷¹

«Веселый редактор»

Из Одессы Бельский уехал в Николаев, где несколько месяцев заведовал местным отделением Политпросвета. С января 1923 года местом его работы стала газета «Красный Николаев», издававшаяся николаевской партийной организацией.

История газеты «Красный Николаев» 1920-х годов типична и уникальна одновременно. Созданная усилиями талантливых энтузиастов-журналистов, считавших себя строителями новой пролетарской печати, николаевская газета добилась популярности у читателей. Но к середине 1920-х годов она растеряла свои кадры, стала скучным партийным изданием – и в этом смысле ее история характерна для советской прессы. Но масштаб катастрофы, произошедшей с газетой в 1924–1925 годах, был, конечно, уникальным для региональной прессы той эпохи.

В юбилейном, тысячном номере от 10 мая 1924 года журналисты рассказали историю возникновения своей газеты⁷³. Согласно сведениям, приводимым в этих статьях, газета возникла после Февральской революции 1917 года – под названием «Известия Николаевского Совета рабочих и солдатских депутатов». Первым ее редактором был эсер В. Якушкин – «впоследствии перешедший на сторону деникинщины и расстрелянный ЧК». При первом редакторе «Известия» гнули правоверную соглашательскую линию, целиком отражая лицо меньшевистско-эсеровского Совета».

В николаевском Совете стали преобладать большевики – и «Известия» стали большевистскими. В 1918–1920 годах власть в Николаеве много раз переходила из рук в руки: соответственно, и газета то возобновлялась, то снова умирала. В начале 1920 года, после ухода из города деникинцев, газета стала выходить под новым названием – «Известия

Николаевского губревкома». «Известия», – говорилось в редакционной статье 1924 года, – типичная газета военного коммунизма. Выходила то на белом толстом картоне, то на желтой бумажной паутинке. Полное внимание фронту. Борьба с мелкобуржуазными группировками. Не газета, а сплошной лозунг: “подводу армии”, “пролетарий – на коня”, “сдавайте продразверстку”, “бей бандитов”, “против панов и баронов”⁷⁴.

В 1920 году редактором николаевской газеты был Нарбут. Это первое издание, которым он руководил на Украине.

Сменил его ставший позже известным рапповским критиком Алексей Селивановский. Он и добился переименования газеты: с 1 января 1921 года она называлась «Красный Николаев». Этого редактора сотрудники помнили и любили: его поздравление в связи с выходом тысячного номера опубликовано под заглавием «От славного Алеши Селивановского»⁷⁵.

К моменту прихода в редакцию Бельского «Красным Николаевом» руководил Михаил Гус, впоследствии тоже известный московский журналист и критик. При Гусе газета столкнулась с проблемами, о которых ее сотрудники раньше не подозревали. Закончился военный коммунизм, в стране был введен НЭП. Кроме того, в конце 1922 года была ликвидирована Николаевская губерния, Николаев – со статусом окружного города – вошел в состав Одесской губернии. Соответственно, был упразднен Николаевский губком партии, издатель «Красного Николаева», и на его основе создан Николаевский окружком. Однако у окружкома не было ни средств, ни желания заниматься газетой – и она перешла на хозрасчет. Тираж ее упал, читатели – прежде всего рабочие николаевских «стальных гигантов», судостроительных заводов имени Марти и Бадина (бывшего «Наваля») и «Тремсуда» (бывшего «Руссуда») – не хотели покупать «Красный Николаев». Газета оказалась на грани закрытия. «Молодым, зеленым газетчикам», какими видели себя Бельский и его коллеги, предстояло ее возрождать⁷⁶. С января 1923 года номера «Красного Николаева» наполнились карикатурами и статьями бывшего чекиста.

Писал он во всех журналистских жанрах: это и репортажи, и информационные заметки, и фельетоны, и рецензии, и обзоры зарубежных новостей, и даже стихи «на злобу дня». Стихи весьма посредственны – но вполне возможно, что виною тому были темы, не оставлявшие простора для авторской фантазии. К примеру, одно из его стихотворений посвящалось строительству «красной казармы» – нового жилья для солдат Красной армии:

Уюта нет в казармах красных,
И это после стольких дел...
Таким условиям ужасным
Мы положить должны предел⁷⁷.

Через полгода на эту же тему, о «красной казарме», высказался Багрицкий, на время ставший журналистом «Красного Николаева». Однако и его стихотворение не блистало оригинальностью:

Рабочие! Казармой красной
Должны вы наградить бойцов.
Должны вы силою согласной
Пойти на этот братский зов⁷⁸.

В июле Бельский стал ответственным редактором «Красного Николаева», сменив на этом посту Гуса. Однако и под его руководством газета продолжала существовать в состоянии тяжелого кризиса.

Редакция, контора и экспедиция «Красного Николаева».

СИДЯТ—слева направо: Арче Юнг, Пичичук, Киселев, Бельский, Трунов, Магри, Безделлин, Правдин, Назаров, Федотов
СТОЯТ—Безман, Охотников, Бродский, Д. Гольдберг, Б. Гольдберг, Александрович, Буслович, Дашевский и Рохович.

*Редакция, контора и экспедиция газеты «Красный Николаев»
(Красный Николаев. 1924. 10 мая. № 1000. С. 3)*

Борьбу за выживание «Красный Николаев» вел «в полном одиночестве, не получая субсидий ни со стороны ЦК партии, ни от местных органов». «Десятки раз мы погибали, взывая ко всем инстанциям, центрам, главкам и проч., выбрасывали свой газетный “sos”, но, увы, нам давали возможность погружаться спокойно в пучину, откуда мы правдами и неправдами всплывали снова, упорно, наверх», – констатировал Бельский в одной из юбилейных статей⁷⁹.

В 1936 году Бельский опубликовал мемуарный очерк «Эдуард в Николаеве» – о жизни Багрицкого в этом городе летом и осенью 1923 года. Обстоятельства, о которых идет речь в очерке, были известны многим друзьям и знакомым Багрицкого. Соответственно, «николаевская страница» его жизни описана не только Бельским.

Хорошим источником для выяснения подробностей пребывания Багрицкого в Николаеве являются «Характерологические материалы», составленные после смерти поэта сотрудниками Института мозга – с целью посмертной «диагностики гениальности». В основе этих материалов – опросы друзей и родственников Багрицкого.

Существуют также мемуары журналистов «Красного Николаева» Аверьяна Бунцельмана и Касьяна Федулова, свидетелей событий и больших поклонников поэта. Свою версию увиденного николаевские «старожилы» изложили писателю Божаткину. Некоторые сведения о том, что происходило в то время в редакции «Красного Николаева», можно почерпнуть и на страницах самой газеты.

Очерк «Эдуард в Николаеве» назвать мемуарами достаточно сложно.

Так, согласно очерку, Багрицкий, заранее предупредивший друга о собственном приезде, появился в городе «жарким июльским утром», «в бурке и огромной маньчжурской папахе». Столь странная одежда вызвала скандал, Багрицкого «приняли за Махно» и хотели отвести в милицию. Поэта сопровождал Гаврила Иванович Шульц, «седоусый старик в плаще и панаме», державший в руках «гитару с голубым бантом».

Однако другие свидетели появления поэта в Николаеве не увидели на Багрицком ни «папахи», ни «бурки». Согласно рассказам «старожилов» «приехал он налегке, безо всяких вещей, да и одет был по-летнему: в белой рубашке, в тапочках на босу ногу и без фуражки». Федулов утверждал, что поэт был «одет так, как тогда многие ходили в Николаеве: синяя выгоревшая на солнце сатиновая рубашка навыпуск, тонкий кавказский ремешок, хлопчатобумажные брюки и сандалии на босу ногу».

Гаврила Иванович Шульц действительно жил в 1920-х годах в Одессе и пригласил с семьей Багрицких. Однако свидетели приезда поэта в Николаев «старика с гитарой» рядом с ним не заметили. Более того, «старожилы» утверждали: Багрицкий приехал в Николаев не в июле, а в августе. И сопровождал его вовсе не Шульц, а сам редактор «Красного Николаева»⁸⁰.

Федулов вспоминал: «Мы скучали о своем Яше Бельском – редакторе, художнике и фельетонисте, уехавшем в отпуск в Одессу.

– Скоро ли вернется Яша? Некому резать клише на линолеуме, и вообще газета невеселая.

Об этом шел разговор в редакции газеты «Красный Николаев» в августе 1923 г».

В августе журналисту исполнилось 26 лет, скорее всего, в связи с этим событием он и уехал в Одессу. Отпуск его был неофициальным: на газетных страницах он по-прежнему числился ответственным редактором.

В родном городе Бельский встретился с Багрицким. О том, что было дальше, повествуют «Характерологические материалы»: «Багрицкий ушел вместе с товарищем из дому и не возвратился на ночь. Впоследствии оказалось, что [он] сильно выпил в компании и в мертвецки пьяном виде был увезен одним товарищем, работавшим в николаевской газете (Бельским), из Одессы в Николаев, причем по приезде товарищ прислал жене Багрицкого телеграмму, что он находится в Николаеве и чтобы она не беспокоилась».

Нетрудно предположить, что в момент отъезда из Одессы «товарищ» тоже плохо представлял себе цель этой совместной поездки. Однако «город кораблестроителей и моряков понравился поэту, и он остался в нем». Более того, редактор уговорил друга начать работать в штате газеты.

О первом рабочем дне Багрицкого в «Красном Николаеве», рассказал тот же Федулов: «Веселый, загорелый редактор в щегольском сером костюме и крагах вошел в репортерскую – она же приемная, она же “красный уголок”. Вслед за ним в комнату вступил высокий, немного сутуловатый молодой человек. Густая подстриженная шевелюра создавала впечатление, что он – в берете... Мужественное лицо, смелый взгляд серых глаз, сдержанная улыбка.

Редактор здоровался на ходу и жестом пригласил всех в свой кабинет, где стояли столы – его и заместителя – поэта Якова Городского, да еще

несколько стульев для гостей. Еще никто не сел, когда Бельский, сделав широкий жест в сторону гостя, объявил:

– Знакомьтесь, товарищи! Наш новый сотрудник...

И, задорно оглядев всех, с веселой гордостью добавил:

– Эдуард Багрицкий.

Знакомо прозвучало это имя – знаменитый одесский поэт. Мы все хорошо помнили его стихи о броненосце “Потемкине”, о войне, о рыбаках и птицеловах, Тиле Уленшпигеле, часто повторяли эксцентричные строки, посвященные Маяковскому: “О Полководец Городов, бешено лающих на Солнце...”

С улыбками и приветствиями мы пожимали широкую ладонь гостя, а кто-то даже попробовал процитировать:

Я, изнеженный на пуховиках столетий,

Протягиваю тебе свою выхоленную ру...

– Ша, – сказал Бельский. – Будем работать».

Согласно Федулову Багрицкий «был назначен секретарем редакции, давал задания репортерам, просматривал и отбирал поступивший материал».

Кроме того, он должен был писать и публиковать в газете стихи.

Впрочем, Бельский в очерке «Эдуард в Николаеве» не рассказывает о совместной с Багрицким газетной работе: приезд друга опять отвлек редактора от служебных обязанностей. Бельский снова ушел в отпуск, на этот раз вполне официальный. Отпуск начался, согласно «Красному Николаеву», 16 сентября 1923 года: «временным редактором» стал журналист Григорий Магри.

С коллегами, и прежде всего, по-видимому, с Магри, отношения у Багрицкого не сложились. Тому были серьезные причины: отмеченный Федуловым «литературный артистизм» не позволял поэту всерьез заниматься газетным делом. Согласно Бунцельману «некоторые работники местной редакции» относились к Багрицкому «недоброжелательно». Его «считали человеком подозрительным, как говорят, “себе на уме”, маскирующим себя шутовством»; николаевцы смотрели на него как на «чужака» и даже «делали попытки травить его». Стихи Багрицкого печатали в газете «неохотно», платили поэту мало⁸¹. Но, с другой стороны, стихи эти отнюдь не были вершиной его поэзии; большинство николаевских текстов он никогда не переиздавал.

Однако плохие отношения с журналистами не сказались на отношениях Багрицкого с Бельским. Работа в газете не была для поэта обременительной, и у него было много свободного времени.

Очерк «Эдуард в Николаеве», недостоверный в частности, правдиво передает атмосферу этого счастливого времени. 26-летний «Яшка» проводил время в общении с 28-летним «Эдей». Вместе с Багрицким, бывшим, как гласила одна из николаевских афиш, «основателем и мастером южнорусской школы поэтов», Бельский выступал на литературных вечерах⁸². Он сопутствовал другу, читавшему стихи в рабочей аудитории, присутствовал при его работе с начинающими литераторами.

Из очерка с очевидностью следует, что культурно-просветительской деятельностью жизнь Багрицкого в Николаеве не ограничилась. Бельский, в частности, поведал о том, что в случаях неудачной охоты поэта на уток он «ставил на стол графин водки» – «и разговор постепенно переходил на литературу».

Была в очерке и любовная тема:

«Как-то вечером к нему пришла высокая, красивая девушка, – повествует Бельский. – Она стояла на пороге нашей холостяцкой, как говорил Эдуард, “хавиры”, – прекрасная, как Федра, и смотрела влюбленными глазами на поэта. Эдуард растерялся и молчал.

– Что у вас – проза или стихи? – спросил, наконец, Багрицкий.

– Я не пишу, – ответила девушка, – я художница. Мне нравится, как вы читаете.

– Вы мнительны. Я – поэт, Бельский – художник. Обратитесь к нему.

Это было одиннадцать лет назад, черт возьми, и все мы потом долго и непростительно молчали...

Эдуард в конце концов пошел на уступки и заинтересовался ее рисунками.

Федру звали Полиной, но роман быстро кончился из-за отъезда Багрицкого».

Рассказ о «Федре» в целом правдив: он подтверждается и другими источниками. Лидия Багрицкая, которая, по ее же собственным словам, была «совсем не ревнива», утверждала много лет спустя: «Называлась она Поля Пана. Мне известно, что у Э[дуарда] Г[еоргиевича] был с ней роман в пору пребывания в Николаеве». Вдова Багрицкого просила разыскать Полину и уговорить ее написать воспоминания – поскольку «для истории нужны и любовные увлечения поэта».

Однако и в ситуации с «Федрой» присутствовал пикантный момент, не красивший лично Бельского. «Для того, чтобы рассеять подозрения матери девушки», редактор выдал поэту и его возлюбленной справку на редакционном бланке – «о том, что они действительно являются мужем и женой». Вскоре любовница надоела Багрицкому. Поэт, не предупредив ее, покинул Николаев и «приехал домой к жене и ребенку»⁸³.

По всей вероятности, отпуск 1923 года – и неофициальная, и официальная его части – был первым во взрослой жизни Бельского полноценным отпуском. Возможность побыть просто «Яшкой», молодым человеком, не обремененным заботами о судьбах революции и пролетарской печати, привела его в состояние вполне объяснимой эйфории. Однако эйфория Бельского, неопытность Магри, неумение и нежелание Багрицкого работать, конфликт в редакции едва не погубили и без того находившийся в кризисе «Красный Николаев». Газета была более чем «невеселой»: выходила вообще без иллюстраций, в подборе материалов часто отсутствовала логика.

Последствия не заставили себя ждать.

7 октября в «Красном Николаеве» в последний раз были опубликованы стихи Багрицкого, в тот же день поэт уехал из города. 11 октября фельетон Бельского – впервые после долгого перерыва – появился в газете. С 12 октября ее страницы вновь начали регулярно заполняться его рисунками и карикатурами. 18 октября Бельский вернулся и к редакторским обязанностям⁸⁴.

Но 9 ноября у «Красного Николаева» был уже новый редактор, Михаил Киселев. Всего на редакторской должности друг Багрицкого числился четыре месяца; из них месяц «временным редактором» был Магри.

«Тиражная медицина»

Впрочем, жизнь «Красного Николаева» быстро вошла в обычную колею. С новым редактором у редактора бывшего сложились дружеские отношения. Бельский стал заместителем Киселева, и сотрудничество двух журналистов оказалось плодотворным. Газета наконец преодолела кризис.

Газета выжила во многом благодаря тому, что отказалась от печатания партийной и советской информации – «длинных и безоплатных приказов и всякой официальнойщины». В юбилейный номер Бельский написал отдельную статью под названием «Тиражная медицина» – о том, как был спасен «Красный Николаев». Журналистам было понятно, что

газете следует «строиться по читателю», неясно было, что конкретно для этого нужно сделать.

«Он», редактор Киселев, «ушел в “низы”, чтоб изучить лицо и секрет потребителя. Его приземистую фигуру можно было часто встретить на базарах, в низкоразрядных чайных и в других местах скопления». Однако принятые меры не помогали – розничный тираж падал, и остановить падение не удавалось.

«Наконец розница начала подниматься. Никто не знал секрета, пока я не стал свидетелем странной сцены.

Простой разносчик газеты вызывал по телефону редакцию...

– Это кабинет редактора?

–

– Почему сегодня так мало происшествий!

–

– Я не сержусь, но у меня пала розница на 2 экземпляра...

–

– Что мне “партейная жизнь” и “канференция”? Я вам десять раз говорил о происшествиях...

Он сердито повесил трубку на место и, подобрав свою мощную папку, ушел.

– Вот что, – подумал я и бросился в редакцию стрелой, – тут мы его и прихлопнем.

Когда я вбежал в кабинет, “он” грозно рычал на секретаря: “происшествия – это пульс города, я только что говорил с ответственным работником губернии, и он просто удивлен. На завтра 200 строк”.

– Кто этот губернский зверь? – спросил меня секретарь.

Я повел его к открытому окну и указал на оравшую фигуру: “Ныпыдена торгпредства Берлина, Иоффе на завтрак у Иошизава”...

– Он?

– Единственный лейб-медик по улично-тиражной части, его превосходительство гр. разносчик».

Главной составляющей «Красного Николаева» стали разделы происшествий: и заграничных, и общесоюзных, и местных, николаевских. При составлении такого рода материалов активно использовались сообщения РАТАУ.

Итогом совместных усилий Киселева, Бельского и их коллег стало превращение «Красного Николаева» в любимую читателями газету, за-

воевавшую прочную популярность в городе. Тираж газеты в начале 1924 года составлял 4500 экз., а к началу следующего года вырос в два раза.

Судя по ее содержанию, Киселев и Бельский разделили сферы деятельности: редактор интересовался, прежде всего, внешней политикой. На страницах газеты Киселев помещал многочисленные обзоры эмигрантской прессы и статьи о международном положении, адаптировал для читателя внешнеполитическую информацию.

Бельский отвечал за материалы о внутренней жизни Николаева и за художественное оформление газеты; под его ответственностью была антирелигиозная пропаганда. Руководил Бельский и сельским отделом: работал с сельскими корреспондентами, присылавшими письма из расположенных рядом с Николаевом сел и деревень. Сначала заместитель редактора публиковал письма селькоров в специальных рубриках «На селе» и «По селам Николаевщины». С марта 1924 года он редактировал специальную газетную вкладку «Селянин Николаевщины», выходящую еженедельно, по средам. При этом послания селькоров Бельский обрабатывал, иногда обобщал, на основании крестьянских писем часто составляя собственные, авторские материалы. Некоторые селькоровские заметки Бельский снабжал карикатурами.

Тогда же определилась и тема, которая станет потом важнейшей в его журналистике, – социально-бытовая. Бывшего чекиста беспокоили, в частности, судьбы обычных людей, ставших жертвами несправедливости.

Так, одна из первых статей на эту тему назвалась «Можно ли?» и была посвящена николаевской проститутке Ляховецкой: «История обычная. Отец и мать умерли от голода. Остались две взрослые дочери и двое детей. Отметки на Бирже труда ни к чему не приводили, и в результате выход один – улица. Пошла одна, потом – другая. Наступила зима, стало холодно. Одна заболела, другая работает на всех. Оборвались до крайности: нет больше потребителя. Снова призрак голодной смерти».

За пользование «конурой», в которой живет нищая семья, «комхоз» требует «4 золотых рубля» – а денег, естественно, взять негде. Судьба проститутки не трогает «комхоз»: «Жалобы не доходят до власть имущих. Плати – или выкидывайся!» Понимая, что «ремесло проститутки едва ли сладкое, и не по душевному тяготению идут они к вынужденному пороку», Бельский берет женщину под защиту. И просит соответствующие организации не брать с нее денег за жильё⁸⁵.

Социальная тема, не способная принести советскому журналисту общественное признание, впоследствии тем не менее станет своеобразной «визитной карточкой» Бельского. Заступаться за несправедливо обиженных – иногда с немалым риском для себя – он будет и в «Крокодиле», и в «Вечерней Москве».

Постепенно газета стала и центром литературной жизни города. Редакция проводила «литературные пятницы», в ходе которых читались и обсуждались стихи и проза. Судя по анонсам газеты, Бельский выступал на этих собраниях, читал произведения и собственного сочинения, и других литераторов. На базе «пятниц» вскоре было образовано николаевское литературное объединение «Октябрь», стоящее «на позициях воинствующего большевизма».

Манифест николаевского «Октября», опубликованный в газете 1 августа 1924 года, гласил: «Литературно-творческая группа формально не примыкает ни к одной из существующих группировок в искусстве. В то же время в определении текущих задач искусства группа в основном усваивает платформу группы пролетарских писателей “Октябрь” (Москва). “Октябрю” присуща подчеркнута выявленная марксистская коммунистическая идеология и тактика со всеми вытекающими отсюда выводами»⁸⁶.

Возглавлял «Октябрь» один из старейших сотрудников «Красного Николаева», Яков Городской, ровесник Бельского. Когда Бельский работал редактором газеты, Городской был его заместителем.

У Городского перед газетой были особые заслуги: благодаря ему газета не умерла в пору пребывания в Николаеве Багрицкого. Опытный журналист, он взял на себя редакционные обязанности поэта. Федулов вспоминал: «Обычно в середине дня Яша Городской, всегда аккуратный, привыкший к секретарскому искусству, подхватывал бразды правления, выпавшие из рук Эдуарда, и заканчивал работу по текущему номеру газеты». «Удивительный человек. В тумане самой чудовищной нагрузки он не теряет хладнокровия», – с восхищением писал Бельский о Городском⁸⁷.

С приходом Киселева Городской уступил Бельскому должность заместителя редактора, а сам стал секретарем редакции, заведовавшим, кроме того, ключевым для газеты отделом информации.

Яков Городской был настоящим, большим поэтом – отнюдь не регионального масштаба. К моменту организации «Октября» он уже выпустил сборник стихов «Косматая Россия» (1923); два года спустя вышел второй

его сборник («О самом простом»). Его стихи прекрасно отражали настроение николаевских литераторов и журналистов – чувствовавших себя строителями новой жизни:

Ой ты, Русь, ой, держава татарская!
По земле твоей с песней несусь,
Прежде барская, крепкая, царская,
А теперь пролетарская Русь.
... Под гуденье немолчных набатов,
Под столетний застеночный стон,
Был твой сын, твой Малюта Скуратов,
Миллионами раз повторен.
И опять твой удел неизменен,
Снова час твой и грозен, и дик.
Ох, похож на татарина Ленин.
Не татарский ли крик – большевик?
...От Николаева до Явы
Хотел бы перестроить свет
И сероглазый, и кудрявый
Твой, революция, поэт⁸⁸.

У николаевского объединения была и политическая позиция, заключающаяся, естественно, в неприятии литературных воззрений Троцкого. Бунцельман, критик «Октября», предпринимая разбор книги Троцкого «Литература и революция» (1923) и последовавшей за ее выходом дискуссии, скептически относился к троцкистской идее литературного «попутничества». Бунцельман отмечал: «Партия должна взять твердый курс на оздоровление рынка, строго пресекая писателей, клеветущих и развращающе действующих на нашу рабочую и партийную молодежь»⁸⁹.

В целом объединение было живым, действующим, задорным. Московские литературные дискуссии вдохновляли молодых николаевских литераторов на формулировку собственных взглядов. В эстетике участников «Октября» причудливо сплелись акмеизм Нарбута и революционная пассионарность Селивановского; в поэзии николаевцев заметно и сильное влияние много общавшегося с ними Багрицкого.

Теоретические установки объединения отражены в «двухнедельном литературно-сатирическом журнале» «Бурав». Это бесплатное иллюстрированное приложение к газете «Красный Николаев». Ответственным редактором стал Бельский, хотя формально в «Октябрь» он не вступил⁹⁰.

Иллюстрация к рассказу И.Э. Бабеля «Соль»
(1924)

В редколлегию журнала вошли Яков Городской и Давид Юнг, литератор и журналист, сотрудничавший ранее в одесской периодике. В декабре 1924 года «Бурав» обрел формальную независимость, стал выпускаться отдельно от газеты.

Вскоре «Бурав» стал популярен не только в Николаеве. Печатались там не только Катаев и Багрицкий, но также Исаак Бабель, Илья Эренбург. Бельский тоже – как прозаик и художник. В николаевском иллюстрированном двухнедельнике опубликованы несколько его рассказов и фрагменты повести «Перекаты».

Повесть «Перекаты» – о гражданской войне на Украине. Эпоха, как известно, бурная.

Немцы, поддерживавшие Скоропадского, буквально выкачивали из Украины продовольствие для Германии, а попутно вешали и расстреливали сопротивлявшихся, жгли их дома. С немцами воевали петлюровцы. Они, как сказано у Бельского, грабили население, а еще «звали резать подряд: жидов, попов, офицеров и студентов». С петлюровцами воевали анархисты Махно. Они тоже грабили. И отряды Добровольческой армии катились «кроваво-пьяной гурьбой через деревни». Аналогично – «волчата» Шкуро «громили еврейские лавки» и всех подряд убивали при любой попытке неповиновения. Ну а местное население стихийно формировало вооруженные отряды для самозащиты. Объединившиеся крестьяне называли себя партизанами. Слово было, что называется, на слуху – еще со времен масштабного официального празднования столетнего юбилея победы России в войне 1812 года.

Прежде всего, партизаны воевали с немцами. Затем и с петлюровцами. Потом с добровольцами, а порою и с махновцами. Воевали беспощадно, впрочем, как все остальные. Вот описание допроса красными партизанами пленного махновца:

«Пьяный матрос в огромной папахе и голландке. По лицу бежит струйка крови и краплет на синий ворот.

– Не знаю, де батько...

– К стенке его, сатану...
– Скажу, не бейте. Батько в хате Максима Ключника, коло кринички, больной в доску лежит...

Трах... Кровавым месивом лица матрос уткнулся в землю...

– Вин же сказав, на що ты его?

– А на що вин так долго мовчыть, а мабуть ще и брешеть».

Уместно подчеркнуть: крестьяне в повести Бельского – вовсе не сторонники советской власти. С Петлюрой они изначально хотели «съединиться» против немцев. Махновцев готовы признать союзниками, чтобы прогнать и немцев, и петлюровцев. Большевики тоже реквизируют продовольствие, но в отличие от немцев, «хочь землю помещью и вентарь витдалы».

Согласно Бельскому крестьяне выбирают такую власть, или, как они говорят, «владу», которая была бы наименьшим злом. Эта «власть» должна принести долгожданный мир: «Тих бей, этих бей, усих бей – на що нам це дило. Так кинця никола не буде».

Крестьянский выбор обусловлен в значительной мере стараниями местных лидеров, командовавших партизанскими отрядами. Один из них – вполне реальный красный командир Никифор Урсулов. Он – участник Первой мировой, затем большевик. В историографию вошел как убивший «короля» одесских бандитов – Мишку Япончика.

Вероятно, Бельский знал Урсулова лично. Он приводит сведения о жизни партизана, не содержащиеся в других источниках: с детства знаком с Махно, был сельским учителем и т.п.

Урсулов – один из немногих героев повести, уверенных в собственном политическом выборе: «Народу потрібна тилько радянська влада, бо вин сам соби хозяин, а ни якого меньшука, та Милюка, чи як его, не треба и так далее, а кто не разумие, тот дурень тай годи. Вси чулы?»

Поначалу Урсулов тоже готов объединиться с Махно, даже отправляет ему письмо: «Хиба ты забыл, як мы с тобой в одной школе учились и добру не научились. Я – за советы, а ты за что? Не трогай мой отряд. Будем лучше драться удвох». Однако союз не удался: Махно не отвечает на письмо однокашника и вероломно нападает на его отряд. Итог – война.

По опубликованным фрагментам повести нельзя уяснить, каким образом Урсулов сумел убедить крестьян в том, что при советской власти каждый из них будет «сам соби хозяин». Непонятно, вошел ли в повесть и знаменитый эпизод с убийством Япончика. Рукопись до сих пор не обнаружена.

Однако опубликованные фрагменты повести, а также рассказы и фельетоны Бельского свидетельствуют, что как писатель развивался он быстро⁹¹.

В статье «Тиражная медицина» Бельский рассказывает, что роман «В пламени борьбы» написал по просьбе редактора «Красного Николаева». Тот и псевдоним выбрал:

«– Вы – *Платон Ногин*, – сказал “он” мне однажды, – пишите роман из эпохи гражданской войны.

Для меня это была сногшибательная новость».

Роман печатался в газете «Красный Николаев» с декабря 1923 по апрель 1924 года. Бельский сам его иллюстрировал.

Этот роман вполне соответствовал литературно-политическим требованиям советских идеологов. В октябре 1922 года, выступая на комсомольском съезде, Николай Бухарин сформулировал свое видение литературы для молодежи. С одной стороны, литература эта должна иметь «легкую, занятную, интересную фабулу и развертывание событий». С другой – в качестве материала надлежало использовать факты «из области нашей подпольной работы, из области гражданской войны, из области деятельности ВЧК, из области различных походов и пр. наших рабочих, когда наши рабочие бросались с одного фронта на другой, из области деятельности Красной армии и Красной гвардии». Бухарин считал, что советским писателям следует создать «коммунистического Пинкертон»⁹².

Сообразно указаниям Бухарина написано и опубликовано немало рассказов и повестей. Романы тоже были, хотя их гораздо меньше. Однако большинство авторов лишь отчасти реализовали бухаринскую концепцию: проза была авантюрной, но это либо научная фантастика, либо утопии, соотносенные с «грядущей победой мировой революции». Роман же «В пламени борьбы» можно назвать историко-приключенческим: в основе сюжета лежат реальные события 1918–1920 годов.

Стоит отметить, что роман Бельского во многом автобиографичен. Имя главного героя – Виктор Козырев – явно соотносилось с личным псевдонимом автора. Козырев, большевик и подпольщик, знает иностранные языки, он учился в Одесской академии художеств.

Действие романа начинается в Одессе, затем переносится в Николаев, захваченный немцами. Потом – Киев времен Скоропадского. Козырев

тогда в подполье, готовит свержение гетмана. Разумеется, с советским посольством он связан. После захвата гетманской столицы петлюровцами – красный лазутчик. Далее большевик-разведчик участвует в боевых действиях, он уже красный командир. Его жена – бывшая курсистка, дворянка, ушедшая в революцию.

Роман, бесспорно, авантюрный. Советские разведчики и подпольщики, как водится, противостоят гетманской контрразведке, собственные планы реализуют в Киеве сотрудники немецких, английских, французских и прочих разведывательных служб, они вербуют журналистов и прочую киевскую богему, параллельно действуют представители Добровольческой армии, решающие задачи формирования и снабжения своих войск. Шпионы всех мастей отчаянно конкурируют, им помогают «шикарные» дамы света и полусвета, они влюбляются в «тонных» офицеров-кокаинистов и советских дипломатов. В общем, перестрелки и погони, аэропланые бои, любовные интриги, шантаж, подкуп, опиекурильни, артистические кафе и т.д., и т.п. Ну а вокруг города – петлюровцы и махновцы.

В 1921 году Дмитрий Мануильский, вспоминая о гетманской столице, характеризовал ее как «реакционный Вавилон, где наряду с немецкой каской мелькали погоны добровольческой и астраханской армий». В этом «Вавилоне» «открыто работали» – «под охраной немецких штыков» – штабы «агентов Антанты»⁹³. Киев так и описан в романе Бельского: автор хорошо знал реалии, «быт и нравы» города.

Так, одно из центральных событий в романе – взрыв артиллерийских складов в киевском районе Зверинец. Он произошел 6 июня 1918 года, сопровождался пожаром и многочисленными жертвами.

Склады, по мнению современников, были весьма сложным инженерным сооружением, значительная часть – подземная. Там хранились артиллерийские запасы, подготовленные еще в Первую мировую войну. Понятно, что немцев склады интересовали только в аспекте предотвращения возможных диверсий. Охрана там была номинальной. У гетманских войск боеприпасов хватало. Зато Добровольческой армии, да и петлюровцам снаряды были необходимы.

По официальной версии, сложившейся в советской историографии, взрыв на Зверинце – случайность. О причинах истории спорят до сих пор. У Бельского же взрыв – диверсия, поколебавшая стабильность власти Скоропадского, «революционный фугас под германское могущество».

В романе склады взорвали киевские подпольщики. Координировала же действия подполья советская делегация, получавшая инструкции непосредственно от московского руководства, причем депеши аэропланом доставлялись. Согласно роману после взрыва началась паника, в том числе и среди назначенных Скоропадским должностных лиц. «Спокоен был только Шагов», коммунист-дипломат, увидевший из полученных из Москвы бумаг, «что действует вполне правильно».

Автор романа в курсе не только политической, но и богемной жизни «реакционного Вавилона». Так, в романе упоминается «литературно-артистический клуб», который находился «в центре города, на Николаевской улице и был излюбленным местом киевской богемы». Название клуба не приводится. Но, похоже, Бельский описывал хорошо известный «Киевский литературно-артистический клуб». Сокращенно – КЛАК: «Никто не знал, кем вызван он к жизни, кто ведет хозяйственную сторону, да и было ли дело до этого шумливой толпе актеров, поэтов, художников и журналистов, имевших возможность, развалясь в мягких креслах после своих убогих мансард, ничего не делать всю ночь... “Абсолютно никакого дела до всякого дела и жизнь в безделье” – таков был девиз всего пестрого населения клуба».

Угадываются в романе и прототипы некоторых героев. К примеру, «душой» клуба был журналист Герман, который «окружил себя кучей поклонников из мелкой богемы, тратился направо и налево, имея какие-то таинственные доходы извне, ибо статей его никто никогда не видел. Может быть, он никогда и не был журналистом, но кому какое дело»; «богема твердила, что Герман славный, свой в доску парень, а фон Вильке – начальник германской разведки – считал его отличным агентом международного масштаба». К прозаическому описанию своего героя Бельский добавил иллюстрацию. Черты лица, характерная прическа и круглые очки позволяют узнать Михаила Кольцова.

Биография Кольцова – в ее «гетманской» части – так же туманна, как биография самого Бельского. Уроженец Киева, до 1917 года он успел приобрести журналистскую известность, сотрудничая в столичных изданиях, включая и журнал «Сатирикон». После октября 1917 года он, как и многие сатириконцы, собрался, по мнению знакомых, эмигрировать – «прицеливался к бегу». Однако эмигрантом не стал, работал в кинематографическом комитете Наркомпресса. С сентября 1918 года – большевик, рекомендацию получил у возглавлявшего Народный комиссариат

просвещения Анатолия Луначарского. По линии Наркомпроса Кольцов поехал в родной город – для съемки мирных переговоров гетманского правительства с представителями Советской России.

Неизвестно, проводились ли эти съемки и был ли Кольцов непосредственно связан с делегацией РСФСР. В отличие от героя романа, в Киеве он печатал статьи и фельетоны. Но его публикации были откровенно антисоветскими. Кроме того, Кольцов приезжал в Петроград, приглашая известных журналистов сотрудничать в антисоветских изданиях⁹⁴.

В артистических и литературных кругах Киева Кольцов был хорошо известен. Женившийся на известной актрисе Вере Юреновой, он быстро стал в этих кругах своим. Скорее всего, Бельский познакомился с Кольцовым именно в гетманском Киеве.

Трудно сказать, читал ли Кольцов роман Бельского, угадал ли себя в Германе. Ясно одно: изначально вполне дружеские отношения двух журналистов оказались к 1930-м годам безнадежно испорченными. В 1934 году столкновение с Кольцовым, ставшим одним из руководителей советской печати, едва не окончилось для Бельского арестом.

Пожалуй, роман отражает мироощущение Бельского в начале 1920-х годов. Он – победитель. Гражданская война закончилась, и он выиграл. Пусть не вполне так победил, как хотелось, но победа бесспорная. У него были различные противники. Трусливые и алчные, бесстрашные и бескорыстные, изуверски жестокие и великодушные. Победители сражались храбро, «работали много, самоотверженно, ставя личные интересы в грош – для блага общего дела». Но их противники, «славное, но неудачливое» деникинское «воинство», вызывали у бывшего чекиста сочувствие. Сочувствия не было только к тому, «что именовало себя цветом России, а на самом деле было мусором, выброшенным за борт революционной войной».

Финал романа Бельский реферировал в статье «Тиражная медицина»: «Платон Ногин, по приказанию свыше, расстрелял всех героев, несмотря на убийственные мольбы читательниц»⁹⁵.

Впрочем, доктора Шагова, Козырева, его возлюбленную и некоторых других героев автор все-таки пожалел и оставил в живых.

Редактор предложил Бельскому написать роман, чтобы решить вполне конкретную задачу – повысить тираж «Красного Николаева». Читательская аудитория определялась четко: в первую очередь – николаевские рабочие.

Роман печатался в газете почти каждый день, так что до конца продумывать сюжетные линии и править стиль у Бельского просто не было времени.

Но если бы роман удалось издать книгой и она вышла бы в Москве или даже Харькове, столице советской Украины, – литературное имя автору было бы обеспечено. Собственно, такого же рода роман, «Остров Эрендорф», принес в 1924 году литературную известность Валентину Катаеву. Но, в отличие от Катаева, Бельский сюжет выстроил неверно – политически.

О Киеве времен Скоропадского написал, к примеру, Михаил Булгаков в романе «Белая гвардия». Аналогично – Виктор Шкловский в «Сентиментальном путешествии». Эти книги не были запретными. Историческая канва в обоих случаях – противостояние поддерживаемого немцами Скоропадского и Петлюры. Советская же делегации в «реакционный Вавилон» словно бы не приезжала. Даже упоминание о ней – после восхождения Сталина к вершинам власти – стало невозможным. В карьере генерального секретаря большевистской партии не было места неудачам, да и гетман был осмыслен как враг Советской России. Упоминание о переговорах, таким образом, исключались.

Булгаков и Шкловский все это понимали еще в начале 1920-х годов. Бельский – нет.

Разумеется, Булгаков не мог себя увидеть среди победителей в гражданской войне. Вообще не его война. Он лишь доказывал в романе, что исполнившие свой долг честно и до конца, под какими бы знаменами ни сражались, погибли не напрасно, их доблесть – залог будущего России. А еще он решил важнейшую – для Сталина – задачу: создал образ гетмановского Киева, где красных нет. Возможно, что и поэтому генеральный секретарь не позволял окончательно запретить инсценировку булгаковского романа – пьесу «Дни Турбинных».

Шкловский тоже осторожность проявил. Да, некогда был среди победителей, с их врагами сражался. Потому доказывал в «Сентиментальном путешествии», что лично он гражданскую войну если и не выиграл, так уж точно не проиграл. Не его победили. Однако и не он победил. Чутким был не победивший к политическим веяниям, потому и создал образ гетмановского Киева, советскую миссию игнорируя.

А Бельский – в 1923 году – все еще видел себя победителем. Это была его война. И газета была его, советская. Вот почему не осторожничал, написал там, что хотел и как хотел. Соответственно, после 1924 года заведомо исключалась републикация романа «В пламени борьбы».

Но 1923 и первая половина 1924 года для Бельского – счастливое время. Он делал газету и журнал, много писал и рисовал. Его усилия не пропали даром: газета вышла из кризиса, ее тираж вырос. Благодаря самоотверженной работе николаевских журналистов «Красный Николаев» стал одной из самых сильных региональных газет.

В «Бурав» удалось привлечь известных писателей, что и способствовало росту популярности и журнала, и газеты. У изданий появились деньги, которыми можно было расплачиваться с авторами и оказывать помощь тем, кто в ней нуждался. Так, Бунцельман рассказал впоследствии историю нищего поэта Демьяна Костенко, «пьяницы и анархиста». «Красный Николаев» и «Бурав» печатали стихи Костенко, спасая поэта от голодной смерти. Эти стихи, как свидетельствует Бунцельман, отличались «непосредственностью чувств и формальным мастерством».

Художественные дарования бывшего чекиста признали николаевские власти: после смерти Ленина было решено установить «вождю мирового пролетариата» памятник в Николаеве. Власти объявили конкурс на лучший проект, Бельский вошел в жюри этого конкурса. Памятник, однако, в 1924 году сооружен не был: жюри забракowało все присланные проекты⁹⁶.

«Смерть селькора»

28 марта 1924 года в Дымовском поселке № 1 – части большого села Дымовка Ново-Одесского района Николаевского округа Одесской губернии – убили местного жителя, крестьянина Григория Малиновского.

Началось следствие, которое поначалу не смогло отыскать убийцу. Но через три с половиной месяца в николаевскую прокуратуру с повинной явился родной младший брат убитого, Андрей. Андрей Малиновский, сразу же попавший в соответствующую обработку, заявил, что его подбили на преступление представители дымовских властей – партийных и советских. В центре скандала оказался «Красный Николаев»: убитый крестьянин был объявлен селькором николаевской газеты.

То, что случилось потом, известно в истории СССР как дымовский процесс, дымовское дело, «дымовщина» или просто «Дымовка». Выездная сессия Одесского губернского суда согласилась с тем, что организаторами убийства Григория Малиновского были местные кулаки, замаскировавшиеся под представителей советской власти в деревне. Они, по версии суда, боялись разоблачений честного селькора. Собственно,

те, кого суд назвал организаторами этого убийства – Константин Попандопуло, уполномоченный дымовской партийной ячейки по поселку № 1, Михаил Тулюпа (Гюлюпа), председатель местного комитета незаможных селян (КНС, комитета бедноты), и участковый милиционер Зиновий Стецун – были расстреляны. Остальные семь подсудимых, в том числе Андрей Малиновский, получили тюремные сроки. После процесса Дымовка была переименована в Малиновку, в ней был организован дом-музей Малиновского и поставлен ему памятник.

Однако в дневнике Петра Шелеста, в 1963–1973 годах – руководителя Украинской компартии, есть запись, датированная 20-м ноября 1969 года. Шелест реагировал на дошедшее до него ходатайство дочери одного из осужденных и полученные по этому вопросу справки: «Малиновский никогда не был селькором, он бывший бандит. А затем, пристроившись, действовал как подкулачник против комитета бедноты, местной партийной ячейки. Создал дело “малиновщина” Сосновский, провокатор-троцкист, бывший корреспондент газеты “Правда”. Убил Малиновского его младший родной брат в отместку за издевательство». «Надо всех осужденных реабилитировать, музей и памятник Малиновскому в с. Дымовке ликвидировать. Провести сход в с. Дымовке, где обо всем рассказать, как было и как восторжествовала правда», – резюмировал партийный руководитель⁹⁷.

При пересмотре этого дела прокуратурой Украины выяснилось, кроме того, что в основе дымовской истории лежал конфликт между деревенскими властями и николаевским окружным прокурором Борисом Идиным. Дымовские коммунисты пожаловались на, как им казалось, несправедливые поступки и речи прокурора в окружном партийном комитете, окружном вынес прокурору выговор. Идин затаил обиду и при первой возможности расквитался со своими врагами.

В итоге нового следствия и судебного разбирательства большинство осужденных были оправданы и восстановлены в партии.

Но – в связи со вводом советских войск в Чехословакию в справедливость восторжествовала «без широкой огласки в печати»⁹⁸.

Дымовское дело, ныне прочно забытое историками, требует особого, специального изучения – как один из первых в СССР сфальсифицированных политических процессов. В рамках данной работы невозможно, конечно, полностью проанализировать весь комплекс связанных с этим делом документов. Юридический аспект процесса 1924 года в данном

случае интересен постольку, поскольку он определил ход соответствующей газетной кампании.

Все публикации в советской прессе, посвященные смерти Малиновского, выявить вряд ли возможно. Однако из материалов, помещенных в николаевской, одесской и московской периодике, можно представить себе общую картину развития событий. Из материалов этих, в частности, следует: Бельский сильно ошибался, утверждая – в юбилейном тысячном номере – что самое «тяжелое» для журналистов и их издания время «позади»⁹⁹.

В субботу, 12 июля, в николаевскую прокуратуру пришел Андрей Малиновский. Три дня спустя, во вторник, 15 июля, первое сообщение о раскрытом убийстве опубликовал «Красный Николаев». Статья, принадлежащая Киселеву, не содержала имени убитого, но была наполнена угрозами по адресу неназванных убийц, «представителей местной власти»¹⁰⁰.

Далее события стали происходить с невероятной быстротой.

16 июля николаевским читателям сообщались подробности – в характерном для газеты духе криминальной хроники: «Убийство селькора “Красного Николаева”. Малиновский – жертва сельских кулаков. Брат селькора – слепое орудие мести». Статья прозрачно намекала на то, что в связи со «смертью селькора» уже началась политическая кампания: «Вообще убийство в Дымовском поселке, Ново-Одесского района, обещает в ближайшие дни приобрести большой интерес»¹⁰¹. 18 июля в пропагандистскую кампанию включилась одесская губернская печать, соответствующие материалы появились в одесских «Известиях»¹⁰².

19 июля информационный вброс – уже на всесоюзном уровне – осуществили одновременно «Правда» и московские «Известия», опубликовавшие сообщение о гибели Малиновского¹⁰³. 20 июля последовало и первое поэтическое осмысление дымовских событий – стихотворение Багрицкого «Слово – в бой (На смерть т. Малиновского)». Стихотворение опубликовала одесская газета «Моряк»:

Голосом маховиков и копей
Говорит рабкор. И перед ним
Сила вражья мечется, как хлопья
Черной сажки, и летит, как дым.
Но не дремлет вражеская сила,
Сила вражеская не легка:
Вот рабкора, притаясь, убила
Хитрая, лукавая рука...

Слишком смело он пером рабочим
Обжигал, колол и обличал,
Слишком грозно поглядел ей в очи,
Слишком громко правду закричал.
Гей, рабкор! Свое перо стальное
Зажимай мозолистой рукой,
Чтоб ты мог за право трудовое
Дать решительный, последний бой¹⁰⁴.

Стихотворение написано явно наспех: по версии Багрицкого, Малиновского убила «хитрая, лукавая рука» врагов. Причина же убийства заключалась, в частности, в том, что он «слишком грозно поглядел ей в очи». Кроме того, герой стихотворения не селькор, а рабкор: он работает на заводе, пишет «пером рабочим» и говорит «голосом маховиков и копей».

22 июля большой материал о дымовском деле опубликовала «Правда». Статья называлась «Опять убийство» и принадлежала Кольцову – тогда уже корреспонденту главной партийной газеты и редактору журнала «Огонек»¹⁰⁵. 26 июля статью «Убийство селькора Малиновского» поместили московские «Известия». Ее автор – одессит Борис Флит, журналист с дореволюционным стажем, под псевдонимом *Д. Маллори* сотрудничавший и в одесской, и в московской печати¹⁰⁶. 30 июля в «Правде» вышла статья Киселева «Подробности убийства селькора Малиновского»¹⁰⁷.

Параллельно в Николаеве и в Одессе устраивались профсоюзные собрания работников печати, совещания селькоров и рабкоров. На совещаниях – с участием руководителей соответствующих комитетов партии и работников прокуратуры – произносились гневные речи, клеймившие «убийц селькора», звучали призывы сурово покарать виновных, давались обязательства «провести по всем фабрикам, заводам, а также в губернии кампанию протеста по поводу убийства Григория Малиновского»¹⁰⁸.

Июльская пропагандистская истерия строилась вокруг одной из анонимных заметок, опубликованной в «Красном Николаеве» 2 февраля того же года. Заметка называлась «Ряженный дурень». В ней высмеивался предшественнике Тулюпы на посту председателя дымовского КНС Журавский, который, переодевшись цыганкой и нарядив одного из приятелей в костюм козы, колядовал на святках.

«Ряженный дурень» был снабжен соответствующей карикатурой Бельского, изобразившего – в нарочито примитивной манере – переодетого

цыганкой Журавского под руку с козой. Под карикатурой были помещены столь же нарочито грубые стихи Городского:

В сельсовете есть Журавский,
Но фамилию ему
На другую, Христовский,
По «великому» уму.
Я в стихах парнишку дую,
Вздуй теперь его, народ,
Чтоб «цыганку» удалю
Вмиг прошиб цыганский пот.

К написанию этого текста ни селькоры вообще, ни тем более «селькор Малиновский» отношения не имели. Заметка была редакционной: эпиграфом к ней служила выдержка из крестьянского письма. В тексте же рассказывалось о том, как «подлинные незаможники», недовольные поведением Журавского, пришли с письмом в редакцию «через бездорожье и метелицу». Заметка была совсем не злой, скорее – юмористической и веселой: «Нет дыма без огня. Нет Дымовки без... веселого случая»¹⁰⁹.

После публикации статьи Журавский умер.

Впервые о том, что именно эта заметка стала причиной «убийства селькора», рассказал сам Бельский – в выступлении на профсоюзном собрании в Николаеве 18 июля. Согласно хронике этого мероприятия, опубликованной в «Красном Николаеве», заседание вел Яков Городской, предложивший «почтить вставанием память Малиновского, павшего на славном посту рабоче-крестьянской советской печати». Бельский же, выступавший после Городского, отметил: «Мы живо реагировали на корреспонденции Малиновского, и вот когда Малиновский принес корреспонденцию о деятельности предКНС Журавского, мы решили обстрелять его со всех сторон. Факты были налицо. Яго (газетный псевдоним Якова Городского. – О. К., Д. Ф.) написал стихи, я соответствующую карикатуру». Он также поведал собравшимся в Николаеве «работникам печати», что на теле убитого Малиновского была найдена записка с надписью «Вот тебе за козу».

На следующий день «Красный Николаев» републиковал «Ряженого дурня». Заметка была сильно отредактирована: из нее убрали эпиграф и упоминание о «подлинных незаможниках». Под текстом поставили подпись Малиновского.

Новый вариант заметки, а также речь Бельского, растиражированные и «Красным Николаевом», и одесскими губернскими газетами, лег-

ла в основу статей Кольцова и Флита. Кольцов пересказал заметку и утверждал: «Корреспонденции Малиновского имели у редакции успех. «Красный Николаев» печатает их на видном месте, с карикатурами. Деревенские заправила в ярости»¹¹⁰.

А Флит, процитировав того же «Ряженого дурня», сочинил историю о том, как Журавский организовал «убийство селькора». Согласно Флиту, Журавский «нашептывал» Андрею Малиновскому: «Все село будет тебе благодарно, если ты его прикончишь. Я тебе дам обрез австрийской винтовки, убьешь скотину, винтовку мне отдашь, я ее спрячу, с тебя всякое подозрение упадет»¹¹¹. При этом Флит, как до того Багрицкий, не дал себе труда выяснить даже официальную версию случившегося: Журавский умер за месяц до смерти Малиновского.

Стремительность появления «дымовских» статей и в региональной, и в центральной прессе в июле 1924 года можно объяснить только одним: кампания против «убийц селькора» была заранее спланирована. Очевидно, что ее организаторы исходили из резолюции «О культурной работе в деревне», принятой на XIII съезде РКП(б) за две недели до признания Андрея Малиновского. В резолюции подтверждалось решение предыдущего, XII съезда (1923): «Обнаружение элементов, вносящих в наш советский аппарат навыки царистско-крепостнического режима и мешающих укреплению союза рабочего класса и крестьянства, изгнание их из советского аппарата, публичный суд над ними являются важнейшими задачами партии и советской власти»¹¹².

Признание Андрея Малиновского пришлось кстати: у Идина появился случай не только сквитаться с личными врагами, но и – первым в СССР – выполнить решение съезда, вычистить «советский аппарат» в Дымовке и организовать над «контрреволюционными элементами» публичный суд. В этой связи и была выдумана версия «селькорства» Григория Малиновского, а также мести селькору со стороны дымовских властей. На «разоблачение убийц селькора» мгновенно была получена санкция сверху, скорее всего, прямо из Москвы.

Анонимный «Ряженный дурень» был не единственной заметкой, приписанной Идиным Малиновскому. 24 февраля, через три недели после «Дурня», в «Красном Николаеве» появилась статья «Бравый предКНС», подписанная псевдонимом М-й. В ней критиковался непосредственно Михаил Тулюпа, один из дымовских врагов Идина. Тулюпа, по мнению

автора заметки, был виноват в том, что «у своих же незаможников гусей крадет», в прошлом был бандитом, а сейчас – кулак, у которого «своя молотилка, пара коней, жатка, 2 коровы». В связи с этим автор заметки угрожал председателю дымовского КНС уголовным преследованием: «Судебные органы подробнее и внимательнее займутся обследованием деятельности Тюлюпы и по заслугам оценят все грешки»¹¹³.

Сам Тюлюпа показывал на суде, что «понял» псевдоним селькора как *Местный* или *Московский*, другие жители села подозревали, что ее автором был дымовский крестьянин Малицкий¹¹⁴.

Эта заметка не осталась без последствий. Во-первых, после ее выхода Тюлюпа ушел с должности председателя КНС; его сменил другой «незаможник», Мефодий Талпа. Во-вторых, КНС и сельсовет приняли заявления, в которых осудили нападки газеты на Тюлюпу: «Мы, коренные селяне Дымовки, знаем, что Тюлюпа стоит на страже интересов советской власти. Мы знаем его революционную деятельность. То, что написано о нем в газете, не только пятно на Тюлюпу, но и на всю местную власть. И потому мы просим вызвать корреспондента и привлечь его к ответственности, чтобы другим корреспондентам отбить охоту заниматься ненужной клеветой»¹¹⁵. Протоколы заседаний сельсовета и КНС Тюлюпа принес в редакцию лично.

По материалам этих протоколов Бельский – выступивший под прозрачным и традиционным для себя псевдонимом *Я. Б-й* – написал опровержение. Опубликовано оно было 21 марта, за неделю до смерти Малиновского, и выглядело следующим образом: «В ответ на заметку “Бравый предКНС” тов. Тюлюпа сообщает, что авторами ее являются лица, недоброжелательно относящиеся к советской власти. В отношении этого приняты меры для привлечения их к ответственности, так как заметка написана в силу сведения личных счетов. То же подтверждает протокол заседания Дымовского комнезаможа и сельсовета».

Дальше следовали две фразы, специально выделенные на газетной полосе жирным шрифтом: «Такие корреспонденции их авторам ничего хорошего не принесут. Дымовской ячейке необходимо выделить своего постоянного селькора, который бы пользовался доверием и не сводил личных счетов»¹¹⁶. Выглядели они как мнение Бельского о конфликте Тюлюпы и автора заметки.

Собственно, в самом факте публикации опровержения не было ничего необычного: информация рабкоров и селькоров, публиковавшаяся и

в центральных, и в местных газетах, часто не соответствовала действительности. Заметки с критикой начальства могли быть вызваны «личными счетами», политической целесообразностью, обидами, завистью и т.п. Соответственно, газеты 1920-х годов были наполнены опровержениями такого рода заметок.

О том, что николаевская ситуация была вполне типична, свидетельствует, например, юмористический фельетон Катаева «Как писать опровержения», опубликованный в начале 1924 года в бакинском журнале «Желонка». Катаев – возможно, знавший историю с Тулюпой – давал двусмысленные советы пострадавшим от рабкоров. Один из его советов назывался «опровержение буфф»:

«– Ты обо мне писал?

– Я.

– Так вот же тебе! Трах, трах!

(Два раза ударить палкой по голове нехорошего рабкора и потом сесть на 6 месяцев. После этого все будут уверены в вашей невиновности)¹¹⁷.

Скорее всего, в феврале – марте ситуация с Тулюпой, крадущем гусей, и редакционным опровержением представлялась комичной и замреду «Красного Николаева». Однако в июле Бельскому явно стало не до смеха. Получалось, что за неделю до убийства он обещал селькору неприятности, грозил возмездием – а значит, был в курсе замыслов кулаков. Автор опровержения вполне мог оказаться на скамье подсудимых.

Но в этом случае Идин сталкивался с ГПУ: Бельский, занимавший в одесском губотделе высокий пост, ушел оттуда всего за два года до описываемых событий. А это значило, что гнездо контрреволюции следовало искать не только в Дымовке, не только в «Красном Николаеве», но и в «органах». Такой сценарий прокурору поначалу был не нужен.

Газету предупредили о готовящемся политическом процессе. Ей позволили ввести в пропагандистский оборот заметку «Ряженный дурень». Очевидно, редакции было обещано – в обмен на признание Малиновского селькором «Красного Николаева» – что доказательством его селькорства на суде станет именно эта заметка. А статья «Бравый предКНС» и опровержение не всплывут вовсе.

Договоренности эти соблюдались в ходе предварительного следствия: протоколы, по которым Бельский составлял опровержение, затребованы не были.

«На войне как на войне...»

Судебный процесс над «убийцами селькора» прошел в Николаеве с 7 по 24 октября. Вел процесс председатель Одесского губсуда С.Я. Гельферих, «при секретаре Роговом». Членами суда были «рабочий завода Марти-Бадина тов. Донченко и представитель от Красной армии»¹¹⁸. Идин участвовал в судебных заседаниях в качестве государственного обвинителя. Главным свидетелем обвинения оказался дымовский крестьянин Сергей Добровольский, утверждавший, что он – двоюродный брат и друг убитого и тоже является селькором «Красного Николаева». По версии следствия, именно с Добровольским Малиновский делился планами своей дальнейшей деятельности по разоблачению «кулаков». Впоследствии же выяснилось, что следователи поручили Добровольскому «подобрать и выставить в суде свидетелей для дачи нужных его организаторам показаний»¹¹⁹.

Процесс был открытым: на нем присутствовали представители центральных, республиканских и региональных газет, жители Николаева и окрестных сел, специально приехавшие в Николаев московские знаменитости, в том числе Демьян Бедный, и даже случайно заехавшие в город английские моряки. Под судебные заседания отдали местный кинотеатр – зал 1-го Госкино.

Суд сопровождался вторым этапом газетной кампании: журналисты работали, прежде всего, в жанре судебной хроники. Много было и аналитических статей, посвященных отдельным фигурантам дела. Этот этап отличался от первого, июльского, повышенной нервозностью и агрессивностью. Политическая ситуация от июля к октябрю коренным образом изменилась: в игру вступили силы, которым не было никакого дела до братьев Малиновских, Идина и «Красного Николаева».

За власть над страной и партией со Сталиным, Зиновьевым и Каменевым боролся наркомвоенмор Лев Троцкий. Троцкому Дымовка понадобилась прежде всего как иллюстрация тезиса о «гнилости» советского аппарата на местах – в связи с неправильной партийной политикой Сталина.

Дымовскую тему стал разрабатывать Лев Сосновский, бывший редактор газет «Гудок» и «Беднота», сильный партийный публицист. 4 октября «Правда» опубликовала первую его дымовскую статью – «Руки прочь от рабочей печати»¹²⁰. А уже 6 октября «Красный Николаев» сообщил: «Вчера из Москвы приехал для участия в процессе Малиновского в качестве общественного обвинителя сотрудник «Правды» Л.С. Сосновский»¹²¹.

Из Николаева, «по телеграфу», Сосновский прислал в «Правду» целую серию статей: «Убита ли правда?», «Горе рыцарям обреза», «Убийца и жертва», «Незримые пули» и т.п.¹²² По итогам процесса Сосновский написал книгу «Дымовка»; тут же, «с колес», она была выпущена в свет издательством «Правда»¹²³.

В отличие от многих советских литераторов 1920-х годов, колебавшихся в своих политических пристрастиях, Сосновский был идейным троцкистом, верным соратником Троцкого, активным участником «левой оппозиции». К 1924 году он уже не был журналистом даже в советском понимании этого слова. Сосновский был серьезным политиком, лишь использовавшим в политической борьбе журналистские приемы.

Естественно, что и судья Гельферих, и прокурор Идин тут же приняли сторону Сосновского, а значит – и Троцкого. Через личное общение с ними, через статьи в «Правде» и собственные выступления на процессе Сосновский дирижировал николаевским судом. Его появление в Николаеве обозначало крах всех предварительных договоренностей относительно хода процесса.

Так, процесс оказался направленным против ведомства «железного Феликса»: как известно, Дзержинский поддержал Сталина в его борьбе с Троцким. «Гнилость» советского аппарата – в связи с дымовским делом – планировалось проиллюстрировать на примере одесского губотдела ГПУ.

В ходе судебных заседаний было раскрыто имя информатора «органов» в Дымовке. Им оказался руководитель дымовских комсомольцев, 17-летний Константин Попандопуло – сын впоследствии расстрелянного уполномоченного партийной ячейки по поселку № 1¹²⁴.

Журналисты, освещавшие процесс, всячески изощрялись в придумывании для Попандопуло обидных кличек: его презрительно называли «Косьюкой», «наследным принцем дымовским» и просто «гаденышем»¹²⁵. Собственно, этих кличек Попандопуло удостоился за то, что сообщал ГПУ негативные сведения о Малиновском. На суде составленная по его донесениям информационная сводка была оглашена.

Прозвучавшие в зале суда данные ГПУ свидетельствовали: Попандопуло установил, что Малиновский «вел агитацию» «против вступления в ряды Красной армии», в годы гражданской войны «служил в бандах Григорьева и Петлюры, грабил крестьян с деникинцами», «в 1921 году примазался в партию, оттуда исключен, но носит с собой старый партийный билет». «Необходимо положить его выходкам конец», – резюмировал информатор.

Суд квалифицировал эти донесения как «гнусную ложь» – однако при просмотре дела в 1969 году представленные в ГПУ данные полностью подтвердились.

Судебные хроники сохранили драматические моменты допроса Константина Попандопуло 12 октября 1924 года. От него требовали назвать фамилии тех, кто сообщал ему «ложные сведения». Однако «гаденыш» был тверд – и фамилии не назвал, приняв составление донесений на себя. Комсомолец дерзил судье, прокурору и Сосновскому, отказывался отвечать на вопросы¹²⁶.

Сосновский – и в выступлениях, и в статьях – много раз останавливался на личности информатора ГПУ, на его осведомительской работе. Он утверждал: «Если бы не судебный процесс, этот юноша мог бы далеко пойти. С наглой усмешечкой, прищуренными глазами смотрел он в глаза судьям»; «еще Ленин сказал, что каждый коммунист должен быть чекистом. Нужно сохранять этот высший орган, оберегающий права пролетариата и его завоевания. И сохранять так, чтобы ни одно пятно не оказалось на ГПУ. Что же сделали Попандопуло и его компания?.. Во что они хотели обратить этот орган, являющийся совестью пролетариата? Они хотели превратить его в грязь»¹²⁷.

В связи с историей Константина Попандопуло Сосновский обрушил на ГПУ потоки гнева. Согласно его статьям деятельность одесских чекистов оказалась на руку «убийцам селькора», а «информационная сводка ГПУ» «превратилась в обрез, в оружие морально-политического убийства»¹²⁸.

Прошлая служба в ЧК и связи в губотделе перестали, таким образом, быть для Бельского защитой. Версию о том, что Малиновского убили «за козу», на суде никто и не вспомнил. В центре внимания оказалась статья «Бравый предКНС» – и, соответственно, опровержение к ней.

9 сентября, во время допроса Тулюпы, опровержение было зачитано¹²⁹. Однако подлинная катастрофа едва не произошла три дня спустя, 12 октября, тогда же, когда в суде допрашивали Попандопуло. Один из подсудимых, Талпа, сменивший Тулюпу на посту председателя КНС, заявил, что не знает, откуда газета взяла материал для опровержения. Талпа лгал: под документами, полученными редакцией, стояла, в частности, его подпись. Прокурор Идин тут же потребовал от газеты объяснений.

Большинство присутствовавших на суде журналистов описали этот момент как «исключительный», «тяжелый», самый напряженный во всем

процессе. Уверенности в том, что эти документы – не затребованные предварительным следствием – сохранились, ни у кого не было. Если бы протоколы заседаний сельсовета и КНС не нашлись, опровержение было бы объявлено личным измышлением Бельского. А значит, последовал бы его немедленный арест.

Очевидно, на то, что бумаги пропали, рассчитывал Сосновский – «с болью», по его собственным словам, наблюдавший за происходившим в зале. На скамье подсудимых оказывался уже не 17-летний мальчишка-информатор, а взрослый человек, бывший уполномоченный по борьбе с контрреволюцией, заместитель редактора газеты, партийный журналист, не скрывавший своего чекистского прошлого. Происходящее легко можно было бы представить как «смычку» одесского ГПУ и николаевской редакции с дымовскими кулаками.

Но «Красный Николаев» предоставил необходимые бумаги и разоблачил Талпу. «Все эти документы производят впечатление разорвавшейся бомбы. Исключительно благодаря действиям редакции документы эти были извлечены из архивов и как весьма существенные материалы переданы суду», – констатирует хроника николаевской газеты¹³⁰.

О том, как конкретно состоялась передача бумаг, повествуют одесские «Известия»: «В это время в зал суда входят сотрудники сельского отдела “Красного Николаева” т.т. Бельский и Юнг. С раннего утра копаясь в архивах рукописей селькоров, они обнаружили и доставили в суд протоколы заседаний»¹³¹.

Однако Бельский не мог просто так передать бумаги суду; очевидно, он был допрошен в связи с обстоятельствами их появления в редакции. Молчание хроник по поводу его допроса вполне объяснимо: журналисты сочувствовали коллеге и хорошо понимали, что жертвой подобных обстоятельств мог оказаться каждый из них. Таким образом, у заместителя редактора был шанс сказать на суде правду. Шансом этим Бельский очевидным образом не воспользовался. Впрочем, правда все равно не изменила бы ход процесса – а только бы вовлекла в его орбиту новых фигурантов.

За публикацию опровержения публичное покаяние принес Киселев. Он заявил: «Товарищи судьи!.. На войне как на войне. На войне тех, кто пробирается во вражеский штаб и, пользуясь доверием к нему, пытаются направить его по ложному пути, считают шпионами и беспощадно расстреливают. Классовая война – еще более жестокая война. На селе идет классовая война»¹³².

Разгромить одесское ГПУ, а заодно и редакцию «Красного Николаева» Сосновскому не удалось, у него для этого не хватило данных. Однако он все равно гневно осудил николаевских журналистов: «Кроме пули из обрез Малиновский получил отравленную пулю со страниц любимой им газеты»; «Григорий так и погиб с тягостным впечатлением от незаслуженного удара со стороны редакции, поместившей наглое, лживое опровержение шайки преступников». Вслед за ним об опровержении, которое, «к стыду» всей красной печати, появилось на страницах «Красного Николаева», написали многие советские газеты¹³³.

Кульминацией процесса стала публикация 19 октября в «Правде» статьи Троцкого, посвященной дымовскому делу. Статья называлась «Каленым утюгом».

Время публикации этой статьи было выбрано не случайно: в это же время из печати вышел третий том собрания сочинений Троцкого, которому была предпослана знаменитая работа «Уроки Октября». В «Уроках Октября» он напомнил читателям о своей роли в октябрьской революции. И выступил против Зиновьева и Каменева, которые «чудовищно» недооценили «силы революции» накануне ее свершения и разгласили дату ее начала в открытой печати. С помощью «Уроков Октября» Троцкий пытался вернуть себе партийное лидерство, морально уничтожить своих врагов.

Те же самые попытки наблюдаем и в статье «Каленым утюгом». Основная идея статьи в том, что «революционная диктатура» по-прежнему «в кольце врагов», внешних и внутренних. Победить врагов можно, только отказавшись от неверного курса, который взяла партия. А для того следует «всеми силами и средствами обеспечить свободу критики и обличения всего того, что мешает диктатуре трудящихся, подрывает эту диктатуру, искажает ее и компрометирует в глазах той или другой части рабочих и крестьян».

Журналист Герман, герой романа «В пламени борьбы»

Виновными же непосредственно в гибели селькора объявлялись, во-первых, «чиновник», который «не любит, когда его беспокоят», а во-вторых – «кулак», «который хочет, чтобы ему не мешали грабить».

Иными словами, Малиновского погубил сросшийся с кулаками советский престаалинский аппарат. Убийство селькора, по Троцкому, – это покушение на «свободу» советской печати¹³⁴.

Согласно судебным хроникам, 20 октября Сосновский принес эту статью на судебное заседание – объяснив, что получил ее «по радио». По его ходатайству заседание было прервано. «При абсолютном внимании и полной тишине зала» Сосновский зачитал статью. Она «произвела глубокое впечатление на всех собравшихся» – и была приобщена к делу¹³⁵. Приговор огласили через три дня после чтения статьи.

Но николаевские журналисты вовсе не были негодьями, хладнокровно наблюдавшими за тем, как на их глазах гибнут невинные люди.

Яков Городской, например, побывав в Москве в канун процесса, написал и опубликовал в «Бураве» стихотворение «Боль московская»:

Чем больше пью – тем опьянение ближе.
И вот уж нет меня, я в тех давно,
Кто жадно пьет такое же вино,
В чьих душах новых день вчерашний выжжен...

Москва-река! Ты – тишина сплошная,
Москва-река, ручной родимый зверь,
Ну разве ты не с нами и теперь?
Ну разве ты не выкрикнешь: «грешна я»?¹³⁶

Бельский же – после окончания процесса – предпринял отчаянную попытку вмешаться в ход событий.

С начала дымовской кампании он – судя по содержанию «Красного Николаева» – не выезжал из города. Покинуть Николаев Бельский не имел возможности: следствие в любой момент могло заинтересоваться его личностью, отъезд же легко мог быть интерпретирован как бегство от ответственности. В суд, как уже говорилось выше, Бельский был в итоге вызван: ему пришлось давать показания.

Первая поездка Бельского за пределы города состоялась лишь в начале декабря 1924 года. У поездки этой был благовидный предлог: заместитель редактора поехал в Москву, на всесоюзный съезд селькоров. Съезд этот открылся 5 декабря и продолжался неделю. Вернувшись, Бельский сделал об этом съезде доклад на открытии николаевских курсов газетоведения; сообщение о докладе «Красный Николаев» опубликовал 28 декабря¹³⁷.

Трудно сказать, с кем он встречался в Москве. Однако интерес к его персоне в столице был явно повышенным. Фамилия Бельского как автора карикатуры к статье «Ряженный дурень» была у всех на слуху, многие знали о том, что именно он был и автором опровержения. Обстоятельства же дела были таковы, что нетрудно предположить его встречу с самим Дзержинским или с кем-то из его ближайшего окружения.

В Москве работал близкий к Дзержинскому Дейч, ушедший в 1923 году из ЧК на должность руководителя Камвольного треста. Став в 1924 году председателем Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР, Дзержинский пользовался консультациями Дейча. Трудно предположить, что судьба ОГЧК была ее бывшему председателю безразлична и что с Бельским он в конце 1924 года не общался.

Кроме того, с Дзержинским Бельский был знаком и лично. Как известно, председатель ВЧК приезжал в Одессу дважды, в 1920 и 1921 годах.

Судя по событиям, последовавшим вскоре, за время пребывания Бельского в Москве была разработана операция, позволявшая чекистам нейтрализовать «разоблачения» Сосновского. При этом николаевские журналисты смогли бы помочь приговоренным к расстрелу и тюремному заключению. Правда, операция эта – в контексте политической борьбы «в верхах» – была для ее рядовых участников крайне опасной.

«Почтовым в Москву»

Вернувшись с совещания селькоров, Бельский включился в газетную работу. В конце декабря 1924 – начале января 1925 года он был очень активен: выступал с докладами и лекциями, рисовал карикатуры, писал статьи. И готовил новый, новогодний номер журнала «Бурав». В этом номере было помещено, в частности, стихотворение «Как он рождался», посвященное «родителям» «Бурава» и подписанное красивым псевдонимом *Дон-Алекс-Де-Мазутандо* (под которым скрывался николаевский поэт Алексей Мазутный):

Час рожденья наступает...
Тишь кругом... И лишь порой
Ясно слышно, как «рожают»
Бельский, Юнг и Городской.
...Утро. Все за делом снова,
От вчерашнего устав.
Ночь... Двенадцать... Все готово...
С новым годом, друг «Бурав»¹³⁸.

Из анализа содержания и газеты, и журнала следует: Бельский вовсе не собирался увольняться и уезжать из Николаева. Однако новогодний «Бурав» оказался последним в его николаевской карьере.

В этом номере журнала был опубликован его рассказ, который назывался «Почтовым в Москву».

Политическая кампания, связанная с «убийством селькора», имела и литературную составляющую. О Дымовке рассуждали как о непросвещенном, темном селе, царстве самогона, дикости и произвола. Рассуждения эти базировались на еще одной резолюции XIII съезда, «О культурной работе в деревне»: «Культурный уровень деревни очень низок», «обычная агитация и пропаганда не задевают ее в силу того, что газета, книжка не попадают в деревню, не ориентируются на деревню и крестьянам мало понятны», «широкая политико-просветительская работа должна стать на ближайший год важнейшей ударной задачей»¹³⁹.

Дымовка «темным селом» в реальности не была. Советские и партийные организации были сильными и пользовались доверием у крестьян. Местный КНС объединял около 600 человек¹⁴⁰. Многие дымовцы воевали в годы гражданской войны в Красной армии, состояли в комсомоле и в партии – и, конечно, были грамотными.

Однако те, кто в 1924–1925 годах участвовал в политической кампании, не жалели красок для описания «ужасов» дымовской жизни.

Осмысление «убийства селькора» в терминах борьбы первобытности и цивилизации, деревни и города находим, например, у Владимира Маяковского:

Город растет,
а в далекой деревне,
В тихой глуши
медвежья угла
Все еще
стынет
в дикости древней
Старый,
косматый,
звериный уклад.
Дико в деревне,
и только селькоры,

Жизнь
подставляя
смертельным рискам,
Смело
долбят
непорядков горы
Куцым
своим
карандашным огрызком¹⁴¹.

Зачастую подобные описания принимали крайние, явно выходящие за пределы пропагандистских установок формы. Так, участвовавший в николаевском процессе в качестве зрителя Демьян Бедный пришел, в сопровождении Сосновского, на собрание местных «политпросветработников». И поведал им историю о своем детстве, протекшем «в деревне Губовке, у верховьев Ингула».

Согласно опубликованному в «Красном Николаеве» отчету «"Дымовка", сидящая сегодня на скамье подсудимых», вызвала у Демьяна «воспоминание о такой же темной и оторванной от внешнего мира Губовке», его родном селе. Поэт поделился сведениями из собственной биографии: «25 лет назад, когда я уезжал в Питер, мне мать, темная и злая женщина, сказала: "чтобы ты туда не доехал, а обратно не вернулся". Десять лет тому назад я случайно узнал, что мать, сошедшись с двумя какими-то парнями, вместе с ними задушила отца и бросила его в отхожее место... Товарищи, теперь, через 25 лет, я снова приезжаю к устью реки Ингула, попадаю на процесс Малиновского и вижу на скамье подсудимых другую Губовку, известную под названием "Дымовки"». «Далее, – как свидетельствует опубликованный в газете отчет, – тов. Демьян Бедный остановился на вопросах политпросветработы»¹⁴².

По итогам процесса он написал стихотворение «Памяти селькора Григория Малиновского», в котором уже не было автобиографических подробностей. Демьян Бедный надеялся на то, что

Темная Дымовка сгинет, умрет.
Солнце осветит родные просторы¹⁴³

Дымовский сюжет был положен в основу сотен статей, стихов, рассказов и пьес. По этому сюжету ставились спектакли и кинофильмы, рисовались картины. И почти в каждом произведении о «смерти селькора» обязательным элементом как раз и было противостояние деревенских «темных сил» и «светлых» советских цивилизаторов.

Рассказ «Почтовым в Москву» резко контрастирует с пропагандистскими текстами о Дымовке.

Сюжет рассказа на первый взгляд не имеет ничего общего с событиями в Николаеве: повествователь едет «почтовым в Москву» и наблюдает нравы обитателей плацкартного вагона. Проводник, «товарищ Храпов», рассказывает ему историю из своей жизни.

Однако история эта, история ареста и допросов в Московском уголовном розыске, сродни дымовской: в ее основе лежит ложное обвинение. Храпов поверил в советскую власть, в частности, в НЭП, в «киперацию», за что и поплатился: «21 год был, не съчас... Мы это делегатов из Москвы вызвали, да на собрание. Говорят, говорят, ничего не разобрать. Я вышел – мне слово прошу, товарищ председатель, как мнение свое имею высказать. – Ваше слово, товарищ Храпов. – Товарищи, мужик тот одну корову доит, а киперация весь рабочий класс».

Согласно сюжету за неудачное выступление на собрании Храпова арестовывают, сажают в тюрьму и допрашивают в МУРе, требуя признаться в участии в контрреволюционной организации.

В изложении Храпова допрос выглядит следующим образом:

«– Ладно, ты, говорит, организацию открой, тогда домой пойдешь.

– Никакой, говорю, организации не знаю и не видел, про что говорите.

– Брось, говорит, нешто тебе жить неохота, в гараж тебя сведем и амба.

Вынимает с кармана браунингу, здоровую такую, черную гадюку. Идем, говорит, Храпов, пробил твой последний час. Откроешь?

– Ничего не знаю.

Как начал он мне наливать этой штукой куды полагается».

Однако Храпов остался тверд: участия в «организации» не признал, милицейских побоев не испугался и на провокацию не поддался.

Иллюстрация к рассказу «Почтовым в Москву»
(1923)

В итоге обвиняемый был отпущен:

«– Эх, брат, два месяца в этом МУРе и отпущ задаром. Под пасху только, к самой заутрене, освободили. Выходи, говорят, с вещами потому на свободу.

– А может, в Бутырки отправляете, товарищ, прямо скажите, или на размен?

– Бери вещи.

Взял.

Наверху опять спрашивали: откроешь организацию?

– Никакой такой не знаю, не ведаю.

– Ну, иди, коли так.

– А только, – говорю, – будьте любезны обвинение предъявить, по которому невинно обвинялся.

– Ступай, не рассказывай...

Так вышел я отсюда на рассвете. В глазах слезы, в груди тоска. Вот тебе, брат, киперация. Только теперя понял, что так выступить на собрании нельзя»¹⁴⁴.

Храпов, чья речевая характеристика свидетельствует о крестьянском происхождении, у Бельского – отнюдь не представитель «дикости древней». Напротив того, он сильный и смелый человек, не сломавшийся перед лицом милиционеров-«цивилизаторов», которые гноят невинных в тюрьмах, бьют их, вышибая признание.

Рассказ тем более странен, что написал его вчерашний чекист, прекрасно и сам умевший добиваться показаний от «контрреволюционеров». Чекистский опыт Бельского хорошо виден в тексте: следовательно угрожает Храпову «свести» его «в гараж».

Вообще рассказ «Почтовым в Москву» – в контексте только что завершившегося дымовского процесса – выглядел актом суицида.

Но написание его не было следствием отчаяния доведенного до истерического состояния журналиста; в этом случае рассказ вряд ли достиг бы печати. Вернее другое: рассказ должен был начать согласованную с ГПУ контркампанию, кампанию по разоблачению фальсификаторов дымовского дела. Участие в этой контркампании было для руководителей «Красного Николаева» единственным шансом спасти доброе имя своей газеты.

В тексте причина внезапного освобождения Храпова не называется, но она легко угадывается: версия о его участии в «организации» не была подтверждена в ГПУ. Именно ГПУ, а не милиция, несло ответственность за раскрытие контрреволюционных организаций. Таким образом, рассказ пронизан надеждой на то, что «в Москве», в ГПУ, разберутся и не дадут погибнуть невинным. Контркампанию нужно было организовывать быстро: в судебных инстанциях шла кассация на приговор по дымовскому делу.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) хранится дело под названием «Копия статьи, помещенной в газете “Красный Николаев”, о компрометирующих действиях селькора Малиновского и его жены». В составе этого дела – 4 машинописных листка, представляющих собою письмо в ЦИК СССР некоего Макара Малиновского, дымовского крестьянина, очевидно, родственника «селькора». Автор текста утверждает, что по жанру письмо является статьей. В ЦИК была отправлена копия этой статьи; оригинал, скорее всего, был в редакции «Красного Николаева».

Копия, присланная в ЦИК, не датирована. Ее точная датировка достаточно сложна. С одной стороны, в ней есть указания на газетные публикации о дымовском деле марта 1925 года.

С другой – она апеллирует к «комиссии, выделенной по делу Малиновского». Комиссия из Москвы во главе с известным большевиком Николаем Подвойским работала в городе в ноябре – декабре 1924 года, «обследовала» «низовой сельский аппарат», интересовалась мнением и крестьян, и рабочих относительно только что окончившегося процесса.

По-видимому, статья была написана именно в декабре, а три месяца спустя – дополнена и исправлена.

Статья представляла собою расширенный вариант информационного сообщения ГПУ, зачитанного на николаевском суде. В ней сообщалось о том, что Малиновский не был селькором, а был, напротив того, бандитом и контрреволюционером, убивавшим красноармейцев и евреев, что при Деникине он устраивал «кутежи с белыми», а при красных занимался спекуляцией – в частности, купил дом в Николаеве за «девяносто миллионов рублей».

Нелицеприятно отзывался автор статьи и о вдове Малиновского Евдокии, про которую газеты сообщали, что она – после смерти мужа – поклялась продолжить его дело и сама стала селькором. В статье говорилось, что Евдокия Малиновская «ведет жизнь» «самую разгульную», пьянствует и открыто живет с Сергеем Добровольским, главным свидетелем на процессе. А на просьбы крестьян «прекратить подобный разгул жизни», отвечает «бранью» и «руганью», запугивает односельчан тюрьмой. Рассказывается в статье и о бандитском прошлом Добровольского, о том, что в Красной армии он, как и Малиновский, не служил, а документы о его службе – поддельные.

Судебный процесс над «убийцами селькора» в тексте оценивается крайне негативно. На нем, согласно статье, «не были опрошены часть свидетелей, которые могли бы выявить подлинное лицо Малиновского».

«Правильность» статьи подтверждалась подписями восьми рабочих завода Марти, из них четверо были членами партии. От себя рабочие просили «дать соответствующий ход делу, дабы не создавать разногласий и нежелательных эксцессов, дискредитирующих наш правительственный и центральный орган».

Даже беглого взгляда на этот текст достаточно, чтобы понять: его писал не крестьянин. В статье, в частности, подробно рассказывается о судьбе купленного Малиновским дома в Николаеве: называются имена владельцев дома, суммы, за которые дом перепродавался – пока, наконец, не перешел во владение «селькора». Кроме того, в статье приводятся результаты обыска, проведенного ЧК в 1920 году у Добровольского. В списке вещей, отобранных при обыске, значатся «шинеля (так в тексте. – О. К., Д. Ф.), белье, ботинки, медикаменты, хирургические инструменты и винтовка русского образца», а также чистые бланки советских документов «со штампом и печатью, каковые заверялись военруком Махро». При этом указывается и место обнаружения бланков – «за иконами»¹⁴⁵.

Статья стилизована под крестьянское письмо: нарочито исковерканные фразы соседствуют в ней со вполне правильными литературными оборотами. Кроме того, дымовский крестьянин сам по себе вряд ли мог бы заручиться поддержкой восьми николаевских рабочих.

Текст этот явно написан при участии Бельского: без его связей в ГПУ собрать и обобщить такое количество оперативных данных было нереально. Вполне возможно, что именно он – судя по публикациям в «Бураве» и «Красном Николаеве», неплохо владевший техникой имитации простонародной речи – был и непосредственным автором статьи. В случае попадания на газетные страницы она могла бы стать поворотным моментом в дымовском деле. И рассказ «Почтовым в Москву» призван был, таким образом, подготовить почву для ее публикации.

Однако, вопреки заглавию хранящегося в ГАРФе дела, разоблачение «селькора» на страницах газеты так и не было опубликовано. «Бурав» № 12 вышел из печати 4 января 1925 года¹⁴⁶. Именно в этот день карикатура Бельского в последний раз появилась в «Красном Николаеве». Спустя несколько дней его рисунками уже наполняются страницы харьковской газеты «Пролетарий».

Бегству автора рассказа «Почтовым в Москву» из Николаева есть логичное объяснение: партийная интрига, начавшаяся после дымовского приговора, опередила интригу ГПУ.

Ситуация вокруг Дымовки была крайне сложной и запутанной. Безусловно зная о борьбе Троцкого и Сталина, одесский губком и николаевский окружком партии решили выступить против Сосновского. А в его лице – и против наркомвоенмора. Троцкистский журнал «Рабоче-крестьянский корреспондент» сообщал: «Николаевский окружком проявил особенное недовольство постановкой следствия и процесса, а одесский губком обвинил т. Л. Сосновского в том, что он допустил политически невыдержанное (почти что “контрреволюционное”) противопоставление советского аппарата в деревне – крестьянству, дескать, т. Сосновский содействовал подрыву авторитета этого аппарата»¹⁴⁷.

Против Сосновского выступил и Эммануил Квиринг, партийный руководитель Украины. Он заявил, что «некоторые товарищи, как, например, Сосновский, впадают в журналистский пафос, и в порыве бичевания склонны посадить на скамью подсудимых весь советский и партийный аппарат»¹⁴⁸. Очевидно, украинские коммунисты всех уровней надеялись, что, по-партийному «одернув» троцкиста, они тем самым докажут свою верность Сталину.

Поначалу демарш украинских партийцев был на руку ГПУ. Однако в итоге ситуация сложилась иначе: 26 января 1925 года Троцкий ушел с поста наркомвоенмора, и Сталин решил на время остановить анти-троцкистскую кампанию. Для окончательной победы над врагом у «триумвирата» пока не было сил: Троцкий, соратник Ленина, был уважаем и любим многими членами партии.

В день отставки Троцкого Сталин выступил на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) с речью «О Дымовке». В речи он взял под защиту Сосновского и указал украинским партийным властям на их место: «Говорят, что Сосновский перегнул палку. Но в таких случаях, когда есть общий уклон в сторону официальности, между тем как язвы всё-таки кроются где-то там и портят всю работу, в таких случаях перегнуть палку следует. Обязательно следует. Это неизбежно». «Дело не в том, что селькор убит, тем более – не в том, чтобы секретаря окружного комитета или губкома не обидеть, а в том, чтобы поставить на рельсы дело улучшения нашей строительной социалистической работы в деревне», – констатировал Сталин¹⁴⁹.

3 февраля осужденные дымовские крестьяне были расстреляны¹⁵⁰.

А 6 февраля «Правда» опубликовала совместное постановление ЦК и ЦКК РКП(б) «О событиях в Дымовке в связи с убийством селькора Григория Малиновского».

Постановление, в частности, гласило: «Констатировать... что даже несмотря на сообщения коммуниста селькора Григория Малиновского о неблагополучии в Дымовке, николаевский окружком, который не мог не знать о разоблачениях тов. Малиновского в печати, не принял необходимых мер к раскрытию деятельности указанной преступной шайки... не обратил на сообщенные т. Малиновским факты должного внимания, не проверил их и не помешал печатанию *ложных опровержений, исходивших от разложившихся, преступных элементов из дымовских организаций* (курсив наш. – О. К., Д. Ф.)... Признать, что николаевский окружком, а также одесский губком не оценили своевременно и в должной мере политического смысла убийства селькора Малиновского....»

ЦК и ЦКК считают нужным отметить большую заслугу тов. Сосновского в том, что он своими выступлениями в печати в связи с убийством селькора Малиновского поднял интерес широких кругов рабочих и крестьян к процессу, к выявлению его политического смысла и к вопросу о состоянии низового советского аппарата в деревне»¹⁵¹.

Авторов постановления реальность интересовала еще меньше, чем Троцкого со Сталиным: они были уверены, что «ложных опровержений» было несколько.

Судьбы осужденных крестьян руководство ГПУ не интересовали. Однако наивно было бы полагать, что Дзержинский, по ведомству которого Троцкий нанес сильный удар, откажется от борьбы. 15 февраля, через неделю после публикации постановления ЦК и ЦКК, чекистский руководитель написал письмо в Политбюро, в котором в ультимативной форме потребовал прекратить пропагандистскую истерию вокруг дымовского дела. «Печатание в газетах статей, заметок, сообщений об убийстве селькоров, а также отчетов о судебных по ним процессах считаю вредным... Метод обличения в печати без достаточной и необходимой организационной подготовки – это не реальный метод борьбы», – заявил он. И добавил, что селькоры должны быть «персонально проверены», а сведения, которые они предоставляют, – «всесторонне разработаны»¹⁵².

Дзержинский был в курсе истинного положения дел, знал, что «селькорство» не проверенного «персонально» Малиновского более чем сомнительно. Более того, между строк этого письма явственно читалась

угроза разоблачения организаторов фальсификации. Новый, мартовский вариант статьи «о компрометирующих действиях селькора Малиновского», отосланный в ЦИК СССР, был, очевидно, призван подтвердить правоту Дзержинского, дать ему возможность подкрепить свое письмо в Политбюро реальными сообщениями «с мест».

14 марта из «Красного Николаева» уволился Михаил Киселев; временно исполняющим редакторскую должность стал Яков Городской.

По-видимому, Городской сделал попытку опубликовать обновленный текст о Малиновском, но был остановлен местным агитпропом. Руководил николаевским агитпропом некто И. Лисин, в прошлом – партийный функционер завода Марти, отвечавший, в частности, за работу заводской стенгазеты «За новый быт».

29 марта Лисин выступил с докладом на 2 съезде николаевских селькоров, приуроченном к годовщине смерти Малиновского; доклад назывался «Задачи советской печати». Действия сотрудников «Красного Николаева» вызывали у автора доклада негодование: «Кто участвует в рабочей печати, тот должен знать, какая линия в ней проводится. Иначе в фактах можно запутаться, не тонко зная условия, в которых проводится линия»¹⁵³.

Через два дня после выступления, 1 апреля, Лисин стал редактором газеты, а Городской вскоре ушел из нее. Таким образом, «Красный Николаев» Киселева, Бельского и Городского перестал существовать.

Газета после прихода Лисина начала финансироваться партийными органами. Главным отделом в ней стал отдел «партийная жизнь» – и ее страницы заполнила та самая «официальщина», от которой отказалась прошлая редакция. Читатели быстро потеряли интерес и к «Красному Николаеву», и к «Бураву», который снова стал издаваться при газете. И если газета, жившая теперь на партийные деньги, продолжала выходить, то журнал, растеряв читателей, закрылся очень скоро.

Однако статья «о компрометирующих действиях селькора Малиновского и его жены», даже не будучи опубликованной, имела серьезные последствия. Дымовская тема стремительно ушла со страниц печатных изданий: по-видимому, об «убийстве селькора» просто запретили упоминать. Не будет большой натяжкой предположение, что существовал и негласный приказ уничтожить подшивки «Красного Николаева» и «Бурава» за 1924 год. Комплекта номеров газеты и журнала за этот период нет

ни в одном из открытых газетных хранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Одессы и Николаева.

Дзержинский, в отличие от николаевских журналистов, добился своего: последствия нападения Сосновского на ГПУ были сведены к минимуму.

Административные «уроки» из произошедших событий власти делали еще много месяцев: на Украине прошла чистка партийных и советских органов. Были переизбраны одесский губком и николаевский окружком. Лишился поста и окружной прокурор Борис Идин. В николаевской прокуратуре был выведен режим «прямого управления»: она была выведена из подчинения Одесской губернской прокуратуры и стала напрямую подчиняться Прокурору УССР¹⁵⁴. Множество других чиновников разных рангов тоже потеряли свои посты.

ЧАСТЬ III. Харьков

Французская борьба была чем-то вроде всеобщего запоя: она отвлекала от политики, примиряла с неприглядной действительностью.

В.П. Катаев. Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона

«Он был в полной силе»

Бельский появился в Харькове за месяц до речи Сталина и решения ЦК и ЦКК. Переехав в столицу Украины, журналист выиграл в статусе: заместитель редактора окружной газеты перешел на аналогичную должность в газете республиканской. Причину того, что дымовское дело и публикация рассказа «Почтовым в Москву» окончилось для Бельского не тюрьмой, а карьерным ростом, установить несложно: его взяло под защиту украинское ГПУ.

Александр Мацкин вспоминал, что был поражен, когда в середине 1920-х годов на домашний праздник к его другу, харьковскому журналисту – для которого были свойственны «разносторонняя одаренность», «веселость», «живость», «слегка богемный» склад характера – пришли высокопоставленные сотрудники «органов», «комиссары высокого ранга с двумя или тремя ромбами». Мацкин успокоил себя тем, что это были сослуживцы Бельского по Одесской ЧК¹⁵⁵.

Но среди одесских чекистов не было никого, кто служил бы в середине 1920-х годов в Харькове и носил бы генеральское звание. В гости к бывшему чекисту могли приходиться вполне реальные харьковские покровители.

Журналист Бельский в результате дымовского дела не пострадал, однако для Бельского-писателя это дело имело печальные последствия. Яркий старт его литературной карьеры был прерван: о том, чтобы опубликовать написанные в Николаеве рассказы и фельетоны отдельным сборником, разговор идти не мог. Не могло быть и речи о повторной публикации романа «В пламени борьбы». Работу в «Красном Николаеве» и «Бураве» следовало забыть.

Первые литературные опыты Бельского, и прежде всего роман, проникнуты гордостью победителя, надеждой на скорое окончание смутных времен, ожиданием будущей счастливой жизни. Однако дымовское дело явно обернулось для него тяжелой моральной травмой. Он стал свидетелем того, как такие же, как он, победители убивали своих товарищей – ни в чем не виноватых коммунистов.

Волею обстоятельств Бельский и сам оказался вовлеченным в дымовскую «машинку», в масштабную провокацию, очередную «охоту на людей». Он пытался спасти невиновных и сделал для их спасения больше, чем кто бы то ни было. Но осужденные были казнены.

Нетрудно предположить, что дымовское дело закончилось для Бельского и мировоззренческим крахом. Свидетельство этого краха – рассказ «Почтовым в Москву». После Дымовки Бельскому писать стало просто не о чем – да и незачем.

Кроме того, в Харькове он был вынужден быть крайне осторожным: о нем могли вспомнить Троцкий и Сосновский, предметом разбирательства вполне могли – при неблагоприятном стечении обстоятельств – стать опровержение в «Красном Николаеве», рассказ «Почтовым в Москву» или статья «о компрометирующих действиях селькора Малиновского». В итоге литературный труд свелся для Бельского почти исключительно к журналистике: в столице Украины он писал статьи, фельетоны и маленькие юмористические рассказы, рисовал карикатуры.

Газета «Пролетарий», «всеукраинская рабочая газета», орган Всеукраинского совета профессиональных союзов (ВУСПС), вела свою историю с 1920 года. За годы, прошедшие с момента ее основания, она несколько

раз реформировалась и меняла редакторов. К 1924–1926 годам относится расцвет газеты, связанный с именем редактора Абрама Мариинского. Принимая Бельского на работу собственным замом, редактор прекрасно понимал политическую составляющую его отъезда из Николаева: в 1920–1921 годах он сам был и членом редколлегии «Красного Николаева», и редактором газеты.

Вообще Мариинский, ныне прочно забытый журналист, был в свое время человеком известным – по крайней мере, на территории Украины. До назначения в «Пролетарий» он успел поработать и руководителем николаевского Губроста, и заведующим николаевским агитпропом, и сотрудником организационно-инструкторского отдела ЦК КП(б)У, и заведующим отделом харьковской партийной газеты «Коммунист». Советский функционер с немалыми связями, он оказался талантливым организатором большевистской прессы; расцвет «Пролетария» – лучшее тому подтверждение¹⁵⁶.

В момент прихода в газету Бельского она была практически свободна от «официальщины». Газета, «популярная» и «массовая», была адресована в основном рабочим и имела разветвленную сеть рабкоров. «Ее читали главным образом в индустриальных городах Украины, особенно усердно в Донбассе. В редакцию ежедневно приходила большая почта, для нее были широко открыты страницы «Пролетария». Главный редактор говорил: “Это наш профиль”», – вспоминал Мацкин¹⁵⁷.

Профессиональные журналисты – сотрудники «Пролетария» – скрывавшиеся под многочисленными псевдонимами: *Чаплий, Михай, Еремейчик, Жгут, Фиалка* и др., публиковали на ее страницах романы с продолжением, фельетоны, стихи, рецензии. Существовала рубрика «Фонариком по закоулкам»: в ней печатались всевозможные анекдоты, смешные сценки из повседневной жизни.

Главной силой «Пролетария» были приложения: литературные журналы «Пламя», «Рабочий», «Рабочая семья», сатирический журнал «Гаврило», альманах «Пролетарий». Большинство изданий начали выходить как раз с января 1925 года. Редактором приложений считался редактор газеты, Мариинской, фактически же журналами руководили секретари соответствующих редакций. Многие публиковавшиеся в этих приложениях литераторы жили в Москве; соответственно, у редактора и секретарей редакций были прочные связи с Москвой. Самым сильным, самым богатым на звонкие имена московских знаменитостей был журнал «Пла-

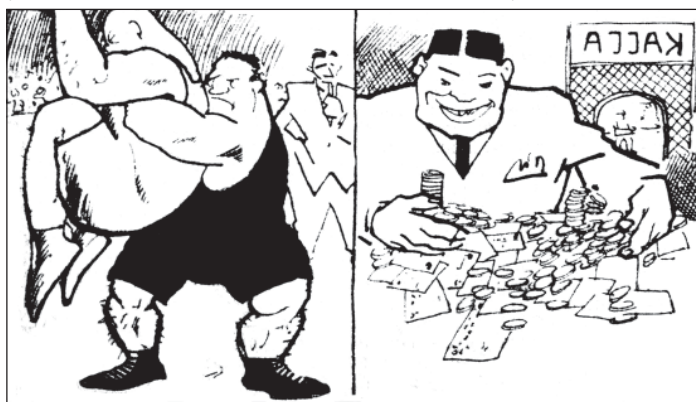

мя», хорошо известный историкам журналистики. Возглавлял его – на уровне секретаря редакции – писатель, поэт и лингвист Измаил Уразов.

Бельский активно сотрудничал и в самом «Пролетарии», и в его приложениях, в том числе и в «Пламени». При этом он не только рисовал карикатуры, но и много писал. Темы его публикаций разные: это и спортивные репортажи, и повествование о поездке в Донбасс с «немецкой рабочей делегацией», и очерк о Кураже, одной из трудовых колоний для бывших беспризорников. В «Пламени» Бельский опубликовал несколько больших журналистских произведений, включая очерк об атамане Заболотном. Главным жанром, в котором он работал и в газете, и в журналах, стал юмористический и сатирический фельетон. Фельетоны Бельского посвящались вокзалу в Харькове, дореволюционному одесскому рынку – знаменитому «толчку», иностранным фильмам, «адаптированным» для Украины, и т.п.¹⁵⁸

Едва ли не главной журналистской темой Бельского в харьковском «Пролетарии» и его приложениях стала французская борьба. Катаев, утверждавший, что увлечение французской борьбой было сродни запою, отвлекало «от политики» и примиряла «с неприглядной действительностью», был прав: статей на политические темы Бельский в «Пролетарии» не писал. Однако в рассуждения о борьбе и борцах журналист вносил свою, личную, выстраданную ноту.¹⁵⁹

Бельский, не пропустивший в Харькове ни одного турнира, лично общавшийся с Иваном Лебедевым и записывавший его рассказы, увлекался французской борьбой с детства – и тем не менее упорно критиковал ее.

Карикатура «Борьба с результатами» (1925)

Из статьи в статью он высмеивал коммерческую составляющую турниров, сетовал, что их исход всегда был известен заранее, рисовал злые карикатуры на организаторов и участников. «Организуется чемпионат очень просто, – писал он, например, в апреле 1925 года. – В большом городе нужны все сорта борцов. Подбирается один старый толстяк, несколько “иностранцев” и “цветных”, один красавец (для “дам”), местный силач (теперь обычно из рабочих, а раньше из студентов или адвокатов), пара техников – и все. Если город по преимуществу населен евреями, к этому прибавляется еврейский чемпион, уходящий неуязвимым из схваток... Если нет под рукой еврейского борца, его с успехом заменяет представитель славянской нации, а есть и такие, которые успели побывать во всех шкурах... Французская борьба – не спорт и не цирковое состязание. “Контора” – и все»¹⁶⁰.

Позиция Бельского вызывала отпор любителей борьбы: оппоненты утверждали, что журналист «так переусердствовал в поношении традиции, что готов отказаться от штанов только потому, что Николай II не ходил без них». И что «французская борьба – искусство, которое дается с большим трудом». Бельский возражал оппонентам, возражал упорно и настойчиво¹⁶¹.

Упорство в критике французской борьбы, скорее всего, вызвано причинами мировоззренческими: за злыми строками о ней видна плохо скрываемая личная обида. Борьба означала для Бельского метафору собственной жизни. Обиду на то, что его личная борьба и его личная победа лишились смысла, стали «конторой», бывший чекист вымещал – скорее всего, на подсознательном уровне – на цирковом зрелище.

В «Пролетарии» и его приложениях было не принято указывать на обложках имена руководителей изданий. Очевидно, именно поэтому от Стыкалина и Кременской, составителей справочника «Советская сатирическая печать», укрылась важная деталь из биографии Бельского: он руководил журналом «Гаврило», стал по приезду в Харьков секретарем его редакции¹⁶².

Авторы «Гаврилы» редко подписывали материалы собственными именами: Валентин Катаев и Лазарь Митницкий, активно сотрудничавшие в журнале, в этом смысле составляли редкое исключение. В журнале существовала та же самая система псевдонимов, что и в «Пролетарии». Бельскому, по-видимому, принадлежал псевдоним *Клык*. Псевдонимом этим подписаны некоторые статьи в «Красном Николаеве», с 1925 года

он появляется в «Пролетарии» и «Гавриле». Причем в «Гавриле» Клык не только автор текстов, но и художник¹⁶³.

Страницы «Гаврилы» были покрыты юмористическими картинками и сатирическими карикатурами. Вместе с Бельским журнал иллюстрировали известные украинские карикатуристы Борис Фридкин, Семен Зальцер, Семен Уманский (*Самум*), Михаил Щеглов и Ефим Резников (*Рени*) – все они впоследствии продолжили работу в разнообразных сатирических журналах.

Журнал «Гаврило», как и все издания «Пролетария», ориентировался прежде всего на украинских рабочих. В манифесте журнала, опубликованном на обложке его первого номера, сообщалось, что, вступая «на престол Сатиры Всеукраинской», журнал обязуется бороться со «лжеспецами», «ответственными работниками, страдающими острыми припадками комчанства», «дымно дымящимися Дымовками» и прочими «бедами и напастями». В журнале действительно были «разоблачительные» материалы, прежде всего внешнеполитического содержания.

Однако в целом «Гаврило» – «смехотвор всеукраинский, штукарь донбасский, балагур заводской, запевала морской, гудило железнодорожный, бузовар крымский, смешняк одесский» – был аполитичным журналом. В нем, к примеру, можно было прочесть следующий диалог:

- «– Хотите, Василь Васильевич, с нами партию составить?
- Ну вас к черту с политикой!
- С какой политикой?.. Мы вас приглашаем в винт сыграть!
- А, это другое дело!»¹⁶⁴.

Конечно, в журнале публиковались юмористические статьи и фельетоны. Но главным жанром были не они: основу «Гаврилы» составляли короткий анекдот и маленький рассказ. В основном эти анекдоты и рассказы были анонимными. Юмор «Гаврилы» был весьма грубым:

«– Ой, доктор, вы только что до меня одному больному в такое место лезли... А теперь мне в рот прете... И руки даже не всполоснули...

- Ну и темнота... И не знают, что геморрой не заразителен»¹⁶⁵.

Подобными шутками наполнялись многочисленные рубрики журнала: «Музей Гаврилы», «Почтовый ящик “Гаврилы”», «Спичка в нос», «Приказы Гаврилы» и т.п. Рисунки в журнале были столь же смешными и грубыми.

Сквозным героем «Гаврилы» был Миша Нетудыкин: его позиционировали в качестве сотрудника журнала. С Нетудыкиным, добрым

и странным человеком, происходили всяческие нелепые и смешные истории: он попадал в милицию за пьянку, изучал динозавров, летал на Луну, падал с Луны и т.п.

Миша Нетудыкин во многом копировал манеру поведения Бельского: среди харьковских литераторов заведующий редакцией «Гаврилы» имел устойчивую репутацию чудака. Юрий Смолич вспоминал: он «жив самотою, не одружений, мало не щомісяця міняв квартиру (в ті часи в Харкові це було можливо – наймати десь кімнату). Причина була відома. Він вдягався завжди елегантно, але чомусь соромився віддавати носки в прання. Носки, коли вони бруднилися, кидав у кошик; коли кошик заповнювався щерть, він міняв квартиру, виїздив, забравши всі речі, тільки кошик з брудними носками залишав на покинутій квартирі. Так по всьому Харкову були розкидані кошики з брудними носками Бельського».

В целом же «Пролетарий» с приложениями был сродни «Красному Николаеву» в лучшие месяцы его существования: он был относительно свободным изданием. «Наши авторы, – рассказывал Мацкин в мемуарах, – писали смело – цензурная удавка появится позже, через несколько лет, в конце 20-х годов»¹⁶⁶.

Середина 1920-х годов в Харькове – беспокойное время, время украинизации. Выполнение решений XII съезда РКП(б) (1923) о коренизации союзных республик означал для Украины, в частности, перевод всей печатной продукции, в том числе и газет, на украинский язык.

Эммануил Квиринг, поглощенный внутрипартийной борьбой в Москве, Украиной – и, соответственно, украинизацией – занимался мало. В апреле 1925 года на Украину был назначен новый партийный руководитель, Лазарь Каганович. Каганович, верный сталинец, резко ускорил темпы исполнения партийного решения.

Кроме собственно языковых изменений украинизация подразумевала и усиление борьбы с инакомыслием – поскольку далеко не все жители Украины были готовы добровольно выполнить партийное решение. Соответственно, изменился политический климат; конкретные факты, свидетельствующие об этом изменении, приводит в мемуарах Мацкин.

Так, мемуарист рассказал историю об Александре Магиде – впоследствии известном журналисте-доносчике, сотруднике «Правды» и НКВД. В середине 1920-х годов Магид только еще начинал свою деятельность, сотрудничая в «Пролетарии» в качестве рабкора. От других

рабкоров газеты он отличался «неутомимой активностью и резкостью, даже бескомпромиссностью оценок». «Человек он был малообразованный, – сообщает Мацкин, – но резко осуждал постановку образования в школе; вменял судьбе мягкость и утрату бдительность; даже работа пожарных вызывала у него недовольство»; «с каждым днем претензии его росли, а критика становилась все круче». Соответственно, «отзывчивый стукач» требовал, чтобы его статьи печатались в газете. А когда редакция отказывалась это делать, он «писал в разные инстанции, вплоть до “Правды”, и причинял ближним много неприятностей». Нетрудно предположить, что доносы Магида угрожали и заместителю редактора.

Другая история, рассказанная Мацкиным, не касалась редакции, но напрямую затрагивала мемуариста: он сам и его друзья-студенты образовали домашний кружок, в котором занимались изучением истории и литературы. Кружок попал в поле зрения ГПУ, студентов арестовали. В вину им вменялась, по словам Мацкина, причастность «к той молодой интеллигенции, которая ищет автономии и не хочет жить по уставу», то есть к украинским националистам. Мацкин, случайно оставшийся на свободе, обратился к Бельскому за помощью: «Я рассказал ему о деле моих товарищей по институту и о подлеце-следователе. Он внимательно выслушал меня и сказал: “Напиши на одной странице суть, я попробую. Может, выйdet”. Реакция была быстрая, незамедлительная. Тот шанс, на который я надеялся, не подвел. Через две недели ребят выпустили с указанием, чтобы никаких следов от этой грубой работы в архивах не осталось».

И если заместитель редактора смог спасти из тюрьмы студентов – вред ли ему было сложно нейтрализовать доносы Магида. Вообще же, по словам Мацкина, в пору работы в «Пролетарии» Бельский «был в полной силе»¹⁶⁷.

В первой половине 1926 года литературные приложения «Пролетария» были закрыты. «Гаврило» закрылся раньше всех, в январе. Журнал «Пламя» с начала года выходил нерегулярно, часто сдвоенными номерами, и прекратил существование на 10-м номере.

6 июля в «Пролетарии» было опубликовано «циркулярное сообщение». Сообщение это постфактум сообщало читателям: 1 июля газету реорганизовали, превратили в совместный орган ВУСП и ЦК КП(б)У. В «разъяснении» председателя ВУСПС Андрея Радченко констатировалось: «Коммунист», главная партийная газета Украины, перешел на

украинский язык. Соответственно, русскоязычный «Пролетарий» должен был обслуживать интересы тех «пролетариев», которые пока еще не владеют украинским языком: до их сведения тоже нужно было доводить партийную информацию¹⁶⁸.

Из ведущей газеты, центра литературной жизни Харькова, «Пролетарий» был превращен в маргинальное издание. С ноября того же года начинает выходить – естественно, на украинском языке – «Робітнича газета Пролетар», орган «Всеукраїнської Ради Профспілок». «Пролетар» сразу же начал издание собственных украиноязычных литературных приложений.

После реформирования русскоязычного «Пролетария» из газеты уволился редактор Мариинский: он переехал в Москву, где стал функционером Отдела печати ЦК ВКП(б). Три года спустя он перешел на работу в ТАСС, стал заведовать корпунктом ТАСС в Париже¹⁶⁹.

Карикатура «Испорченный праздник» (1928)

«Мова партії»

Заполняя в 1936 году партийную анкету, Бельский указал, что ушел из «Пролетария» в сентябре 1928 года¹⁷⁰. Трудно сказать, чем была вызвана в данном случае подмена дат: последние его карикатуры в «Пролетарии» датируются декабрем 1926 года. В «Коммунисте», главной партийной газете Украины, его карикатуры появляются с января 1927 года.

В «Коммунисте» Бельский – художник и заведующий отделом международной информации. Он почти ничего не писал – по крайней мере, под своим именем. Но почти каждый день на страницах «Коммуниста» появлялись его передовые карикатуры. Темы этих карикатур вполне традиционны: Пилсудский, Чан Кай Ши, Чемберлен и другие враги СССР. На

кариатурах часто присутствует и пузатый «дядя Сэм» в традиционном полосатом цилиндре – американский капиталист, оплачивающий из толстого кошелька подрывную деятельность врагов. Публиковал Бельский в «Коммунисте» и графические рисунки, изображавшие положительных героев советской страны: красноармейцев, чекистов, строителей коммунизма, собственно читателей партийной газеты. Его карандашу принадлежали и большие индустриальные пейзажи, иногда занимавшие половину первой полосы, – иллюстрации к ожидаемым результатам первой пятилетки.

Точное количество газетных рисунков Бельского не поддается подсчету. С точки зрения технического исполнения его работы в «Коммунисте» – безупречные образцы советской газетной графики. Ему трудно было не достичь уровня зрелости: фактически он стал главным карикатуристом Украины.

Журналистская деятельность Бельского после реформирования «Пролетария» не ограничивалась «Коммунистом»: с октября 1927 года он сотрудничал с украиноязычным сатирическим журналом «Червоний перець» («Красный перец»), издававшемся при газете «Пролетар». Сотрудничество в этом журнале свидетельствовало: Бельский прекрасно знал украинский язык, писал на нем столь же легко, как и на родном – русском.

Журнал «Червоний перець» хорошо известен в истории советской журналистики. Так, Стыкалин и Кременская отмечают, что «Червоний перець» направлял «острие политической сатиры» «против пережитков старого строя и быта, против предрассудков, мещанства, обывательщины. Резко бичевал носителей буржуазных воззрений, разоблачал национально-шовинистические тенденции, противоречащие общепролетарским интересам и задачам социалистического строительства, вскрывал вылазки классовых врагов». Исследователи считают, что «Червоний перець» «ориентировался на передовые слои рабочих и крестьян, на партийных, советских и профсоюзных активистов»¹⁷¹.

Представляется, что Стыкалин и Кременская, рассуждая об аудитории журнала и его задачах, не вполне правы. Для «рабочих и крестьян», а также для всякого рода активистов как раз и существовали «Коммунист», «Пролетарий» и «Пролетар». Журнал «Червоний перець» сильно отличался от «Гаврилы»: его тонкий политический юмор был рассчитан в первую очередь на украинскую интеллигенцию.

Интеллигенцию следовало сделать союзником власти. Эту непростую задачу решал сильный авторский коллектив. В журнале сотрудничали лучшие литераторы Украины: Остап Вишня, его брат Василий Чечвянский (в прошлом – сотрудник «Гаврилы»), поэт Владимир Сосюра и многие другие. Журнал иллюстрировали замечательные карикатуристы, большинство из них тоже раньше работали в «Гавриле».

Юмор и сатира в журнале были строго дозированы. По-иному быть просто не могло: в его редколлегию, кроме Остапа Вишни и Бориса Лифшица (собственно редактора «Пролетара»), входил Андрей Хвыля. Хвыля, в 1924 году председатель одесского агитпропа, координатор журналистских усилий в описании дымовского процесса, в 1927 году – уже член ЦК КП(б)У, один из главных украинских пропагандистов.

В 1929 году «Червоний перець» оказался в эпицентре громкого партийного скандала. Периодика тех лет была наполнена поисками «вредителей» среди интеллигенции, и прежде всего интеллигенции технической: только что закончилось «шахтинское дело». Августовский, 15-й, номер журнала вышел с карикатурами «на злобу дня». На одной из карикатур изображены рабочие; под картинкой помещен анекдот: «Між нашим будинком і нашим інженером різниця в одній літері: будинок осів, а інженер сів»¹⁷².

Этот номер был конфискован по решению украинского Политбюро; было также принято решение о «перегляде» редколлегии журнала; в октябре эти партийные решения были опубликованы в газете «Коммунист».

Конечно, велик соблазн представить сотрудников «Перца» диссидентами, свободолюбцами, осознавшими пагубность пути, по которому пошел СССР – и Украина в первых рядах. Но ситуация опять-таки была другой: в 1928 году Каганович был отозван в Москву, а место первого секретаря украинского ЦК занял Станислав Косиор. Кроме того, в ноябре 1929 года состоялся очередной пленум ЦК КП(б)У, а вслед за ним – X съезд Украинской компартии. Естественно, все эти события проходили в обстановке жесткой подковерной борьбы, перипе-

Остап Вишня. Дружеский шарж (1927)

тии которой вряд ли можно сегодня понять до конца. Кроме того, не только в ЦК КП(б)У, но и в центральном партийном аппарате было много недовольных борьбой со «спецами-вредителями».

В феврале 1930 года редколлегию возглавил Лев Ахматов – заместитель прокурора Украины. Собственно, Ахматов вскоре стал единоличным ответственным редактором журнала. «Редакционные острословы» шутили по этому поводу: «Уже то полно житейского юмора, что редактором журнала сатиры и юмора назначили прокурора».

Ахматов, по мнению сотрудников журнала, был «доброй души человек» и «очень любил детей». Но доброта и любовь к детям не мешали редактору исполнять прокурорские обязанности¹⁷³.

Через несколько месяцев после назначения редактором Ахматов выступил государственным обвинителем на знаменитом процессе СВУ («Спілки визволення України»). Процесс СВУ, проходивший в Харьковском оперном театре в марте-апреле 1930 года, собрал на скамье подсудимых украинских ученых, писателей, врачей, учителей. «Червоний перець» – все с той же доверительной, интеллигентской интонацией – разоблачал обвиняемых по этому делу, приписывая им и антисемитизм, и национализм, и желание вернуть социальное неравенство. Естественно, все сотрудники журнала, включая Остапа Вишню и Владимира Сосюру, написали на эту тему стихи и сатирические фельетоны, нарисовали соответствующие карикатуры¹⁷⁴.

Бельский в «Перце» был и пишущим автором – естественно, писал он на украинском языке, и художником, автором обложек и карикатур. Его работы – пожалуй, самые «спокойные» в журнале. Он брал для карикатур и фельетонов все те же социально-бытовые темы: плохую работу транспорта, проблемы со строительством, неполадки в харьковском общепите. Однако совсем устраниться от политики он не мог: ему принадлежит, например, фельетон «Лист славнозвісного індійського поета і філософа Рабіндраната Тагора до його друга письменника Івченка». Герой фельетона – один из обвиняемых на процессе СВУ, Михаил Ивченко, который, согласно эпиграфу, до своего вступления в «организацию» был большим поклонником индийского писателя. «Рабіндранат Тагор» объясняет Ивченко, который «докотився до кічмана» и сидит «на лаві підсудних», что он неправ¹⁷⁵.

Впрочем, роль Бельского в журнале несводима к простому сотрудничеству. Согласно справочнику «Весь Харьков» на 1930-й год, Бельский

редактировал «Червоний перець»¹⁷⁶. Редакторство это было временным: после «перегляда» редколлегии и до назначения Ахматова, с октября 1929 по февраль 1930 года; секретарем редакции в это время был Василий Чечвянский. В новую, возглавлявшуюся Ахматовым, редколлегию ни Бельский, ни Чечвянский не вошли; главную роль в журнале снова стал играть Остап Вишня.

Об отношении Бельского к тому типу журналистики, в которой он участвовал, можно судить по его карикатуре, опубликованной в одном из номеров журнала. Карикатура называлась «Хороша мова». Поводом для нее послужило высказывание одной из московских чиновниц: «Зачем украинцам в Москве клуб? Ведь все украинцы понимают по-русски».

Под картинкой, изображающей чиновницу и смущенного украинца, был помещен двусмысленный диалог на двух языках, русском и украинском:

«– Товарищ! Ведь вы же прекрасно понимаете по-русски!

– Мені що? А от вам, товарищко, треба знати, що крім руської і української мови є ще мова партії»¹⁷⁷.

Судя по дошедшим до нас свидетельствам о частной жизни Бельского времени его работы в газете «Коммунист» и журнале «Червоний перець», в партийной периодике ему было очень некомфортно. Несмотря на востребованность и каждодневную занятость, журналист пребывал в глубокой депрессии. Бельский мечтал о переезде в Москву, о работе в изданиях, напрямую починавшихся Нарбуту или издававшихся под его контролем. Собственно, в этих изданиях и работали его одесские друзья.

Чтобы напомнить о себе своим столичным знакомым, харьковский карикатурист прислал в 1927 году в нарбутовский журнал «30 дней» некое буриме, поэтическую шараду. Анонимные буриме, публиковавшиеся в журнале под рубрикой «конкурс задач», представляли собою рифмованные концы стихотворных строчек, к которым читателям предлагалось придумать начало.

Это буриме породило переписку между Бельским и Василием Регининым, заведующим редакцией «30 дней». Из писем следует: между Бельским и Регининым существовали теплые отношения. В октябре 1924 года Регинин в составе большой группы журналистов приезжал на николаевский суд¹⁷⁸. Соответственно, он понимал всю двусмысленность положения заведующего информационным отделом «Коммуниста» и действительно хотел помочь ему. Бельский же, относившийся к Реги-

нину как к старшему коллеге, называвший его «дорогой Padre», очень нуждался в этой помощи.

23 ноября 1927 года Регинин пишет своему харьковскому приятелю: «Дорогой Бельский! Твое буриме получено. Спасибо, что напомнил о себе хотя бы “от нечего делать”... Прошу и в дальнейшем развлекать редакцию своей находчивостью и остроумием». Он делает Бельскому предложение, которое, по-видимому, и ожидал автор поэтической задачи: «Как скучно должно быть в Харькове. Не пора ли переползти в Москву?»¹⁷⁹.

Предложение прозвучало вовремя – с точки зрения политической ситуации в Москве. В десятую годовщину революции в столице прошла демонстрация сторонников Троцкого, разогнанная верными Сталину ГПУ и милицией. Начался окончательный разгром троцкизма. Троцкий и Сосновский для Бельского больше не представляли опасности.

Из ответного письма следует, что Бельский всерьез собирался в конце 1927 году уезжать из Харькова. «Я бы не прочь услышать какие-нибудь конкретные разговоры о наших с тобой переговорах... Хотел бы получить от тебя исчерпывающий по сему поводу ответ», – писал он Регинину¹⁸⁰.

Однако перевод в Москву в 1927–1928 годах так и не состоялся: вскоре после разгона троцкистской демонстрации начались неприятности у Нарбута. В результате сложной подковерной интриги он был снят со всех постов и – в сентябре 1928 года – исключен из партии. Его журнал «30 дней» перешел в другие руки. Уезжать из Харькова вновь стало опасно.

Трудно сказать, какие эмоции переживал Бельский в связи с московскими событиями. Однако поведение его стало неосторожным: в том же 1928 году он получил строгий выговор с занесением в партбилет – «за драку». Поскольку ГПУ не смогло замять дело, причина и последствия драки были весьма серьезными¹⁸¹.

Сам не имевший возможности уехать, Бельский делал все, чтобы такая возможность появилась у других, тех, кто напрямую не зависел от политической обстановки в Москве и был свободен в своих передвижениях. Так, он был одним из инициаторов переезда в Москву Мацкина. Именно с Мацкиным он передал Регинину процитированное выше письмо. В приписке же к письму Бельский давал молодому коллеге рекомендацию: «Податель сего А. Мацкин молодой (это видно и так) и очень способный журналист (этого так не видно, но это факт). Будь ему другом»¹⁸². По воспоминаниям Мацкина, в Москве его «уже ждала работа», которую нашли ему «влиятельные» московские журналисты¹⁸³.

Бельский связал с Регининым и другого начинающего харьковского журналиста, Евгения Бермонта¹⁸⁴.

Согласно партийным документам Бельский переехал в Москву в ноябре 1930 года – в связи с назначением заместителем редактора журнала «Крокодил». Однако окончательно рассчитаться с украинскими периодическими изданиями он смог только несколько месяцев спустя: его карикатуры перестают появляться в харьковских газетах и журнале «Червоний перець» в начале следующего, 1931 года.

Со своими харьковскими коллегами Бельский расстался дружески. В 1932 году произошло два знаменательных события: 5-летие журнала «Червоний перець» и 10-летие «Крокодила». По этому поводу журналы обменялись стихотворными поздравлениями. «Крокодил» приветствовал «Перець» в следующих выражениях:

Иди вперед, страниц чеканя поступь,
И «Крокодил» безмерно будет рад
Культурный рост – твоим измерить ростом,
Мой лучший друг, украинский собрат¹⁸⁵.

ЧАСТЬ IV. МОСКВА

*Мучительно наше сегодня,
Где все – наболевший вопрос;
Редактор, не будьте же сводней
Сатиры и искренних слез.
Смеяться нетрудно, но верьте,
Что жизнь – не пустой балаган
И в жуткой процессии смерти
Противно пускаться в канкан...*

А.С. Бухов. «Письмо редактору» (1913 г.)

«Мы, “Крокодил”...»

«Крокодил», главный сатирический журнал СССР, в начале 1930 года редактировали журналист и сатирик Николай Иванов-Грамен, один из старейших сотрудников журнала, и Феликс Кон – старый большевик, соратник Ленина, занимавшийся журналистикой «по совместительству» с партийной и советской работой.

Назначению нового ответственного редактора и новой редколлегии предшествовала история, непосредственно связанная с именем Михаила Кольцова. Собственно, Кольцов к этому времени, так же, как когда-то Сосновский, – не столько журналист, сколько серьезный политический игрок. Он редактировал, в частности, сатирический журнал «Чудак» и считался одним из главных советских сатириков.

В сентябре 1929 года в «Чудаке» был опубликован фотоматериал, высмеивающий «круговую поруку» в Ленинградской партийной организации. Он вызвал волну партийного возмущения, Кольцову вынесли строгий выговор с предупреждением и сняли с поста редактора. Потом – после «покаяния» – последовало возвращение Кольцова на пост редактора. Однако это возвращение не спасло «Чудак», который закрылся в конце февраля 1930 года и был слит с «Крокодилом»¹⁸⁶.

Кольцов считал, что «редактором нового, объединенного журнала» должны назначить именно его – и это мнение разделял Феликс Кон. 30 января 1930 года Кольцов писал Клименту Ворошилову, одному из своих партийных покровителей, что Кон «третьего дня» пригласил его к себе и «предложил принять уже журнал». Однако назначение это так и не состоялось.

«Что же случилось? В чем я провинился опять? – вопрошал Кольцов в письме Ворошилову. – Не знаю, и потому подавлен, считаю, что здесь несправедливость». Бывший редактор «Чудака» просил: «Покажите, К[лимент] Е[фремович], эту записку тов. Сталину! Я верю, что его тронет этот маленький, но не пустой вопрос»¹⁸⁷.

Ворошилов, как следует из пометы на письме, исполнил просьбу, но кольцовская обида не тронула генсека. Должности ответственного редактора «Крокодила» Кольцов в 1930-м году не получил.

Руководить «Крокодилом», главным сатирическим журналом СССР, был назначен Михаил Мануильский. Редакторский пост был для Мануильского логическим продолжением его партийно-журналистской работы; сам он статей и фельетонов не писал. Он был опытным организатором печати: до «Крокодила» много лет руководил известной на всю страну газетой «Рабочий край», выходившей в Иваново-Вознесенске.

В «Крокодил» он был назначен благодаря сильной протекции: его старший брат, Дмитрий Мануильский, дипломат, участвовавший, в частности, в киевских переговорах с представителями Скоропадского, бывший пер-

вый секретарь ЦК КП(б)У, председатель советской партийной делегации в Исполкоме Коминтерна, был видной политической фигурой. Кроме того, Мануильский-старший внимательно следил за противоборством на литературном фронте и сам в этом противоборстве участвовал¹⁸⁸.

Современники, лично знавшие нового редактора «Крокодила», в позднейших мемуарах отмечали одно и то же: его добрый нрав и покладистый характер. Фельетонист Леонид Ленч вспоминал о нем как о «пожилом тихом человеке» со «скорбными глазами». «Я не запомнил его (Михаила Мануильского. – О. К., Д. Ф.) смеющимся или даже улыбающимся. На шумных сборищах темистов журнала, где обсуждались темы карикатур и шуточных рисунков и смеялись иногда до упаду, с его лица не сходило выражение скорби! Он выполнял свою руководящую роль. Его “бросили” на юмор, и он добросовестно делал свое дело.

Он не раз скорбно говорил молодому Виктору Ардову, читая его произведение, предлагаемое к публикации в журнале:

– Не кажется ли вам, Ардов, что тут вы не преодолели влияния мелкобуржуазной стихии?

Виктор Ефимович лишь улыбался в ответ:

– Мне лично не кажется, Михаил Захарович!

Михаил Захарович вздыхал и ставил на рукописи две буквы “в” и “н” – “в набор”. Человек он был добрый и вверенных ему людей приносить не любил», – утверждал Ленч.

Воспоминания о Мануильском самого Ардова сродни рассказу Ленча: «Это... был очень добрый, тихий и спокойный человек, которого мы теребили... Замечательно в нем было то, что он необыкновенно как-то застенчив был в жизни». А крокодилец Григорий Рыклин, ставший редактором журнала в 1938 году, утверждал, что Мануильский был «добрейшим» и «милейшим» человеком, который не умел сердиться. А «его выговоры нерадивым авторам не отличались высокой квалификацией».

«Пожилым» Мануильский не был: в момент назначения в «Крокодил» редактору было 38 лет. Однако он тяжело болел, страдал язвой желудка – и оттого выглядел старше. Работать Мануильскому было трудно: он часто «ложился в кабинете на кожаный диван и лежа читал рукописи, разговаривал с авторами, проводил совещания»¹⁸⁹.

Скорее всего, по «линии» Мануильского-старшего в «Крокодил» пришел и Бельский. Похоже, что с руководителем Коминтерна Бельский был знаком давно, еще со времен гетманского Киева. Кроме того, Дмит-

рий Мануильский был основателем и первым редактором харьковского «Коммуниста», уйдя из секретарей украинского ЦК, он остался в составе его Политбюро и активно вмешивался в республиканскую политику¹⁹⁰.

Пост заведующего редакцией «Крокодила» при новом редакторе сохранил 28-летний Исаак Абрамский, один из основателей журнала. 39-летний Лазарь Митницкий, бывший одесский «бурсак» и сотрудник харьковского «Гаврилы», при Коне и Иванове-Грамене – заведующий литературным отделом, тоже остался на своей должности¹⁹¹.

Новая редколлегия «Крокодила», принимая дела от Кона и Иванова-Грамена, неминуемо должна была столкнуться с целым рядом трудностей политического характера. Формы советской сатиры, как и само ее право на существование, были в конце 1920-х – начале 1930-х годов предметом ожесточенной дискуссии. О том, чем должна была заниматься советская сатира, говорили не только критики и литературоведы: соответствующие решения принимали партийные органы, по этому поводу высказывался Сталин. Сталин требовал от журналистов «самокритики», организации «критики снизу» и «срывания масок» с затаившихся троцкистов¹⁹².

Трудность положения «Крокодила» усугублялась еще и тем, что после закрытия «Чудака», а в 1933 году – и «крестьянского» журнала «Лапоть», он остался единственным всесоюзным сатирическим журналом.

«Крокодил» не был похож ни на «Гаврилу», ни на своего «украинского собрата», журнал «Червоний перець». В юбилейном номере за 1932 год, посвященном десятилетию журнала, был опубликован весьма примечательный «манифест»: «Мы, “Крокодил”, первый и не последний, Великий Бич туеядцев, бюрократов, оппортунистов, кликуш и классовых врагов в мировом масштабе, публикуем настоящий манифест в связи с 10-летним юбилеем нашим в лето 1932-е ... Мы не хотим никому в этот день портить настроение, но сообщаем всем рвачам, нытикам, маловеерам, оппортунистам и бюрократам, что в день юбилея мы признали за благо увеличить свою производительность вдвое»¹⁹³.

Исполняя решения партии, балансируя между враждующими партийными и литературными группировками, участвуя в политических кампаниях, «Крокодил» под руководством Мануильского был крайне осторожен в высказываниях и оценках, предпочитая разоблачать врагов «в мировом масштабе». Политической борьбой, высмеиванием конкретных противников «линии партии» журнал практически не занимался.

Вместо этого он, впервые в сатирической журналистике, «повернулся лицом к читателю»: «Работа выездных бригад, “крокодилский” контроль за ходом строительства крупнейших заводов (в 1931 г., например, редакция взяла под свой контроль 36 ударных строек), выпуск специальных сатирических листков и газет “Крокодила” – все это стало постоянными формами связи журнала с читателями, с жизнью», – констатируют исследователи¹⁹⁴.

Редакция получала огромное количество писем «с мест»; была, кроме того, создана разветвленная сеть коркоров – внештатных корреспондентов “Крокодила”. Номера журнала выходили при Мануильском в пяти вариантах: основном, московском, урало-сибирском, ленинградском и украинском. Кроме того, выпускались специальные листки («штурмовки») «Крокодил у нас», посвященные проблемам отдельных заводов и фабрик. Листки эти рассылались на места; ежемесячно печаталось около 150 такого рода изданий.

Издавался и особый «сатирический блокнот» «Крокодил – агитатору». В блокноте «концентрировались лучшие карикатуры и литературные тексты, которые агитаторы могли использовать в своей работе на предприятии».

Крокодилские художники разрисовывали – к первому майским торжествам 1932 года – улицу Кузнецкий мост в Москве, политическими карикатурами «декорировали» московские трамваи. По заданию Мануильского сотрудники журнала искали в советских учреждениях «самого несносного болтуна, самого пространного бумагомараку, самого знаменитого очковтирателя, самого безответственного шляпу-растяпу». Абрамский вспоминал, что в 1933 году редакции удалось собрать деньги на постройку собственного самолета, с нарисованным на фюзеляже крокодилом: «Сколько заводов и совхозов облетали наши художники и литераторы, ведя там агитационно-массовую работу, собирая материал для карикатур и фельетонов. Уже в первом рейде воздушный “Крокодил”

Карикатура «Межпланетные масштабы» (1932)

налетал свыше семи тысяч километров, побывав в Днепропетровске, Донбассе, Куйбышеве, Горьком, Свердловске».

Собственно, такой подход к сатире санкционировал Горький, встретившийся в конце 1932 года с редколлегией журнала. По свидетельству участвовавшего в беседе Абрамского, Горький похвалил «Крокодил»: «Самое лучшее, что есть в журнале, – это фактический материал. Чувствуется, что в редакции любят читательские письма и умеют с ними работать. Это – самый большой комплимент, который можно сделать массовому изданию. Молодцы, прямо говорю – молодцы!»

Относительной свободе «Крокодила» способствовали не только некоторое ослабление политической напряженности в СССР и – соответственно – «цензурной удавки», не только сильная протекция, которой пользовался редактор Мануильский. Этому способствовала и неразбериха с официальным издателем «Крокодила».

В 1930 году издателем журнала считалась «Рабочая газета» – орган ЦК ВКП (б), ориентированный специально на рабочую аудиторию. Однако в конце января 1932 года газета была закрыта; вместо нее стал выходить отраслевой орган под названием «Водный транспорт». Издателем «Крокодила» с этого момента стало издательство «Правда» – крупнейший полиграфический комбинат, выпускавший, кроме газеты «Правда» и «Крокодила», огромное количество разнообразной печатной продукции. Однако издательство как таковое не было органом печати и не занималось непосредственной организацией политических кампаний. В выборе стратегии своей сатирической деятельности «Крокодил» мог действовать относительно самостоятельно – естественно, в разумных рамках.

В итоге, согласно Абрамскому, «с приходом Мануильского... повысился тонус редакционной жизни», в «Крокодил» «зачастили литераторы, писатели. В редакции все чаще слышался веселый смех – неизменный спутник остроумной темы для рисунка или удачного каламбура. На стене редакторского кабинета появился красноречивый плакат: «Пусть рукопись говорит в пользу автора, а не автор в пользу рукописи»¹⁹⁵.

Под обложку своего журнала редколлегия удалось собрать множество громких имен: сотрудничать в «Крокодиле» было не только почетно, но и выгодно. Трудно сказать, как изменилось финансирование «Крокодила» с приходом Мануильского; сведений о зарплатах и гонорарах в журнале

до 1930 года не сохранилось. Зато удалось обнаружить – к сожалению, не в полном виде – финансовые расчеты самого Мануильского.

Из расчетов следует, что самым высокооплачиваемым в «Крокодиле» был знаменитый в 1930-е годы Борис Самсонов, писавший передовые фельетоны и под своей фамилией, и под псевдонимом *Савелий Октябрьев*. Самсонов получал 1 рубль 50 копеек за строчку, состоявшую из 40 печатных знаков. Второе место занимали Михаил Зощенко, Илья Ильф и Евгений Петров – которым платили по рублю за строчку. После скорострительной смерти Самсонова – в августе 1933 года – их гонорары стали самыми большими в журнале. Остальные получали от 60 до 25 копеек за строчку.

Как следует из документов, редактор адекватно оценивал собственный вклад в создание журнала: у него была не самая большая зарплата в редакции. Больше всех получал Абрамский – 450 рублей в месяц. Зарплата Мануильского была 300 рублей, а Бельского и Митницкого – 275 рублей. Самсонову, Ильфу и Петрову ежемесячно платили по 150 рублей, в счет будущих гонораров. Все трое считались «прикрепленными» сотрудниками журнала. На «фиксе», то есть на постоянной зарплате, работал и Зощенко¹⁹⁶.

Звездному составу пишущих авторов вполне соответствовал и состав художников-карикуристов: очевидно, что их гонорары тоже были немаленькими. Большинство из них работали в «Крокодиле» еще при старых редакторах.

Вокруг Бельского собрались его старые одесские приятели. В «Крокодиле» активно публиковался Валентин Катаев. К маю 1932 года, времени подготовки юбилейного номера, относится сохранившаяся в архиве и адресованная Бельскому записка Юрия Олеси: «Тов. Бельскому! Не опоздал ли? Если это подойдет, приготовлю об Европе. Позвони мне... или скажи, чтоб позвонил Петров или Ильф. 14.5.32». К записке было приложено стихотворение «Гулливер» – именно его Олеша предлагал Бельскому для публикации в номере:

Мы – в стране Гигантов!
Но порой
У подножия гигантской стройки
Возникает лилипутов рой...
Вот он, паразит, вредитель, плут,
Вот он, тупоумец-лилипут!

Стихотворение Олеси – буквально «с колес» – было опубликовано в юбилейном номере¹⁹⁷.

Должность заместителя редактора «Крокодила» позволила Бельскому оказывать помощь не только Олеше, но и другим, в этой помощи нуждавшимся. Сохранились письма к нему, содержащие просьбы о финансовой поддержке. Так, к примеру, Евгений Венский, известный писатель и журналист, неоднократно обращался к Бельскому и Мануильскому с просьбами о денежной помощи. В августе 1932 года помочь ему руководители «Крокодила» смогли. Однако полтора года спустя они, скорее всего, вынуждены были ему отказать: у журнала уже начались крупные неприятности¹⁹⁸.

Кроме того, в архиве «Крокодила» сохранилась записка Бельского к распорядившемуся редакционными деньгами Абрамскому. Записка содержала просьбу срочно, до установленного срока, выплатить одному из художников сто рублей за два опубликованных в журнале рисунка – поскольку «ему очень нужно»¹⁹⁹.

Сотрудники «Крокодила» в Третьяковской галерее на открытии выставки рисунков, посвященных 10-летию журнала.

Четвертый слева – Семен Кирсанов, рядом с ним, правее – Исаак Абрамский, сидят: Михаил Мануильский и Михаил Кольцов, рядом с Кольцовым, справа – Яков Бельский, справа от Бельского – Борис Ефимов

Документы позволяют проанализировать внутреннюю жизнь редакции «Крокодила» и место в ней Бельского. Журнал был типичным советским заведением – с его мелкими склоками и взаимным недовольством. Крокодилскую повседневность хорошо описал Митницкий в письмах к Мануильскому. В письмах он не скрывал старинной дружбы с замредом – и называл его «Яшей».

Согласно этим письмам начало совместной работы Мануильского и Бельского не было гладким: они долго привыкали друг к другу. В первые месяцы 1932 года между ними произошла ссора, которая очень огорчила Митницкого. Завлит сетовал на «особое недовольство» редактора своим заместителем, критиковал Мануильского за то, что он не высказывал недовольство в лицо Бельскому, «напрямик, по-большевистски». И констатировал, что между двумя руководителями «Крокодила» существовала «сплошная недоговоренность»²⁰⁰.

Причину ссоры Митницкий не называет. Однако в феврале в журнале «Журналист» вышла статья «Сатира на социалистической стройке. Слово имеет “Крокодил”», подписанная всеми членами редколлегии. С одной стороны, в статье критиковались те, кто недооценивал значение советской сатиры. С другой – текст был призван продемонстрировать готовность редакции к «самокритике»: «“Крокодил” не свободен еще от многих недостатков. В нашей работе имеют место отдельные срывы. Их не должно быть впредь». Как авторы «неправильной» сатиры в статье критикуются, например, Ильф и Петров, которые «находятся в процессе блуждания и, не сумев найти правильной политической ориентировки, работают вхолостую»²⁰¹.

Резкий отзыв об Ильфе и Петрове был, скорее всего, вызван баталиями вокруг только что вышедшего романа «Золотой теленок» (1931). Однако Бельский к написанию и публикации статьи отношения не имел.

С ноября 1931 по апрель 1932 года текстов Бельского в «Крокодиле» нет: согласно Митницкому, замред был в «военной командировке». Соответственно, делами журнала он не занимался. Именно в это время «судьба Бельского» и была решена – «при ближайшем участии непременного Абрамского». Очевидно, статья была написана Абрамским, а Бельскому факт появления его фамилии на страницах «Журналиста» не понравился. Впрочем, Ильф и Петров на статью не обиделись и продолжали активно сотрудничать с «Крокодилем».

Вообще же, согласно Митницкому, в журнале сложились две «партии»: одну из них возглавлял Абрамский. К другой же, «Абрам-оппозиции», принадлежал сам автор писем, а также «Яша» и некоторые другие сотрудники.

Недовольный командировкой в Магнитогорск с заданием выпускать «декадную штурмовку» «Крокодил в Магнитогорске» Митницкий сетовал: «Сюда бы Абрамского. Этот смог бы. Но его корабли дальше Ленинграда и Харькова не ходят. Он любит “посылать”. Он тот французский генерал, который хотел сражаться до последнего русского солдата. Сейчас в отъезде и Яша, и Дорофеев (Сергей Дорофеев, фельетонист и поэт-сатирик, выдвигенец из рабочих, был при Мануильском членом редколлегии «Крокодила». – О. К., Д. Ф.), и я. Вся Абрам-оппозиция. И, вероятно, Абрамский составил уже проекты командировок:

– Дорофееву Сахалин!

– Яше тундру!

А себе скромно – Берлин или Париж».

Митницкий явно сгущал краски – и сам понимал это, объясняя редактору, что «очень многое» в крокодилских «распрях» «хоронится» в его «несчастных нервах»²⁰². Ничего плохого Абрамский «Абрам-оппозиции» не сделал: никто из них не лишился работы, не был понижен в должности. Редактор же всегда находился «над схваткой», не желая «притеснять» никого из «вверенных ему людей» – и этим дополнительно раздражал включенного в борьбу с Абрамским Митницкого.

Вообще члены редколлегии «Крокодила», в том числе и «Яша», относились к Митницкому с большой долей иронии. Бельский отзывался о завлите следующим образом: «Он по природе своей не верит никакой погоде, он даже солнце иногда принимает за грозовую тучу, говоря: “Крепите фалды, – будет буря”»²⁰³.

Повседневная жизнь редакции состояла не только в подготовке крокодилских номеров, не только в традиционных командировочных «распрях».

Всегда помнившие о том, что они – сатирики, сотрудники «Крокодила» устраивали друг другу веселые розыгрыши, рисовали на коллег и начальников дружеские шаржи, которые публиковали в журнале. Абрамский вспоминал: он заказал крокодилскому художнику Константину Ротову рисунок «В бане». «Ситуация заключалась в том, что неожиданно прекратили подачу воды, и целая толпа намыленных, полуодетых людей выбегает из бани на мороз.

Когда номер журнала вышел в свет, кто-то заметил, что среди сотни фигур этой сложной композиции человек пятнадцать очень уж знакомы... Оказалось, Костя ухитрился изобразить в числе посетителей бани всех основных работников редакции «Крокодила» во главе с редактором журнала Михаилом Захаровичем Мануильским... Редактор страшно рассвирепел. Первый раз мы видели кричащего Мануильского; он требовал, чтобы номер был перепечатан. Впрочем, когда появился срочно вызванный Ротов, он успел успокоиться и смеялся вместе со всеми»²⁰⁴.

Крокодильцы рисовали стенгазету и заполняли шаржами и юмористическими стихами «внутриредакционный альбом». В архиве сохранились черновики написанных Бельским дружеских стихотворных посланий – очевидно, предназначавшихся или для стенгазеты, или для альбома. Послания были понятными только в стенах редакции:

Быковой снится страшный сон
(а сны невежливы и грубы),
Что пляшет Бельский чарльстон,
А Мануильский мажет губы.

Виктор Ардов утверждал на склоне лет, что «атмосферу в редакции» составляла «безудержная молодая радость всех наших сотрудников по поводу того, что мы делаем такое полезное, нужное и в то же время веселое дело»²⁰⁵.

Работа в «Крокодиле» очевидным образом вывела Бельского из харьковской депрессии. Он снова стал заниматься настоящей журналистикой. Рисовать замред больше не хотел: за 1930–1934 годы в «Крокодиле» удалось обнаружить всего около десяти его карикатур. В харьковском «Коммунисте» это была его минимальная недельная норма.

На страницах «Крокодила» постоянно появлялись фельетоны и сатирические рассказы Бельского – иногда в соавторстве с Катаевым²⁰⁶. Причем печатался Бельский не только под собственным именем, но и под псевдонимом *Ив. Бочков*. Тексты, подписанные этим псевдонимом, написаны его почерком и хранятся в фонде «Крокодила» в РГАЛИ среди рукописей заместителя редактора²⁰⁷.

В руках у него оказалось мощное оружие всесоюзной сатиры. Теоретически Бельский понимал, конечно, что сатирику в СССР нужно иметь «много политического чутья»²⁰⁸. Однако на практике «политическое чутье» часто ему отказывало. В «Крокодиле» Бельский продолжил

социальную тему, которую он разрабатывал еще в Николаеве. Однако теперь тема эта вышла на новый уровень, стала социально-политической.

Яркий пример такой журналистики – фельетон «Бывает», состоявший из двух частей. Первая из них была опубликована в июне 1931 года и подписана псевдонимом *Ив. Бочков*; вторая же осталась в редакционном портфеле и печати не увидела.

Сюжет фельетона – история инженера Сулинского завода в Донбассе Венгеля, обвиненного во вредительстве. Первая часть фельетона повествовала о том, как местные власти, совершенно не разбирающиеся в технике, спорят о том, кому проводить допрос «вредителя»:

«– Позвольте, – крикнул кто-то, – идея... Можно поручить брандмайору. Как раз о пожаре и речь идет...

Но вызванный на заседание брандмайор категорически отказался...

– По ходу дела могу сказать только, что брандспойты плохо работали и в кишке течь. Сколькo заявлений подавал, – и все ни к чему. Хотя тут воспользуюсь, а допрашивать это мы не можем, это – дело не наше! Пускай постовой милиционер допросит...». В итоге допрашивать Венгеля поручили милиционеру, который «был тихий и исполнительный» – «он разыскал инженера и, почесав затылок, принялся выполнять ответственное поручение»²⁰⁹.

Во второй части описывается собственно сам допрос. Милиционер здесь уже не «тихий и исполнительный», а необразованный хам, пытающийся «оправдать доверие». «Анжинер» же, которого он допрашивает, естественно, не может понять смысла предъявляемых обвинений:

«– А что это за домна у вас в цеху? Небось приставали? Говорите прямо, без оглядки...

– Да что вы, товарищ...

– Говорите, работает она в цеху или нет?

– Работает, вернее, работала...

– То-то, сломали девочку...

А вечером начальник, прочитав протокол допроса, хитро подмигнул и сказал:

– Ясно. Вредитель как есть. Все в другую сторону отвести пытался. Думает, милиционер – простак. Выпивка там, драки, девочки. Старый прием, видали...

И предстал инженер-ударник Сулинского завода Венгель перед судом...»²¹⁰.

На сохранившейся в архиве «Крокодила» рукописи хорошо видна авторская карандашная помета: «Машинка. Срочно». Скорее всего, вторую часть фельетона не пустил в печать сам редактор Мануильский – несмотря на свою «доброту» и нежелание «притеснять» подчиненных. Чем в реальности закончилась история инженера Венгеля, установить не удалось.

Зато оказалось возможным проследить судьбу фигурантки статьи Бельского «Внучка и бизоны». Статья эта появилась в «Крокодиле» в сентябре 1933 года и была посвящена знаменитому заповеднику Аскания Нова. Бельский за ситуацией в заповеднике следил давно: ситуация эта постоянно освещалась на страницах «Пролетария»; за эту тему в харьковской газете отвечал Александр Мацкин. Вполне возможно также, что именно в Асканию Нову после увольнения из «Красного Николаева» уехал николаевский редактор: по крайней мере, в «Крокодиле» изредка появлялись статьи за подписью *М. Киселев*; речь в них шла именно о заповеднике.

1933 год в истории Аскании – тяжелое время. Директор Федот Бега, бывший управляющий делами Совнаркома Украины, заручившись поддержкой Всеукраинской академии сельскохозяйственных наук (ВУАСХН), громил заповедник. Бега искоренял «вредительство» среди своих сотрудников; начались аресты²¹¹.

Собственно, статья Бельского про заповедник – самая злая из всех его журналистских статей. Он берет под покровительство некую «зоотехника Перовскую». Ее считали «внучкой» Софьи Перовской – а значит, «бывшей дворянкой», обладающей «кулацкой идеологией». Зоотехника обвиняли в том, что она «в общественной жизни не участвует» и увлекается «индивидуальным пением». Соответственно, ее подозревали во «вредительстве» и для начала хотели уволить с работы.

Бельский обрушивает гнев на Карла Мартина, известного ветеринара, члена президиума ВУАСХН, который, собственно, и предложил уволить Перовскую. Суровой критике подвергается «т. Воробьев», председатель парткома, «высокомарксистской организации Аскании», отказавший в помощи беспартийной сотруднице. «Зубро-бизоны Аскании могут гордиться. Их крепколобое племя растет и ширится в степях Таврии: там выводятся еще невиданные породы зубро-администраторов и бизоно-директоров. Остается спросить: когда же эти загадочные гибриды получают правильную, вполне научную классификацию? Вероятно, при чистке», – резюмирует Бельский²¹².

Много лет проработавший на Украине журналист понимал, конечно, кто такие Мартин и Бега. Для Бега назначение директором заповедника было явным понижением в должности: следовательно, у «бизоно-директора» были сильные противники. Статья явно апеллировала к этим противникам, в частности ко Льву Ахматову, бывшему редактору журнала «Червоний перець». Именно Ахматов сменил Бега на посту управляющего делами украинского Совнаркома.

Однако друзья директора Аскании оказались сильнее врагов. Остановить Бега Бельскому не удалось: Ахматов вскоре был снят с должности, аресты в заповеднике продолжились, вслед за ними последовали и соответствующие судебные процессы. Но «зоотехника Перовскую» отстоять он все же смог: в мае 1935 года на одном из торжественных мероприятий в Аскании было заявлено, что она – «очень ценный научный работник»²¹³.

Писал Бельский и многочисленные редакционные тексты, призванные приобщить читателя к жизни редакции. Таков, например, юбилейный фельетон «Крокодилский корабль», «самокритично» описывавший сотрудников «Крокодила» и проиллюстрированный большим шаржем Кукрыниксов. Бельский, скрывшийся под традиционными для него литерами Я. Б., описывает редактора Мануильского, который «стоит на носу корабля и всматривается в голубую даль литературного океана в надежде найти хороший фельетон. Его фигура напоминает... Колумба задолго до открытия Америки». «Его зам. – Я. Бельский вместе с зав. редакцией И. Абрамским работают у рулевого колеса»; «Ильф и Петров сами забыли недавно, кто из них Ильф, кто Петров. Родственники с трудом их помирили, причем Петров долго не верил, что он не Ильф. Знамениты тем, что во всех городах мира выпускают ежегодно 12 стульев. Перепроизводство мебели на Западе произошло главным образом из-за них»; «Валентина Катаева на корабле не видно, так как он в это время стоял во Всероскомдраме за творческой заграничной командировкой»; «Отдельный катер из Ленинграда с Антоновским, Радловым, Зощенко и Прутковым где-то задержался в пути» и т.п.²¹⁴.

Кроме того, Бельский работал и крокодилским темистом. Работа эта не была почетной и оплачивалась по самому низкому тарифу – но замреда это не останавливало.

Параллельно с журналистикой он снова – после длительного харьковского перерыва – занялся художественным творчеством. В частности, в 1934 году в журнале «30 дней» появился большой рассказ «Антонов

огонь». Вместе с Абрамским и другими крокодилцами писал сценарии для мультипликационного журнала «Кинокрокодил», в соавторстве с фельетонистом Вильгельмом Грановым – пьесу-водевиль «Шестой запасный», а с Регининым – сценарий для Одесской кинофабрики под названием «Поцелуй в диафрагму». Сам сценарий обнаружить не удалось, однако сохранилось его либретто. Фильм поставлен не был, а сценарий стал причиной судебной тяжбы Бельского и Регинина с кинофабрикой, обвинившей их в невыполнении условий контракта. Однако в итоге иск был отозван: выяснилось, что в срыве съемок виновата сама кинофабрика²¹⁵.

Заместителю Мануильского, которому еще в Харькове перевалило за тридцать, нужно было торопиться. Его одесские друзья, в частности Катаев и Багрицкий, давно уже жили в Москве и заслужили всесоюзное литературное признание. Бельскому же – после дымовского дела и шестилетней работы в харьковской периодике – необходимо было начинать все заново, с нуля. В столице его как литератора никто не знал, в московском писательском сообществе он явно не был своим.

Вспоминая во второй половине 1960-х годов «Крокодил» 1930-х, Лазарь Митницкий описывал знаменитых авторов журнала. Он утверждал, в частности: приход в журнал Ильфа и Петрова «можно без преувеличения назвать праздником нашего коллектива».

Однако в апреле 1932 года мнение Митницкого о крокодилских «звездах» было совсем другим: «То, что происходит сейчас в «Крокодиле» (я знаю об этом со слов всех крокодилцев), – писал он Мануильскому, – есть стопроцентный поворот “назад, к Островскому”. В самом деле – разве концессия на абсолютное суждение о лит[ературном] матерьяле, предоставленная Ильфу-Петрову (тем самым, которых вы до последних дней считали угождателями мелкого буржуа) – это шаг вперед? Зощенко – это большое достижение в политическом журнале? Не вы ли, морщась, называли его обывательским писателем? Ардов? Ардов и политический журнал! Нужны ли комментарии?! Но и я их тоже приглашал, не возражал против привлечения. Вся соль в дозах. В одной дозе мышьяк – лекарство. В другой – яд». «Если бы у вас было мужество быть прямолинейным, то вы всегда и без хитростей могли бы иметь в «Крокодиле» тот аппарат, какой нужен журналу. Но когда смотришь на ту «смену», которую вы сейчас, лавируя, подбираете, то невольно восклицаешь:

– За что боролись?»²¹⁶.

Конечно, Митницкий сильно преувеличивал степень опасности для журнала деятельности Ильфа, Петрова, Зощенко и Ардова. Однако в целом опасения его оказались ненапрясными. Далеко не все в письмах завлита оказалось продиктовано «нервами».

«Добрый», «тихий», не умевший по-настоящему сердиться редактор, по-видимому, слишком уповал на поддержку старшего брата. Он допускал в журнале публикации, которые, не будучи прямой крамоллой, вполне могли – при определенных обстоятельствах – быть сочтены за таковую. К тому же Мануильский не отличался аккуратностью в подборе кадров: не только «аппарата», но и работавших по совместительству фельетонистов. И последствия этой редакторской самонадеянности оказались для журнала самыми плачевными.

«Картина полного политического разложения...»

По свидетельству П.В. Катаева, Бельский, возвратившись со службы в «органах», «хватаясь за голову, рассказывал об огромном количестве стукачей в писательской среде и о доносах на отца, которые сам читал».

«– Их много!.. Почти все!..»

Лицо отца, когда он об этом рассказывал, менялось и становилось похожим на незнакомого мне Яшу Бельского. И интонации отцовского голоса – эдакого “крика шепотом” – так же копировали его голос».

Сын писателя полагал, что именно со знанием имен авторов доносов были связаны «некоторые “необъяснимо” прохладные отношения отца с некоторыми его товарищами-писателями», что «с течением времени» доноски «были навсегда вычеркнуты из его жизни»²¹⁷.

Мемуарист прав: доносы и на Катаева, и на самого Бельского, и на других крокодилцев писались в больших количествах. Но, судя по сохранившимся документам, Бельский далеко не всегда имел возможность установить их авторов.

В 1937 году, кроме Бельского, расстреляли еще нескольких литераторов, в разные годы сотрудничавших с «Крокодилом». В частности, был казнен Аркадий Бухов. Бухов, знаменитый журналист с дореволюционным стажем, блестящий фельетонист, сотрудник «Сатирикона» и друг Аркадия Аверченко, после революции несколько лет жил в Литве, редактируя в Ковно (Каунасе) эмигрантскую газету «Эхо». В 1927 году он вернулся в СССР, стал работать в советских сатирических журналах.

Валентин Катаев впоследствии называл Бухова «бриллиантом чистой воды в «короне русского смеха»». «Я любил его как человека и юмориста, читал все его вещи с удовольствием и с не меньшим удовольствием выступал в качестве его соавтора», – писал Катаев.

Виктор Ардов утверждал: «Надо прямо сказать, что это был выдающийся журналист-редактор, фельетонист, драматург». Сходным образом отзывался о Бухове Леонид Ленч: «Он был превосходным журнальным работником. Работоспособность его была поразительной. В случае необходимости он один в фантастически короткий срок мог сделать весь номер журнала: придумать темы для рисунков, написать рассказ, фельетон, заметку, подписать карикатуры.

И все это легко, без лихорадочной спешки, без натуги, как бы играючи.

Мы, молодые тогда, начинающие сатирики и юмористы, только ахали, глядя на него:

– Вот это техника!»²¹⁸.

В архиве ФСБ России хранится уголовное дело Бухова. Анализировать это дело – с, так сказать, нравственной точки зрения – очень непросто: в 1937 году фельетонист, буквально раздавленный арестом, активно сотрудничал со следствием, писал многостраничные собственноручные показания. Самые объемные показания, данные 7 августа 1937 года, Бухов определил как «политическую и бытовую исповедь».

Из материалов дела следует: в случае отказа от дачи показаний подследственному пригрозили расправой с семьей, и, в частности, с дочерью: «Я готов чем угодно искупить свои грехи, лишь бы моя дочь, которую я больше всего люблю в жизни, могла бы вырасти полезным, хорошим, образованным советским человеком и росла бы в человеческих условиях и со своей матерью».

В случае же сотрудничества ему, напротив того, была обещана свобода: «Во время следствия ко мне не применяли никаких мер воздействия, насилующих мою волю – наоборот, мягким обращением меня заставили острее переживать все свое прошлое. И вот сейчас я чувствую в себе достаточно силы воли, чтобы принять смягчение моей участи не как поблажку, а как руку, помогающую упавшему человеку встать».

Писатель поверил следствию – и был обманут. Несправедливо осужденный за шпионаж в пользу Литвы и Германии, он был расстрелян.

Из «исповеди» выясняется, в частности, что вернуться из эмиграции Бухова заставило тяжелое материальное состояние газеты «Эхо», необ-

ходимость постоянно изыскивать деньги на ее издание, зависимость от тех, кто эти деньги давал. «Я, – показывал Бухов, – представлял собой гражданина, лишённого родины... писателя, порвавшего с литературой и пересчитывающего темные, выкинутые как подачку деньги, бесчестного журналиста, сделавшего свою газету лавочкой... И в то же время я видел в советских изданиях статьи и рассказы своих прежних товарищей, видел советские сатирические журналы и прекрасно понимал, что если бы я жил в СССР, то... я мог бы честно и спокойно, без тайных и подлых связей, жить и работать, вместо того, чтобы здесь валяться в моральной грязи, хотя и в дорогих штанах и с пятиблюдным обедом».

Вернувшись, Бухов быстро понял, что совершил непоправимую ошибку. О нравах в СССР – которые, живя за границей, он плохо себе представлял – ему сразу же рассказали его друзья, в эмиграцию не уехавшие.

О начале своей советской жизни он показывал следующее: «В первый же день я пошел к Кольцову, который встретил меня приветливо, предложил у себя в “Огоньке” работу и в разговорах, отвечая на какой-то мой вопрос, иронически произнес фразу, которую я хорошо запомнил: “У нас, Аркадий Сергеевич, все бывает, у нас никто ни от чего не застрахован”. В соседней комнате работал писатель Ефим Зозуля, который в ответ на то, что он делает, ответил: “Пишем, пока не запретят”. Кажется, на второй или на третий день моего приезда журналист Вас[илий] Алекс[андрович] Регинин (Раппопорт) ответил на мой вопрос – где лучше работать: “Работать можно везде, пока не выгонят”».

«В этот период времени я встретился с литератором Саянским... Когда я спросил его, как относятся к нему как к бывшему офицеру, работающему в газете, он ответил: “А мне плевать, платят деньги – и ладно”. В этот же период я встретился с писателем М[ихаилом] Левидовым... Он сказал мне: “У нас работать нельзя, можно только делать вид, что работаешь”. Познакомился с писателем Булгаковым, который в это время очень нуждался из-за запрещения какой-то его пьесы. Он сказал мне: “Буду подыхать с голода, а писать буду то, что я хочу, а не они, и вообще у нас лучше быть нищим, чем писателем”. Увиделся на улице с Юрием Ключниковым (профессор, один из лидеров сменовеховства; я с ним вместе учился в казанской гимназии); он сказал: “Приехали? Поздравлять не с чем”. От старого приятеля, бывшего сатириконца Евг[ения] Венского (Пяткина) я услышал: “Зачем приехали? Был человек и не станет человека”».

По приезде Бухов сразу же столкнулся с недоверием и подозрительностью со стороны редакций сатирических журналов. У него долго не было постоянной работы, печатали его неохотно. И вдобавок чуть не лишили избирательных прав – за редактирование антисоветской эмигрантской газеты. В 1928 году Бухов принял предложение работать «в качестве секретного агента в СПО (секретно-политическом отделе. – О. К., Д. Ф.) НКВД». Как «секретный агент» он собирал информацию «о настроениях среди писателей или об отдельных писателях».

Свои обязанности, согласно показаниям, бывший сатириконец «считал почетной для себя работой», «выполнял добросовестно», «ничего не утаивая – во всяком случае, ничего не желая утаивать». И раскаивался на следствии только в том, что работал в основном по заданиям, «делал сводки» о тех, за кем его просили следить его кураторы – проявляя при этом «мало личной инициативы»²¹⁹.

О сексотской деятельности Бухова ни Мануильский, ни Бельский, ни Катаев, ни другие крокодилы, по-видимому, не подозревали. С ним дружили и сотрудничали, при нем вели откровенные разговоры. Бельский, в частности, соавторствовал с Буховым как крокодилский темист.

В 1932 году другой крокодилец, художник Ротов, в юности работавший в деникинских изданиях на Дону, в резкой форме отказался от «секретного сотрудничества» с «органами». При этом Ротов заявил, что доноительство на коллег «шло вразрез с его убеждениями». После отказа от сотрудничества Ротова не посадили в тюрьму и даже не выгнали из «Крокодила».

Очевидно, и у Бухова была возможность отказаться от «почетной» миссии. Но, судя по «исповеди», осознание собственной вины перед семьей, мысль о том, что он своими руками обрек любимую дочь Наталью едва ли не на смерть, поставила фельетониста на грань психической болезни, заставила сделать еще одну непоправимую ошибку. В итоге Бухова расстреляли, а тот же Ротов, арестованный в 1940 году и приговоренный к восьми годам лагерей, по отбытии срока вышел на свободу.

Уберечь семью Бухову тоже не удалось: после его казни жену и дочь выслали в Казахстан. Об их дальнейшей судьбе повествовал Леонид Ленч: после смерти Сталина «Елена Борисовна Бухова и Наташа вернулись в Москву, долгое время жили в коммунальной квартире, пока Союз писателей не дал им отдельную, двухкомнатную. Наташа работала секретарем-машинисткой, собирала забытые произведения отца, со-

ставляла сборники, печатала его рассказы в повременной печати. Елена Борисовна скончалась, если не ошибаюсь, через пятнадцать лет после возвращения из ссылки, Наташа покончила с собой на следующий же день после ухода матери, выбросившись на мостовую из окна многоэтажного дома. Их хоронили в один день».

«Таким драматическим, точнее бы сказать, трагическим был финал в литературе и в жизни Аркадия Бухова и его семьи», – резюмировал Ленч²²⁰.

Пытаясь определить свое место в истории российской сатиры, «Крокодил» позиционировал себя как явление уникальное, как «первый в мире» журнал «сатириков-строителей». При этом журнал демонстративно отказывался от «буржуазных» традиций, когда

... сатирик голодал, страдал и задыхался
И часто в страхе отступал назад.
И вырывал сатиры гневной жало,
И яд менял на жиденький елей,
С угодливым, испуганным оскалом
Он полз Аверченкой беззубым из щелей.
И юмор штемпелеванный, «законный»
Питал мещан, и был он пуст, как нуль.
Делили почести «Сатириконы»
Со славою слабительных пилюль.

Советская же сатира была, по мнению автора стихотворения, поэта и фельетониста Р. Романа, совсем другой:

На всех фронтах гремело наше слово,
Бойцам, строителям давая новый пыл.
На страх врагам, на помощь нам основан
Журнал сатиры большевистской, «Крокодил»²²¹.

Стихотворение о «беззубом Аверченке» было опубликовано в январе 1932 года. А через четыре месяца, в юбилейном номере состоялся крокодилский дебют Аркадия Бухова.

Его фельетон назывался «Лавочка смеха». Тема фельетона тоже была традиционной для «Крокодила»: советская сатира сравнивалась с современной ей сатирой зарубежной. «Когда заходит разговор о сегодняшней западной сатире и юморе, – утверждал Бухов, – сейчас же начинаются теплые историко-литературные воспоминания:

– А помните – Сервантес? А помните – Диккенс? А помните – Мольер, Рабле, Гейне?..

Помним. Были. У европейской сатиры и юмора были прекрасные предки, но потомки их поставили на голову дарвиновскую теорию и, вопреки ей, от великих людей произошло маленькие обезьяны».

Далее следовали пародии на сатирическое творчество «маленьких обезьян». Современная, к примеру, скандинавская сатира представлялась автору фельетона следующим образом: «Один состоятельный мельник вез на продажу жирную свинью.

– Не хочешь ли выпить водички, моя свинюшка?

– С удовольствием, – ответила свинья, и они поехали дальше.

Потом свинью закололи, а мельник женился и окривел. Все»²²².

Фельетон сыграл свою роль: Бухов стал постоянным автором «Крокодила». Его тексты начали появляться почти в каждом номере – а гонорар составлял 60 копеек за строчку²²³.

В показаниях он заметил, что именно с момента прихода в «Крокодил» «стал себя чувствовать советским гражданином и советским писателем». И объяснял это свое новое состояние тем, что «впервые за все свое советское время» «вернул себе то, что было... утеряно еще в 1917 году: свою прежнюю специальность, положение как писателя, материальное спокойное положение, уверенность в дальнейшей работе и надежду на возвращение литературного имени».

Бухов в «Крокодиле» писал едва ли не лучше всех и быстро обрел своего читателя. Однако то, что под пером большинства других фельетонистов смотрелось вполне органично, для бывшего сатириконца-эмигранта представляло измену и своим принципам, и оставшимся за границей друзьям. Бухов хорошо понимал двусмысленность своей работы в журнале: «Каждый смеется, как может. Особенно когда ему хочется плакать»²²⁴.

Содержание доносов установить не удалось: такого рода документы лишь случайно могут попасть в поле зрения исследователей. Однако можно предположить, что характеристики писателей, журналистов и журналов, данные Буховым на следствии 1937 года, вполне соотносились с этими доносами. Подследственный очень любил семью и очень хотел жить. И задача его состояла, прежде всего, в том, чтобы – раскаиваясь в недостаточно «советском» образе мыслей – доказать тем не менее собственную лояльность по отношению к советской власти.

Сотрудничество с НКВД наверняка казалось Бухову сильным козырем в линии самозащиты, которую он пытался встроить на следствии. Соответственно, ему нужно было подтвердить справедливость сведений о настроениях в литературной и журналистской среде, отвести от себя обвинения в сознательной дезинформации кураторов из СПО. Нетрудно предположить, что речь в показаниях, и прежде всего в «исповеди», идет преимущественно о тех литераторах, о ком Бухов собирал сведения.

Судя по показаниям, главным объектом внимания сексота был именно «Крокодил», его сотрудники и близкие к журналу литераторы и художники: «Олеша Юрий Карлович, писатель. Он настроен фашистски. В разговорах со мной он развивал теорию сильной личности типа Муссолини»; «Катаев Валентин Петрович, писатель. Критиковал успехи советской власти и говорил, что в случае столкновения с капиталистическим миром СССР потерпит поражение»; «Храповский Михаил Борисович, художник. Агитировал за неизбежность капиталистического развития СССР и буржуазные “демократические” свободы»; «Ардов Виктор Ефимович, писатель. Распространяет антисоветские анекдоты и злобно критикует всякие неудачи советской власти»; «Радаков Алексей Александрович, художник. Считает, что никаких достижений в СССР нет, все построено на очковтирательстве, что в СССР все плохо, а что и было хорошего, распадается» и т.п.

Рассуждения Бухова о ситуации в редакции «Крокодила» сродни тем, что содержатся в письмах Митницкого: «В “Крокодиле” к[онца] 33-34 года, когда я начал там работать (в действительности Бухов начал сотрудничать в «Крокодиле» в мае 1932 года. – О. К., Д. Ф.), я застал картину полного политического разложения... Сотрудники приходили в редакцию пьяными, ни в одной редакции нельзя было наслушаться столько контрреволюционных сплетен, сколько в “Крокодиле”. Мих[аил] Захар[ович] Мануильский, ответственный редактор журнала, поставленный туда братом Д.З. Мануильским, не мог, а может, и не хотел бороться с такой атмосферой в редакции».

Бухов, в отличие от Митницкого, не видел крамолы в деятельности Зощенко, Ильфа и Петрова. Виноват в «политическом разложении» журнала был, согласно показаниям, крокодильский замред. Бельский «специализировался на антисоветских анекдотах», которые сам же и сочинял. Анекдоты произносились «вслух на общих заседаниях». Бельскому «вторили в тех же тонах Виктор Ардов и М. Вольпин, вызывая

трусливого Э. Кроткого (Эм[мануила] Германа) на антисоветские басни. Литературным идеалом для всех был Н. Эрдман, написавший не одну безоговорочно контрреволюционную вещь».

«В редакции “Крокодила” дело доходило до того, что беспартийные сотрудники делали замечания Бельскому по поводу его анекдотов, прося его замолчать. Не раз на той же почве у Бельского были неприятности с собеседниками в литературных клубах-ресторанах, когда Б[ельский] громко начинал свои антисоветские остроты. Окружение Б[ельского], которое я знаю (это относится к году 35-36-му), – бывший сотрудник “Крокодила” В. Гранов, Вал[ентин] Катаев, Ю. Олеша, А. Гарри», – утверждал фельетонист.

Вряд ли Бухов испытывал к Бельскому личную ненависть: о каких-либо конфликтах между ними сведений нет. Скорее другое: Бельский для Бухова был одним из тех порожденных новой властью выскочек, которые, не имея перед литературой никаких заслуг, вытеснили из журнального пространства дореволюционных писателей – а его самого превратили в доносчика.

О своем отношении к такого рода литераторам и журналистам Бухов, по-видимому, искренне сообщал следствию, характеризуя писательские настроения после октября 1917 года: «Наступление советской идеи... было воспринято прежде всего как удар по личному благополучию. Идут какие-то новые, совершенно неизвестные нам люди, которые ототрут нас от цели – следовательно, они враги, с которыми надо бороться».

Настроения эти не прошли у Бухова и после возвращения из эмиграции: «Мне казалось, что партия не потому взяла руководство искусством в свои руки, чтобы сделать его коммунистически-ведущим, а просто по праву захвата и для того, чтобы всем правили так или иначе люди с партбилетами. Как человек, вернее, как обиженный писатель, всякую свою неудачу я приписывал тому или ному партийцу, служащему в редакции или издательстве».

Бельский – «партиец», отставной офицер госбезопасности, говоривший «о своих политических взглядах» «в ультрасоветских тонах» и при этом громко рассказывавший антисоветские анекдоты – виделся Бухову двуличным «политическим разложением». Но для сотрудников журнала замред был вполне своим, его слушали и ему «вторили». При этом «к любому беспартийному писателю или художнику, который честно стоял на советской платформе, отношение было как к чужому или подхалиму»²²⁵.

В 1930-е годы сотрудники «Крокодила» должного уважения к Бухову, сатирику с дореволюционным стажем, не испытывали. Ардов вспоминал: художник Ротов, младший Бухова на 13 лет, «полчаса потратил на то, чтобы сделать... как это называется на базаре? – “кукла”: он сверху и снизу положил по три рубля настоящих, а внутри чистую бумагу, и получилось... фальшивые триста рублей... И, сделав эту штуку, обернул госбанковской бумагой. Он сказал вошедшему Бухову: “Аркадий Сергеевич! Я вам должен был 200 рублей, вот вам 300, отдайте мне 100 сдачи”. Бухов отдал 100 рублей настоящими, и тут мы все заржали с большой радостью»²²⁶.

Коллеги-крокодилы были для Бухова, согласно его показаниям, «врагами», с которыми следовало «бороться». Составляя и свои донесения, и показания на следствии, он – доступными средствами – действительно боролся и с советской печатью, и с советской властью.

П.В. Катаев утверждает со слов отца, что друзья-крокодилы жили «алкоголем и загулами», «жизнью богемы». Жизнь эта выражалась, в частности, в совместных «поездках в Ленинград».

Сам же Валентин Катаев в книге «Алмазный мой венец» подробно описал «набеги» московских писателей «на бывшую столицу Российской империи». Начались они еще до того, как Бельский переехал в Москву, однако, став заместителем редактора «Крокодила», он, по-видимому, присоединился к своим друзьям. «Мы, – повествовал Валентин Катаев, – останавливались в “Европейской” или “Астории”, занимая лучшие номера, иной раз даже люкс. Появлялись шампанское, знакомые, полузнакомые и совсем незнакомые красавицы»; «известный еще со времен Санкт-Петербурга лихач... мчал нас по бесшумным торцам Невского проспекта». «В полночь» друзья «пировали» в питерских ресторанах, а «сумрачным утром» «бродили еще не вполне отрезвевшие по Достоевским закоулкам, вдоль мертвых каналов, мимо круглых подворотен».

Эти ленинградские «загулы» были совсем не похожи на, например, николаевский «загул» Бельского и Багрицкого. Согласно Катаеву-сыну, «поездки в Ленинград» имели для друзей «зловещий смысл». Они происходили на фоне точных знаний о всеобщем доношении, призваны были смягчить «реальную картину, давали возможность словно бы пролистывать неинтересные страницы, точно их вообще нет»²²⁷.

Но беспечность, свойственная сотрудникам «Крокодила», и здесь давала себя знать: в некоторых поездках принимал участие и Бухов.

В 1937 году он поведал следствию, как, «сидя в Европ[ейской] гостинице за ужином – кажется, с Олешей, Катаевым и Никулиным», видел, «как прошла по залу и потом танцевала литовская актриса Жаленкевич, о которой в Ковно решительно все говорили, что она агент литовской и еще какой-то разведки»²²⁸.

«"Крокодил" передать "Правде"…»

Уязвимость «Крокодила» и его редколлегии обнаружилась еще в февралю 1932 года, в год десятилетия журнала.

Рыклин писал впоследствии, что «страна» отнеслась к этому юбилею «с завидным спокойствием». Но «в редакции журнала засуетились – решили считать дату знаменательной и отметить ее». Рыклин был прав лишь отчасти: «Крокодил» был хорошо известен и в СССР, и за его пределами, писатели и журналисты «считали за честь увидеть свое имя на его страницах», а тираж составлял 500 000 экземпляров²²⁹.

В год десятилетия «Крокодила» в ЦИК СССР поступили телеграммы от рабочих, металлургов и строителей Магнитогорского металлургического комбината – главной «подшефной стройки» сатирического журнала. В этих телеграммах всячески рекламировались успехи «Крокодила» как «единственного журнала действительно массовой, политической, большевистской, заостренной сатиры». «Крокодил», – сообщали авторы телеграмм, – «первый из сатирических журналов сумел вовремя перестроиться на массовые рельсы, втянуть в свою работу рабкоровские и рабочие массы». Смысл телеграмм состоял в ходатайстве перед ЦИК о награждении журнала орденом Ленина.

Естественно, телеграммы появились не сами по себе: «Крокодил» должен был к своему 10-летию получить орден. Однако этого не случилось, а телеграммы отдали на хранение в архив ЦИК²³⁰.

Ситуация с несостоявшимся награждением требует, конечно, дополнительного исследования. Однако очевидно, что «политическое разложение» «Крокодила», «антисоветские разговоры», «контрреволюционные сплетни» и анекдоты, звучавшие в редакции, были хорошо известны власти. На «Крокодил», его редактора и сотрудников смотрели с подозрением, до поры до времени не трогая брата руководителя Коминтерна. Но столь высокой награды журнал оказался недостойным.

Терпение власти лопнуло, скорее всего, в конце августа 1933 года: журнал, особенно гордящийся своими связями с «массами», начал акцию

под названием «Крокодил в воздухе». Согласно постоянно публиковавшимся в журнале анонсам, «28 августа бригада “Крокодила” на самолете “К5” вылетела для проведения авиарейда по маршруту Москва – Харьков – Днепропетровск – Раздорская МТС (Синельниково) – Сталино – Харьков – Москва». Это был первый полет того самого крокодильского самолета, которым редакция очень гордилась и который в мемуарах описал Абрамский. Летавшую на Украину журналистскую бригаду возглавлял Бельский.

Специальный выпуск «Крокодила», посвященный этому полету, должен было появиться в первой половине сентября²³¹. Однако реально он был подписан в печать только 9 октября, в процессе подготовки меняя название и в итоге оказался нумерованным. Соответственно, можно предположить, что до своих читателей он так и не дошел.

Рассказывая о Бельском, заместителе редактора «Крокодила», Абрамский в мемуарах приводит почти полностью его очерк «Как мы летали», опубликованный как раз в этом выпуске:

«– Интересно знать, – не без иронии начал секретарь, только что вернувшийся из отпуска, – где все наши сотрудники?.. Сегодня заседание, а ни одного из них нет в редакции... Что они сквозь землю провалились, что ли?..

– Почти, – успокаивающе заметил редактор, – четверо в подземном рейде, осматривают работы по метрополитену.

– Так... А вы не знаете, Ильф и Петров будут сегодня в редакции?

– Нет, они на Беломорском канале осматривают...

– А Катаев прислал рассказ?

– Едет в колхоз, оттуда и придет.

– А где же, наконец, Бельский, Ротов, Ганф, Весенин, Роман? – уже обиженно спросил секретарь, – стоит только уехать в отпуск – и кончено. Никого не найдешь... Где они?

– Нет их.

– Что значит – “нет”? Где-нибудь на земле ведь они есть?

– Нет. В воздухе. Утром улетели.

– Куда?»

Далее следовал текст репортажа о полете – с рисунками Константина Ротова²³².

Абрамский комментировал текст в том смысле, что он «очень живо и образно воссоздает атмосферу эмоциональной взволнованности, творче-

ского подъема, который охватил весь редакционный коллектив журнала, идущего по неизведанному, необычному пути в самую гущу жизни, в будни строительства нового мира»²³³.

Однако у Бельского есть и другие тексты, повествующие о жизни редакции, – в частности, тот же «Крокодилский корабль». С другой стороны, репортажи о деятельности выездных бригад постоянно печатались на страницах журнала. Очевидно, что цитирование именно этого очерка было вызвано не только желанием напомнить о Бельском и рассказать о редакционных «полетах».

Очерк Бельского – в политическом контексте осени 1933 года – выглядел по меньшей мере неоднозначно. Читателям было ясно, что «осматривали» в тот момент Ильф и Петров: Беломорканал, построенный руками заключенных под руководством ГПУ, был открыт 2 августа. Постановлением Совнаркома ему было присвоено название «Беломорско-Балтийский канал имени тов. Сталина». В связи с окончанием строительства многие заключенные были отпущены, другим сократили тюремные сроки.

Через две недели после открытия Беломорканала состоялась поездка – на пароходе – на место стройки большой группы журналистов и писателей. Они поехали убеждаться в плодотворности усилий ГПУ по «перековке» работавших на строительстве заключенных. Соответствующая пропагандистская кампания обошла в августе – сентябре 1933 года все газеты и журналы. «Крокодил» же, описывавший большинство тогдашнихстроек, редакционную бригаду на Беломорканал не послал.

О том, что канал построен, на страницах журнала изредка упоминалось. Но специальных материалов об окончании строительства и писательской поездке «Крокодил» не публиковал. Очерк Бельского «Как мы летали» – в «каналоармейском» контексте – и вовсе выглядел вызывающе. Получалось, что большинство сотрудников журнала специально проигнорировали главную советскую стройку.

8 октября 1933 года состоялось заседание Оргбюро ЦК ВКП(б). Постановление Оргбюро гласило:

«а) Считать, что непосредственное руководство журналом “Крокодил” должно быть за редакцией “Правды”.

б) Поручить культпропу (отделу культуры и пропаганды. – О. К., Д. Ф.) ЦК, совместно с т.т. Мехлисом и Мануильским, в пятидневный срок разработать мероприятия по всемерной помощи журналу “Кроко-

дил” работниками, бумагой, полиграфической базой, улучшив качество журнала и увеличив тираж его»²³³.

Причины внезапно вспыхнувшего интереса Оргбюро к «Крокодилу» очевидна: редактор «Правды» Лев Мехлис, бывший секретарь Сталина, захотел получить контроль над главным сатирическим журналом страны. Свою роль, очевидно, сыграло и ущемленное самолюбие Кольцова, не получившего в 1930 году журнал.

Поводов же к началу разбирательства явно было предостаточно.

Но сразу передать «Крокодил» «Правде» было сложно даже и Мехлису. Дмитрию Мануильскому, старшему брату редактора, в том же октябре исполнилось 50 лет: его поздравляли периодические издания и партийные вожди, соответственно, имя его было у всех на слуху. Кроме того, за журнал вступилась Мария Ульянова – сестра Ленина.

Абрамский вспоминал: редакция в начале 1934 года задумала выпускать «специальную сатирическую газету, целиком построенную на фактическом материале». Называлось новое издание «Моя газета»; оно так и не вышло. В первом номере «Моей газеты», макет которого делал лично заведующий редакцией, было помещено письмо Ульяновой – с похвалами в адрес «Крокодила»²³⁴.

В итоге решения по журналу «через пять дней» принято не было. Вопрос этот числился «отложенным» и на заседании Оргбюро, состоявшемся 7 марта²³⁵.

Но окончательное решение вопроса о «Крокодиле», состоявшееся 21 марта, было гораздо категоричнее первого:

а) Считать содержание «Крокодила» и в особенности положение с личным составом литературных сотрудников «Крокодила» крайне неудовлетворительным.

б) «Крокодил» передать «Правде», обязав редакцию «Правды» повседневно улучшать содержание журнала.

в) Поручить тт. Стецкому, Пospelову, Хавинсону, Мехлису и Мануильскому в 3-дневный срок представить на утверждение Оргбюро предложение об укреплении состава работников и снятии с работы негодных сотрудников «Крокодила» (партийных и беспартийных), дополнительно проверив личный состав технических работников «Крокодила».

г) Вопрос о передаче «Крокодила» «Правде» внести на утверждение Политбюро»²³⁶.

29 марта Политбюро постановило: ««Крокодил» передать «Правде», обязав редакцию «Правды» повседневно улучшать содержание журнала»²³⁷.

Михаил Кольцов, член редколлегии «Правды», был назначен редактором «Крокодила» сразу после этого постановления.

Последнее, что опубликовал Бельский в «Крокодиле», – серия маленьких рассказов, объединенных сквозным героем, романтиком и писателем Пашей Букетовым. Рассказы, появившиеся в феврале и марте 1934 года, иллюстрировались картинками, автором их был художник Алексей Радаков, тоже бывший сатириконец.

Сюжеты всех четырех рассказов однотипны: главный герой, влюбившийся в очередную собственную романтическую мечту, покидал отчий дом и спешил эту мечту реализовывать. Однако мечта, сталкиваясь с реальностью, неизменно разбивалась – и Паша, признавая правоту реальности, искал новых приключений.

Первый рассказ, под названием «Легенда седых вершин», начинался следующим образом: «Паша увлекался Лермонтовым. Лавры Печорина лишили его сна.

– К черту силосные башни! – кричал он в экстазе. – Вот башня царицы Тамары, это башня!

И Паша Букетов решил расстаться с сумеречными буднями городов. Взяв где-то аванс под незаконченную пьесу, он ринулся навстречу дымным ущельям, снежным вершинам и чернооким черкешенкам Кавказа».

В романтическом экстазе герой крадет черкешенку, Зюлейку. Однако выясняется, что она – жена комсомольца, председателя колхоза. К тому же она ленива – у нее «мало трудодней» – и некрасива. В общем, как оказалось, в этой истории «лермонтовской романтики не было. Это был не тот Кавказ, не тот черкес и не та Зюлейка. И сам “Герой нашего времени” был герой не нашего времени».

Во втором рассказе, «В поисках опоры», Паша Букетов пытается найти в сельской местности бедняка, который «был, есть и будет опорой советской власти в деревне». Однако оказывается, что бедняков в деревне давно нет, а на месте бедняцких хозяйств – мощные колхозы. Третий рассказ, «Полярная сказка», – про поиски Пашей Букетовым «северной экзотики» за Полярным кругом, куда «не ступала нога человека». Но и там давно установлена советская власть, работают школы, начинается строительство заводов – а «экзотику» незадачливый романтик может увидеть только в зоосаде.

В четвертом рассказе Паша Букетов ищет подземную библиотеку Ивана Грозного – а находит лишь книги из «передвижной библиотеки ударников шахты № 16 Мясницкого радиуса метро»²³⁸.

Публикация рассказов явно приурочена к проходившему в Москве XVII съезду ВКП (б), «съезду победителей», где было официально заявлено, что «победа социализма» в СССР – полная. К контексте такого рода «великих свершений» мечты героя теряют актуальность.

Однако романтик Паша Букетов с его раз за разом разбивавшимися о действительность мечтами был, конечно, автобиографическим героем.

После постановлений Оргбюро и Политбюро из «Крокодила» ушло десять сотрудников. Свои должности вынуждены были оставить и Бельский, и Митницкий, и Абрамский.

Абрамский, чье место в «Крокодиле» занял Бухов, стал заведовать редакцией журнала «Стрёмим» – фотоприложения к газете «За индустриализацию», органу Наркомата тяжелой промышленности. Митницкому повезло больше: его взяли ответственным секретарем в журнал «Прожектор», выходивший при «Правде»²³⁹. Бельский после увольнения из «Крокодила» несколько месяцев оставался без работы, а потом был принят рядовым журналистом в газету «Вечерняя Москва», орган Московского комитета партии и Моссовета.

Собственно, членам разгромленной редколлегии, и прежде всего бывшему заместителю редактора, очень повезло. Реформа «Крокодила» сопровождалась арестами сотрудников журнала: к трем годам ссылки был приговорен Эмиль Кроткий, к пяти годам лагерей – Михаил Вольпин. Николай Эрдман, «литературный идеал» крокодилцев, тоже был выслан из Москвы. Всем им вменялась в вину «антисоветская агитация», сочинение «контрреволюционных» текстов.

При этом, согласно Бухову, Вольпин, рассказывавший анекдоты, всего лишь «вторил» замреду, а Эмиль Кроткий писал «антисоветские басни» под его влиянием.

И тот факт, что Бельский потерял только свой административный статус – сохранив и свободу, и возможность работать, и даже партбилет, – свидетельствует: за него все еще было кому заступиться.

Однако и для него, и для Абрамского с Митницким оказались открытыми двери в образованный вскоре Союз советских писателей.

В июне 1934 года Кольцов, новый редактор «Крокодила», написал статью «Как мы это делаем»: о строительстве «самолета-гиганта» «Максим Горький» и его первых полетах. Название статьи, опубликованной в «Огоньке», явно отсылало к очерку «Как мы летали». Для посвященных текст Кольцова был манифестом реформированного «Крокодила», объяснявшим, за что разогнали прежнюю редакцию и в каких условиях предстоит существовать советской журналистике после XVII съезда ВКП(б).

Кольцов объяснял, что «большая печать» – «это общее наше дело, которое не висит праздно на стене, услаждающее взоры, а действует, беспрерывно затачиваясь и полируясь в самом процессе работы». Работники «большой печати» – те, кто пишут «гимны строителям социализма» и произносят «проклятия его врагам».

«Мы», по мнению автора статьи, это не только конструкторы и строители «гиганта», не только журналисты и их читатели, собиравшие деньги на самолет. И не только Максим Горький, именем которого самолет назван. «Мы, – писал Кольцов, – это Клим Ворошилов, кузнец нашей военной мощи, и Серго Орджоникидзе, строитель величайшей в мире советской промышленности, стоявшие у колыбели летающего “Максима”. Мы – это великий Сталин, конструктор и инженер бесклассового социалистического общества, вождь ленинской партии, смелый и бережный воспитатель народов нашей страны, обучающий нас идти вперед и вперед... Для нас это просто. Это просто, как Уралмаш. Просто, как колхозная бригада, как Беломорский канал... Как мы это делаем? Вот так и делаем»²⁴⁰.

Согласно тому же Бухову новый редактор был человеком осторожным, «политических бесед» с сотрудниками не вел, антисоветских анекдотов – публично – не рассказывал, хотя и любил их слушать. Но, несмотря на осторожность и клятвы верности «великому Сталину», Кольцов прекрасно видел, что происходит вокруг.

Никаких иллюзий насчет «большой печати» и собственных взаимоотношений с властью у редактора не было: «Говоря о делах литературных и журналах», Кольцов «всегда высказывал скептическое и недоверчивое отношение к тому, что у нас делается в той области. “У нас можно годами создавать дело, – говорил Кольцов, – но тут тебе на голову дают человека или директиву, и все идет прахом”. Говоря о газетах, К[ольцов] выражался – передаю только смысл – так: “Газеты у нас паршивые, и все равно создать хорошую газету нельзя – сейчас же поднимут вой и схватят за руки”. Из

отдельных фраз К[ольцова] было заметно, что он не верит в хорошее к нему отношение партийных верхов и все время чувствует себя на подозрении»²⁴¹.

Получить «Крокодил» было для Кольцова делом принципа: назначение это подтверждало если не «хорошее отношение» партийного начальства к журналисту, то, по крайней мере, его нужность власти. Однако повседневно руководить журналом он не мог физически.

Согласно воспоминаниям брата редактора, карикатуриста Бориса Ефимова, «приняв на себя обязанности редактора «Крокодила», Кольцов не расстался, да и вряд ли согласился бы расстаться со всеми прочими многочисленными обязанностями, постами и должностями. Он и председатель иностранной комиссии Союза писателей... и председатель Комитета по строительству эскадрильи агитсамолетов имени Горького, будучи одновременно и командиром этой эскадрильи в официально присвоенном ему звании летчика-наблюдателя. Он и председатель Комитета по благоустройству подмосковной зоны отдыха (нынешний Зеленоград). А помимо всех этих комитетов, правлений и комиссий существует еще и такая «малость», как его прямая профессия журналиста – повседневная работа для газеты. Ведь он не только фельетонист «Правды», но и ее неутомимый, безотказный спецкор»²⁴².

Кроме того, с 1923 года Кольцов был бессменным редактором журнала «Огонек»; состоял он и в редколлегиях нескольких других журналов. С 1926 года он руководил и акционерным издательским обществом «Огонек» – спустя пять лет реорганизованным в государственное газетно-журнальное объединение «Жургаз».

Соответственно, обязанности по выпуску «Крокодила» редактор переложил на плечи своих сотрудников.

Леонид Ленч, при Мануильском внештатно сотрудничавший с «Крокодилем», а в 1934 году перешедший в штат, утверждал: «Что меня приятно поразило, когда я стал в журнале своим человеком, – это творческая дружеская спайка крокодильского коллектива. Крокодилыцы любили свой журнал и, понимая все трудности работы в жанре сатиры, с какой-то особой бережной нежностью относились друг к другу»²⁴³.

Однако мнение это опровергается показаниями Бухова: при Кольцове сотрудники журнала оказались – не по своей воле – втянутыми во внутриредакционные конфликты «Правды». Кольцов боролся за влияние над газетой с заместителем Мехлиса, журналистом Иваном Боговым – и, согласно Бухову, «дело доходило до скрытых каверз друг другу».

Следствием этих «каверз» оказалось появление в «Крокодиле» нового замреда – Лазаря Гинзбурга (*Лагина*), креатуры Божьего. По мнению Бухова, Гинзбург был «наглый рвач», «жулик» и «проходимец»: «В разговорах со мной Кольцов обычно спрашивал о Гинзбурге в такой форме: “А что этот болван делает?”; а правдисты... приходили в редакцию и издевались над тем, что у нас работает Гинзбург».

В итоге ситуация в «Крокодиле» вышла из-под контроля Кольцова. В 1936 году, когда редактор уехал в Испанию, в журнале объявили «сокращение штатов». Жертвой сокращения оказался и бывший сатириконец, ставленник редактора. «Даже мой арест, который в результате поведет к моему физическому и гражданскому концу, не так подействовал на меня, как это увольнение. Я буквально потерял сам себя, около месяца не мог даже работать... Я стал много пить, чтобы забыться... Работал я в последнее время где попало», – показывал он²⁴⁴.

«Часы, велосипед, патефон»

Перейдя в «Вечернюю Москву», Бельский еще раз попытался начать карьеру заново. Правда, теперь ситуация оказалась намного сложнее: опубликовав рассказ «Почтовым в Москву», можно было уехать из Николаева в Харьков. А из Харькова – от украинизации – перебраться в Москву, где начать печататься, используя высокий статус замреда «Крокодила». Теперь бежать было некуда, статус Бельский потерял – а его журналистская репутация казалась безнадежно испорченной.

Но на момент увольнения из «Крокодила» ему было 36 лет. В принципе его карьера еще могла сложиться удачно. Более того, судя по публикациям Бельского, она и начала складываться удачно.

«Вечерняя Москва», любимая москвичами «Вечерка», массовая и по преимуществу развлекательная газета, была вполне достойным советским изданием. С февраля 1932 года газетой руководил Георгий Ржанов – партийный функционер, известный журналист и публицист, организатор советской журналистики в Сибири. С приходом Ржанова в «Вечерку» начал сотрудничать почти весь авторский коллектив «Крокодила», а также близкие Бельскому люди: Катаев и Олеша, Мацкин и Бермонт, Регинин и Нарбут. Ведущим фельетонистом «Вечерней Москвы» был Семен Гехт. Сам заместитель редактора «Крокодила» тоже изредка публиковался в «Вечерней Москве»²⁴⁵.

Придя в штат, Бельский быстро стал, наряду с Гехтом, ведущим фельетонистом. Его тексты появлялись регулярно, каждые 5-10 дней, пу-

бликовались на 2-й (реже – на 3-й) газетной полосе, были большими – занимали, как правило, целый газетный подвал. Со второй половины 1934 до начала 1936 года он опубликовал несколько десятков статей и фельетонов; его журналистская активность в «Вечерке» вполне сравнима с той, которая была в «Красном Николаеве». Иногда он работал в соавторстве с Валентином Катаевым.

Темы его статей и фельетонов опять-таки социально-бытовые: он критиковал работу московских судов и милиции, магазинов, транспорта, справочных бюро, издательств и т.п. Бельский вновь заступался за обиженных – правда, уже без дозволительных в «Крокодиле» политических намеков и обобщений. В сентябре 1935 года он, например, публикует статью под названием «Жестокость», о «старушке Кузьминой», вдове «портного Обухова», которую несправедливо лишил квартиры и пенсии собственный племянник.

Занимался Бельский и спортивной журналистикой, комментировал футбольные матчи и шахматные партии: «Неожиданно появляется женщина из другого зала. Она — неиграющая. У нее свой, совершенно особенный метод анализа партий. Она считает на штучки.

– У Ботвинника против Богатырчука преимущество, – говорит она, сильно волнуясь. – У него больше на одну штучку, такую... маленькую...

– Значит, на пешку?

– Я не знаю, как это называется. Вот, как эта, которая висит здесь...

– Это – пешка. А как положение?

– Положение? Оба сидя думают, – говорит она скороговоркой, – уже минут десять как не вставали...

После перерыва, когда Ботвинник сдался, удивлению этой женщины не было границ.

– Никогда не думала, – говорит она, – десять штучек против девяти – и сдался...

– Не те штучки были, – сказал кто-то. – У него было больше на одну маленькую и меньше на одну большую, а большая называется “фигура”!

– Теперь я, наконец, понимаю, – радостно сказала она, – что значит преимущество фигуры. А то, когда это сказали про Шпильмана, я никак не могла понять, в чем дело... Он ведь такой полный...

...В полумраке, у входа в музей, стояла толпа. Какой-то парень говорил другому, высоко взмахивая рукой:

– До чего обидно! Ты пойми: ведь Ботвинник наш, комсомолец, а проиграл...»²⁴⁶.

Положение Бельского в газете поначалу не изменилось и с приходом нового редактора. В августе 1934 года Ржанова сменил Абрам Романовский, в середине 1920-х годов – сотрудник «Гудка», заведовавший в газете железнодорожников отделом рабкоров.

Дважды – в июле 1935 и в январе следующего, 1936 года Бельский писал тексты к выпускам знаменитого журнала «СССР на стройке». Первый из номеров, подготовленных при участии бывшего крокодила, назывался «Часы, велосипед, патефон». Он был призван продемонстрировать конкурентоспособность советских «товаров народного потребления»: «Часы, велосипед и патефон – еще недавно были только заграничного происхождения... Русских марок не знали, их почти не было. Теперь марки патефонов “Тизприбор” коломенского завода, ленинградского, ярославского и др. начинают звучать так же авторитетно, как “His master’s voice” и других иностранных марок, а карманные часы “Точмеха” – не менее прочны и пунктуальны, чем их западные собратья. Этим трем молодым отраслям промышленности пришлось параллельно бороться за количество и качество, чтобы удовлетворить необычайно растущие культурные запросы потребителя».

Второй подготовленный Бельским номер был посвящен советским курортам: «Поездка на курорт или в дом отдыха стала обычно для советского рабочего и служащего. Для того, чтобы дать отдых и лечение в природных условиях многим миллионам трудящихся, потребовалась полная революция в курортном деле. То, что было в этой области сделано за многие годы в царской России, выглядит чем-то совершенно жалким и ничтожным по сравнению с огромными силами и средствами, вложенными в санаторно-курортное дело советской властью».

Журнал «СССР на стройке», состоявший из подобранных по темам фотографий и текстовых комментариев к ним, был создан в 1930 году по инициативе Горького и распространялся преимущественно за границей. Выходивший, кроме русского, на четырех европейских языках: немецком, французском, английском и испанском, он был призван наглядным образом продемонстрировать западному читателю успехи советской власти. Ответственным редактором «СССР на стройке» несколько лет был известный партийный деятель и крупный советский чиновник Георгий Пятаков; Горький входил в редколлегия до самой своей смерти.

В журнале сотрудничали знаменитые художники и фотографы: Александр Родченко и Макс Альперт, Дмитрий Дебабов и Георгий Зельма, Борис Игнатович и Аркадий Шайхет, Георгий Петрусов и Николай Трошин.

Тексты для журнала писали, в частности, Александр Фадеев, Петр Павленко, Лев Славин, Валентин Катаев, Исаак Бабель, Лев Кассиль и Виктор Шкловский. Сами по себе тексты эти литературной ценности не представляли; они были рекламными, вспомогательными по отношению к фотографиям. Исследователи утверждают: журнал был «чисто визуальным», содержание его «понятно практически без слов», «СССР на стройке» «можно считать своеобразным “бумажным кино”».

Однако и для фотографов, и для литераторов сотрудничество в журнале было подтверждением совершенной лояльности к власти и возможности – в связи с этим – быть «лицом» СССР за рубежом. Участие же Бельского в составлении журнальных номеров – после скандала с «Крокодилом» и при том, что членом редколлегии «СССР на стройке» был Кольцов – выглядит поистине фантастически.

Возможно, что бывшего замреда пожалел Горький: все-таки по его плану действовали при Мануильском сатирики. Нельзя исключить и помощь Евгении Ежовой, жены Николая Ежова, с 1935 года – председателя преобразованной из ЦКК Комиссии партийного контроля.

Ежова еще в начале 1920-х годов была журналисткой. Работала и в Одессе, лично знала многих литераторов-одесситов. В июне 1935 года она вошла в редколлегию журнала «СССР на стройке». Через месяц к сотрудничеству был и Бельский привлечен.

С январского номера 1936 года, посвященного курортам, Ежова – заместитель редактора. Ее фамилия – на обложке журнала.

Впрочем, кто бы ни помог Бельскому, участие в подготовке престижнейшего журнала было знаковым событием. Оно свидетельствовало, что статус журналиста опять достаточно высок. С необходимостью подразумевалось: история разгрома журнала «Крокодил» утратила актуальность, обвинение в неблагонадежности снято.

Журналистская деятельность Бельского не ограничивалась «Вечеркой» и «СССР на стройке». В 1935–1936 годах он возглавлял «бригаду по литературной обработке рекламы» в Наркомате внутренней торговли²⁴⁷.

Освободившись от административных обязанностей, Бельский публикуется гораздо чаще. Журнал «30 дней» печатает его рассказы «При-

каз императора», «Решительная до результата» и «Американское наследство»; два из них он сам иллюстрировал. В начале 1936 года вышел очерк «Эдуард в Николаеве».

Похоже, что сюжеты из эпохи гражданской войны и чекистской службы Бельского больше не интересовали. «Приказ императора» – рассказ исторический. Время действия – эпоха Наполеона I.

Герои – командир французской пехотной роты капитан Вандаль и ротный барабанщик Сабо. Такие фамилии, конечно, вызывали предсказуемые ассоциации. «Вандализм» и «саботаж» еще с 1920-х годов – расхожие термины в советской периодике.

«Второй круг ассоциаций» проследить сложнее. Но осведомленные современники угадывали имплицитные ссылки на труды популярного французского историка А. Вандаля, апологета наполеоновской политики. Да и сам рассказ – стилизация, иронически обыгрывавшая весьма частые в досоветской периодике «рассказы из иностранной жизни».

Сабо и Вандаля судят за нарушение дисциплины. Барабанщик еще мальчишка, а вот сорокапятилетнего капитана, скорее всего, ждет расстрел. Рота не выполнила приказ в «Битве народов» под Лейпцигом. Русская башкирская конница, вооруженная луками и стрелами, атаковала боевые порядки роты, но французы огнем не ответили. Не ко времени пошутил барабанщик, и «вместо того, чтобы стрелять, все стали хохотать, а некоторые от смеха попадали на землю».

Приговор ротному командиру, выслужившемуся из рядовых бывшему крестьянину, уже ясен. Суд – формальность, ведь есть приказ императора: расстреливать нарушителей дисциплины.

Однако на суде Сабо повторил свою шутку: башкиры с их луками и стрелами «похожи на амуров». Вот тут судьи не смогли удержаться от хохота. Это и решило исход дела. Председательствующий генерал «наклонился к полковнику.

– Как вы думаете, – сказал он, – император уже уехал из города?

Иллюстрация к собственному рассказу «Приказ императора» (1935)

– Да, – сказал полковник, – его карета проехала мимо окна полчаса тому назад. Он уже далеко. Не меньше, чем в пяти лье отсюда...

Капитан Вандаль и барабанщик Сабо были оправданы».

В общем, рассказ можно считать и автобиографическим, соотносимым с «дымовским делом». Жизни подсудимых, в сущности и не совершивших преступление, зависели исключительно от стечения обстоятельств. Император уехал, судьи проявили человечность. Так могло бы случиться и в Дымовке. Однако – не случилось.

Заглавие рассказа «Решительная до результата» воспроизводит клише, используемое на состязаниях по французской борьбе. Речь идет о схватке, не ограниченной временем. Первая публикация – на украинском языке в журнале «Червоний перець». Рассказ посвящен знаменитому борцу Ивану Лебедеву. Бельский описал и собственное увлечение французской борьбой.

В «Американском наследстве» повествователь вспоминает одесское детство. Семья бедна, и бедность кажется беспросветной. Неожиданно появляется надежда. В далекой Америке живет престарелый дядюшка, некогда эмигрировавший, затем изрядно разбогатевший, он вспомнил о родственниках в Одессе, а других наследников и нет.

Семья живет ожиданием наследства. Американские капиталы, казалось бы, решат все проблемы. Ждет и повествователь. Ему тогда десять лет. Ждать, вроде бы, недолго, дядюшка – астматик. Но дядюшка словно опять забыл о родственниках. У него другая жизнь, он создал ее сам и давно. Не только гражданство – имя, фамилия, вероисповедание, профессия заменены. Теперь он – американец Гарри Уайтмен, методистский проповедник, глава общины.

Внимательные читатели, понимавшие английский, конечно, видели намек. Уайт – белый, соответственно, ясна была связь с фамилией Бельский. И даже Биленкин – через украинское «білий». Значит, рассказ автобиографичен.

Повествователя мучают угрызения совести. Ведь, по его словам, желавший кому-либо смерти уже стал убийцей. И как справедливое наказание он, десятилетия спустя, воспринимает итог: семья не получила наследство – дядюшка перед смертью все капиталы завещал своей общине. Одесским же родственникам отправил смехотворную – по сравнению с ожиданиями – сумму в двадцать пять долларов и Библию на английском языке.

Именно тогда повествователь и приходит к выводу, определившему его будущее. Выводу, который формулирует тот, кто жизнь свою изменил сам: «Нечего надеяться на американское наследство»²⁴⁸.

«Эдуард в Николаеве»

Очерк «Эдуард в Николаеве» весьма значим в контексте литературного наследия Бельского. Можно сказать, что он – вместе с рассказом «Американское наследство» – составил автобиографическую дилогию. Одесское детство и николаевская молодость, где Багрицкий – своего рода символ.

Багрицкий умер 16 февраля 1934 года, за три недели до окончательного решения судьбы «Крокодила». И еще до похорон был, что называется, канонизирован пропагандистами. Объявлен «крупнейшим советским поэтом». Немедленно сформировалась иерархия, пусть и неофициальная, однако всем посвященным очевидная. Верхние ступени, по общему согласию, заняли одесские друзья Багрицкого. Прежде всего – Катаев и Олеша.

За соблюдением нововведенных правил следили тщательно, нарушителей примерно наказывали. Так, 28 февраля «Литературная газета» поместила отчет о вечере памяти Багрицкого, где, прежде всего, сообщалось, что «с воспоминаниями, относящимися к первым годам поэтической деятельности Багрицкого, выступили Ю. Олеша и В. Катаев».

Затем, согласно отчету, выступали занимавшие ступени пониже. Поэты читали «стихи, посвященные памяти покойного или же написанные под его непосредственным влиянием». Но когда выступил Марк Тарловский, земляк и младший товарищ занявших верхние ступени негласной иерархии, случился предсказуемый скандал. «Литературная газета» констатировала: «Очень жаль, что на вечере имело место выступление М. Тарловского. Его стихотворение “Памяти Багрицкого” – поистине образец недопустимого литературного амикошонства»²⁴⁹.

Характеристика резкая, но вряд ли заслуженная. Тарловский лично знал Багрицкого и в стихотворении назвал, как при жизни – «Эдей» и «Эдькой»²⁵⁰. Суть же претензий лишь подразумевалась. Тарловскому «не по чину» такое обращение к тому, кого уже признали «крупнейшим советским поэтом».

Публиковавшиеся в периодике некрологи свидетельствуют: причастными к иерархии, даже на самом низком ее уровне, хотели стать очень многие современники. Их подписи шли в иерархическом порядке, а не

в алфавитном. Подписывали не только литераторы, но и актеры, партийные функционеры, комсомольцы и пионеры. Газеты, соответственно, помещали фотографии участников похоронной церемонии, вечеров памяти и т.п. – с указанием списков.

Бельского в этих списках нет. Причина отсутствия проста: замред «Крокодила» считался неблагоденственным, был в центре скандала с участием Мехлиса и Кольцова. Значит, его упоминать вообще не следовало – когда речь шла о канонизированном властью поэте. Сложнее понять другое: было ли это знаковое отсутствие личным выбором Бельского – или же решением кружка знаменитых друзей Багрицкого.

18 февраля «Литературная газета» опубликовала весьма примечательную заметку. Заглавие – «Альманах памяти Багрицкого». Подписали ее Николай Асеев, Осип Брик и Семен Кирсанов. Все они считались ближайшими друзьями и единомышленниками четыре года как умершего Маяковского. Заметка была предельно краткой: «Предлагаем издать альманах памяти Э. Багрицкого с участием лучших мастеров советской поэзии»²⁵¹.

Разумеется, предложение было согласовано в соответствующих инстанциях. Так началась подготовка к печати изданного в январе 1936 года альманаха «Эдуард Багрицкий».

Известно, что альманах вышел под редакцией Владимира Нарбута. Тот к моменту смерти Багрицкого уже возвращался в литературу. Он был сотрудником нескольких газет, его стихи публиковали и журналы. В феврале 1934 года Нарбут подписал некрологи поэту, был отмечен среди присутствовавших на его похоронах.

Неясно, какие административные рычаги были включены для того, чтобы редактором альманаха стал именно он. Но известно, что в 1935 году поменялась литературно-политическая ситуация: «лучшим и талантливейшим» поэтом Сталин назначил Маяковского. Багрицкий, соответственно, оказался ступенью ниже. Друзья Маяковского, чей статус тоже вырос, утратили к Багрицкому интерес. И подготовкой альманаха занялись другие.

Тем не менее участие в таком издании было вопросом престижа. А должность редактора, конечно, свидетельствовала о достаточно высоком статусе. В данном случае – Нарбута. Допустимо, что при выборе редактора некую роль сыграл фактор родства: Багрицкий и Нарбут женаты на сестрах. Однако в любом случае назначение подразумевало, что опала с бывшего функционера снята.

В альманахе он включил очерк Бельского. Не исключено, что сам и заказал.

К сентябрю 1935 года, времени подписания альманаха в печать, уже сложился своего рода канон мемуарных публикаций о Багрицком. Его описал Корнелий Зелинский, автор одного из предисловий к альманаху. Согласно Зелинскому очевидны две тенденции. Соотносимые с литературной работой и биографией.

В области литературы тенденция была вполне традиционной. Суть ее – «стремление сделать Багрицкого ведущей фигурой советской поэзии, образовать вокруг него школу, окружить учениками и так далее...».

Несколько сложнее, по словам Зелинского, другая тенденция. Она проявилась «в связи с мобилизацией воспоминаний о Багрицком как поэте и человеке. Большинство воспоминаний ринулось к тому отрезку его биографии, который является наиболее романтической порой жизни Эдуарда: к Одессе. Они, эти воспоминания, стали вращаться вокруг некоторых не часто встречающихся особенностей бытового уклада: его рыб, его птиц, его причуд, наконец».

По мнению критика, обе тенденции вредны. Мемуаристы «искажают действительный облик Багрицкого»²⁵².

В значительной мере Зелинский был прав. И одесские друзья, и московские знакомые наперебой объявляли себя учениками Багрицкого. Они рассказывали о требовательности поэта и к собственным текстам, и к чужим, а еще – о помощи начинающим литераторам. Естественно, что наследие «ведущей фигуры советской поэзии» мемуаристы – с большим или меньшим успехом – встраивали в советскую действительность.

Характерно, что открывался альманах предисловием Дмитрия Мирского. Маститый литературовед утверждал: «Поэзия Маяковского и поэзия Багрицкого – два пути к той великой поэзии, которая будет достойна нашей великой эпохи»²⁵³.

Мирский, понятно, не оспорил сталинскую оценку. Но в его версии Багрицкий и Маяковский – фигуры почти что равновеликие.

Олеша тоже был к вениям чуток. Багрицкого назвал «поэтом жизнерадостности большевизма». Аналогично и в описании Алексея Суркова Багрицкий – идеальный советский гражданин. Такой, какими их пропагандисты изображали: «Для него безразлично было то, как у нас строят, как идет коллективизация, как проходит раскулачивание. Отрешась от интеллигентских гуманистических иллюзий, он усваивал точку зрения исторической неизбежности многих вещей, раньше представлявшихся жестокими и “не-гуманными”».

Примечательны и «откровения» Селивановского. В его очерке Багрицкий «приподнял свою желтоватую от астматола кисть руки, поглядел на нее и сказал:

– С уважением смотрю теперь на свою руку, потому что ее пожимал великий Сталин».

Итоги подводил Илья Сельвинский, чья статья завершала альманах. Там читателям сообщалось, что Багрицкий «в муках и страданиях вытравил из себя нищего Диделя-птицелова. Он научился мастерски владеть оружием революции» – и «умер, как умирают победители».

Любовь к «птицам» и «рыбам» оказалась в итоге своеобразной «визитной карточкой» Багрицкого. Это позволяло отличить его от других советских поэтов. Об их романтической влюбленности в революцию, принятии советской власти, любви к Сталину, требовательности к собственному творчеству, работе с учениками и т.п. можно было рассказать практически теми же словами.

Почти все участники альманаха сообщали, как поэт со знанием дела выращивал мальков в аквариумах, переживал, когда рыбы умирали, а птицы «хамили» и отказывались петь, радовался, когда ему дарили птичьи клетки, наблюдал за «рыбьими боями», ходил на птичий базар и т.п. В поэте видели «переводчика с языка фауны на язык поэзии».

Такая характеристика стала общим местом. Считалось, «что «у птиц он учился пенью, у рыб – молчанию».

Реже в сферу внимания мемуаристов попадала любовь Багрицкого к другим представителям «животного мира», в частности к собакам и лошадям. Так, прощенный и приглашенный в альманах Тарловский подчеркивал, что в церемонии похорон поэта участвовало кавалерийское подразделение. Согласно Тарловскому лошади отдавали Багрицкому «воинские почести от имени всех тех животных, которые занимали такое огромное место в огромном Эдуардовом сердце»²⁵⁴.

Так и сформировался канон. По мнению современной исследовательницы М.Л. Спивак, «за частоколом поэтических сравнений и штампов перестала просвечивать личность Багрицкого, сложная, противоречивая, но единственная и неповторимая»²⁵⁵.

Бельский, вспоминая о поэте, тоже приложил руку к созданию легенды о «животном мире». Посетив в 1934 году с журналистским заданием один из подмосковных рыбхозов, Бельский написал репортаж, куда

включил и воспоминания. Сообщил, что «первым рыбоводом», которого он знал, был «ныне умерший поэт» Эдуард Багрицкий:

«Он, как обычно, сидел на корточках на тахте и спорил с тремя людьми.

– Если мезонаута поставить в те же температурные условия, в которых он живет в Бразилии, мезонаут выведет малька, – говорил Багрицкий.

– Не выведет, – говорил какой-то человек с седыми усами в военной форме, – он отнерестится, а малька не выведет. Напрасно вы думаете, что эта лампа и воздушный насос создают ему условия устьев Амазонки. А грунт, а питание?.. Ведь это сложный комплекс сотен условий...

Через месяц я снова был у Багрицкого и смотрел в один из его бесчисленных аквариумов, где шныряли две рыбки причудливой формы. Возле аквариума стояла зажженная керосиновая лампа, заменявшая пленникам тропическое солнце.

– Ну как? – спросил я. – Вывелись мальки?

– Нет, – сказал Багрицкий, – тот усатый был прав. Я целый месяц следил за ними, даже не спал. Рыбы отнерестились, а мальков не вывели, и даже икра куда-то исчезла... Прозевал... Но это неважно, я еще попытаюсь.

Багрицкий, поблескивая своими серыми глазами и потряхивая серебряными вихрами волос, еще долго говорил о том, как он будет выводить мальков мезонаута»²⁵⁶.

Но в очерке «Эдуард в Николаеве» о мезонауте речи не было.

Очерк Бельского резко контрастировал с подавляющим большинством материалов альманаха. Начинался он весьма примечательной фразой: «В начале июля 1923 года я получил письмо от Эдуарда. В письме он сообщал, что сидит в Одессе без дела, что от Вальки и Юрки из Харькова никаких вестей нет, и что он хочет поехать в Николаев работать».

К этой фразе сделано авторское же примечание. Сообщалось, что «Валька» – Валентин Катаев, а «Юрка», соответственно, Юрий Олеша.

Бельский вышутил иерархию, созданную одесскими друзьями Багрицкого. Напомнил старым друзьям, что для него они – по-прежнему «Валька» и «Юрка». Да и вообще в литературе неуместны иерархии.

Эта шутка, надо полагать, была понятна всем, кто угадал смысл инвектив, адресованных в 1934 году Тарловскому. Другая же несколько сложнее. Лишь немногие помнили, что к лету 1923 года Олеша и Катаев давно жили в Москве, о чем Багрицкий и Бельский не знать не могли.

Бельский, конечно, допустил ошибку не случайно. Он и далее демонстрировал пренебрежение фактографией – и это было очевидно знавшим николаевские реалии.

Например, в очерке упоминаются судостроительные заводы «Наваль» и «Руссуд». К лету 1923 года они уже были переименованы. Бывший «Наваль» стал «заводом имени Марти и Бадина», а «Руссуд» вошел в состав «Треста морского судоходства», стал частью «Тремсуда». Аналогично и Яков Городской, упомянутый в очерке, не был к моменту приезда Багрицкого редактором «Красного Николаева». Он и в отпуске не числился. Напротив, работал в редакции, которой сам Бельский и руководил тогда. А затем редактор ушел в отпуск.

Багрицкий же приехал к Бельскому в июле, а не августе 1923 года. Причем без папахи и бурки, в очерке упомянутых. И не было с ним Гаврилы Ивановича Шульца, удивлявшего всех эксцентрическими выходками. Реальный Шулец, кстати, в Николаев тогда не приезжал. Во всяком случае, другими источниками приезд не подтверждается. Сведений о его эксцентричности тоже нет.

Бельский выдумал многое, даже не маскируя вымысел. Таким образом и намекал осведомленным современникам, что у его очерка мало общего с мемуарами.

Характерно, что действие разворачивается не в романтической Одессе или Москве, где позже Багрицкий был признан «великим». О том, что поэт вообще бывал в провинциальном Николаеве, тогда мало кто знал. Не менее характерно, что Бельский рассказывал о любовнице Багрицкого, а не его влюбленности в революцию, советскую власть и Сталина. Так что очерк и в этом аспекте не соответствовал уже сформировавшемуся канону.

Разрушали канон и характеристики друзей Багрицкого. Большинство мемуаристов, рассказывая о поэте, упоминали Катаева и Олешу. Потому что оба – на верхней ступени иерархии. А для Бельского они – Валька и Юрка. Багрицкого повествователь называет Эдей, а тот его именует Яшкой или даже Янкелем. И совсем курьезна целиком выдуманная – кроме имени, отчества и фамилии – фигура натуралиста Шульца.

Он, согласно очерку, тоже друг Багрицкого. При всех проявлениях эксцентричности, особенно связанных о «чудовищным аппетитом»:

«Когда мы засыпали, Шулец подымался с постели, как сомнамбула. Спотыкаясь и цепляясь за мебель, он пробирался к этажерке, где стояли

остатки ужина. Из мрака потом долго доносилось хрустение арбузных корок, которые он догрызал с хлебом.

Утром он заявлял с невинным видом, что в квартире, кажется, завелись крысы.

– Знаете, Гаврила Иванович, – сказал Багрицкий как-то вечером, – сегодня крысам не поздоровится. Мы с Бельским остатки ужина отравили цианистым калием...

Гаврила Иванович промолчал. В эту ночь он спал спокойно...

Такого друга выбрал сам Багрицкий. Примечательны и его николаевские друзья. «Любимец Эдуарда», например, «молодой пекарь Ванька Гусев». Он писал стихи и прозу, отличился же тем, что сочинил «поэму в шестьсот строк под названием “Дидель на Руссуде”. Марта в его поэме была комсомолкой и работала токарем по металлу на “Навале”. Отчим Марты, злой мастер цеха, изгонял Диделя навеки из своего дома.

Вот и появилось в очерке явно пародирующее канон описание одного ученика. Был и другой – «токарь с “Наваля”» Поливанов, он работал «на заводе около сорока лет». Поливанов также «написал несколько огромных тетрадей воспоминаний о революционной работе в Николаеве при царизме».

Как и предусматривалось каноном, Багрицкий, тщательно изучив рукописи учеников, давал советы мастера. Только в описании Бельского они тоже ироничны: «Семидолный паузник – трудно, гекзаметр – хуже. Пиши ямбом, босяк!»

Есть в очерке и «животный мир». Однако и он – объект иронии. «Живностью», согласно Бельскому, обзавелся в Николаеве не Багрицкий, а Шульц:

«В углу стояла живая цапля с подбитой ногой.

– На окне змеи, – продолжал Гаврила Иванович, – и два тарантула. Но они в специальных мешочках, так что вы не беспокойтесь...

– Какие змеи? – грозно спросил Эдуард.

– Пустяки – шесть ужей, две медянки и одна гадючка, совсем маленькая. Она еще яда не вырабатывает...

Эта ночь была одной из самых страшных ночей в моей жизни. Часа в два ночи закричала цапля. Спросонья мне показалось, что я сплю под тропиками, где-то вблизи берегов реки Ориноко. Что-то холодное и скользкое обвилось вокруг моей шеи...

Чудовищным усилием воли я превозмог страх и повернул выключатель. На соседней кровати сидел Эдуард, держа дрожащими пальцами

тарангула. Разбуженный старик до рассвета собирал свои “натурпособия”. Он все волновался, что нет гадючки. Наконец он радостно бросился к моей постели.

– Ах, подлая, куда залезла! – крикнул он и с торжеством вытащил из-под моей подушки змею солидного размера.

– Это та самая малютка, – сказал Эдуард. – Я думаю, Гаврила Иванович, что у нее уже прорезались молочные зубки. Поцелуйте ее в ротик.

Делая невероятные телодвижения, Гаврила Иванович запихивал змею в мешок.

Утром Багрицкий был серьезнее, чем обычно.

– Гаврила Иванович, – сказал он, – берите свой сад Гагенбека и едем на пристань. Шесть сорок пять – как раз хватит на билет второго класса.

Про «сад Гагенбека» – шутка тогда расхожая. Имелся в виду гамбургский зоопарк, один из крупнейших а Европе.

За очерк «Эдуард в Николаеве» на автора обиделась вдова поэта. И обида со временем не прошла. Готовя к изданию новый вариант мемориального сборника, она утверждала в письме к Касьяну Федулову, что Багрицкий описан Бельским «в юмористическом тоне», в очерке «искажаются факты». А главное, Николаев по-прежнему «является узким местом» в биографии мужа²⁵⁷.

Упреки вдовы были справедливыми. Но при всем том Багрицкий в очерке Бельского узнаваем. А в большинстве других, если нет упоминаний о птицах или рыбах, узнать его трудно.

Иронически характеризовал старания мемуаристов и знавший поэта литературовед Николай Харджиев. В частном письме отмечено: «Живой Эдуард был чрезвычайно мало похож на канонизированное ими чучело. Он был ленив, лжив и притом самый неверный друг в мире...»

Харджиев подчеркнул, что к перечисленным чертам характер поэта несводим. Багрицкий, конечно, «был самый неисправимый эклектик, но его юмор и неистовая любовь к стихам заставляли его прощать многое»²⁵⁸.

В очерке Бельского характеристика сходная. Багрицкий жил поэзией, был эгоистичен и легкомыслен, пренебрегал супружеской верностью, не умел сохранять дружеские отношения. Он любил застолье, ему претила ежедневная требовавшая усидчивости газетная работа. Но в недолгом и ни к чему не обязывавшем общении Багрицкий оставался легким, весе-

лым и компанейским. Простым в быту, не выстраивавшим какие-либо иерархии. Потому его отъездом повествователь и огорчен:

«Однажды, туманным утром, в конце октября Эдуард надел свою бурку и папаху, и мы поехали на пристань.

Провожать пришли Гусев и Поливанов. Было чертовски грустно. Поливанов долго вертел в руках какой-то сверток, потом ткнул его Эдуарду.

– Чтó это – рассказ? – спросил Багрицкий.

– Пирожки, – сказал сконфуженный Поливанов. – Жена тебе напекла в дорогу. Может, кушать захочешь...

– Вот чудило, – сказал Багрицкий, но быстро отвернул голову в сторону, и мне показалось, что в его серых глазах блеснули слезы...»

Судя по очерку, сентиментальным Багрицкий не был. Но и его, по словам Бельского, тронула забота ученика. Далее же повествователь подвел итог:

«Я долго потóm не мог привыкнуть к одиночеству. Просыпаясь по ночам, я всматривался в темноту, и мне казалось, что я сейчас увижу огонек его цыгарки из абиссинской травы и услышу ее легкое потрескивание...

И, может быть, из-за Багрицкого я до сих пор горячо люблю Николаев, в котором протекли лучшие дни нашей дружбы, нашей юности и весны.

Когда я думаю о Николаеве, я – еще юноша, и Эдуард Багрицкий жив».

Он тогда отнюдь не юноша, двадцать шесть лет, и в реальности ничего трагического еще не случилось. Багрицкий осенью 1923 года отправился лишь в соседнюю Одессу, куда и николаевский журналист мог бы легко добраться, потратив на дорогу несколько часов. Но отъезд друга был своеобразным рубежом, отделившим первый, счастливый период журналистской и литературной работы от катастроф: Дымовки, украинизации, позорного увольнения из «Крокодила». Глухое отчаяние, пронизывающее последние строки, отражало эмоциональное состояние Бельского в середине 1930-х годов.

Естественно, Нарбут, один из первых редакторов «Красного Николаева», прекрасно знал реалии города. Знал также, чтó произошло и с газетой, и с Бельским вскоре после отъезда Багрицкого. Сам он не присутствовал на николаевском суде осенью 1924 года. Однако суд касался и Нарбута: в это время он был крупным функционером Отдела печати ЦК ВКП(б).

Прежде чем публиковать очерк Бельского, редактор наверняка согласовал его не только с цензурой. Очевидно, что публикация была

согласована и с Алексеем Селивановским, легендой «Красного Николаева». Таким образом, на страницах альманаха встали рядом имена троих бывших редакторов николаевской газеты. Альманах же оказался посвященным памяти одного из ее штатных сотрудников, секретаря редакции.

Очерк Бельского о Багрицком стал первым после дымовского дела публичным упоминанием о «Красном Николаеве» начала 1920-х годов. Упоминание это, допущенное в печать, означало, что история со «смертью селькора» – пятно на биографии не только Бельского, но и предыдущих редакторов газеты – предана забвению.

После выхода очерка о Багрицком у Бельского появился шанс стать известным литератором, получить читательское признание. Во-первых, о нем узнали тысячи поклонников его друга-поэта. А во-вторых, открылась возможность републикации его ранних николаевских произведений: если не романа «В пламени борьбы», то хотя бы фельетонов, рассказов, повести «Перекаты».

Но возможности эти Бельский реализовать не успел. Очерк «Эдуард в Николаеве» оказался последним его значительным произведением.

ЧАСТЬ V. «Смерть предателям Родины»

*...Бритоголовый Лама... с треском вонзил
узкое лезвие с глубоким желобком
в грудь Революционера... и вырвал сердце.
И этот труп Человека был Я,
и это мое сердце привязали шелковым китайским шнурком
к знамени контрреволюционного восстания...*

В.П. Катаев. «Трава забвенья»

«Проявил нетерпимую доверчивость»

Смена редактора сильно осложнила ситуацию в «Вечерней Москве»: из нее ушли почти все бывшие сотрудники «Гудка», в том числе и Семен Гехт. Бельскому достались темы, которые в газете курировал Гехт: темы эти были связаны, прежде всего, с освещением разного рода «социалистических строек». В частности, Гехт печатал в «Вечерке» очерки, посвященные началу строительства – опять-таки силами заключенных – канала Москва – Волга. Строителями канала снова были заключенные, а их начальниками – сотрудники спецслужб²⁵⁹.

Во второй половине 1935 года бывший замред «Крокодила» постоянно «осматривал» подмосковный Дмитровский исправительно-трудовой лагерь (Дмитлаг) – базу строительства нового канала. И описывал строительство в многочисленных статьях: «Здесь слились в одном творческом усилии люди всевозможных категорий. Здесь под руководством наркомвнудельцев показывают образцы подлинного героизма бывшие правонарушители, которые вчера еще считали труд позором. Гигантский канал, который заставит Волгу течь мимо Кремлевских стен, – второе в нашей стране сооружение такого типа»²⁶⁰. Отказаться от этой темы журналист не мог: он работал в штате газеты.

Кроме того, в начале 1936 года у Бельского начались новые серьезные неприятности, во многом предопределившие трагический финал его жизни. Полтора последних года журналиста прошли в трагическом противостоянии с органами госбезопасности, в которых он когда-то служил.

Переехав в Москву из Харькова, Бельский восстановил дружеские связи с Максом Дейчем, бывшим начальником одесских чекистов.

С середины 1920-х годов Дейч был одной из самых обсуждаемых в столице персон. Занимая крупные должности в советской промышленности, он не оставил и борьбы с коррупцией. Дзержинский в июне 1926 года, за месяц до смерти, лично просил его «разработать проект законодательного постановления для борьбы со служебными преступлениями и спекуляцией в торговле»²⁶¹.

После смерти «железного Феликса» против Дейча снова была развернута масштабная кампания травли. Участники кампании в целом повторяли старые обвинения. В эту кампанию были вовлечены многие коммунисты, вопрос о Дейче слушался на заседаниях нескольких партийных ячеек Москвы.

Второе «дело Дейча» рассматривала и ЦКК. Разбирательство, состоявшееся 13 января 1930 года, было громким: на нем присутствовали бывшие высшие руководители ВЧК Яков Петерс и Василий Манцев. Участвовали в заседании и другие «заинтересованные лица», в частности Иосиф Южный, один из первых руководителей Одесской ЧК, уволенный Дейчем из «органов».

Однако и на этот раз обвинителям не удалось доказать свою правоту: Дейч оказался виноват только в том, что назвал одного из своих врагов «проходимцем». Обвинителям его были вынесены выговоры; им было

предложено «прекратить... клеветническую кампанию». Решение ЦКК следовало «довести до сведения тех ячеек ВКП(б), в которых этот вопрос обсуждался, не опубликовав его в печати»²⁶².

Врагам Дейча снова не удалось ни лишить его партбилета, ни посадить в тюрьму по «коррупционной» статье: после смерти Дзержинского внештатное сотрудничество бывшего чекиста с ОГПУ продолжилось. Дейч в 1930-е годы был близок к окружению Ягоды – очевидно, он по-прежнему консультировал «органы» по вопросам борьбы с коррупцией. Дейч находился «на постоянном снабжении» ОГПУ, ему дали квартиру в доме ОГПУ в Комсомольском переулке²⁶³.

Однако итог разбирательства в ЦКК нельзя назвать полной победой Дейча: в сентябре того же года он уехал в Харьков, где полгода руководил объединением «Союзуголь». Инициаторы разбирательства были наказаны лишь формально.

Вернувшись в мае 1931 года из Харькова, Дейч год возглавлял объединение «Союзшерсть», затем еще два года был заместителем наркома легкой промышленности. На XVII съезде ВКП(б) он был избран в состав Комиссии советского контроля (КСК). В КСК стал членом бюро, руководителем группы легкой промышленности. Комиссия эта была призвана противостоять коррупционерам – и ряды ненавидящих Дейча очевидным образом пополнились²⁶⁴.

4 января 1936 года на заседании Комиссии партийного контроля рассматривалось третье «дело Дейча»; на этот раз Бельский оказался его соответчиком. Обвинения, выдвинутые против них, были одинаковыми. Бельский и Дейч выдали «Розе Вакс, авантюристке» справки о том, что она «работала в 1920 г. в органах ЧК».

В постановлении КПК говорилось: «Указать т. Бельскому Я.М., что он проявил нетерпимую для члена партии доверчивость, не проверив представленных Розой Вакс документов (оказавшихся впоследствии подложными), выдал рекомендацию, что знает ее как б[ывшую] сотрудницу ЧК в 1920 году. Признать неправильным, что т. Бельский свою личную рекомендацию Р. Вакс выдал на официальном бланке редакции «Вечерней Москвы». Дейчу «указали» на то же самое – с той лишь разницей, что его рекомендация была написана «на бланке Комиссии советского контроля».

Историю с Розой Вакс до конца понять сложно: открытых источников для ее изучения крайне мало. Согласно невнятной справке, со-

ставленной для руководителя КПК Ежова и подписанной секретарем комиссии Матвеем Шкирятовым, еще в начале 1930-х годов на Украине появилась некая «авантюристка Эфрус Роза Иосифовна», выдававшая себя за сотрудницу Одесской ЧК и участницу гражданской войны Розу Вакс. «Авантюристка» в 1930 году «обманула» киевских партийцев и была «восстановлена членом партии» – «с партийным стажем с 1918 года». Два года спустя случился еще один «обман»: на этот раз жертвами Розы Вакс стали органы собеса и Наградной отдел штаба РККА. Она получила персональную пенсию и орден Красного Знамени.

В ходе «авантюры» ей удалось заручиться поддержкой «большого количества членов партии (23 человека) и беспартийных», которые засвидетельствовали ее личность и чекистскую деятельность. «Р. Вакс-Эфрус действовала очень хитро, предварительно выясняла участников гражданской войны, знакомилась с ними, рассказывала им отдельные факты из того времени, называла действительных участников тех событий, выдумывала свое участие в них», – гласит справка.

В апреле 1935 года, узнав, что «против нее подано заявление в НКВД Украины», Роза Вакс поехала в Москву, где обратилась к Дейчу. Дейча она просила «помочь ей как бывшей сотруднице ЧК, так как ее травят на Украине». Дейч отправил просительницу к жившим в Москве бывшим чекистам «для проверки». Кроме Бельского, «авантюристка» встречалась с «сотрудником наркомата обороны» Абрамовым и некоей Л. Вольштейн, чье место работы в справке не указано.

И Бельский, и Абрамов, и Вольштейн подтвердили личность «авантюристки». В частности, корреспондент «Вечерней Москвы» выдал ей справку следующего содержания: «Я, Бельский Яков Михайлович, уполномоченный по борьбе с контрреволюцией Одесской губернской Чрезвычайной Комиссии, знаю тов. Розу Вакс с 1920 г. как чекиста, работавшего в Опероде (Оперативном отделе. – О. К., Д. Ф.) ОГЧК».

Доверившись своим бывшим сотрудникам, Дейч написал ей аналогичную справку.

Однако «в июле 1935 г.» «авантюристка» была окончательно разоблачена НКВД Украины. После этого «Киевский обком КП(б)У привлек к партийной ответственности членов Киевской организации», выдавших ей рекомендации, а «в отношении работающих вне Украины – передал дело в Комиссию партконтроля»²⁶⁵.

Собственно, именно в этот момент в отношении Дейча и Бельского и было начало партийное разбирательство.

Материалы разбирательства оставляют много вопросов. Неясно, была ли «авантюристка Роза Эфрус» этой самой Розой Вакс или только «притворялась» ею. Неясно также, служила ли на самом деле в ЧК Роза Вакс, и если служила, то в каком качестве. Но в «авантюру» поверить в данном случае сложно: вместе с четырьмя жившими в Москве бывшими одесскими чекистами ответственность разделили 23 «обманутых» украинских коммуниста, Киевская контрольная комиссия, органы собеса и Наградной отдел штаба РККА. Кроме того, визит к Дейчу был для «авантюристки» равносителен самоубийству: если бы ее личность не была удостоверена, она запросто могла лишиться и уже полученных благ, и свободы, и жизни.

В 1923 году в Берлине был издан дневник художницы Натальи Давыдовой, в 1920–1921 годах – узницы Одесской ЧК, эмигрировавшей сразу после освобождения. Из дневника следует: Роза Вакс существовала. Она действительно служила в оперативном отделе ЧК. Задания же ее заключались во внедрении во всякого рода сообщества, которые могли, по мнению чекистов, представлять опасность для большевистской власти.

В частности, Давыдова подробно описывает деятельность Розы Вакс как тюремного соглядатая, следившего за настроением и разговорами женщин-заключенных: «Роза безусловно шпионка, присланная из ЧК. Впрочем, она даже не скрывает этого. Выслеживает кого-то, говорит – “блатных” (уголовных). Возможно, что так, возможна и ложь. От ее глаз мало что можно утаить, – все видят эти красивые, злые глаза... На все способна, это настоящая шпионка в душе».

В тюрьме Вакс не скрывала своей чекистской работы, охотно делилась впечатлениями о ней: «Пошли рассказы об испуге расстрелянных, о последних минутах, о пролитых слезах... Много расстрелов совершила сама. И цинично падали слова:

– Зато ребенок мой воспитывается, как принцесса, ест куриный бульон каждые два часа; я получаю все: башмаки, чулки, материя.

– Восемнадцать обручальных колец сняла сама с руки, – говорил Розин голос, который хотя шепотом, но грубо доносился до меня».

Давыдова описала также некоторые особенности характера и поведения чекистки: она была злой и жестокой, находясь среди заключенных, опасалась мести с их стороны – и потому всегда носила в кармане револьвер. Для нее была характерна имитация нервных припадков: «Роза упала в глубокий обморок, и ничто не могло ее вывести из этого состояния.

Обморок, конечно, вымышленный. Позвали фельдшера, он шепнул нам не верить»; «бросилась... она с криком на пол. Фельдшер показывает нам, что это не серьезно. Никто не придал значения этому припадку»²⁶⁶.

Сведения Давыдовой подтверждаются составленной для Ежова справкой: «авантюристка» «инсценировала припадки, изображая из себя контуженную и потрясенную “зверской расправой белых с семьей”».

В ходе партийного следствия Бельский показал, что выдал «авантюристке» справку «без всякой проверки действительности ее документов и только потому, что лицо ее показалось ему знакомым». Документы были ему не нужны; «припадков» при встрече с ним Розе Вакс разыгрывать тоже было не надо. По-видимому, Бельский был в Одесской ЧК ее прямым начальником.

Вполне уместным кажется предположение, что к этой истории были причастны те же лица, которые до того обвиняли Дейча в «неэтичных поступках» и коррупции. На этот раз они заручились серьезной поддержкой. После того как «авантюристку» «проверили» Бельский, Абрамов и Вольштейн, Дейч отправил письмо заместителю наркома внутренних дел Украины Зиновию Кацнельсону. В письме он сообщил, что знает Розу Вакс «как старую чекистку и чтобы он устранил всякие сомнения относительно прошлой работы Р. Вакс в органах ЧК»²⁶⁷. «Проверка» была инициирована лично Кацнельсоном. В ином случае невозможно понять, почему письмо было отправлено именно заместителю наркома и откуда Дейч узнал о его «сомнениях» относительно «авантюристки».

Удар этот для Дейча был тяжелым. Доказать несостоятельность врагов ему – впервые за годы службы – не удалось. Вскоре после вынесения партийного решения он тяжело заболел. Сотрудники КСК полагали, что «он как работник выбыл из строя», возник вопрос «о замене Дейча по должности руководителя группы легкой промышленности»²⁶⁸.

В ходе партийного следствия была поставлена под сомнение его компетентность как чекиста. Но скомпрометированным оказался не только он и его московские коллеги: многие из «обманутых» украинских коммунистов, опознавших в Розе Вакс бывшую чекистку, скорее всего, в прошлом тоже служили в Одесской ЧК. Таким образом, под подозрением в некомпетентности оказались многие соратники бывшего начальника ОГЧК – и в Москве, и на Украине.

Можно установить и место этой провокации в политической ситуации 1935–1936 годов: в руководстве НКВД шла острая борьба раз-

ных группировок. Очевидно, третье «дело Дейча» было звеном в цепи подобных же провокаций, призванных показать несостоятельность чекистов школы Дзержинского. Вскоре нарком Ягода был снят с должности. Его место, как известно, занял Ежов. Кацнельсон же оказался одним из тех высших чекистских руководителей, кто быстро отрекся от своего бывшего начальника.

Эта история имела много неприятных последствий не только для Дейча, но и для Бельского. Его чекистское прошлое тоже оказалось перечеркнутым «нетерпимой доверчивостью». Кроме того, факты его чекистской биографии были преданы огласке в КПК – а следовательно, как сотрудник Бельский спецслужбам больше был не интересен. Соответственно, должны были прекратиться и «военные командировки», и покровительство «органов», которым журналист много лет пользовался.

Естественно, прекратилось и сотрудничество Бельского в «СССР на стройке»: фамилия скомпрометированного журналиста больше не могла значиться на страницах распространявшегося за рубежом издания.

В постановлении КПК говорилось о «неправильности» использования служебного бланка «Вечерней Москвы», на котором, собственно, и была написана злополучная справка. Служебные бланки в личных целях Бельский использовал не в первый раз: на бланке «Красного Николаева» он в 1923 году выдал справку Багрицкому, на бланке харьковского «Коммуниста» написал цитированное выше письмо к Регинину. Ясно, что никакого криминала в этом Бельский не усматривал.

Однако – при неблагоприятных обстоятельствах – неправомерное использование бланков вполне могло быть интерпретировано как злоупотребление служебным положением. Согласно же Уголовному кодексу, оно влекло за собою в лучшем случае суровую дисциплинарную ответственность, а в худшем – уголовное преследование.

Последствием партийного решения неминуемо должно было стать внутривнутриредакционное служебное разбирательство. Очевидно, оно проходило в первые три месяца 1936 года: статьи Бельского в этот период в «Вечерке» не публиковались. Затем, в конце марта – начале апреля, несколько его материалов появились в газете, потом его фамилия снова пропала с газетных страниц – до августа.

«...Но жив сатрап»

История с Розой Вакс была весьма опасна. Но еще большей угрозой стало привлечение в качестве свидетеля к расследованию по уголовному делу недавнего коллеги по «Крокодилу» – темиста (или, говоря сегодняшним языком, автора идей для фельетонов и карикатур) Михаила Глушкова.

В историю советской литературы Глушков вошел как прототип одного из персонажей романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» – Авессалома Изнуренкова. Об этом написали мемуаристы, переданные ими сведения воспроизводили и литературоведы. Принято считать, что сходство персонажа и прототипа задано общностью профессии. Оба – темисты. Согласно роману Изнуренков «снабжал темами для рисунков и фельетонов большинство московских сатирических журналов». При этом имени его читатели не знали: «Если остротой Изнуренкова подписывался рисунок, то слава доставалась художнику. Имя художника помещали над рисунком. Имени Изнуренкова не было».

Так было в 1928 году, когда был опубликован роман «Двенадцать стульев». Позже ситуация изменилась. С приходом Мануильского в «Крокодил» фамилии темистов непременно указывались – наряду с фамилиями авторов фельетонов и карикатур. Аналогичную практику ввели и в других изданиях. Ранее безвестный темист стал заметной фигурой в журналистике – хотя основная популярность все равно доставалась

М.А. Глушков. Фотография из следственного дела 1936 года

пишущим авторам и художникам. Соответственно, Бельский отметил в «Крокодильском корабле»: «М. Глушков волей судьбы попал в тень сатиры. Он выдумывает сотни тем, по которым другие мощными колоннами идут к славе».

В романе характеристика темиста иронична, однако беззлобна. Ильф и Петров отмечают: «Если бы этот человек мог остановить себя хоть бы на два часа, произошли бы самые неожиданные события. Может быть, Изнуренков присел бы к столу и написал прекрасную повесть, а может быть, и заявление в кассу взаимопомощи о выдаче безвозвратной ссуды, или новый пункт к закону о пользовании жилплощадью, или книгу “Уменье хорошо одеваться и вести себя в обществе”. Но сделать этого он не мог. Бешено работающие ноги уносили его, из двигающихся рук карандаш вылетал, как стрела, мысли прыгали».

По определению Абрамского, Глушков был «стихийно остроумным человеком». Но от прочих крокодилцев отличался «полным отсутствием усидчивости и неумением работать», отчаянно играл «в шахматы, в карты, на бильярде, на бегах».

Стоит подчеркнуть, что Изнуренков – не карикатура на Глушкова. Шарж, не более. У Ильфа и Петрова нет сведений о страсти персонажа к игре. Но сама тема обозначена – для знавших контекст.

Так, в романе судебные исполнители постольку описывают изнуренковское имущество, поскольку он не вносит плату за взятое напрокат пианино. При этом не объяснено, зачем темисту понадобился музыкальный инструмент. Однако современникам-литераторам намек был понятен. На пианино играют, а Глушков – игрок.

По воспоминаниям современников, Глушков обладал редким умением «рождать» в разговоре «талантливые остроты, так называемые “завороты”». Так, Абрамский отмечал: «Как-то я встретил Глушкова в районе Ленинградского шоссе. Нервно кусая ногти, он шел с бегов, осунувшийся, пожелтевший, злой: “Ну как, Михаил Александрович, со щитом или на щите?...” – “В нищете”, – мгновенно сработал он».

Один из «заворотов» был адресован Михаилу Мануильскому – который «боялся, что его исключат из партии». Редактор «как-то сказал: “Вот чистка скоро будет...”», – на что Глушков ему сказал: “Знаем мы вашего брата!”»

Многие «завороты» темиста были направлены против власти. Бухов показывал, что «антисоветские анекдоты Глушкова были доминирующими настроениями в сатирических журналах»²⁶⁹.

Родился Глушков 14 сентября 1896 года. Киевлянин, незаконный сын дворянки. Мать владела доходным домом, на исходе гражданской войны эмигрировала вместе с мужем-петлюровцем. Глушков окончил частную гимназию, жил сначала на доходы от оставленного матерью дома, а с 1920 года – литературным заработком. Работал в РОСТА и РАТАУ, в мае 1926 года переехал в Москву, женился. У него и его жены, Елизаветы Гавриловны Юдаевой, был сын Александр, 1931 года рождения.

Глушков был сотрудником «Гудка» и «Крокодила», в 1934 году вслед за бывшим замредом перешел в «Вечернюю Москву». С Бельским они приятельствовали, вместе работали не только в печати, но и в Наркомате внутренней торговли – где занимались сочинением рекламы.

Глушкова арестовали 28 апреля 1936 года. Судя по справке СПО НКВД, причина – агентурные сведения о том, что он «...написал и распространяет контрреволюционную эпиграмму о руководстве ВКП (б):

Рукой всесильного сатрапа
Не стало РАППа.
Не радуйтесь! Хоть умер РАПП,
Но жив сатрап».

Эпиграмму эту, хорошо известную в литературных кругах, приписывают Николаю Эрдману. Однако Глушков – на допросе 10 мая – дал иные сведения:

«Вопрос: Вам зачитывается контрреволюционная эпиграмма, написанная Вами. Подтверждаете это?

Ответ: Эта эпиграмма мне известна, но написана она не мною.

Вопрос: А кем же?

Ответ: Эта эпиграмма написана Михаилом Вольпиным, осужденным за сочинительство и распространение контрреволюционных эпиграмм. Зачитанную мне эпиграмму Вольпин мне прочел после ликвидации РАППа (имеется в виду принятое 23 апреля 1932 года постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» – О. К., Д. Ф.), когда мы шли по проезду Художественного театра.

Вопрос: Укажите точнее, когда Вольпин прочел Вам эпиграмму?

Ответ: Это было на второй или третий день после вынесения постановления правительства о ликвидации РАППа.

Вопрос: Когда Вольпин читал Вам свою эпиграмму, был ли еще кто при этом?

Ответ: Мы были только вдвоем.

Вопрос: Контрреволюционный характер этой эпиграммы для Вас ясен?

Ответ: Да, мне совершенно ясно, что эпиграмма эта контрреволюционная и выражает зверское оскорбление врага советской власти против руководства ВКП (б).

Вопрос: Вы знали о том, что Вольпин пишет контрреволюционные стихи?

Ответ: Да, мне было известно, что Вольпин написал ряд контрреволюционных стихотворений, кроме этой эпиграммы.

Вопрос: Зная о контрреволюционной деятельности Вольпина, почему Вы об этом не сообщили органам власти?

Ответ: Мне действительно было известно о контрреволюционной деятельности Вольпина, но я не сообщил об этом органам власти из-за личных дружеских отношений к Вольпину, поставив личные отношения выше государ[ственных] интересов, в этом я признаю себя виновным».

Эту эпиграмму Глушков, согласно тем же показаниям, публично воспроизвел четыре года спустя, 22 апреля 1936 года, «на квартире у сотрудника “Вечерней Москвы” – Бельского Якова Михайловича». «Я, – показывал Глушков, – вместе с ним и сотрудником “Вечерней Москвы” Роховичем Анатолием (имелся в виду Александр Ильич Рохович. – О. К., Д. Ф.) выпили. В это время зашел разговор о Вольпине, Рохович высказал сожаление по поводу осуждения Вольпина в том отношении, что погиб талантливый человек и неизвестно за что. Я сказал, что он осужден за сочинения контрреволюционных стихотворений, и после просьб Роховича рассказать, за какие стихотворения – я прочел контрреволюционную эпиграмму Вольпина, предъявленную мне на следствии, и закончил словами “вот за что высылают”».

Осведомитель, написавший донос на Глушкова в СПО, не был участником разговора. Он знал, что темист распространяет эпиграмму, однако не сообщил, где конкретно она распространялась и кто был ее автором. Но Глушков конкретизировал сведения доносчика. В результате и Рохович, и Бельский вызваны в НКВД как свидетели.

Допрошенный 19 мая Рохович подтвердил, что разговор на квартире Бельского был. Рассказав о других участниках, отметил: ранее «Глушков и Бельский часто говорили о Вольпине, отзываясь о нем положительно, и говорили как о культурном и талантливом человеке». Самого же Глушкова Рохович характеризовал как «авантюристического и декласси-

рованного человека», любителя «рассказывать анекдоты и шутки антисоветского характера».

Рохович заявил, однако, что инкриминированную Глушкову эпиграмму не слышал. Противоречия тут нет: свидетель исключительно о себе заботился. Если бы признал, что слышал, оказался бы соучастником преступления – своевременно не донес. Акцентируя же собственную лояльность, отметил: темист не только мог антисоветскую эпиграмму прочесть, но и «быть ее автором».

Надо полагать, этого следователь и добивался. Ему нужны были сведения, порочащие Глушкова, что подтвердило бы: публичное чтение антисоветской эпиграммы – не случайность, а закономерность, обусловленная спецификой личности преступника.

Бельский, вызванный на допрос 20 мая, тоже отрицал, что слышал эпиграмму. Ссылаясь при этом на забывчивость:

«Вопрос: Какие велись у Вас беседы о литераторах, высланных из Москвы за их антисоветскую деятельность?»

Ответ: Таких бесед не помню...

Вопрос: Следствию известно, что во время посещения Вас названными лицами был разговор о лицах, высланных из Москвы за их контрреволюционную деятельность, во время которого Глушков прочел эпиграмму контрреволюционного характера, почему же Вы не помните то, что было в Вашем присутствии?

Ответ: Я еще раз заявляю, что такого разговора я не помню, а Глушков при мне никогда не читал контрреволюционные эпиграммы и прямо не высказывал антисоветских суждений...

Вопрос: Вам зачитываются показания Роховича, которые свидетельствуют, что Вы говорили о Вольпине и им интересовались.

Ответ: Такой разговор мог иметь место, но я о нем не помню. Я о Вольпине говорил, что он талантливый человек, но контрреволюционер».

Характеризовать Вольпина иначе у Бельского и возможности не было. Сомнения в обоснованности приговора – тоже преступление. Однако ничего больше он добавлять не стал, по-прежнему ссылаясь на забывчивость:

«Вопрос: Может быть, вы теперь вспомните и контрреволюционную эпиграмму, которую прочел Глушков во время этого разговора?»

Ответ: Не могу вспомнить, на стихи у меня вообще плохая память.

Вопрос: Вам зачитываются показания Глушкова, где он показывает, что во время разговора о Вольпине у Вас на квартире он прочел контрреволюционную эпиграмму. Подтверждаете это?

Ответ: Разговор о Вольпине был, но эпиграммы контрреволюционного характера, прочитанной Глушковым, я не слышал».

Конечно, Бельский рисковал. Его могли бы привлечь к ответственности за «дачу заведомо ложных показаний». Еще памятны были разгром «Крокодила» и недавнее партийное разбирательство. По совокупности хватило бы на обвинительный приговор. Но это – с одной стороны. А с другой – признаваться, что эпиграмму Глушков действительно читал при нем и в его квартире – еще более опасно. Варианты – один другого хуже.

Бельский сам по себе в данном случае не интересовал НКВД. Следователь явно добивался негативного отзыва, хоть какого-нибудь, пусть неявно сформулированного сомнения в лояльности Глушкова. Уступка незначительная. Темиста уже нельзя было выручить, это Бельский знал. Но и уступить допрашивающему не пожелал.

Бельский, пожалуй, был единственным, кто не уступил. Глушков признал свою вину, Рохович заявил, что в лояльности Глушкова сомневался всегда. Приговор Глушкову – три года лагерей – был вынесен Особым Совещанием при Наркомате внутренних дел СССР 1 июля 1936 года. Отбывать наказание он должен был в Ухтинско-Печерском исправительно-трудовом лагере, Ухтпечлаге. Лагерь этот вскоре стал известен массовыми расстрелами заключенных²⁷⁰.

Из содержания «Вечерней Москвы» за 1936 года выясняется, что Бельский после истории с Розой Вакс, редакционным бланком и Глушковым был послан на Беломорканал. Ездить туда – будучи замредом «Крокодила», он не пожелал, а вот позже выбора не осталось.

Беломорканал был одной из главных тем, за которые отвечал Гехт – до того, как ушел из «Вечерки». Еще до окончания строительства он опубликовал серию очерков «Караван идет к Белому морю». После завершения – документальную повесть «Многие воды». Очерки и повесть Гехта были частью масштабной пропагандистской кампании. В командировках же Бельского логику не увидеть. Похоже, с ним просто сводили счеты.

21 августа в «Вечерке» напечатана его статья «Пиндушская судоверфь». Дежурная публикация, стандартный набор фраз: «Замечательный коллектив наркомвнудельцев выполнит эту работу так же честно, как и все, что ему поручила партия». Спустя несколько дней – еще одна статья: об американском туристе, который побывал на Беломорканале и восхитился увиденным²⁷¹.

Писатели и журналисты 1930-х годов, рассуждая о строительстве и Беломорско-Балтийского канала, и канала Москва – Волга, наперебой старались внести в свои рассуждения личную ноту. Для этого существовали разные способы: можно было, подобно Гехту, сочетать в журналистских материалах документальность и художественность.

Существовал и другой способ, описанный в мемуарах Александра Авдеенко, автора романа «Я люблю». В поисках сюжета об очередной «перековке» Авдеенко «сменил профессию»: на время стал, согласно мемуарам, чекистом, сотрудником Дмитлага. Заручившись поддержкой Ягоды и Мехлиса, он надел чекистский мундир «с двумя ромбами», попутно получив квартиру в доме НКВД в Комсомольском переулке. А затем отправился к «каналоармейцам» в надежде вызвать их на откровенность – активно сотрудничая при этом с лагерным начальством²⁷².

Статьи Бельского – и о Дмитлаге, и о Беломорканале – такого рода «креативностью» не отличались. Для того чтобы написать их, журналисту «Вечерки» не нужно было надевать чекистский мундир. Статьи явно уступают качеством большинству «каналоармейских» публикаций 1930-х годов.

«Свой парень-троцкист»

В сентябре 1936 года наркомом внутренних дел СССР стал председатель КПК Ежов. Волна последовавших за этим назначением арестов затронула ближний круг Бельского: литераторов, журналистов, бывших и действующих чекистов. В частности, в октябре арестовали Нарбута; именно октябрем датируется последняя большая статья Бельского в газете²⁷³.

К концу 1936 года ситуация в «Вечерней Москве» снова изменилась. Многие литераторы, ушедшие из журнала при назначении Романовского, вернулись на ее страницы. Но Бельского это уже не волновало. После возвращения с канала из штата газеты его уволили – или он уволился сам, не дожидаясь решения редактора. 9 ноября журналист сдал в НКВД служебное оружие: пистолет системы «браунинг».

Заполняя в тюрьме «Анкету арестованного», на вопрос о месте работы Бельский ответил: «Член группкома писателей “Журнально-газетного объединения”»²⁷⁴.

Впрочем, его внештатное сотрудничество с газетой продолжилось: иных источников дохода, кроме гонораров, у бывшего фельетониста не

было. Журналистские работы Бельского после октября 1936 года – это по преимуществу маленькие юмористические тексты в несколько строчек в рубрике «В шутку и всерьез», а также «изошутки», смешные картинки с юмористической подписью. Некоторые «изошутки» Бельский сочинял в соавторстве с Вильгельмом Грановым; вместе они придумывали и темы для рубрики «В шутку и всерьез».

Появлялись в «Вечерке» и рисунки Бельского «на злобу дня». В частности, в январе 1937 года он проиллюстрировал карикатурным изображением Троцкого газетные рубрики «Смерть предателям Родины» и «Советский народ единодушно требует расстрела кровавых фашистских псов»²⁷⁵. Под этими рубриками печатались заявления советских людей, требовавших сурово наказать подсудимых на «Втором московском процессе», процессе «Антисоветского троцкистского центра». «Расстрелять гнуснейшие отресья людского рода», «раздавить фашистскую гадину» на страницах «Вечерней Москвы» требовали Валерий Чкалов и Анатолий Ляпидевский, Вера Пашенная и Любовь Орлова, Дзига Вертов и Сергей Эйзенштейн, Лев Славин и Юрий Олеша – и многие другие писатели, артисты, ученые, летчики и рабочие.

Тексты и рисунки бывший фельетонист публиковал в газете редко – по-видимому, тогда, когда ему просто не на что было жить.

Перед арестом Бельский замкнулся, разорвал литературные, журналистские и многие дружеские связи. Последние сведения о бывшем замреде «Крокодила», которыми располагал, например, тот же Бухов, датируются 1936 годом. Скорее всего, Бельский понимал: общение с ним представляло для литераторов немалую опасность – и первым прекращал это общение. Аресты сотрудников «органов» шли полным ходом.

Из уголовного дела журналиста выясняются имена тех, с кем он проводил время в последние месяцы жизни на свободе. Прежде всего, это был Макс Дейч. К собравшемуся вокруг Дейча кружку принадлежали Лев Мамендос, сотрудник наркомата путей сообщения, и Абрам Турин, прокурор Одесской области. Оба – бывшие одесские чекисты.

Их Бельский знал давно и хорошо. Мамендос в феврале 1920 года был в Одесской ЧК начальником разведки: собственно, под его руководством молодой разведчик начинал чекистскую деятельность. Турин же возглавлял партийную ячейку в ОГЧК. При чистке 1921 года он выдал Бельскому справку: «Предъявитель сего тов. Биленкин (Бельский)

является дисциплинированным членом партии и аккуратно относится к своим обязанностям»²⁷⁶.

Друзьями Дейча были также Митрофан Олейник и Яков Письменный – высокопоставленные сотрудники аппарата НКВД Украины. Естественно, что главной темой, обсуждавшейся на квартире Дейча, были «большие аресты среди чекистов».

Дейч явно был обескуражен ситуацией. Согласно документам, несмотря на многочисленные неприятности, на историю с Розой Вакс, бывший председатель ОГЧК по-прежнему верил и в советскую власть, и в Сталина – и антисоветских анекдотов не рассказывал. В Комитете советского контроля Дейч почти до самого ареста боролся со всякого рода «вредителями», выступал на Бюро КСК «с требованием принять решительные меры» к разоблаченным «врагам народа». Но в тюрьме один за другим оказывались его боевые товарищи. И этого, он, по-видимому, объяснить себе был не в состоянии.

Бельский же, судя по его крокодильским текстам и «антисоветским разговорам», к советской власти относился скептически. Протокол его допроса сохранил фразу, якобы сказанную им в ответ на очередную порцию «информации» об арестах: «ГУГБ (Главное управление государственной безопасности НКВД. – О. К., Д. Ф.) похоже теперь на китайского дракона, который сам себя кусает за хвост». Правда, фраза эта в протоколе зачеркнута: вполне возможно, что ничего подобного он не говорил.

Но, несмотря на разность взглядов, друзья-чекисты держались вместе, пытались понять логику происходившего, определить, удастся ли им выжить в сложившейся ситуации. Вопреки расхожему мнению, далеко не все сотрудники ОГЧК были в 1937–1938 годах расстреляны. Естественно, расстреляны были и далеко не все советские писатели и журналисты.

В случае Дейча выжить было, по-видимому, просто невозможно: близость к окружению арестованного в марте 1937 года Ягоды, сильные враги вкупе со скандальной репутацией не оставляли ему шансов на жизнь. Можно предположить, что у Бельского небольшой шанс все же сохранялся: из ЧК он ушел в 1922 году, сколько-нибудь заметной фигурой в литературе и журналистике уже не был. В том, что Бельский спасется, был уверен, например, Мамендос, арестованный в мае 1937 года. Согласно материалам уголовного дела «месяца за два до ареста» Мамендос «очень нервничал» и передал Бельскому «тысячу рублей денег, заявив: “Как бы со мной что-нибудь не случилось”»²⁷⁷.

Чтобы уцелеть, Бельскому следовало разорвать отношения с бывшим начальником, дистанцироваться от друзей-чекистов, возможно, уехать из Москвы. Но, судя по материалам дела, этот способ сохранения жизни им не рассматривался.

Последние его рисунки появились в «Вечерке» 20 июня²⁷⁸. А 27 июня арестовали Дейча. С этого момента Бельский уже, по-видимому, совсем не мог работать. У него вряд ли оставались сомнения в собственной участи. Он остался на свободе один: остальные участники кружка – кроме Турина – оказались в тюрьме. Турин же, не дожидаясь ареста, застрелился.

Мацкин вспоминал: летом 1937 года он случайно встретил Бельского на улице. Журналист «был грустен», «не шутил, как обычно» и с завистью сказал своему харьковскому другу: «Тебе хорошо! Ты беспартийный и в Чека не служил. А я сплю и вижу, как ко мне подходят два оперативника в козловых сапогах и говорят: “Ну, Бельский, пойдем с нами”». «Так оно и случилось – буквально через несколько дней», – констатировал мемуарист²⁷⁹.

Бельский был арестован 26 июля, за две недели до своего сорокалетия.

Подробности его задержания выясняются из рапорта сержанта госбезопасности А.С. Божова, проводившего арест. По домашнему адресу (ул. Петровка, д. 26, корп. 2, кв. 110) журналиста не оказалось. «Он был обнаружен на квартире знакомого по адресу Калашный переулок, дом № 3, кв. 10. По месту обнаружения Бельского в квартире обыск не проводился, за исключением личного обыска», – сообщал Божов. Задержанного привезли на Петровку, по месту прописки, – для проведения следственных действий в его квартире.

Из рапорта Божова выясняется и подробность личной жизни журналиста: он был женат. Имя его жены в НКВД уже знали. Шетта Ивановна Бельская была участницей разговора с участием Глушкова – читавшего эпиграмму Вольпина. Кроме того, в рапорте Божов сообщил, что Бельская «по всем данным является бывшей женой работника нашего наркомата Корелина».

В распоряжении жены, «домашней хозяйки», квартира «временно» была оставлена после обыска. Бельские поведали сержанту, что они собираются разводиться²⁸⁰.

Трудно сказать, какими на самом деле были отношения в семье журналиста. Скорее всего, заявив при аресте о разводе, Бельский пытался спасти жену, избавить от статуса «члена семьи врага народа». Дальнейшая ее судьба неизвестна.

Обыск на Петровке не дал ничего существенного: были «изъяты различные личные документы, адреса и личная переписка». Самым ценным предметом, обнаруженным в квартире, оказался серебряный юбилейный значок журнала «Крокодил»; значок бы именованным и имел номер 4. Заполняя за полтора года до ареста одну из партийных анкет, журналист указал, что его ежемесячный заработок составляет от 900 до 1500 рублей – немалые по тем временам деньги. Но большие зарплаты и гонорары остались в прошлом: в квартире нашли 32 рубля 96 копеек²⁸¹.

После обыска арестованного доставили во Внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянке, где он находился вплоть до расстрела. Следователем по его делу был назначен Виктор Абакумов, будущий министр госбезопасности позднесталинского СССР, а в 1937 году – младший лейтенант госбезопасности, оперуполномоченный СПО.

Начинается уголовное дело Бельского с выписки из показаний Якова Дробниса, фигуранта Второго московского процесса, к моменту ареста журналиста давно уже расстрелянного. 21 декабря (по другой версии – 12 декабря) 1936 года Дробнис показывал: «Бельский умело скрывал свою связь с троцкистами и никогда не подвергался каким-либо партвзысканиям за участие в троцкистской организации. Работая в 1926–27 гг. в Харькове, Бельский был связан с украинскими троцкистами. Об одном из них, Голубенко Н. (арестован), Бельский рассказывал мне как о троцкисте, с которым он связан и который ведет активную троцкистскую работу.

В 1927 г. я с Бельским встречался в Москве, очень часто разговаривал с ним по вопросам нашей борьбы с партией. В 1929 г., после моего возвращения из ссылки, Бельский часто захаживал ко мне на квартиру, и из разговоров я знал, что он продолжает оставаться троцкистом». «Своим парнем-троцкистом» Бельского, согласно показаниям Дробниса, продолжали считать и другие участники «контрреволюционной террористической организации»²⁸².

С Яковым Бельским Дробнис был, скорее всего, знаком. В начале 1920-х годов он возглавлял одесский губисполком и ревком – и, конечно, знал начальника губернской разведки и уполномоченного по борьбе

с контрреволюцией. Но из включенного в дело Бельского фрагмента его показаний вовсе не следует, что одесский чекист и «свой парень-троцкист» – одно и то же лицо.

В Харькове Бельский работал до конца 1930 года. С 1927 года в «Коммунисте» почти ежедневно появлялись его карикатуры, с московскими друзьями, как, например, с Регининым, он общался в письмах. Конечно, нельзя полностью исключить его появлений в Москве. Но «часто» приходиться к Дробнису и подолгу разговаривать с ним «по вопросам борьбы с партией» Бельский не имел возможности ни в 1927, ни в 1929 годах. Фамилия же Николая Голубенко – известного военачальника, партийного и советского деятеля, расстрелянного в марте 1937 года – в уголовном деле журналиста больше не упоминается.

Скорее всего, в показаниях Дробниса имелся в виду другой человек: в выписке имя и отчество «Бельского» не названы, не указана и его профессия.

Поведение Бельского после ареста совсем не похоже на поведение арестованного за месяц до него Бухова. Исповедоваться перед Абакумовым бывший чекист не стал – очевидно, понимая бесполезность любых «исповедей». Наверняка он отдавал себе отчет и в том, что если следователь захочет, например, арестовать его родственников: жену, сестру, братьев – то помешать этому он никак не сможет. Кроме того, к моменту ареста Бельский потерял все: друзей, семейное и материальное благополучие, работу, интерес к профессии. Соответственно, шантажировать его Абакумову было просто нечем.

Меру пресечения в виде «содержания под стражей» следователь избрал для подследственного только через полтора месяца после ареста. После этого Бельский еще месяц ждал единственного за весь период дознания допроса.

Неспешность следствия в данном случае можно объяснить тем, что инкриминировать журналисту было просто нечего. А поскольку признаваться в несуществующих преступлениях Бельский не стал, Абакумову пришлось серьезно потрудиться. Важным свидетелем по делу Бельского оказался Бухов: следствие ждало от него подробного рассказа о «Крокодиле» и его руководителе. Основная «исповедальная» активность бывшего сатириконеца прихлась на август; соответственно, следствие давало ему возможность выговориться.

Уголовные дела Бельского и Бухова оказались тесно связанными. Так, в постановлении об избрании Бельскому меры пресечения Абакумов писал, что, по его сведениям, подследственный «занимался шпионской деятельностью»²⁸³.

«Сведения» эти были извлечены как раз из показаний Бухова. Специально спрошенный об отношениях Бельского и его «окружения» с иностранцами, он показал: «О прямых связях Б[ельского] с иностранцами я не слышал ни от него, ни от его знакомых; полагаю, что если они были, то с теми же иностранными журналистами, с какими в ресторанах встречался Катаев или Олеша. Из фамилий, называемых при мне, я сейчас припоминаю только одну, названную В. Катаевым – журналиста Бассехеса (корреспондента, кажется, австрийской газеты)»²⁸⁴.

Показания эти были крайне опасными: австрийский журналист Николау Бассехес считался в СССР личностью одиозной. Еще в 1932 году Сталин утверждал, что Бассехес, «капиталистическая мразь» и «щенок капиталистических лавочников», пишет «гнуснейшие пасквили» о советской экономической политике²⁸⁵. Бухов недаром назвал – в качестве возможного знакомого Бельского, Катаева и Олеси – именно его. В июне 1937 года Бассехес был с громким скандалом выслан из СССР.

Показания о Бассехесе Бухов дал 31 августа, а 13 сентября Абакумов подписал постановление о мере пресечения Бельскому. Однако обвинение в шпионаже бывшему замреду «Крокодила» в итоге все же предъявлено не было.

Абакумов допрашивал Бельского 11 октября. Протокол допроса содержит 14 машинописных страниц, каждая из них подписана Бельским собственноручно. Подписи следователя и подследственного заверяют и последнюю страницу протокола. Если, конечно, подпись Бельского не была подделана следователем.

В основе допроса, как и в основе всего уголовного дела, лежит неправдоподобное измышление о том, что Бельский был участником «троцкистской террористической организации». Троцкистом он после дымовской истории стать в принципе не мог. В «организацию» – даже если бы она существовала в реальности, а он зачем-то захотел бы в нее вступить – бывшего одесского чекиста и автора рассказа «Почтовым в Москву» никто бы не принял.

Я.М. Бельский. Фотография из следственного дела 1937 года

Но большая часть подписанного им протокола не содержит откровенного вымысла. Протокол сообщает: и в Харькове, и в Москве Бельский вел с разными людьми «антисоветские разговоры». По-другому и быть не могло: профессия журналиста-сатирика подразумевала осмеяние всякого рода «пороков». Редактировать сатирические журналы, писать для них рассказы и фельетоны – и не вести при этом «антисоветских разговоров» было в принципе невозможно. Пересматривавший в 1990 году дело Бельского Пленум Верховного Суда СССР признал: журналист «допускал» «критику проводимой в стране политики».

При этом автором показаний подследственный не был. Протокол изобилует ошибками, которые в случае авторства Бельского в тексте появиться просто не могли. Так, составитель протокола совершенно не ориентировался в журналистике: был, в частности, уверен, что любой советский журнал издается одноименным издательством. Соответственно, судя по протоколу, журнал «Червоний перець» издавался издательством «Червоний перець», а журнал «Крокодил» – издательством «Крокодил».

Автор текста уверен также, что история с уходом Бельского из «Крокодила» началась «примерно в апреле» 1934 года. Между тем на самом деле история эта началась осенью 1933 года, а в марте 1934 года уже закончилась. Лев Ахматов, согласно протоколу, стал редактором журнала «Чер-

воний перец» в начале 1928 года, а на самом деле он возглавил журнал в феврале 1930 года, незадолго до отъезда Бельского из Харькова, и т.п.

Естественно, подследственному не могли принадлежать фразы: «В контрреволюционных беседах со мной он неоднократно высказывал свои террористические настроения», «я продолжал вести враждебную партии работу, направленную на разложение писательских и журналистских кадров», «наша троцкистская организация стоит на позициях террора».

Кроме того, биография чекиста и журналиста наполнена событиями, которые вполне можно было бы интерпретировать как «контрреволюционную деятельность». И если бы подследственный – по каким-то неведомым причинам – решил в этой деятельности признаться, то логично было ждать от него рассказа именно о такого рода эпизодах. Однако никаких биографических подробностей в протоколе допроса не содержится.

В принципе Абакумов и не скрывал, что показания составлены до допроса: уже в постановлении об избрании меры пресечения названы фамилии основных фигурантов этих показаний, заявлено, что Бельский «вел активную контрреволюционную работу среди писателей, журналистов и других работников литературы и печати». В показаниях Бельский «признался» в том, что разговаривал о необходимости «более острых форм борьбы со Сталиным». Однако уже в постановлении сообщалось: он обсуждал «необходимость террора против Сталина».

Показания делятся на две части: «московскую» и «харьковскую».

«Московская» часть, повествующая о «контрреволюционной работе» Бельского в Москве, составлена в основном по материалам доносов на него и данных другими подследственными показаний. О том, как писалась эта часть, отчасти можно судить, сопоставляя дела Бельского и Бухова.

В протоколе допроса Бельского, в частности, сказано: «В начале 1935 я перешел на работу в газету “Вечерняя Москва”. Будучи там, я продолжал поддерживать связи с Кротким, Буховым и др. Мы неоднократно собирались на квартире писателя Леонида Саянского, бывшего гвардейского офицера, контрреволюционно настроенного человека, где также вели беседы антисоветского характера, направленные на дискредитацию политики ЦК ВКП (б). Помню, что я как-то раз на квартире Саянского в присутствии Бухова, Кроткого и др[угих], дискредитируя советскую печать, высказывал, что наши советские газеты можно и не читать, ибо они систематически

только и расхваливают “незаслуженно” Сталина и расписывают об успехах в стране, которых на самом деле, как я тогда говорил, нет».

Между тем за два месяца до допроса Бельского Бухов сообщал: «с литератором Саянским» он «был знаком еще в старом Петрограде» и дружил по приезду в СССР. К советской власти его старый знакомец, «бывший офицер, работающий в газете», относился иронически. В 1930-е годы Саянский, фельетонист «Крокодила», принадлежал к «пьяной компании» московских писателей, «создающей атмосферу антисоветской богемы».

Из тех же показаний Бухова следует, что Валентин Катаев – уже безо всякой связи с Саянским и его «пьяной компанией» – убеждал себя и других в том, что «все успехи раздуваются в прессе и отчетах и что в действительности СССР страна слабая».

Показания Бухова Абакумов обобщил, добавив туда слова «контрреволюционный», «антисоветский», «дискредитация» и т.п. – а фразу, якобы сказанную Катаевым, приписал Бельскому. В этой «творческой переработке» он допустил ошибку, которую сам Бельский допустить никак не мог. В качестве участника беседы назван Эмиль Кроткий, взгляды которого, по определению Бухова, «сводились к полному непризнанию успехов сов[етской] власти».

Но участвовать в беседе 1935 года Эмиль Кроткий не имел физической возможности: с 1933 по 1936 годы он находился в ссылке в Алтайском крае. Ошибка эта была кем-то замечена: фамилия Кроткого в тексте зачеркнута.

В протоколе допроса Бельского можно прочесть и о том, что он «был связан с писателем-сатириком В. Ардовым, очень озлобленным человеком» – который «являлся одним из самых злостных распространителей антисоветских эпиграмм и анекдотов». Бухов же показывал, что Ардов «злобно» критиковал советскую власть, был «насыщен насквозь антисоветским». Работая в «Крокодиле», Ардов «вторил» замреду, рассказывавшему антисоветские анекдоты в редакции.

Рассказ Бухова о самом замреде, повторявшем «антисоветские остроты» «в литературных клубах-ресторанах», Абакумов дополнил его же показаниями об Олеше. Согласно Бухову Олеша принадлежал к близкому «окружению» Бельского и был – по своим взглядам – «фашистом»-антисоветчиком. Кроме того, Олеша имел подозрительные связи с иностранцами: «На рауте в польском посольстве, года три тому назад – об

этом мне рассказывал писатель Валентин Катаев – всего теплее принимали Олешу, и посол (или его заместитель) долго жал ему руку и вспоминал, что он знает его отца, “пана Олешу”».

И в протоколе допроса Бельского появилась история о том, как они с Олешей и некоторыми другими литераторами «в Доме Печати и в кафе “Жургаз”, где обычно собирались писатели, журналисты, критики и другие работники литературы и печати», «вели в завуалированной форме антисоветскую агитацию среди окружающих... лиц».

При этом, «будучи человеком с партийным билетом» («партийцем», по определению Бухова), Бельский якобы давал своим собеседникам возможность «распространять версию, что против партии настроены не только беспартийные, но и коммунисты»²⁸⁶.

Можно привести и другой пример: фрагмент протокола допроса Бельского соотносим с уголовным делом Макса Дейча. Квартира Дейча в Комсомольском переулке, согласно этому протоколу, была «местом новинок об арестах в НКВД».

Сам бывший председатель ОГЧК характеризовался в деле Бельского следующим образом: «Глубоко законспирированный, антисоветски настроенный человек», высказывавший «в очень осторожной форме свое недовольство существующим режимом в партии».

Арестованный на месяц раньше бывшего подчиненного, Дейч обвинялся в принадлежности к «контрреволюционной террористической организации правых», во «вредительской работе в легкой и угольной промышленности» и в создании «боевой террористической группы для совершения терактов» против партийных и советских руководителей.

Два с половиной месяца Дейч объяснял следователю – будущему крупному деятелю советских спецслужб и МВД Льву Володзимирскому, что никакой «контрреволюционной деятельности не вел». Однако 13 сентября он, больной 52-летний человек, сломался и написал собственноручное письмо Ежову. В письме Дейч заявил, что «решил дать правдивые показания», поскольку понял, что «в дальнейшем запереться нечего».

Спустя три дня состоялся большой допрос Дейча. Согласно протоколу, который, как и протокол допроса Бельского, отпечатан на машинке, подследственный признался и во вредительстве, и в участии в «организации правых», и в терроризме. И поведал, что «после февральского пленума ЦК ВКП(б) (1937 года. – О. К., Д. Ф.), на котором Рыков и Бухарин были разоблачены как руководители центра правых», был вынужден

стать осторожным и «прекратил дальнейшую работу по организации террористической группы». Его борьба с «врагами народа» в КСК в протоколе объяснялась необходимостью конспирации.

Не забыто было и дело Глушкова. В протоколе повествуется: «В большой дружбе со мной был сатирик Глушков, контрреволюционно настроенный человек. Я его поддерживал по работе. Будучи как-то у меня на квартире, он прочитал в присутствии некоторых лиц контрреволюционную эпиграмму, в результате чего я едва не был разоблачен»²⁸⁷.

«Харьковская» часть показаний Бельского устроена так же, как и «московская». Все упомянутые в этой части показаний люди к моменту допроса были уже либо расстреляны, как тот же Лев Ахматов, либо, как Остап Вишня, приговорены к длительным лагерным срокам. Нетрудно предположить, что эта часть показаний составлялась Абакумовым по доведенным до суда уголовным делам. В показаниях Бельского можно, например, прочитать о том, что он был «в курсе» «контрреволюционной деятельности» «националиста» Остапа Вишни. Судя по протоколу, подследственный поведал, что, работая в журнале «Червоний перець», «способствовал» Остапу Вишне «в подмене настоящего советского юмора – антисоветским, вульгарным».

Таким образом, участие Бельского в следственных действиях свелось к подписанию протокола допроса. О том, каким способом следствие получило от него эту подпись, узнать, наверное, уже невозможно.

Но при сравнении его показаний с откровениями Бухова обращает на себя внимание одна деталь: в текстах Бухова несколько раз – в крайне опасном, «контрреволюционном» контексте – упоминался Валентин Катаев. В показаниях же Бельского Катаев не фигурировал вовсе. Очевидно, отсутствие в протоколе фамилии друга было неизменным условием, при котором подследственный согласился подписать бумагу.

Очевидно, Абакумов и сам понимал, что одних «антисоветских разговоров» для вынесения смертного приговора недостаточно. Допрос подследственного 11 октября завершен не был: протокол заканчивается словами «допрос прерывается».

Следователь планировал провести еще один допрос, посвященный как раз конкретике «террористической работы» «троцкиста». Этот второй допрос был анонсирован в протоколе первого:

«Вопрос: Что вам известно о практической подготовке к террору?

Ответ: О практической подготовке террористических актов мне ничего не было известно.

Вопрос: Это неправда. Вопрос о вашем участии в террористической работе послужит предметом выяснения в дальнейшем»²⁸⁸.

Очевидно, на втором допросе стала бы «предметом выяснения» и «шпионская» деятельность Бельского. Однако второго протокола в деле нет. Скорее всего, подписывать его подследственный просто отказался.

7 октября расстреляли Аркадия Бухова.

30 октября погиб Макс Дейч.

Судьба Якова Бельского была решена 1 ноября: Сталин и Молотов подписали очередной «Список лиц, подлежащих суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР», список «Москва-Центр и Московская область», состоявший из 147 фамилий. 144 человека, в том числе и Бельский, должны были быть осуждены «по 1-й категории», подразумевавшей расстрел²⁸⁹.

Закрытое судебное заседание Военной Коллегии Верховного Суда по делу Бельского состоялось четыре дня спустя, 5 ноября. Сколько времени шло заседание – неизвестно. Однако суд над Буховым продолжался 20 минут, а над Дейчем – 15 минут²⁹⁰. И вряд ли Бельского судили дольше, чем их.

Согласно протоколу заседания «подсудимый никаких ходатайств, а также отвода составу суда не заявил», «виновным себя признает», «свои показания на предварительном следствии подтверждает полностью», «заявляет, что больше дополнить судебное следствие ничем не имеет». В последнем слове Бельский попросил суд «сохранить ему жизнь, чтобы он мог искупить свою вину».

Судьи Военной Коллегии были очень занятыми людьми. Процессы шли один за другим – и разбираться с тем или иным конкретным делом у судей не было возможности. Бельского осудили за те преступления, сведений о которых в его деле нет, а то, что было подтверждено собственноручно подписанными его показаниями – в приговор в итоге не вошло.

Бельскому не вменили 10-й пункт 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР, под который попадали все его показания: «пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти». Пункт этот, фигурировавший в составленном Аба-

кумовым обвинительном заключении, был из приговора вычеркнут. Повлиять на участь Бельского он никак не мог. Но, будучи включенным в приговор, мог увеличить и без того немалую работу секретаря суда.

Вменили же журналисту два «расстрельных» пункта той же статьи: 58-8, «совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти», и 58-11 – «участие в организации», образованной для проведения «контрреволюционной деятельности». В приговоре утверждалось: Бельский «являлся активным участником антисоветской троцкистско-зиновьевской террористической организации, осуществившей 1 декабря 1934 г. злодейское убийство тов. Кирова и подготовлявшей в последние годы ряд террористических актов против руководителей ВКП (б) и советского правительства». Кроме того, согласно приговору он в 1935 году принимал участие «в подготовке террористического акта против тов. Сталина».

Но допрос о конкретной террористической деятельности так и не был проведен, формы участия в теракте против Сталина – даже на уровне признаний – описаны не были. Фамилия же Кирова в следственном деле Бельского не упоминалась вовсе.

Бельского приговорили «к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества». При этом приговор был «окончательным» и не подлежал «обжалованию». «В силу постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г.» осужденного следовало расстрелять «немедленно». Соответственно, его убили в тот же день, 5 ноября – накануне 20-й годовщины революции. Тело осужденного кремировали, а прах похоронили в общей «расстрельной» могиле на Донском кладбище Москвы.

А четыре месяца спустя, 4 марта 1938 года, в Ухтпечлаге был расстрелян Михаил Глушков. Он стал жертвой «операции по приказу № 00409» – подразумевавшей расстрел заключенных, отбывавших срок за «контрреволюционные преступления»²⁹¹.

Бухова и Дейча реабилитировали в 1956 году – по ходатайству соответственно жены и дочери. Вопрос же о реабилитации Бельского в середине 1950-х годов не был поднят: очевидно, близких родственников у него к этому моменту не осталось. Дело журналиста пересматривалось в конце горбачевской перестройки, незадолго до крушения СССР – «в соответствии с указанием Прокуратуры СССР и Комитета государственной безопасности СССР».

20 июня 1990 года Пленум Верховного Суда СССР постановил: «Приговор Военной Коллегии Верховного суда СССР от 5 ноября 1937 г. в отношении Бельского-Биленкина Якова Моисеевича отменить и дело прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления».

До Глушкова же очередь дошла лишь 31 июля 2006 года. Его уголовное дело заново рассматривалось «при отсутствии обращений заинтересованных лиц и организаций». В заключении о реабилитации отмечено: «Сведений о реабилитированном и его родственниках не имеется»²⁹².

У большинства «старых крокодилцев», выживших в «Большом терроре», оказалась короткая память. О Бельском они предпочли не вспоминать. Глушкова вроде бы помнили. Вспоминали обычно в связи с романом Ильфа и Петрова. Но подробности биографии объекта, скажем так, шаржирования, оставались неизвестными. И это объясняется факторами не только литературными.

В 1967 году Вольпин – собственно автор эпиграммы про «всесильного сатрапа» – рассказывал, что темист был «маленький человек», и при этом «странный», «довольно настырный» и совершенно невоздержанный «на язык». Жил Глушков «без какого-либо якоря – так, порхал». А на жизнь зарабатывал, торгуя «прямым остроумием». Впоследствии, сообщал Вольпин, Глушков «был арестован, по-моему, был в лагере и чуть ли не там и умер, если я не ошибаюсь».

И при этом бывший крокодилец не мог вспомнить точно, как звали того, кто погиб из-за его собственного «прямого остроумия»: «Михаил его звали, по-моему, забыл отчество»²⁹³.

ЭПИЛОГ

«Странный спутник»

Героя, чьим единственным и безусловным прототипом можно было бы назвать Бельского, в катаевских текстах об Одесской ЧК нет. И это вряд ли случайно.

Уже в 1920-е годы Бельский для Катаева – не только друг-чекист, но и коллега. Катаев печатался в изданиях, где Бельский работал – в «Бураве», «Пламени», «Гавриле», «Крокодиле» и «Вечерней Москве». Некоторые статьи и фельетоны написаны в соавторстве.

С 1920-х годов для московского литератора Катаева словно бы новая жизнь началась. Литературная. А раньше – была гражданская война, была и чекистская служба друга юности, которую тот позже считал ошибкой.

Бельский стал художником, журналистом, писателем. Да, он не был рожден «для охоты на людей», как сам и признал. У него была противоположная установка – заступаться. С большим или меньшим успехом он защищал многих, знакомых и незнакомых.

Формально и полагалось советскому журналисту быть заступником. Реально же Бельский – исключение. Оспаривать решения представителей власти было порою рискованно. В 1930-е годы – особенно. Бельский рисковал, и Катаев знал об этом.

Именно такое осмысление предложено в мемуарах сына Катаева. По его словам, отец «с нежностью вспоминал о Якове Бельском (о Яше Бельском, так он его назвал), талантливом человеке с большой и доброй душой».

Примечательна в этой книге последовательность характеристик, данных Катаевым. Бельский остался в его воспоминаниях не чекистом, а «милым человеком» и «верным другом», а еще – «умным и талантливым пьяницей»²⁹⁴.

Но из вышесказанного еще не следует, что не было влияния чекиста Бельского на катаевскую прозу. В основе и «чекистской» компоненты «Травы забвенья», и повести «Уже написан Вертер» – сюжеты, непосредственно относящиеся к Бельскому, точнее, к его прежней службе. Это, в частности, истории женщин, с ЧК сотрудничавших.

В «Траве забвенья» речь идет о героине, которой, по словам повествователя, дано вымышленное имя – Клавдия Заремба. Она молодая коммунистка, учится в совпартшколе. Так называли тогда организованные в каждой губернии краткосрочные политические курсы для будущих руководителей советских учреждений и функционеров.

Ключевую роль сыграет действительно случайное знакомство с бывшим офицером, сотрудником одного из одесских учреждений. Чекистами выявлено, что именно он возглавляет антисоветское подполье. «Девушке из совпартшколы» поручено заставить его влюбиться, стать его сообщницей, затем передавать в ЧК сведения о главе заговора. Поручение выполнено, информация поступает регулярно, только осведомительница на грани нервного срыва – сама влюбилась. Наконец, руководитель подполья в тюрьме, там и ближайшая помощница. Связь они поддерживают, перестукиваясь через стены камер, буквально до вывода из камеры приговоренного к расстрелу. Для Зарембы секретная операция закончится психическим расстройством, потребовавшим длительного лечения. Всю жизнь будет любить того, кем пожертвовала ради долга.

Разумеется, тема жертвы подобного рода – дежурная в советской литературе. Относительная же новизна – безусловно трагическая фигура осведомительницы. Выясняется, что не так уж она и виновата. Офицер не расстрелян, бежал из-под ареста, перебрался за границу. С ним по-вествователь встретился много лет спустя – в Париже. Там и узнал, что со временем эмигрант забыл «девушку из совпартшколы».

Но если отвлечься от литературной специфики, можно отметить, что Катаевым описана классическая схема «внедрения» правительственного агента в сообщество противников режима. Это наиболее часто используемая в оперативной работе схема – вербовка осведомителя из окружения руководителя сообщества. Она постольку удобна, поскольку не требуется для агента создавать «легенду», выдумывать ему новую биографию. Причем в данном случае сразу же удача редкая: агент мотивирован, запугивать и/или подкупать нужды нет. Вполне соответствуют классической схеме и арест Зарембы, и содержание под стражей в здании, где находятся другие заговорщики. «Объект разработки» контролируется таким образом до последнего момента.

Литературная коллизия в повести «Уже написан Вертер» – сходная. Но и качественно иная.

Вместо офицера-разведчика, опытного, предельно осторожного профессионала, руководителя антисоветского подполья – художник-юнец без какого-либо боевого и конспиративного опыта. К заговорщикам он присоединится, толком не понимая, что и зачем делает. Вместо искренне увлеченной романтикой революции девушки – хищная и холодная особа, бывшая горничная Лазарева, именующая себя Ингой. Да и не обучение в совпартшколе ее главное дело, а чекистская служба. Осведомительницей стала по собственной инициативе: работа машинистки не прельщает, карьеру делает чекистскую, так что и с мужем познакомится не случайно. О любви и жертве речи нет. Жалость к обреченному на расстрел испытывает, и все же, узнав о чудесном избавлении, не выясняет обстоятельства дела, торопится на своего начальника донести – карьера манит.

Здесь автор повести описал еще одну классическую схему «внедрения». На этот раз агента не вербуют. Это оперативный сотрудник, работающий «под прикрытием», и его «подводят» к «объекту разработки».

Знание подобного рода схем вроде бы не соотносимо с жизненным опытом Катаева. Арестантский опыт у него был, что и отражено в повести «Отец». Но чекистского, казалось бы, не могло быть.

Отметим еще несколько деталей. В повести «Отец» герой так видит окружающий его мир, как может видеть арестант. Одна точка зрения. Чекистской точки зрения нет. Она из другого мира. Чекистский мир герою чужд, повествователю тоже. А в «Траве забвенья» – странная двойственность. Повествователь, одесский литератор, видит и знает то, что мог видеть и знать только чекист.

Например, описан кабинет начальника секретно-оперативной части, куда посторонние, даже и арестанты, попадать не должны были. Тем не менее повествователь знает, что в кабинете есть большой письменный стол под синим сукном, кожаный диван, а главное – надпись золотой краской на обоях: «Смерть контрреволюции».

Повествователь даже знает, как появилась эта надпись. Сообщается, что готовилась первомайская демонстрация, нужно было украсить знамя лозунгом, вот художник и приложил ткань к стене: «Краска прошла сквозь материю, и буквы отпечатались золотом на обоях».

Имя и фамилия художника повествователю тоже известны. Более того, он знает, о чем начальник СОЧ разговаривал в своем кабинете с осведомительницей. Наконец, знает о существовании «выполненной акварельными красками цветной схемы контрреволюционной офицерской организации».

Повествователь, можно сказать, в чекистский мир «включен». И это не мотивировано нарративом.

Стоит подчеркнуть: если бы «Трава забвенья» была только художественным произведением, осведомленность повествователя не удивляла бы. Мера условности не противоречит нарративу. Однако «Трава забвенья» позиционирована как мемуары писателя Катаева, почему и возник нарративный диссонанс. Не сообщалось, откуда автор получил сведения о секретных операциях, где и почему в 1920 году мог бы познакомиться с чекистскими руководителями и секретными сотрудниками. Эрудиция повествователя не обоснована его биографией. По крайней мере – известной читателям в 1967 году, да и десятилетия спустя.

Нарративный диссонанс замечен и в повести «Уже написан Вертер». Та же двойственность восприятия – подследственного и чекиста.

С одной стороны, восприятие арестанта, ожидающего неминуемую гибель. Чувства уже приговоренного, его родственников. В общем, собственный опыт автора. Катаев утверждал, что в повести он «задался целью показать весь ужас террора»²⁹⁵.

Но есть и другая сторона. Председатель губернской ЧК, отдавший приказ на месте расстрелять уличенных в мародерстве подчиненных, описан с явным сочувствием. Оперативников, присвоивших драгоценности обыскиваемых, убивают во дворе «чрезвычайки». Невзирая ни на что. Руководитель преодолевает жалость к ним, потому как долг – выше личных чувств. «Предгубчека» в повести – олицетворение долга, которому подчинил свою жизнь, а вовсе не трафаретный злодей, «палач Одессы». Мотив понятен: либо бескомпромиссное служение идее, беспощадное уничтожение всех врагов и даже товарищей, злоупотреблявших властью, либо вновь произвол власть имущих, а тогда все, что ранее сделано ради идеи, теряет смысл.

Таково восприятие не арстанта, но бывшего чекиста, которому хочется верить, что он действовал целесообразно, не убивал вовсе невиновных. Вот почему и товарищи не вызывают у него ужаса или отвращения. Если и заслуживают осуждения, то и сочувствия тоже.

На этой почве создано немало спекулятивных концепций. В постсоветскую эпоху Катаеву инкриминировали сотрудничество с ЧК и аналогичного рода организациями. По мнению ряда интерпретаторов, бывший офицер, ставший классиком советской литературы, предавал доверившихся ему и в годы гражданской войны, и позже. Так появился полемический тезис, формулируемый в качестве вывода: «Судя по всему, провокатором он был, провокатором и оставался до конца своих дней»²⁹⁶.

Но компрометирующие писателя домыслы нужно бы обосновать документами. В крайнем случае, найти хотя бы косвенные подтверждения. Только нет их, что, впрочем, азарту интерпретаторскому не помеха. Но здесь интереснее другое.

«Трава забвенья» и «Уже написан Вертер» – отнюдь не ранние прозаические опыты дилетанта. К 1967 году, равным образом, почти двадцать лет спустя автор владел техникой сюжетосложения, умел функционально использовать детали предметной изобразительности. Это признавалось многократно и критиками, и литературоведами. Вот почему не важно, была ли соответствующая надпись в кабинете начальника СОЧ, побывал ли там в 1920 году Катаев, обсуждал ли с ним хозяин кабинета свои переживания, велика ли вероятность знакомства писателя с чекистской осведомительницей и т.д. Важно, что он добивался «эффекта присутствия». Обосновать же «эффект присутствия» на уровне мотивировки повествования – не пожелал. Не мог не видеть

нарративный диссонанс, но и менять что-либо не стал. Значит, правомерен вопрос: почему?

Уместно предположить, что он таким образом побуждал критиков и литературоведов, наконец, любого читателя задать – публично или в печати – тот самый вопрос. О причине, в силу которой писатель использует опыт сотрудника Одесской ЧК, не обосновывая наличие соответствующих познаний. Похоже, что ответ был давно заготовлен. Не хватало лишь повода. Катаев буквально провоцировал вопрос, но как раз тут и не добился успеха.

Да, у писателя Катаева не было чекистского опыта. Но его ближайший друг таким опытом располагал. Был начальником разведки именно Одесской ЧК. Лично знал ее руководителей. Дружил с Дейчем. Знал, что по его приказам расстреливали чекистов, уличенных в мародерстве, взяточничестве, грабежах. Все тонкости агентурной работы Бельскому тоже были известны.

Бельский, в отличие от многих, не был оправдан. Катаев искал способ наследие друга-писателя, как говорится, легализовать. Для начала – сделать так, чтобы имя его, цензуре вопреки, прозвучало хотя бы при ответе в печати на вопросы, печатно же заданные.

Катаев не раз осмыслил опыт Бельского, соотнося это с опытом собственным. Но осмыслил, скажем так, метафорически – на уровне повторяющихся мотивов, реалий деятельности Одесской ЧК, истории осведомительницы, ее предательства, ее казни. Вот только «казнил» различным образом.

Клавдия Заремба в «Траве забвенья» осуждена незаконно. После лагеря – запоздалое оправдание. Начальник СОЧ тоже осужден незаконно. Он тоже до оправдания доживет. Как сам и скажет – реабилитирован «полностью». Они еще успеют вспомнить о былом, подтвердить верность чекистскому прошлому, идее, которой служили, не щадя ни себя, ни других, и по-прежнему служить готовы. Повествователь акцентирует, что оба достойны сочувствия.

Инга Лазарева в повести «Уже написан Вертер» погибнет вместе с преданными ею товарищами. Она сочувствия повествователя не вызывает. Как все, кто лишь ради карьеры своих губил.

В связи с этим особенно важно сказанное Лушиком о «женщине-сексоте». Комментатор отмечает: «Не удалось разыскать для нее реаль-

ный прототип». Значит, так не удалось выяснить, кто из реально существовавших одесских чекисток фигурирует под именем Инги Лазаревой. Отсюда и вывод: «Это, по-видимому, единственный персонаж повести, целиком придуманный автором»²⁹⁷.

Вывод бесспорный – на уровне повести. Если точнее, то на уровне конкретных событий, в качестве фактографической основы художественного произведения выявленных комментатором.

Другой вопрос – метафорическое осмысление. Тут прослеживаются связи с реальностью. По крайней мере, про одну из сотрудниц Одесской ЧК, предававшую своих коллег, бывший начальник разведки мог бы рассказать другу-писателю. И, скорее всего, рассказал – о Розе Вакс.

Была ли она в итоге коллегами расстреляна, как Инга Лазарева, или, выйдя из лагеря, дожила до реабилитации, подобно Клавдии Зарембе, – пока не известно. Соответствующие документы не обнаружены. Однако на уровне типологии сходство всех трех историй несомненно. Реальна лишь одна, прочие – результат метафорического осмысления.

Судьбу Бельского, да и свою судьбу Катаев тоже осмыслил метафорически. Бывший денкинец стал знаменитым советским писателем, Героем Социалистического Труда, лауреатом, зато некогда спасший его чекист, писательской славы не добившись, бесследно сгинул. Однако не менее вероятен был и противоположный результат. Катаева упоминали бы как подававшего надежды молодого одесского литератора, который сгинул «в огне гражданской войны». Бельский же – при благоприятном стечении обстоятельств – писательскую известность обрел бы. Но Катаев и не спорил с реальностью. Так, в повести «Уже написан Вертер» избежал расстрела бывший юнкер, а спасший его чекист – расстрелян.

Отметим, что и Макс Маркин из катаевской повести – вовсе не потрет Макса Дейча. Тот был фанатиком. Не отпустил бы он заговорщика, хоть бы и попросил товарищ по каторге, которому жизнью обязан. Бельский в 1920 году был все же другим. Он, а не Дейч спас Катаева. Так что и катаевский предгубчека – метафора.

Подобного рода метафорами «чекистские» повести Катаева, можно сказать, пронизаны. Отнюдь не случайно в ткань повествования «Травы забвенья» вплетена история о революционере, чье вырванное сердце «привязали шелковым китайским шнурком к знамени контрреволюционного восстания».

Аналогична и мотивированная бредом тифозного больного история о «странном спутнике», герое «Вертера». Он видим и невидим – как некое воплощение самого повествователя. «Станный спутник» заставляет – «мягко, но настойчиво» – в прошлое возвращаться.

В итоге писатель решил им же поставленную задачу. Если б не его истории о чудесном избавлении от гибели в гараже Одесской ЧК, не постоянное обращение к чекистской теме в повестях, не фотография, подаренная музею, судьба друга вряд ли бы заинтересовала исследователей. Единичные упоминания – не в счет. Они фактически не меняли ситуацию. Бельского приговорили не только к расстрелу. Как «репрессированный» он должен был остаться забытым.

Победил все же Катаев, правда, он так и не узнал о своей победе.

Катаевская метафора объясняет многое в судьбе Бельского. Он – «странный спутник», видимый, но и невидимый.

Характерны в этом аспекте воспоминания Мацкина. Повествуя о вызволенных из тюрьмы харьковских студентах, мемуарист задавался вопросом: «А что было бы, не будь Бельского?»²⁹⁸

Знакомые Мацкина так и не узнали, кто им помог. Видел это лишь мемуарист, а для спасенных Бельский остался невидимым.

Сам Мацкин непростую задачу социальной реализации в Москве быстро решил с помощью рекомендательного письма от друга и коллеги из Харькова. Об этом, правда, в мемуарах не сообщил. Возможно, считал, что такие подробности не важны. Но помощник вновь остался невидимым. «А что было бы, не будь Бельского?»

То же самое о себе могли бы сказать многие весьма известные литераторы, с Катаева начиная. А также фигуранты его статей: и николаевская проститутка Ляховецкая, и «зоотехник Перовская», и инженер Венгель, и «старушка Кузьмина», вдова «портного Обухова» и многие другие. Бельский в их судьбах был. Спасал – или пытался спасти, помогал, а для многих просто был «верным другом». Но – по различным причинам – так получилось, что его вроде бы не было. Остался невидимым.

Ликвидация такой лакуны обязательна. И не только потому, что Бельский – «талантливый человек с большой и доброй душой». С его биографией связано и тщательно скрываемое в советскую эпоху «дымовское дело», и целые главы истории отечественной журналистики. Если подводить итоги, судьба Бельского – своего рода зеркало эпохи.

Примечания

- ¹ Валентин Петрович Катаев // Писатели: Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. М.: Современные проблемы, 1926. С. 176.
- ² Луцик С.З. Реальный комментарий к повести // Катаев В.П. Уже написан Вертер; Луцик С.З. Реальный комментарий к повести. Одесса: Optimum, 1999. С. 81.
- ³ Катаев П.В. Доктор велел мадеру пить...: книга об отце. М.: Аграф, 2006. С. 34-35. Ср.: Катаев П.В. Доктор велел мадеру пить. Интернет-версия. 2004. URL: http://samlib.ru/k/kataew_p_w/doktorwelel.shtml.
- ⁴ Одесский литературный музей (ОЛМ). КП-20753. Ф. 1928. Авторы искренне благодарят Е.Л. Яворскую, сообщившую эти сведения.
- ⁵ Бельский Я.М. Эдуард в Николаеве // Эдуард Багрицкий. Альманах. М.: Сов. писатель, 1936. С. 256 – 265.
- ⁶ Божаткин М.И. Малоизвестные стихи Эдуарда Багрицкого // Радуга. Киев, 1970. Июнь. № 6. С. 90.
- ⁷ Бельский Я.М. Эдуард в Николаеве // Эдуард Багрицкий. Воспоминания современников. М.: Сов. писатель, 1973. С. 130-138.
- ⁸ Абрамский И.П. Смех сильных. О художниках журнала «Крокодил». М.: Искусство, 1977. С. 14.
- ⁹ Мацкин А.П. По следам уходящего века. М.: Аслан, 1996. С. 18.
- ¹⁰ Смолич Ю.К. Мозаика. 3 тих рокив (курйози) // Спадщина. Літературне джерелознавство. Текстологія. К.: ВД «Стилос», 2010. Т. 5. С. 240.
- ¹¹ См.: Жертвы политического террора в СССР / Научный руководитель А.Б. Рогинский. URL: <http://lists.memo.ru/d4/f119.htm>
- ¹² Катаев П.В. Указ. соч. С. 34-35.
- ¹³ Галанов Б.Е. Валентин Катаев: Размышления о Мастере и диалоги с ним. М.: Худож. лит., 1989. Вклейка между стр. 96 и 97.
- ¹⁴ Огрызко В.В. Законченный циник, но дьявольски талантлив: Валентин Катаев // Литературная Россия. 2014. 31 янв. URL: <http://www.litrossia.ru/2014/05/08611.html>. Ср.: Левит А. Первым «литературным произведением» Ильфа и Петрова стал... «протокол осмотра трупа неизвестного мужчины» // Факты. Одесса, 2013. 17 дек. URL: <http://fakty.ua/173795-pervym-literaturnym-proizvedeniem-soavtoraromanov-ob-ostape-bendere-stal-protokol-osmotra-trupa-neizvestnogo-muzhchiny> Ср: Мершавка В., Орлов В. Мертвая душа: образ Жоржа Бенгальского в романе «Мастер и Маргарита». Часть пятая. «Горючка» // MERSHAVKA.RU. URL: http://mershavka.ru/articles/obraz_zhorzha_bengalskogo_5
- ¹⁵ Стыкалин С.И., Кременская И.К. Советская сатирическая печать. 1917–1963. М., 1963. С. 71, 332, 448; Цимбал Я.В. Комментарий к: Смолич Ю. К. Указ. соч. С. 292; Котова М.А., Лекманов О.А. В лабиринтах романа-загадки: Комментарий к роману В.П. Катаева «Алмазный мой венец». М.: Аграф, 2004. С. 81; Капчинской О.И. По образованию художник, по опыту работы – чекист // Военно-исторический журнал. 2013. № 8. С. 76-79.
- ¹⁶ Катаев П.В. Указ. соч. С. 34; Метрическая книга о рождении Одесского раввината на 1897 г. // Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 35. Оп 5. Д 83. Л.263. Ср.: Биленкин-Бельский Я.М. Регистрационный бланк члена ВКП (б) (партилет № 1228834), 1936 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп. 99. Учетно-партийные документы. Пагинация в данном деле отсутствует. Анкеты, заполненные перед чисткой 1921 г.,

- личные регистрационные карточки и переписка по учету коммунистов (на букву “Бик-Бир”). Сентябрь–октябрь 1921 г. // Там же. Ф. 3. Оп. 2. Д. 225. Л. 8.
- ¹⁷ *Бельский Я.М.* Американское наследство // 30 дней. 1936. № 1. С. 30; *Он же.* Эдуард в Николаеве. С. 130.
- ¹⁸ *Катаев П.В.* Указ. соч. С. 35; Уголовное дело Бельского-Биленкина Я.М., 1937 г. // Центральный архив ФСБ Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Д. Р-34941. Л. 9 об.
- ¹⁹ Вся Москва. Адресно-справочная книга на 1924 г. М., 1924. С. 44; То же на 1926 г. М., 1926. С. 173; То же на 1929 г. М., 1929. С. 64; То же на 1930. М., 1930. С. 34; То же на 1931. М., 1931. С. 34; То же на 1936. М., 1936. С. 47; Уголовное дело Бельского-Биленкина Я.М., 1937 г. Л. 9 об.
- ²⁰ Авторы искренне благодарят О.И. Капчинского за указание на это обстоятельство.
- ²¹ *Бельский Я.М.* Рішуча до результата // Червоний перець. 1930. № 8. С. 8; *Бельский Я.М.* Решительная до результата // 30 дней. 1935. № 2. С. 78 – 80; См. анкету Я.М. Бельского-Биленкина 1936 года: Уголовное дело Глушкова М.А., 1936 г. // ЦА ФСБ РФ. Д. Р – 29392. Л. 24; Цит. по: Эдуард Багрицкий. Сведения биографического характера // Спивак М.Л. Мозг отправьте по адресу... М.: Астрель, 2010. С. 464.
- ²² Устав Художественного училища Одесского общества изящных искусств. Одесса: Типография Акционерного Южно-Русского общества печатного дела, 1900. 17 с. Ср: Условия приема учащихся в имени великого князя Владимира Александровича Художественное училище Общества изящных искусств в Одессе (Преображенская ул., д. № 14). Одесса: Типогр. Е.И. Фесенко, 1910. 29 с. Об истории училища см., напр.: *Порожнякова Н.* Одесское художественное училище имени М.Б. Грекова. История и современность // Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею. Одесса, 2011. № 10. С. 266-271.
- ²³ Учетные карточки коммунистов, 1921 г. // ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 220. Л. 33; Ср.: Мацкин А.П. Указ. соч. С. 18; Анкеты перерегистрации коммунистов (на букву “Б”), 1920 г. // ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 77. Л. 10.
- ²⁴ *Митницкий Л.Д.* Капитаны улыбок. М.: Правда, 1966. С. 18.
- ²⁵ Анкеты, заполненные перед чисткой 1921 г. Л. 8.
- ²⁶ Биленкин-Бельский Я.М. Регистрационный бланк члена ВКП (б), 1936 г.; Анкеты, заполненные перед чисткой 1921 г. Л. 8.
- ²⁷ *Бельский Я.М.* Перед Октябрем // Красный Николаев. 1923. № 850. 7 нояб. С. 4.
- ²⁸ Анкеты, заполненные перед чисткой 1921 г. Л. 8; *Бельский Я.М.* Перед Октябрем. Он же. Перекаты // Бурав. 1924. № 8. С. 6.
- ²⁹ Биленкин-Бельский Я.М. Регистрационный бланк члена ВКП (б); Анкеты, заполненные перед чисткой 1921 г. Л. 8.
- ³¹ *Платон Ногин* [Бельский Я.М.] В пламени борьбы // Красный Николаев. 1924. 1 февр. № 919. С.5; О переговорах 1918 г. в Киеве см. подробно: *Пученков А.С.* Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года: Очерки политической истории. М.: Нестор-История, 2013. С. 59 – 88. Ср.: *Суярко Л.А.* Д.З. Мануильский: Революционер, дипломат, ученый. Киев: Наукова думка, 1983. С. 32-33.
- ³² Анкеты, заполненные перед чисткой 1921 г. Л. 8; Уголовное дело Глушкова М.А., 1936 г. Л. 24.
- ³³ Анкеты перерегистрации коммунистов (на букву “Б”), 1920 г. Л. 10 об. Ср.: Биленкин-Бельский Я.М. Регистрационный бланк члена ВКП (б);
- ³⁴ *Динга А.* Революційний плакат в Одесі 1919 року // Бібліологічні вісті. Киев, 1929. Вып. 2-3. С. 90, 91, 93; *Бутник-Сиверский Б.С.* Советский плакат эпохи гражданской войны. 1918–1921 гг. М.: Книжная палата, 1960. С. 61-62, 142, 182. Воспроизведе-

- ние плаката «Вооруженный пролетарий завоеует весь мир для коммунизма» см: *Бондарев В.* Красные побелели, белые покраснели // *Родина*. 1997. № 7. С. 12.
- ³⁵ *Шишова З.К.* **О нашей молодости** // Эдуард Багрицкий. Альманах. М., 1931. С. 202; Устами Бунинных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие материалы: 3 т. Frankfurt am Main: Possev-Verlag, 1977. Т. 1. С. 229.
- ³⁶ *Катаев П.В.* Указ. соч. С. 33.
- ³⁷ Анкеты, заполненные перед чисткой 1921 г. Л. 8 – 8 об., 9; Биленкин-Бельский Я.М. Регистрационный бланк члена ВКП (б); Персональное дело Бельского Я.М., 1935–1936 гг. // РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 10028. Л. 57.
- ³⁸ Воспоминания А.П. Саблина включены в статью: *В.Ш.* Добровольцы в освобожденной Одессе // *Единая, Великая и Неделимая Россия*. Одесса, 1919. С. 19–22.
- ³⁹ Анкеты, заполненные перед чисткой 1921 г. Л. 8 об. – 9; Анкеты перерегистрации коммунистов (на букву “Б”), 1920 г. Л. 10 об.
- ⁴⁰ Цит. по: *Капчинский О.И.* Мишка Япончик и другие: Криминал и власть в годы Гражданской войны в Одессе. М.: Крафт, 2013. С. 133, 265–266. О Домбровском см.: Там же. С. 131–154. Ср.: *В.Ш.* Добровольцы в освобожденной Одессе. С. 23.
- ⁴¹ Анкеты, заполненные перед чисткой 1921 г. Л. 9; *Капчинский О.И.* Мишка Япончик и другие. С. 265–278.
- ⁴² Там же. С. 303–304, 307.
- ⁴³ Дейч М.А. Регистрационный бланк члена ВКП (б) (партбилет № 1197292). 1936 г. // РГАСПИ. Ф.17. Оп. 99. Учетно-партийные документы. Пагинация в данном деле отсутствует; Персональное дело Дейча М.А. // РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 5895. Пагинация в данном деле отсутствует.
- ⁴⁴ *Капчинский О.И.* Мишка Япончик и другие. С. 318–319.
- ⁴⁵ Дейч М.А. // Проект «Против пыток». URL: <http://protivpytok.org/sssр/antigeroi-karatelnyx-organov-sssр/dejch-m-a>
- ⁴⁶ *Зинько Ф.З.* Кое-что из истории Одесской ЧК. Одесса: Друк, 1998. С. 38.
- ⁴⁷ Персональное дело Дейча М.А.; Уголовное дело Дейча М.А., 1937 г. // ЦА ФСБ РФ. Д. Р-23375: 2 т. Т. 1. Л. 115.
- ⁴⁸ См. об этом.: *Зинько Ф.З.* Указ. соч. С. 35, 38.
- ⁴⁹ Персональное дело Дейча М.А.; Уголовное дело Дейча М.А., 1937 г. Т. 1. Л. 115.
- ⁵⁰ *Капчинский О.И.* Мишка Япончик и другие. С.399. Ср.: Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917 – 1926. М.: Материк, 2007. С. 421–422.
- ⁵¹ *Шульгин В.В.* Дни. 1920: Записки. М.: Современник, 1989. С. 389.
- ⁵² *Катаев П.В.* Указ. соч. С. 154.
- ⁵³ Анкеты, заполненные перед чисткой 1921 г. Л. 9; Ср.: Учетные карточки коммунистов, 1921 г. Л. 36; Бюллетени третьей Одесской губернской партийной конференции. 1–4 декабря 1921 г. Одесса, 1921. С. 150; Биленкин-Бельский Я.М. Регистрационный бланк члена ВКП (б).
- ⁵⁴ См. об этом, напр., *Катаев В.П.* Письмо Бунину И.А. от 15 октября [1919 г.] в кн.: Устами Бунинных. Frankfurt am Main: Possev-Verlag, 1981. Т. 2. С. 221–222; *Кудрин О.В.* Время, вперед, к апокалипсису! Главы из книги «Белогвардеец Валентин Катаев» // *Вопросы литературы*. 2013. № 3. С. 369–417 и др.
- ⁵⁵ Цит. по: *Зинько Ф.З.* Указ. соч. С. 14.
- ⁵⁶ См. об этом: *Куварзин А.* Будни рыцаря революции // «...А главное – верность»: Очерки, статьи, воспоминания о чекистах Одесщины. Одесса: Маяк, 1987. С. 46–90.
- ⁵⁷ *Луцкий С.З.* Указ. соч. С. 81, 225.

- ⁵⁸ См.: Анкеты перерегистрации коммунистов (на букву “Т”) . Сентябрь – октябрь 1920 г. // ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 168. Л. 34; Анкеты, заполненные перед чисткой 1921 г., личные регистрационные карточки и переписка по учету коммунистов (на буквы “Тру-Тур”) // Там же. Д. 619. Л. 71; Анкеты регистрации коммунистов (на букву “Т”) после установления советской власти в феврале 1920 // Там же. Д. 55. Л. 93-94.
- ⁵⁹ О представлении разных сведений юридической части одесского губвоенкомата 1920 года // Там же. Ф. Р-4509. Оп. 1. Д. 65. Л. 7 – 8; Приказы по губвоенкомату Одессы с 13 февраля по 31 декабря 1920 г. // Там же. Д. 16.
- ⁶⁰ См. об этом: Луцкич А.З. Указ. соч. С. 82.
- ⁶¹ Сообщено А.Ю. Розенбоймом. См. об этом подробнее: Киянская О.И., Фельдман Д.М. Уездный детектив: Одесская биография Евгения Петрова (в двух частях, с прологом и эпилогом) // Вопросы литературы. 2014. № 5. С. 1 – 65.
- ⁶² Приказы одесского губернского военного комиссара с 1 января по 25 июня 1921 г. // ГАОО. Ф. Р-4509. Оп. 1. Д. 91. Л. 35; Анкеты перерегистрации коммунистов (на букву “Т”). Сентябрь – октябрь 1920 г. Л. 34; Анкеты, заполненные перед чисткой 1921 г. Л. 41.
- ⁶³ Катаев В.П. Письмо Бунину И.А. от 15 октября [1919 г.]. С. 222.
- ⁶⁴ О журналистской деятельности Нарбута в Одессе см., напр.: Берловская Л.В. Владимир Нарбут в Одессе // Русская литература. 1982. № 3. С. 196 – 201; Регинин В.А. Письмо Бельскому Я.М. от 23 ноября 1927 г. // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1433 (Регинин). Оп. 3. Д. 144. Л. 1; Бельский Я.М. Письмо Регинину В.А., без даты // Там же. Оп.2. Д.14. Л.1.; Бельский Я.М., Александров В. [Регинин В.А.] Поцелуй в диафрагму. Либретто интермедии. 1930- е гг. // Там же. Оп. 3. Д. 358.
- ⁶⁵ Дейч М.А. Отчет Одесской губернской чрезвычайной комиссии к IV губернскому съезду Советов. Одесса, 1921. С. 4, 46.
- ⁶⁶ Персональное дело Бельского Я.М., 1935–1 936 гг. Л. 57.
- ⁶⁷ Бельский Я.М. Атаман Семен Заболотный. Из прошлого украинской контрреволюции // Пламя. Харьков, 1925. № 6 (26). С. 16. Ср.: Он же. Случай с Гречухой // Рабочая семья. 1925. № 4. С. 102-103; Я.Б. [Он же] З блокноту чекіста // Коммуніст. Харків, 1927. 18 дек. С. 3.
- ⁶⁸ Биленкин-Бельский Я.М. Регистрационный бланк члена ВКП (б).
- ⁶⁹ Мацкин А.П. Указ. соч. С. 18.
- ⁷⁰ Уголовное дело Бельского-Биленкина Я.М., 1937 г. Л. 9 об.; Катаев П.В. Указ. соч. С. 34; Митницкий Л.Д. Письмо Мануильскому М.З. от 19 апреля 1932 г. // РГАЛИ. Ф. 600. Оп. 2. Д. 215. Л. 1; Бельский Я.М. Тиражная медицина // Красный Николаев. 1924. 10 мая. № 1000. С. 4.
- ⁷¹ Светлов Ал. Дымовская машинка // Известия (Москва). 1924. 17 окт. № 238 (2273). С. 5.
- ⁷² Путь нашей газеты // Красный Николаев. 1924. 10 мая. № 1000. С. 3; Клык [Бельский Я.М.]. Тысячный у порога // Там же. С. 3. О принадлежности Бельскому этого псевдонима см. ниже.
- ⁷³ Путь нашей газеты. С. 3.
- ⁷⁴ От славного Алеши Селивановского // Там же. С. 8.
- ⁷⁵ Бельский Я.М. Два старичка // Там же. С. 3
- ⁷⁶ Он же. «Гляди – в казарме пол дырявый!..» // Там же. 1923. 24 янв. № 615. С. 3.
- ⁷⁷ Багрицкий Э.Г. В награду бойцам // Там же. 26 авг. № 788. С. 2.

- ⁷⁸ Клык [Бельский Я.М.]. Тысячный у порога. С. 3.
- ⁷⁹ См.: Эдуард Багрицкий. Характерологические материалы // Спивак М.Л. Мозг от правьте по адресу... С. 464 – 582; Бунцельман А.Я. Из воспоминаний об Э. Багрицком // РГАЛИ. Ф. 1399. Оп. 2. Д.21. Л. 43-63; Федулов К.М. Обаятельный Эдуард // Там же. Д. 27. Л. 16-32. Мемуары Федулова в данной работе приводятся без учета редакторской правки явно позднейшего происхождения, местами искажающей смысл текста; Божаткин М.И. Указ. соч. С. 90; Бельский Я.М. Эдуард в Николаеве // Эдуард Багрицкий. Альманах. С. 257; Багрицкая Л.Г. Письмо Шульцу О.А. от 27 июля 1968 г. // РГАЛИ. Ф. 1399. Оп. 2. Д. 106. Л. 2.
- ⁸⁰ Цит. по: Эдуард Багрицкий. Характерологические материалы. С. 577-578. В этом издании в фамилии редактора «Красного Николаева» допущена опечатка. Ср.: Характерологический очерк об Э.Г. Багрицком // РГАЛИ. Ф. 1399. Оп. 2. Д. 21а. Л. 97; Божаткин М.И. Указ. соч. С. 90; Федулов К.М. Указ. соч. Л. 16-17. В воспоминаниях цитируется стихотворение Э.Г. Багрицкого «Гимн Маяковскому» (1915); Бунцельман А.Я. Из воспоминаний об Э. Багрицком. Л. 56, 62, 63.
- ⁸¹ См., напр.: Вечер новой поэзии // Красный Николаев. 1923. 22 авг. № 784. С. 4.
- ⁸² Бельский Я.М. Эдуард в Николаеве // Эдуард Багрицкий. Альманах. С. 263, 264; Багрицкая Л.Г. Письмо Федулову К.М. от 29 декабря 1968 г. // РГАЛИ. Ф. 1399. Оп. 2. Д. 103. Л. 3 об.; Цит. по: Эдуард Багрицкий. Характерологические материалы. С. 578.
- ⁸³ Багрицкий Э.Г. Огонь // Красный Николаев. 1924. № 824. 7 окт. С. 2. Ср.: Мельник М.А. Эдуард Багрицкий в Николаеве // Державний архів Миколаївської області. URL: <http://mk.archives.gov.ua/pubonsite/104-pubbagriiskiuy.html>; Бельский Я.М. «Осенний сон» Штреземана // Красный Николаев. 1924. 11 окт. № 827. С. 2.
- ⁸⁴ Он же. Тиражная медицина; Березин А. Наша газета // Там же. 1925. 10 янв. № 1203. С. 1; Бельский Я.М. Можно ли? // Там же. 27 февр. № 942. С. 5.
- ⁸⁵ Декларация литературно-творческой группы «Октябрь» // Там же 1924. 1 авг. № 1069. С. 5.
- ⁸⁶ Федулов К.М. Указ. соч. Л. 17; Бельский Я.М. Два старичка.
- ⁸⁷ Городской Я.З. Русь татарская // Он же. Косматая Россия. Николаев, 1923. С. 22; Он же. К моему портрету // Он же. О самом простом. Вторая книга стихов. Николаев: Издание группы «Октябрь», 1925. С. 24.
- ⁸⁸ Бунцельман А.Я. Литература и искусство. О литературных спорах // Бурав. 1924. № 1. С. 13.
- ⁸⁹ См. Муратова К.Д. Периодика по литературе и искусству за годы революции. 1917 – 1932 / под ред. С.Д. Балухатого. М.: АН СССР, 1933. № 74. С. 44.
- ⁹⁰ См., напр., Бельский Я.М. Рождественское без елки // Красный Николаев. 1923. 19 июля. № 890. С.3; Он же. Он невиновен // Там же. 1924. 17 февр. № 934. С. 5; Он же. Как нужно и как нельзя // Там же. 1924. 19 июля. № 1058. С. 3; Он же. Перекаты. Отрывок из повести // Бурав. 1924. № 8. С. 6-7; Он же. Гибель Мартына Ивановича [Отрывок из повести «Перекаты»] // Там же. № 10. С. 2-4; Он же. Почтовым в Москву // Там же. 1925. № 1. Янв. С. 2-3 и др.
- ⁹¹ Бельский Я.М. Тиражная медицина. С. 4; Бухарин Н.И. Коммунистическое воспитание молодежи в условиях Нэп'а. Доклад на V Всероссийском съезде РКСМ // Правда. 1922. 14 окт. № 232. С. 2.
- ⁹² Мануильский Д.З. Среди предательства и измены // Коммунист. Харьков, 1921. 7 нояб. № 251. С. 1.

- ⁹³ Платон Ногин [Бельский Я.М.] В пламени борьбы // Красный Николаев. 1924. 2 февр. № 920. С. 3; 9 февр. № 926. С. 3; О деятельности М.Е. Кольцова в Киеве см.: Фрадкин В.А. Дело Кольцова. М.: Вагриус, 2002. С. 26-30 и др.; Уголовное дело Бухова А.С., 1937 г. // ЦА ФСБ РФ. Д. Р-4872. Л. 72.
- ⁹⁴ Платон Ногин [Бельский Я.М.] Указ. соч. // Там же. 14 марта. № 955. С. 5; 29 марта. № 966. С. 3; Бельский Я.М. Тиражная медицина.
- ⁹⁵ Бунцельман А.А. Из воспоминаний об Э. Багрицком. Л. 44-45; О памятнике тов. Ленину // Красный Николаев. 1924. 3 дек. № 1171. С. 6.
- ⁹⁶ Шелест П.Е. Да не судимы будете... Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Оригинал, 1994. С. 443-444.
- ⁹⁷ Капустян А.Т. «Дымовское дело»: мнимое и реальное // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 186-188.
- ⁹⁸ Клык [Бельский Я.М.]. Тысячный у порога.
- ⁹⁹ Киселев М.Л. На защиту рабкора // Красный Николаев. 1924. 15 июля. № 1054. С. 3.
- ¹⁰⁰ Убийство селькора «Красного Николаева» // Там же. 16 июля. № 1055. С. 4.
- ¹⁰¹ На помощь селькору // Известия. Одесса, 1924. 18 июля. № 1336. С.1.
- ¹⁰² Отклики на убийство селькора Малиновского // Правда. 1924. 19 июля. №162. С. 4; После убийства селькора Малиновского // Известия. Москва, 1924. 19 июля. № 163 (2198). С. 2.
- ¹⁰³ Багрицкий Э.Г. Слово – в бой // Моряк. 1924. 20 июля. № 535. С. 2.
- ¹⁰⁴ Кольцов М.Е. Опять убийство! // Правда. 1924. 22 июля. № 164. С.1.
- ¹⁰⁵ Д. Маллори [Флит Б.Д.]. Убийство селькора Малиновского // Известия. Москва, 1924. 26 июля. № 169 (2204). С. 2.
- ¹⁰⁶ Киселев М.Л. Подробности убийства селькора Малиновского // Правда. 1924. 30 июля. № 171. С. 7.
- ¹⁰⁷ Экстренное заседание бюро рабкоров // Известия. Одесса, 1924. 18 июля. № 1336. С. 1.
- ¹⁰⁸ Ряженный дурень // Красный Николаев. 1924. 2 февраля. № 920. С. 2;
- ¹⁰⁹ Вечная память передовому бойцу красной печати. Жестокая кара его убийцам. Заседание бюро секции работников печати // Там же. 20 июля. № 1059. С. 1.
- ¹¹⁰ Кольцов М.Е. Опять убийство! С.1.
- ¹¹¹ Д. Маллори [Флит Б.Д.]. Указ. соч. С. 2.
- ¹¹² Резолюции и постановления XIII съезда РКП(б). М.: Красная Новь, 1924. С. 49.
- ¹¹³ М-й. Бравый ПредКНС // Красный Николаев. 1924. 24 февр. № 940. С. 2.
- ¹¹⁴ Дело об убийстве селькора Малиновского. Третий день процесса. Вечернее заседание 9-го октября // Там же. 11 окт. № 1128. С.2; Дело об убийстве селькора Малиновского. Пятый день процесса. Утреннее заседание // Там же. 12 окт. № 1129. С. 2.
- ¹¹⁵ Из зала суда // Известия. Одесса, 1924. 14 окт. № 1460. С. 2.
- ¹¹⁶ Я. Б-й [Бельский Я.М.] Личное // Красный Николаев. 1924. 21 марта. № 960. С. 5.
- ¹¹⁷ Катаев В.П. Как писать опровержения // Желонка. Баку, 1924. Февр. № 2. С. 31. Скорее всего, этот номер «Желонки» вышел в марте: согласно редакционному сообщению «вследствие траура по В.И. Ленину настоящий номер «Желонки» выходит с опозданием» (Там же).
- ¹¹⁸ Сегодняшний процесс // Красный Николаев. 1924. 7 окт. № 1124. С.1.
- ¹¹⁹ Капустян А.Т. Указ. соч. С. 187.
- ¹²⁰ Сосновский Л.С. Руки прочь от рабочей печати // Правда. 4 окт. 1924. № 226. С. 3.
- ¹²¹ Приезд Л.С. Сосновского // Красный Николаев. 1924. 5 окт. № 1123. С. 5.

- ¹²² *Сосновский Л.С.* Убита ли правда? // Правда. 1924. 8 окт. № 229. С.3; *Он же.* Горе рыцарям обреза // Там же. 9 окт. № 230. С. 5; *Он же.* Убийца и жертва // Там же. 11 окт. № 232. С. 4; *Он же.* Поучительная история одного обреза, или правдивый, чувствительный милиционер // Там же. 15 окт. № 235. С. 4; *Он же.* Незримые пули // Там же. 16 окт. № 236. С. 4 и др.
- ¹²³ *Он же.* Дымовка. М.: Издание газеты «Правда», 1924.
- ¹²⁴ Дело об убийстве селькора Малиновского. Четвертый день процесса // Красный Николаев. 1924. 12 окт. № 1129. С. 2
- ¹²⁵ *Светлов Ал.* Гаденыш // Известия. Москва, 1924. 21 окт. № 241 (2276). С. 3.
- ¹²⁶ Дело об убийстве селькора Малиновского. Четвертый день процесса. С. 2.
- ¹²⁷ Дело об убийстве селькора Малиновского. 14-й день процесса. Вечернее заседание 20 октября. Речь Л.С. Сосновского // Там же. 22 окт. № 1137. С. 3; *Сосновский Л.С.* Дымовка. С. 29.
- ¹²⁸ *Сосновский Л.С.* Обрез // Красный Николаев. 1924. 8 окт. № 1125. С. 1.
- ¹²⁹ Дело об убийстве селькора Малиновского. Третий день процесса. Вечернее заседание 9-го сентября // Там же. 11 окт. № 1128. С. 2.
- ¹³⁰ Дело об убийстве селькора Малиновского. Шестой день процесса // Там же. 14 окт. № 1130. С. 3.
- ¹³¹ Из зала суда // Известия. Одесса, 1924. 14 окт. № 1460. С. 2.
- ¹³² Речь общественного обвинителя М.Л. Киселева // Красный Николаев. 1924. 22 окт. № 1137. С. 4.
- ¹³³ *Сосновский Л.С.* Незримые пули // Правда. 1924. 16 окт. № 236. С. 4; *Он же.* Уроки дымовского процесса // Рабочий корреспондент. 1924. Окт.-нояб. № 10-11. С.22. Ср.: *Курс А.* Чему учит процесс убийц Малиновского // Журналист. 1924. Окт. № 15. С. 7; *Аграновский А.Д.* Дымовщина. Записки журналиста. Харьков, Гос. изд-во Украины, 1925. С. 35-36 и т.п.
- ¹³⁴ *Троцкий Л.Д.* Каленым утюгом // Правда. 1924. 19 окт. № 239. С. 1.
- ¹³⁵ Из зала суда // Известия. Одесса, 1924. 21 окт. № 1466; Дело об убийстве селькора Малиновского. Четырнадцатый день процесса // Красный Николаев. 1924. № 1136. 21 окт. С. 3.
- ¹³⁶ *Городской Я.З.* Боль московская // Бурав. 1924. Нояб. № 10. С. 4.
- ¹³⁷ Да здравствует рабочая журналистика! // Красный Николаев. 1924. 28 дек. № 1193. С. 3.
- ¹³⁸ *Дон-Алекс-Де-Мазутандо* [Мазутный А.]. Как он родился // Бурав. 1925. № 12. С. 5.
- ¹³⁹ Резолюции и постановления XIII съезда РКП(б). С. 50-52.
- ¹⁴⁰ *Капустян А.Т.* Указ. соч. С. 187.
- ¹⁴¹ *Маяковский В.В.* Селькор // Красный перец. 1924. Окт. № 24. С. 2.
- ¹⁴² Демьян Бедный в Николаеве // Красный Николаев. 1924. № 1132. 16 окт. С. 3.
- ¹⁴³ *Демьян Бедный.* Памяти селькора Григория Малиновского // Правда. 1924. № 270. 27 нояб. С. 1.
- ¹⁴⁴ *Бельский Я.М.* Почтовым в Москву // Бурав. 1925. № 1. С. 3.
- ¹⁴⁵ Копия статьи, помещенной в газете «Красный Николаев», о компрометирующих действиях селькора Малиновского и его жены // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р 3316. Оп. 64. Д. 65. Л. 1-4.
- ¹⁴⁶ См. анонс выхода 12-го номера «Бурава» // Красный Николаев. 1924. 28 дек. № 1193. С.4.

- ¹⁴⁷ По поводу дымовского дела // Рабоче-крестьянский корреспондент. 1925. Янв. № 1. С. 68. Партийное разбирательство по претензиям Одесского губкома и Николаевского окружкома к Сосновскому см.: Материалы комиссии при ЦК и ЦКК РКП (б) по проверке фактов убийства селькора Г. Малиновского кулаками // ГАРФ. Ф. Р 374. Оп. 27. Д. 2042.
- ¹⁴⁸ *Квириг Э.И.* Предисловие // Аграновский А.Д. Указ. соч. С. 3-4.
- ¹⁴⁹ *Сталин И.В.* О Дымовке // Он же. Сочинения. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1952. Т. 7. С. 19-24.
- ¹⁵⁰ Убийцы Малиновского расстреляны // Селькор. 1925. № 1. С. 18.
- ¹⁵¹ Постановление ЦК и ЦКК о событиях в Дымовке в связи с убийством селькора Малиновского // Правда. 1925. 6 фев. № 30 (2961). С. 3.
- ¹⁵² Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 586 – 587.
- ¹⁵³ *Лисин И.* Задачи советской печати // Красный Николаев. 1925. 29 марта. № 1267. С. 3.
- ¹⁵⁴ См. об этом: Історія органів прокуратури області // Прокуратура Миколаївської області: Официальный сайт. URL: http://www.myk.gp.gov.ua/ua/dovmat.html?_m=publications&t=rec&id=126056.
- ¹⁵⁵ *Мацкин А.П.* Указ. соч. С. 18.
- ¹⁵⁶ Личное дело сотрудника ТАСС А.П. Мариинского. 1929 – 1933 г.г. // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 18. Д. 2198. Л. 2-3.
- ¹⁵⁷ *Мацкин А.П.* Указ. соч. С. 5.
- ¹⁵⁸ *Бельский Я.М.* За один взгляд на пруд – бумажник, фуражка и часы «Мозера» // Пролетарий. 24 мая. № 116 (532). С. 3; *Он же.* Вокзал // Там же. 8 нояб. № 230 (646). С. 4; *Он же.* Знаменательный поворот. О спичках, мыле, фитилях и ватине // Там же. № 269 (685). 25 нояб. С. 3; *Он же.* Трудовая колония в монастыре (Кураж) // Там же. 1926. 8 авг. № 179 (892). С. 4; *Он же.* Десять пар брюк // Там же. № 181 (894). 11 авг. С. 4; *Он же.* Атаман Семен Заболотный; *Он же.* В царстве лузы // Пламя. 1925. № 9. (29). С. 16-17; *Он же.* Маниак // Рабочий. 1926. 31 марта. № 6. С.8; *Он же.* Уличные дети // Там же. 1926. 30 апр. № 8. С. 14-15 и др.
- ¹⁵⁹ *Я.Б.* [Бельский Я.М.] Цирк, борьба и прочее // Пролетарий. 1925. 26 апр. № 93 (509). С. 4. Ср.: *Бельский Я.М.* Двухдневные страсти, пылавшие под дождем // Там же. 19 сент. № 215 (630). С. 4; *Он же.* Французская борьба // Пламя. 1925. № 15 (35). С. 11-13; *Бельский Я.М.* Рішуча до результата; *Бельский Я.М.* Решительная до результата.
- ¹⁶⁰ *Грасис К.Я.* О цирке и французской борьбе. По поводу заметки тов. Я.Б., «Пролетарий» № 93 // Пролетарий. Харьков, 1925. 7 мая. № 101 (517). С. 4. Ср.: *Я.Б.* [Бельский Я.М.] Еще о цирке и французской борьбе. Ответ тов. Грасису // Там же.
- ¹⁶¹ См.: Журналы // Весь Харьков. 1925. Харьков: Коммунист, 1925. С. 322; Журналы // Весь Харьков. 1926. Харьков: Коммунист, 1926. С. 378.
- ¹⁶² *Клык* [Бельский Я.М.]. Тысячный у порога; *Он же.* Происшествие в поезде // Гаврило. 1925. № 4. С. 3; *Он же.* Классовая линия в квартире // Там же. № 7. С. 2-3; *Он же.* Загадочный незнакомец или ужасы темных переулков // Там же. Сент. № 18. С. 3 и др.
- ¹⁶³ Манифест Гаврилы // Гаврило. 1925. № 1. С. 1; Беспартийные // Там же. № 14. С. 3.
- ¹⁶⁴ Неважная мелочь // Там же. № 8. С. 6.
- ¹⁶⁵ *Смолич Ю.К.* Указ. соч. С. 240; *Мацкин А.П.* Указ. соч. С. 6.
- ¹⁶⁶ *Мацкин А.П.* Указ. соч. С. 6, 15-18.
- ¹⁶⁷ *Радченко А.Ф.* К реорганизации «Пролетария» // Пролетарий. 1926. 6 июля. № 151 (864). С. 1.

- ¹⁶⁸ Личное дело сотрудника ТАСС А.П. Мариинского. Л. 2.
- ¹⁶⁹ Биленкин-Бельский Я.М. Регистрационный бланк члена ВКП (б).
- ¹⁷⁰ *Стыкалин С.И., Кременская И.К.* Указ. соч. С. 333.
- ¹⁷¹ Червоний перець. 1929. Авг. № 15. С. 6.
- ¹⁷² Постановление ЦК КП(б)У про журнал «Червоний Перець» // *Коммуніст*. Харків, 1929. 20 окт. С. 3; *Масенко Т.* Вита Почтовая // *Радуга*. Киев, 1967. № 7. С. 120.
- ¹⁷³ См., напр.: *Сосюра В.Н.* 3 поеми «Війна – війні» // Червоний Перець. 1930. № 5. С. 12; *Остап Вишня*. Караса в...порося // Там же. С. 2 и др.
- ¹⁷⁴ *Бельський Я.М.* Лист славнозвісного індійського поета і філософа Рабіндраната Тагора до його друга письменника Івченка // Червоний перець. 1930. № 5. С. 8.
- ¹⁷⁵ Журнали // *Весь Харків*. Адресно-довідкова книга. Харків: Харкруп, 1930. С. 221.
- ¹⁷⁶ Хороша мова / мал. Я.М. Бельського // Червоний перець. 1929. № 24. С. 9.
- ¹⁷⁷ Журналісти на процесі убійць Малиновського (фотографія) // *Журналіст*. 1924. Окт. № 15. С. 35.
- ¹⁷⁸ *Регинин В.А.* Письмо Бельскому Я.М. от 23 ноября 1927 г. Л. 1.
- ¹⁷⁹ *Бельский Я.М.* Письмо Регинину В.А., б/д. Л.1.
- ¹⁸⁰ Персональное дело Бельского Я.М., 1935–1936 гг. Л. 29, 57 об.
- ¹⁸¹ *Бельский Я.М.* Письмо Регинину В.А., б/д. Л.1.
- ¹⁸² *Мацкин А.П.* Указ. соч. С. 62.
- ¹⁸³ *Бермонт Е.Г.* Письмо Регинину В.А. от 29 февраля 1928 г. // Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). Ф. Р. I. Оп. 24. Д. 503. Л. 40.
- ¹⁸⁴ Есть контакт («Червоному Перцу») // Червоний перець. 1932. Янв. № 1-2. С. 2.
- ¹⁸⁵ Ленинградская карусель // *Чудак*. 1929. Сент. № 36. С. 15; Подписчикам журнала «Чудак» // Там же. 1930. Февр. № 6. С. 94.
- ¹⁸⁶ Цит. по: *Фрадкин В.А.* Указ. соч. С. 142-143.
- ¹⁸⁷ См. об этом: *Парсамов Ю.В., Фельдман Д.М.* Грани скандала: цикл новелл И. Бабеля «Конармия» в литературно-политическом контексте 1920-х годов // *Вопросы литературы*. 2011. № 6. С. 23-38.
- ¹⁸⁸ *Ленч Л.С.* Это было. М.: Правда, 1988. С. 15-16; «...Такое полезное, нужное и в то же время веселое дело...»: Устные воспоминания В. Ардова и М. Вольпина о сотрудничестве с сатирическими журналами в 20-е годы XX века // *Вопросы литературы*. 2012. № 2. С. 220; *Рыклин Г.Е.* Как создавалась «Литературная отмычка» // *Сборник воспоминаний об И. Ильфе и Е. Петрове*. М.: Сов. писатель, 1963. С. 145; *Абрамский И.П.* У «крокодилий» колыбели // Москва. 1963. № 7. С. 191–192.
- ¹⁸⁹ См., напр.: *Мануильский Д.З.* Письмо в Политбюро ЦК КП(б)У по поводу позиции тов. Скрыпника от 14.07. 1927 г. // РГАСПИ. Ф 523 (Д.З. Мануильский). Оп. 1. Д. 106.
- ¹⁹⁰ Биографические данные И.П. Абрамского и Л.Д. Митницкого см.: Анкеты на членов Мосгоркома писателей, 1935 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 59. Л. 4а; Д. 60. Л. 21.
- ¹⁹¹ *Сталин И.В.* Против опошления лозунга самокритики // *Сталин И.В. Сочинения*. Т. 11. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 127–138; *Он же*. О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // *Сталин И.В. Сочинения*. Т. 13. М., 1951. С. 101.
- ¹⁹² *Манифест* // *Крокодил*. Юбилейный спецвыпуск. 1932. № 15-16. С. 13.
- ¹⁹³ *Скорородов Г.А.* Сатирическая журналистика («Крокодил», «Лапоть», «Смехач», «Чудак») // *Очерки истории русской советской журналистики*. М.: Наука, 1968. С. 469.
- ¹⁹⁴ *Муратова К.Д.* Указ. соч. С. 137. № 761; *Осипов Д.* Оформление транспорта в Москве к XV годовщине Октября // Бюллетень Центральной художественной комиссии при

- Моссовете по оформлению Москвы к 15-летию Октябрьской революции. М., 1932. № 2. 26 окт. С. 3-4; *Абрамский И.П.* Смех сильных. С. 11-13, 19, 20-21; *Он же.* Долгожитель с вилами наперевес // *Абрамский И.П.*, Ефимов Б.Е. Секрет долголетия. М.: Правда, 1978. С.61; *Абрамский И.П.* У «крокодилий» колыбели. С. 192.
- ¹⁹⁵ Смета по работе в журнале «Крокодил», составленная редактором М.З. Мануильским на 1933 г. // РГАЛИ. Ф. 600. Оп. 2. Д. 66. Л. 2-3. Ср.: «Понятие о сатире я имею более твердое...» (Письма М.М. Зощенко – М.З. Мануильскому) / публ. С.В. Зыковой // *Встречи с прошлым.* М., 1988. Вып. 6. С. 204-213.
- ¹⁹⁶ *Олеша Ю.К.* Гулливер. С запиской заместителю редактора «Крокодила» Я.М. Бельскому // РГАЛИ. Ф. 600. Оп. 2. Д. 24. Л. 1; *Зубило* [Ю.К. Олеша]. Гулливер // *Крокодил.* Юбилейный спецвыпуск. С. 5.
- ¹⁹⁷ *Венский Е.* [Пяткин Е.О.] Письмо Мануильскому М.З. и Бельскому Я.М. август. 1932 г. // РГАЛИ. Ф. 600. Оп. 3. Д. 213. Л.1; *Он же.* Письмо Мануильскому М.З. и Бельскому Я.М. от 23.12.1933 г. // Там же. Д. 11. Л. 1.
- ¹⁹⁸ *Бельский Я.М.* Записка Абрамскому И.П. // Там же. Оп 2. Д. 16. Л.1.
- ¹⁹⁹ *Митницкий Л.Д.* Письмо Мануильскому М.З. от 19 апреля 1932 г. Л. 1 об.
- ²⁰⁰ *Мануильский М.З., Бельский Я.М., Дорофеев С., Митницкий Л.Д., Абрамский И.П.* Сатира на социалистической стройке. Слово имеет «Крокодил» // *Журналист.* 1932. № 6. С. 10-11.
- ²⁰¹ *Митницкий Л.Д.* Письмо Мануильскому М.З. от 19 апреля 1932 г. Л. 1 об.
- ²⁰² *Я.Б.* [Бельский Я.М.] Крокодильский корабль. С.10.
- ²⁰³ *Абрамский И.П.* Долгожитель с вилами наперевес. С. 25.
- ²⁰⁴ *Бельский Я.М.* Рассказы. Эпиграммы на неустановленных лиц // РГАЛИ. Ф. 600. Оп. 2. Д. 8. Л. 12; «...Такое полезное, нужное и в то же время веселое дело...». С. 216, 217.
- ²⁰⁵ *Бельский Я.М.* Шепетовские темпы // *Крокодил.* 1931. Янв. № 1. С. 6; *Он же.* У него «этого» нет... // Там же. Янв. № 2. С. 2; *Он же.* Сказка магнитной горы // Там же. Февр. № 4. С. 2; *Катаев В.П., Бельский Я.М.* Кстаги, о «свободном» труде // Там же. Март. № 7-8. С. 8-9; *Ив. Бочков* [Бельский Я.М.]. Лозунг и кооперация // Там же. Апр. № 11. С. 3; *Бельский Я.М.* Письмо кузьминичским колхозникам // Там же. Апр. № 12. С. 3; *Он же.* Новое в старом // Там же. Авг. № 23-24. С. 7; *Он же.* Перелет // Там же. Ноябрь. №33. С. 10 и др.
- ²⁰⁶ См.: *Он же.* Рассказы. Эпиграммы на неустановленных лиц.
- ²⁰⁷ *Он же.* Б.Г. Самсонов (Некролог) // *Вечерняя Москва.* 1933. 22 июля. № 166 (2896). С. 3.
- ²⁰⁸ *Ив. Бочков* [Бельский Я.М.]. Бывает // *Крокодил.* 1931. Июнь. № 16. С. 9.
- ²⁰⁹ *Он же.* Бывает [Часть II] // *Он же.* Рассказы. Эпиграммы на неустановленных лиц. Л. 7-8.
- ²¹⁰ См. об этом: *Борейко В.Е.* Аскания Нова: тяжкие версты истории. Киев: Киев. экол.-культ. центр, 2001. С. 56 – 78.
- ²¹¹ *Я.Б.* [Бельский Я.М.] Внучка и бизоны // *Крокодил.* 1933. Сент. № 27. С. 7.
- ²¹² *Иванов М.Ф.* Наука должна освещать путь производству. URL: <http://lysenkoism.narod.ru/mfi-ndo1935.htm>
- ²¹³ *Я.Б.* [Бельский Я.М.] Крокодильский корабль // *Крокодил.* Юбилейный спецвыпуск. С.10-11.
- ²¹⁴ *Он же.* Антонов огонь // 30 дней. 1934. № 9. С. 68 – 71; *Бельский Я.М., Гранов В.И.* Шестой запасный // Сборник клубной сцены. М.: Профиздат, 1934. С. 29–55; *Бельский Я.М., Александров А.* [Регинин В.А.] Поцелуй в диафрагму; Письмо нар-

- суда Бельскому о прекращении дела по иску Одесской кинофабрики к Бельскому Я.М. и Регинину В.А. 1 марта 1933 г. // РГАЛИ. Ф. 1433. Оп. 3. Д. 309. 2 л. Описание одного из сценариев «Кинокродила» см.: Кинорепертуар. М., 1933. № 2. С. 11.
- ²¹⁵ Митницкий Л.Д. Капитаны улыбок. С. 20; *Он же*. Письмо Мануильскому М.З. от 19 апреля 1932 г. Л. 1-2.
- ²¹⁶ Катаев П.В. Указ. соч. С. 34, 155.
- ²¹⁷ Катаев В.П. Аркадий Бухов // Вопросы литературы. 1967. № 8. С. 235; Ардов В.Е. <Заявление в КГБ при Совете Министров СССР от 7.03.1955 г. по вопросу реабилитации А.С. Бухова> // Уголовное дело Бухова А.С., 1937 г. Л. 222; Ленч Л.С. Юморист до мозга костей // Бухов А.С. Жуки на булавах. М.: Эксмо, 2005. С. 664.
- ²¹⁸ Уголовное дело Бухова А.С., 1937 г. Л. 54.
- ²¹⁹ Новоселов Д.С. «Все мое несчастье в том, что я рано начал работать и печататься...»: Документы о судьбе художника К.П. Ротова (1943–1944) // Русский сборник: Исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2007. Т. IV. С. 208; Ленч Л. Аркадий Бухов в «Крокодиле» (из воспоминаний) // Вопросы литературы. 1990. № 9. С. 263.
- ²²⁰ Роман Р. Сатира на стройке // Крокодил. 1932. Январь. № 3. С. 4.
- ²²¹ Бухов А.С. Лавочка смеха // Там же. Юбилейный спецвыпуск. С. 7.
- ²²² Смета по работе в журнале «Крокодил», составленная редактором М.З. Мануильским на 1933 г. Л. 2.
- ²²³ Уголовное дело Бухова А.С., 1937 г. Л. 46; Бухов А.С. Лавочка смеха. С. 7.
- ²²⁴ Уголовное дело Бухова А.С., 1937 г. Л.62-63; 109-111; 120, 195, 68-69, 47-48, 112.
- ²²⁵ «...Такое полезное, нужное и в то же время веселое дело...». С. 217-218.
- ²²⁶ Катаев П.В. Указ. соч. С. 34, 155.
- ²²⁷ Уголовное дело Бухова А.С., 1937 г. Л. 118-119.
- ²²⁸ Рыклин Г.Е. Указ. соч. С. 145. Ср.: Вихрев А.Е. «Крокодил» на Магнитке // Каменный пояс: Литературно-художественный и общественно-политический сборник. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1979. С.261.
- ²²⁹ О награждении журнала «Крокодил» орденом Ленина // ГАРФ. Ф. Р 3316. Оп. 25. Д. 255. Л. 1 – 4.
- ²³⁰ См.: Крокодил. 1933. № 25. Сент. С. 1.
- ²³¹ Бельский Я.М. Как мы летали // Крокодил. 1933. Спецвыпуск «Крокодил – авиации». С. 10-11.
- ²³² Абрамский И.П. Смех сильных. С. 14-15.
- ²³³ Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 8 октября 1933 г. // РГАСПИ. Ф. 17, оп. 114, д. 365. Л. 3.
- ²³⁴ Абрамский И.П. Долгожитель с вилами наперевес. С. 63.
- ²³⁵ Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 7 марта 1934 г. // РГАСПИ. Ф.17, оп. 114, д. 558. С. 5.
- ²³⁶ То же от 21 марта 1934 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114, д. 559. Л. 5.
- ²³⁷ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 марта 1934 г. // Там же. Оп. 3. Д. 942. Л. 21.
- ²³⁸ Бельский Я.М. Легенда седых вершин // Крокодил. 1934. № 5. Февр. С. 13; *Он же*. В поисках опоры // Там же. № 6. Февр. С. 5; *Он же*. Полярная сказка // Там же. № 7. Март. С. 12-13; *Он же*. Клад Ивана Грозного. 4-е приключение Паши Букетова // Там же. № 9. Март. С. 8.
- ²³⁹ Анкеты на членов Мосгоркома писателей, 1935 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 59. Л. 4а; Д. 60. Л. 21.

- ²⁴⁰ Кольцов М.Е. Как мы это делаем // Огонек. 1934. 19 июня. №16 (502). С. 5-7.
- ²⁴¹ Уголовное дело Бухова А.С., 1937 г. Л. 196-198.
- ²⁴² Ефимов Б.Е. Мой век. М.: Аграф, 1998. С. 170 – 171.
- ²⁴³ Ленч Л.С. Это было. С. 20.
- ²⁴⁴ Уголовное дело Бухова А.С., 1937 г. Л. 134-136.
- ²⁴⁵ См., напр., Бельский Я.М. Б.Г. Самсонов (некролог); Бельский Я.М., Бродаты Л.Г., Вольпин М.Д. Слушали – постановили... // Там же. 28 августа. № 196 (2926). С. 3.
- ²⁴⁶ Бельский Я.М. Жестокость // Вечерняя Москва. 26 сент. № 222 (3551). С. 2; Он же. Шахматный циклон // Там же. 1935. 11 марта. № 58 (3387). С. 3; Ср.: Катаев В.П., Бельский Я.М. Красное и голубое // Там же. 4 июля. № 152 (3481). С. 3. См. также: Бельский Я.М. Две победы Вальдмана // Там же. 1934. 8 авг. № 181 (3210). С. 2; Он же. День жалоб в бюро // Там же. 1934. 15 сент. № 213 (3242). С. 2; Он же. Способный председатель // Там же. 1935. 9 февр. № 33 (3362). С. 2; Он же. Человек и справка // Там же. 10 февр. № 34 (3363). С. 3; Он же. Последний день // Там же. 15 марта. № 61 (3390). С. 3; Он же. Неудачная фамилия // Там же. 21 марта. № 66 (3395). С. 2; Он же. Наш читатель // Там же. 5 апр. № 79 (3408). С. 3; Он же. Всем гражданам // Там же. 9 июля. № 156 (3489). С. 2; Он же. Приключения Жюль-Верна в Детгизе // Там же. 2 авг. № 176 (3505). С. 3; Он же. «За недоказанностью обвинения» // Там же. 11 авг. № 184 (3543). С. 2; Он же. Забытые вещи // Там же. 22 авг. № 193 (3522). С. 2; Он же. Заместитель невидимки // Там же. 4 сент. № 204 (3533). С. 2; Он же. Жажда деятельности // Там же. 20 дек. № 291 (3620). С. 2 и др.
- ²⁴⁷ Бельский Я.М. [Подписи к фотографиям] // СССР на стройке. 1935. № 7. С. 3; Бельский Я.М., Гольдфайл Л.Г. [Передовая статья] // Там же. 1936. № 1. С. 3; Лаврентьев А.Н. Фотография в журнале «СССР на стройке» // СССР на стройке: Иллюстрированное издание нового типа. М.: Агей Томеш, 2011. С. 7; Уголовное дело Глушкова М.А., 1936 г. Л. 21.
- ²⁴⁸ Бельский Я.М. Приказ императора // 30 дней. 1935. № 7. С. 29-31; Он же. Решительная до результата; Он же. Американское наследство.
- ²⁴⁹ Вечер памяти Багрицкого // Литературная газета. 1933. 4 марта. № 26 (341). С. 4.
- ²⁵⁰ Ср.: Тарловский М.А. Памяти Багрицкого // Он же. Молчаливый полет. М.: Водолей Publishers, 2009. С. 538.
- ²⁵¹ Асеев Н.Н., Брик О.М., Кирсанов С.И. Альманах памяти Багрицкого // Литературная газета. 1933. 18 февр. № 19 (334). С. 2.
- ²⁵² Зелинский К.Л. К характеристике Багрицкого как поэта и человека // Эдуард Багрицкий. Альманах. С. 24.
- ²⁵³ Мирский Д.П. Творческий путь Эдуарда Багрицкого // Там же. С. 23; Олеша Ю.К. Личность и творчество // Там же. С. 170; Сулков А.А. Солдат пролетарской армии // Там же. С. 338; Селивановский А.П. Сила жизни // Там же. С. 158; Сельвинский И.Л. 12 часов 1 минута 16 февраля 1934 года // Там же. С. 384.
- ²⁵⁴ Олеша Ю.К. Личность и творчество. С. 165; Шведов Я.З. Белая бойцовская // Там же. С. 312, 314; Толчанов И.М. Таким я знал его // Там же. С. 324-326, 329; Зенкевич М.А. В углу за аквариумами // Там же. С. 299; Тарловский М.А. Багрицкий и животный мир // Там же. С. 228.
- ²⁵⁵ Спивак М.Л. Эдуард Багрицкий. Предварительные заметки // Она же. Мозг отправьте по адресу... С. 459.
- ²⁵⁶ Бельский Я.М. В стране искусственных озер // Вечерняя Москва. 1934. 2 окт. № 227 (3256). С. 2

- ²⁵⁷ Багрицкая Л.Г. Письмо Федулову К.М. от 30 июня 1968 г. // РГАЛИ. Ф. 1399. Оп. 2. Д. 103. Л. 1.
- ²⁵⁸ Цит. по: *Сивак М.Л.* Эдуард Багрицкий. Предварительные заметки. С. 459.
- ²⁵⁹ См., напр.: *Гехт С.Г.* Истрастрой // *Вечерняя Москва*. 1932. 6 июня. № 155. (2582); С. 2; *Он же.* Плотины на Волге // Там же. 1933. 22 нояб. № 267 (2997). С. 2.
- ²⁶⁰ *Бельский Я.М.* Москваволгострой // *Вечерняя Москва*. 1935. 11 февр. № 35 (3364). С. 2. См. также: *Он же.* Теория и практика // Там же. 11 нояб. № 259 (3587). С. 2; *Он же.* На канале Москва–Волга // Там же. 15 окт. № 238 (3567). С. 2; № 254 (3583). 3 нояб. С. 2. и др.
- ²⁶¹ Уголовное дело М.А. Дейча, 1937 г. Л. 116-118; Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 653-654.
- ²⁶² Персональное дело Дейча М.А.; Об И.Э. Южном см: *Капчинский О.И.* Мишка Япончик и другие. С. 398-399.
- ²⁶³ *Ильинский М.М.* Нарком Ягода. М.: «Яуза»; «Эксмо», 2005. С. 504.
- ²⁶⁴ Дейч М.А. Регистрационный бланк члена ВКП (б); Ср.: Внеочередной объединенный пленум МОК и МКК ВКП (б) и 1-я московская городская партконференция // *Известия*. 1931. 27 февр. № 57 (4264). С. 2.
- ²⁶⁵ Персональное дело Дейча М.А.; Персональное дело Бельского Я.М., 1935–1936 гг. Л. 29, 25-27.
- ²⁶⁶ *Давыдова Н.Л.* Полгода в заключении: Дневник, 1920–1921. Берлин, 1923. С. 49, 51, 64 и др.
- ²⁶⁷ Персональное дело Бельского Я.М., 1935–1936 гг. Л. 25-27.
- ²⁶⁸ Уголовное дело Дейча М.А., 1937 г. Т. 1. Л. 24, 25.
- ²⁶⁹ Я.Б. [Бельский Я.М.] Крокодильский корабль. С.11; *Абрамский И.П.* Смех сильных. С. 296; «...Такое полезное, нужное и в то же время веселое дело...». С. 220-221. Ср: *Гордон Н.П.* В «Чудаке» и в Жургазе... // *Вопросы литературы*. 1987. № 11. С. 190; Уголовное дело Бухова А.С., 1937 г.
- ²⁷⁰ Уголовное дело Глушкова М.А., 1936 г. Л. 21, 10-11, 12, 15-17, 22.
- ²⁷¹ См.: *Гехт С.Г.* Караван идет к Белому морю. Канал и каналаармейцы // *Вечерняя Москва*. 5 июня. 1933. № 127 (2857). С. 2; 10 июня. № 131 (2861). С. 2; *Он же.* Многие воды // Там же. 19332 сент. № 201 (2931). С. 2; 9 сент. № 207 (2937). С. 2; 26 сентября. № 221 (2951). С. 2; 5 окт. № 229 (2959). С. 2 и др. *Бельский Я.М.* Пиндущская судоверфь // Там же. 1936. 21 авг. № 192 (3822). С. 2; *Он же.* Американец, отель, меха на Беломорско-Балтийском канале // Там же. 2 сент. № 202 (3832). С. 2.
- ²⁷² *Авдеенко А.О.* Отлучение // *Знамя*. 1989. № 3. С. 55 – 71.
- ²⁷³ *Он же.* Заказ принят // *Вечерняя Москва*. 1936. 8 окт. № 232 (3862). С. 2.
- ²⁷⁴ Уголовное дело Бельского-Биленкина Я.М., 1937 г. Л. 8, 9.
- ²⁷⁵ См. рубрику «В шутку и всерьез»: *Вечерняя Москва*. 1936. 17 дек. № 289 (3919). С. 3; 1937. 5 янв. № 4 (3935). С. 3; 11 янв. № 9 (3940). С. 3; 5 февр. № 29 (3960). С. 3; 31 марта. № 73 (4004). С. 3; 11 апр. № 83 (4014). С. 3; 23 апр. № 93 (4024). С. 3; 17 мая. № 111 (4042). С. 3; 29 мая. № 121 (4052). С. 3 и др. Советский народ единодушно требует расстрела кровавых фашистских псов // *Вечерняя Москва*. 1937. 27 янв. № 21 (3952). С. 2; *Смерть предателям Родины* // Там же. 28 янв. № 22 (3953). С. 2.
- ²⁷⁶ См.: *Зинько Ф.З.* Указ. соч. С. 13; Учетные карточки коммунистов, 1921 г. Л. 35.
- ²⁷⁷ Уголовное дело Бельского-Биленкина Я.М., 1937 г. Л. 23-24; Уголовное дело Дейча М.А., 1937 г. Т.1. Л. 102.
- ²⁷⁸ *Бельский Я.М.* Покорение Северного полюса [рисунок]; *Изошутка* // *Вечерняя Москва*. 1937. 20 июня. № 139 (4070). С. 2.

- ²⁷⁹ Мацкин А.П. Указ. соч. С. 18.
- ²⁸⁰ Рапорт Божова см.: Уголовное дело Бельского-Биленкина Я.М., 1937 г. Л. 4. Ср.: Уголовное дело Глушкова М.А., 1936 г. Л. 24.
- ²⁸¹ Персональное дело Бельского Я.М., 1935–1936 гг. Л. 57 об.; Протокол обыска и квитанции о приеме вещей см.: Уголовное дело Бельского-Биленкина Я.М., 1937 г. Л. 5-7.
- ²⁸² Выписку из показаний Я.Н. Дробниса см.: Уголовное дело Бельского-Биленкина Я.М., 1937 г. Л. 1. Ср.: Там же. Л. 20.
- ²⁸³ Там же. Л. 10.
- ²⁸⁴ Уголовное дело Бухова А.С., 1937 г. Л. 195–196.
- ²⁸⁵ Сталин И.В. Письмо Кагановичу Л.М. [Не позднее 15 июля 1932 г.] // Сталин и Каганович. Переписка. М.: РОССПЭН, 2001. С. 225.
- ²⁸⁶ Уголовное дело Бельского-Биленкина Я.М., 1937 г. Л. 38, 10, 18, 23, 17; Уголовное дело Бухова А.С., 1937 г. Л. 111, 119, 183, 62, 51, 112-113, 120, 157.
- ²⁸⁷ Уголовное дело Бельского-Биленкина Я.М., 1937 г. Л. 23, 16-17; Уголовное дело Дейча М.А., 1937 г. Т.1. Л. 16, 101-102, 103-105, 109-110; Т. 2. Л. 48.
- ²⁸⁸ Уголовное дело Бельского-Биленкина Я.М., 1937 г. Л. 14-15, 24, 22.
- ²⁸⁹ Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР, от 1 ноября 1937 г. // Архив Президента Российской Федерации. Оп. 24. Д. 412. Л. 137. URL: <http://stalin.memo.ru/spiski/pg04137.htm>
- ²⁹⁰ Уголовное дело Бухова А.С., 1937 г. Л. 216-217; Уголовное дело Дейча М.А., 1937 г. Т. 1. Л. 108.
- ²⁹¹ См. об этом: Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв политических репрессий. / Сост. М.Б. Рогачев. Сыктывкар, 2007. Т. 7. Ч. 2. С. 340.
- ²⁹² Протокол судебного заседания см.: Уголовное дело Бельского-Биленкина Я.М., 1937 г. Л. 31. Текст обвинительного заключения см.: Там же. Л. 26-29; Текст приговора см.: Там же. Л. 32-32 об. Справку о приведении приговора в исполнение см.: Там же. Л. 33. Ср.: Расстрельные списки. Москва 1935–1953 гг. Донское кладбище [Донской крематорий]. М.: Общество «Мемориал»; Изд-во «Звенья», 2005. С. 46. О Глушкове см.: Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/index4.htm> Документы по пересмотру дел см.: Уголовное дело Бельского-Биленкина Я.М., 1937 г. Л. 35-38. Ср.: Уголовное дело Глушкова М.А., 1936 г. Л. 6/н.
- ²⁹³ «...Такое полезное, нужное и в то же время веселое дело...». С. 203-204.
- ²⁹⁴ Катаев П.В. Указ. соч. С. 34; Он же. Указ. соч. Интернет-версия. URL: http://samlib.ru/k/kataew_p_w/doktorwelel.shtml
- ²⁹⁵ Цит. по: Галанов Б.Е. Указ. соч. С. 314.
- ²⁹⁶ См., напр., Мершавка В., Орлов В. Мертвая душа: образ Жоржа Бенгальского в романе «Мастер и Маргарита». Часть пятая. «Горючка» // MERSHAVKA.RU. URL: http://mershavka.ru/articles/obraz_zhorzha_bengalskogo_5; Огрызко В.В. Законченный циник, но дьявольски талантлив: Валентин Катаев // Литературная Россия. 2014. 31 янв. URL: <http://www.litrossia.ru/2014/05/08611.html>
- ²⁹⁷ Луцки С.З. Указ. соч. С. 110.
- ²⁹⁸ Мацкин А.П. Указ. соч. С. 18.

Яков БЕЛЬСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ БЕЗ ЕЛКИ

«Древний наш род... – говорил Васька остальной шати. – От самого Рождества Христова до сегодняшнего дня про нас пишут и говорят. Каждый год в газете: в этот самый день, есть такое окно, трещит мороз, звезды блещут, в окне елка и буржуи кругом, а наш брат, беспризорный, под им тихо замерзает».

Взяв у 8-летнего Сашки бычок и втянул худые ноги в то, что некогда называлось скверными остатками низкосортных брюк (а ныне об этом догадаться было нельзя) Васька, 14-летний «зверь», продолжал:

– Тихо, значит, замерзает и плачет себе от досады, что подшамать нельзя и покурить. Теперя времена не те, не видать уже ни елки, ни буржуйских детей вокруг, а только наш брат остался. Вот об ем и пишут в газетах. Чтoб не холод такой – прям почет и никаких двадцать. А ты, Катька, уже весь бурбон сшамала.

И, прыгнув, как Чарли Чаплин в картине «Женюсь», Васька овладел зашлюнявленной коркой.

– Вот об ем и пишут в газетах.

Мороз все крепчал и крепчал.

Под гнилым деревянным прилавком базара Васька доходил до высшей точки рассказа.

– И иду, и вижу двор, и тепло, как летом на берегу реки, а посреди старик с большой седой бородой ходит; я ему по-нашимски: “дядь, а дядь, дай ку-у-усочек хлеба...”

Он за хлебом, а я цап рубаху с каната, и в ворота, и прямо на чудачку...

Сашка сплюнул в сторону, через зубы – тцыкнул, а Катька вздрогнула. Васька нарочито почесывался, чтоб на нервах поиграть...

– Ну а дальше?..

– Ну, значит, на чудачку наскочил, а там...

Иллюстрация к рассказу
«Рождественское без елки»

Кончить не пришлось. Кто-то злобно стучал палкой по лавке и приговаривал:

– Я вам покажу, шантрапа, белье красть...
Юркнули в дырку Васька, Сашка, Катька и исчезли.

Вот об ем и пишут в газетах.

(Красный Николаев. 1923. 25 декабря. № 890. С. 3).

ПЕРЕКАТЫ

(Из повести)

В Верблюжке неладно

Очень уж быстро все это вышло.

Был царь, урядник, писарь и вдруг всего этого не стало.

Микешка Хитрук, которого все знают, приехал с фронта и фертом по деревне ходит.

Когда на позицию гнали, как теленок выл, а теперь бога и апостолов на всю улицу хулит, в отца, веру и мать.

Как приехал, собрал сход и спустя полчаса в большой колокол тарабанил от души. Мужикам сказал, что уже не сход называется, а «митькинг», и что теперь «слобода» и царя нет.

Раз нет царя, хлопцы старосте повыбивали зубы, напились пьяными и вместе с «дизентрирами» попадью за титьки к реке поволокли и там надругались над ней хлюстом.

Поп повесился.

Тетка Килина причитывала под забором и вещала конец света. Куды там...

Больно крепко строили помещики, чтоб от какого-нибудь Микешкиного приезда все прахом пошло.

Скоро поговаривать стали, что на Дону генералы собрались и идут на Украину революцию душить.

Иллюстрация к повести «Перекаты»

А когда первым весенним ветром потянуло и из-под снега вылезала бурая верблюжская земля, немец пришел.

Уже дядьки подсчитали, по суковатым пальцам, сколько озимых снимать будут, а тут заговорили, что немчура все заберет и с гетьманом поделит пополам.

Микешка лазил ночами по хатам и говорил дядькам, чтоб ховали зерно, если что...

После масленой его схапали и повесили, а на грудь прицепили досточку с надписью «бальсовик».

Батька ночью хотел его со столба снять, чтоб по-христиански похоронить, а австрийский часовой его самого из винта хлопнул.

Один висел, с вылупившимися глазами, а другой снизу лежал с пробитой головой и собаки кусок носа и оба уха отъели.

Приехал в деревню помещик Собакин и стал по хатам свое имущество искать.

Сам на лошади, а за ним жандармов взвод. У кого что найдут, тому амба.

За три дня народу тьму погубили, кроме «ликвизированного», мужицкого много позабирали и уехали. Поминай и только.

«Це влада не наша, – заговорили дядьки, – на тоби... Казалы шо слобода, а дають кузькину мать, та вишають ще. Большаки хлиба узялы, хочь землю помещью и вентарь витдали, а вони беруть и людей убивають».

И пошло. Стали уходить кучами из Верблюжки, куда попало.

Понарезали из ружей «куцаков», понабивали в карманы патронов и пошли под Вознесенск, до Урсулова Никифора Ивановича. «Вин усе разумие, рас-толкуе и скажет, як робить. Мабуть повстання треба, а мабуть просто бытсья.

У Киещини батько Петлюра гетьмана и нимцев бье, а мы тут сидымо. Треба туда, щоб съединиться. Урсулов поведет».

И потянулись к нему, под Вознесенск, одиночками, по двое и кучками. Кто как мог. Один с куцаком, другой с «сашкой», третий с пулеметным замком.

Конно, пеше, днем и ночью пер молодняк под Вознесенск, а дядьки сидели по хатам и гадали:

«Чи вдарять по нимцу, чи ни? Чи вернется Ванька, чи пропала добра коняка?»

Никифор Урсулов

Был Урсулов учителем и землю пахал.

Как с фронта приехал, унтерские погоны и крест под старую «Ниву» пхнул, переоделся в вольную и стал первым человеком на селе.

Он тебе и комиссар, и председатель, и «ликвизирует», и выдает, приказы пишет и, что с городу прибывает, читает.

Покроет крутой козацкой спиной полстола, нагнет голову к бумагам и только видать, как поворачиваются усы направо и налево.

А народ к нему по каждому пустяку прет. На полу, по окнам сидят. Лузгают семечки и курят махру полным ходом.

Но уж коли до стола доберутся и до шеи долезут, как двинет Никифор Иванович международным расейским матом, аж стекла зазвенят.

Отойдут и только. Чтоб обидеться, никому и в голову не придет...

«Хиба не с нашего хохлацького сословия вин» – и все разговоры.

А Урсулов твердо забил себе в голову советскую власть.

Одна она и никаких двадцать.

На митингах бубнит сиплым и могучим басом:

«Народу потрібна тилько радянська влада, бо вин сам соби хозяин, а ни якого меньшука, та Милюка, чи як его, не треба и так далее, а кто не разумие, тот дурень тай годи. Все чулы?»

«Чулы, чулы...»

«Ну и по хатам...»

Когда помещики с немцами пришли, нашли у Урсулова во дворе маслобойку из экономии; хату спалили, а самому ему горячих всыпали.

Поселился Никифор Иванович с женой у соседа, а народ по-прежнему к нему гурьбой ходит.

Подметили, разузнали все немцы, от кулаков понаслышались и пришли его ночью арестовывать.

Прыгнул Урсулов в окно, достал из-под стога «куцак», а как был немного на взводе, решил: была не была, и открыл огонь.

Пошла по деревне суета, крик.

«Урсула нимцы вишають. Убьют его, тоди мы пропали».

Загрохотали обрезы, зазвенели ржавые «сашки» и вся деревня пошла ходором, превратившись в кромешный ад.

На рассвете к немцам подошло подкрепление. Застрелали пулеметы, забухали снаряды и занялась деревня со всех четырех сторон.

Через день пойманные висели вниз головой, а от села остались кучи тлевших головешек.

Партизаны

Возле яра Урсулов давал назначения.

«Ты, Сидорук, как не пьюща и не гуляща скотына, назначаешься главным каптенармусом. Мусишь купить соби печать и писать квитки на право реквизирувания, арестов и обысков...»

«Ты, Клуня, як гусар будешь старшина над киннотой, но як конив не мае, визьмешь квитку в Сидорука и ликвируешь у жида, коло часовни, что по дорози у мисто...»

«Ты, Гарбуня.... Що з им делать, с Гарбуней, вин много спыть?»

«Нехай буде постоянным дневальным...»

«Дневальным, добре, а Слива, як дуже гарно завинчиває на грамошке. То вин нехай гранизує оркестр. Без цей штуки ни яке воинство немислимо».

А потом утряслось, поулеглось и образовалось у Урсулова поболее тысячи народу в отряде. Писарь говорит, что целых три.

Днем отряд спит по селам, а ночью двигается. То на север под Голту, а то на юг, под самую Одессу подбирается.

Уже немцев и гетмана давно французы с греками заменили, а Григорьева шантрапа их в море погнала.

Где-то за Харьковом Красная армия, что за советы дерется. К ней лежит сердце Никифора Урсулова.

На юге офицеры-золотопогонники «бьются», щоб опять як при Николке було, на западе Петлюра, «а скризь, коло Гуляй-Поля, батько Махно».

Урсулов вкатил свои здоровенные плечи в новый защитный китель, изпод которого стыдливо подмигивали его полосатые, домотканые, мужицкие брюки.

В районе Бирзулы Петлюра отбил у Урсулова обоз, и хлопцы признали среди гайдамаков своих земляков.

«Тих бей, этих бей, усих бей – на що нам це дило. Так кинця николы не буде. Треба казати Никифору Ивановичу, щоб годи...»

По отряду бродили махновские ребята и, напялив в июле месяце на голову бараньи папахи, на широкие костистые спины – мохнатые бурки, кричали, что Россию загубили жида и коммунисты и, ругая все на свете в бога и в мать, звали резать подряд: жидов, попов, офицеров и студентов.

На стоянках они притаскивали самогон, играли на гармошках и пели похабные песни. А хлопцы, разиня рты и выставив прокуренные махоркой, пенковые зубы, слушали и захлебывались от такой невиданной удали.

Когда под Ново-Украинкой Урсулов встретился с Махно, больше двухсот хлопцев перебежало к батьке, с папахами.

Как грохнул батька ночью из пулеметов, в отряде сразу паника началась. Урсулов сам впереди, с маленьким отрядом из ручных пулеметов усиленно отбивается.

Пишет Урсулов Махну: «Хиба ты забыл, як мы с тобой в одной школе учились и добру не научились. Я – за советы, а ты за что? Не трогай мой отряд. Будем лучше драться удвох».

Пленный махновец отвозит батьке письмо.

И будто на зло пуще прежнего понесли в атаку черные призраки на лошадях. Рубят, стреляют и бьют чем и почем попало.

Если б не тьма, никто из урсуловских не ушел бы от дьявола.

А батько Урсулу ничего не ответил.

Встреча

Проходят дни и месяцы. У Урсула в отряде порядок, а махнова банда гниет.

Перешлепали под забором всех бунтарей в бараньих папахах, в отряде и тихо стало.

Больше нет пеших – все верхом и на тачанках.

Урсулов знает, что у «тех» все кончено.

Добровольцы катятся кроваво-пьяной гурьбой через деревни и местечки на юг, к морю.

Уже недолго ждать, самое тяжелое позади. Еще месяц, не больше, и красные доберутся до Юга.

Впереди всех бегут белые, позади несется наутек Махно и сам офицерам в спину бьет.

Черт его разберет, что за каша, а Урсулов знает свое: «Радянська влада – це наша, а кто не разумие, тот дурень...»

Стал Никифор Иванович на дороге. Ждет. Силы бережет – пусть батько подберется.

Больше записок не надо писать, теперь можно огнем поговорить.

Верхом и на тачанках, запряженных кровными лошадьми, в огромных папахах с черно-красными лентами несутся махновцы.

На тачанках спереди красным написано «х... возьмишь», а сзади – «х... догонишь».

А когда ночью махновцы стали в деревне на отдых и начали пьяные девок из хат таскать для позора, Урсул тихо окружил их со всех сторон.

Одну дыру будто оставил, а чуть подальше поблескивают во мраке каленые стволы пулеметов. На этот раз ударили на совесть.

Не знают махновцы, кто напал и сколько их.

Пробуют направо – беда, налево – тоже, и метнулись в проход, где стояли пулеметные тачанки.

«Сыдидь в тылу, Никифор Иванович, – говорят хлопцы, – мы вас соттуда тоже добре слушаем...»

«Щоб его суку живым сюды доставить. Нехай ответит хочь сегодня на письмо».

«Так што почти всех побыли, а самого нет», – докладывает всадник.

«Привести пленных».

Пьяный матрос в огромной папахе и голландке. По лицу бежит струйка крови и краплет на синий ворот.

«Не знаю, де батько...»

«К стенке его, сатану...»

«Скажу, не бейте. Батько в хате Максима Ключника, коло кринички, больной в доску лежит...»

Трах... Кровавым месивом лица матрос уткнулся в землю...

«Вин же сказав, на що ты его?»

«А на що вин так долго мовчыть, а мабуть ще и брешеть»

И действительно, в хате Максима Ключника, развалясь на грязной, разбросанной постели, туго затянутый в серую офицерскую шинель, лежал сам батько Махно.

Рядом с головой, на подушке, лежали закопченные дымом очки и маузер.

Когда в комнату вошел Урсул, он чуть приоткрыл близорукие глаза. И глухо донеслось:

«Ну що, бей як так, я тоби бил добре в здоровом види, а ты ловы хвылыну и бей зараз, бо потим не спиймаешь...»

«Як не хочется мне плюнуть у твою погану харю, но лежачего та ще больного я не бью. Ты вже и так смердишь як падаль.

Дрыхн тут сам, кода выздоровеешь, побачимся...»

За окошком брякнули шпоры и кто-то гулко ухнул в небо из куцака.

(Бурав. 1924. № 8. С. 6–7)

ГИБЕЛЬ МАРТЫНА ИВАНОВИЧА*

Мартын Иванович в революцию попал случайно. Родился он очень далеко от наших беспокойных краев. Свои маленькие, быстрые глаза он впервые открыл на высокой и крутой Гибралтарской скале.

Там, цепляясь за ветки дикого винограда и разоряя птичьи гнезда, на недостижимой высоте всегда жили его родные и предки. Когда Мартыну исполнилось два года, он вполне овладел наукой своего племени и перенял от старших ненависть к двуногим чудовищам, обитавшим на широком взгорье, в каменных клетках.

Мартын знал, что они опасны, что они уведут навеки его братьев и сестер. Эти большие звери в тряпках отравляли жизнь обитателям крутых склонов Гибралтара. И все же однажды, несмотря на весь опыт беспокойной жизни, Мартын попал хвостом и увяз в твердом и крепком капкане. Потом пришли уроды в тряпках и посадили его в клетку.

Кастаки был хорошим цыганом, но плохим дрессировщиком. Соединяя воедино эти два обстоятельства, он бродил по земному шару не хуже любого

* Из повести «Перекаты». – прим. в тексте.

Ливингстона, но никому не сообщал о своих изысканиях. Он часто менял профессию, но его любимым делом было красть хороших, крутобоких лошадей. По этой простой причине у него вместо правого глаза была впадина, а на левой руке на хватало двух пальцев.

Что можно обойтись и без них, он узнал в далекой России, но там же понял, что это все, от чего он может отказаться в дальнейшей жизни.

От племени своего он оторвался давно, и где была его родина – не знал.

В береговой таверне «Севилья» он купил у смуглого Азры мартышку и, обмотав ее тонкую кисть крученым английским шпагатом, старался отучить от всех старых привычек.

Свои скудные словесные аргументы Кастаки подкреплял пинками, и на исходе третьей недели Мартын умел танцевать. Может быть, его расположила к себе физиономия цыгана, ибо он больше всех двуногих напоминал лицом его родичей. Мартын примирился и без возражений сидел на плече Кастаки и мерно покачивался в такт его торопливым шагам, когда тот двинулся вглубь европейского континента в качестве дрессировщика.

Впрочем, оба одинаково не знали, куда лежит им путь, и так добрались до Украины.

Кастаки не любил стрельбы, не любил крови и боялся мертвых. Он мог спокойно пырнуть кого-нибудь ножом, и этот зарезанный был бы не страшен, но другие, чужие мертвецы нагоняли на него мистический страх.

«Мартын Иванович и Кастаки». Иллюстрация к рассказу «Гибель Мартына Ивановича»

Когда в городах загрохотали пулеметы, позакрывались магазины и лавки, а по улицам валялись неубранные трупы, он пошел бродить по деревням.

Конокрад смутно слышал о том, что революция, но что это, он не понимал, а знать не хотел. Шел он проселочными дорогами и полями, показывая фокусы, мелко воруя, где не нравилось его искусство, и питаясь чем попало.

Где было трудно самому, там орудовал Мартын, и оба честно делили добычу. Сидя на косом, угловатом плече, обезьяна всматривалась в дорожную пыль, и так же привыкла к бараньей шапке Кастаки, как к ползучему винограду Гибралтарских утесов, о которых, кстати, давно забыла.

Возле какого-то небольшого города Кастаки набрел на лагерь вооруженных людей.

Где-то в стороне тукали выстрелы, а из толпы оборванных воинов торчали ржавые пулеметные пупы.

На изодранных бушлатах висели красные банты – и резкими пятнами сверкали на сером фоне железа и грязи.

Зловеще глядели глаза из-под тяжелых папах, и когда кто-то из них сказал: «стой, цыганская рожа», Кастаки замер на месте. От неожиданной остановки Мартын качнулся вперед и, спрыгнув на землю, стал сосредоточенно изучать окружающую обстановку.

Громкий хохот прокатился по черным рядам:

– А ну покажь, Ваня, что твоя обезана может...

И Кастаки начал демонстрировать искусство верного Мартына.

Мишка Сняжков хлопнул Никифора по плечу, выплюнул из коричневого рта остаток газеты, пакли и махры.

– А знаешь, Никифор, эта зверюка нам в самый раз, она подымет дух бригады, гляди как смеются.

Мартын бегал по рядам на задних лапах, крепко сжимая в передних шапку Кастаки, куда партизаны сыпали щедрой рукой замусоленные бумажки, на которые нельзя было ничего купить.

– Сколько тебе дать за нее, Ванюша? – спросил Никифор. – Потому как выгодно продать можешь для необходимого нам дела.

Кастаки перестал понимать русский язык. Его нижняя губа вылезла вперед и приподнялась вверх, по направлению к носу, блестящие угольки глаз скрылись в запыленных расщелинах ресниц.

Никифор продолжал:

– Потому как даем тебе 200 карбованцев, так другого покупателя не найдешь, а если не продашь, так даром возьмем. И выбирай, что лучше, а что хуже, умная голова.

Умная голова попробовала плакать, но этого не заметил никто, даже верный Мартын.

Получив 200 карбованцев рваными украинками, Кастаки пошел дальше по земле терять остальные пальцы и последний глаз.

Так как с точки зрения партизан каждый цыган был безусловно Ваня, обезьяну окрестили Мартыном Ивановичем и записал во 2-й пулеметный взвод.

За Полгода Мартын крепко привязался к кавалеристам – и забыл про баранью шапку Кастаки.

Попали ребята как-то в кольцо. Бывало в те времена. С севера и востока нажимали белые, с запада наседали Петлюра и Махно, а с юга – немецкие колонисты. Приходилось туго. По целым дням сидел Мартын у пулемета и, когда замечал острым взглядом вражескую цепь, начинал цепкими пальцами теревить пулеметную ленту. Когда пулемет стрекочет, Мартын подает и подает, чтобы больше стреляли.

Урсулов быстро отступал на юг, к Вознесенску, теснимый превосходящими силами белых. Впереди конных цепей мчался автомобиль с пулеметом на радиаторе. У щитка сидел Мартын и неустанно подавал ленту. Была поздняя осень, и дул пронзительный ветер.

Машина ныряла в дорожные лужи и упорно неслась мимо серых, измученных гражданской войной деревушек. В свинцовое небо вздымались кучи испуганного жирного воронья. Мартын не привык к холоду и ветру и сильно простудился.

– Надоть его в больницу, – сказал Никифор. – Может, там его вылечат. И сказать при том доктору, что или-или.

А вечером полк, оставив город, отступал дальше.

В глубоком мраке с одной стороны уходили части Урсула, с другой – вступали «волчата» Шкуро.

Где-то у реки шла перестрелка, кто-то в городе вытягивал из сарая портреты царя и трехцветные лоскуты. Вознесенск пробовал дыхнуть черным дыхом контрреволюции, поднимался другим, помятым боком.

На рассвете по окраинам громили еврейские лавки, в центре на базарной площади валялись трупы с рассеченными головами, а во дворе больницы несколько пьяных юнкеров расстреливали раненых партизан.

– А это что за стерва? – кто-то указал на Мартына, лежавшего в углу на куче тряпья.

– Это урсуловский пулеметчик, тоже красная сволочь, бери и ее...

Совсем не знал Мартын, за что его расстреляли в это пасмурное осеннее утро. Может быть, выздоровев, он так же верно служил бы белым юнкерам и подавал бы им ленты к пулеметам. Но «волчата» хотели вырубить революцию с корнем – и убили обезьяну.

Как бы то ни было, а Мартын Иванович был расстрелян белыми за большевизм.

(Бурав. 1924. № 10. С. 2–4)

ПОЧТОВЫМ В МОСКВУ

По бесконечным рельсам пути, громяхая по стыкам рельс, мчится почтовый № 3.

Его маршрут Херсон – Москва.

Пронесятся мимо одинаковые, серые станции, мелькают сквозь влажные стекла усатые стрелочники и черные смазчики.

Тяжело, под вагонным полом, выпускают дух тормоза. На плацкартных койках лежит третьеклассная публика.

Я обрел покой внизу, напротив – рабочий завода Марти – Виллов. Едет он в Ленинград на Путиловский. Виллов – кузнец, ему 50 лет и он полон надежд. Жена снабдила его гигантской торбой провианта и он беспощадно угощает меня пресными коржиками.

Где-то сбоку теплится махра и волны едкого дыма щекочут ноздри воспоминаниями о 19-м годе, о теплушках и пайках.

Иногда проводник равнодушно выкрикивает название станции и какая-нибудь фигура рушится вниз. Слышится треск корзинных прутьев, темный раствор двери проглатывает силуэт и новый пришелец захватывает ложе и остатки брошенного тепла. Давно едем. Уже далеко позади осталась Украина. Не слышно громкого хохлацкого говора, после Белгорода его сменила певучая северная речь.

Появились бородатые старцы, стриженные под скобу, женщины, тяжело груженные тюками картошки, пропахшими землей. Из-под десяти юбок вытягиваются засаленные провизионки. И гулко спорят в вагоне о фунтах. Не об английских фунтах стерлингов, а о русских горемычных фунтах картошки.

Вторая ночь пути. Мой сосед сверху истощил свой бесконечный бак анекдотов. Он добрался до дна своей истории и щемил уши своего засыпавшего слева соседа рассказами о военной службе. Сквозь сон, под равномерный стук колес, я слышу – Владивосток, Харбин, Самара – чертовы дали и плавно покачиваюсь на борту пакетбота, рассекающего воды озера Танганайки. Чудесный африканский пейзаж: огромные страусы и быстроногие антилопы.

Меня будит Виллов очередным коржиком и кремнистое тесто застревает в раструбе моей пересохшей глотки. Оказывается Курск. Чудесный город, никогда не видел, какие претензии можно к нему иметь? Опять уходят и снова приходят и грохот и суета прогоняют сон.

Танганайка сама влезает на пакетбот и плавно уплывает во Владивосток. С каким-то неизвестным я затеваю спор о боге. Пытаюсь вспомнить тезисы давнишнего антирелигиозного доклада, но звучит плохо и неубедительно.

– А почему погоду-то нонче по Брюссу определяют?

Вслед за вопросом из мрака выползает фигура, увенчанная кудрявой русой головой.

– Как жежи я проводник вагонный, народ известно простой, и тоже в Чеке и в Розыске парился, а почему? Вот она, а ты говоришь, что бога нетуто, а по Брюссу...

Он победоносно рассек своим взглядом мрак и дым и поглядел на меня. Я понял, что был убит наповал.

– Вот я хошь тебе расскажу. На. Я знай работал в Царицено-Дачное, 21 год был, не съчас. Стали у нас это Тепею организовывать, ну вроде киперации. Паи, говорят, братва, неси. Я, значит, женину шубу, хорошую прехорошую на базар снес и деньги дал, потому сознательность первое дело. Ну, думаю, теперича заживем. И что? В Тепею хоть шаром покати – ни муки, ни крупы, ничего. Мы это делегатов из Москвы вызвали, да на собрание. Говорят, говорят, ничего не разобрать. Я вышел – мне слово прошу, товарищ председатель, как мнение свое имею высказать. – Ваше слово, товарищ Храпов. Товарищи, мужик тот одну корову доит, а киперация весь рабочий класс и еще. Прошло 5 месяцев, я и думать об том забыл. Подходят это ко мне раз два ферта.

– Ты это будешь товарищ Храпов?

– Я буду товарищ Храпов...

– В таком случае ты есть арестованный.

Повезли в Москву, привезли в МУР и посадили в одиночку.

Комнатка, что щелчок, шаг вперед, шаг назад, а оконце во какое – ты мяня видишь, я тебя нет, во... и он характерно сложил на перекрест 4 пальца рук.

Вызывают на допрос.

– Будьте любезны, – говорю, – предъявить обвинение, как полагается по закону.

– Ладно, ты, говорит, организацию открой, тогда домой пойдешь.

– Никакой, – говорю, – организации не знаю и не видел, про что говорите.

– Брось, говорит, нешто тебе жить неохота, в гараж тебя сведем и амба.

Вынимает с кармана браунингу, здоровую, такую черную гадюку. Идем, говорит, Храпов, пробил твой последний час. Откроешь?

– Ничего не знаю.

Как начало он мне наливать этой штукой куды полагается. Отвел опять в ту каморку. Привели мне одного такого, в соседи, значит. Вдвоем нас стало. Ты, грит, который за организацию сидишь?

– Никакой такой не знаю.

– А что, так с отдельными связь держал?

– Ничаго такого не ведаю.

– Дай, как я, полное сознание, и домой пустят. Вот я дал и завтра освободять. А тоже ведь в организации был...

– Если был, так тебя, брат, израсходовать надо, а не домой, а мне со-
знаваться не в чем.

Видит «шпынт», что со мной каши не сварить. Ушел и колбасу свою
оставил, потому сказывали, вроде на свободу пустили.

Храпов предательски растянул последние слова, а Вилов, воспользовав-
шись секундным замешательством, воткнул мне в рот очередной коржик.

– Эх, брат, два месяца в этом МУРе и отпущ задаром. Под пасху только, к
самой заутрене, освободили. Выходи, говорят, с вещами потому на свободу.

– А может в Бутырки отправляете, товарищ, прямо скажите, или на размен.

– Бери вещи.

Взял.

Наверху опять спрашивали, откроешь организацию?

– Никакой такой не знаю, не ведаю.

– Ну, иди коли так.

– А только, – говорю, – будьте любезны обвинение предъявить, по ко-
торому невинно обвинялся.

– Ступай, не рассказывай...

Так вышел я отсюда на рассвете. В глазах слезы, в груди тоска. Вот тябе,
брат, киперация. Только теперя понял, что так выступать на собрании нельзя.

Оборванный весь, а то же бывало как ты любил подвязать в воскресенье
«Гаврилку» и в церкву сходить.

Он выразительно указал пальцем на мой тощий галстук. Я понял, кто
скрывался под этим странным псевдонимом.

– Чудак, – говорю я ему, – так ведь нарваться можно, каждому рассказы-
вать будешь и опять за какую-нибудь «киперацию» сядешь...

– Чего там, всякого видали, а ты говоришь, бога нету, а погоду ведь по
Брюссу узнают... А?

Был какой-то разъезд. Взяв фонарик, Храпов вышел из вагона. Когда он
вернулся, почтовый продолжал свой путь.

В проходе стояло несколько матросов, желавших перейти, на ходу, в
соседний вагон.

– Нельзя, – раздавался голос Храпова, – 3 рубля золотом штраф. Пусти.
Внезапно он поднял свой фонарик и осветил матросов.

– Ну и матрос нынче пошел, что клоп. От горшка – пол вершка. Ступайте ужо.

Ошарашенные его откровенностью и любезностью матросы, проскочили
в дверь.

А утром, разглядев мой портфель и значок «МОПРа», Храпов сказал:

– Вы уж, пожалуйста, про то забудьте, неудобно...

Я сказал ему, что постарюсь, но твердо не пообещал.

(Бурав. 1925. № 1. Январь. С. 2–3)

ВОКЗАЛ

Исключительное место вокзал. Место, отразившее все потрясения эпохи.

Спокойно и величаво опираются расписные потолки на толстые колонны. Стройными узорами лежат цветные изразцы полов. И серыми бесцветными грядами люди – путешественники, со всем своим скарбом, с детьми и большими эмалированными чайниками. Между телами пестреют узкие проходы, по ним несутся легким и эластичным бегом носильщики. Всюду мелькают их фартухи и овальные бляхи с номерками.

По временам раздается резкий окрик: 73-й, 46-ой, и названный номер спешит к мимолетному хозяину, чтоб исполнить его волю.

Огромные хвосты тяжелыми чернеющими в полумраке пятнами уперлись в окошко касс. Воздух напоен табачным дымом, и непрерывный гул висит над толпой. Волна шума то поднимается, то замирает. Вокзал дышит, как живое существо.

«На Ворожбу кому?» – и огромная толпа исчезает в каком-нибудь проходе, но для вокзала эта потеря незаметна.

Еще теплые изразцы покрываются новыми телами и снова гулко, протяжно дышит вокзал.

Еще не так давно вокзалы были совсем безлюдны или наполнялись военными.

Гусеницы поездов не скользили тогда по бесконечной синеве рельс с точностью часового механизма.

В ночной мрак из черных вокзалов прыгали тяжелые черные бронепоезда и несли куда-то грохот неумолимых орудий и смерть.

Жизнь вокзала составлялась из эшелонов, и они тянулись куда-то в неизвестность бесконечными цепями теплушек.

На покрытых соломой полах стояли пулеметы и винтовки, упирались штыками в пробуровленные пулями стены.

Тянулся на Украину из Галиции немец – и его серый мундир и плоский штык заполнял коридоры вокзалов.

Суровые генералы вели свои войска, чтобы вернуть под помещичий сапог миллионы крестьян. В тиши вокзалов слышалась чужая речь и висели таблички на чуждом языке. Палкообразные коменданты отдавали быстрые распоряжения и гнали в родной край маршруты тугого украинского зерна.

Недовольный ропот шел по полям и селам и отдавался мирным гулом между вокзальными стенами.

Повстанцы захватили артерии своей земли, и снова на вокзалах слышалась родная речь.

Батько Махно забросал вокзалы горами тифозных тел, и вошь понесла смерть в составы поездов.

И, как теперь, тогда лежали люди на вокзальных изразцах грядами тел.

Но между ними ползала сыпнотифозная зараза, и мертвый лежал рядом с больным.

Они никли к полам большой инертной массой и неделями ждали поездов. Тела и мешки висли на сцеплениях вагонов. Все превратилось в серую шинель, жизненный путь – в полосу рельс.

С юга на север шли белогвардейские бронепоезда, и золотые погоны офицеров сменил серый немецкий мундир.

Но «их благородия» рухнули на юг, и с весенним ветром понеслись по путям красные бронепоезда и эшелоны. Агитпоезда, агитвагоны и агитпункты. Новое в жизни вокзалов.

Успокоилось все. Сел Махно в варшавскую цитадель, ушли немцы домой, а «золотопогонники» свои вокзалы нашли далеко за морем.

Не поедет больше удалой матросик «с правом на паровозе», вы позвоните по телефону и вам принесут на дом билет.

Но, как и прежде, лежат грядами тела людей-путешественников, беспрерывным, живым потоком заполняющих поезда.

Куда они едут теперь без мешков и без соли?

Старик-еврей сосредоточенно жует колбасу с чесноком и рядом, морщась, режет тонкими ломтиками сало крестьянин-старик.

Стучат эмалированные чайники и несется над всем непрерывный гул.

– 59-й! – слышится крик.

– Купил! – ответ, и белый фартух ныряет и плывет над рядами лежащих тел.

(Пролетарий. Харьков, 1925. № 230 (646). 8 ноября. С. 4)

УЛИЧНЫЕ ДЕТИ

Ирисники

Их много рассеянно по городам Союза – этих маленьких, босоногих полусобственников, торгующих на ходу «домашними» ирисками, бубликами, порупролетариев – чистильщиков сапог и т. подобных.

Бубликами торговать неинтересно. Побубнил два часа «свежие, горячие» и айда... То ли дело работать на «свежем домашнем ирисе»... На такой товар покупатель всегда обеспечен. Застоя в деле не бывает, и ирис бойко идет круглый год.

Потребитель ириса весьма разнообразен. Его украдкой посасывает хозяйка, урвавшую копейку из своего базарного бюджета, сонный «ванька» медленно ворочает его между челюстными жерновами, составляя компанию своему спутнику жизни – коню, мерно жующему сено... Но главный потребитель свежего домашнего ириса – октябренок и деловитый пионер.

Потряхивая своим красным галстуком, он с важным видом и несомненным классовым превосходством покупает и грызет ирис.

Одна нехорошая сторона есть у этой профессии и пара небольших неудобств. У всех ирисников слабая воля и после каждой торговой операции очень хочется попробовать самому. К тому же порой попадается нахал-покупатель – купит и смачно жрет под самым носом. От этого сильно сосет под ложечкой, но ничего не попишешь. Дело требует этих мучений и приходится их переносить стойко.

Неудобство получается и тогда, когда «мильтон», потрясая жезлом, несет в погоне, твердо блюдя устои финансовой политики и патентного сбора.

Иллюстрация к очерку
«Уличные дети»

Тогда мигом захлопывается крышка ирисного ящичка и купец с магазином, сверкая пятками, скрывается в знакомый переулок.

И еще неудобство: товар никогда не остается на другой день.

Весь остаток съедается после подсчета выручки в теплом полумраке родной подворотни – тут выправляются все тонкие, помятые за день струны души и вознаграждают тебя за лихвой за страдания дня. Поэтому ирис всегда «домашний и свежий».

«Пачисссти!!!»

Чистильщиков больше и народ этот поосновательней. С ними не заводишься, а то уберут ма-

линовой щеткой так, что прямо в Африку поезжай, как на родину.

А в ящичке чего только нет: там и пара крепких «бычков», и ириска, и бублики, и аккуратно столбиками, как в банке, сложенные трудовые медяки.

И на всех перекрестках, где лихорадочно бьются пульсы города, вы услышите утром и в сумерках привычное и жесткое, как наждак, слово:

– «Шшиссти».

– Вам чем, кремом, ваксой, с бензином или без?

И быстро мелькают вверх и вниз густошерстные тяжелые щетки, и столбик в ящичке растет и растет.

Но эта профессия требует особенной тщательности, нужно конкурировать со взрослыми, а они-то уж чистить умеют!

Особенные мастера – айсоры, прибывшие на Украину из далекого Багдада. Они работают медленно и спокойной, имея патент, и подрабатывают, привинчивая резиновые набойки к каблукам. Они были кочевниками на родине, и теперь отдыхают за все годы, а маленьким «шшиссти» нужно беспрерывно кочевать. Нет у них патента, а все дело в нем. Какое удовольствие чистить на законном основании... А тут приходится работать, озираясь по сторонам, чтобы страж порядка – милицейский – не протянул над головой свою карающую длань.

И целый долгий день струится поток длинноволосых «джимми», высоких сапог и дамских туфель мимо маленьких «шшиссти».

Но чистильщик чистит и мечтает, он видит в мечтах новый американский боевик – «Прыжок в пропасть», «Нищую Стамбула» и «Нибелунги». Он соскребает с каблуков жидкую и злую харьковскую грязь, а видит себя «Наездником из пампасов». Он ловко наводит протертой бархоткой блеск – и сражается с драконом мечом Нибелунгов.

А может быть, он слышал от взрослых и знает, что Ротшильд начал с иголки и нажил миллионы. И в свободную минуту, пробегая взглядом по столбикам советских медяков, он видит перед собой золото, ящичек золота в чугунной кассе и уносится далеко в мечтах...

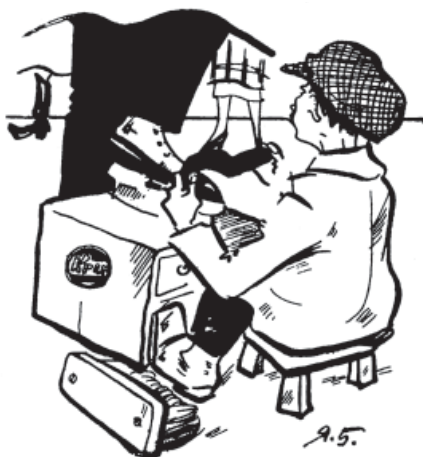

Иллюстрация к очерку
«Уличные дети»

Самое тяжелое время – осень и зима. В эти короткие сумеречные дни мало кто заботится о блеске ног, а руки быстро зябнут от работы. Хорошо тогда пришвартоваться к колесным осям скорого поезда и махнуть на юг – Кавказ или Крым. Там можно переждать и с первыми ласточками двинуться в обратный путь на север, куда ведет синяя бесконечная сталь рельс.

Коробкой черного блестящего крема маленький чистильщик приклеился к жизни и знает, что значит нужда и борьба за хлеб и за зрелище. Его воспитала улица и вереницы лиц, но которых нельзя чистить и которые потому для него совершенно бесполезны...

Чистильщики – небольшая крупица романтики, вкрапленной в суровые советские будни. Кто они, эти дети, растущие под опекой неба, без школы и семьи, и какими взрослыми они будут? И может быть, задача завтрашнего дня – вырвать их из цепких объятий улицы и влить в то русло, где мы воспитываем здоровую трудовую смену!?

(Рабочий. Харьков, 1926. № 8. 30 апреля. С. 8)

ДЕСЯТЬ ПАР БРЮК

Вы говорите, что умеете покупать, что купили в магазине ЦРК дешевую ткань и пару дешевых и твердых, как камень, брюк. Вы примерили и спросили, сколько стоит, уплатили деньги, получили марки и ушли. А торговаться вам пришлось? Знаете вы, что это значит?

Большая Арнаутская ведет к толчку. Знаменитый одесский толчок, которого больше нет. Он пал в дни военного коммунизма и не воскрес при нэпе. Серая оплаканная грудь гранита покрыла места, где сотни ног месили жирную грязь, где в будках продавали краденые вещи, а пока вы покупали, у вас вытаскивали из кармана кошелек.

Между деревянными лавками летали яблоки и апельсины, граммофоны скрипели ржавыми иглами по потрескавшимся пластинкам и хриплый голос варшавского кантора Сироты заглушал пропойный бас: «ставьте на красненькую...»

Угрюмый перс правой рукой посыпал сахаром чибрики на маленьком подносе, а левой держал ремешок, в который вы пытались попасть пальцем и выиграть.

Под крестьянской телегой мурлыкала гармошка, а на телеге спал после выпивки крестьянин, у которого сегодня в сумерки стянут сапоги.

Еще до толчка из кривых переулков вас хватали за полы:

– Покупаете, продаете что-нибудь?..

Но вы упорно устремились вперед, в человеческое месиво, в шум и грохот неугомонного толчка...

Абрам Штейтер, высокий и худой как скелет, – знаменитый перекупщик. Когда он говорит, слышно булькает гуттаперчевая трубка, вставленная ему в горло самим доктором Зильбербергом. Он – старший среди перекупщиков. Когда Абрам дал цену, вы можете обойти весь толчок, и никто не даст вам больше ни на одну копейку.

Тут можно купить брюки или сразу десять пар. Они лежат небрежно, переброшенные через руку.

Товар что надо и играет на солнце всеми цветами. Пуговицы «Ол джентльмен» блестят золотом по черному лаку. Вы берете брюки и смотрите на небо через то место, о котором не принято говорить, но на котором принято и очень удобно сидеть.

Темно, не просвечивает, товар – первый сорт.

– Возьмите все десять пар, – говорит Абрам, – возьмите, молодой человек, и вы не пожалеете. Такой меции в городе вы не купите. Дайте 100 рублей и берите.

Но ведь вы тоже одессит и знаете толчок; знаете, что там запрашивают, и начинаете торговаться.

– 5 рублей, – говорите вы хладнокровно, пять – больше они не стоят.

Но ужасно хочется стать обладателем 10 пар разных брюк, даже под ложечкой сосет.

– Пять рублей...

– Не делайте насмешки, молодой человек, дайте 90 и возьмите товар. Таких брюк вы даже у Ландесмана не найдете.

Покупатель тихо отступает... Абрам тихо наступает...

– Скажите ваше последнее слово и возьмите, – пускает он вдогонку, – 83 рубля – крайняя цена...

Покупатель давно ушел. Он идет, но за ним следит Абрам. Больше, чем на десять шагов, он не даст ему отойти. Здесь он заставит его обернуться.

– Цсссс... Молодой человек, 50 рублей и ни копейки меньше, чтоб я был так здоров, что я уже докладываю.

Покупатель вернулся и смотрит другую пару. Товар что надо, нигде ни просвета.

– Десять рублей, – говорит он, – последнее слово, хотите – берите.

Компаньоны Абрама хватают брюки и галдят:

– Возьмите сорок рублей, вот вам уже деньги.

Но покупатель знает толчок, он знает, что это свои, и снова уходит.

– Двадцать пять рублей, – говорит Абрам, – если вы хотите купить, скажите ваше последнее слово.

– Пятнадцать.

– Возьмите и чтоб вы мне были здоровы, может быть, вы легкий на почин. Красивый вираж – и куча брюк перелетает с рук на руки. Абрам исчезает в толпе.

По дороге вас начинают мучить сомнения, не дорого ли вы дали. Встречный знакомый случайно попадает в точку и говорит:

– Да, рублей 15 можно было дать.

Это скверный признак. Это значит, что особенного шанса вы не поймали. Но самое скверное – дома.

Все брюки целы, но ни в одной паре нет зада. Там, где было протерто, – просто вырезано. Брюки одеть невозможно, они годятся только на рукава.

Вы идете на толчок и ищите Абрама, но его уже нет. Толчок бурлит как всегда.

Пьяный босяк лежит в пыли, и собака лижет огрызок огурца в его грязной руке.

– Ставьте на красненькую, – кричат сбоку.

– Чибрики хорошие, чибрики, – и кто-то судорожно пытается угодить пальцем в неуязвимую дырку ремешка.

Перс спокойно посыпает сахарной пудрой свой товар. Кто-то хватает вас за полу:

– Покупаете, продаете?..

– Продаю, – радостно отвечает вы.

Но покупатель красноречиво обводит пальцем то место, где нет зада, и уходит, покачивая головой. И с этой минуты брюки – ваши навсегда.

Вот что значит купить прочную и дешевую вещь. Сразу видно, что вам никогда не пришлось торговаться...

(Пролетарий. Харьков, 1926. 11 августа. № 179 (892). С. 4).

РЕШИТЕЛЬНАЯ ДО РЕЗУЛЬТАТА

Мы встретились как-то в кафе. Он сильно похудел и поблек, но в плечах и шее осталось то, что отличает профессионала-борца от других людей. Ваня Лебедев – знаменитый дядя Ваня – арбитр французской борьбы, с которым когда-то вся Россия была на «ты».

В русской поддевке и картузе он появлялся по вечерам на цирковой арене. Его мощный бас катился от трибуны до галерки, описывая кривую где-то высоко, под куполом цирка, и замирал таинственным эхом у портьеры кулис, где стояли закутанные в халаты борцы.

– Пятнадцатый день международного чемпионата французской, вольно-американской и других борьб, – важно говорил дядя Ваня. – В чемпионате участвуют чемпион мира Георг Лурих – Ревель, чемпион мира, волжский богатырь Иван Заикин, еврейский чемпион Грингауз – Одесса... Парад алле!

И по свистку арбитра, под звуки «Марша гладиаторов», переваливаясь с ноги на ногу, шли борцы. При каждом имени раздавался одобрительный гул, вспыхивали пламенем яркие букеты и слышались вздохи дам.

Кто-то кричал с галерки:

– Дядя Ваня, а почему нет Кашеева?

– Простудился, получил коклюш и лежит в детской больнице, – гудел дядя Ваня.

Удачный ответ избавлял его от необходимости раскрывать перед требовательной толпой тайны чемпионата.

Но все это было далеко, в прошлом. Об этом напоминали плечи и шея, а кепка настойчиво говорила, что дядя Ваня теперь советский служащий.

За кофе мы разговорились.

– Вот ты думаешь, – сказал дядя Ваня, – что французская борьба нездоровый и неинтересный спорт, что это просто зрелище. К сожалению, эта точка зрения теперь господствует, и чемпионаты теперь вывелись. А бывало занятно. Вот помню в одиннадцатом году держали мы чемпионат в Летичеве, небольшом еврейском местечке – с одной аптекой, одним кино, одним зубным врачом и одним театром, который, когда не было труппы, сдавался хозяином Вулихом под свадебный зал. В театре этом мы устроили цирк. День и ночь там играл оркестр под управлением старика Фридмана, который умудрялся одновременно дирижировать и играть. Но оркестр его слушался беспрекословно, так как первая и вторая скрипка были его сыновья, контрабас – племянник, пианистка – внучка, а на барабане «работал» некий Вася, русский, ассимилировавшийся в семье Фридмана, не евский трюфного мяса и очень плохо говоривший по-русски.

Иллюстрация к рассказу
«Решительная до результата»

Мы расклеивали по всему городу портреты борцов и подкупили посылкой контрамарок зубного врача Полякова, имевшего огромное влияние на общественное мнение. Борцы целый день гуляли по городу, сопровождаемые толпами любопытных, но... сборов не было. Цирк горел, хозяин помещения, неумолимый Вулих, ежеминутно грозился выгнать нас на улицу и досрочно открыть «свадебный сезон». Положение становилось трагическим.

Дядя Ваня заказал еще стакан и продолжал:

– Арбитром, как ты понимаешь, был я опытным. Чемпионат был подобран не летищевский, а столичный. У меня были «цвета». Был него Мурзук, китаец Ли Хуан-синг, японец Саракики – двоюродный брат китайца Ли Хуан-синга, красавец-румын Чернояну (в общежитии мирный одессит Петька Дмитриев), чемпион мира Заикин, кавказец Майсурадзе и, наконец, все было предусмотрено, – чемпион мира, еврейский чемпион Исаак Бродский. Все шло, в общем, неплохо, пока Петьке Дмитриеву не дали в лавке фальшивый двугривенный сдачи. Подлец забыл, что он румын, и саданул хозяина настоящим, православным матом. Ну, начали нас тюкать. Пришлось волея-неволей форсировать конец, чтобы собрать на дорогу. Я назначил схватку Исаака Бродского и волжского богатыря Ивана Заикина. Театр был набит до отказа. Сидели буквально друг на друге. Старик Фридман надел фуляровую визитку и играл попури из «Преображенского марша» и «Кол-Нидре».

Ну, ты же знаешь, что «дело» прежде всего и первая схватка должна быть «без результата». Толпа редела от переживаний и восторгов и чуть не разнесла театр. Пристав долго жал за кулисами руку волжского богатыря, а доктор Поляков пригласил Бродского к себе обедать. Триумф был полный, и сбор был, что надо. Через два дня я назначил решительную схватку Заикин-Бродский. По местечку проползли, как всегда в таких случаях, зловещие слухи: «Положит Заикин, потому что он пайщик чемпионата». «Пристав не допустит, чтоб Бродский победил, потому что он еврей...»

Утром, во время тренировки, сторож услышал разговор Заикина с Бродским:

– Ты ляжешь на девятнадцатой минуте на «бра-руле в партере», – сказал волжский богатырь.

– Я не лягу, – ответил Бродский, – чтоб все местечко потом смеялось. Клади на чистовую, как есть. Хоть на первой минуте, каким хочешь приемом. Мы еще посмотрим.

Бродский пожал могучими плечами и ушел. Заикин стоял, сжав кулаки, и молчал.

Сторож передал разговор в город, и к началу представления не было человека в Летичеве, который не знал бы, что борьба будет настоящая, до результата.

Театр был переполнен. Сидели в проходах, на окнах, на стульях, стояли, висели. Даже крестьяне приехали на базар на день раньше и заняли несколько рядов. Бродскому поднесли корзину цветов. Какой-то крестьянин преподнес Заикину корзину с полсотней яиц.

Началась схватка. Она шла под непрерывный гул и выкрики посетителей. Конный городской, охранявший порядок, был оттеснен в сторону базара, и в помещение ворвались «зайцы». Творилось нечто невообразимое.

На двадцать третьей минуте Бродский обратным поясом бросил Заикина на обе лопатки. Мой свисток бесстрастно зафиксировал торжество еврейского чемпиона и позор волжского богатыря. Толпа отчаянно редела. Заикин, отказавшись от традиционного рукопожатия, опрометью бросился за кулисы.

Трепала ломаемая мебель. Старый, на этот раз беспомощный перед стихией, Вулих плакал, глядя на разрушение своего добра. Доктор Поляков потерял очки и, стоя на стуле, отчаянно вопил и жестикулировал. В это грозное мгновение на сцене появился Заикин с револьвером в руке.

– Убью! – проревел он и бросился к Бродскому.

Бродский – в публику. Заикин догнал его и, казалось, конец еврейского чемпиона был близок. Но в эту минуту откуда-то появился негр Мурзук и ударом огромной палки по голове оглушил Заикина. Это была, между прочим, та палка из черного дерева, с монограммами, за которую он получал на два рубля в день больше всех борцов. Правда, он должен был за это ежедневно гулять с ней по городу не менее трех часов. Как бы там ни было, но палка сыграла свою роль.

Бродский сбежал. Я вышел на сцену и с трудом водворил порядок.

– Господа, сказал я, – Мурзук происходит из Абиссинии, где негры исповедуют еврейскую религию, поэтому он заступился за своего собрата по вере. Бродский согласен дать реванш...

Дядя Ваня, разгорячившись, хлопнул целый стакан кофе и проглотил два пирожных.

– Ну, – спросил я, – а как же потом – Заикин помирился с Бродским и Мурзуком?

– Что ты, милый! – сказал дядя Ваня, раскрыв рот от изумления. – Кто же ссорился? Весь этот номер я, Мурзук, Бродский и Заикин придумывали вместе, включая сюда и подслушанный сторожем разговор. А ты говоришь, что французская борьба – нездоровый и неинтересный спорт...

(Тридцать дней. 1935. № 2. С. 78–80)

ПРИКАЗ ИМПЕРАТОРА

Остатки французской армии, разгромленной под Лейпцигом, в беспорядке отступали. По дорогам, размытым осенними дождями, двигались бесконечные обозы, лазаретные повозки, артиллерия и толпы утомленных солдат. Они шли как попало, не под своими знаменами, непрерывно подвергаясь нападениям с флангов и с тыла, где неожиданно начинали бухать пушки саксонцев и голландцев, предавшихся врагу.

Больше никто не искал ни чинов, ни славы.

Изредка проносились озабоченные маршалы. Сам император проехал в карете, и солдаты видели через окошко его бледное и сонное лицо. Усталость шла от самого императора, уснувшего во время Лейпцигской битвы, через маршалов, генералов и офицеров в солдатскую массу и, как тень, опускалась на всю армию.

Военное счастье изменило Наполеону. Легенда о его непобедимости разрушена. Это видели и знали все, кроме него самого. Как азартный игрок, он пытался отыгратья после гибельного русского похода. Чем больше было неудач, тем требовательнее становился император, пытаясь жестокими мерами восстановить дисциплину.

Император приказал маршалу Ожеро отдать под суд капитана 2-го гренадерского полка Вандаля за то, что его рота не выдержала натиска башкирской конницы и в беспорядке отступила, открыв левый фланг полка под Лейпцигом.

Это был ничего не значащий эпизод на фоне общего развала армии, но император ничего не видел. Он продолжал считать Германию своей вотчиной и мысленно снимал и назначал новых королей.

В Майнце, где скопилось несколько десятков тысяч войск всех родов оружия, капитан Вандаль сидел в тюрьме, одидавая решения своей участи. Вместе с ним был арестован барабанщик Жак Сабо, шестнадцатилетний парень из парижского предместья, розовощекий шутник и балагур.

Капитан Вандаль презирал его за то, что этот щенок был отдан под суд вместе с ним, участником Вальми и Жемаппа, Лоди и Монтенотты.

Несчастье было ужасно и непоправимо. Капитан Вандаль давно был бы полковником или генералом, но он был неграмотен. Он с трудом научился подписывать свою фамилию, когда был произведен в лейтенанты.

Сидя на железной тюремной койке, капитан нервно теребил свои большие, рыжие усы. На все попытки словоохотливого барабанщика завязать разговор Вандаль отвечал презрительным молчанием.

Капитану было сорок пять лет, и он давно хотел вернуться в родную деревню.

В последние годы он воевал без увлечения, а больше по многолетней привычке. Вернуться домой, потеряв капитанские эполеты и знаки отличия, было для него позором. Но так бы еще полбеды. Могут и расстрелять. Император лично интересовался его делом. Что ему жизнь одного капитана, если речь идет о чести армии!

Проклятый, никому не нужный поход. Бесславье и позор Лейпцига и Ганау после блеска Аустерлица и Маренго.

Стоило уцелеть в огне десятков сражений, чтобы пасть от французских пуль.

Раз император мог уснуть под грохот орудий во время Лейпцигской битвы, он уже не тот. Что общего между этим толстым человеком с опухшим лицом и героем Арколе?

И армия не та. Не воскреснут боевые товарищи, погибшие в снегах России. Нет ни кирасиров Мюрата, ни гусаров Лазалля. Усатые храбрецы давно сложили головы под Москвой, под Красным и в выжженных солнцем горах Испании. Куда годится хилая молодежь, вроде этого щенка Сабо... Сидели бы дома под юбкой, а им ружья дают.

Жак Сабо был настроен значительно веселее своего соседа. Ему было всего шестнадцать лет. Вандаль плюнул – Сабо обернулся.

– Далеко, – сказал он, – до меня не доплюнете. У нас, в Клиши, один бронзирщик плюет, как из пистолета. Шагов на двадцать попадает в цель.

Иллюстрация к рассказу
«Приказ императора»

Когда вернемся в Париж, я вас с ним познакомлю. Возьмите у него несколько уроков. Совсем по-другому заплюете...

Вандаль не ответил. У него мелькнуло желание придушить щенка, но он понял, что ничего доброго ему это не сулило.

Вандаль лег на койку и закрыл глаза.

В этот день император был очень не в духе. С утра у него были спазмы в желудке, он чувствовал страшное утомление и все время хотел спать.

Целое утро он писал письма в Париж и редактировал военные донесения. В столице не должны были знать об истинном положении вещей. Кончив диктовать, император позвал маршала Ожеро и спросил его, состоялся ли уже суд над капитаном Вандалем. Он пришел в ярость, когда произнес это имя.

– Грязное животное, – крикнул император, – оплошать в такую минуту. Черт знает что. Этак вся армия завтра начнет бояться этих азиатов... Бить англичан, испанцев, пруссаков и испугаться каких-то башкир... Судить его немедленно, сегодня... Расстрелять этого негодяя!..

Ожеро знал, что возражать бесполезно. Он переглянулся с маршалом Дюроком, и оба улыбнулись глазами. Судить старого боевого солдата в такую минуту было бессмысленной жестокостью. Но у императора в этот день был тусклый взгляд и желто-серый цвет лица. Маршал пошел отдавать распоряжение.

Вандаль проснулся от шума. Открыв глаза, он увидел трех жандармов и офицера.

Барабанщик перестал рисовать и радостно приветствовал гостей:

– Садитесь, – сказал он, – будьте как дома.

– Шутишь, мальчик, – сказал один из жандармов, – а через полчаса плакать будешь. В земле-то сейчас холодновато, не лето...

Тут только Сабо услышал глухой стук прикладов о каменный пол камеры и увидел суровые лица жандармов.

Он увидел, как покорно, не говоря ни слова, поднялся капитан. Барабанщик понял, что шутки здесь неуместны, и вдруг почувствовал страх. К горлу подкатился какой-то комок, и из глаз потекли слезы.

– Я ведь ничего не сделал, – сказал Сабо, всхлипывая. – Ничего...

Вандалю стало жалко мальчишку.

– Эх, ты, – сказал он, взяв его за подбородок, – ты забыл, что солдаты второго гренадерского полка не плачут...

Это была первая фраза, услышанная барабанщиком от капитана.

Арестованные стали рядом, между двух жандармов. Один стал позади, а впереди был жандармский офицер, одна из тех тыловых крыс, которых Вандаль ненавидел больше всего на свете.

Суд заседал в огромном мрачном зале городской ратуши. Председательствовал генерал Пелэ. По бокам сидели два полковника, в одном из которых Вандаль узнал своего командира полка. Лица судей были непроницаемы.

После того как обвиняемые ответили на все формальные вопросы, генерал наклонился к командиру полка и что-то спросил у него. Полковник утвердительно кивнул головой.

– Капитан, – сказал генерал, – это ваша рота участвовала во взятии Шевардинского редута?

– Моя, – коротко сказал Вандаль.

– А под Красным вы прикрывали отход священного эскадрона?

– Да, моя рота в составе одиннадцати человек участвовала в этом деле.

– Расскажите нам покороче, как все это случилось, под Лейпцигом.

– Из-за этого щенка, – сказал капитан, указывая на барабанщика, о котором, казалось, забыли. – Если б не он, рота бы не поддалась бы ни на шаг...

– Как это из-за него? – удивился генерал и, сдвинув брови, посмотрел на Сабо.

Барабанщик похолодел под этим взглядом, и снова противный комок подкатился к горлу.

– Очень просто, – сказал Вандаль, – наш фланг атаковала башкирская конница, вооруженная луками и стрелами, и этот щенок вдруг начал хохотать и рассмешил всю роту. Так это было? Скажи сам!

Капитан потряс барабанщика за плечо.

– Так, – сказал барабанщик, всхлипывая и глотая слезы, – но я не первый рассмеялся. Я только крикнул, что это амурсы. Они были очень похожи на амуров... и все начали смеяться, а я уже потом.

При этом воспоминании Сабо перестал плакать и даже улыбнулся сквозь слезы.

Генерал очень нахмурился.

– Ну вот, – сказал Вандаль, – вместо того, чтобы стрелять, все стали хохотать, а некоторые от смеха попадали на землю. Рота поддалась. Я хотел ее удержать, но это было невозможно...

– Он сам хохотал, – внезапно крикнул барабанщик, – честное слово – хохотал...

– Вы также смеялись? – спросил генерал.

– Да, – ответил Вандаль.

Генерал хотел еще что-то сказать, но брови его странно изогнулись, он махнул рукой и рассмеялся. Рассмеялись и оба полковника. Суд смеялся в полном составе.

– Ну вот, видите, – крикнул барабанщик, – нельзя было не смеяться...
– Молчать, щенок, – цыкнул на него Вандаль, – тут тебе не поле битвы, а суд!..

Успокоившись, генерал наклонился к полковнику.

– Как вы думаете, – сказал он, – император уже уехал из города?

– Да, – сказал полковник, – его карета проехала мимо окна полчаса тому назад. Он уже далеко. Не меньше, чем в пяти лье отсюда...

Капитан Вандаль и барабанщик Сабо были оправданы.

(Тридцать дней. 1935. № 7. С. 29–31)

АНТОНОВ ОГОНЬ

Сапожник Антошка очень любил футбол. По целым дням работал он, часто недоедал, откладывая медяки, чтобы в воскресный день купить билет на футбольную площадку. Он не пропускал ни одного матча. Возвращаясь домой, он потом долго ворочался на тюфяке в углу мастерской, он видел себя голкипером лучшей команды в городе, принимал подношения, выезжал на международные матчи.

Антошка был одноногим. Мечтая, он иногда забывал об этом.

Наступало утро, хозяин-грек будил его, и мечты улетали, как былинки. Первое, что он видел, была культяпка. Она возвращала его к действительности, слагавшейся из колодок, стуков молотка и груды изодранных ботинок в углу мастерской.

– Вставай, господин голкипер! – говорил хозяин, знавший его страсть и сам любивший футбол. – Пора забивать год в эту пару туфель, а то я тебе буду делать штрафной удар.

Антошка покорно подымался, пил с хозяином бледный чай и закусывал арнаутным хлебом. Потом он проваливался в обитую окаменевшим, отполированным брезентом табуретку, чтобы снова работать до воскресенья. Давно уже мечтал Антошка организовать футбольную команду сапожников. Среди ребят, которых он знал, было много любителей футбола, и он упорно готовился к роли капитана. За рубль Антошка купил на толчке старый футбольный мяч и искусно залатал его.

Однажды после матча команды «Маккаби» с командой английского миноносца сапожники пошли купаться.

Тихо плескалось море о камни массива. Далеко, в тумане заката, за сиреневыми силуэтами домов садилось солнце. Легкий бриз приносил издалика мелодию «Матчиша» и крепкий запах раковин и тины.

В такие минуты люди принимаю исторические решения. Море во все времена истории толкало людей на великие дела.

Вот тут-то, сидя на плите массива, Антошка решил.

– Дело у меня есть, – сказал он. – Не знаю, как – согласитесь или нет.

Сапожники придвинулись к Антошке, окружив его кольцом.

– Всякие гимназисты и реалисты могут свои команды иметь и в футбол играть, а мы почему не можем?..

Сапожники молчали. Никто не мог объяснить – почему.

– Мяч и насос есть, – продолжал Антошка, – площадку я приглядел. Надо выбрать капитана.

– А как же ты играть будешь? На одной ноге, с культяпкой – трудно.

– Ничего не трудно, – сказал Антошка. – Я уже думал об этом. Я буду стоять на голу. Вчера Маруська била мне десять штрафных подряд, на пробу... Девять мячей я взял.

– Ну что ж, – сказал кто-то, – давайте организуем команду, а Антошку капитаном выберем.

Гул одобрения послышался со всех сторон.

– А название? – сказал Васька Маленький. – Без названия тоже ведь нельзя. Мне нравится «Вега». Но такая команда уже есть.

– Название?.. – торжественно произнес Антошка. – Так как это моя идея, команда будет называться «Антонов огонь».

Был утвержден короткий устав, основной пункт которого гласил, что в команду принимаются только сапожники.

Быстро промчались дни тренировок и матчей. Не прошло и года, как организовали свою команду сапожники Молдаванки, слободки Романовки и других окраин, но Антошкина команда была первой. Играли сапожники только между собой. У них был свой собственный календарь состязаний. «Антонов огонь» шел без поражений.

Иллюстрация к рассказу
«Антонов огонь»

Как-то после очередной победы Антошка, считавшийся к тому времени лучшим голкипером среди сапожников, сказал:

– Ребята, время подготовки прошло. Команда тренирована. У нас отличное нападение и защита. Надо вызвать на матч какую-нибудь буржуйскую команду...

Когда, после долгих споров, все было взвешено, сапожники решили отправить делегацию из трех игроков в футбольную лигу и вызвать на матч команду реалистов училища св. Павла, вторую в городе.

– Если их разобьем, – сказал Антошка, – вызовем англичан. Если разобьем англичан, вызовем сборную Одессы.

Делегатами выбрали Антошку, Кольку Парашенко и Ваньку Маленького.

Долго собирали ботинки, брюки, галстуки, и когда все было готово, Антошка с товарищами пошел в Лигу.

Дежурным по Лиге был в тот день англичанин Герд, из британского атлетического клуба «Обак». Он долго и внимательно всматривался в лица странных посетителей.

– Кто вы такие? – сказал он на ломаном английском языке. – И што вас надо?

– Мы, – сказал Антошка, – представители команды сапожников «Антонов огонь» и пришли вызвать на матч реалистов. Мы просим записать нас в календарь состязаний. Мы хотим участвовать в розыгрыше первенства.

Англичанин удивился. Он высоко приподнял брови и долго смотрел на Антошку.

– А кто у вас есть господин капитан? – спросил он.

– Я, – сказал Антошка. – Я капитан и голкипер.

И Антошка гордо стукнул деревяшкой по полу.

– Оставит свой адрес. Лига разрешит этот вопрос и сделает вас известно.

После этих слов он поднялся и, вежливо скаля длинные зубы, попрощался с тремя сапожниками.

На следующий день он доложил в совете Лиги об этом странном вызове. Капитан команды реалистов заявил, что реалисты вызова принять не могут. Им неизвестно, что за команда «Антонов огонь», и вообще они не желают играть с сапожниками. Тогда англичане сказали, что если реалисты не примут вызова, они, согласно уставу, будут вычеркнуты из календаря состязаний.

Матч был назначен на ближайшее воскресенье. Судьей, по взаимному соглашению команд, был англичанин Джекобс.

Еще задолго до начала толпы людей двигались из города на Французский бульвар к площадке «Обака». Наряд конных городовых с трудом поддерживал порядок.

По одну сторону поля расположились аристократы, по другую – сапожники. Они пришли все до единого, сколько их было в Одессе. Женатые – с женщинами и детьми, холостые – с подругами. Два лагеря расположились по бокам площадки.

В раздевалке Антошка сказал игрокам короткую речь:

– Мы должны победить – или умереть. Тут вся Одесса пришла смотреть. Проиграем – до смерти захаяют. Выиграем – на руках понесут домой.

– Если выиграем, нас бить будут, их много, – сказал Колька Парашенко.

– Не будут, – сказал Антошка, – тут турецкий консул присутствует. Побоятся скандала.

Команда поняла, что игра будет не на жизнь, а на смерть.

В первом хавтайме, в самом начале, реалисты прорвали линию полузащиты и забили гол «Антонову огню». Свист и улюлюканье понеслись со скамей аристократов.

Черная стена по другую сторону поля настороженно молчала. Сапожники ждали, пока отквитают гол. После этого они покажут, как на Пересыпи и на Слободке умеют свистеть и тюкать.

На пятнадцатой минуте Ванька Маленький прорвался и повел.

– Ваня, давай! Ваня, не подкачай! – кричали с черной стороны поля.

И Ванька не подкачал. Он забил мяч в левый, верхний угол сетки. Тогда заревели и засвистели сапожники. Кто-то бросил камень в ряды аристократов. Кого-то увели городовые.

Страшные мячи брал Антошка, и каждый его подвиг отмечался восторженными криками сапожников.

Перед концом хавтайма сапожники забили второй мяч, и счет был 2:1 в пользу «Антонова огня».

Оглушительный рев стоял на поле, когда Антошку понесли на руках в раздевалку.

– Держать победу, – сказал Антошка. – Если не забьем третьего мяча, не давать им выровнять счет. Пусть знают, с кем играют!

Во втором хавтайме реалисты из кожи лезли, чтоб вырвать победу у сапожников. Их девушки пришли с букетами, приготовленными для победителей.

Но сапожники помнили Антошкин завет. Вся игра шла на половине реалистов.

На сороковой минуте Ванька Маленький опять прорвался, но дал через сетку. Нажали реалисты. Оставалось пять минут до конца, и они решили во что бы то ни стало добиться ничьей. Мяч перешел к Витковскому, лучшему центру в городе, и он бежал прямо к голу. Антошка замер.

Их было только двое на поле. Все остальное исчезло. Один был высокий, красивый, сын богача, кумир спортивных клубов. Другой – неведомый никому калека, сапожник.

Витковский, поощряемый криками, неудержимо неся вперед. Только на них двоих смотрела толпа. В эти минуты они воплотили в себе всю ненависть двух сторон поля – сапожников и аристократов.

Но тут произошло страшное: у Антошки лопнул ремень культяпки, и он упал. В это мгновение Витковский ударил. Антошка не растерялся. Он схватил культяпку за тонкий конец и толстым отбил мяч.

– Неправильно! Засчитать! – кричали аристократы.

– Правильно! Bravo, Антошка! – ревели сапожники.

Дело решил судья англичанин.

– Вполне правильно, – сказал он. – Голкипер был на одной нога, а вторая нога держал в рука и мог применять ее для обороны.

Эту историю рассказал мне один из руководителей Красного Спортинтерна. Кончив разговор, он постучал пальцем по коленке и сказал:

– Я бы охотно обменял этот заграничный протез на простую культяпку, которой взял тогда их второй мяч, чтоб повторить это мгновение.

Я смущенно посмотрел на него и вспомнил, что его зовут Антон Иванович.

(Тридцать дней. 1934. № 9. С. 68–71)

АМЕРИКАНСКОЕ НАСЛЕДСТВО

После смерти отца мы поселились в четырехэтажном кирпичном доме на Базарной улице. Из окон нашей квартиры были видны серо-желтые стены соседнего дома. Только из одной комнаты открывался вид на длинный двор, вымощенный серыми квадратами лавы, которую итальянские пароходы компании «Ллойде-Триестино» брали с собой как балласт, когда шли за хлебом в Одессу. Тридцать одинаковых балконов, издали напоминающие клетки для птичек, уставленные всяким скарбом и вечно увешанные бельем, дополняли унылый пейзаж.

Стоило только пробежать несколько кварталов, и через белую арку, на которой было написано французское слово «Ланжерон», мы видели море. Ласковое или бурное, бирюзовое или черное, но всегда одинаково прекрасное. Вот почему одесситы полжизни проводят на улице, всегда веселы и никогда не унывают. И куда бы ни забросила их судьба, они всю жизнь вздыхают, вспоминая о море, и даже из далеких стран часто приезжают на родину умирать.

Но тогда, в чудесный майский день, о котором я хочу рассказать, мне было только десять лет, и я еще не знал цены этим богатствам. Море, и небо, и акации – все это было каждый день и рядом. Не надо было ждать целый год, как теперь, чтобы приехать на месяц к родным берегам. В десятилетнем возрасте мы этого не ценили.

Мы были самыми бедными в этом бедном доме на Базарной улице. У нас не было отца. Старший брат, студент, был репетитором и целый день бегал по урокам. Он должен был содержать семью и потому никогда не мог ходить на Ланжерон, к морю. Я его очень жалел. Иногда по утрам мать советовалась шепотом со старшей сестрой. По их озабоченным лицам я определял, что денег в доме нет. В таких случаях сестра долго бегала по квартирам соседей и приносила одолженный рубль в носовом платке.

Незадолго до происшествия, о котором я хочу рассказать, мы послали письмо в Америку, старшему брату отца, дяде Арию. По слухам дядя был очень богат, холост и имел большую гостиницу в Бостоне. Мы просили помощи у богатого родственника. Ровно через месяц он прислал заказное письмо, в котором была вложена пятидолларовая бумажка. Из письма мы узнали, что старый холостяк стал активным деятелем какой-то христианской секты. Письмо содержало длинную, наставительную сентенцию-проповедь и призывало нас всех к смирению и к покорности воле всевышнего. В конце дядя просил, чтобы его больше не беспокоили.

Вечером того же дня состоялся семейный совет. Мать и старший брат казались очень смущенными.

– Мона, – сказала мама, обращаясь к старшему брату, – как ты думаешь... что делать с деньгами?

Надо сказать, что уже за неделю до этого мы все брали в долг и уроков у брата не было.

– Я думаю, – сказал брат, – что деньги вместе с проповедью надо отправить обратно...

– Удивительно, до чего они живучие, эти американцы, – сказала мама, – дядя Арий старше папы на пятнадцать лет и еще до Америки у него была астма... Если он умрет, мы все равно получим наследство...

– Вот поэтому и отправим деньги назад, – ответил брат, – ведь в наших же интересах, чтобы наследство не уменьшалось...

Пятидолларовая бумажка поехала в обратный путь, через Атлантический океан, к дяде Арию. На следующий день мать шепталась с сестрой...

С тех пор я стал преступником. Я день и ночь мечтал о смерти дяди Ария. Легенда об американском наследстве не давала мне покоя. Я видел во сне туго перевязанные пачки кредитных билетов, ящики с золотом и драгоценными камнями. Я думал о том, как буду покупать дорогие выпуски приключений Ника Картера по семи копеек и Ната Пинкертон – по пяти. На прочтение я больше брать не буду. Я мечтал о резиновом «Дьябло» и колесных коньках, выставленных в игрушечном магазине Колпакчи. Я расспрашивал людей, опасная ли болезнь астма и скоро ли от нее умирают. Я жил миражем будущих богатств. И вот однажды, когда на тротуаре, возле ворот, я погнался «бабу», ко мне подбежала Ривка, «мамка» старшего брата, прожившая в нашей семье много лет.

– Иди скорей наверх, – причитала она сквозь слезы, – скорей наверх... мама зовет. Такое несчастье, такое несчастье... дядя Арий умер...

Ривка была добрая женщина, и смерть даже абсолютно незнакомого человека причиняла ей душевное страдание. Словом, наши точки зрения на события в Бостоне в этот день не совпали. Одним духом взмыл я на четвертый этаж.

Наконец-то все, о чем я мечтал, станет действительностью...

– Одевай новый костюм, – сказала мама, – умойся и причешись... Нас вызывают к консулу по делу о получении наследства. У нас большое горе – умер наш дядя Арий.

Когда мы спустились вниз, во дворе было большое оживление. Соседи стояли группами, обсуждая событие и возможный размер состояния дяди. Весть об американском наследстве проникла во все уголки дома.

Мама плыла степенной походкой между нами, отвечая на поклоны.

Как бы то ни было, в утро этого майского дня мы вышли из ворот дома на Базарной улице миллионерами.

Мне казалось, что все прохожие оборачиваются и смотрят на нас и что весь город уже знает о наследстве. Когда мы проходили мимо игрушечного магазина Колпакчи, я увидел в окно резиновое «Дьябло» и колесные коньки. Завтра завеса этого таинственного и недоступного мира должна была упасть. Я куплю еще стальной лук и ружье, стреляющее палочкой с резинкой.

Колпакчи сменили роскошные витрины «Абрикосова с сыновьями», где банки замечательного варенья сверкали драгоценными рубинами,

стояли торты, чудо кондитерского и скульптурного искусства, и лежали горы конфет. Через несколько дней все это будет моим, потому что мы будем богаты...

Замечтавшись, я не заметил, как мы подошли к заветной двери американского консульства. Великолепный швейцар впустил нас в приемную. Высокий, выхоленный секретарь, узнав, в чем дело, очень вежливо, на ломаном русском языке просил нас подождать. Какие это были томительные минуты, но что они стоили в сравнении с долгими днями ожидания.

Но вот открылась высокая дубовая дверь, и нас пригласили. Зрелище, которое мы увидели, было ослепительно. Огромный резной письменный стол был уставлен сверкающей бронзой и мрамором. По углам комнаты стояли фигуры рыцарей в железных латах. Наши ноги приросли к полу, и мы остановились посреди комнаты всей семьей. Мама посредине и мы, дети, по бокам. Сам консул стоял, как изваяние, на каком-то возвышении, затянутый в длинный черный сюртук. У него было лицо Авраама Линкольна, и из-под седых бровей смотрели пронизательные серые глаза. За спиной его, во всю стену, висело американское знамя. Ответив на приветствие, консул взял у секретаря бумагу, завернутую в трубку, и развернул ее. Большая сургучная печать на ленте качалась, как маятник. Консул долго читал завещание. Мы не поняли ни одного слова. Окончив чтение, он протянул бумагу секретарю, поклонился и вышел. Секретарь пригласил нас к бюро. Он повернул ключ, и крышка с грохотом повалилась вниз. Он раскрыл какую-то книгу и попросил маму расписаться. Затем секретарь положил на стол пять бумажек по пять долларов и маленькую книжку в синем переплете с золотым крестом.

– Как? – только и сказала мама.

– Мистер Гарри Уайтмен, – сказал секретарь, вежливо кланяясь (дядя в Америке переменял фамилию), – оставит все состояния методическа, христианска общин город Бостон. Вас, как очень бедны, он завещал двадцать пять доллар и... библия...

В этот день я понял, что с астмой можно долго жить и что нечего надеяться на американское наследство.

(Тридцать дней. 1936. № 1. С. 30–32)

С.Н. Герасимова

**К биографии Я.М. Бельского:
новые данные из фонда личных дел
Управления службы безопасности Украины
в Одесской области**

В настоящем сборнике печатается очерк О.И. Киянской и Д.М. Фельдмана «Судьба и эпоха Якова Бельского». Очерк этот построен в основном на материалах московских газет и хранящихся в Москве документальных материалах. Между тем, и в Одессе есть немало документов, характеризующих биографию чекиста, художника и писателя – одессита Якова Моисеевича Бельского.

В данной работе речь пойдет о материалах, хранящихся в фонде личных дел Управления Службы безопасности Украины в Одесской области (Дело 3528). Дело это, в котором собраны анкеты, автобиографии и характеристики отставного чекиста Бельского, было в середине 1960-х гг. передано в Одессу из Центрального архива КГБ СССР. Общая пагинация в деле отсутствует.

Документы из этого дела позволяют уточнить данные о семье Бельского. Он действительно родился в еврейской семье г. Одессы; семья жила в Авчинниковском переулке, «в доме Ковура».

При рождении будущий чекист носил фамилию Биленкин и рано потерял отца. Его отец, Мошко Мордков Биленкин, в 1905 году «сошел с ума и умер в 1908 г. в Одессе на Слободке-Романовке в сумасшедшем доме». Скорее всего, причиной сумасшествия Биленкина-старшего был еврейский погром 1905 г.

Сохранившиеся в деле анкеты вносят коррективы и в рассуждения о биографиях других родственников Якова Бельского.

Так, его брат Марк родился в 1888 году, а брат Арон – год спустя, в 1889 году. Оба они появились на свет в Киеве. В 1892 году родилась сестра Ида; к моменту ее рождения семья уже переехала из Киева в Одессу.

Киянская и Фельдман утверждают: Арон Биленкин «по-видимому, был журналистом и в середине 1920-х годов работал вместе с Яковом в газете “Красный Николаев”, где заведовал отделом рабочей жизни». Исследователи ошибаются: в Николаеве брат Якова Бельского не работал. До 1927 года он жил в Одессе, а потом уехал в Харьков. В столице Украины Арон работал агентом по снабжению на Керамическом заводе. Отъезд Арона в Харьков был связан с женитьбой: его женой была Биленкина Вера Никифоровна (урожд. Бабенко), 1904 года рождения, уроженка Харькова.

Сохранились сведения и о жене Бельского, Шетте Ивановне. Урожденная Мягкая, она родилась в 1904 году в Николаеве. Ее брат, артист Николай Иванович Мягкий, переехал из Николаева в Свердловск – и поддерживал тесные родственные связи со своей сестрой.

Кроме того, Бельский сообщает, что за границей, в Америке (Северо-Американские Штаты), у него есть родственники – и с ними «нерегулярную переписку вела мать». После смерти в 1933 году матери, Ципойцры (Цецилии Яковлевны) «эта переписка прекратилась».

Документы подтверждают гипотезу Киянской и Фельдмана о том, что в 1917 году Бельский служил на Румынском фронте, рядовым 194-го пехотного Троицко-Сергиевского полка.

В деле содержатся две написанные Бельским автобиографии – 1928 и 1935 годов.

В первой, составленной в Харькове, сообщается: «В 1905 г. отец сошел с ума и умер в 1908 г. в Одессе на Слободке-Романовке в сумасшедшем доме. Семью, оставшуюся без всяких средств, содержал уроками старший брат. В настоящее время он, Биленкин Марк Моисеевич, работает секретарем Укрпостпредства в Москве (Колпачный пер, 5). Возраст его – 40 лет.

Другой брат Аркадий Моисеевич работает на Керамическом заводе в Харькове агентом – 36 лет. Жил в Одессе с сестрой Юлией Моисеевной, 32 года, по ул. Раковского, 49, на нашем иждивении.

В белых или противосоветских армиях никто из родственников не был. Близких родственников на территории СССР у меня, кроме перечисленных, нет.

Есть близкие родственники в Америке (Сев. А. С.-Ш), с ними нерегулярную переписку вела мать. Эта переписка прекратилась.

Учился в Художественном училище даром. Как первый ученик освобожден от платы <...>

В плену не был. За границей был, в Германии в 1927 г. 1 месяц по командировке Наркомпросвещения. В 1921 г. получил золотые часы от Коллегии ВЧК с подписью «За самоотверженную борьбу с контрреволюцией» <...>

Женат с 1924 г. Жена – Шетта Ивановна Бельская, урожденная Мягкая. Родилась в Николаеве в 1904 г. Отец ее умер задолго до нашего брака, мать содержала постоянный двор (Мария Григорьевна Мягкая), возраст неизвестен, под 40. Брат Николай Иванович – актер, род. в 1905 г. (живут в Николаеве, ул. Советская, 38)».

В автобиографии, написанной в 1935 году в Москве, Бельский подробно рассказывает о первом этапе собственной биографии: «Родился в 1897 г. в Одессе в семье инспектора (агента) страхового общества. В 1907 г. отец умер и семью содержал уроками старший брат студент. В конце 1916 г. был мобилизован в царскую армию. С фронта (румынского) бежал в августе 1917 г. Был в Одессе в полусотне молодежи в Красной Гвардии до 1918 г. Недолго учился в 1918 г. в Академии художеств. Вынужден был уехать в Подолию, боясь преследований за Красную Гвардию и проведение забастовок протеста против расстрела студентов в Киеве. Вернулся в конце 1918 г. Работал по организации студенческих боевых дружин. В 1919 г. работал в агитпропе Губисполкома. В мае вступил в партию. Затем служил в 1919 г. в 1-й Бессарабской стрелковой дивизии и в Губернском особом отделе. После подполья 1919 г. выступал 7 февраля 1920 г. <так!>, затем работал на разных должностях в ЧК – ГПУ до мая 1922 г. С тех пор на журналистской работе в Николаеве, Харькове и в Москве.

Гетманская власть началась в Одессе в феврале 1918 г. После прихода немцев (гетмана) я учился в Академии художеств до расстрела студенческой демонстрации в Киеве. После этого я провел забастовку протеста в Академии.

Опасаясь преследований, уехал в Подолию, откуда вернулся в Одессу VI–VIII–18, после взрыва пороховых погребов, когда гетманская власть уже шаталась. Тогда же, при гетмане, вместе со студентами Дубом и Фишманом работал по организации студенческих дружин для восстания. Работал в это время как художник. Восстания не было. Город был занят в апреле Григорьевым, и была установлена советская власть. При совласти я работал в агитпропе Губисполкома и в Губернском особом отделе до оставления города нами в августе 1919 г.

С конца сентября или начала октября установил связь с партией и формировал боевой десяток. Связь была через Н.Н. Тумановского и группой Северного. После занятия нами города 7 февраля 1920 г. работал в Одесской губчека».

В деле содержится три характеристики Бельского. Из этих характеристик следует: прийдя на службу в «органы», он сделал ошибку. Для работы в ЧК-ОГПУ-НКВД он явно был не создан.

Первая из характеристик составлена в апреле 1932 года в ОГПУ по итогам «военной командировки» бывшего чекиста:

«Служебная характеристика:

Быстро ориентируется в обстановке, хорошо усваивает задания и выполняет их.

Тов. Бельский работал в бригаде по обследованию СПО ОГПУ, за время работы там наблюдалась недостаточная организованность в работе и по отдельным моментам недостаточно глубокое отношение к проработке (отдельных) вопросов.

Вывод: в органах т. Бельский мог быть использован по должности уполномоченного. Полагаю, что привлечь его на работу в органах теперь уже нецелесообразно.

Пом. нач. 2 отд.

Начальник СПО ОГПУ

Корш

Молчанов»

Вторая характеристика датирована декабрем того же 1932 года, составлена секретарем журнального сектора издательства «Правда» К. Быковым и направлена в отдел кадров Полномочного представительства ОГПУ Московской области: «Бельский Я.М., член ВКПБ с 1918 г., по специальности – художник. Работал в течение нескольких лет в «Харьковском коммунисте» художником и заместителем редактора.

С декабря 1930 г. по настоящее время Бельский работает заместителем редактора журнала «Крокодил». Остроумный и талантливый журналист. Ряд лучших тем «Крокодила» принадлежит ему. Как художник и литератор-сатирик себя в «Крокодиле» не проявил, не работает над собой.

Административными и организаторскими способностями т. Бельский обладает, легкомысленный и поверхностный человек с налетом богемы. Обладает быстрой восприимчивостью и способностями, но не работает над собой, в результате – политическое развитие поверхностное.

В среде беспартийных художников и литераторов растворяется так, что не проявляет лица коммуниста, не проявляет партийного такта, общественные нагрузки выполняет с большой неохотой.

Тов. Бельский может быть использован на работе только при крепком политическом руководстве и постоянном наблюдении над ним».

И, наконец, третья характеристика составлена в феврале 1937 года в редакции газеты «Вечерняя Москва»:

«Тов. Биленкин-Бельский Я.М., член ВКП(б) с 1919 г., работал в редакции газеты «Вечерняя Москва» с 7.VI.34 г. в качестве фельетониста, художника-карикатуриста и руководит отделом «В шутку и всерьез».

В январе 1936 г. партколлегия Комиссии партийного контроля указала тов. Бельскому на то, что им была подписана справка авантюристке Розе Вакс.

Т. Бельский квалифицированный и способный газетный работник и художник.

На партийной работе тов. Бельский активен, но не систематически, нуждается в понукании, в частых напоминаниях о данных ему поручениях.

Секретарь парткома

Терентьев

Отв. редактор

Романовский

Предс. месткома

Такоев»

Прежде чем арестовать Бельского 26 июля 1937 года, НКВД собирало о нем информацию. Следы этой работы сохранились в его личном деле. Так, 25 июня 1937 года 4-м отделом Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД – по материалам доносов – была составлена справка о бывшем чекисте. Согласно этой справке, «Бельский Я.М. в период работы в «Крокодиле» (заместителем редактора) по агентурным данным отличался недопустимой болтливостью в отношении сведений, не подлежащих широкому распространению.

Отмечались случаи распространения Бельским непроверенных, а иногда явно неверных политических слухов. Много рассказывал Бельский среди беспартийных сотрудников журнала о работе ОГПУ, допустив однажды инсценировку допроса для потехи сотрудников редакции».

Справка подписана помощником начальника 4-го отдела ГУГБ майором госбезопасности Гатовым и начальником 9-го отделения этого отдела капитаном госбезопасности Журбенко.

Кроме того, за 11 дней до ареста Бельского состоялся допрос его знакомого, поэта, журналиста и переводчика Анатолия Волковича. Протокол допроса выглядел следующим образом:

«Протокол допроса обвиняемого Волковича Анатолия Сергеевича. 15 июня 1937 г. о связях Бельского Я.М.

Волкович Анатолий Сергеевич, 1897 г.р., уроженец г. Киева, образование высшее, окончил Киевский университет, до ареста – переводчик.

В 1925 г. в мае в Харькове меня познакомил редактор газеты “Червона Армія” Гус Михаил Семенович с журналистом-художником Бельским Яковом Михайловичем.

Бельский в прошлом служил в органах ЧК-ГПУ, член партии. С Бельским я был в приятельских отношениях, постоянно бывал у него в квартире до 1930 года, т.е. до моего отъезда в Киев.

С Бельским я также виделся у него на квартире в Москве в апреле 1936 г.

Бельский – типичный представитель буржуазно-журнальной богемы, и меня поражало то обстоятельство, что Бельский одновременно являлся членом партии.

Бельский связан с журналистом Любченко Николаем Петровичем (Кость-Котко), осужденным за активную контр-революционную националистическую деятельность, с Ахамтовым Лев Соломонович – арестованным за активную контр-революционную троцкистскую деятельность, с бывшим редактором газеты «Червона Армія» Гусс Михаил Семенович.

У него в квартире в Харькове часто бывали Шлейман-Коробан, арестованный в Москве в 1936 г., Чечвянский-Губенко Василий Михайлович – активный участник украинской контр-революционной националистической фашистской террористической организации и ряд других лиц, антисоветски настроенных.

Будучи в Москве в апреле 1936 г. я зашел на квартиру к Бельскому, там же я застал Ахматова, Золотарева Юрия Михайловича – работника газеты «Вечерняя Москва», исключен из партии в 1929 или 1930 г. в Харькове.

Волкович

Допросил:

Оперуполномоченный

14 отдела ГУГБ

Мл. лейтенант госбезопасности

Акимов».

Следует отметить, что Анатолий Волкович был расстрелян тогда же, летом 1937 года.

Г.В. Закипная

РУКОПИСЬ ОБ АХМАТОВОЙ

В 1988 году в фондах нашего музея работал киевский литературовед Мирон Семенович Петровский. Как-то он вскользь обмолвился о том, что среди бумаг хранится у него пара листов рукописи статьи Корнея Чуковского об Анне Ахматовой. На просьбу передать автограф писателя в дар музею откликнулся незамедлительно – вернувшись в Киев, тут же прислал обещанное в Одессу. В своем письме от 4 декабря 1988 года Мирон Семенович подробно рассказал о том, как стал обладателем этой рукописи:

«Помнится, дело было так. В последние свои годы (а он чувствовал, что последние, часто говорил об этом) Корней Иванович готовил к изданию свой рукописный альманах «Чукоккала». Он просматривал и отбирал материал, к отобранному составлял комментарий, который порой разрастался в обширный литературоведчески-мемуарный текст, обладающий вполне самостоятельным значением. Как вы знаете, «Чукоккала» вышла в свет через десять лет после смерти Чуковского, и многие материалы, подготовленные им, в книгу не вошли.

Работал Чуковский без снисхождения к себе – любая, самая крохотная замечка по многу раз переделывалась. Переданная мною Лит. музею рукопись – промежуточная, то есть текст сначала создавался с пером в руках, потом К.И. Лозовская (его лит. секретарь) перепечатывала на машинке – и все начиналось сначала. Я застал тот момент, когда с этого текста была в очередной раз снята машинописная копия, а этой рукописи дорога была в корзину. Я запротестовал и попросил К.И. отдать эти листки мне. «Вы собираете мои рукописи?» – иронически спросил он, но глаза были грустные, как бы говорили: вы ожидаете моей смерти? Я почувствовал это и стал лепетать, что, мол, посмотрите – рукопись выглядит как произведение графики – быть может, абстрактной, но как интересно следить за расположением поправок и т.д. Он молча, с грустной улыбкой позволил мне взять эти листки.

Коротко и грубо говоря, вся «легенда» сводится к тому, что я выпросил эти листки у Корнея Ивановича.

Вот и все.

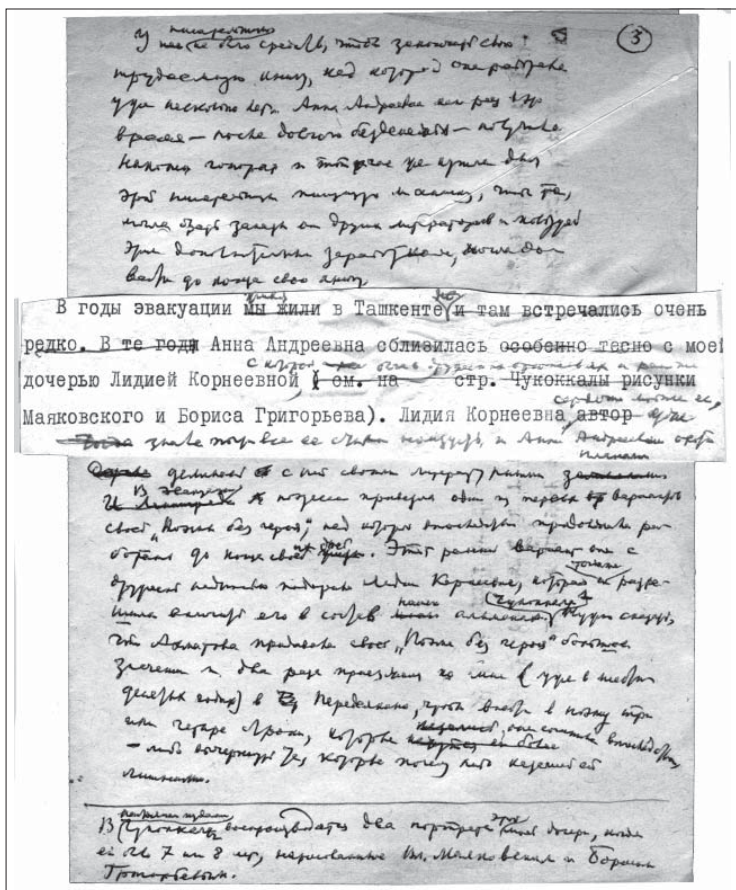
Успехов Вам в Вашем добром деле!

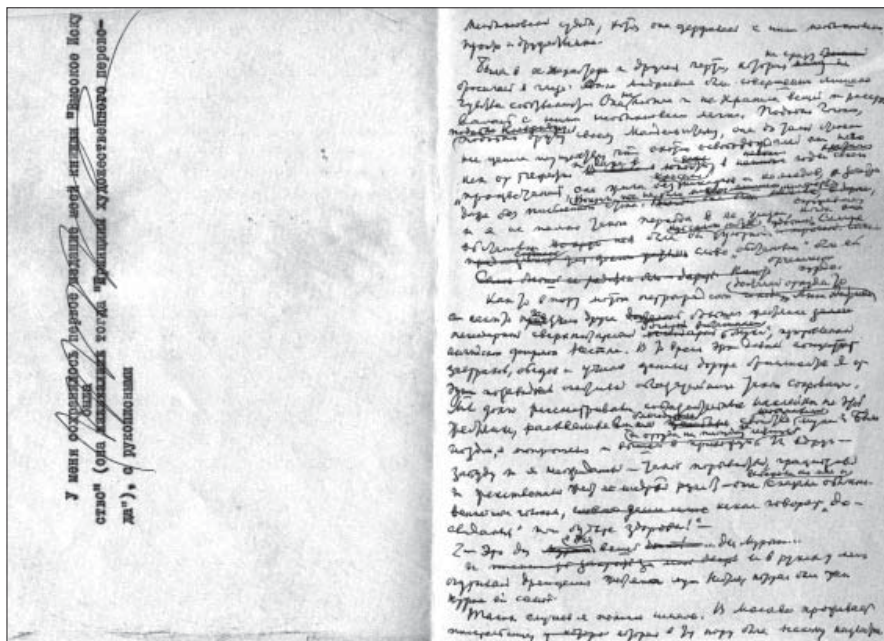
Свидетельствую уважение Вам и Вашим милым коллегам.

Мирон Петровский.

Да, вспомнил: параллельно комментированию «Чукоккалы» шла работа над статьей об Ахматовой для ленинградского сборника ее стихотворений. В ту пору статья не вышла.

М.П.».

Дата и место рождения рукописи – Переделкино, 27 июня 1966 года. С 23 ноября 1988 года рукопись стала жить жизнью музейного экспоната. Долго скучать в фондохранилище ей не пришлось. В июне 1989 года праздновалось столетие со дня рождения Анны Андреевны Ахматовой. Юбилей солидный, но дело в том, что это было первое официальное празднование дня рождения великого поэта. В Одессе – на родине Ахматовой – проходили интереснейшие мероприятия: выставка в Литературном музее, Ахматовские чтения. На 11-й станции Большого Фонтана, где родилась Ахматова, установили памятную доску и поставили скамью и вазу. Через год-другой благодарные потомки эти знаки внимания благополучно растащили по заковрам.

Выставку к столетию Ахматовой делать было чрезвычайно трудно: экспонатов крайне мало. Рукопись Чуковского заняла центральное место на этой выставке в Золотом зале, и с тех пор вела и ведет достойную жизнь ведущего экспоната на всех выставках, посвященных поэтам Серебряного века.

Что же представляет собой эта рукопись, сделавшая головокружительную карьеру в качестве музейного экспоната? Для молодых читателей, которые имеют возможность знакомиться с творчеством и биографией Анны Андреевны Ахматовой в полной мере и в полном объеме (с наступлением того замечательного возраста, когда появляется интерес к лирике), рукопись эта не представляет уникальной информационной ценности. А вот читателям того поколения, которые воспринимают книгу Корнея Чуковского «Современники» как адресную, пожелтевшие странички напомнят о многом.

В 1966 году, когда Чуковский работал над изданием своего рукописного альманаха «Чукоккала», литературы об Анне Андреевне Ахматовой – биографической и литературоведческой – было очень немного, издания ее стихотворений представляли собой библиографическую редкость, ничего нового не печаталось. Мирон Петровский в письме упоминает, что альманах «Чукоккала» был издан через десять лет после смерти Чуковского. Думаю, что Корней Иванович предполагал подобное, предполагал он и то, что многие автографы, собранные им в этом уникальном рукописном альманахе, не будут включены в издание, многие страницы сам припрятывал. Верил ли Чуковский, что альманах «Чукоккала», стараниями его внучки Елены Цезаревны, дочери Лидии Корнеевны Чуковской, будет издан в 1999 году полностью, без купюр, судить трудно. Но то, что он на это надеялся – безусловно. А если бы тогда, в 1966 году, там – в Переделкино – Чуковский узнал о судьбе исписанных им на обороте машинописи страничек, удивился бы безмерно. Не мог представить себе Корней Иванович ни Литературного музея в Одессе – со своими рукописями и фотографиями в витринах, – ни того, что в городе у моря вспомнят и загордятся тем, что на Большом Фонтане родилась Ахматова, а через одесский порт в Африку путешествовал поэт Николай Гумилев. Не мог представить великий сказочник и того, что будут изданы многочисленные воспоминания об Анне Андреевне и особое место в этом достойном пласте мемуарной прозы займут «Записки об Ахматовой» его дочери Лидии Корнеевны Чуковской, при Советской власти находившейся в опале.

В 1988 году, когда рукопись Чуковского стала экспонатом Одесского литературного музея, самым полным собранием сочинений Ахматовой был ее двухтомник, изданный в 1986 году в Москве, а наиболее информационно насыщенными были воспоминания об Ахматовой Корнея Чуковского. В 1986 году героическими трудами Елены Цезаревны Чуковской

в альманахе «День поэзии» впервые увидели свет «Неопубликованные страницы “Чукоккалы”», а через год журнал «Новый мир» опубликовал мемуары «Чуковский об Ахматовой» – самые полные воспоминания Корнея Ивановича.

Рукопись Чуковского, хранящаяся в Литературном музее, содержит следующую информацию:

1. Знакомство с юной Ахматовой в 1912 году в Петербурге на литературном вечере, где она находилась вместе со своим мужем – поэтом Н.С. Гумилевым и очень смущалась от внимания, оказываемого ее стихам.

2. В скором времени Чуковский с удивлением замечает, что в характере Ахматовой появляется новая черта – величавость. Он развивает эту тему: величавость Анны Ахматовой происходит от того огромного и высокого значения, которое она вкладывает в понятие «поэт».

3. Вторая особенность характера Ахматовой – отсутствие чувства собственности, пренебрежение материальными ценностями, щедрость, готовность поделиться, ощущение излишества того небольшого, что имела (подарила в голодное время банку муки его дочери Мурочке; подарила какой-то начинающей писательнице пишущую машинку, чтобы та могла подрабатывать и закончить работу над своей книгой).

4. О годах эвакуации, проведенных в Ташкенте, о дружбе Ахматовой с Лидией Корнеевной Чуковской. В эвакуацию Ахматова привезла один из первых вариантов «Поэмы без героя», читала его Чуковским. В последние годы жизни Ахматова приезжала в Переделкино читать новые строфы «Поэмы без героя».

Начало рукописи, в основном, входит во все изданные варианты статьи Чуковского об Ахматовой (собрание сочинений Чуковского, его книга «Современники», альманах «Чукоккала»). Но во всех прижизненных публикациях воспоминаний Чуковского об Ахматовой начисто отсутствует упоминание о дружбе Ахматовой с дочерью Чуковского Лидией Корнеевной. В рукописи, которой располагает музей, Чуковский пишет о том, что в годы эвакуации в Ташкенте Ахматова особенно сблизилась с его дочерью Лидией, с которой была в дружеских отношениях и раньше: «Лидия Корнеевна сердечно любила ее, знала многие ее стихи наизусть, и Анна Андреевна знала многие ее стихи наизусть, и Анна Андреевна делилась с ней своими литературными планами» (цит. по рукописи). Знал Корней Иванович, что даже упоминание о дружбе между Ахматовой и Лидией Корнеевной будет изъято, но хотел хоть в своем авторском варианте об этом написать.

В течение 20 лет фамилию Лидии Корнеевны Чуковской убирали отовсюду – из подписей под фотографиями, из воспоминаний. Когда Корнея Ивановича не стало, его дочь подготовила к публикации в сборнике воспоминаний о нем его автобиографическую статью «Признания старого сказочника», после чего ее попросили убрать свою фамилию из издания. Только в 1988 году появилась книга, издания которой Лидия Корнеевна ждала полвека: туда вошли ее повести «Софья Петровна», «Спуск под воду». В 1989 году, к столетию Ахматовой, появились в журнале «Нева», а вскоре вышли отдельным изданием ее «Записки об Ахматовой».

Хранящаяся в музее рукопись Чуковского обрывается на том, что в последние годы жизни Ахматова приезжала в Переделкино к Чуковским читать свою «Поэму без героя». Напомню, что датирована рукопись 1966 годом – годом кончины Анны Андреевны Ахматовой.

Визуально рукопись Чуковского весьма необычна для компьютерного поколения писателей и читателей: написана от руки чернилами на обороте машинописного черновика какой-то статьи (бумага формата А4), согнутого пополам, поверх зачеркнутых строк правка, вклейки машинописных строк. Недаром Мирон Петровский пишет в своем письме: «...рукопись выглядит как произведение графики – быть может, абстрактной, но как интересно следить за расположением поправок...». В письме Петровский предполагает, что эту рукопись Чуковский готовил для издания своего уникального альманаха «Чукоккала», однако в конце письма есть приписка: «Да, вспомнил: параллельно комментированию «Чукоккалы» шла работа над статьей об Ахматовой для ленинградского сборника ее стихотворений. В ту пору статья не вышла».

Не суждено было быть изданным в ту пору и альманаху «Чукоккала». Увидело свет это удивительное издание в 1979 году. Несмотря на многочисленные купюры, на отсутствие многих дорогих Корнею Чуковскому и всем любителям литературы имен, издание легендарной «Чукоккалы» было истинным явлением и праздником для людей читающих.

В 1965 году Корней Иванович подарил свой музей автографов внучке Елене Цезаревне: «Альманах “Чукоккалу” со всеми приложениями к нему дарю своей внучке Елене Цезаревне Чуковской.

Отныне это ее полная собственность, и она может делать с ним, с альманахом, все, что заблагорассудится ей. Корней Чуковский. 4 октября 1965 г. Переделкино»¹.

Естественно, что Елене Цезаревне заблагорассудилось издать альманах. О том, сколь тернист был путь издания, Елена Цезаревна рассказала в статье «Мемуар о «Чукоккале», начав с мажорного вступления: «Накануне 1 апреля 1979 года, того дня, когда Корнею Ивановичу исполнилось бы 97 лет в издательстве “Искусство” вышла наконец “Чукоккала”.

В переделкинском доме Чуковского, где в этот день собираются его близкие друзья и устраиваются выставки документов его архива, на столе стояли четыре экземпляра “Чукоккалы” в ярко-желтой суперобложке.

Это было странно, в это не верилось, казалось, что этого не может быть.

Издание альманаха тянулось тринадцать лет, рукопись была сдана в издательство весной 1966 года. С тех пор судьба альманаха обрастала легендами, слухами, и я чувствую потребность оглянуться назад, вспомнить, что и как было на самом деле»².

Сразу после издания 1979 года Елена Цезаревна стала работать над изданием альманаха в полном виде. Над первым изданием работа длилась тринадцать лет. Двадцать лет спустя вышло второе издание «Чукоккалы». Найдите его, прочтите «Мемуар о «Чукоккале» Елены Цезаревны полностью, и вы поймете, что подарок Корнея Ивановича попал в достойные и деятельные руки.

В издании «Чукоккалы» 1999 года (тираж 5000 экз.) встречаем мы и имя нашего музейного дарителя Мирона Семеновича Петровского: «Книга производит ошеломляющее впечатление. Ошеломляет в книге ее, так сказать, тотальная необычность. В ней необычно все: жанр, содержание, оформление. Она опрокидывает все привычные читательские установки, любое ожидание: альбом репродукций? научное издание текстов? сборник юмора и сатиры? Не нужно быть профессиональным книговедом, чтобы оценить размер и качество небывалости этой книги: она просто уникальна.

Несмотря на все старания уменьшить ее “отражательные потенции”, она “отражает” многое – временами не отраженное нигде, не отраженное никак, а в ней резко и внятно.

Здесь впервые сказано о причинах закрытия “Всемирной литературы”, впервые же сказано, что М. Пришвин – ученик В.В. Розанова, здесь упоминаем Ю. Оксман, здесь В. Катаев говорит о гибели Маяковского серьезнее, чем в нынешних своих сочинениях... А Ю. Тынянов объясняет себя и свое время. Потрясающе сообщительная книга. М.С. Петровский

(Киев, литературный критик)»³. Так восторженно приветствовал Мирон Петровский первое издание «Чукоккалы» 1979 года, и эти слова благодарного и знающего читателя воспроизвела Елена Цезаревна Чуковская в переиздании альманаха 1999 года. Полагаю, что Елене Цезаревне было из чего выбирать – откликов на выход «Чукоккалы» было великое множество, но запали в душу и полюбились ей слова Мирона Семеновича.

Безусловно, такое внимание к характеристике, данной альманаху Петровским, обусловлено и тем, что Мирон Семенович был одним из первых биографов Чуковского. Еще при жизни Корнея Ивановича вышли три книги о нем, авторство которых принадлежит Мирону Петровскому: «Корней Чуковский: Критико-библиографический очерк» (М., 1960); «Корней Чуковский: Книга о детском писателе» (М., 1962); «Книга о Корнее Чуковском» (М., 1966). Писал Петровский о Михаиле Булгакове, Льве Квитко, Самуиле Маршаке. А родился Мирон Семенович в Одессе – 8 мая 1932 года. Был он очень мал, когда семья его переехала в Киев, и этот город стал ему родным, в этом городе прожил он свою жизнь, за исключением военных годов эвакуации. Так рожденный в Одессе стал закоренелым киевлянином. Признанием в любви Киеву воспринимается его книга киевских очерков «Городу и миру», которая пользуется большой популярностью. Но как видим, к Одессе Мирон Семенович сохранил дружелюбное отношение, о чем свидетельствуют подаренные им экспонаты. Пользуюсь случаем по прошествии десятилетий еще раз поблагодарить Мирона Семеновича за бережное хранение и бесценный подарок музею.

В целом, история этого экспоната – очень поучительная история о том, что рукописи не горят лишь в том случае, если попадают в заботливые руки сотрудников музея.

Примечания

- ¹ Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. – М.: Премьера, 1999. – С. 11.
- ² Там же. – С. 351.
- ³ Там же. – С. 364.

Марсель на берегу Черного моря

*«Одесса – средиземноморский город.
То, что он стоит на берегу
Черного моря – географический факт
и в то же время – недоразумение.
Его строили итальянцы и французы.
И итальянский, и французский языки
какое-то время были здесь официальными».*

Борис Херсонский «Одесский синдром»

Одесса – город, впитавший в себя европейский дух. Подобно южным приморским городам, Одесса чувствительна, но не сентиментальна, игрива, временами причудлива и всегда притягательна.

Практически во всех сферах общественной жизни на заре основания города появляется фигура француза: французы были ювелирами, часовщиками, гувернерами, владельцами книжных магазинов, немало было и аристократов, которым пришлось эмигрировать после Французской революции; как точно заметил Ростислав Александров: *«...не счесть было в Одессе самых разных французских вещей, изделий, продуктов, и еще очень многое другое напоминало Францию..., которую тут никогда не считали чужой и далекой»*. Неудивительно, что в 1900-е годы Одессу называли «Марсель востока», или «Марсель на берегу Черного моря», а центральные улицы города носили французские имена: Ланжероновская, Ришельевская, Французский бульвар. Петр Пильский в небольшом очерке об Одессе «Лики городов» шутливо подмечает: *«Одессит... – это русский марселец. Легкомысленный хвастун, лентяй, весь внешний великолепный лгун, задорный шутник»*. Как и в большинстве приморских городов, в том числе и французских, смесь одежд, лиц и наречий в Одессе переносит нас в атмосферу пестрой международной ярмарки.

Действительно, устоявшийся средиземноморский характер и яркий темперамент роднят Одессу с Марселем, ставшим побратимом нашего города в 1973 году. Поскольку основой побратимства является взаимное ознакомление с жизнью, историей и культурой, не случайно возникает идея выставки, призванной проследить и показать пути развития двух

городов под названием «Пути Одессы: между Черным и Средиземным морем», которая должна состояться в Марселе в 2014 году. Это не первая выставка, выявляющая параллели между двумя городами-побратимами. Первая проходила в 1989 году также в Марселе и называлась «La mémoire d'Odessa»:

Как видно из названия, лейтмотивом нынешней выставки становится категория «путь», т.к. выставка поочередно прослеживает двуправленные пути (маршруты): сперва ведущие в Одессу (речь идет о поселенцах, укрепивших Новороссию и начавших строительство города); затем – ведущие из Одессы (эмиграция); а также пути развития самой Одессы – ее становление. Одним из смыслообразующих образов выставки становится образ лестницы, отсылающий как к знаменитой Потемкинской лестнице в Одессе, задумывавшейся как парадный вход в город, так и к лестнице в Марселе, спускающейся от вокзала «Сен-Шарль» по направлению к главной улице Канебьер.

Одесса и Марсель – два города греческого происхождения, оба расположены на берегу морей. Если фракийские греки в V ст. основали поселение Массалия (впоследствии Марсель) на берегу Средиземного моря, то милетские греки в этот же период основали целый ряд поселений на берегу Черного моря, главными среди которых являются Пантикапей, Ольвия, а также поселение на территории нынешней Одессы, игравшее значимую роль в торговых путях сообщения.

Хотя Одессу величали «жемчужиной в царской короне Российской империи», она впитывала влияния иностранных городов, искала ориентиры в других культурных традициях. Таким образом, город формируется как своего рода центр коммуникации, как место встречи разных языков и культур. Идея основателей – развивать Одессу как город прогресса, увенчалась успехом. Возведенный, *упорядоченный (искусственный)* город, построенный по генеральному плану, имеющий прямоугольную структуру, будто подчеркивающую его устойчивость, стабильность и гармонию, делают саму Российскую Империю более понятной рациональному сознанию Европейского запада (в т.ч. и французскому). А первые градоначальники города – Арман Ришелье и Александр Ланжерон, французы по происхождению, внесли просвещенный европейский дух на территорию Новороссийского края. Франция в пространстве молодого города напоминала о себе многочисленными магазинами, находившимися в одесском Пале-Рояле и не только: портной Луи Лангле, парикмахер Пеллетье, часов-

щик Штерн, торговец бордоскими винами Шатрен, кондитер Замбрини. Иностранные влияния проявляются и в формировании облика города, созданного французскими архитекторами Тома де Томоном, Огюстом де Монферраном и итальянскими – Францем Боффо, Джорджо Торричелли, Иваном (Каэтаном) Даллаквой. Поскольку в развитии города основной упор изначально делался на торговый порт, город быстро привлекает марсельских негоциантов. Так, к примеру, в 1816 году французский негоциант Шарль Сикар, обосновавшийся в Одессе и получивший российское подданство, ставший купцом первой гильдии, создает крупную международную компанию с представительством в Марселе, Париже и Константинополе.

Существенное влияние Франция оказала и на промышленности до-революционной Одессы. В городе было около 20 хлебных контор и торговых домов французских компаний. Известностью пользовался завод мыловарения француза Жоржа Питансье, ему же принадлежал крупный завод по изготовлению стеариновых свечей, за основание которого в 1853 году он получил Большую серебряную медаль на Московской мануфактурной выставке. Однако наиболее значительную роль французы сыграли в становлении производства вина в Одессе. Изначально импортом французских вин занимались несколько предпринимателей, среди которых наиболее активным был Пьер Нуво. Его дело унаследовал Франсуа Нуво, оборудовавший на участке Малофонтанской дороги (нынешний Французский бульвар) подземные хранилища для вина. Позднее здесь был основан винзавод. Чуть дальше, на Французском бульваре, расположилось известное предприятие – Одесский завод шампанских вин, раннее именовавшееся «Южнорусское общество виноделия Генрих Редерер в Одессе». Главным инициатором и основателем товарищества был француз Людвиг-Эдуард-Генрих Редерер. Виноматериалы, бутылки, пробки изготавливались во Франции, посему неудивительно, что шампанское «Генрих Редерер» успешно конкурировало с продуктом французских фирм.

Французское влияние охватывало почти все сферы общественной и культурной жизни Одессы. В 1909 году, когда В. Издебский организовал первый «Салон», разместившийся в залах нынешнего Литературного музея, одесская публика познакомилась с французским художественным авангардом. Среди представленных полотен представителей «Мира искусства», «Бубнового валета» и южнорусских художников были по-

лотна французов – П. Боннара, М. Вламинка, А. Матисса, М. Дени, А. Руссо, П. Синьяка. Девиз у «Салона» был весьма демократичным, под стать Одессе: «... *представить картину современного творчества... дать при этом возможность высказаться представителям всех направлений*».

Благодаря активности порта, сохранявшейся в течение всего XIX столетия, а также своей культуре – либеральной, толерантной, жизнерадостной, благодаря своей пестрой суете (то, что французы называют “la joie de vivre”), город формирует собственный образ, послуживший основой для формирования культурной идентичности, ключевыми факторами в определении которой становятся такие понятия, как *свобода, равенство, братство* – по сути – слоган французской революции, только без гильотины. Люди, решившие приехать в Одессу на заре основания города, во многом были авантюристами – они должны были начинать все с нуля, и вместе с тем надеяться на многое, должны были быть готовы выразить решимость противостоять любым ограничениям закрытости и крепостничества. Одесса быстро развивалась, становилась привлекательной, будоражила воображение не только народа Российской империи, но и европейцев, в частности французов. Не случайно два классика французской литературы Оноре де Бальзак и Жюль Верн упоминают наш город в своих произведениях. В романе «Отец Горио» Бальзак вкладывает в уста своего героя следующие слова: «Je vais me remettre au commerce, j’irai à Odessa pour y acheter du grain. Les blés valent trois fois moins, que chez nous»^{*}. Спустя столетия после выхода в свет романа Бальзака, Жюль Верн отправит главного героя своего произведения «Упрямец Керабан» в путешествие по Черному морю. Среди других городов, Керабан посетил и Одессу: «Cette ville – une oasis de l’immense steppe qui l’entoure, – forme un magnifique panorama de palais, d’églises, de maisons et d’hôtels, batis sur falais escarpée et dont la base plonge à pic dans la mer. de l’habitation de banquier Sélim, on pouvait meme apercevoir la grande place, ornée d’arbres, et l’escalier monumental que domine la statue du dec Richelieu...»^{**}.

^{*} «Я опять займусь торговлей. Поеду в Одессу за зерном. Там пшеница в три раза дешевле, чем у нас».

^{**} «Этот город – оазис посреди окружающей его обширной степи – являет собой великолепную панораму дворцов, церквей, гостиниц, домов, построенных на крутом прибрежном утесе, основанием вертикально уходящим в море. Из жилища банкира Селима можно было даже разглядеть большую площадь, обсаженную деревьями, и монументальную лестницу, над которой возвышается памятник герцогу де Ришелье».

Идея создания выставки «Пути Одессы» возникает неслучайно, поскольку в последнее время все больший интерес вызывают региональные культуры, специфика и закономерности развития, которые через пространственно-временной континуум и призвана показать выставка. Она должна была экспонироваться в Марселе, в MUSEM (Musée des Civilisations de l'Europe et de la Méditerranée – Музее цивилизаций Европы и Средиземноморья) с октября 2014 по февраль 2015 года, но была перенесена на 2017 год. Отбор и подготовка экспонатов в музеях Одессы проводились совместно с французскими коллегами в несколько этапов. Ниже представлен перечень экспонатов Одесского литературного музея, утвержденных для создания экспозиции «Пути Одессы»:

Фото. Александр Куприн среди южнорусских художников на даче у одесского писателя А. Федорова.

Рукопись. И. Бунин, стихотворение «Полюс»

Рукопись. Открытка-письмо И. Бунина к П. Нилусу в Одессу. Италия, 4 марта 1912 г.

Рукопись. Открытка-письмо И. Бунина к П. Нилусу в Одессу. Италия, 3 апреля 1912 г.

Фото. В. Инбер в окружении друзей дома. Одесса, 1910-е гг.

Журнал «Фигаро». Одесса, октябрь 1918 г.

Журнал. Иллюстрированный ежемесячник «30 дней». М., 1928.

Документ. Личная книжка Ильи Файнзильберга.

Фото, сделанное И. Ильфом. Конец 1920-х гг.

Фото. И. Ильф. М., 1930.

Фото. И. Ильф. Париж, 1934–1935 гг.

Фото. Исаак Бабель, учащийся коммерческого училища им. Императора Николая I. 1910 г.

Рукопись. Письмо Исаака Бабеля к Михаилу Кольцову. Одесса, 1923 г.

Фото, сделанное Татьяной Тесс. Исаак Бабель. М., 1930-е гг.

Журнал. «Красная новь». М., 1916. № 6 (рассказ Исаака Бабеля «Беня Крик»).

Как видно из перечня, большая часть материалов – рукописи и фотографии. Два письма Ивана Бунина к Петру Нилусу, отправленные из Франции и Италии, становятся своего рода нитями, связующими Одессу и европейские города. Это в некотором смысле и есть те самые пути, которые ведут из Одессы: эмиграция Ивана Бунина – и обратно в

Одессу – письма. Рассказ Бабеля, опубликованный в журнале «Красная новь», выбран, поскольку даже далеко за пределами города существует миф Молдованки, а Исаак Бабель является одним из создателей мифа о криминальной Одессе. Илья Ильф и Евгений Петров – создатели романа «12 стульев», дважды побывавшие во Франции. Вера Инбер в Париже, где жила вместе с мужем Натаном в 1910–1914 гг., издала свой первый сборник стихов.

Движение времени изменяет облик города и его характер, фиксируя тенденции сегодняшнего дня. Но остается память и непременно ностальгия по ушедшим временам – так, наверное, устроено человеческое сознание: *«Память Одессы подобна большому разбитому зеркалу, в котором ностальгирующий турист собирает кусочки солнца»*, – так поэтично высказался Борис Черный. Одесса, безусловно, не такая, какой была во времена основателей – Хосе Дерибаса и Армана Ришеля, но должно ли это давать нам повод для грусти? Ведь душа города остается поэтичной и чувствительной и по-прежнему, как говорил Илья Ильф, «любознательному туристу Одесса дает вкусную пищу для наблюдений».

Литература

1. Галяс А. В. Французы в Одессе.– К.: Наше время, 2012. – 247 с.
2. Верн Ж. Упрямец Керабан. Север против юга. – СПб.: LOGOS, 2001.
3. Бальзак О. Отец Горио. – М.: ЭКСМО, 2010.
4. Кундера М. Бессмертие. – Санкт-Петербург: Азбука-Классика, 2007. – С. 221.
5. Александров Р. Флакон «Коти» в старинном ридикюле // Мигдаль-Таймс. – 2006. – № 67.
6. Лущик С. З. Одесские «Салоны Издебского» и их создатель. – Одесса, 2005.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Божко Анна Игоревна – ведущий специалист ОЛМ, автор публикаций о литературной жизни Одессы и одесской журналистике конца XIX – начала XX века. Сотрудник музея с 1995 г.

Герасимова Светлана Николаевна – главный научный сотрудник Государственного архива Одесской области. Автор статей об истории благотворительности и общественных объединениях Одессы сер. XIX в.– нач. XX в., автор-составитель трех справочных изданий в серии «Праці Державного архіву Одеської області».

Голубовский Евгений Михайлович (р. 1936) – журналист, краевед, библиофил. Печатается с 1960 г. Автор книг и статей по литературной и художественной жизни Одессы XX в. Составитель библиофильской серии книг одесских поэтов нач. XX в.

Закипная Галина Владимировна – ведущий специалист ОЛМ, создатель экспозиции музея, автор книг и статей о литературной жизни Одессы первой половины XIX в. и украинской литературы XIX в. Сотрудник музея с 1978 г.

Ергеева Екатерина Игоревна – старший научный сотрудник ОЛМ, автор статей по философии и теории культуры, истории Одессы сер. XIX в. Сотрудник музея с 2009 г.

Кашуба-Вольвач Елена Дмитриевна (Киев) – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Института проблем современного искусства Национальной академии искусств Украины. Автор монографий и статей по истории художественной жизни и авангардного искусства в Украине начала XX века.

Киянская Оксана Ивановна (Москва) – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета. Автор монографий и статей по политической истории, истории литературы и журналистики XVIII–XX вв.

Липтуга Татьяна Ивановна – директор ОЛМ, создатель экспозиции музея, автор книг и статей о литературной жизни Одессы 1920–1970-х гг. Сотрудник музея с 1978 г.

Панасенко Наталья Николаевна – краевед, автор книг и статей о литературной жизни Одессы конца XIX – первой половины XX в. Член научной секции книги Одесского дома ученых.

Семькина Галина Георгиевна – заведующая научно-экспозиционным отделом ОЛМ, создатель экспозиции музея, автор книг и статей о литературной жизни Одессы первой половины XIX в. Сотрудник музея с 1978 г.

Тименчик Роман Давидович (р. 1945) (Иерусалим) – профессор Еврейского Иерусалимского университета. Автор книг и статей по истории акмеизма и поэзии Серебряного века, историк культуры начала XX века.

Фельдман Давид Маркович (р. 1954) (Москва) – доктор исторических наук, профессор РГГУ. Автор монографий и статей по истории литературы и журналистики, политической терминологии XX в., творчеству И. Ильфа и Е. Петрова.

Яворская Алена Леонидовна – заместитель директора ОЛМ по научной работе, автор книг и статей об одесской литературной школе 1920-х гг. и украинской литературе 1920-х гг. Сотрудник музея с 1984 г.

ИЗДАНИЯ ОДЕССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ и при участии музея

Одесский государственный литературный музей: Путеводитель. – Одесса: Маяк, 1986. – 144 с.: ил. – Тираж 50000 экз.

Атлас Доротея. Старая Одесса, ее друзья и недруги / Сост. Л.В. Майборода, Г.В. Закипная; коммент. Г.Г. Семьикиной. – М.: Ласми, 1992. – 208 с.: ил. – Тираж 30 000 экз.

Книжкові обкладинки художника Михайла Жука: Кат. вист. / Упоряд. О. Лагутенко, С. Лущик. – Одесса: ОДЛМ, 1995. – 56 с.: ил. – Тираж 100 прим.

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 1. – Одесса: Афина, 1997. – 240 с.: ил. – Тираж не указан.

Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину / Сост. А. Яворская, Л. Алескерова. – Одесса: ОКФА, 1998. – 160 с.: ил. – Тираж 1000.

Крандиевская-Толстая Наталия. Свет уединенный / Сост. Е. Голубовский, А. Яворская. – Одесса: Друк, 1999. – 96 с.: ил. – Тираж 100 экз. – *Совм. с Всемирным клубом одесситов.*

Одесса – Константину Паустовскому: Библиогр. указатель. – Вып. 1 (1993-1999 гг.) / Сост. С.К. Кузнецова. – Одесса, 1999. – 45 с. – Тираж не указан.

Одесса – А. Пушкину: 200-летию А.С. Пушкина посвящается: Сб. ст. / Сост. Р.И. Бродавко. – Одесса: Принт Мастер, 1999. – 160 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Инбер Вера. Цветы на асфальте / Сост. Е. Голубовский, А. Яворская. – Одесса: Друк, 2000. – 92 с.: ил. – Тираж 150 экз. – *Совм. с Всемирным клубом одесситов.*

Фиолетов Анатолий. О лошадях простого звания / Сост. Е. Голубовский. – Одесса: Друк, 2000. – 96 с.: ил. – Тираж 100 экз. – *Совм. с Всемирным клубом одесситов.*

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 2. – Одесса: Друк, 2001. – 336 с.: ил. – Тираж 700 экз.

Где обрывается Россия... / Сост. А. Таубеншлак, А. Яворская. – Одесса: Optimum, 2002. – 492 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – *Совм. с обществом «Мемориал».*

Рассказы о музее: Сб. очерков. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2002. – 200 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Ильф Илья. Путешествие в Одессу / Сост. А.И. Ильф; коммент. А.И. Ильф, А.Л. Яворской, Р. Александрова. – Одесса: Optimum, 2002. – 206 с.: ил. – Тираж 300 экз.

Путешествие в Одессу: Ильф А.И. Илья Ильф в Одессе. 1897-1922; Ильф Илья. Рассказы и фельетоны / Сост. А.И. Ильф. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2004. – 368 с.: ил. – Тираж 2000 экз. – *Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».*

Бабаджан Вениамин. Из творческого наследия: В 2 т. / Сост. С.З. Лущик, А.Л. Яворская. – Одесса: Optimum, 2004. – 584 с.: ил. – Тираж 300 экз.

Фоогд-Стоянова Т. Вспомяна Владимира Алексеевича Пяста / Пяст В. Девятнадцать писем / Сост. А. Полторацкая, Е. Мальцева. – Одесса: Друк, 2004. – 120 с.: ил. – Тираж 300 экз.

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 3. – Одесса: ЗАО «ПЛАСКЕ», 2004. – Ч. 1. – 264 с.: ил.; Ч. 2. – 368 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Каракина Е., Самойлова Т., Ищенко А. Прогулка по Одессе: Путеводитель. – Киев: Балтия-Друк, 2004. – 144 с.: ил.

Славетный друкар Одеси: Каталог українських видань одеського видавця Є.І. Фесенка / Уклад. Г. Закіпна, Т. Максим'юк. – Одеса: КП «Одеська міська друкарня», 2005. – 48 с.: ил. – Тираж 500 прим.

Паустовский К. Поручик Лермонтов: Пьеса: К 190-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. – Одесса: Полис, 2004. – 72 с. – Тираж 100 экз.

Каракина Е., Мисюк А., Розенбойм А. Путеводитель по еврейской Одессе. – Одесса: Мигдаль, 2006. – 88 с.: ил. – Тираж 300 экз.

Каракина Е. По следам Юго-Запада. – Новосибирск: Свиный и сыновья, 2006. – 236 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Одесская старина: Очерки одесских краеведов XIX века / Сост. Т. Щурова, А. Яворская. – Одесса: Optimum, 2006. – 232 с.: ил. – Тираж 500 экз.

Вигель Ф. Записки / Сост. А. Полторацкая. – Одесса: Optimum, 2006. – 176 с.: ил. – Тираж 500 экз.

«Свою Україну любіть»: Каталог Шевченкініани / Упоряд.: Г. Закіпна, Л. Майборода. – К.: Мистецтво, 2004. – 52 с.: ил. – Тираж 300 экз.

Яворская А. Забытые и знаменитые. – Одесса: Optimum, 2006. – 236 с.: ил. – Тираж 300 экз.

Музейщики смеются: К тридцатилетию Одесского литературного музея / Сост. Л. Алескерова, Т. Липтуга. – Одесса: Зодиак, 2007. – 224 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Кирсанов до Кирсанова / Сост. А. Яворская, Е. Голубовский. – Одесса: Зодиак, 2007. – 176 с.: ил. – Тираж 100 экз. – Совм. с Всемирным клубом одесситов.

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 4. – Одесса: Моряк, 2007. – 416 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Яворская А. Осколки. – Одесса: Optimum, 2008. – 182 с.: ил. – Тираж 300 экз.

Фазини: 1893-1944 / Сост. А. Ильф; Авт. ст.: А. Ильф, И. Кричевский, А. Яворская. – Москва: РепроЦЕНТР М, 2008. – 280 с.: ил. – Тираж 350 экз.

Семейный альбом одесского издателя Е.И. Фесенко / Сост. Г.В. Закипная, Л.В. Майборода. – Одесса: Городская типография, 2008. – 316 с.: ил. – Тираж 500 экз.

Каракина Е. Гуляем по Одессе. – Одесса: Optimum, 2009. – 318 с.: ил. – Тираж 200 экз.

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 5. – Одесса: ЗАО «ПЛАСКЕ», 2009. – 416 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Южная столица: Одесса первой половины XIX века в литературных и краеведческих источниках, мемуарах, дневниках, письмах / Авт. проекта В.Ю. Крук; сост. и авт. комм.: А.И. Божко, Г.В. Закипная, Л.А. Мельниченко, Г.Г. Семькина. – Одесса; М.: Локид Премииум; Локид Пресс, 2009. – 598 стр.: илл. – Тираж не указан.

Гехт С. Избранное: Стихотворения, проза, воспоминания / Сост. А.Л. Яворская – Одесса: Optimum, 2010. – 432 с.: ил. – Тираж 200 экз.

Мисюк А. Куда бы вас послал классик. – Одесса: Мигдаль, 2010. – 295 с. – Тираж 600 экз.

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 6. – Одесса: Симекс-Принт, 2011. – Ч. 1. – 424 с.: ил.; Ч. 2. – 392 с.: ил. – Тираж 500 экз.

Шишова З. Сильнее любви и смерти: Стихи, воспоминания, письма / Сост. Д. Лосев, вступ. статья, коммент.: А.Л. Яворская. – Феодосия; М.: Издательский дом «Коктебель», 2011. – 304 с.: ил. – Тираж 800 экз.

Возвращение авангарда: Материалы международной научной конференции (1–4 июня 2004, Одесса) / Сост. А.Е. Парнис, А.Л. Яворская – Одесса: Изд. центр Delux, – 2012. – 416 с.: ил. – Тираж 300 экз. – *Совм. с фондом Харджиева-Чаги, Амстердам.*

Рассказы о музее. – Часть II: Сб. очерков: К 35-летию Одесского литературного музея – Одесса: ЗАО «ПЛАСКЕ», 2012. – 288 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Паустовский К. Время больших ожиданий: Рассказы, дневники, письма. Серия «Одесская библиотека» / Сост., вступ. статья: А.Л. Яворская – Одесса: ЗАО «ПЛАСКЕ», 2012. – 486с.: ил. – Тираж 1000 экз. – *Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».*

Под звездой Паустовского: Международная научно- практическая конференция, посвященная 70-й годовщине публикации повести К.Г. Паустовского «Черное море» (6-11 ноября 2006, Одесса). Первая международная конференция студентов «Паустовские чтения 2007», посвященная 115 годовщине со дня рождения К.Г. Паустовского (5-7 октября 2007, Одесса). – Одесса, 2012. – 192 с. – Тираж – 500 экз.

Кузнецова С. Константин Паустовский: Преображённые отражения. К 120-летию со дня рождения К.Г. Паустовского. – Одесса: Печатный дом, 2012. – 328 с. – Тираж 100 экз.

Одесса – Константину Паустовскому: Библиогр. указатель – Вып. 2 (1999-2012 гг.) / Сост. С.К. Кузнецова. – Одесса, 2012. – 128 с. – Тираж не указан.

Дорошевич В. Одесса, одесситы и одеситки: Фельетоны. Воспоминания о В.М. Дорошевиче. Серия «Одесская библиотека» / Сост. Е.М. Голубовский, Г.В. Закипная, вступ. статья: Г.В. Закипная. – Одесса: ЗАО «ПЛАСКЕ», 2013. – 352 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – *Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».*

Кесельман С. Стеклоянные сны: Стихи / Сост., авт. ст., комм.: С. З. Лущик, О.М. Барковская, Е.М. Голубовский, А.Л. Яворская. – Одесса: ВМВ, 2013. – 236 с., илл. – Тираж 150 нумер. экз. *Совм. с Всемирным клубом одесситов.*

Каракина Е. Гуляем по Одессе: Путеводитель. Издание 2-е, испр. и дополн. – Одесса: Optimum, 2014. – 268 с.: ил. – Тираж 200 экз.

Паустовський К. Тарас Шевченко: Біоґр. повість / Перекл. з рос. В.Г. Піддубняка, літ. ред. С.К. Кузнецова. – Одеса: ТЕС, 2014. – 96 с.: іл. – Тираж 350 прим.

Паустовський К. Тарас Шевченко: Біоґр. повість. Вид. 2-е / Перекл. з рос. В.Г. Піддубняка, літ. ред. С.К. Кузнецова. – Одеса: ВМВ, 2014. – 96 с.: іл. Тираж 1000 прим.

Липа І. Юрасів сад: Із авторської серії «Казки про волю»: Присв. 25 річниці Незалежності України, 110-літньому ювілею одеської Просвіти / Ред.: Г. Закіпна, В. Закіпний, Г. Фоменко. – Тирасполь, 2015. – 16 стор.: іл.

Липа І. Юрасів сад: [36. казок]: Присв. 25 річниці Незалежності України / Ред. кол.: Г. Закіпна та інш. – Одеса, 2015. – 16 стор.: іл.

Каталоги и буклеты

Сандро Фазини – к 110-летию со дня рождения: Кат. вист. / Одес. лит. музей, Гос. архив Одес. обл. / Сост. А. Яворская. – Одесса, 2003. – 8 с.: ил. – Тираж 50 экз.

Василь Ковальчук (1945-2005). Живопис, графіка: Кат. вист. / До 30-річчя Одес. літ. музею / Упоряд.: Н. Кореновська, Л. Хивренко. – Одесса; Київ: Софія-А, 2007. – 56 с.: ілюстр. – Тираж 500 прим.

Художник и муза: живопись, графика, скульптура: Кат. вист. 6-25 марта [2008] / Сост. Н. Кореновская, Л. Хивренко. – Одесса, 2008. – 30 с.: илл. Тираж не указан.

Портрет семьи в интерьере: Долгая жизнь вещей в семье Ильфов: [Буклет выставки / Одес. лит. музей] / Сост. А.И. Ильф. Текст: А. Ильф, Е. Каракина. – [Одесса, 2010]. – 20 с.: ил. – [Тираж 100 экз.]

Эсфирь Серпионова: Арт-проект Слово: [Буклет выставки] / Одес. лит. музей, мемор. музей А.С. Пушкина] / Текст В. Мон. – Одесса, 2010. – 22 с.: ил. – Тираж не указан.

Всеволодность краси (до 130-річчя з дня народження художника і письменника М.І. Жука): Кат. вист. 3 грудня 2013-15 січня 2014. / Одеськ. літ. муз. / Упор. О. Яворська, К. Ергієва. – Одеса, 2013. – 24 с.: іл. – [100 прим.]

Одесский государственный литературный музей: [Буклет]. – Одесса: Облполиграф, 1986. – 10 с.: ил.

Музей К.Г. Паустовского: [Буклет]. – Одесса: Printфотосинтетика, 2000. – 6 с.: ил. На русск., англ.

Меморіальний музей С.І. Олійника: [Буклет] / [Упор. В. Ларькова]. – 6 стор.: ілл.

Музею Степана Олійника 20 років: [Буклет] / [Упор. В. Ларькова]. – Балта: ТОВ «Балтська друкарня» [2008]. – 6 стор.: ілл.

Одесский литературный музей: [Буклет]. – [2011]. – 8 с.: илл. На русск., англ.

Одесский литературный музей: Сад скульптур. [2012]. – 6 с., 14 открыток.

Тут Пушкин жил... : [Буклет мемор. музея А.С. Пушкина]. – [2014]. – 16 с.: ил. На русск., англ.

Календари

«Приятно ли жить в Одессе»: Календарь на 2003-2004 год / Сост. Н. Рымарь. – Одесса, 2003. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Литературная Одесса: Календарь на 2004-2005 год / Сост. Г. Закипная, Н. Рымарь. – Одесса, 2004. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Сад скульптур: Календарь на 2005-2006 год / Сост. О. Губарь, Т. Липтуга. – Одесса, 2005. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Города-побратимы: Календарь на 2006-2007 год / Сост. Л. Мельниченко. – Одесса, 2006. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Ланжероновская: История одной улицы: Календарь на 2007-2008 год / Сост. Л. Майборода. – Одесса, 2007. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Ланжероновская: История одной улицы: [Буклет] / Сост. Л. Майборода. – Одесса, 2007. – 16 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Улица Гоголя. История одной улицы: Календарь на 2008-2009 год / Сост. Л. Хивренко. – Одесса, 2008. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Улица Гоголя: История одной улицы: [Буклет] / Сост. Л. Хивренко, Н. Кореновская. – Одесса, 2008. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Херсонская: История одной улицы: Календарь на 2009-2010 год / Сост. А. Яворская. – Одесса, 2009. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

История улицы Херсонской: Приложение к Одесскому календарю 2009-2010 [Буклет] / Сост. А. Яворская. – Одесса, 2009. – 36 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Маразлиевская: История одной улицы: Календарь на 2010-2011 год / Сост. Т. Заярная. – Одесса, 2010. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

История улицы Маразлиевской: Приложение к Одесскому календарю 2010-2011: [Буклет] / Сост. Т. Заярная. – Одесса, 2010. – 64 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Календарь на 2012. Бабель: «Как это делалось в Одессе». – Совм. с GST.

Ришельевская: История одной улицы: Календарь на 2011-2012 год / Сост. Т. Рыбникова. – Одесса, 2011. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

История улицы Ришельевской: Приложение к Одесскому календарю 2011-2012: [Буклет] / Сост. Т. Рыбникова. – Одесса, 2011. – 26 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Пушкинская: История одной улицы: Календарь на 2012-2013 год / Сост. А. Яворская. – Одесса, 2011. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

История улицы Пушкинской: Приложение к Одесскому календарю 2012-2013: [Буклет] / Сост. А. Яворская. – Одесса, 2011. – 44 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Новосельского: История одной улицы: Календарь на 2013-2014 год / Сост. Е. Ергеева. – Одесса, 2012. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

История улицы Новосельского: Приложение к Одесскому календарю 2013-2014: [Буклет] / Сост. Е. Ергеева. – Одесса, 2012. – 36 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Дерибасовская: История одной улицы: Календарь на 2014-2015 год / Сост. Е. Каракина. – Одесса, 2013. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

История улицы Дерибасовской: Приложение к Одесскому календарю 2014-2015: [Буклет] / Сост. Е. Каракина. – Одесса, 2013. – 52 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Преображенская: История одной улицы: Календарь на 2015-2016 год / Сост. А. Яворская, М. Кислова. – Одесса, 2015. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

История улицы Преображенской: Приложение к Одесскому календарю 2015-2016: [Буклет] / Сост. А. Яворская, М. Кислова. – Одесса, 2015. – 52 стр.: илл. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «ПЛАСКЕ».

Одеський літературний музей:

вул. Ланжеронівська, 2, Одеса, 65026, Україна;
тел.: +38 (048) 722-00-02, 722-33-70;
тел./факс: +38 (048) 731-46-85, (048) 725-01-73
e-mail: litmuseum@yandex.ru
<http://www./museum-literature.odessa.ua>

Документально-наукове видання

ДІМ КНЯЗЯ ГАГАРИНА

Збірник наукових статей і публікацій

Випуск 7

Українською та російською мовами

Відповідальний редактор

Т. І. Ліптуга

Упорядники

О. Л. Яворська, Г. Г. Семикіна

Технічний редактор

Н. С. Луцик

Підписано до друку 18.06.16. Формат 60×84/16.
Гарнітура MinionC. Папір офсетний. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 25,56. Наклад 500 прим. Зам. №

Віддруковано з готового оригінал-макета